

**Шумов С.
Андреев А.**

История Югославии

**Москва
2002**

9(114) Югосл

ББК 68.3(4-6)

Д 60 и 90

Печатается по изданиям:

- Н. Добронравов.* Общие понятия о славянах. Сербия. Черногория. Босния. Герцеговина. СПб, 1877.
Д. Войнович. История сербского народа. История Зеты и Черногории. О, 1907.
А. Л. Погодин. История Сербии. СПб, 1907.
С. Дроссард. Черногория. СПб, 1877.
Герцеговина в историческом, географическом и экономическом отношении. СПб, 1875.
Н. Д. Димов. Исторический очерк Македонии. СПб, 1913.
Н. Р. Овсяный. Македония. СПб, 1900.
А. Н. Харузин. Австрийская Крайна. СПб, 1902.
Об истории каринтийских словенов. Белград, 1946.
А. Л. Погодин. Краткий очерк истории славян. Хорватия. М, 1915.
Л. В. Березин. Хорватия. СПб, 1879.

Составители Сергей Шумов и Александр Андреев

- Н. Добронравов.* Общие понятия о славянах. Сербия. Черногория. Босния. Герцеговина. *Д. Войнович.* История сербского народа. История Зеты и Черногории. *А. Л. Погодин.* История Сербии. *С. Дроссард.* Черногория. Герцеговина в историческом, географическом и экономическом отношении. *Н. Д. Димов.* Исторический очерк Македонии. *Н. Р. Овсяный.* Македония. *А. Н. Харузин.* Австрийская Крайна. Об истории каринтийских словенов. *А. Л. Погодин.* Краткий очерк истории славян. Хорватия. *Л. В. Березин.* Дворянство в Хорватии. *С. А. Шумов, А. Р. Андреев.* Краткая история Сербии и Черногории. Босния, Герцеговина, Македония, Словения и Хорватия. М, Монолит-Евролинец-Традиция, 2002, 492 стр., илл.

ISBN 5-93662-016-6

Издание содержит работы российских историков начала XX века по истории Сербии и Черногории — Н. Добронравова, Д. Войновича, А. Л. Погодина и С. Дроссарда, издававшиеся только один раз — в конце XIX — начале XX века. В книгу включена и «Краткая история Сербии и Черногории», написанная С. Шумовым и А. Андреевым по современным материалам и доводящая историю балканских стран до конца XX века.

В издание вошли и работы разных историков конца XVIII — начала XIX веков о Боснии, Герцеговине, Македонии, Словении и Хорватии, написанные на основе исторических знаний того периода. Некоторые моменты истории Балканского полуострова, данные в их трудах, уже устарели, — за много лет, прошедших с момента публикации, историческая наука продвинулась значительно вперед, — но весьма интересные наблюдения авторов делают издание актуальным для интересующихся историей Балкан и в наше время. Работы печатаются с небольшими сокращениями.

ISBN 5-93662-017-4

© С. Шумов, А. Андреев, 2002

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О СЛАВЯНАХ

Славяне принадлежат к индоевропейскому племени. Они носили разные названия. Древние писатели неславянского происхождения называли их то виндами, винидами, венедами, вентами, венетами, венатами, энетами, например гот Иорнанд, епископ равенский (VI в.), то антами (что значит: герои, великаны), напр. Прокопий († 553 г.), то сербами или спорами. — Но сами славяне называли себя то славянами или славенами, то славянами, или словенами. Кроме этого общего имени славяне носили и частные названия, напр. русы, болгары, белосербы, белохорваты, висляне, дечане, кашубы, крайнцы, лужичане, мазовшане, милочане, мороване, неречане, поляне, поляки, сербы, хорваты, чехи и пр.

Первоначальная историческая судьба славян не составляет задачи нашего труда. Для нас довольно здесь заметить только, что славяне не были какими-нибудь выходцами, как например гунны, авары, козары и другие, но стародавние обитатели Европы, имевшие главное местопребывание свое около Карпатских гор, в древней Хорватии, и по среднему течению Дуная, и отсюда уже начали распространяться на восток до Балтийского моря, на запад — до Эльбы и на юг — по всему Балканскому полуострову, что до VI в. они жили большей частью мирно, занимаясь преимущественно земледелием, и потому очень редко являлись в истории, но с VI в. после разрушения царства гуннов и по падении западной Римской империи имя славян стало громко раздаваться и на Дунае, и в Дакии, и Мизии, и Панонии, и Далмации, и Каринтии, и между Одрой и Лабой и пр. — Сила их была могучая: в VI—VIII веках Греция должна была отдать славянам почти все свои европейские области от Дуная до оконечностей Мореи, удержав за собою только окрестности Константинополя, да острова ионические и архипелага и побережья Малой Азии, хотя по временам снова отнимала от славян их завоевания. Но в свою очередь и сами славяне очень рано начали испытывать тяжелое влияние немцев. Немцы в VIII—XII веках отнимали у славян область за областью. Известно, что все те места, где теперь существуют города Берлин, Лейпциг (Липецк), Дрезден (Драждяны), Вена (Виден), Градц и пр., занимали сплошным населением туземные славяне, все обширное пространство, занимаемое теперь Прусской и Австрийской

империями, принадлежало также славянам; все течение Дуная от Линца до Осеки, где теперь живут немцы и мадьяры, также составляло владение славян, так что теперь, за исключением России, независимо-го княжества Черногории, также Сербии с Боснией и Герцеговиной и Болгарии, находящихся под властью Турции, нет ни одного славянско-го края, где бы не было оседлых немцев.

Как жили в древности славяне? — Они жили сперва небольшими общинами, разделяясь на мелкие поколения, и не были соединены в одно целое ни властью одного верховного правителя, ни другой какой-либо политической связью; но с VII, а еще более с IX века они стали соединяться под одну власть, и из них мало-помалу стали образовываться большие или малые государства.

Какой вели они образ жизни? — Древние славяне жили в избах, сплетенных из хвороста, которые были разбросаны на большом расстоянии одна от другой и строились только для того, чтоб можно было там укрыться от дождя или от непогоды. Были у них и города, — т. е. места, кругом огражденные стеной и укрепленные, но они не были местом постоянного жительства славян, а служили только убежищем в случае неприятельских нападений. Занимались они торговлей и промышленностью, например выделыванием кож и мехов, плотничеством, кузнечеством, плавильным и литейным искусством, скотоводством, пчеловодством, охотой на пушных зверей; но самым любимым занятием их было земледелие. — Пищей для них служили полевые плоды и огородные овощи, и особенно пшено и гречиха; а любимым питьем — пиво и мед. Одежда и обувь у них были очень не изысканны: короткое нижнее платье, рубаха и плащ, — низкая, но с высокой верхушкой, шапка, вот была их одежда, а обувью служил кусок звериной кожи или лыка, покрывавший стопу и прикрепленный ремешком к ноге. — Внешний вид славянина был таков: он был росл, рус или рыжеват, и вообще красив. Он подстригал не только бороду и усы, но и волосы на голове до затылка, и отпускал их только во время траура или вообще во дни скорби. Много у славян было добрых нравственных качеств, о которых свидетельствуют не только многие древние писатели, но и самые имена, которые они носили со дня рождения, напр. Будигость, Доброгость, Будимир, Драгомир, Радомир, Добровлад, Любомысл, Милодух, Моймир, Владимир, Сокол и пр. — Особенно они отличались мирным и кротким характером, почтительностью к старшим, честностью, добродушием и гостеприимством. Так как прежде они занимались преимущественно земледелием, то это мирное занятие, без сомнения, имело сильное влияние на развитие мирного в них духа, и потому сперва славяне без особенно крайней нужды никогда и не брались за оружие. Но если нужда заставляла их братья за ору-

жие, — они показывали не только геройство и отвагу, но нередко жестокость и хитрость. Так во время войны они без пощады били врагов, запирали их в хлев с быками и овцами, сажали на кол, вытягивали жилы, наматывая их на кол, имущество же их то расхищали, то сжигали. Впрочем так поступали они только с врагами чужой народности и веры. В случаях же неудачи, они то бросались в бегство, то скрывались в реках, где могли долго оставаться, потому что они, лежа на дне, держали в руках длинный, внутри выдолбленный, камыш, один конец которого был во рту, а другой поверх воды, и таким образом могли свободно дышать и оставаться в воде до минования опасности. В семейном быту замечательна была супружеская любовь и верность жен. Дети вообще были почтительны к родителям и всегда обращались за решением и советом к отцу в случае споров. Жена занималась хозяйством и воспитанием детей, и, по смерти мужа, за малолетством детей, правила домом; если же дети были взрослые, она из среды их выбирала более способного, который бы мог распоряжаться домашним хозяйством. Об общих делах рассуждали на сходках, суд производили жупаны. Дав честное слово, славянин был верен ему, и среди своих собратьев лучшим считал того, кто был милостивее к бедным. Гостеприимство и радушие простиралось у них до того, что в избах некоторых лиц стол всегда был накрыт для угощения гостей и странников. Светлые черты ума и характера славянского были причиной того, что многие из славян были на высших ступенях византийской администрации.

Какую веру исповедовали древние славяне? — Древнейшая религия состояла в боготворении неба и сил природы. Верховный бог природы, бог грома и молнии, был Перун, бог неба — Сварог и пр., у русских же славян, кроме Перуна, Хорс или Дажь-бог, бог солнца, Стрибог — бог ветров, Волос — бог стад и пр. Горы, скалы, камни, леса, рощи считались обиталищами богов, оттого-то здесь преимущественно славяне и любили молиться; они любили молиться также на берегах озер, рек, потоков, под овином, пред кострами. Молились они стоя или падали ниц и били челом о землю, молитвы то читали, то пели. С молитвой соединяли жертвоприношения: в жертву приносили быков, овец, коз, кур, иногда лошадей и собак. Эти жертвы или сжигались, когда приносились, как дар от людей богам, или закалались, когда приносились в праздники, посвященные богам, либо в умиловительную жертву в случае каких бедствий. — Веря в бессмертие души и будущую жизнь, они совершали поминовение усопших, которых жилище представляли или в раю, — это очаровательный, неземной сад, или в аду, — это — пекло под землею — жилище злых духов огня и тьмы. Но с давних пор к языческим славянам проникало и христианство, и прежде всего из

Византии, с которой они имели постоянные сношения. Между ними были христиане не только в IV, но и в III веке: в это время были уже христианские храмы в Дакии, Скифии, Сарматии, Фракии и других местах, где среди разных народов жили и славяне. Между ними некоторые были даже причислены к лику святых, напр. во II веке мученики Енен, Нирин и Пень, в III веке Ириней, епископ сремский, Евсевий, епископ кивальский (в Панонии), чтец Пуллий, Евангел, епископ томский, Епиктет пресвитер и Астион, в IV веке Димитрий дабудский, Ермил и Стратоник белоградские и пр.

Таков в общих чертах был быт древних славян. В настоящее время из славян только русские и частью поляки живут в России, прочие же, за исключением черногорцев, сохраняющих независимость, живут под чуждой властью или в европейской Турции или в Германии. В европейской Турции живут сербы с их отраслями — черногорцами, босняками и герцеговинцами, болгары и румыны; в Германии, и преимущественно в Австрийской империи живут славяне разных наименований, напр. чехи, моравы и пр. — Наша речь будет о славянах, населяющих европейскую Турцию, а потом о славянах, живущих в Австрийской империи.

СЕРБИЯ

Общие понятия о сербах

Первоначально сербы вместе с хорватами жили за Карпатскими горами, занимая пространство между Дунаем, с одной стороны, и Архипелагом, с другой, также по низовьям Дрины, Босны и обеих Морав. Ныне они живут частью в европейской Турции, именно в княжестве сербском, Черногории, Боснии и Герцеговине, а частью в Австрийской империи. Сербы по правой стороне Савы и Дуная принадлежат Турции, а на левой стороне Савы и Дуная — Австрии. Число сербов определяют различно; но вообще их считают не менее 8 миллионов. Некогда они составляли несколько независимых государств, напр. сербское, хорватское и проч., потом эти государства постепенно теряли свою независимость, так что ныне только Черногория, и отчасти сербское княжество сохранили свою независимость; все же прочие сербы живут в разных провинциях Турции и Австрии под чуждой им властью.

Сербское княжество

Сербское княжество есть вассальное княжество европейской Турции, занимающее пространство в 998 кв. миль. Границы его: к северу — реки Сава и Дунай, чем она отделяется от Австрии, к востоку —

Валахия и Болгария, к юго-западу — Босния. Оно разделено на 4 санджака (округа), — это — Семендрия, Новый Пазар, Крушевич и Пристина, и управляется наследственным князем и народным собранием (скупщиною). Князь обыкновенно живет в Карагуеваце, а центральное управление в Белграде. В княжестве считается более миллиона сербов и до 120 000 румын.

Историческая судьба сербов

История Сербии может быть разделена на три периода: 1) от появления сербов в истории в VII веке до начала династии Неманичей в XII веке, 2) от начала династии Неманичей до покорения Сербии Турцией в XIV веке, 3) от покорения Сербии Турцией до восстания сербов и образования особого княжества сербского в XIX веке.

1. Сербия с VII века до начала династии Неманичей

Сербы первоначально жили вместе с хорватами за Карпатскими горами, где занимались земледелием и иногда делали нападения на Иллирик и Далмацию. В VII веке они переселились отсюда на Балканский полуостров. Случай к тому был следующий. Когда Далмацией, принадлежавшей Византийской империи, овладели (около 630 г.) авары, — греческий император Ираклий (610 — 641 г.) предложил сербам выгнать аваров, и за то обещал, в случае успеха, уступить им эту землю. По словам Константина Порфирородного († 959 г.) сербы в эту пору разделялись на 5 племен: 1) собственно сербов, 2) захлумцев, 3) травуний и коновлян, 4) поганов или неречан и 5) дуклян или диоклейцев. После долгой и упорной битвы сербы успели прогнать аваров и заняли местность, принадлежавшую Византийской империи: северо-восточная ветвь сербов заняла нынешнее княжество сербское, также Босну и Расу, а юго-западная — нынешнюю Герцеговину, Черногорию, Адриатическое побережье от реки Цетины (в Далмации) до озера Скутарского. Впоследствии они образовали 4 сербских государства: 1) княжество (жупанство), потом королевство и царство Сербское, 2) банство, потом королевство *Боснийское*, 3) княжество Захолмское или Холмское, названное, с присоединением Пагании и Травунии, *Герцеговиной* и 4) княжество *Черногорию*, образовавшееся из Дукли или Диоклеи. Начальники мелких сельских волостей (жуп) назывались жупанами, а правители отдельных земель — главными, великими жупанами, или банами. История сербов до XII века, времени вступления на сербский престол собирателя сербской земли знаменитого Стефана Немани, есть история темная, запутанная: она представляет ряд почти непрерывных войн сербов то с греками, то с болгарями, то внутренних междоусобий и неурядиц. Сербия в ту пору была жал-

кой добычей, которую отнимали друг у друга то Византия, то Болгария, и она была в руках то первой, напр. при первых четырех жупанах и при Чеславе, то последней, напр. при болгарских царях Борисе и Симеоне. — А внутренние ее неурядицы и междоусобия до того ослабили богатые силы ее, что она не в состоянии была противостоять напору врагов. Так было с Сербией до времен Стефана Немани.

2. Сербия от начала династии Неманичей до покорения ее Турцией

Дед знаменитого в истории Сербии Стефана Немани был великий жупан Урош Бела, родом из Дуклеи. По смерти его наследовали власть великожупанскую два сына его Чедомил и Техомил, иначе Теша или Дежа, но ненадолго: Чедомил после несчастной битвы с Комниным был взят (1151 г.) в плен и казнен, и Дежа лишен престола. Тогда Комнин возвел на сербский престол младшего сына Дежа Стефана Немани. Со времени Стефана началась новая жизнь для Сербии. С этих пор начался порядок в престолонаследии: престол занимал после отца большей частью старший сын, потом второй и т. д.; боковые линии потеряли значение; потеряли значение и отдельные независимые владетели. С этих пор пределы Сербии стали более и более расширяться. С этих пор Сербия начала свое независимое государственное бытие и вошла в состав европейских держав. Главной задачей Немани было свергнуть иго греческое и водворить в Сербии, раздробленной на уделы, единодержавие. И он сумел вполне решить эту задачу: в 36-летнее царствование свое (1159—1195 г.) он не только сверг иго греческое, но и значительно расширил свое государство, возвратив от греков Дуклею или Зету, области Нишевскую и Призренскую, Липляны, Мораву, Врану, оба Пилота и пр.. Сосредоточив власть в своем роде, он соединил сербские области, покорил себе всех удельных жупанов, и таким образом утвердил в Сербии единодержавие. Решив свою задачу, он пожелал остаток дней своих посвятить на служение Богу: приняв (25 марта 1195 г.) монашество на Афоне, с именем Симеона, он скончался там, на 87 году от рождения, 13 февраля 1200 года.

По удалении Стефана в монастырь, на престол взошел (1195 г.) старший сын его *Стефан первовенчаный*. Царствование его (1195—1224 г.) ознаменовано было семейным раздором и войнами с болгарами, греками и венграми. Младший брат его Вулкан или Волкан (иначе Вук) не только сделался независимым владетелем Зеты и Хлума, но даже при помощи угорского короля Мирка успел захватить (1202 г.) власть над всей Сербией, и уже венчан был на царство, по поручению папы, колоцким епископом. К счастью Сербии, у них был третий брат, благочестивый инок Савва, впоследствии (с 1221 г.) архиепископ сербский; он поддер-

живал Стефана, и, по его просьбе, для прекращения братской вражды прибыл из Афона в Сербию (в Студеницкий монастырь) с мощами отца своего, св. Симеона, и именем его убедил Волкана оставить престол сербский и ограничиться только властью над Зетой и Хлумом. Таким образом домашнего врага у Стефана не стало: зато у него были внешние враги — это болгары, греки и мадьяры, враги сильные, так что Стефан вынужден был искать себе помощи против них в союзе с западными государствами, — и с этой целью женился на внучке венецианского дожа Дондоло, и просил у папы защиты против Венгрии. — Папа обрадовался, услышав просьбу от православного государя, и не только запретил венгерскому королю называться сербским королем, но и прислал Стефану королевский венец. Но, видно, православному государю была не по голове иноверческая корона: когда Савва возведен был в сан сербского архиепископа, — то снова венчал (1222 г.) брата своего на царство, и Стефан стал носить титул: «Венчаный краль и самодержец всие Србеске земли и поморские». — По смерти Стефана (1224 г.) опять начались споры между его сыновьями. Их было у него четверо: Стефан — Радослав, Владислав, Урош и Предислав. — Предислав постригся в монашество с именем Саввы, и впоследствии был архиепископом сербским. Из остальных старший, Радослав, вззошел на престол и венчан был Саввой в Жиче. Но бояре были им недовольны и избрали Владислава на царство. Долго братья спорили, наконец Радослав должен был бежать (1234 г.) в Драчь, потом в Дубровник и умер иноком, а Владислав венчан Саввой на царство. Между тем и младший сын Первовенчанного Стефана Урош, еще при жизни Владислава объявлен был королем: он выгнал (1252 г.) Владислава и правил царством до 1272 года; но за то и сам дорого поплатился. У него было два сына Драгутин, женатый на дочери венгерского короля Стефана V, Екатерине, и Милутин. Урош обещал передать царскую власть Драгутину, как старшему сыну, но обещания не исполнил, потому что считал Милутина способнее Драгутина. Это так раздражило Драгутина, что он, с помощью своего тестя, начал войну против отца. Урош должен был бежать от сына в Драчь и там скончался (1272 г.), а Драгутин сделался королем, но ненадолго (1272—1275 г.). Мать его, Елена, и сербский архиепископ Савва II расположили его отказаться от престола. Драгутин, уступив Милутину престол, жил до самой смерти своей в Среме, который вместе с Мачвой получил он от тестя в приданое за женой. Милутин, мудрый политик и храбрый воин, царствовал (1275—1321 г.) счастливо и возвысил Сербию в политическом и нравственном отношении, хотя сам запятнал жизнь свою тем, что по политическим расчетам он несколько раз вступал в брак, представлявший ему выгоды, и для того по разным причинам разводился с прежними женами. Но этот нравственный недо-

статок впоследствии он искупил строгой, благочестивой жизнью и делами милосердия. Милутин счастливо воевал с греками, болгарами, татарами, венгерцами и другими народами и значительно расширил пределы своего государства присоединением к нему завоеванных областей.

По смерти Милутина (1320 г.) на престол взошел сын его Стефан Урош III Дечанский, помимо старшего брата Константина Милутиновича и двоюродного брата Владислава Драгутиновича. Опять — семейная вражда. Но Владислав вскоре умер (1324 г.), а Константин был убит в сражении. Дечанский во все время своего царствования (1321—1336 г.) шел по следам отца своего, счастливыми войнами еще больше расширил пределы Сербии, и на отнятую у врагов добычу построил (1327—1335 г.) в Дечанах великолепный храм Вседержителя, от которого и получил прозвание Дечанского. Но несмотря на заслуги его для государства, против него образовалась сильная партия, во главе которой стоял сын его Душан Сильный. Дечанский, еще при жизни своей, венчал на царство и сына своего Душана и назвал его младшим королем. Когда же он женился, по смерти болгарской княжны, в другой раз на гречанке Марии, — то Душан, опасаясь, чтоб престол сербский не достался сыну ее, возбудил бояр против отца, и они — задушили (1336 г.) его.

Душан, занявший престол отца своего, назван Сильным, — и не напрасно. Этот государь, отличавшийся глубоким умом, твердой волей, благоразумным мужеством, в царствование свое (1336—1355 г.) сделал до 13 походов на Византию, — и Сербия была при нем самым сильным государством. Она, кроме собственных областей, имела под своей властью Македонию, Фессалию, Эпир, Этолию, Албанию, Боснию, Мачву, Срем и пр. Ее владения простирались с севера на юг от Дуная до Морей, а с востока на запад от Черного моря до Адриатики. Болгарский царь был ее вассалом, признавая над собой верховную власть Душана. Иоанн Контакужен, женивший сына своего Матвея на сестре Душана, только благодаря ему мог возвратить себе престол. Оттого Душан именовался «Ромейским кесарем, Христолубивым царем македонским, царем и самодержцем Сербии, Албании, Болгарии, Греции, Приморья и западных стран». Душан тоже был для Сербии, что Карл IV для Чехии, Казимир великий для Польши, Иоанн III для России. Он хотел было (1355 г.) выгнать турок из Европы и овладеть Константинополем, — потому что все румелийские города до самого Константинополя были уже в его руках, но внезапно скончался (в декабре 1355 г.) в местечке Диаволи, — и с его смертью быстро стала меркнуть слава Сербии.

К сожалению, сам же Душан отчасти и был виновником падения Сербии, потому что он разделил Сербию на несколько наместничеств, и частным правителям ее, севастократорам, цезарям, деспотам, предоста-

вил слишком много силы и власти, так что один из них, Оливер, даже чеканил монету со своим именем, как независимый владетель, — и только крепкая рука Душана Сильного могла удерживать своеволие правителей. По смерти его вззошел на сербский престол кроткий и доверчивый 19-летний сын его Урош V. — Его царствование (1355—1367 г.) представляет мрачную картину внутренних беспорядков и крамол боярских. Своеволие бояр росло при нем все больше и больше. Каждый из них хотел быть независимым, и кроткий Урош не в силах был удержать в своих руках отцовских владений: одни из них отошли к Турции или Греции, другие приобрели своих самостоятельных правителей, и Душанова Сербия, простиравшаяся от Дуная до Мореи, и от Черного моря до Адриатики, совершенно распалась и сделалась наконец добычей Турции. Из трех братьев, любимцев Душана, Гойка был великий логофет, Угleshа — правитель Браничевской области, а Волкашин с титулом деспота владел большим уделом от Македонии до Дуная. Этому-то Волкашину Душан и вверил опеку над юным Урошем и управление Сербией до его совершеннолетия. И Урош, этот последний царь из дома Неманичей, питал к нему полное доверие; но Волкашин во зло употребил царское доверие. Сперва он, как наместник, управлял Босной, а потом объявил себя независимым королем Босны. Влияние его все больше и больше росло: он завладел наконец всей Сербией и господствовал с неограниченной властью, так что Урош остался только с одним именем царя. Такое самовластие Волкашина не нравилось некоторым народным правителям: они хотели силой оружия усмирить властолюбивого узурпатора и возвратить законную власть державному Урошу. Коварный Волкашин узнал об этом замысле и успел уверить как правителей, так и мать Уроша, что он не враг, а искренно преданный друг, доброжелатель Уроша, но во время охоты убил его на Косовом поле. Это было 2 декабря 1367 года.

Со смертью Уроша пресеклась знаменитая династия Неманичей, управлявшая Сербией 212 лет. На сербский престол стали восходить большей частью искатели чести и власти и ускорили покорение Сербии Турцией.

3. Сербия со времени покорения ее Турцией до восстания сербов

По смерти Уроша Сербией управлял Волкашин, разделив бремя правления с братьями своими Гойко и Угleshой. Жестокий, хитрый, коварный, он во всех своих действиях имел в виду только личные свои интересы, а не выгоды государства, и платил дань Турции. Но желая сбросить с себя это иго, он, вместе с братьями, восстал против султана Солимана. Сражение на Косовом поле было однако ж для него несчастливо: два бра-

та его были убиты в сражении, а сам он бежал с поля сражения и на пути был убит (в сентябре 1371 г.) своим оруженосцем.

Созван был собор для выбора правителя Сербии. Тут избран был один из наместников Душана, — это Лазарь Грблянович, доселе управлявший Нишем, Новобрьдом и Приштиной, — избран же был как потому, что он был князь и достойный человек, так и потому, что женат был на Милице из рода Неманичей. И Лазарь оправдал выбор собора. При нем Сербия около 10 лет наслаждалась спокойствием, хотя платила уже ежегодную дань Турции. Лазарь успел даже возвратить Герцеговину, часть Далмации и весь Банат. Но впоследствии он отказался (1389 г.) от платежа подати, как потому, что не мог переносить турецких насилий, так и потому, что правители и народ требовали освобождения Сербии от турецкого ига. И вот между ним и султаном Мурадом произошла замечательная Косовская битва, положившая конец независимости сербской. В битве на Косовом поле пал как Лазарь, накануне битвы напутствованный св. тайнами, так и султан Мурад. По смерти Лазаря Сербией управляла супруга его Милица до совершеннолетия сына своего, Стефана Лазаревича. Когда же Стефан достиг совершеннолетия, — преемник Мурада Баязед назначил его правителем Сербии, с титулом деспота, и заключил с ним договор, по которому Сербия поставлена была в ленную зависимость от Турции и обязана была платить султану подать в 10 раз большую, нежели какую прежде платила, и помогать ему во всех его предприятиях. Договор этот скреплен был родственными узами: Стефан должен был отдать в супружество за султана младшую сестру свою Милеву. Благочестивый, благородный, прямодушный Стефан Лазаревич, снискавший любовь и доверие не только своих подданных, но и турецкого правительства, во все время управления (1389—1427 г.), в котором несколько времени участвовал и младший брат его Вук или Волк, свято сохранял заключенный с султаном договор: он исправно платил султану подать и помогал ему во всех походах, именно против болгар (1390—1392 г.), против валашского воеводы Мирчи (1394 г.), венгерского короля Сигизмунда (1396 г.) и пр. В мирное же время старался, сколько мог, водворить в своем государстве порядок и благоустройство, и оставил добрую о себе память. Скончался 19 июля 1427 г. Перед смертью своей Стефан завещал управление Сербией родственнику своему Юрию Бранковичу. Юрий Бранкович (1427—1457 г.), носивший титул «господина Срблемь и поморию и по Дунавию», был человек властолюбивый, непостоянный, ничем не довольный. При нем турки построили мечеть в Крушевце, заняли своими войсками придунайские крепости Голубац, Смедерево, Новобрдо... Видя такие действия турок в Сербии, Юрий вступил с ними в сражение. Но Мурад II в два похода опустошил Сербию и принудил (1431 г.) Юрия

выдать за него дочь его Мару (Марию), а двух его сыновей взял в плен и ослепил. Юрий пришел в отчаяние, и, высланный из своей столицы (Смедерева), скитался по приморским городам. Но потом, заключив союз с венгерским королем Владиславом и ердельским воеводой Иоанном Гунядом, он снова вступил в сражение с Мурадом. Война кончилась цегединским миром (в июле 1444 г.), по которому султан уступил Сербии взятые им города и возвратил Юрию ослепленных его сыновей. Но по смерти Мурада (1451 г.), сын его Магомет II, вскоре по взятии Константинополя (1453 г.), послал войска в Сербию. Юрий начал битву и воевал счастливо, но умер (1457 г.) от ран. Младший сын его, Лазарь, отравил мать свою и, выгнав двух старших братьев, объявил себя деспотом, но скоро умер (в январе 1458 г.). Народ объявил деспотом брата Лазарева, Стефана Юрьевича. Жалкая и горькая была участь этого Стефана: так как турки везде искали случая лишить его жизни, — то он должен был с семейством своим скрываться от них сперва в Скендери, а потом в Италии, где и скончался 1 октября 1476 г. За отсутствием Стефана Сербией управляла вдова Лазаря Юрьевича, Елена Палеолог. Она приняла в соправители воеводу Михаила Абоговича, или Богоевича, и второго из сыновей Юрия, своего деверя, Стефана Юрьевича, и решилась отдать Сербию в ленное владение папе. Но когда папский посол прибыл в Сербию объявить верховную над нею власть папы, — сербы решились лучше отдать себя Магомету II, чем папе: они пригласили турок занять сербские крепости, и таким образом в 1459 году Магомет окончательно овладел Сербией и сделал ее своей провинцией. Многие сербы бежали в Венгрию и преимущественно в Срем и Банат, а Елена, после скитальческой жизни в Далмации, удалилась в Италию, где и скончалась в монашестве 7 ноября 1477 г.

Каково же было состояние Сербии под властью Турции? На первых порах, если она не была счастлива, то и не испытывала особенно тяжелого горя. Но с XVI века тяжесть турецкого ига все больше и больше стала увеличиваться, так что Сербия отдана была на откуп. Откупщики платили султану сумму, какую он требовал, и потому брали с народа и церквей столько денег, чтобы можно было и султану уплатить и свои выгоды соблюсти. Сербы должны были обрабатывать для турок землю и платить налоги. Каждый серб-христианин от 7 лет до глубокой старости платил подушную подать. Кроме того спахии собирали с сербов десятину от всех полевых плодов, виноградников, от ульев и с каждой головы скота. Сербы на свой счет содержали местную администрацию, судей, духовенство. Этого мало; они должны были еще терпеть унижение: им не позволяли носить оружие, ездить верхом, одеваться по-турецки. Среди такой тяжелой обстановки многие должны были бежать в горы, где составля-

лись шайки удалцов (гайдуки), которые вели с турками партизанскую войну. Так как теперь уже не стало потомков сербских государей, которые прежде имели хоть тень власти, то во главе православных сербов стали патриархи. И они не раз поднимали голос на защиту родины; но Порта не хотела слушать их голоса. Мало того, на их справедливые жалобы она смотрела, как на возмущение, как на бунт. При таком жалком, беспомощном состоянии сербов надобно было ожидать не только партизанской войны, но общего восстания. И к такому восстанию побуждала сербов чрез духовенство Австрия, имевшая в виду не столько облегчение тяжелой участи сербов, сколько подчинение их своей власти, и, приглашая их к себе, начала переговоры о том с патриархами. Один из них, Арсений III Черноевич, склоняясь на убеждения и лестные обещания австрийского правительства, с 37 000 сербских семейств переселился в Австрию в 1690 году. Но, как увидим после, не много лучше было для сербов и в Австрии.

Восстание сербов и образование особого сербского княжества

Вследствие переселения сербов в Австрию, православное население Сербии значительно уменьшилось. Но вскоре затем опустевшие, за выселением сербов, города стали наполняться магометанами, и притом в таком большом количестве, что они походили на турецкие колонии. — Сюда же стали переселяться и албанцы, — это — христиане, перешедшие в магометанство. Как ренегаты, они так бесчеловечно преследовали православных, что многие сербы, оставшиеся на родине, бежали из городов в отдаленные села, или скрывались в лесах и тесных долинах, а некоторые принимали даже магометанство. А война (1788—1790 г.) между Австрией и Турцией принесла сербам новое горе: по заключении мира (1791 г.) в Свиштове турки с новой силой и жестокостью стали мстить несчастным сербам за их участие в войне. Терпение сербов наконец истощилось: после небольших стычек начались общие народные восстания, продолжавшиеся несколько лет. Начал восстание Георгий Черный, а продолжил и окончил Милош Обренович. Сначала (1804—1813 г.) сербы имели счастливый успех. Но в 1813 году они потеряли почти все, что успели приобрести. С 1815 года началось новое восстание, и Сербия сперва получила (1817 г.) свободу внутреннего управления под властью своего князя, а потом (1830 г.), по заключении адрианопольского мира, она, при содействии русского правительства, окончательно получила самоуправление. Таковы в общих чертах были последствия народных восстаний.

Первый вожь народного восстания был *Георгий Петрович Черный* (Кара Джорджи). Он родился в 1760—70 годах, в крагуевацком округе, в Шумадии (лесистой области Сербии между Дунаем и Савою), в селе Риповаца от крестьянина Петрония. Убив турка, оскорбившего честь его

жены, Георгий, из опасения за то мщения со стороны турок, бежал (1787 г.) с отцом своим на реку Саву. А когда отец его хотел воротиться домой, — он сказал ему: не потерплю, чтобы ты умер от турок; умру от моей руки, — и убил его из пистолета. Похоронив отца, он перешел через Саву и сделался гайдуком. Потом, пробыв несколько времени в должности лесничего при богатом Крушедольском монастыре, он вернулся на родину, начал торговлю свиньями и нажил себе достаточное состояние. Но слыша, что сербы гибнут от турок, оставил жену и детей и составил в Шумадии шайку храбрых людей для защиты отечества, приказав, чтоб жены и дети бежали в горы и леса, а все способные носить оружие составили его армию. Пример его не остался без подражания: в восточной Сербии поднялись Миленко Стойкович и Петр Драгович, а в западной — Яков Ненадович и Лука Лазаревич. Восстание началось (1804 г.) сперва небольшими стычками и имело то счастливейшее, то несчастный исход. В 1806 г. русское войско поспешило на помощь сербам и черногорцам, — и при его помощи Георгий завладел (1806 г.) Белградом, потом (1807 г.) Шабацим и Ужицей, а затем землями не только собственно сербскими, но и боснийскими округами — Ядром и Радомской. — В 1809 г. снова началась война, при участии России, между турками и сербами, которая окончилась тем, что по 8 ст. бухарестского договора Порта обязана была предоставить сербам внутреннее управление и определить меру податей. Но с удалением русских войск, она тотчас же потребовала, чтобы сербы сдали ей все крепости и оружие, и чтобы беженцы, выгнанные из Сербии, снова заняли ее. — Опять Георгий сделал туркам предложение, — и сербы опять восстали (1813 г.) против турок. Но восстание их было безуспешно: турки овладели Смедеревым и Белградом, Неготином и Кладовом и заняли сербские крепости. — Тогда Георгий с другими вождями восстания бежал (в октябре 1813 г.) в Австрию. Овладев Сербией, турки ознаменовали свою победу кровавой местью, единенной с позором. Пока Георгий был в Сербии, она была разделена между вождями восстания, так что представляла собой как бы собрание небольших господарств, а вожди были как бы господами, во главе которых стоял Георгий. Но несмотря на свое возвышение, он жил, как простой селянин: одевался просто, пахал, косил, набивал обручи; и его дочери жили, как поселанки. При доброте он был очень вспыльчив.

Милош Обренович родился (1780 г.) от крестьянки по имени Вукица. Она, проживая в Бруснице, родила от брака с Обреном Милашиным, потом, после вдовства, вышла замуж за крестьянина Тишо (Феодора) и переселилась с ним в ужицкий округ, в деревню Добринку. Здесь и родился от ней и Тишо будущий сербский князь Милош. Жили они в крайней бедности, так что дети их должны были черными работами

обретать себе насущный хлеб. Из них Милош занимался тем, что гонял чужих быков в Далмацию для продажи. Оба брата от одной матери, но не от одного отца, жили в такой любви и согласии между собою, что Милош не хотел называться Тешичем, а называл себя Обреновичем, и оба они честными и усердными трудами успели приобрести себе имя и богатство. Когда Георгий бежал (1813г.) в Австрию, — Милош остался в Сербии. Турки обещали ему дать власть над всей Сербией, если только он поможет им подавить волнение народное. Милош согласился, — и сделан был рудницким кнезом. Но видя, что сербы везде терпят от турок жестокие страдания, — он после небольших стычек начал (1815 г.) новое восстание, которое было так счастливо для сербов, что султан должен был дать согласие на исполнение всех требований сербов. А они требовали, чтобы Порта дозволила им самим собирать для Турции подать, предоставила им независимый суд и право избирать себе начальников, строить церкви, больницы, училища; они требовали, чтобы они не имели к туркам никакого отношения, кроме уплаты положенной подати. — Когда Георгий, вызванный в Сербию, изменнически был убит, — все окружные кнезы, также болгарский и ужицкий митрополиты Агафангел и Герасим и три сербских архимандрита признали (в ноябре 1817 года) Милоша верховным кнезом, с тем, чтоб в случае смерти его власть правительственную наследовал ближайший в его роде. Это признание утвердил и султан, но, вопреки своему обещанию, не выполнил требований сербского народа. А сербы не имели у себя столько силы, чтобы заставить султана выполнить требования. Им нужна была помощь России, и, по требованию русского императора, в Аккермане назначен был (1825 г.) съезд для разъяснения букарештского трактата, и султан, после войны русских с Турцией, издал наконец (30 сентября 1829 г.) фирман, по которому Сербии было предоставлено право избирать себе князя, управляться своими законами, содержать свое войско; только Сербия должна платить султану подать, которую сами сербы будут собирать, и считаться под его верховной властью, без всякого вмешательства в ее внутренние дела. С этих пор Милош назван князем, который должен управлять страной полновластно, по совещанию со старейшинами. Княжеское достоинство должно было, по смерти его, перейти к старшему сыну, а потом к внуку. Русские и турецкие комиссары с точностью определили (25 мая 1833 г.) границы Сербии. Так основалось и утвердилось новое сербское княжество.

К сожалению, Милош не оправдал чаяний народа. Он действовал по понятиям, сложившимся в нем вследствие прежнего турецкого управления и частого общения его с своевластными папами. — Он управлял деспотически, и произвольно и безотчетно распоряжался имуществом, жизнью и смертью своих подданных. Он захватил в свои руки всю вне-

шнюю торговлю, и деньги или отправлял за границу, или употреблял на покупку себе поместьев. — Возник ропот. Начались против него сговоры. Милош испугался и предложил скупщине, в Крагуевце (2 февраля 1835 г.), составить, по требованию князей, устав, который бы определял права личной свободы и неприкосновенности имуществ сербов, и вместе с тем ограничивал княжескую власть. Устав этот окончательно выработан и составлен был в 1838 г. Это было новое государственное уложение Сербии (состоящее из 14 глав и 122 статей), в котором все дело общественного управления, вся законодательная власть принадлежала сенату, а князю предоставлено только право высшего надзора и утверждения. Но так как Милош не выполнял этого устава, — то вынужден был (19 июня 1839 г.) подписать акт отречения от княжеской власти в пользу старшего сына и удалился в Австрию.

Старший сын Милошев *Милан* был в это время болен, и за его болезнью Сербией управляло, с согласия Порты, временное правительство, состоявшее из Вучича, Петрониевича и брата Милошева Ефрема. По смерти же Милана (1839 г.) объявлен был сербским князем младший сын Милошев *Михаил*. Кратковременное царствование его ознаменовано было внутренними раздорами и неурядицами, и Михаил от разных интриг турецкого правительства и внутренних настроений бежал (1842 г.) за австрийскую границу, в Землин. Его место, по выбору скупщины, занял (14 сентября 1842 г.) сын Георгия Черного Александр Карагеоргиевич. Неудачен был выбор скупщины: Александр во все время управления (1842 — 1858 г.) действовал под сильным влиянием жены своей Персиды, родственникам которой отдавал все важнейшие должности, и, заботясь только о своих интересах, все заботы о народных и государственных нуждах предоставил своим министрам. Он властвовал с деспотизмом и ни разу не созывал национального собрания. — Вот почему на свято-андреевской скупщине в Белграде объявлен был (8 декабря 1858 г.) составленный министром Илией Горошаниным против князя акт, обвинявший его в нарушении законных определений о законодательной и судебной власти, в нарушении обычного скупщинского права и в несоблюдении постановлений, касающихся личной безопасности, свободы и неприкосновенности имущества граждан. Тогда же составлен был и акт отречения от престола, который должен был подписать князь, в такой форме: «Как сербский народ, избрав меня своим князем в 1842 г., вверил мне власть и княжеское достоинство, так я теперь, по всеобщему желанию, передаю свято-андреевской народной скупщине всю власть и княжеское достоинство, испрашивая счастье и благословение Божие моему народу, и всех моих чиновников разрешаю от присяги, принесенной мне». Князь обещал подписать этот акт отречения, но не исполнил обещания, и потому

скупщина объявила (11 декабря 1858 г.) низвержение князя Александра, и вместе с тем избрала на княжеский престол прежнего князя Михаила Обреновича с наследственным правом в мужской его линии, а до прибытия Обреновича, жившего тогда в Букареште, поручила временное управление Сербией Илию Горошанину, Стевче Михайловичу и Иевше Угричичу. — Порта утвердила Михаила Обреновича в княжеском достоинстве. Но Обренович был убит 10 июня 1868 года в Топчидерском парке, близ Белграда, злодеями, вероятно, по наущению Александра Карагеоргиевича, проживавшего в Австрии. В Белграде немедленно образовалось временное правительство. Один из членов его, военный министр Блазнавац, объявил, что покойный князь, будучи бездетен, еще при жизни своей желал, чтобы преемником его был племянник его Михаил Обренович (который родился 10 августа 1852 года). Скупщина, собранная временным правительством, большинством голосов избрала и объявила 2 июля племянника покойного князя Михаила государем Сербии под именем Милана IV Обреновича; 11 июля 1869 года обнародована была конституция, выработанная правительством и народом. За несовершеннолетием нового государя управляло регентство, а с августа 1872 года, когда уже исполнилось совершеннолетие Милану IV, он сам стал управлять Сербией.

Начало и утверждение христианства в Сербии

Первоначально христианство проникло в Сербию двумя путями: в VII веке от латинян, и в IX веке от греков и болгар.

Когда в первой половине VII века сербы заняли дунайские области, часть которых теперь составляет нынешнее сербское княжество, — греческий император Ираклий вызвал для просвещения их христианским учением проповедников веры, но не из Византии, а из Рима, потому что Иллирик и Далмация, где жили тогда сербы, принадлежали к западной половине Римской империи, — и оттого хотя сербы считались под властью Византийской империи, но по церковным делам состояли под ведением римской кафедры. Это было около 640 г., когда еще не было разделения церквей на восточную и западную. Новопросвещенные сербы не имели своего особого епископа, а ведались ближайшими епископами.

Но проповедь римских проповедников не могла пустить глубоких корней в сербском народе: они проповедовали и совершали богослужение на незнакомом для сербов латинском языке. Вот почему многие сербы тогда только носили имя христиан, но так мало были знакомы с учением христианским и так не тверды были в нем, что, когда при слабых преемниках Ираклия прекратилась власть над ними византийского двора, — они выгнали большую часть духовенства, и между ними опять усилилось язычество.

Когда же при помощи императора Василия Македонянина они успешно выдержали борьбу с сарацинами, то, по чувству благодарности, опять стали сближаться с Византией и просили императора прислать к ним христианских учителей, но не из Рима, а из Греции. Василий прислал (около 868 г.) к ним греческих проповедников. Нельзя сказать, чтобы труды и этих проповедников могли быть успешны, так как и они учили и совершали богослужение на непонятном для сербов языке греческом. Таким образом христианство не могло прочно привиться к Сербии ни от римских, ни от греческих проповедников. Знаменитые славянские братья св. Кирилл и Мефодий — вот кто имел решительное влияние на судьбу христианства в Сербии. Неизвестно, лично ли они здесь проповедовали христианское учение. Но то несомненно, что сербы доселе благоговейно чтут память их, как первых своих просветителей, и что успехи христианства стали в Сербии гораздо быстрее с тех пор, как проповедь там зазвучала на родном для сербов славянском языке. — Несмотря на то, что византийская православная церковь принимала деятельное участие в распространении христианства между сербами, — церковь сербская до XII века официально все-таки состояла под ведением римской кафедры, и как восточная, так и римская церковь считала сербов своими, тем более, что между сербами на адриатическом приморье преобладало влияние Рима, а во внутренних областях Сербии — влияние Византии. Такое неопределенное положение Сербии продолжалось до XII века, до времени Немани и сына его Саввы. Стефан Немани крещен был в младенчестве латинским священником, так как в ту пору на его родине было латинское духовенство. Но на 30 году от рождения он отрекся от латинства и снова принял (1143 г.) крещение от православного рашского епископа Леонтия. Так как Немани покорил себе всех удельных жупанов, утвердил верховную власть в своем роде и, образовав из всех сербских областей одно царство, сделался таким образом единодержавным государем Сербии, — то православные сербы и доселе считают свое историческое существование со дня крещения Немани православным епископом и глубоко почитают не только его самого, но и потомков его. А так как сын его, архиепископ сербский Савва, навсегда упрочил в Сербии православие, организовав вполне церковную сербскую иерархию, — то сербы и доселе называют его своим просветителем. — Преемники Немани не все были тверды в православии: многие из них, находясь в борьбе с Византией, не раз имели сношения с папой, не раз, по-видимому, готовы были из угождения папе, по расчетам политическим, даже изменить православию, обещаясь, ввиду опасностей, принять католичество, если папа отвратит грозу, хотя, по миновании грозивших опасностей, уклонялись от исполнения данных папе обещаний. Но их подданные, но народ всегда твердо держался православия, так что в понятии народа слова:

серб и православный имеют одно и тоже значение. И где бы серб ни жил, — он твердо помнит православную церковь, православную Сербию, св. Симеона и Савву, православного царя своего Душана, православного мученика — Лазаря и т. д. Много бед, много горя испытали сербы в Турции в течение 400-летнего ига, но не изменили православию. Ни время, ни насилия, ни обольстительные примеры потуреченных бояр не могли поколебать народ сербский в вере отцов: она крепко держится в нем сколько внутренней силой своей, столько же и крепкой связью ее с народностью. — К сожалению, переселение сербского патриарха Арсения Черноевича в Австрию (в 1690 г.) значительно сократило число православных в Сербии. Переселение это началось с так называемой Старой Сербии. А это были места, окружавшие печскую патриархию, — это было сердце древней Сербии: окрестности Призрена, бывшей столицы сербской и любимого местопребывания Душана, Косово поле, Новобрдо, где некогда были три митрополии: вучитрнская, липлянская и новобрдская, Дьяковица, Печь, Новый Пазар, Сеница, — весь этот прекрасный край опустел, а потом занят был дикими и буйными арнаутами, сперва исповедовавшими католичество, а потом принявшими магометанство. Они бесчеловечно преследовали православных в Сербии, — и число православных, естественно, все больше и больше там скудело.

ЧЕРНОГОРИЯ

Местность

Черногория, область дикая, суровая, мрачная, которую итальянцы называют Монтенегро, турки — Карадаг, сербы — Црна-гора, албанцы — Малесия или Малилис, есть самостоятельное княжество на западной стороне Балканского полуострова. Она лежит между Далмацией, Герцеговиной, Боснией и сербским княжеством, окружена горами: Ловченом, Комом, Дурмитором, Гарчом, Лисцом и Суторманом, и состоит из двух областей: собственной *Черногории* (горной страны) и *Брд*. Первая имеет 32 квадр. мили и разделена на 4 нахии (округа или уезда): *катунскую* (в северной и средней части Черногории), *цермничскую* или *црническую* (в юго-западной части), *речскую* и *лешанскую*. Последняя имеет 34 кв. мили и разделена также на 4 нахии: *Белопавличи*, *Пипери*, *Кучи* и *Морача* (1). Главный город, резиденция князя, Цетинье. Число жителей — около 200 000 (2).

Историческая судьба Черногории

Черногория первоначально называлась Дукли или Дуклеей, а чаще *Зетой*. Она составляла одну из областей сербского государства, которую

Неманичи отличали почетным названием «Дедины» (3) и которая была уделом наследников сербского престола. В состав ее входили: часть Герцеговины до Требинья, вдоль по берегу моря до Рагузы, нынешняя область Каттаро, города — Бар, Ольгун (Дульцинь), Леш (Алеси) до Драча. Пространство ее равнялось 150 милям с севера на юг и 120 милям с запада на восток (4). Она управлялась сперва банами (до 1516 г.), потом митрополитами (1516—1851 г.), наконец князьями.

Черногория под властью банов

Баны были тоже, что великие жупаны, правители отдельных областей (5). Они были сперва из рода *Неманичей*, потом из рода *Бальшичей*, наконец из рода *Черноевичей* или *Црноевичей*. *Неманичи* управляли Черногорией, как частью сербского государства, до времени Волкапина Мирняевича. Когда Волкапин, по смерти Уроша V, захватил в свои руки власть над Сербией, зетское княжество (Черногория) не хотело признать его за своего государя, и, отделившись (1367 г.) от Сербии, избрало своим правителем *Бальшу*, родственника *Неманичей* по женской линии (6). Этот-то *Бальша* и положил начало династии *Бальшичей*, управлявшей Зетой до 1421 года. При *Бальшичах* Зета находилась под покровительством Венеции. По смерти *Бальши I*, Зетой управляли, один после другого, сыновья его: *Страшимир* († ок. 1369 г.) (7), *Юрий* († ок. 1375—79 г.) и *Бальша II* († ок. 1385 г.). Преемником *Бальши II* был сын *Страшимир Юрий* или *Георгий* († ок. 1403 г.), а преемником *Юрия* сын его (*Юрия*), *Бальша III*. *Юрий* продал (1396 г.) Венеции восточную подгорную часть своих владений, но *Бальша* возвратил ее. По смерти же *Бальши III* (1421 г.), не оставившего после себя детей, династия *Бальшичей* прекратилась. Зетой завладели венецианцы. Но сербский деспот *Стефан Лазаревич* отнял (1423 г.) от них верхнюю Зету (нынешнюю Черногорию), оставив Венеции только подгорную Зету, которая потом перешла во власть Турции. Управление верхней Зетой *Стефан* предоставил родственнику своему *Юрию Бранковичу*. Зечане однако не были довольны сербским правительством и выбрали себе в правители *Стефана*, прозванного по темному цвету кожи *Црноевичем* или *Черноевичем*, из фамилии *Юрашичей*, имевших большое значение при *Бальшичах*. Этот-то *Стефан* и положил начало новой династии, династии *Црноевичей* или *Черноевичей*, управлявшей Зетой 93 года (1423—1516 г.). *Стефан*, заключив союз с венецианцами, деятельно помогал им в борьбе с холмским воеводой *Стефаном Косачичем*, завладевшим большей частью верхней Зеты, и успел возвратить (1455 г.) от него значительную часть зетских владений. По смерти *Стефана* (1460 г.) Зетой управлял сын его *Иван I Черноевич*. Он также вступил в союз с Венецией, успешно воевал с турками и полу-

чил титул венецианского патриция. Но когда венецианцы оставили его, — он вынужден был отдать туркам нижнюю Зету, а сам удалился из прежней своей столицы, Жабляка, на север, в катунскую нахию. Тут он укрепился среди гор и назвал свою страну Черногорией. По смерти Ивана Черноевича (1490 г.), сын его *Юрий* должен был вступить в борьбу сперва с братом своим Стефаном или Станишей, хотевшим захватить власть в свои руки, а потом с турками. Турки отовсюду теснили его, так что он наконец вынужден был спастись от них бегством в Италию. По смерти Юрия (1514 г.), Черногорией недолго управляли сперва племянник его *Стефан*, потом сын Стефана *Иван II Черноевич* (1515 г.) и наконец сын Ивана *Максим*. Этот последний, по совету жены своей Марии, дочери венецианского Дожа, передал в общем народном собрании власть над Черногорией цетинскому епископу Герману, а сам удалился в Венецию. Вскоре затем Черногория присоединена была к Турции, как часть скадарского пашалыка, и была в зависимости, хотя и не полной, от Турции до конца XVII века. Черногорцы всегда отстаивали свободу и независимость. Им тяжело было находиться под чуждой властью. Они решились, во что бы то ни стало, возвратить себе полную свободу, и вот с этой целью избрали (в 1696 или 1697 году) митрополита, и вместе народного вождя и правителя Даниила I Петровича Негуша или Негоша. Это был первый черногорский владыка — митрополит, соединивший в одном лице духовную и светскую власть (9).

Черногория под властью митрополитов

Сто пятьдесят четыре года Черногория была под властью владык-митрополитов, и во все это время только четыре митрополита, один после другого, управляли Черногорией, и все из фамилии Негушей, именно: 1) *Даниил Петрович* (1697—1735 г.), 2) *Савва Петрович* (1735—1782 г.), 3) *Петр Петрович I* (1782—1830 г.) и 4) *Петр Петрович II* (1830—1851 г.).

1. *Даниил Петрович* (1697—1735 г.) положил начало династии из рода Негушей, и династии притом наследственной: сам народ признал ее такой за многочисленные заслуги Даниила.

Предки Даниила жили в Герцеговине, но, по взятии Герцеговины турками, удалились в Черногорию, и, поселившись здесь в катунской нахии, на скатах Ловчена, назвали это местечко «Негуши», именем той герцеговинской горы, близ которой они прежде жили. Впоследствии род этот разделился на две ветви, которые назывались Раичевичами и Херакевичами от двух главных родоначальников, — Раича и Херака, но общее название их было Негуши. Даниил Петрович, в мире Нийко или Николай, был из рода Херакевичей, и еще в детстве, тайно от родителей, ушел в патристский монастырь и там принял монашество. По смерти

митрополита Саввы Калутерича (1697 г.), народ избрал в преемники ему Даниила, с тем, чтобы он с духовной властью соединил и светскую. Долго молодой инок Даниил отказывался от предложенной ему чести, отказывался со слезами; но народ не уважил ни просьб его, ни слез. Чрез 3 года после выбора Даниил отправился для посвящения в Венгрию, в Сечуй, где тогда жил сербский патриарх Арсений IV Черноевич. Получив (1700 г.) хиротонию, он в Цетинье освятил новоустроенную церковь. Но во время самого богослужения потурченные черногорцы схватили его и, связав ему руки, с позором водили по улицам города и потом заключили в тюрьму. Православные купили свободу своему владыке за 3 000 дукатов. Получив свободу, Даниил выгнал из Черногории или предал смерти как проживавших там турок, так и потурченных черногорцев. Турки решились отомстить за изгнание и смерть, — и вот началась (1706 г.) битва между турками и черногорцами. Даниил разбил турок, многих взял в плен и, чтобы выразить презрение к пленникам, потребовал за каждую турецкую голову по свинье. Затем последовал непрерывный ряд стычек, битв и сражений. В эту пору Черногория вступила в тесную связь с Россией. Петр I, объявив войну туркам, пригласил и Даниила принять участие в войне, и послал к нему грамоту с черногорцами, состоявшими на русской службе, полковником Мих. Милорадовичем и капитаном Иваном Лукашевичем. Даниил со своими черногорцами радостно откликнулся на зов русского монарха: черногорцы всеми силами ударили на Албанию и Герцеговину, и чрез то отвлекли их от участия в войне против России. К сожалению, война эта, окончившаяся миром (1711 г.) при Пруте, не принесла пользы ни России, ни Черногории. Турки, чтоб отомстить черногорцам за дружественный союз их с Россией, взяли город Цетинье и все в нем разрушили. Храбрый Даниил успел однако ж выгнать турок и, поручив Черногорию митрополиту Савве, — отправился в Россию за помощью. Петр I вручил Даниилу грамоту (от 9 июля 1715 г.), в которой, между прочим, писал: «Турецкие войска многих из ваших народов порубили и мучительно умертвили, а иных на каторги сослали; монастыри же и церкви пожгли, и церковные утвари и ваши пожитки разграбили... Мы по христианской должности о вас соболезнуем, и повелели во всем нашем православном царстве в Божиих церквях за оных пострадавших за веру христианскую и венчавшихся мученическим венцем соборне Бога молить и поминовение творить». — Затем, поблагодарив черногорцев за их участие в турецкой войне, Петр продолжал: «И хотя мы за нынешней долгопротяжной с королем шведским войной, на которую многие иждивения употребить мы принуждены, не можем по достоинствам и по заслугам вашим награждения учинить; однако ж в знак нашей к вам милости посылаем ныне чинона-

чальникам вашим 160 золотых персон (медалей) наших, да денег 5,000 р. на вспоможение разоренным людям, и больше в том случае понесшим, даем преосвященному митрополиту (вашему) на расплату долгов его, в сем же случае полученных, и на созидание разоренных в митрополии его церквей и монастырей 5 000 р., а впредь, когда мы мир благополучно получим, и от претяжких воинских иждивений освободимся, не оставим за ту вашу верную службу нашей царской милостью вяще награждать». И не оставил: он послал в Черногорию много сосудов церковных и облачений, бедным черногорцам 10 000 р., и повелел, чтоб русское правительство высылало чрез каждые три года в Черногорию по 500 р.. Даниил, любимым и уважаемым всеми подданными, положив прочное основание независимости Черногории, скончался в 1735 году, назначив своим преемником племянника своего, Савву Петровича.

Савва Петрович (1735—1782 г.) совсем не похож был на дядю своего: сколько Даниил отличался кипучей деятельностью, столько Савва известен был бездействием. Он считался правителем более 45 лет; но, любя уединенную, монастырскую жизнь, во все это время почти не принимал никакого участия в политической жизни Черногории. Черногорией при нем управляли сперва родственник его Василий Петрович Пламенац, потом самозванец Стефан Малый. Василий, по желанно Саввы, посвящен был (1750 г.) в митрополита сербским патриархом, как помощник Саввы, и имел постоянные сношения с Россией, куда он три раза путешествовал и откуда получал щедрое вспоможение. — После счастливых войн с турками он скончался в Петербурге в 1766 г. — В это-то время и явился самозванец Стефан Малый под именем императора Петра III. Он жил в Майне, в области, бывшей под властью то Венеции, то Черногории, и тут же в первый раз была пущена в ход молва, будто этот Стефан — русский император Петр III. Стефан никого не уверял, что он действительно Петр III, но и не отрицал справедливости этой молвы, и при слабости владыки Саввы такое сильное имел влияние на черногорцев, что они просили его прибыть в Цетинье и управлять ими. Стефан, взяв от скупщины обещание повиноваться ему во всем, прибыл (1768 г.) в Цетинье, провозгласил себя царем Петром III, но к этому прибавил, что он будет довольствоваться только скромным именем Стефана Малого. В это время турки с 67,000 войска напали на Черногорию, но Стефан разбил их. В это же время (1669 г.) произошел разрыв между Турцией и Россией, — и Екатерина II грамотой приглашала черногорцев к участию в войне. Грамоту эту привез к ним князь Юрий Владимирович Долгорукий, который заставил Стефана сознаться, что он вовсе не царь Петр III, что он даже не русский, и велел держать его под домашним арестом. Но черногорцы сказали Долгорукому, что он, Долгорукий, конечно, не будет управлять ими, что владыка Савва — очень слаб, и что, потому,

если они Стефана оставят, — то совсем останутся без главы. Тогда Долго-рукий предоставил Стефану управление Черногорией, и Стефан деятельно заботился о благе вверенного ему княжества: он уничтожил внутренние неурядицы и племенную войну и старался вводить более правильную администрацию, он улучшал пути сообщения, он первый произвел народную перепись и помогал России в войне с Турцией, но в 1774 г. был сонный убит своим слугой, греком, которого подкупил скадрский визирь. Между тем владыка черногорский Савва во все это время не оставлял своей уединенной, монастырской жизни. По смерти его (1782 г.) племянник его Петр I Петрович Негуш избран был владыкой черногорским.

2. *Петр I Петрович Негуш* (1782 — 1830 г.), еще в сане архимандрита, ездил (1778 г.), по поручению своего дяди, в Россию с черногорским губернатором Ив. Радоничем и сердарем Ив. Петровичем для переговоров. Избранный в митрополиты, он желал получить посвящение в России, но, не получив паспорта в Вене, посвящен был в Карловцах сербским митрополитом. Между тем в его отсутствие турки осадили Черногорию, заняли горные проходы, ограбили Цетинье и сожгли цетинский монастырь. Петр, возвратившись на родину, разбил турок, и после того одержал над ними несколько блистательных побед и присоединил от Турции к Черногории нахии: белопавличскую, липерскую, черничскую и морачскую. Император Павел I был доволен действиями владыки Петра I: он сопричислил его к ордену св. благоверного князя Александра Невского и повелел отпускать ежегодно в Черногорию 3,000 р. В мирное время Петр все силы употреблял на то, чтобы возвысить свою родину. Все 47-летнее служение его было ознаменовано бескорыстной, твердой, всецело преданной отечеству, деятельностью. Он утвердил в Черногории порядок, ввел в употребление Судебник, одержал много побед; он отличался мужеством, непреклонной силой воли, энергией в действиях, и в то же время благочестием, кротостью, увлекательным даром слова и вел самую простую, патриархальную жизнь. Почувствовав приближение смерти, он пригласил к себе черногорских главарей, указал им на своего племянника Петра II Петровича, как на своего преемника, вручил им духовное завещание, которое они должны были прочитать после его смерти, и в котором он просил черногорцев, между прочим, о том, чтобы они жили в мире и любви между собою, и были всегда и во всем верны России; прощаясь с ними, он призывал на Черногорию благословение Божие, и, благословив их, лег на постель и с улыбкой на устах мирно почил 18 октября 1830 г. Чрез 4 года по кончине его, тело его обретоно нетленным: он причислен к лику святых, почитается заступником Черногории и поживает в цетинском монастыре.

3. *Петр II Петрович Негуш* (1830—1851 г.) получил как воспитание, так и хиротонию в сан митрополита в Петербурге. До возвращения

его из Петербурга в Цетинье Черногорией управлял некто Иванович Подгоричанин, бывший в русской службе. Петр II присоединил к Черногории Кучи, разделил княжество на 8 нахий, учредил на прочных началах сенат с президентом и 12 сенаторами, коим положил жалованье, и центральное и окружное земское управление, завел в Цетинье школу и типографию. Порта предлагала ему титул царя с условием признать верховную власть султана; но он отверг это коварное предложение. Петр II был последний владыка Черногорский, соединявший в лице своем духовную и светскую власть.

Таким образом в течение 150 с лишком лет митрополиты управляли Черногорией. Они утверждали все решения скупщины, а впоследствии и сената, только не участвовали в решениях по уголовным делам; они вели переговоры с иностранными державами и заключали трактаты, они объявляли войну и носили национальную одежду. — Все они имели постоянные дружеские сношения с Россией.

Черногория под властью князей

Даниил Петрович Негуш (1851—1860 г.), племянник Петра II Петровича, ставший во главе управления по смерти дяди, получил воспитание в Петербурге. Избранный в преемники Петру II, он прибыл в Петербург и объявил желание черногорцев, чтобы ими управлял князь, а не митрополит, и чтобы таким образом высшая власть гражданская отделена была от духовной. Русское правительство со своей стороны изъявило на то свое согласие, и Даниил Петрович, по возвращении в столицу — Цетинье, был провозглашен потомственным господарем Черногории и Брда. Он старался вводить новые порядки, и при этом действовал круто и самовластно. Оттого его княжение было большей частью бурное. Он два раза воевал с турками. Первая война его (1852—53 г.) была неудачна; но другая была (1858 г.) более счастлива: брат его, храбрый Мирко Петрович, отнял у турок граховский округ. Вскоре после этой войны Даниил был изменнически убит (1860 г.) на австрийской территории и погребен в цетинском монастыре. Умирая, он указал на племянника своего, Николая, как на наследника престола, и как Черногория, так и Россия признала его князем (14 августа 1860 г.).

Князь *Николай*, сын Мирка Петровича, родился 25 сентября 1841 г. — Родители его жили в деревне Негушах в бедности, и сын их, Николай, в молодости пас стада. Когда же Даниил Петрович вступил на престол, — то брата своего, Мирка Петровича, сделал великим воеводой, а сына его, Николая, отправил в Париж для образования. Князь Николай, женатый на Милене Петровне Вукотич, и доселе управляет

дующего черногорским войском и председателя сената. Титул князя: «Княз а господар слободне Црне Горе и Брда».

Образ правления в Черногории довольно своеобразен и сохранил доселе некоторые старинные обычаи и порядки. Ближайший правитель в каждом семействе — отец: он — *господарь*; судья над семействами — *старейшина*; старейший из старейшин в племени — *главарь*; начальник над несколькими племенами — *князь*. Для решения более важных дел собирается в Цетинье — скупщина из господарей, старейшин, главарей и князей. Для решения вообще дел гражданских и уголовных существует со времен Петра II сенат, состоящий из 12 членов, избираемых народом и утверждаемых князем, и из председателя и его помощника, назначаемых князем. Основанием для решения дел служат: 1) Судебник из 33 пунктов, составленный в 1803 г., и начинающийся так: «Петар, Божиею милостию православный митрополит црногорский, скендерский, зетский и приморский», и 2) Законник из 95 статей, изданный (1855 г.) на основании постановлений Судебника Даниилом Петровичем.

БОСНИЯ

Местность страны

Босния, получившая свое название от реки Босны, а прежде называвшаяся иногда Рамой от реки Рамы в южных ее пределах, в древности занята была Бревками и Авториатами. К ней принадлежали земли между реками Савой, Дриной, Неретвой и Врьбасом. Ныне Босния — северо-западная область европейской Турции, составляющая особый эялет, или большую провинцию под управлением паши, разделенную на 6 округов: *сараевский, травнинский, банялукский, бихачский, зворникский и новопазарский*, которые подразделены на 42 нахии (уезда). Занимая пространство около 800 кв. миль, она лежит между Австрией, Сербией, нишским и призренским пашалыками или Старой Сербией и Герцеговиной. В ней живут большей частью босняки — отрасль сербского племени, также сербы, кроаты, морлаки, черногорцы, турки, греки, армяне, евреи и цыгане. Жителей считается до 950 000. Из них 650 000 — христиане, остальные магометане. Христиане живут большей частью в селах и на севере Боснии, магометане — в городах и на юге. Главный город — Босна-Сарай.

Историческая судьба Боснии

Никогда Босния не была вполне самостоятельным государством, а всегда зависела то от Сербии, то от Венгрии, то наконец от Турции, и называлась то жупой, то банством, то королевством.

Называясь сербской жупой, Босния управлялась своими жупанами, только под верховной властью сербского государя, и ничем не отличалась от прочих сербских областей: населена была одним сербским племенем, имела одни и те же нравы, обычаи, законы, предания, как и сербы. С 1120 г. она стала называться банством, и правители ее — банами. Рамский жупан Бела Урош уступил ее, как приданое за своей дочерью, зятю своему угорскому королю Беле II, и с тех пор она хотя управлялась своими банами, но считалась областью венгерского королевства, так что как Бела II, так потом и Гейза назывались королями Далмации, Кроации и Рамы или Боснии. Это продолжалось до Немани. При Немани боснийский бан Кулин (1168—1204 г.), лучший из боснийских банов, о котором память доселе сохраняется в Боснии, признал верховную власть не Венгрии, а великого жупана сербского, во вскоре опять подчинился (1197 г.) первой. После Кулина управляли Боснией Стефан, Матфей и Нинослав. Нинослав, называвшийся *dux Bosnae*, был ревностный богомил; оттого венгерский король Бела IV, по предложению папы Гонория III, отнял от него власть над Боснией и отдал (1249 г.) ее жаркому приверженцу римско-католического исповедания венгерцу Котроману, который стал называться Стефаном, а впоследствии (около 1254 г.) зятю своему, князю галицкому и воеводе Славонии, Ростиславу Михайловичу, а Ростислав отдал (1262 г.) Боснию сыну своему Михаилу. Затем Босния переходила из рук в руки то к братьям венгерского короля Стефану Беле и Ладиславу III, то к матери их Елисавете (она называлась *ducissa Bosnae*), то к сербскому королю Милутину (1275—1320), который получил ее в приданое за женой своей, дочерью венгерского короля Стефана V. Но так как Милутин отказался от письменного предложения (1288 г.) папы Николая IV принять римско-католическую веру, — то Босния, по настоянию папы, была отнята от Милутина и передана во власть бребирскому графу Павлу Шубичу, католику, который и управлял ей около 13 лет (1292—1305 г.). Милутин удержал за собой только часть Боснии, но сын Шубина, Младен, отнял (1318 г.) и эту часть, еще при жизни отца назывался вторым боснийским баном. Но Младен был слишком жесток, — и потому Карл Роберт отнял (1322 г.) у него власть над Боснией и отдал ее Стефану Котромановичу, внуку бывшего правителя Боснии Котромана. По смерти (1353 г.) Стефана сделался баном племянник его Тврьтко (1354—1391 г.). Он при сербском короле Уроше V захватил в свои руки Травунию, Канавле, Драчевичу, Зету, завоевал часть Далмации и объявил себя королем Стефаном, с титулом: «Стефан Тврьтко, милостью Божией краль Србаем, Босне и Примории». — Он думал было завладеть и всей Сербией, но смерть прекратила его думы. Преемником его был родственник его Стефан Дабиша Мирославич (1391—1396 г.), носивший

титул: «Стефан Дабиша, милостью Божией краль Срьбьлем, Босна и Примориа». — Он признал верховную власть Венгрии и потерял далматские завоевания Тврьтко. — По смерти его приняла (1397 г.) управление Боснией жена его, Елена. Но в то же время объявил свое право на престол побочный сын Стефана Тврьтко — Тврьтко Тврьткович. Однако бояре и народ не признали его своим государем, а избрали сына одного богатого травунского владельца Стефана Остои Кристича (1397—1404 г.). Между тем в это смутное время явился новый кандидат на занятие боснийского престола: венгерский король Сигизмунд, который в договоре с Дабишей признан был (1394 г.) верховным повелителем Боснии и завоевал (1398 г.) северную часть ее, — поставил баном над завоеванной частью тамошнего воеводу, властолюбивого хорвата, Гервою. Таким образом явилось два правителя Боснии — Остоя и Гервоя. Первый из них называл себя королем Сербии, Боснии, Приморья, Хлума, западных стран, Дольних краев и пр., но вследствие разных неурядиц бежал (1403 г.) из Боснии, и королем Боснии опять объявлен был, но ненадолго, Тврьтко Тврьткович. Сигизмунд взял его в плен, и назначил баном тестя своего Германа. Но Остоя, при помощи Турции, успел опять захватить (1409 г.) в свои руки Боснию, и впоследствии (1419 г.) разделил королевскую власть с сыном своим Стефаном Остоичем. По смерти Остои опять стал владеть Боснией Тврьтко Тврьткович, с титулом короля. Ему наследовал побочный сын его Фома или Томаш Остоич Кристич, назвав себя Стефаном. Он принял римско-католическое вероисповедание, и признан был (1446 г.) папой за законного сына и наследника Остои. Когда же был убит (1459 г.), при соучастии брата своего Радивоя, бана Яйца, и незаконного сына своего Стефана, — то Боснией стал управлять этот самый отцеубийца, Стефан Фомич, или, как звали его тогда, Стефан Томашевич (1461—1463 г.). Магомет II Фетхи (завоеватель) наложил на него дань в 25,000 червонцев, но так как Стефан не мог уплатить наложенной дани, — то султанское войско вошло в Боснию и в течение 8 дней овладело всеми крепостями Боснии. Магомет расстрелял (1463 г.) Стефана и казнил смертью всех главнейших сановников боснийских. Так пало (1483 г.) боснийское королевство.

По завоевании Боснии султаном, ей стали управлять чиновники от турецкого правительства, и большей частью из янычар, или потурченных боснийских христиан. Они носили разные названия: визирь (губернатор), беги (древние знатные роды), капетаны, баши. Босняки должны были платить Турции подать, которая с течением времени все больше и больше увеличивалась. Ныне Боснией управляет генерал-губернатор, а суд принадлежит муллам и кадиям. В 1851 г. Омер-паша уничтожил все права туземной аристократии, и Босния стала провинцией, лишенной всяких политических прав.

ГЕРЦЕГОВИНА

Местность страны

Герцеговина, иначе санджак Герсек, есть славянская область в западной части европейской Турции, лежащая между Далмацией (к западу), Черногорией (к югу) и Боснией (к северу и востоку). Она разделена на 3 санджака: восточный — *фочанский*, северный — *мостарский* и южный — *требиньский*, которые в свою очередь разделены на 15 нахий или кадилуков (округов). Все пространство Герцеговины заключает до 420 кв. миль. Главный город с 18 000 жителей — Мостар, у подошвы горы Вележа. Все население Герцеговины полагают около 300 000. — Герцеговинцы по происхождению сербы и говорят сербским наречием с некоторыми местными видоизменениями.

Историческая судьба Герцеговины

Одна часть нынешней Герцеговины прежде называлась Рамой, другая Захлумьем, и каждая из них управлялась своими князьями. В начале X века ими завладела Византия, а в XII веке (около 1152—55 г.) боснийские баны. Это продолжалось до сербского государя Стефана Немани: Неманя соединил в одно целое все разрозненные сербские области, и тогда Захлумье и Рама вошли в состав сербского государства, и управлялись жупанами под верховной властью сербского государя. Стефан Неманя отдал Захлумье в удел младшему сыну своему Растько, который впоследствии постригся в монашество с именем Саввы и был первым сербским архиепископом. Оттого оно стало называться воеводством св. Саввы. По удалении же Стефана в монастырь и по вступлении на сербский престол старшего сына его Стефана Первовенчанного (1195—1224), младший сын его Вулкан (или Вук) сделался независимым правителем Рамы и Захлумья. В XII веке они переходили то к венграм, то к сербам. В XIV веке боснийский бан Стефан Котроманич отнял (1333 г.) Захлумье от сербов, а спустя 20 лет после того венгерский король Людовик, женатый на дочери Котроманича, отнял Захлумье от преемника Котроманича, Стефана Твартько, и отдал своей жене. Но по смерти его (1383 г.) Твартько возвратил себе Захлумье и отдал, с именем воеводства, в удельное владение боснийским боярам из фамилии Храничей. Эти воеводы управляли Захлумьем в продолжение 100 лет (1383—1483 г.), именно Влатко Хранич, сын Влатко, Сандал Хранич (†1433 г.), племянник Сандала, Стефан Косача или Козарич (1434—1466 г.), и наконец сыновья Косача — Владислав и Влатко. Из них Стефан Косача, отказавшись от подчинения боснийскому королю, признал ленную зависимость от немецкого короля

Фридриха III, и за то получил (ок. 1448 г.) от него титул герцога. С тех пор он стал титуловаться: «Степан Херцег од светого Саве господарь Хумски, и приморьски, велики воевода русага (области) босньского, князь Дриньски и више (т. е. и пр.)», а Захлумье стало называться Герцеговиной. Он построил близ Требины крепость Клобук, и здесь основал свою столицу, которая потом перенесена была в город Благой, и наконец в Мостар. Когда султан завладел (1463 г.) Боснией, — Стефан также признал себя данником Турции. По смерти его, два сына его Владислав и Влатко разделили между собой отцовские владения, и при их жизни Герцеговина обращена была (1483 г.) в турецкую провинцию. После покорения Герцеговины турками, ей управляли сперва герцеговинские аристократы, потом назначаемые Портой турецкие чиновники, или паши.

Находясь под властью своих князей, Герцеговина воевала успешно и торговала счастливо с богатым Дубровником. Но Турция захватила ее в свои руки, и все в ней переменялось. Вместо правды и закона появилось своеволие корыстолюбивых и развратных пашей, которые, презирая несчастную райю, не щадили никого и ничего: города пустели, торговля и промышленность упали; монастыри и церкви превращались в груды развалин, и многие герцеговинцы бежали в далматское приморье. Особенно тяжело было правление Али-паши, тяжело и для Герцеговины и для Боснии. Босния не вытерпела турецких насилий, и в 1832—34 годах подняла поголовное восстание. Но Герцеговина, не принимая участия в восстании, терпеливо переносила страдания, и за то Али-паша обещал именем султана православным герцеговинцам облегчить их участь и даже сравнять их в правах с турками. Но от обещания до исполнения еще слишком далеко. Когда боснийское восстание было подавлено, и несчастные босняки должны были покориться своей горькой участи, — тот же Али-паша сделался страшным бичом и для герцеговинских христиан. Они обратились было за помощью к черногорскому владыке Петру, но Петр, при всем желании облегчить тяжелую их участь, ничего не мог сделать для них. Когда в 1850 г. сераскиром сделана была народная перепись, и затем губернатором назначен был в Мостаре албанец, — у герцеговинцев отобрано было оружие, и подати увеличены были в 10 раз. Оттого в декабре 1857 г. в пограничных с Черногорией округах вспыхнуло восстание под предводительством Ивана Бочевича, а потом, по смерти его, Луки Вукашевича. Герцеговинцы могли выставить не более 4 000 войска, и, несмотря на такую малочисленность, имели некоторый успех, но вмешалось австрийское правительство, — и дело их было проиграно.

*Печатается по изданию:
Н. Добронравов. Очерки истории
славянских церквей. СПб, 1873.*

Д. ВОЙНОВИЧ

ИСТОРИЯ СЕРБСКОГО НАРОДА. ИСТОРИЯ ЗЕТЫ И ЧЕРНОГОРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сведения по истории сербского народа, которые дают наши средние учебные заведения, отличаются крайней скудостью; принятые в них учебники уделяют этой истории едва каких-нибудь десять страниц. В нашей исторической литературе сочинения, касающиеся сербской истории, носят главным образом характер научных исследований, делающий их, доступным и интересным только для узкого кружка лиц, посвятивших себя специально изучению славянства вообще, — так называемых славистов. Поэтому наше общество располагает гораздо более обширным запасом сведений и имеет гораздо более ясное и правильное представление о немцах, французах, англичанах, о древних греках, персах и скифах, чем о чистейшем славянском, родственном русскому по происхождению, по языку и по религии народе сербском. Лица, имеющие очень ясное представление об образе, жизни, о мировоззрении, о стремлениях, об успехах и неудачах ничтожного древнего народца спартанского, нередко не имеют почти никакого представления о самом близком русскому сербском народе.

Между тем знание сербской истории нисколько не менее важно, чем знание истории древних греков и римлян, немецкой и французской. Даже более, я лично полагаю, что знание сербской истории даже более важно, чем знание всякой иной истории, так как и то, что нам родственнее и ближе по существу, должно быть нам и лучше известно; на этом именно основании всегда ставят на первый план знание своей отечественной истории.

Я предпринял труд по составлению краткой, но полной истории сербского народа с целью дать возможность желающим — ознакомиться с прошлым этого народа, с развитием его исторической жизни, с его воззрениями, стремлениями и идеалами, с его страданиями и борьбой, которые он должен был вынести и которые он в главной массе своей и теперь еще переживает.

Главными источниками при составлении этой книги служили следующие сочинения:

Мандрович. История сербского народа.
Ranke. Serbien und Türkei im XIX Jahrhundert.
Kallay. Geschichte der Serben.
Lenormant. Montenegro et Monténégrins.
Picot. Les Serbes de Hongrie.
Gopcević. Makedonien und Alt-Serbien.
Пыпин и Спасович. История славянских литератур.
Louis Leger. Histoire de l'Autriche—Hongrie.
V-te de la Jonquière Histoire de l'Empire Ottoman.
Чedomиль Миятович. Деспот Джурадж Бранкович.

Во многих местах я иллюстрировал изложение приведенными мною в переводе народными историческими песнями, которые по моему мнению, воскрешая перед нами картину давно прошедшей жизни с господствовавшими в ней отношениями и воззрениями, могут только содействовать правильному пониманию данной эпохи, и вместе с тем знакомят с самим народом, с его взглядами, понятиями и идеалами.

НАСЕЛЕНИЕ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Разноплеменность полуострова в древности. Колонизирование его славянами. Авары. — Переселение сербов и хорватов в VII веке на полуострове. — Появление болгарской орды на полуострове. — Заключение.

Разноплеменность полуострова в древности.

Колонизирование его славянами. Авары

Едва ли какая-либо другая страна в Европе подвергалась наплыву и воздействию столь многих и столь разнообразных народностей, как именно Балканский полуостров.

В древнейшие времена он был населен, кроме греков на юге его, народами, известными под именем иллиров и фраков, которые рассматриваются, как его коренные, исконные обитатели. Тут возникло в древности македонское царство Филиппа и Александра Великого; тут Пирр, царь эпирский, пробовал остановить завоевательное движение римлян. Римляне завоевали его и основали, главным образом на севере его, многочисленные колонии, от слияния которых с местным населением образовалась национальность валахов или румын; тогда еще римляне должны были принимать меры к отражению теснившихся у северной границы полуострова германских и славянских племен, и в скором времени были вынуждены предоставить им все земли к северу от Дуная.

Новый мир в лице новых народов решительно заявлял притязания стать на место древнего мира, установить в Европе свои начала, отличные

от тех, на которых покоилась Римская империя. С появлением в IV веке гуннов в Европе среди народов ее возникло движение, известное под именем великого переселения народов, завершившееся основанием новых государств на развалинах западной Римской империи.

Как германские племена надвигались и овладевали западной Римской империей, так славянские племена, а отчасти и монгольские, устремлялись в восточную, то врываясь в нее буйными полчищами, все опустошавшими по пути, то вступая в нее мирными толпами, колонизировавшими полуостров. Еще во 2 и 3 веках Готы, Карпы, Сарматы производили набеги на полуостров; в 4 и 5 веках в него врывались Вестготы, Гунны, Остготы, Славяне.

Из всех этих племен одни только славянские оставались на полуострове на постоянное жительство; германские же увлекались далее на запад вслед за родственными им племенами германцев.

Славяне колонизировали весь полуостров, частью смешавшись с туземным населением, частью отодвигая его в горы; все население полуострова в такой степени подверглось славянизации, что весь полуостров получил чисто славянский характер (за исключением южной оконечности его, Греции); старое исконное население его большей частью исчезло в этой массе славянства; остатки его укрылись в горах Албании, где они и известны под именем арбанасов, шкипетаров, миридитов, албанцев, и сохраняют свои племенные особенности, хотя и в свою очередь носят сильный отпечаток славянского на них воздействия.

К VI веку у берегов Дуная расположился народ монгольского племени Авары, которые и стали громить Византийскую империю, в своих набегах доходя нередко до самого Константинополя; чтобы оградить столицу от беспрестанных набегов варваров, императоры византийские построили громадную стену от Мраморного до Черного моря, как бы представляя этим весь прочий полуостров на произвол судьбы. Неорганизованное славянское население полуострова было не в состоянии оказать сопротивление опустошительным вторжениям аварских полчищ. В первой половине VII века (626 г.) Авары осадили, наконец, и сам Константинополь, и только с трудом были отогнаны от него. Отвлекаемые начавшимися около этого времени войнами с Персией и озабоченные быстро разраставшейся в Азии силой приверженцев только что возникшей магометанской религии, византийские императоры решили искать сближения со славянами и уже с их помощью обеспечить свои европейские владения от опустошительных набегов монгольских полчищ. Со славянами, уже находившимися на полуострове и входившими в состав империи, византийцы издавна уже находились в самых тесных мирных сношениях; насколько деятельно было это взаимодействие между византийцами

и славянами видно из того, что к VI веку славяне эти уже исповедовали почти все христианскую религию, воспринятую ими от греков; они, в свою очередь, дали византийцам в VI веке двух императоров — Юстина и Юстиниана — и одного из их известнейших полководцев — Велизария.

Переселение сербов и хорватов в VII веке на полуостров

В VII веке император Ираклий разрешил сербскому племени хорватов, живших в местности, расположенной к северу и к востоку от Карпат, занять ту область Византийской империи, которая ограничена Дравой, Савой и Адриатическим побережьем, под условием отражения Аваров и признания власти императора. Хорваты приняли это предложение и переселились под предводительством своих жупанов в указанную область, в каковой мы видим их и в настоящее время. Немного спустя с той же местности поднялось и другое многочисленное сербское племя и, поселившись с согласия императора рядом с хорватским, заняло всю западную часть полуострова от Савы и Дуная до побережья Архипелага; на самом юге Македонии и теперь еще есть основанный ими древний городок Србца.

Оба эти массовые и организованные переселения совершились между 630 и 640 годами; упоминая о них, древние византийские историки так и обозначают эти племена названиями сербов и хорватов, что означает, что эти племена сами себя так называли. Мы заметим, что сербы и хорваты и в настоящее время представляют совершенно один и тот же народ и говорят совершенно одинаковым языком; тем более в древности племена эти не могли иметь никаких между собою различий и представляли собою один и тот же народ; поэтому отдельное название хорватов еще в древности было чисто областным и, согласно вполне вероятного объяснения славистов, этим именем означались те сербские племена, которые жили ближе к Карпатам, от которых произошло и само название хорватов.

Что касается тех славян, которые поселились на полуострове ранее только что упомянутых массовых организованных переселений VII века, то древние византийские писатели обозначают их общим именем славян. Рождается вопрос, какие именно это были славяне.

По исследованиям знаменитейших ученых славистов все славянские народности имели первоначально одно и то же имя; именно, все они назывались *сербам*. Они распадались на две большие группы — Славов или Словенов и Антов. Принадлежавшие к первой из этих двух групп племена, подвигаясь на запад, стали известны западным народам под именем Славов. Сходство славянских языков служит доказательством того, что все народности славянские одного происхождения и что первоначально был один общий славянский или, правильнее, сербский язык.

Но в то время, с которого славяне становятся известны истории, они являются уже обособившимися в отдельные группы — русскую, сербскую, польскую и чешскую, потому что с самых ранних времен история застаёт эти народности, имеющими, каждая в отдельности, свое особое устройство, идущими каждая своим отдельным, независимым от других, путем. Известные истории сербские имена самых ранних времен — Трипимир, Здеслав, Крешимир, Вукан и т. п. — вовсе не употребительны у русских и у поляков; в свою очередь древние русские и польские имена — Ярополк, Святополк, Изяслав, Казимир — совершенно неизвестны сербам.

Эти четыре главные группы — русская, сербская, польская и чешская — и составляют славянское племя; мелкие же славянские народности — словены, хорутане, словаки, русины — относятся к одной из означенных четырех групп, играя по отношению к ним роль областных подразделений. К которой из этих четырех главных групп должно отнести славян, населявших полуостров до массовых организованных сербских переселений VII века? По-видимому, поставить такой вопрос, это то же, что и решить его; так как русская, польская и чешская народности известны истории на тех именно местах, на которых они находятся и в настоящее время; на Балканском полуострове никогда не была известна никакая иная славянская народность, кроме сербской; поэтому мы вправе заключить, что те славянские племена, которыми полуостров был населен до VII века, принадлежали к сербской группе славянства. Сам факт возникновения у закарпатских сербов мысли о переселении на Балканский полуостров и мирного занятия ими обширных земель от Дравы до берегов Архипелага подтверждает родственность племен переселявшихся и тех, в среду которых они переселялись. Можно было бы еще предположить, что кроме сербов на полуострове была еще иная какая-либо славянская народность, которая ко времени возникновения письменности на полуострове, т. е. к IX веку, так совершенно исчезла и всеми была забыта, что уже никому не была известна под своим именем, и что таким образом название ее осталось совершенно неизвестным. Невероятность и даже совершенная натянутость такого предположения выступит особенно рельефно, если принять во внимание, что в Саксонии имеется небольшая народность лужицких сербов, сохранивших до сих пор свое имя, несмотря на то, что в течение целого ряда веков они были окружены со всех сторон чуждым им и гораздо более культурным германским населением.

Переселившиеся в VII веке сербские племена, согласно принятому ими на себя обязательству, напали на Аваров и сломили окончательно их могущество; Византия оказалась освобожденной навсегда от их беспрестанных погромов.

Появление болгарской орды на полуострове

Вскоре, однако, на место Аваров явились новые полчища; монгольская орда болгар, отделившись от волжских болгар, вторглась в северо-восточную часть Балканского полуострова, покорила жившие здесь славянские племена и, овладев всей областью между Дунаем и Балканским хребтом, осталась здесь на постоянное жительство и основала болгарское государство чисто монгольского типа, начавшее тотчас же целый ряд упорных войн со всеми своими соседями, в том числе и с Византией. Это поселение монгольской болгарской орды в северо-восточной части полуострова, происшедшее в конце VII века, представляется для всей последующей истории полуострова событием первостепенной важности, сообщаящим этой истории особый характер, прямо зависящий от присутствия на полуострове означенной орды.

В средние века через полуостров проходили европейские крестовые ополчения по пути к Иерусалиму с целью освобождения Гроба Господня от магометан. В XIII веке, во время четвертого крестового похода, крестоносцы взяли Константинополь и основали т. наз. латинскую империю с несколькими крупными феодальными владениями, просуществовавшую 57 лет.

Наконец в XIV веке на полуострове появились турки, в короткое время покорившие его; полуостров стал главной европейской провинцией Османской империи.

Заключение

Таким образом перед нами прошли, как постоянные или временные обитатели полуострова, греки, иллиры и фраки, римляне, валахи или румыны, германские и славянские племена, сербы, монгольские племена аваров и болгар, романские крестовые ополчения, турки. Но, несмотря на бурную, полную всякого рода переворотов, историю этого полуострова, понятие о которой само собою возникает при одном только перечне всех этих, друг другу столь противоположных народностей, он представляет славянский характер на всем протяжении от берегов Дравы и Дуная до побережья Архипелага; полуостров разделяется на две части линией, идущей примерно от устья реки Тимока, впадающей в Дунай, к устью реки Месты, впадающей в Архипелаг, — западную с чисто славянским, сербским населением; и восточную, в которой население представляет собою продукт слияния славянских племен с монгольско-болгарскими ордами; при этом в западной части не славянскую область представляет собой Албания, населенная потомками древнейших обитателей полуострова — арбанасами, шкипетарами, миридитами, тоска-

прочего сербства. Равным образом общий склад местной жизни населения Македонии обуславливался влиянием Архипелага, к которому вели все водные пути, протекающие по этой области, и с которым связывались все интересы населения; обстоятельство это было причиной отсутствия единства интересов населения с южной и с северной стороны Чар-Дага и обуславливало собой и разницу в их политической организации и в их стремлениях; открытая греческому влиянию с побережья Архипелага, Македония не проявляла особого желания политического единения с единоплеменной ей собственной Сербией; такое отсутствие солидарности старого, успевшего сжиться с греческим влиянием, славянского населения Македонии еще в VII веке получило красноречивое выражение; во время сербского переселения VII века сербские племена заселили и всю Македонию до побережья Архипелага, но в скором времени часть их — невозможно определить, как велика была эта часть — без всякой видимой причины оставила Македонию и выселилась к северу от Чар-Дага; мы полагаем видеть эту причину в том, что свежие сербские племена были не в состоянии сжиться со старым населением этой области, с его взглядами и тенденциями. В равнине Болгарии под влиянием одинаковых топографических условий, в которых находится эта часть Дунайского бассейна, развился одинаковый склад местной жизни, способствовавший слиянию в одно целое двух столь противоположных друг другу элементов, каковыми были старые славянские племена, населявшие эту местность, и присоединившиеся к ним монгольские, болгарские племена; долина реки Искры соединяет эту равнину с Македонией и Фракией, и по этой долине болгарский элемент получил некоторое распространение и к югу от Балканского хребта.

Хорватия и Воеводина

К сербским областям относятся еще *Хорватия*, ограниченная реками Дравой, Савой и Адриатическим морем и так называемая *Воеводина*, ограниченная с севера Моришем, с юга и запада Савой и Дунаем, состоящая из трех провинций: Срема, расположенного в углу, образуемом течением Савы и Дуная; Бачки, расположенной между Тиссой и Дунаем; и Баната — к востоку от Тиссы.

Главнейшие города

В Хорватии — Загреб, резиденция хорватского бана и приморский Фиуме. В Далмации — Зара, резиденция наместника Далмации; Сплет или Спалато, Дубровник или Рагуза, Котор или Каттаро. В Герцеговине — Мостар на реке Нарент. В Боснии — Сараево на реке Босне и Баня-лука на реке Вырбасе. В Сербии — Белград и Ниш. В Черногории —

Цетинье, Подгорица, Никшич. В так наз. Старой Сербии — Новибазар, Приштина и Призрен. В Македонии — Скопле, Прилип, Охрид, Серес и приморский Солун.

Главный город Болгарии и причина его нахождения вне собственной Болгарии

Главный город Болгарии — София (в древности Средац) получил свое название от построенного в нем сербским королем Милкутиным храма во имя св. Софии, в котором покоятся останки этого короля; город этот лежит вне собственной Болгарии к югу от Балканского хребта; столицей недавно образованного болгарского княжества избрана болгарами София, по-видимому, в целях так наз. болгарской пропаганды, имеющей в виду образование большого болгарского царства; назначивши столицу в Софии, они получили возможность оказывать сильное влияние на положение дел в Македонии, которую деятели пропаганды еще значительно раньше образования самого княжества уже включили в своих расчетах в состав будущего болгарского царства. Древняя столица болгарского царства была в Тырнове, в собственной Болгарии, а не вне Болгарии, как новая столица София.

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД (VII век — XII век)

Раздробление на отдельные жупы (области). Великие жупаны. Отношения к Византии. — Борьба сербов и Византии с болгарской ордой. Гибель болгарского царства. — Сербское македонское царство и династия Шишмановичей. Гибель его. Подчинение сербов Византии. — Освобождение сербов от византийского ига. Война с Византией и внутренние междоусобные войны.

Раздробление на отдельные жупы (области). Великие жупаны. Отношения к Византии

Расселившись на полуострове, сербы организовались в целый ряд отдельных округов, так называемых жуп, управлявшихся жупанами. С течением времени многим жупанам путем войн удалось значительно увеличить свои жупы и сосредоточить в своих руках довольно большую власть. Главнейшие жупы были Неретва, Захолмье и Требинье (Герцеговина); Зета (нынешняя Черногория с прилегающей местностью и северной частью Албании); Ра̀са вблизи города Нового Базара. Жупаны управляли своими жупами совершенно независимо, но связь между жупанами существовала и выражалась тем, что одному из них принадлежал титул великого жупана, сосредоточившего в своем лице идею государственнос-

ти, принадлежности всех к одному общему целому. Сербы образовали одно великое жупанство, хорваты — два, Далматинское и Посавское.

Такая раздробленность на отдельные жупанства, не только независимые, но часто и враждебные друг к другу, повела к продолжительным внутренним неурядицам, составлявшим сущее бедствие для населения и облегчавшим внешним врагам, чуждым национальностям, их нападения на сербский народ.

Верховная власть византийского императора хотя и была признана сербами при переселении на полуостров, но фактически сербы держались по отношению к императорам и их наместникам независимо, что повело к многочисленным столкновениям с византийцами в течение VII, VIII и IX веков; борьба эта облегчалась для сербов благодаря сравнительной отдаленности их от центрального правительства империи. Гораздо большего напряжения потребовала от них борьба с быстро разросшимся рядом с ними и вступившим на путь завоеваний болгарским ханством. Заметим еще, что упомянутую здесь борьбу Византия должна была вести только с тем сербским населением, которое занимало земли к северу от Чар-Дага; сербское же население Македонии легче подчинилось греческому влиянию и освоилось со старыми византийскими учреждениями, тем более, что большая часть его состояла не из новых сербских поселенцев VII века, но из старого славянского населения, вполне освоившегося с византийскими порядками.

Борьба сербов и Византии с болгарской ордой. Гибель болгарского царства

Овладевшая в конце VII века северо-восточной частью полуострова монгольская орда болгар, покоривши местное славянское население, быстро сформировалась в правильно организованное государство, начавшее тотчас же целый ряд упорных войн с византийской империей и угрожавшее самому существованию последней. В 809 году болгарский хан Крум на долине реки Искры вторгся в северную часть Македонии, взял Средац (Софию), покорил сербское племя Тимочан, уничтожил в 811 году византийское войско вместе с императором Никифором, опустошил Македонию и Фракию, взял Адрианополь и осадил Константинополь. По смерти Крума (815 г.), покоренные им сербские племена, в союзе с франками и с хорватами, вели продолжительную борьбу с ордой. Болгарским ханам стало очевидно, что для того, чтобы вести успешную войну с Византией, им необходимо сначала справиться с сербами. Хан Пресиян начал в 836 году упорную войну с сербским великим жупаном Властимиром, продолжавшуюся три года, но был разбит сербами и отражен. Преемник его хан Борис (852—888), воюя с Византией, вторгся в Македонию, а также возобновил попытку покорения сербов, но был побежден великим жупаном Мутимиром; вслед затем он напал и на хорватов, но и

ими был побит. Борис вместе со всей Болгарской ордой принял христианство от св. Кирилла и Мефодия, что повело к упразднению ханского титула; с этого времени болгарские государи принимали титул царей. Принятие христианства несколько не ослабило, однако, буйного характера орды. Преемник Бориса, царь Симеон Великий (888—927 г.), придал своим войнам с Византией небывалую до тех пор решительность и выдержанность; он завоевал Македонию и часть Фракии; стесненные им византийцы обратились за помощью к сербам и к мадьярам, появившимся в конце IX века у устьев Дуная. Великий жупан Петр (891—914), видевший в разбушевавшейся орде большую опасность и для сербов, без всякого колебания вступил в союз с греками. Отбитые первоначально Петром, болгары пригласили его в свой лагерь будто бы для переговоров о мире, но тут схватили его и увели в Болгарию, где он и умер (914 г.). Затем, после опустошительного набега на Сербию, болгары удалились, оставив на великожупанском престоле Павла, родственника погибшего Петра. Новый жупан (915—921), хотя и отказался от союза с греками, но не желал быть и вассалом болгарского царя, отчего возбудил против себя гнев последнего и должен был уступить престол проживавшему при дворе Симеона одному из Властимировичей Захарии. Последний, ставши великим жупаном (921—924), тотчас вступил в союз с греками, вследствие чего Симеон, открывши после больших приготовлений поход на Царьград, выслал и на Сербию двух своих воевод (Имника и Ичвугли — по каковому имени можно заключить, что в первой половине X века монгольский элемент у болгар был в полной силе), которых, однако, Захария разбил наголову (923 г.), отчего Симеон вынужден был снять осаду Константинополя (923 г.) и, возвратившись в Болгарию, отправил огромное войско на Захария. Захария не решился на отпор и бежал в Хорватию, куда за ним последовала и масса обьятого ужасом населения; часть населения укрылась в горах, а не успевшие бежать были уведены в рабство. Страна потерпела страшный разгром и на семь лет обезлюдела. Болгарское войско, следуя за бежавшим великим жупаном и за массой эмигрировавшего населения, переправилось и в Хорватию, но тут было уничтожено соединенными хорватами и сербами (927 г.). К счастью и для сербов и для греков Симеон вскоре умер (927 г.). Он довел могущество болгарской орды до ее кульминационного пункта; вся Македония, за исключением приморских городов, была завоевана им, равно как и часть собственной Сербии. Упоенный своими успехами, Симеон не желал более и духовной зависимости Болгарии от греков; в 918 году Симеон возвел Дерстерского архиепископа в сан болгарского патриарха, имевшего в собственной Болгарии пять епархий, — каковой факт был признан и самим Константинопольским патриархом в 924 году (по снятии Симеоном осады Константинополя).

Царство это оказалось, однако, весьма призрачным, эфемерным. Далеко немногочисленная орда оказалась вовсе не в состоянии удерживать свои завоевания и держать в своем подчинении многочисленное славянское население завоеванных областей, относившееся к своим монгольским завоевателям с понятным отвращением и ненавистью; орда только силой могла держать это население в повиновении. Византия, между тем, подыскивала для себя новых союзников, чтобы сломить могущество орды; болгары должны были при преемнике Симеона Петре (927—968) вести непрерывные войны с мадьярами, печенегами, русскими (болгарские походы Святослава); пользуясь затруднительным положением Петра, Шишман, один из сербских князей, проживавший при его дворе, без труда поднял всю Македонию и освободился от болгарского ига, основавший при этом отдельное государство со столицей в Охриде в 963 году; сведенное таким образом к своей первоначальной величине, к той территории, которая ограничена Дунаем, Балканским хребтом и берегом Черного моря, ослабленное продолжительными войнами, болгарское царство было завоевано в 971 году воинственным византийским императором Иоанном Цимисхием, и Болгария вошла в состав Византийской империи. Так пало болгарское царство; вместе с ним окончил свое существование и независимый болгарский патриархат, и болгарская церковь была непосредственно подчинена греческой.

Сербское македонское царство и династия Шишмановичей. Гибель его. Подчинение сербов Византии

Хотя болгарское царство и пало, но византийцы не считали своего дела законченным, пока еще не была возвращена в состав империи отнятая у них болгарами Македония; имея в виду, что Македония отвоевана у них болгарами и вошла в состав болгарского царства, они считали болгарским и то царство, которое основал Шишман в Македонии, и полагали, что они тогда лишь покончат дела с болгарами, когда уничтожат то правительство, которое установилось в Македонии и которое они считали болгарским. Они вовсе не интересовались вопросом о том, были ли и могли ли быть в Македонии болгары; им ясно было только то, что Македония отнята была от них болгарами, и в ней образовалось болгарское правительство; совершенный Шишманом переворот вовсе не интересовал их с национальной точки зрения; их задача состояла в уничтожении образовавшегося «болгарского» правительства, и тот факт, что правительство это перестало быть болгарским, прошел для них незамеченным. Вот почему, несмотря на падение болгарского царства в 971 году, оно в летописях византийских историков продолжает фигурировать, так как они продолжали считать болгарским правительство, установившееся в Македонии, и болгарскими царями Шишмана и его потомков.

Это македонское, чисто славянское, сербское царство при сыне Шишмана Самуиле (976—1014) начало войну с соседним сербским жупаном Владимиром, управлявшим своей жупой с титулом короля, очевидно заимствованным у соседних хорватов; Самуил, отразивши византийского императора Василия, обратился на север и занял всю область короля Владимира, самого его взял в плен и сослал в Пресну; тут Владимир женился на дочери Самуила Косаре, и тесть возвратил ему его земли.

Византийцы между тем не упускали из вида Македонии. В 996 году вновь началась война между Василием византийским и Самуилом; греки одерживали верх; они вытеснили Самуила из южных областей Македонии и западных сербских областей Болгарии, на которые распространил свою власть Самуил, и взяли Виддин. В 1014 году вспыхнула третья война между обоими царями; Василий разбил наголову Самуила и, распорядившись ослепить 15 тыс. сербов, захваченных им в плен, приказал отвести ослепленных в Прилип, куда бежал Самуил; последний при виде этой массы изувеченных умер внезапно от разрыва сердца. Этой гнусности Василий обязан титулом «болгарохтон» (болгаро-бойца), которым почтили его современники. Наследовавший Самуилу царь Гаврил Роман был умерщвлен своим родственником Владиславом, который и принял титул царя (1014—1017). Задумавши увеличить свои владения, он пригласил к себе в Охриду сербского короля Владимира, приказал умертвить его и занял его область. Война с греками между тем продолжалась. Владислав осадил Драч, но здесь, мучимый угрызениями совести, умер (1017). Его сын Фрушин продолжал войну, но вскоре был совершенно побежден и взят в плен (1019 г.). Вся Македония вновь вошла в состав Византийской империи. Македонское царство, основанное Шишманом в 963 году, пало в 1019 году после 55-летнего существования. Византийские историки по приведенной уже нами причине считали его болгарским, упустивши из виду, что в состав этого царства не входила Болгария; это было чисто славянское, сербское царство с одним только славянским, сербским населением; и императору Василию ошибочно дано, ему вероятно очень льстившее, прозвание болгарохтона; он был «сербохтон».

Вместе с уничтожением македонского царства греки восстановили свою власть на всем полуострове; сербские жупаны признали власть императора (1019 г.).

Освобождение сербов от византийского ига.

Войны с Византией и внутренние междоусобные войны

Но вскоре родственник убитого Владиславом короля Владимира Воислав умертвил всех поселившихся в его области греков и разбил высланное на него греческое войско. Тогда император Константин Мономах, озабочившись предварительно возбуждением против Воислава жупана

рашского, боснийского бана и жупана захоломского, выслал на него огромное войско под начальством драчского наместника Михаила; войско это в 1043 г. было уничтожено Воиславом, который утвердил таким образом свою независимость по отношению к Византии.

События эти не остались без влияния на соседние области; при премнике Воислава Михаиле они восстали против греков и просили помощи у Михаила, который и послал им отряд войска со своим сыном Бодином во главе (1072 г.). Бодин вначале удачно повел дело, разбил греков и был провозглашен царем; он перенес войну в Македонию, разбил греков у Скопле, но вслед затем стал терпеть неудачи, был взят в плен и сослан в Антиохию (1073 г.), из которой впоследствии бежал. В 1080 году Бодин наследовал своему отцу в Сербии, и в войне с греками, не покидавшими надежды утвердить свою власть в сербских землях, перешел в наступление и отвоевал от Византии город Драч со всей драчской областью (1085 г.), который однако при заключении мира он возвратил. Бодин обнаружил ясное намерение объединить сербские земли; он занял рашскую жупу (новобазарскую) и часть Боснии; ведя гражданскую войну со своими родственниками, он осадил и взял в 1100 году приютивший их Дубровник. Сосредоточивши в своих руках большую власть и силу, он стремился утвердить в стране столь недостававший ей порядок. По его смерти (1102 г.) междоусобные войны, усердно поддерживаемые византийскими императорами, еще в течение 60 лет раздирали страну. В 1159 году рашский жупан Стефан Неманя положил прочное начало государственной жизни Сербии и основал династию Неманичей, при которой Сербия развилась в могущественное и цветущее государство.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Распространение христианства. Издание богослужебных книг на церковно-славянском языке. Крещение болгарской орды. Был ли язык богослужебных книг древнеболгарским? — Разделение церквей. Влияние его на сербство. Сплетские соборы. — Судьба хорватов. — Праздник «Славы» или крестного имени.

Распространение христианства. Издание богослужебных книг на церковно-славянском языке. Крещение болгарской орды. Был ли язык богослужебных книг древнеболгарским?

Христианское учение стало распространяться у сербов тотчас со времени поселения их на полуострове; но оно прочно установилось с того времени, когда богослужебные книги, будучи переведены на славянский язык, стали понятны и поэтому доступны народу.

Мы видели уже, что в течение II—VII веков славяне наводнили весь Балканский полуостров до самых южных его пределов и что в настоящее время существует на самом юге Македонии основанный ими городок Србница; кроме того, мы высказались за то, что славяне эти были именно сербы, так как они не могли быть никаким иным из известных подразделений славянства; в пользу этого говорит и тот факт, что язык современного населения Македонии или ничем не отличается от сербского, или имеет чисто местные от него уклонения; в пользу этого же говорит и близость к сербскому современного так называемого «болгарского» языка, представляющего в сущности тот же сербский язык, испорченный влиянием на него болгарского, монгольского элемента. Принимая во внимание, что отсутствие на полуострове каких-либо иных славян, кроме сербов, подтверждается также общим ходом истории полуострова, и что само понятие «славянский», будучи совершенно книжным, отличается полной неопределенностью, и в дальнейшем изложении будем просто называть славян Балканского полуострова сербами, совершенно подобно тому, как никто не употребляет этого слова (славяне), желая обозначить поляков, чехов или русских.

Среди этого сербского населения Македонии росли и воспитались в IX веке в городе Солуни, расположенном на берегу Архипелага, братья Кирилл и Мефодий. Они получили то высшее образование, какое в состоянии было дать им современное состояние византийской образованности. Само собой разумеется, что образование это, полученное ими в Константинополе и в обстановке не только чуждой, но и высокомерно-презрительной по отношению ко всему негреческому, не только не содействовало развитию в них знания сербского языка, но скорее действовало обратным образом, отчуждало их от того знания ими этого языка, которым они обладали естественным образом, благодаря тому факту, что они среди сербского народа выросли (а может быть и сами были сербы, так как в противном случае было бы не понятно то усердие, с которым они всю свою жизнь посвятили письменности среди славян и для нужд славян — сербов и чехов). Отсюда естественно, что, предпринявши перевод богослужебных книг на сербский язык, этого первого книжного издания на славянском языке вообще и на сербском в частности, они внесли в него кое-какие изменения, путем которых они полагали избегнуть некоторых казавшихся им грубыми форм, причем руководящей нитью служили им формы хорошо известного им греческого языка, и придали ему тот книжный характер, который и составил главное отличие языка богослужебных книг от обыкновенного разговорного языка современного им населения Македонии. Для издания этих книг они изобрели сербскую азбуку, прототипом для которой служил греческий алфавит, и ко-

торая известна под именем кириллицы, так как составление ее приписывается именно св. Кириллу (855 г.).

Книги эти тотчас же получили самое широкое распространение на всем полуострове — в Македонии, Сербии, Хорватии и Болгарии — и быстро вытеснили обращавшиеся на нем греческие богослужебные книги. Они содействовали также и принятию христианского учения и господствующей монгольской части населения Болгарии, которой сербский язык был без сомнения понятен, так как это был язык большей части населения страны: сам хан болгарский Борис со всей своей ордой принял от св. Мефодия крещение в 860 году и при крещении получил имя Михаила. В миссионерской деятельности свв. братьев среди собственно сербского населения полуострова не было надобности, и она фактически и не имела места, так как население это и без того уже было христианским; издание ими богослужебных книг только упрочило христианскую религию среди сербского населения и дало ему возможность сознательного к ней отношения; кроме того, они содействовали распространению христианства в тех немногих утлах сербства, которые долго упорствовали в язычестве; такова была часть Герцеговины Нерства, прозванная за свою продолжительную приверженность языческой религии Паганией. Потрудившись некоторое время над утверждением в христианстве собственно болгарской орды (860 и 861 годы), оба брата все прочее время своей миссионерской деятельности с 862 года посвящали чехам и морavam, среди которых они и скончались (св. Кирилл 869 г. и св. Мефодий 885 г.).

Язык, на котором написаны богослужебные книги принято обыкновенно называть древнеславянским, или церковнославянским, или, наконец, древнеболгарским. Первые два названия правильны, но неопределенны, так как само слово «славянский» совершенно неопределенно. Что касается названия «древнеболгарский», которым окрестили этот язык, то оно совершенно неправильно, и самое существование такого названия прямо вызывает недоумение. Этот язык болгарским именно и не мог быть, так как болгарский язык монгольской орды не мог иметь никакого сходства с известным всем церковнославянским языком. Предположение же, что язык болгарской орды ко времени деятельности Кирилла и Мефодия совершенно исчез, и что орда, забывши свой собственный болгарский язык, усвоила себе язык покоренных ею славян, несколько испортивши его при этом своим влиянием, и что этот именно славянский испорченный болгарской ордой язык и назывался в те времена болгарским, — такое предположение противоречит здравому смыслу, так как от переселения орды на полуостров в конце VII века до времен Кирилла и Мефодия в середине IX века прошло около 160 лет, какового промежутка

бывшей к тому же господствующим классом в государстве. Слияние обоих языков, болгарского и славянского, совершилось значительно позже, причем церковнославянский язык был могучим фактором в процессе вытеснения болгарского языка славянским, и язык населения современной нам Болгарии действительно есть продукт слияния этих двух языков и носит название болгарского (также совершенно неправильно, ибо этот «болгарский» язык чрезвычайно похож на сербский и ни малейшим образом не похож на тот, которым должны были говорить древние болгары). Но если бы даже допустить, что этот болгарский язык, продукт слияния собственно болгарского и славянского языков, образовался в середине IX века и послужил для издания богослужебных книг, то мы и тогда встретились бы с непримиримым противоречием: в церковнославянском языке нет того члена, который болгары приставляют непременно к существительным и к прилагательным и который составляет неотъемлемую и характернейшую черту болгарского языка, например: князьт на Болгарията, длгата пушка. Таким образом, название церковнославянского языка древнеболгарским есть совершенная неправильность, граничащая с абсурдом; это не был древнеболгарский язык.

Разделение церквей. Влияние его на сербство. Сплетские соборы

Распространение богослужебных книг на церковносербском языке и принятие христианства болгарским ханом Борисом совпало с временем обострения отношений между константинопольскими патриархами и римскими папами, соперничество между которыми возникло еще со времени разделения в IV веке Римской империи на восточную и западную. Папы претендовали на первенство среди иерархов церкви и на право властного вмешательства в дела восточной церкви; сюда присоединился еще и спор о принадлежности только что сформировавшейся болгарской церкви к восточной или к западной, о подчинении ее константинопольскому патриарху или римскому папе. На соборе 867 года патриарх Фотий обвинил папу в допущении различных отступлений от первоначальных обрядов и в догматической ереси, выразившейся в добавлении в символе веры слов «и сына». Собор изрек анафему на папу Николая и осудил его к свержению с папского престола. Решение это не имело, конечно, никакой силы на западе. Впоследствии Фотий старался примириться с папой, но неотступное требование последним подчинения Болгарии церковной власти Рима принудило его прекратить попытки к соглашению; оба иерарха проклинали друг друга (878 г.). После этого распря до XI века не возобновлялась. В XI же веке патриарх Михаил Керулларий возобновил спор, обвинял папу в кощунственном присвоении себе власти наместника Христа и св. Петра и т.п. Папа Лев IX потребовал покорности от патриарха, но безуспешно, и

разразился проклятием на патриарха и на всю восточную церковь. Патриарх изрек проклятие на папу и на всю латинскую церковь (1054 г.). С тех пор прекратилась всякая связь между церквями.

Эта распря между церквями и полное разделение их оказались роковыми для сербского народа, так как разделили его на две враждебные части — православную и католическую.

Стремления пап приобщить сербов полуострова к западной церкви остались безуспешными. Но их усилия увенчались полным успехом в западной части сербства, в Хорватии. Хотя народ всюду предпочитал слушать богослужение на понятном ему языке, но высшее духовенство склонялось более к западной церкви, обеспечивавшей ему высокое и независимое от светских властей положение. Церковнохорватский собор, созванный в Сплете в 925 году, постановил, что богослужение должно совершаться на латинском языке, но отнюдь не на славянском. Тем не менее, славянский язык в богослужении напел массу охранителей и почитателей в народе и низшем духовенстве, почему и держался во многих местах. Но после окончательного разрыва между церквями (1054 г.) созванный в Сплете в 1059 году второй собор подтвердил постановление первого сплетского собора, и хорваты окончательно приобщились к западной римской церкви, каковое обстоятельство повело к почти полному их духовному отчуждению от прочей массы Сербства. Подчинившись фанатизирующему и растлевающему влиянию католических монашеских орденов, они научились относиться с презрением и ненавистью к своим братьям по племени и языку; в своем фанатическом ослеплении они пребывают и теперь совершенно так же, как и столетия назад, представляя удивительный пример мертвенного застоя и оцепенения; не дальше как в этом 1902 году, обезумевшая от фанатизма толпа напала на химическую лабораторию загребского университета с целью разрушить ее, как богопротивное учреждение. Духовно искалеченные иезуитами и прочими монашескими орденами, они лишились всякой собственной инициативы и годны только как орудие для достижения чуждых им целей в руках властвующих над ними духовных орденов и чужих национальностей. Мы сделаем здесь краткий обзор их истории до того времени, когда они окончательно подпали под власть мадьяр.

Судьба хорватов

Освободившись в 827 году от франкского ига, хорваты образовали два великих жупанства — далматинское и посавское. Благодаря внутренним распрям, вызванным отчасти борьбой влияний Рима и Византии, а отчасти различием в общем складе жизни и в интересах насе-

мадьяр, которые легко овладели северной частью Посавского жупанства и утвердились здесь. С 890 года великие жупаны хорватские принимают титул королей, каковому примеру вскоре затем последовал и сербский зетский жупан. Между хорватами и сербами имели место деятельные сношения, что видно из того, что в начале X века они соединенными силами отразили нашествие болгарского царя Симеона.

Между тем узкая береговая полоса Далмации с городами Зарой, Сплетом, Дубровником все более отчуждалась от прочих областей и Хорватии и Сербии, проникаясь теми интересами, которые порождала близость Адриатического моря, и происходившее на почве торговых сношений сближение ее с итальянским побережьем вообще и с Венецией в особенности; итальянское влияние сильно распространилось по всему далматинскому побережью; все это способствовало отчуждению означенных городов от прочей части хорватства, и король хорватский Дыржислав (Држислав) вел безуспешную с ними войну. Во второй половине XI века королю Крешимиру (1050—1074) удалось принудить приморские города к повиновению, но ненадолго. После его смерти приморские города, призвавшие на помощь отряды норманнов из Италии, выдержали успешную борьбу с хорватами и обособились от них.

Вскоре после второго Сплетского собора (1059 г.) папа Григорий VII, вполне довольный окончательным утверждением латинства в хорватской церкви, прислал избранному хорватами в короли Звонимиру (1075—1087) знаки королевского достоинства, утвердив таким образом его духовную зависимость от Рима. Многочисленные народные волнения указывают на существовавшее в народе недовольство такой зависимостью; есть предание, что сам Звонимир был убит во время бунта, вызванного предпринятыми им по повелению папы приготовлениями к крестовому походу в Азию.

Во время смут, наступивших после смерти Звонимира, один из областных правителей обратился за помощью к венгерскому королю Ладиславу, который и вступил в Хорватию и овладел северной ее половиной. При преемнике Ладислава Коломане хорваты сделали попытку изгнать мадьяр из занятой области, но неудачно; Коломан овладел всей страной до Адриатического побережья (1096 г.) и удалился, оставив гарнизоны в стране и установив в ней венгерское управление. Но уже в следующем году хорваты поднялись и изгнали мадьяр. Коломан снова подступил к Хорватии с огромным войском, но предпочел достигнуть цели более легким способом, чем упорной борьбой: он вступил в соглашение с хорватской знатью, предлагая ей признать его своим королем, а он, в свою очередь, обязался бы не вмешиваться в их внутреннее самоуправление и в действия бана и жупанов. Такое соглашение состоялось, и Коломан короновался в Заре в короли Хорватии и Далмации (1102 г.).

Таким образом через 43 года после окончательного утверждения хорватской знатью на втором Сплетском соборе неестественного латинства в церкви та же знать утвердила и политическую столь же неестественную унию, прикрывавшую порабощение, с чисто монгольским мадьярским народом; так хорваты, благодаря изменническому и эгоистическому образу действий своей знати, лишились облика и духовного и политического. В этой странной унии с мадьярами, прикрывающей порабощение, они мирно пребывают и по настоящее время, и, рассматривая ее, нельзя не воскликнуть вместе с черногорским владыкой-поэтом:

*Великаши, прокляты их души,
На куски царство раздробили,
Сербские силы страшно стерли!
Великаши, дрянные несчастные,
Своего рода изменниками стали!*

До сплетских соборов 925 г. и 1059 года богослужебные книги у хорватов и вообще у западных сербов были писаны особым существовавшим у них алфавитом, известным под именем глаголицы. Но после второго сплетского собора глаголица стала исчезать; ее место не только в духовной, но и в светской литературе занял латинский алфавит, которым хорваты пишут и ныне.

С подчинением венгерцам хорваты закончили свое самостоятельное политическое существование, и в дальнейшей истории они уже не выступают непосредственно от себя и не преследуют никаких своих самостоятельных целей служат только орудием в руках других для достижения целей, им самим совершенно чуждых. Мы поэтому на изложенном закончим рассмотрение судьбы хорватов и более не будем иметь случая возвращаться к ним.

Праздник славы или крестного имени

Принятие христианства сопровождалось установлением у сербов пользующегося у них всеобщим и повсеместным распространением праздника «славы» или «крестного имени» (крсно име). Празднование этого праздника в полной силе и в настоящее время, и оно присуще одним только сербам, так как ни у какого иного народа этого праздника нет: оно может служить отличительным признаком принадлежности к сербскому племени там, где по тем или иным причинам по этому предмету могло бы возникнуть сомнение. Происхождение этого праздника таково: при крещении каждая данная семья принимала, как своего фамильного патрона, того святого, память которого праздновалась в этот день церковью: этот день и есть день крестного имени или славы для всех тех,

предки которых в данный день приняли крещение. Праздновать этот день называется «славить славу» или «служить крестное имя». Это один из наибольших и для каждой данной семьи наиболее торжественных праздников. Празднование начинается молебствием и сопровождается некоторыми приуроченными к празднику обрядами; затем славящий славу должен устроить угощение своим гостям, лично при этом прислуживать им, не садясь за стол по крайней мере до тех пор, пока не поднята первая чаша вина в честь самой Славы самим хозяином.

Ввиду исключительно сербского характера этого праздника, я полагаю полезным иллюстрировать его двумя трактующими о нем народными песнями.

Как крестное имя служить надо

Святого славит сербский царь Стефан,
Святого славит — святого Архангела.
Всех господ на святого созвал.
И созвал триста священников
И двенадцать великих владык
И четырех старых проигуменов.
Славно царь их рассадил,
Всех посадил друг до друга.
А царь Стефан холодное разносит вино,
Господам по порядку чашу подает.
Как по царски нужно и требуется
Свое крестное имя послужить.
Но говорят господа христианские:
«Царь честной, солнце яркое!
Нам просто и неловко и совестно,
Что ты нам вино подаешь;
Но ты сядь вместе с нами за стол,
Слугам отдай — пусть разносят вино».
Обманулся Сербский царь Стефан
И сел с ними за стол,
А еще чаши в честь Славы не выпил
И молитвы не прочитал,
Не послужил крестного имени своего
Один день, как час один.
Пока царь Стефан на ногах был,
Стоял возле него святой Архангел,
Стоял у правого плеча его,
Крылом по лицу милует его.

Когда царь Стефан сел за стол,
Рассердился Архангел святой,
Крылом по лицу ударил царя
И ушел из царского двора.
Этого из двора никто и не заметил,
Кроме одного монаха старого,
И он слезы льет по лицу.

На вопрос, отчего он плачет, монах объяснил, что он видел.

Об этом придворные царю доложили.
Тогда царь на ноги встал
И поднял триста священников
И двенадцать великих владык
И четырех старых проигумнов,
И взяли они книги старинные,
И читали молитвы великие
Три дня и три темных ночи;
Молятся Богу и святому Архангелу,
И на это наконец едва смиловался,
Едва смиловался Архангел святой,
И царю тот грех простил,
Что царь сел за стол,
А в честь Славы еще чаши не поднял.

Кто крестное имя служит, тому и Бог помогает

Что это слышно рано в воскресенье,
В воскресенье раньше яркого солнца,
В Соколе, в городе белом,
В темнице Петра Мырконича?
Грустит, точно сокол сивый,
А в действительности Тодор воевода!
Если он и грустит, то и неволя же у него!
Завтра у него крестное имя святое,
А нечем ему прославить его!
И он просит сторожа молодого,
Чтоб его отпустили за покупками

.....
У Тодора ровно ничего нет,
Кроме одних ножей золоченых, —
За них ему четыре дуката дали.

На дукат он взял хлеба белого,
На другой водки и вина,
На третий всякого угощения
И тех славных ясных свеч,
А четвертый дукат оставил,
Чтобы обдарить заключенных в темнице
Ради Бога и крестного имени.

.....

Ужинают, пьют вино холодное,
Встал Тодор, в Славу чашу поднимает:
«О дивная, прекрасная Слава Божия,
Святой Георгий, мое имя крестное!
Избавь меня от темницы проклятой».
Тут появился юнак перед темницей:
«Выходи ко мне, воевода Тодор!
Ворота темницы открыты,
Все девять открыты ворот
И десятый замок Дубровницкий».
Тогда вышел воевода Тодор, —
Перед темницею чудный добрый юнак
На витязе зеленом коне;
На нем чистый зеленый бархат
И славная шелковая шапка,
За шапкой нота — птицы крыло, —
Тень бросает на коня и юнака,
Чтобы лице от солнца не загорело!
И Тодору юнак говорит:
«Слышишь, брат, воевода Тодор!
Этой ночью выходи из темницы,
Но не иди вдоль моря синего,
Ибо часты стражи у латинов,
Могут схватить тебя;
Но прямо в темную гору ступай».
Обернулся воевода Тодор,
Чтобы юнака вином угостить, —
Но не стало ни коня, ни юнака.

.....

Когда Тодор к дворам своим подошел —
А жена его крестное имя служит,
Созвала гостей и друзей,
И кумовьев, и приятелей всех,

И госпожа крестное имя служит,
Во Славу чашу поднимает:
«Помоги, Боже и святой Георгий,
Крестное имя господина моего!
Избавь его от темницы проклятой!»
В этот момент Тодор во двор,
.....

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА. ДИНАСТИЯ НЕМАНИЧЕЙ

ВЕЛИКИЙ ЖУПАН СТЕФАН НЕМАНЯ, ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ НЕМАНИЧЕЙ (1159—1195 г.)

Во все время существования болгарского царства происходила почти непрерывная борьба с ним сербов, причем наибольшая тяжесть ее ложилась на пограничные с этим царством сербские области; в них сосредоточилась борьба с внешним врагом, сюда стекались со всех концов сербства отряды воинов, чтобы принять участие в отражении внешнего врага. Эти области привлекали на себя особое внимание народа, пользовались особым в его глазах значением; сюда устремлялись лучшие силы со всех прочих областей, вдохновляемые идеей защиты от иноземного врага, от чуждых народностей; в этих областях пребывала и наибольшая власть в стране, великий жупан.

Такой наиболее важной областью во все время существования болгарского ханства, а затем царства, была область, граничившая с Болгарией; здесь пребывали и великие жупаны, которые вели борьбу с болгарской ордой. Мы видели уже, что борьба эта закончилась страшным разгромом этой области болгарами при болгарском царе Симеоне и что великий жупан Захария вместе с массой объятого ужасом народа бежал в Хорватию (924 г.). Власть великого жупана таким образом фактически упразднилась, а область, на которую обращено было особое внимание всего народа, обращена была в пустыню. Не было более такого пункта, который сосредоточивал бы на себе взоры всех прочих областей; все области сравнялись между собой по своему значению и зажили каждая своей местной жизнью, своими местными интересами и взаимно изводили свои силы, разрешая с оружием в руках возникавшие между ними споры и несогласия. Болгарская орда, разгромившая часть страны в 924 г., уже более не производила набегов на Сербию, так как вполне была занята в других пунктах борьбой с мадьярами, печенегам, русскими и византийцами, причем последними была в 971 г. совершенно покорена. Мы видели также, что от болгарского царства отделилась вся Македония и образовала особое царство с сербским населением и что царь Самуил стремился распространить свою власть и к северу от Чар-Дага, в коренные сербские земли, с каковой целью предпринял борьбу с правителем прилегающей к Чар-Дагу области королем Владимиром. Вместе с тем разви-

лась борьба между Самуилом и византийским императором Василием, закончившаяся уничтожением македонского царства в 1019 г., воссоединением Македонии с Византийской империей и подчинением императору сербских жупанов. События эти повели к тому, что на пограничную с Македонией область, прилегающую к Чар-Дагу, сосредоточилось внимание всего народа; она, как место предстоящей борьбы с Византией, получила преимущественное значение перед всеми прочими областями сербства, здесь стали сосредоточиваться лучшие силы народа со всех областей, вдохновляемые идеей борьбы с иноземным врагом; и правитель этой области король Воислав не далее, как через 24 года после падения македонского царства, получил возможность сбросить византийское иго, а преемники его — вести удачную борьбу с Византией. Словом, юго-западная прилегающая к Чар-Дагу область сербских земель, развернув знамя борьбы с Византией, стала средоточием государственной жизни, пунктом, на который обращены были взоры всего сербства.

Во второй половине XII века правитель этой области король Градьяня разделил ее на пять уделов и распределил их между своими пятью сыновьями, из которых младшему Немане досталось рапское жупанство (вблизи города Новобазара); старший Радослав носил титул короля.

В тех областях, прилегающих к Адриатическому морю, в которых родился и вырос Неманя, происходила борьба между духовенством греческим и римским; ввиду сравнительно не так давно происшедшего разделения церквей (1054 г.), рознь между ними не успела еще пустить глубоких корней в населении и вообще не была так резка, какой она стала впоследствии; вообще, области, близкие к Адриатическому побережью, колебались между византизмом и латинством, и нередко случалось, что одни и те же люди обращались для удовлетворения своих духовных потребностей к представителям то одной, то другой из соперничающих церквей. Благодаря такому положению вещей случилось, что Неманя был крещен по латинскому обряду. Но в рапском жупанстве, которое он получил в удел, в церковном отношении не было двойственности в народе; тут население было вполне предано восточному православию; первый же шаг Немани содействовал огромной популярности его не только в населении его жупанства, но и далеко за пределами его: он, будучи уже тридцати лет от роду, вторично крестился по греческому обряду и прочно стал на почву восточного православия. Если принять во внимание, что вся духовная жизнь населения тех времен сосредоточивалась в религии, то легко понять, что факт этот сразу выдвинул в глазах населения Неманю из ряда прочих жупанов соседних областей. Постройкой церквей и монастырей и тесными мирными сношениями с Византией, считавшейся центром православия, Неманя удовлетворял сильно развитому религиозному настроению в народе и тем еще более выделил себя из среды прочих жупанов, вечно занятых своими

взаимными ссорами и столкновениями. Мирная и строго православная деятельность Немани стала известна и в Византии и вызвала особое к нему доверие и расположение императора Мануила Комнена, который пожаловал ему титул великого жупана (1159 г.). Братья с тревогой смотрели на возрастающую популярность Немани и на его сношения с Византией и потребовали у него отчета и покорности старшему брату. Это повело к совершенному разрыву Немани с братьями, которые сообща решили лишить вовсе власти своего младшего брата, огромная популярность в народе которого становилась угрожающей для них самих. Насколько значение их было подорвано в их собственных уделах, видно из того, что они оказались не в состоянии у себя дома собрать достаточно войска, чтобы всем сообща справиться с младшим братом; они должны были оставить свои уделы и, возвратившись с наемными дружинами греков, германцев и сарацин, двинуться на Неманю, который их совершенно разбил и немедленно же овладел всеми их землями до Адриатического побережья с городом Котором (1173 г.); население присоединенных им областей не оказало никакой защиты своим жупанам и видело в Немане избранника Божия и в его успехах — благословение Божие. Сам Неманя в благодарность за избавление от грозившей ему со стороны братьев опасности выстроил в честь Георгия Победоносца две церкви, ставшие известными в народе под именем Юрьевых Столпов.

Столицу свою он перенес в город Приштину на реке Ибре. Женившись на дочери боснийского бана Борича, он получил и часть Боснии в приданое за женой.

Греки с тревогой следили за возрастающим могуществом великого жупана сербского; они рассчитывали с помощью набожного Немани восстановить свое влияние в Сербии, но они ошиблись в расчете. Тотчас после смерти императора Мануила Комнена Неманя предпринял уничтожение византийского владычества в соседних областях, в которых оно еще держалось; сначала в союзе с венгерцами, а затем самостоятельно он завоевал и присоединил к своим владениям области Барскую и Скадарскую на западе, на юге — все земли до Чар-Дага и на востоке — до Моравы и города Ниша; разорил Средац (Софию) (1180 г.). Узнав о крестовом походе, к которому готовился император германский Фридрих Барбаросса, Неманя отправил к нему посольство, обещая всякое со своей стороны содействие при проходе крестоносцев через сербские земли (1188 г.). Действительно, он встретил императора у Оршовы, снабдил провиантом крестоносное войско и самому императору предоставил большие денежные средства. Император пожаловал ему титул короля и герб — двуглавого орла на красном поле.

Во второй войне своей с греками (1191 г.) он утвердил за собой свои завоевания и, заключая мир с ними, женил своего сына Стефана на доче-

ной войны и беспорядков, убедил короля Радослава отказаться от престола в пользу младшего брата Владислава, которого он также венчал на царство (1234 г.). Остаток жизни Сава решил провести отшельником и, назначив архиепископом сербским некоего Арсения, вновь поехал в Иерусалим. Возвратившись, он посетил в Тырнове болгарского царя Асеня, на дочери которого был женат его племянник король Владислав, и здесь умер (1237 г.).

Церковь причислила Саву к лику святых, а сербский народ признал в нем своего учителя и просветителя. Деятельность Савы по устройению сербской церкви и утверждению православия стоит наравне с деятельностью его великого отца по устройению государства. Тело св. Савы перенесено королем Владиславом в монастырь Милешево (1238 г.), где оно и пребывало до 1595 года; в этом же году оно было взято отсюда белградским губернатором Синан-пашой и сожжено на костре, причем паша заставил самих сербов поджечь костер и подбрасывать дрова.

Радослав. (1228—1234 г.), старший сын и преемник Стефана, в короткое время своего управления успел возбудить неудовольствие против себя и, не будучи в состоянии справиться с возмущением, бежал в Дубровник. Архиепископ Сава убедил его отречься от власти и постричься в монахи; на престол вступил второй сын Стефана **Владислав** (1234—1240 г.).

Владислав после короткой и успешной войны с греческим драчским наместником Иваном Ангелом занялся внутренними делами; при нем стали разрабатываться рудники и чеканились первые сербские монеты. В выстроенный им монастырь Милешево он перенес тело умершего в Тырнове своего дяди архиепископа Савы.

Урош (1240—1272 г.)

Владиславу наследовал его младший брат, последний сын Стефана Неманича, Урош. Вскоре по вступлении его на престол произошло нашествие татар (1242 г.), которые, однако, разорив часть Сербии и Боснии, внезапно повернули назад и удалились в свои степи. Урошу пришлось столкнуться и с Венгрией; после короткой войны Урош и венгерский король пришли к соглашению, по которому сын Уроша Драгутин женился на дочери венгерского королевича Стефана (1271 г.). Имела ли при этом Венгрия в виду тот принцип, который впоследствии усвоил Габсбургский дом и выразился в известном стихе— *bella gerant alii*..? Несомненно только, что венгерцы тотчас стали подстрекать Драгутина к возмущению против отца. С помощью венгерского войска Драгутин пошел на своего отца и принудил его бежать в Драч, где престарелый и удрученный горем Урош вскоре умер (1272 г.). Драгутин перенес его тело в выстроенный им монастырь Сопочаны.

Драгутин (1272—1275 г.)

За преступлением последовало наказание. Напрасно Драгутин старался развить широкую деятельность и выказать себя достойным престола, удачно воевал с Болгарией и Боснией, вводил порядки во внутреннем управлении; посылал щедрые подарки в русские церкви. Мучимый угрызениями совести, напуганный духовенством, через посредство которого ловко действовал на него его хитрый брат Милютин, Драгутин отказался от престола в пользу своего брата Милютина, но с условием, что Милютину должен наследовать его, Драгутина, сын Владислав (1275 г.). Прочую часть своей жизни Драгутин провел в веригах и в беспрестанных молитвах и умер в 1316 г. в монашеском чине под именем Феоктиста.

Милютин (1275—1321 г.)

За весь период времени от 1195 года до воцарения Милютина Сербия избегала войн и осталась почти при той же территории, какой она располагала при Немане. Весь этот период времени пошел, по-видимому, на дело внутреннего сосредоточения. Падение Византийской империи, образование Латинской точно вовсе не влияли на Сербию, как будто вовсе не касались ее. В то время, как болгарское царство вело упорные войны из-за Македонии с греками и латинами, Сербия оставалась спокойной зрительницей событий; в 1261 году пала Латинская и восстановилась Византийская империя без всякого участия Сербии в этих событиях. В 1257 году после убийства в Болгарии последнего царя из династии Асеев Михаила болгары избрали своим царем сербского принца Константина, внука Немани, что послужило залогом и дальнейших мирных отношений между обоими государствами во все время царствования Константина в Болгарии (до 1275 года).

Этот спокойный и мирный период исторической жизни Неманьской Сербии оканчивается со вступлением на престол короля Милютина.

Завоевание части Македонии и присоединение Боснии

Женившись на дочери Ивана Ангела, греческого наместника в Фессалии, он в союзе с ним начал войну с Греческой империей и, несмотря на энергичный отпор императора Палеолога, он в течение нескольких лет завоевал большую часть Македонии (1281 г.). Вслед затем он обратил внимание на Боснию, эту сербскую область, вечно стремившуюся к полной самостоятельности и попадавшую постоянно в вассальные отношения то к Венгрии, то к Сербии. В это время Босния входила в состав венгерского королевства и находилась под управлением банов, назначаемых венгерским королем. В 1286 году Милютин постарался утвердить за собою

ри императора Алексея Комнена (1192 г.); факт этот указывает, что Неманя высоко поднял престиж великого жупана и сербского государства, так как это был первый пример родственных отношений между сербским жупаном и надменным византийским императором.

Таким образом из рашской жупы Неманя образовал довольно обширное государство, ограниченное Чар-Дагом, побережьем Архипелага до Котора, южной Моравой и с севера Дунаем. Ему принадлежит заслуга собрания сербских земель в одно государственное целое.

Увлеченный примером своего младшего сына Растко, он в 1195 г. отказался от власти в пользу своего старшего сына Стефана и постригся в монахи под именем Симеона. Проведя некоторое время в выстроенном им монастыре Студенице, он отправился в святую гору, где вместе со своим сыном Растко, в монашестве Савой, восстановил разоренный разбойниками монастырь Хиландарь, в котором и провел остаток своей жизни; он умер в 1200 году. Православная церковь причислила его к лику святых под именем св. Симеона Мироточивого.

Неманя создал государство, которому равного не было во всей предыдущей жизни сербского народа; отдельные областные жупаны, кнезы, баны со всеми их вечными распрями, ложившимися всей тяжестью на население, исчезли на всем протяжении этого государства. Народ радовался установившемуся порядку и приписывал успехи Немани особой милости Провидения за его благочестивый образ жизни, выразившийся между прочим в постройке им многих церквей и монастырей — задужбин (от слова *за душу*, для души), — из которых были наиболее известны Юрьевы Столпы, Студеница и Хиландарь на Святой горе.

Приведем народную песнь, характеризующую взгляд народа на своего великого жупана.

Святой Сава

*Разговор вели господа христианские
У белой церкви Грачаницы:
«Боже милый, что за чудо великое!
Куда девались царь-Немани сокровища,
Семь башен денег-дукатов?
Вероятно, рассыпал он богатства
На конья и на палаши
И добрым коням на сбрую!»
Тут случился Неманич Сава
И говорит господам христианским:
«О Бога ради, господа христианские,
Не говорите о родителе моем,*

Не говорите, души не грешите!
Не развеял отец мой сокровища
На копья и на палаши,
Ни добрым коням на сбрую;
Но он истратил богатства
На три славных сербских монастыря:
Одну церковь выстроил отец,
Белый Хиландарь средь святой горы,
Красную славную задужбину себе,
Вечную обитель на том свете,
Чтобы воспевалась ему литургия
На том свете, как и на этом.
Другую выстроил церковь отец,
Студеницу на Влахе старом,
Славную матери своей задужбину,
Матери своей, царице Елене.
Третью церковь выстроил отец,
Милешевку в Герцеговине,
Красную славную Саве задужбину,
Вечную обитель на том свете».
В голос закричали господа христианские:
«Прощен да будешь ты Неманич Саво!
Да простится душа твоих родителей,
Да простится душа и тело честное!
Что ни носили, все вам светло было бы,
Что ни произвели, все вам свято было бы!»
И что сказали господа христианские
На собрании у белой церкви,
Что сказали — у Бога услышалось.

ПЕРВЫЕ НЕМАНИЧИ

Стефан Первовенчанный; деятельность св. Савы.
Радослав. Владислав. Урош. Драгутин

Стефан Неманич Первовенчанный (1195—1128 г.)

Удаляясь от светской жизни, Неманя передал верховную власть с титулом великого жупана своему старшему сыну Стефану; младшему Вукану отдал в удел Зету, завещая ему во всем покоряться брату. Но тотчас после смерти Немани Вукан восстал на брата и вступил в сношения с венгерским королем Эмерихом и с его братом, наместником Хор-

ватии и Далмации, Андреем. Венгерцы рассчитывали овладеть Сербией таким же способом, который так удался за сто лет перед тем по отношению к Хорватии и Далмации. Они оказали Вукану просимую им помощь; Андрей, наместник Хорватии, вступил с войском в Сербию и провозгласил Вукана великим жупаном, а венгерского короля — королем Сербии. Вследствие беспорядков в самой Венгрии Эмерих отозвал из Сербии свои войска, но с этого времени в титул венгерских королей вошли слова *rex Rasciae*, король Сербии (1202 г.). Между тем Вукан, по видимому под влиянием увещаний духовенства, примирился с братом и подчинился ему. Но, опасаясь новых усложнений с Венгрией, Стефан вступил в переговоры с папой (Иннокентий III), могущество которого достигло в это время кульминационного пункта, и, обещая покорность, получил от него корону, которая и была возложена на Стефана папским легатом (1217 г.). Таким путем Стефан как бы отклонял саму возможность притязаний венгерского короля, стремления которого добиться титула «короля Сербии» должны были сами собой пасть благодаря тому факту, что в «короли Сербии» коронован уже Стефан и притом самим папой. Факт пожалования папой великому жупану королевского титула и короны имел только, так сказать, дворцовое значение и как прием против венгерского короля; в действительности же, провозглашение Сербии королевством последовало совершенно независимо от сношений с папой пять лет спустя, когда Стефан был коронован в им же выстроенном монастыре Жиче своим братом, архиепископом Савой, короной, присланной греческим никейским императором (1222 г.). С этого времени Стефан получил в народе прозвание «короля первовенчанного». Венгерский король Андрей (1205—1235 г.) начал было приготовления к вторжению в Сербию, но затем счел за лучшее примириться с фактом. Торжественное коронование Стефана произвело большое впечатление на сербский народ и окончательно утвердило фамилию Неманичей, как единственно законную династию; если с этого времени и бывали еще внутренние волнения, то они велись от имени другого члена фамилии Неманичей; и если такие волнения оканчивались поражением царствующего короля, то на престол всходил ближайший к нему Неманич. О каких-либо беспорядках со стремлением какой-либо области к обособлению нет более никаких упоминаний. Страна организовалась в одно стройное целое с одним законным в глазах народа государем, соперничество с которым для всех, не принадлежавших к Неманичам, было делом немыслимым.

Образование второго болгарского царства.

Основание латинской империи

Еще при Немане произошло восстание болгар против Византии, закончившееся образованием второго болгарского царства (1186 г.); вос-

станием руководили двое братьев Петр и Асень. Ко времени Стефана царство это окрепло и начало войну с греками и с латинами, основавшимися в Константинополе, и вскоре овладело Македонией. Стефан уже должен был вести войну с вновь образовавшимся царством.

В царствование Стефана произошло событие, имевшее важное значение для всего полуострова: это взятие Константинополя крестоносцами четвертого крестового похода и 1204 г., падение византийской и основание латинской империи; Балдуин, граф фландрский, был избран в императоры. Но уже первый император вскоре погиб в борьбе с болгарами; положение латинской империи, со всех сторон окруженной врагами, было весьма ненадежно; греки, между тем, основали в Азии т. наз. Никейскую империю со столицей в Никее, в которую перенесена была и резиденция константинопольского патриарха. В Константинополь же папа назначил латинского патриарха.

Деятельность св. Савы

Одновременно с развитием и упрочением государственного начала и церковь получила независимое и прочное устройство в национальном духе. Заслуга национального устройства церкви принадлежит младшему сыну Немани Растко, еще в юности бежавшему из родительского дома на Афон и постригшемуся в монахи под именем Савы. Вместе со своим отцом он трудился над сооружением Хиландарского монастыря, для которого собственноручно написал устав, и теперь еще в нем хранящийся. По просьбе братьев он перенес мощи своего отца Симеона в монастырь Студеницу в Сербии и здесь оставался до 1215 г. в качестве архимандрита. В 1215 г. он возвратился на Афон. Вскоре затем Сава отправился в Никею для свидания с патриархом по делам своего монастыря. Здесь Сава представил патриарху и императору, что, ввиду существования Латинской империи и латинского патриархата в Константинополе, весьма было бы важно дать сербской церкви независимое и национальное устройство и тем предотвратить возможное влияние на нее латинства. Патриарх Герман и император Феодор Ласкари с этим согласились и предложили самому Саве взять на себя труд по устройству сербской церкви. После некоторого колебания Сава согласился и был рукоположен патриархом в архиепископы Сербии (1221 г.). Сава учредил в Сербии 12 епископских епархий, утверждал народ в православии; он примирял враждующих родственников царского дома, устраняя таким образом внутренние распри. Вскоре после смерти своего брата Стефана он, короновав его старшего сына Радослава, отправился на поклонение святым местам в Иерусалим, а на обратном пути посетил в Никее патриарха и императора. Возвратившись в Сербию, он содействовал прекращению возникшей междоусоб-

Боснию и вступил по этому поводу в переговоры с венгерским королем; последний обещал передать ему Боснию, как приданое, если он женится на дочери венгерского короля Елисавете; расчет венгерцев состоял по-видимому в том, чтобы поставить сербского короля в вассальные отношения к Венгрии, так как в качестве боснийского бана он *de jure* должен был признавать верховную власть венгерского короля. Милютин, разведясь со своей первой женой под предлогом, что она бездетна, женился на дочери венгерского короля Стефана Елисавете и получил Боснию, как приданое (1286 г.); но только венгерцы сильно ошиблись, рассчитывая на последствия, которых они ожидали от хитроумной комбинации, ставившей независимого и сильного короля в вассальные отношения к ним в качестве бана Боснии. Милютин, добившись цели, прервал всякие сношения с венгерцами и их совершенно игнорировал.

Вторжение татар в Болгарию и борьба с ними Милютина

Вскоре внимание Милютина было отвлечено событиями, происходившими в Болгарии. После царя Константина на болгарский престол был избран Григорий Тертерий (1280—1292), при котором Болгария подверглась нападению татар; последние свергли Тертерия, возвели на престол некоего Смильцу (1292 г.) и поручили виддинскому наместнику Шишману начать войну с Сербией. Шишман вторгся в Сербию и, разоряя все по пути, дошел до Ужицы, где был остановлен и разбит наголову архиепископом Савою. Тем временем Милютин вместе с братом Драгутиным, окончив приготовления, перенесли войну в Болгарию и, заняв виддинский округ, осадили Виддин. Шишман просил мира, который и был заключен, причем сын Шишмана Михаил женился на дочери Милютина Неде. Недовольный таким исходом дела, хан Негой грозил возобновить войну, но после долгих переговоров отстал от своего намерения, причем Милютин должен был дать ему в заложники своего сына Стефана. Последний, однако, недолго оставался в плену; он женился на дочери болгарского царя Смильцы и, возвратившись в Сербию, получил от своего отца в удел Зету, в которой и поселился (1294 г.).

Недовольные Милютиным венгерцы, воспользовавшись его затруднениями в Болгарии, объявили его лишенным достоинства бана Боснии и назначили таковым Павла Шубича, графа бребирского. Но Милютин считал уже Боснию своей и вовсе не был намерен признавать такие действия венгерцев. Занятый в других частях своих владений, он отложил выполнение своих планов относительно Боснии.

В Болгарии снова происходили тревожные события: татарский хан Цаха совершил новый набег на Болгарию и, свергнув Смильцу, посадил на престол Святослава, сына Григория Тертерия (1296 г.). Чтобы откло-

нить возможность войны с болгарами и с татарами, Милютин развелся со своей второй женой Елисаветой, сестрой венгерского короля, и женился на сестре болгарского царя Святослава (1296 г.). Благодаря этому его отношения с венгерцами приняли открыто неприязненный характер, чему, впрочем, сам Милютин не придавал очень большого значения и посвятил себя делам на юге с Византийской империей, от которых он с 1281 г. был отвлечен то своими сношениями с Венгрией, то событиями в Болгарии.

Отношения к Византии. Греческое влияние при дворе

Тут Милютин завязал тесные сношения с византийским двором. Желая расположить Милютина в свою пользу, император Андроник предложил ему в жены 8-летнюю дочь Симониду, и Милютин, разойдясь со своей третьей женой болгаркой, женился на Симониде в 1300 г. Император Андроник заключил союз с Милютиным в своей войне с турками и персами и с помощью сербского отряда одержал над ними в Азии блестящую победу (1303 г.). Посредством женитьбы на Симониде Милютин имел в виду приготовить соединение обоих государств, византийского и сербского, над каковым планом работала вместе с ним и жена Андроника царица Ирина. Постройкой многих церквей в завоеванных им провинциях Македонии, в Константинополе и в Иерусалиме и богатыми вкладами в церкви Милютин старался популяризировать свое имя в населении империи и заслужить расположение византийского духовенства. Двор Милютина был поставлен на греческий манер, и сын его от Симониды Константин, которому, по-видимому, предстояло по проекту Милютина и Ирины быть царем соединенных государств византийского и сербского, воспитывался совершенно в греческом духе.

Стремления эти имели, однако, и свою обратную сторону: сербы все с большим неудовольствием следили за возрастающим при дворе короля греческим влиянием и не могли примириться с мыслью о возможности воцарения Константина после смерти Милютина. Представители Зетской знати уговорили Стефана, жившего в Зете, старшего сына короля, восстать на отца и силой овладеть престолом, чтобы таким образом предупредить возможность воцарения Константина. Но Милютин одержал верх над сыном, сослал его в Скопле и, очевидно по настоянию Симониды и находившихся при дворе греков, приказал его ослепить и отправить в Константинополь под надзор.

Война из-за Боснии. Крестовый поход на Милютина

В 1305 году Милютин напал на Боснию и занял ее. Для отклонения войны с Венгрией Милютин особенно часто применял бывший в большом употреблении у многих сербских государей прием, состоявший в том,

что они старались заслужить расположение пап путем уверений в готовности принять католицизм и признать его главой церкви; при таком расположении папы, венгерцы не решались на ссору с сербами и, вообще, всякого рода несогласия легче сглаживались. Многочисленные, но оказавшиеся ложными, уверения Милютина в преданности папе вызвали, наконец, в последнем величайшее раздражение, и он приказал проповедовать крестовый поход против него (1314 г.). В 1318 г. венгерский король Карл Роберт в союзе с Карлом I, королем Сицилии, с албанскими князьями и со своим вассалом, графом бребирским, занял Боснию и Мачву, но не мог энергично продолжать войны. Союзников же его Милютин побил. Война закончилась, таким образом, для Милютина тем, что его вытеснили из Боснии. Милютин спешил отделаться от этой войны, чтобы вновь посвятить себя византийским делам, гораздо более его интересовавшим. В Византии возникла война между императорами Андрониками старшим и младшим, и Милютин готовился вмешаться в нее, но умер посреди приготовлений (1321 г.).

Милютин выстроил в городе Средац храм во имя св. Софии, отчего и сам город получил название Софии (теперешняя столица Болгарии); в этом храме находится гробница Милютина.

Подводя итог деятельности Милютина, заметим, что ее следует отметить, как выдающуюся. Болгария, Венгрия и Сицилия почувствовали силу сербского короля и считали за лучшее не сталкиваться с ним, несмотря на вызывающий нередко его образ действий. Боснию он, очевидно, наметил уже, как свою, и не дал бы венгерцам владеть ею. Византия, от которой он завоевал большую часть Македонии, заискивала в нем; Сербия была на полуострове во время Милютина могущественнейшим государством. Сам Милютин с ясностью ума, твердостью и выдержанностью характера соединял хитрость, ловкость и неразборчивость в средствах, выбирая всегда кратчайший путь для достижения поставленной им цели, совершенно не заботясь о том, не будут ли осуждены избранные им средства с точки зрения нравственности.

После смерти в 1317 г. своего брата Драгутина, Милютин вызвал из Константинополя своего старшего сына Стефана и примирился с ним.

СТЕФАН ДЕЧАНСКИЙ (1321—1334 г.)

Вмешательство в дела Византийской империи. Война с Болгарией и битва при Велблужде. Низложение Стефана

Стефан был, как мы видели, ослеплен по распоряжению своего отца, но по-видимому не вполне, — он обладал зрением, хотя и слабым. Выдержав успешно борьбу со своим братом (от Симониды) Константином и с

племянником Владиславом (сыном Драгутина), он продолжал то вмешательство в дела Византийской империи, которое начал Милютин, и в борьбе обоих Андроников стал на сторону старшего, своего тестя. Борьба эта вовлекла его в большую войну с Болгарией, которая также приняла участие в борьбе, став на сторону Андроника младшего. Действительная причина войны заключалась в соперничестве обоих государств, но характерной чертой для взаимных отношений обоих народов, как в предыдущих столкновениях, так и в этом, является то обстоятельство, что нападающей стороной, начинателем борьбы всегда являются болгары, а не сербы, и мы полагаем видеть причину этого в том, что сербы смотрели на население Болгарии, как на свое, близкое им и родственное, и что в их глазах в массе этого населения совершенно терялась собственно болгарская часть. Решившись на войну со Стефаном, болгарский царь Михаил развелся со своей женой, сестрой Стефана, Нёдой и женился на дочери Андроника младшего (1327). Это было как бы вызовом, брошенным Стефану. Наконец, Михаил окончил приготовления и вторгся с огромным войском в Сербию. У Велблужда произошла битва, в которой болгарское войско было совершенно разбито и в которой погиб сам Михаил (1330 г.). По долине реки Искры Стефан вступил в Болгарию и подвигался дальше без всяких препятствий. Из болгарской столицы Тырнова прибыла к нему депутация от болгарских бояр с выражением покорности и с предложением соединить под своей властью Сербию и Болгарию: «се бо царствие болгарское, — говорили они, — и вся држава его и грады и имение и вся слава их и богатство данас да ест ва руке твоей, и ему же васхоштели даси ие, яко вадано ти ест от руки господне; ми же, рабы твои, тебе славим превисокого господина ни и крепкого краля. Отселе бо србское кралевство и царство болгарское ва едино суште савакуплени, и мир будет, подписуем же се и мы повеление кралевства ти». В песне, обозначенной в сборнике Вука Караджича заглавием «Бан Милютин и Дука Герцеговац», так описана эта война:

*Частые письма землю пробежали,
Никто не знает куда, ни откуда.
Письма идут от Призрена города,
От того сильного царя Стевана,
В Пожегу Милютину бану;
Так царь бану говорит:
«Слуга мой, Милютин бан!
Приготовься в доме своем
И поведи тридцать делиев
От твоего пространного Драгачева,
Ступай с ними к Призрену городу,*

Потому что, бан, мы собираемся воевать,
Воевать на землю болгарскую,
На Михаила, короля болгарского;
Там, бан, застрянем мы,
Но приготовься на три года.

.....

.....

А когда бан все жене поручил,
Он в царское войско собрался
И тридцать делиев повел

.....

Прибыл в Призрен город,
Но царя уже не застал,
Царь ушел по Быстрице воде,
Нагнал его бан Милютин
На той на Голеш горе,
Тут бан к царю явился,
О легком здоровье осведомился
И счастливого пути пожелал.
Но говорит сильный царь Стеван:
«Слуга мой, Милютин бан!
Если Бог и счастье даст,
И короля болгарина одолею я,
Я в дар, слуга, пожалую тебе
В державу Босну землю славную, —
Будешь бановатъ и господствовать,
Милютин, на всю твою жизнь».
И отсюда тронулось войско
По Сербии к болгарской земле;
Когда подошли к болгарской земле,
Встретил их король Михаил
У Лаба, у холодной воды.
Тут король ударился с царем,
Бились три белых дня,
А когда четвертое утро рассвело,
Королю плохо пришлось,
И он встретился с царем;
Но славно Степа принял его,
На добром коне погнался за ним.
Настиг его среди поля равного,
Саблей взмахнул, срубил ему голову,

*Его сильное войско взяли в плен,
Сам вступил в болгарскую землю
И успокоил Болгарию землю.*

.....

(В этой песне поход приписывается не самому королю Стефану, а его сыну Душану, который в действительности предводительствовал войском).

Стефан не принял предложения болгар соединить под своей властью обе страны, ограничился установлением вассальной зависимости болгар от Сербии и возвел на болгарский престол сына своей сестры Неды Александра (1331 г.). Слабость Стефана, выказавшаяся в столь ничтожных последствиях большой войны, на которую сербы были вызваны, послужила причиной неудовольствия в среде сербской знати, чему способствовало также снова возникшее при дворе короля греческое влияние со времени женитьбы Стефана на греческой царевне Марии Палеолог. Представители сербской знати уговорили его сына Стефана Душана силой отнять престол у отца. Душан двинулся на отца с войском, собранным им в Зете, которая отдана была ему в удел, окружив его в его резиденции Неродимле, схватил его и сослал в Звечан, где он был задушен заговорщиками (1334 г.).

Стефан выстроил лучший и богатейший из сербских монастырей — Высокие Дечаны, по имени которого и сам получил прозвание Дечанского.

СТЕФАН ДУШАН СИЛЬНЫЙ (1334—1355 г.)

Завоевание Македонии. Столкновение с турками

Битва при Велблужде поставила Болгарию в род вассальной зависимости от Сербии. В Македонии, к овладению которой были направлены старания королей Милютина и Стефана Дечанского, Стефан Душан преследовал ту же цель и, вскоре по вступлении на престол, начал войну с Византией и завоевал Македонию до Солуни (1340 г.). Вслед затем он вмешался в междоусобную войну Кантакузена с царицей Анной и стал на стороне Кантакузена с условием, что последний, воцарившись, не станет требовать возвращения уже занятых Душаном областей. В течение последовавшей войны с царицей Анной Душан, помогая Кантакузену, в то же время продолжал свои завоевания и присоединил к своим владениям, отдельные области; Кантакузен не мог быть равнодушным зрителем этих завоеваний и, поссорившись из-за них с Душаном, постарался найти помощь в другом месте: в Малой Азии сформировалось и быстро развивалось государство турок, в котором во время Душана царствовал сын основателя этого государства Османа, Орхан (1326—1360); к нему-то и обратился Кантакузен с просьбой о помощи. Вмешательство турок не оста-

новило, однако, успехов Душана; он закончил завоевание Македонии (1345 г.), — о чем сам Душан в одной из своих грамот говорит: «Помощию Вседержителя Бога и Пречистыя его Матери и молитвами светих моих прародители Симеона и Савы преем гради довольни, над ними же Грци обладаху, преех же и град, глаголеми Прилеп». Уже в это время Душан был в полном сознании своего могущества и считал себя господином всего полуострова, всей старой европейской части восточной Римской империи; в письме от 15 октября 1345 года он титулует себя так: *«Stephanus, Dei gratia Serviae, Diocliae, Chilminiae, Zentae, Albaniae et maritimae regionis rex, nec non Bulgariae imperii partis non modice particeps, et fere totius imperii Romaniae dominus»*.

Учреждение ипекского патриархата. Принятие царского титула. Завоевание Боснии

Уже с этого времени (1345 г.) Душан решил заменить Греческую империю сербской. Он начал с устранения подчиненности церковной греческому патриарху. С этой целью он созвал в 1346 году в Скопле земский собор, на котором был учрежден сербский патриархат, и тогдашний архиепископ Иоанникий возведен в сан патриарха. В следующем 1347 году Душан провозгласил себя царем и императором сербским и римским и торжественно короновался царской короной. С этого времени Душан подписывался следующим образом: *«Стефан, ва Христа Бога благоверни царь и самодержаван срблем и Грком и всей западной страны»*, как видно по сохранившимся его грамотам и повелениям. События эти встревожили соседние государства. Константинопольский вселенский патриархат изрек проклятие на избранного сербского патриарха и на всю сербскую церковь. Воцарившийся на византийском престоле Кантакузен вновь обратился за помощью к султану Орхану и с полученной от турок помощью тщетно пытался вытеснить Душана из завоеванных им областей (1348—1350); Венгерский король Людвик Великий (1342—1382) приказал своему вассалу Боснийскому бану Стефану Котромановичу начать войну с Сербией, которая, после нескольких поражений, нанесенных Душаном бану, и попыток полюбовного с ним соглашения, закончилась совершенным присоединением Боснии к Сербии и назначением в нее сербских воевод. В возникшей затем войне с Людвиком Душан нанес ему полное поражение и принудил его отступить и бросить попытки возвратит Боснию (1354 г.).

Поход на Константинополь

По окончании этих войн на севере Душан, эта, по выражению византийских историков, неудержимая сила, «буйная река, вышедшая из берегов и все низвергающая по пути», стал готовиться к низвержению

Византийской империи и к борьбе с турками, в быстром усилении которых он, как и многие из его современников, уже видел опасность, грозившую не только сербам, но и всему христианству.

Разделив царство на ряд наместничеств и назначив в каждое из них областных правителей, в Мачву и Подунавье — Лазаря Гырбляновича, в собственную Сербию — своего сына Уроша, в Македонию — трех братьев Мырнявчевичей Вукашина, Угleshу и Гойка, из коих на Вукашина возложил опеку над своим малолетним сыном Урошем, в Герцеговину — Альтомана, в Янинскую область — Синишу, Душан во главе огромного войска двинулся к Константинополю (1355 г.). Планам царя не суждено было, однако, осуществиться; невдалеке от Константинополя Душан внезапно умер. Войска возвратились обратно. Царьград спасен был на этот раз с тем, чтобы спустя сто лет стать столицей Оттоманской империи.

Начатое его дедом Милютиным и продолжавшееся, но также неоконченное Душаном дело низвержения Византийской империи с заменой ее Сербской империей нуждалось в энергическом продолжении.

Внутренняя деятельность Душана. Его законник. Значение понятия «Македония» у сербов в средние века

Уничтожение в завоеванных Душаном областях на юге византийской власти, хотя испорченной и деморализованной, но веками и традициями освященной, с которой давно органически срослось и свыклось население; присоединение к сербскому царству таких областей, как Босния и Герцеговина, которые благодаря общему складу местной жизни имели стремления в направлении, обращенном в сторону, лежавшую вне коренных сербских земель, — требовали продолжительной и энергичной внутренней работы для сплочения всех этих областей в один государственный организм, в котором общегосударственная идея, сознание принадлежности всех одному общему целому, преобладала бы над чисто местными тенденциями, определяемыми местными географическими и экономическими условиями.

Начало такой организаторской деятельности положил сам Душан; учреждением сербского ипекского патриархата он создал высшую духовную власть, авторитету которой должны были подчиниться все православные сербские общины, и которая, таким образом, объединяла Сербство в духовном отношении. Учреждение отдельных наместничеств имело в виду ту же цель сплочения всех областей в одно целое и этой цели достигло бы, если бы над отдельными наместниками продолжала стоять сильная царская власть, перед которой они были бы ответственны и которая наблюдала бы за тем, чтобы эти наместники не обращали присвоенную им роль в чисто личную, и доверенных им в управление областей не

стремились бы обращать в независимые государства, а самих себя в независимых и потомственных государей. Наконец, могучим средством для сплочения всех областей в один общий государственный организм было издание Душаном в 1349 году обязательного для всего царства Свода Законов, имевшего объединить все царство в правовом отношении.

Мы не имеем возможности входить в подробное рассмотрение этого законника, который подвергнут подробному изучению специалистами-учеными и послужил прекрасным средством для уяснения господствовавших в те времена понятий и отношений. Мы обратим только внимание на то обстоятельство, что, уже владея Македонией, Душан в соответственных случаях вовсе не упоминает имени болгар, что служит очевидным признаком, что среди населения Македонии таковых вовсе не было, так как в противном случае он должен был бы о них упомянуть. Так в § 40 законника сказано:

«Властеле и властеличичи у државе царства ми, Србле и Грци, што ест кому дало царство ми у боштину и у хрисовули и држе до сизжега собора, — баштине да су тврде».

(Знать и дворяне в державе царства моего, Сербы и Греки, что кому дано государством в поместье или золотой буллой и владеют этим до нынешнего собора, — поместья эти за ними утверждаются).

В § 199 сказано:

«Властеле и властеличичи, кои греду у двор царства ми, или Грк, или Немац, или Србин, или властелин или ин кто-либо; тере доведе собом гусара или тата, — да се онзи господар каже као тат и гусар».

(Знать и дворяне, кои идут ко двору царства моего, или Грек, или Немец, или Серб, или дворянин или иной кто-либо; и приведет с собою разбойника или вора, — тот господин и сам объявляется, как разбойник и вор).

Здесь упоминаются и Сербы, и Греки, и Немцы, но ни слова не говорится о болгарях, — признак, что среди населения Македонии вовсе не было болгар.

Другая особенность та, что в двух рукописях этого законника Душан назван царем не сербским, а македонским. Именно, одна из них начинается следующими словами:

«Благочестивого и христолюбивого македонийского цара Стефана, српского, болгарского, угарского, далматского и пр. закон».

Другая рукопись озаглавлена следующим образом:

«Благочестивого и вieroного и христолюбивого македонийского цара Стефана закон».

Добавим к этому, что есть другие примеры, в которых чисто сербские области, расположенные к северу от Чар-Дага, названы македонски-

ми. Так, в одном из печатных памятников 16 столетия имеется следующая надпись:

*«Аз грешни Божидар Вукович, родом из Диоклитии (Черногория),
еже ест ва пределех македонийских».*

В одной из прекраснейших сербских народных песен (Смрт Каице войводе) говорится о деспоте Джордже Смедеревце

*Поднимается король господин
От прекрасной от Македонии,
Из славного места Смедерева,
Со своего честного двора*

.....

Встретившийся ему по дороге Ян Гуниад так приветствует его:

*Здоров будь, король от Македонии!
Корона золотая под небом на земле.
Звезда ясная на Македонии!*

.....

Ян Гуниад предложил Джорджу обменяться с ним и отдать ему двенадцать сербских воевод за триста мадьяр и шестьдесят валахов; Джордже отвечал:

*«Брат Янко, глупая ты голова!
Слышал ли ты или помнишь ли,
Чтобы годился мадьяр для Македонии,
Или Серб для Ердельской окраины?
Я и Каицы воеводы не дам
За четырех на окраине банов:
За Нелеша, бана Вершацкого,
За Гецию, бана Тителского,
За Иштвана, бана Сланкаменского
И за Петра, бана Варадинского, —
За всю землю и четырех банов
Не дам и одного Каицы воеводы,
А не то, чтобы еще и прочих воевод»*

.....

В другой песне Марко Краlevич, проезжая через лес со своим побратимом Милошем Обиличем, просил последнего развлечь его песней.

*Тогда Милош петь стал,
А славную начал песню,
Из всех наших лучшую и старейшую,*

*Как который королевство держал
По прекрасной по Македонии,
Как задужбину имел свою.*

По заключению известного Вука Караджича, эти примеры доказывают, что в средние века все сербские земли носили у сербов общее название Македонии.

Вот почему и в законнике Душан назван царем македонийским.

Таким образом сам Душан начал ту внутреннюю деятельность, которая должна была сплотить отдельные части государства в один государственный организм. Но проведенные им мероприятия требовали для своего действительного осуществления и энергичного продолжения внутренней деятельности и времени.

Ни того, ни другого не доставало.

Сын и преемник Душана оказался слабой и бесхарактерной личностью и был не в состоянии не только продолжать дело, начатое отцом, но и сохранить то, что сделано последним: империя Душана тотчас после его смерти стала распадаться. Неспособность царя возбудила честолюбивые стремления отдельных областных правителей, ставших управлять своими областями независимо, откуда произошли смуты и беспорядки, приведшие государство к полному упадку. Надвинувшаяся вместе с тем из Малой Азии опасность в лице могущественного турецкого султаната не дала времени для упорядочения внутренних дел. Совокупность этих неблагоприятных условий повела к совершенному и коренному изменению положения вещей на всем Балканском полуострове.

ЦАРЬ УРОШ, ПОСЛЕДНИЙ НЕМАНИЧ (1355—1367 г.)

Бесхарактерность царя. Потеря Боснии и части Македонии.

Внутренние беспорядки; честолюбивые стремления наместников.

Притязания Вукашина Мырнявчевича. Смерть Уроша.

Тотчас после смерти Душана соседние государства, пользуясь малолетством и бесхарактерностью его сына, преемника Уроша, постарались возвратить завоеванные у них Душаном области. Венгрия вновь овладела Боснией (1357 г.): греки с помощью турок стали вновь занимать города на юге Македонии. Сильнейший из братьев Мырнявчевичей (Вукашин, Угleshа и Гойко), наместников Македонии, Вукашин, защищая свои владения, разбил турок и греков и остановил их дальнейшие успехи.

В то же время приходилось вести борьбу с отдельными отказавшими в повиновении наместниками; таков был и наиболее отдаленный от коренных сербских земель Синиша, наместник янинский.

За слабостью и бесхарактерностью Уроша, Вукашин, которому Душан, умирая, завещал опеку над ним, фактически захватил всю власть в государстве и управлял государством от своего имени; у него зародилась мысль овладеть царским престолом и основать новую династию, свою, на место угасающей династии Неманичей. В Уроше от видел главное препятствие для осуществления своих замыслов. Прочие областные правители, Лазарь Гырблянович в Мачве и Подунавьи, Бальша в Зете, Альтоман в Захолмьи (Герцеговине), отказались признать авторитетность Вукашина и стали самостоятельно управлять своими областями. Доведенный Вукашином до крайней степени угнетения, Урош сделал попытку освободиться от его влияния и овладеть законно следующей ему властью. Приведем народную песнь, иллюстрирующую это соперничество Мырнявчевичей с Урошем.

Урош и Мырнявчевичи

*Собрались четыре лагеря
На прекрасном поле Коссовом,
У белой церкви Самодрежи;
Один Вукашина короля,
Другой деспота Углеши,
Третий воеводы Гойка,
Четвертый царевича Уроша.
Цари спорят из-за царства,
Между собою побиться хотят,
Золотыми изрубиться ножами, —
А не знают, на ком стоит царство.
Каждый тянет на свою сторону;
Только Урош царевич молчит,
Боишься братьев Мырнявчевичей.
Пишет письмо Вукашин король,
Письмо пишет и шлет гонца
До Призрена, города белого,
К тому протопоп — Недельку,
Чтоб он явился на Коссово равное
И тут объяснил бы, чье царство.
Он светлого царя причастил,
Причастил и исповедал,
У него и книги старинные.
Прочие такие же письма пишут
И быстрых посылают гонцов, —*

Все тайно друг от друга.
Сошлись четыре гонца
В Призрене, городе белом,
У дворов протопоп-Неделька,
Но проты дома не было,
Он в церкви на утренней был.
Что за наглость у этих гонцов!
Они и с коней сойти не пожелали,
Но в церковь вогнали коней,
Потянули плети витые,
Ими бьют протопоп-Неделька:
«Живо ступай на Коссово равное,
Там скажешь господам, чье царство!»
Слезы льет протопоп-Неделько
И так отвечает им:
«Отстаньте, насильники наглые,
Пока в церкви закон совершим».
И так они отошли.
Когда закон Божий совершили
И вышли перед белую церковь,
Тогда говорит протопоп-Неделько:
«Дети мои, четверо гонцов,
Я светлого царя причастил,
Причастил и исповедал,
Но не о царстве спрашивал его,
Но о грехах, которые он согрешил.
А вы ступайте в Прилип город
К дворам Королевича Марка;
У меня Марко учился читать,
При царе он писарем был,
У него и книги старинные,
И он знает, чье царство.
Зовите Марка с собою в Коссово,
Марко правду скажет,
Ибо он никого не боится,
Кроме одного лишь Бога истинного.

.....
Отправились в Коссово равное.
Когда подъезжали к шатру короля,
Говорит Вукашин король:

«Счастье какое мне ?
Это сын мой Марко идет;
Он скажет — царство мое,
От отца ведь к сыну перейдет».
Марко слушает, ничего не говорит,
К шатру головы не поворачивает.
Когда увидел его Углеша воевода,
Так Углеша сказал:
«Счастье какое! Это племянник мой!
Скажи, Марко, что царство мое;
Вместе по-братски поцарствуем!»
Молчит Марко, ничего не говорит,
К шатру головы не поворачивает.
Когда увидел его воевода Гойко,
Так Гойко говорит:
«Счастье мне, вот племянник мой!
Он скажет, что царство мое.
Когда Марко малым еще был.
Я Марка очень любил,
В шелковые одежды одевал;
Куда бывало ни ездил верхом,
Повсюду с собою брал Марка;
«Скажи, Марко, что царство мое;
Ты первым царствовать будешь,
Я буду вторым возле тебя».
Молчит Марко, ничего не говорит.
К шатру головы не поворачивает,
Прямо направился к белому шатру.
К шатру Уроша молодого.
Когда увидел его Урош молодой,
Легко вскочил с шелкового сидения:
«Счастье мне, вот кум мой Марко;
Он объяснит теперь, чье царство».
Тут они обнялись,
В белые лица целуются,
О юнацком здоровье осведомляются,
Сели на шелковые сидения.
День прошел, темная ночь настала.
Когда к утру утро рассвело
И перед церковью ударили колокола,
Все господа пошли на утреннюю,

В церкви службу совершили,
Вышли из белой церкви,
Перед церковью сели за столы,
Мед кушают, вино пьют;
Марко взял книги старинные,
В книги смотрит он и говорит:
«Ах отец мой, Вукашин король!
Мало ли тебе королевства твоего?
Мало ли тебе, пропало б оно тебе!
Что спорите о царстве чужом?
А ты, дядя, деспот Углеша!

.....
Видите ли, Бог бы не видел вас!
Книга говорит, что Уроша царство;
От отца к сыну перешло;
Дитяти царство по роду принадлежит:
Ему царство и царь завещал
При смерти, когда опочил».
Вскочил на ноги Вукашин король
И выхватил кинжал золотой,
Бежит Марко перед родителем,
Ибо ему, мой друг, не пристало
Со своим родителем биться.
Три раза вокруг обежали,
Но из церкви что-то говорит:
«Беги в церковь, Кралевич Марко!
Видишь, что пропасть можешь сегодня,
А за правду Бога истинного».
Марко в церковь вбежал,
За ним заперлись ворота,
Тут и король к ним добежал,
По ним ударил кинжалом,
Из них закапала кровь;
Тут только опомнился король:
«О горе мне, ради Бога самого!
Я сына своего убил!»
Но из церкви что-то говорит:
«Ты не Марка ударил сейчас,
Но Божьего ангела поразил».
На Марка сильно досадно королю,
Он люто клянет его, проклинает:

*«Сын Марко, Бог тебя убей!
Не имей ты ни гроба, ни детей!
И душа твоя не выпала б из тебя,
Пока турецкому царю не послужишь».
Король клянет его, царь благословляет:
«Кум Марко, Бог тебе помоги!
Лице твое да светится на совете,
Твоя сабля да рубит в бою!
Выше тебя да не будет юнака!
Имя твое всюду прославлялось бы,
Пока солнце и месяц есть!»
И что сказали, так ему и было.*

Урош, наконец, бежал от Вукашина и укрылся у Лазаря Гырбляновича, правителя Подунавья. Скоро, однако, Вукашин сумел примириться с ним и убедил его возвратиться. Он убил его во время охоты в 1367 году.

Так окончил жизнь последний Неманич. Церковь причислила его к лику святых. С ним вымерла династия Неманичей, давшая Сербии десять государей и управлявшая Сербией 208 лет. При ней сложилось, окрепло и развилось в могущественную силу сербское государство с явной тенденцией учредить на место Византийской Сербскую империю, которая обнимала бы собою весь Балканский полуостров. Совершенно иной представлялась бы вся история Европы, если бы эта тенденция осуществилась и окрепшая Сербская империя выполнила бы ту задачу, необходимость выполнения которой уже надвигалась; много сил сберегла бы Европа для других целей, тех гигантских сил, которые она в течение следующих четырех веков изводила на бесплодную борьбу с разросшейся Оттоманской империей. Иной, гораздо более счастливый и цветущий вид представляла бы собою Европа, если бы судьбе угодно было дать окрепнуть Сербской империи. Следовавшие за смертью Уроша события, роковые для сербского народа, имеют, однако, общеевропейское значение, и над ними с грустью и с сожалением должен остановиться знакомящийся с ними, так как они обусловили собою многовековые несчастья для всех народов юга и юго-востока Европы и дали совершенно иное направление истории и их и всей Европы.

Империи сербской не удалось окрепнуть. Как говорит черногорский владыка-поэт,

*Бог дорогой на Сербов разгневался
За их прегрешения тяжкие!
Наши цари закон попрали,
Стали злодейски друг друга гнать,*

*Друг другу очи выкалывать.
Неверными слуги их стали
И царской кровью забавлялись.
Великаши, прокляты их души!
На куски царство раздробили,
Сербские силы страшно стерли!
Великаши, след их пропади,
Распри семя посеяли горькое,
Им племя сербское отравили!
Великаши, кукушки несчастные,
Своего рода изменниками стали.*

МЕЖДУЦАРСТВИЕ. ВУКАШИН (1367—1374 г.)

Столкновение Вукашина с турками на Коссовом поле и погром его на р. Марице. Смерть Вукашина. Сыновья Вукашина. Призренский собор и избрание царя Лазаря Гырбляновича

Со смертью Уроша царский престол остался вакантным. Вукашин овладел землями Уроша и, приняв титул короля, стал от своего имени управлять государством. В грамоте, выданной им Дубровнику на право свободной торговли в сербских землях, он пишет: «*И постави ме Христос господина земли србской и грком и западным странами*». Но права на титул короля прочие правители не признавали за узурпатором и цареубийцей. По инициативе Бальши, правителя Зеты, патриарх Сава IV созвал земский собор в монастыре св. Архангела вблизи Призрена и, изрекши проклятие на цареубийцу, разрешил народ от послушания ему. Правитель Мачвы и Подунавья Лазарь Гырблянович с помощью, которую предоставил ему венгерский король Людвик Великий, пошел войной на Вукашина и вытеснил его из нескольких областей. Напрасно Вукашин старался примирить с собою отдельных правителей, выдал свою дочь за Бальшу, правителя Зеты; положение его со дня на день становилось шатче и неопределеннее. Вместе с тем южные области Македонии, стоявшей под непосредственным управлением Мырнявчевичей, стали подвергаться частым нападениям турок. Последние еще при втором своем султани Орхане овладели городом Галлиполи, который послужил им точкой опоры на европейском берегу Мраморного моря (1357 г.); при третьем султани Мураде I (1360—1389) они быстро распространялись на полуострове, почти не встречая сопротивления со стороны византийского императора и, в короткое время овладев Фракией, утвердили в Адрианополе резиденцию султана. Отсюда они стали нападать на сербские зем-

ли, и область Мырнявчевичей была первой на их пути. Вукашин выступил против них и на Коссовом поле разбил вдвое сильнейший турецкий отряд. Преследуя разбитых турок, Вукашин дошел до берега Марицы и тут расположился лагерем. Здесь, пользуясь темнотой и усталостью сербов, в сонный лагерь сербский неожиданно ворвался небольшой отряд в 800 человек и разгромил его совершенно (1371 г.). Вукашин спасался бегством вместе со своим слугой Арсоем; последний на пути случайно заметил на груди у Вукашина золотое изображение орла, снятое им с царя Уроша; воспользовавшись первым удобным случаем Арсоем убит царевубийцу (1371 г.). Снятое им с Вукашина изображение орла он впоследствии передал царю Лазарю.

Проклятие лежало на Вукашине. Соперничая между собою, все областные правители были согласны между собою в неумолимом преследовании сыновей царевубийцы — Марка Кралевица, Андреяша и Митрашка, рассчитывавших владеть Македонией на правах наследников Вукашина, но подвергшихся нападениям со всех сторон. Большую часть земель Вукашина занял правитель Мачвы и Подунавья Лазарь Гырблянович; остальные земли Вукашина подверглись нападению Бальши, правителя Зеты и Альтомана, правителя Захолмья. Не будучи в состоянии охранять Македонию от направленных на них нападений, Вукашиновичи обратились к защите и покровительству султана и перешли на сторону турок, последствием чего было завоевание последними Македонии и Албании и отступление Бальши в Зету.

Для прекращения анархии Лазарь созвал на собор в Призрен знать, воевод и народ для выбора нового царя. Скупщина единодушно провозгласила Лазаря царем (1374 г.). Три года спустя он венчался торжественно царской короной в Призрене (1377 г.).

С избранием Лазаря царем, закончился период междоусобицы, смут и анархии. В стране, со смерти царя Стефана Душана раздираемой внутренними распрями и несогласиями, состоянием полного беззакония, своволия и эгоистических, честолюбивых стремлений и захватов отдельных личностей, стал водворяться порядок.

ДИНАСТИЯ ГЫРБЛЯНОВИЧЕЙ

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ ГЫРБЛЯНОВИЧ (Грблянович) (1374—1389 г.)

**Уничтожение наместничеств. Примирение со вселенской церковью.
Восстановление авторитета царской власти. Двор царя**

Тотчас по воцарении, Лазарь начал борьбу с правителем Захолмья Николаем Альтоманом и, раздраженный его упорством, схватил и ослепил его. Вслед затем он начал борьбу с сыновьями Вукашина Марком Кралевичем, Андреяшем и Митрашком, которые после смерти своего отца узурпировали власть в Македонии; не будучи в состоянии вести борьбу с Лазарем и с Бальшей, братья отдались под покровительство султана Мурада.

Эта борьба с Вукашиновичами вовлекла Бальшу в продолжительную борьбу с турками, в которой в 1385 году погиб сам Бальша. Лазарь, работая над восстановлением единства в государстве, тщательно избегал столкновения с турками. В 1382 г. он объявил войну Венгрии, завоевал округа сремский и темешский и разрушил Белград, не раз служивший венгерцам точкой опоры по эту сторону Савы и Дуная.

В 1376 г. он примирил сербскую церковь со вселенской и исклопотал снятие лежавшего на ней с 1347 года проклятия константинопольского патриарха.

Восстанавливая единство и порядок в государстве, Лазарь придал и двору своему пышность и великолепие и учредил высокие придворные звания, из которых первым, деспотским, пожаловал своего зятя Вука Бранковича.

Деятельно трудясь над упорядочением внутренних дел, Лазарь успел в значительной степени восстановить авторитет царской власти; отдельные полунезависимые областные правители исчезли повсюду за исключением Зеты; сыновьям Вукашина, рассчитывавшим по праву наследства владеть землями, которыми управлял их отец, объявлена беспощадная война, принудившая их искать покровительства турок; все должны были склониться перед волей царя. Зная из опыта, какие неудачные последствия имело учреждение крупных наместничеств Душаном, Лазарь не повторял этого опыта и никаких наместничеств больше не учреждал. В ряду первых вельмож государства фигурируют придворные чины и

приближенные к царю воеводы; в их числе первое место занимал зять царя Вук Бранкович, а затем и другой его зять Милош Обилич. Все эти приближенные не имели ничего общего с бывшими наместниками и обязаны были своим высоким положением исключительно милости царя. Приведем народную песнь, отображающую двор царя Лазаря.

Постройка Раваницы (задужбины)

*Совет сзывает царь в Крушевце,
Всех воевод на совет созвал,
Сажает их друг до друга;
Во главе славный царь Лазарь,
А до себя от Коница Ивка,
А до Ивка от Омоля Живка,
До Живка слугу Божидача,
До слуги Бранковича Вука,
До Вука Косанчич Ивана,
До Ивана Топлицу Милана,
До Милана Милицу госпожу,
До Милицы Милош Обилича;
С правой стороны у правого колена
Посадила старого Юг-Богдана,
До Юга — Банович-Страхињу,
До Страхињи — Мусича Стефана,
До Стефана — Кучинца Ивана,
До Ивана — Петра Бравичевца,
И до Петра прочие господа.
Вино подает слуга Божидач,
Из каждой чаши раньше царя отпивает,
Из чаши отпивает, царю подает;
Царь принимает золотую чашу вина,
Чашу принимает, но пить ее не пьет,
Ставит ее на правое колено
И воеводам своим говорит:
«Видите ли, мои воеводы!
Мы пьем много холодного вина,
Пьем и господствуем,
А задужбины нигде не строим, —
Монастыря, ни белой церкви,
Ни на воде каменного моста,
Ни на дороге каменной мостовой;*

Что было раньше царей и королей,
Каждый задужбину выстроил себе:
Царь Степан — Высокие Дечаны,
Белеют они среди Метохии,
Строил их двенадцать лет;
А слуга его — церковь в Призрене;
Король Милютин — высокий Девич
В Коссове, поле широком;
Юрий строил Юрьевы Столпы,
Святой Петр — белую Петрову,
Король Симеон — Студеницу церковь,
А слуга его — церковь Придворную;
Церковь строят двое Мырнявчевичей
В Елице, в горе обширной, —
А мы, что ж, не строим нигде!
Так клянусь же Богом великим!
Пока мои два рудника золотых,
Один рудник в Копаонике,
Другой — Рудницкая гора, —
Всех лучше выстрою я;
Я основание из олова поставлю,
Стальные поставлю потолки,
Чистым золотом покрою ее,
Дорогими камнями наполню ее,
Ситным бисером поднижу ее,
Пусть сияет, пусть знают, что мое».
Никто не говорит: так, царь;
Никто не говорит: не так, царь;
Низко сидит Милош Обилич,
Низко сидит, но хорошо говорит:
«Можешь, царь, и во власти это твоей;
Но Богом великим клянусь, —
Тут церкви не выйдет у тебя;
Настают последние времена,
И тяжкие насилия настанут;
Разорится задужбина твоя
Из-за золота и камней дорогих;
Царь, раскуют тебе турки,
Раскуют стальные потолки;
Из них плети поделают себе,
Плетьми будут бить сиротиню,

Сиротыня душу тебе проклянет, —
Плохая тут задужбина будет тебе, царь.
Но слышишь ли, славный царь Лазарь!
Я видел внизу у Ресавы,
У Ресавы в державе твоей,
Под высокой под Кучай-горой,
Славную, царь, равнину;
Строй там церковь Раваницу
Из холодного камня и извести,
А покрывай камнем и плитой;
От камня никому ни камня;
Будет тысячу лет стоять
Задужбина твоя Раваница».
Когда это услышал славный царь Лазарь,
Он Милошу чашей поздравил:
«Здоров будь, Милош, мой верный слуга!».
И стали холодное пить вино.
Повеление чинит славный царь Лазарь,
Повеление чинит на своих воевод,
А воеводы на кметов своих,
На кметов и обер-кнезов, —
Собрали тысячу мастеров
И тысячу молодых подручных,
И перед ними Рада мастера,
А надзирателями — девятерых Юговичей.
Председателем старого Юг-Богдана!
Чтобы строилась двенадцать лет.
А мастерам по дукату платы
И по три оки вина,
И чтобы праздновать пятницу и неделю.
Дрянь негодная — девятеро Юговичей!
Все царское пиво продали,
И царские деньги задержали,
А плату легкую поставили,
Плату легкую — по аспре одной,
Вина по одной чаше,
Не празднуют пятницы, ни недели,
Ни Илии, что громом бьет.
Ни Марии, что молнией жжет.
Когда это увидел Раде старший,
Крикнул Раде на тысячу мастеров,

Окончили в один год;
И сел он на бешеного коня,
Прямо поехал к Крушеvcу городу,
И пошел к царю в приемную;
Когда в приемной выступил перед царем,
Он смиренно царю поклонился,
Целует его и в руку и в локоть,
И перед ним сидение золотое,
Как раз сидение, на котором царь сидел, —
И сел у правого колена его;
Стал царь ему говорить:
«Ягненок ты мой, Раде мастер!
Строишь ли мне церковь Раваницу,
Уже основание ей вывел ли?»
— «Волен будь, царь, на слове!
Я не церковь Раваницу строю,
Но нашу проклятую темницу.
Темницу эту я выстроил давно.
Славную же, царь, ты мне плату дал —
Славную плату — по одной аспре,
А вина по одной чаше!
Ни пятницы, ни недели не праздную,
Ни Илию, что громом бьет,
Ни Марии, что молнией жжет!»
Когда это услышал славный царь Лазарь,
Он подзывает Милош-Обилича:
«Ступай к церкви Раванице,
Повесь девятерых Юговичей,
А схвати старого Юг-Богдана
И мукам тяжким подвергни его:
Черные глаза ему выколи,
Клецами зубы ему вынь,
Выхвати ему язык из гортани,
Рассеки его на четыре части,
Развесь его на четырех ветвях, —
Кто любопытен, пусть диву дивится,
Кто труслив, чтобы не решился пройти».
Милош отправился к церкви Раванице.
И схватил девятерых Юговичей,
Белые руки им связал,
И перед ними старого Юг-Богдана;

Затем мелкое письмо приготовил,
Отправил их к Реле Крылатому:
«В темницу их, Реля, бросишь,
А poi вином и водкой,
Медом и сахаром корми их».
Затем он возвратился в Крушевац;
Когда в приемной выступил перед царем,
Он царю смиренно поклонился,
Раньше царя стал говорить:
«Всех, царь, я повесил,
А твоего старца Юг-Богдана
Мукам тяжким подверг:
Оба глаза выколол ему,
Клещами зубы повынимал,
Язык выхватил из гортани,
Рассек его на четыре части,
На четырех гранях развесил, —
Кто любопытен — пусть диву дивится;
Кто труслив, чтобы пройти не смел».
Когда это услышала Милица госпожа,
Она затосковала, как кукушка:
«За что, царь, ради Бога самого!
Из моих девяти милых братьев
Хоть одного ты мне не оставил,
Младшего или старшего,
Для тебя — славу, для меня клятву,
Но оставил меня одну без клятвы,
Чтобы я куковала тебе, как кукушка,
Чтобы переворачивала, как ласточка!»
И стало сильно жаль царю:
«О Милош, мой верный слуга!
Если бы ты догадаться мог
И оставил бы хотя одного —
Младшего или старшего —
Я держал бы тебя рядом с собою,
Одевал бы тебя в шелк и бархат;
Когда настала бы мне очередь умереть, —
Тебе царство оставил бы».
Тогда Милош стал говорить:
«Волен будь, царь, на слове!
Всегда я верно служил тебе,

Только сегодня не послужил:
Ни одного я не погубил,
Ни старшего, ни младшего,
Но отправил их к Реле Крылатому;
Пока, царь, у тебя гнев отойдет.
А теперь суди им, как угодно тебе.
А только слышишь, славный царь Лазарь!
Славно церковь выстроили они,
Но уплати мастерам деньги,
Мастерам, сколько условлено».
В этом царь послушал его
И деньги положил мастерам.
И приготовили коней витязей,
На добрых сели коней,
Поехал царь к церкви Раванице
Посмотреть, какова его церковь.
Когда царь уже был против церкви,
Взблеснула церковь, как солнце яркое;
Коню блеск ударил в глаза,
Под царем конь подскочил
И с себя царя свалил.
Это место называется Царское Падение
Как тогда, так и теперь.

Приведем другую песнь, характеризующую восстановленный авторитет царя в самых западных областях сербства, в далматинском приморье.

Милош у Латинов

Боже милый, что за чудо великое!
Когда славный сербский царь Лазарь
Послал зятя Милош Обилича
К латинам подати собирать,
Латины дивно приняли его
И господским почетом окружили;
И они ведут его перед белую церковь.
Перед белую Димитрия церковь,
И хвалятся латинские господа:
«Смотри, воевода Милош!
Видишь нашу церковь Димитрия,
Как велика и как высока она,
У вас таких церквей нет».

Им отвечает воевода Милош:
«Вы умны, господа латинские,
Вы умны, но глупо говорите;
Если бы вы видели наши монастыри,
Наших славных царей задужбины!
Если б видеть вам лавру Студеницкую
Недалеко от Нового Базара;
Если б видеть вам Юрьевы Столпы
У Дежевы, у старых дворов,
Задужбину царя Симеона;
Если б видеть вам чудо невиданное,
Белый Хилендарь средь Святой горы,
Задужбину Савы святителея
И его отца Симеона;
Если б видеть вам Жичу на Мораве
И у Ибра выше Карановца,
Сопочаны у истоков Рашки,
Задужбины святого Стевана,
Нашего короля Первовенчанного;
Если б видеть вам Папрачу огромную
У Зворника, у истоков Спречи,
Под высокой горой Бороговой,
Задужбину Вукана жупана;
Если б видеть вам высокие Дечаны
У Призрена города белого,
Задужбину короля Дечанского;
Если б видеть вам славную Троношу,
Задужбину братьев Юговичей;
Если б видеть вам славную Раваницу
В Ресаве ниже Парачина,
На холодной воде Раванице,
Задужбину нашего государя,
Государя, славного царя Лазаря;
И прочие сербские монастыри, —
Если б видеть их вам
И надивиться им!
Что ваша церковь Димитрия!
Я сейчас переброшу через нее
Из руки тяжелым буздованом». —
Но латины тому не поверили.
И с Милошем побились об заклад

В тысячу желтых дукатов.
Взял Милош пернатый буздован,
Засучил белые рукава
И помолился Богу истинному:
«Прости, Боже и церковь святая!
Я не на тебя, я через тебя».
Полетел буздован в облака.
Одни говорят: перебросил;
Другие — нет, не перебросил;
Третьи — перебросил и высоко.
Когда возвратился пернатый буздован
По ту сторону церкви из облаков,
Он ударил в бановы дворы,
Поломал потолки
И убил двух бановых сыновей
И четырех морских генералов
И двенадцать великих знатных.
Когда то увидели латинские господа,
Они схватили воеводу Милоша,
Бросили его на дно темницы.
Милош сел мелкое письмо писать
Тестю своему Сербскому царю Лазарю;
Не пишет его, чем письма пишутся,
А кровью с лица его пишет.
Когда к Лазарю письмо пришло,
Он смотрит в него, другое пишет,
Посылает его господам латинским,
В письме им так говорит:
«Слышите ли, господа Латинские!
Отпустите моего зятя Милоша,
Отдайте ему подати от земли
И заклада тысячу дукатов.
Если же тотчас не отпустите его,
Вера моя так бы мне помогла!
Я подниму на вас сербов и мадьяр,
Всю вашу землю разорю,
Разорю, огнем спалю».
Когда Латины письмо прочли,
Живо отпустили воеводу Милоша,
Вручили ему подати от земли
И заклада тысячу дукатов.

**Завоевательное движение турок. Нападение на Сербию (1386 г.).
Война с турками; бой на Топлице 1387 г. Коссовский бой 1389 г.
Милош Обилич и его значение**

Между тем завоевательное движение турок уже подступало к коренным сербским землями. Адрианополь, Филиппополь, София последовательно попали во власть турок; в южных областях Македонии шла упорная борьба между Бальшей, отнявшим земли у Вукашиновичей, и турками, к заступничеству которых прибегли последние. Сам Бальша погиб в 1385 г. в бою с турками, а его преемник Георгий II уже уступил туркам южные области Македонии и Албании и отодвигался перед ними к северу. Большая часть Болгарии уже была обращена в турецкие провинции, Тырново было взято турками и последний болгарский царь Шишман III (1365—1393 г.), лишившись большей части своих владений, остался в живых только по милости султана. Султан Мурад I (1360—1389 г.) напал, наконец, на коренные сербские земли и взял Ниш (1386 г.). Лазарь, уstraшенный, просил мира и обязался платить дань султану и поставлять ему отряд войска в 1000 человек; турки продолжали, однако, нападения на сербские земли, и область Вука Бранковича, зятя царя Лазаря, первая попала под власть турок; последние отдали ее в управление действовавшему заодно с ними Марку Кралевичу, сыну короля Вукашина. Несмотря на такой вызывающий и угрожающий образ действий турок, Лазарь, чувствуя себя неподготовленным к борьбе и хорошо сознавая решительность последней, раз она будет предпринята, отдалял насколько возможно момент ее. Одна из народных песен коссовского цикла так выражает различие в положении и настроении обоих царей турецкого и сербского:

*Царь Мурад на Коссово упал,
Тотчас мелкое пишет письмо,
Посылает его в Крушевац город,
На колено Сербскому царю Лазарю:
«Ой Лазарь, Сербии глава!
Того не было и быть не может:
Одна земля, а два государя;
Одна райя, а двое податей дает;
Оба мы царствовать не можем.
Но пошли мне ключи и подати,
Золотые ключи от всех городов
И подати за семь лет.
Если же послать не пожелаешь,
А ты ступай на Коссово равное,*

*Там саблями землю поделим мы».
Когда к Лазарю мелкое письмо пришло,
Он в письмо смотрит, крупные слезы роняет.*

Наконец, Лазарь решил на войну — в союзе с Георгием II, правителем Зеты; на реке Топлице столкнулись сербские войска под начальством Вука Бранковича с турками (1387 г.); турки были разбиты наголову; 20 тысяч их остались на поле битвы. Успехи турок в Европе были остановлены этой битвой. Лазарь занялся приготовлениями к решительной борьбе, побудил болгарского царя Шишмана еще раз взяться за оружие, вступил в союз с боснийским королем Твиртком и правителем Зеты Георгием Бальшичем. Сам султан Мурад находился в Азии и, полив известие об отказе Лазаря платить дань и о его приготовлениях, возвратился в Европу и двинулся с огромным войском на Сербию (300-тысячным). Лазарь до последнего момента был неуверен в единодушии своих; правитель Зеты еще не прибыл на помощь, а момент решительной битвы приближался; честолюбивые стремления отдельных личностей были ясны для него. Следующие строки народной песни выражают настроение царя:

*Если бы кому послушать было,
Как люто царь проклинал:
«Кто серб и сербского рода
И от сербской крови и колена,
А в бой на Косово не придет,
От руки того ничто не родило бы,
Ни в поле пшеница белая,
Ни в горе винная доза;
Старая мать бы его больше не видела,
Им милая сестра уже не клялась бы,
От язв пропадал бы весь род его».*

Венгрия отказала в помощи, просимой Лазарем. На Косово стянулись собственные войска Лазаря и войска боснийского короля Твиртка. Накануне битвы состоялся ужин в царском шатре, на котором в числе прочих воевод находились и оба царские зятя — Вук Бранкович и Милош Обилич, взаимно соперничавшие между собою. Первый из них втайне рассчитывал, в случае поражения Лазаря самому сесть на престол сербский, но тщательно скрывал свое намерение. Чтобы еще больше смутить и без того смущенного царя, он приписал Милошу свои собственные намерения и донес царю о намерении последнего передаться на сторону турок. Царь поднял бокал и произнес — следуя народной песне — следующий тост:

«Ни за кого другого я не выпью ее (чаши вина),
Но за здоровье Милош Обилича.
Здоров будь, Милош, верный и неверный!
Сначала верный, а затем неверный!
Ты завтра выдашь меня на Коссове
И отбежишь к турецкому царю Мурату;
Здоров будь и здравицу выпей,
Вино выпей, а в дар тебе бокал!»
Вскочил Милош на легкие ноги
И поклонился до черной земли:
«Хвала тебе, славный царь Лазарь,
Хвала тебе на здравице твоей,
Но не хвала на слове таком:
Потому что — верой клянусь своей —
Я изменником не был никогда
И завтра думаю на Коссове
За веру погибнуть христианскую.
А, проклятый Вук Бранкович!
Завтра идет славный Видов день,
Посмотрим на Коссовом поле,
Кто изменник, кто не изменник.
Так клянусь же Богом великим!
Я завтра в Косово пойду,
Зарежу турецкого царь-Мурада,
Ногою под горло стану ему.
И если Бог и счастье даст,
И я благополучно в Крушевац вернусь,
Я схвачу Бранковича Вука,
К копы боевому его привяжу,
По Коссову полю поволоку его».

И Милош тотчас же вышел из царского шатра вместе со своими двумя побратимами Косанчич Иваном и Топлицей Миланом.

«Побратим, Косанчич Иван!
Ты высмотрел ли войско турецкое?
Много ли войска у турок?
Можем ли с турками бой бить,
Можем ли их одолеть?»
— «Ах, брат мой Милош Обилич!
Я турецкое высмотрел войско,
Сильно войско у турок;

*Все мы, если бы в соль обратились,
Им завтрака не посолили бы.
Я целых пятнадцать дней
Бродил по турецкому лагерю,
И не нашел ни края, ни конца».
Еще спрашивает его Милош Обилич:
«О Иван, побратим дорогой!
Где шатер турецкого царя Мурада?
Я ведь поклялся перед царем,
Что зарезу царя Мурада,
Ногою под горло стану ему».
Но говорит ему Косанчич Иван:
«Ох и глуп же ты, дорогой побратим!
Где шатер турецкого царя Мурада
Посреди турецкого сильного лагеря, —
Если бы крылья у тебя были соколиные,
И из неба бы чистого ты туда спустился, —
Перья мяса не вынесли б твоего».*

К утру в сербском войске не оказалось Милоша и его обоих побратимов. Они на рассвете отправились в турецкий лагерь со спущенными копьями в знак сдачи. Весть о прибытии трех сербских воевод, в их числе одного из первых вельмож царского зятя Милоша Обилича, обрадовала турок, и они поспешили представить Милоша султану. Султан Мурад принял Милоша и в знак своего благоволения протянул ему ногу для целования; Милош схватил его за ногу и, быстро выхватив нож, распорол султана по самое горло. Воспользовавшись происшедшим в шатре замешательством, Милош выскочил из шатра и вместе с обоими побратимами стал ломаться сквозь турецкое войско к сербскому. После отчаянной борьбы упал сначала Косанчич Иван, затем Топлица Милан; наконец упал и Милош; по турецким источникам он еще три раза на копье, как на крыльях, отскакивал и рубился с турками; наконец, его одолели, связали и привели к султанскому шатру. Начался коссовский бой. Сербами предводительствовал сам царь Лазарь, турками — старший сын раненого султана Баязет. Бой продолжался целый день и отличался большим кровопролитием. Уже победа стала клониться на сторону сербов, но в решительный момент Вук Бранкович со своими 12 тысячами отборного войска удалился с поля битвы и стал за близлежащую Голеш-гору. Турки удвоили усилия, и победа осталась за ними. Сам Лазарь при отступлении был схвачен в плен и также был приведен к султанскому шатру. Тут умирающий в страшных мучениях султан приказал казнить Лазаря и Милоша. Так закончился коссовский бой 15 июня 1389 г., в день св. Вида.

Коссовский бой произвел глубокое впечатление на сербский народ, которое он выразил в цикле коссовских песен. Не менее глубокое впечатление произвел на весь народ и подвиг Милоша Обилича, обессмертивший его в памяти сербского народа и возведший его в чистый идеал для народа, в образ, воодушевлявший последующие поколения в любви к отечеству и свободе и к самопожертвованию в борьбе за отечество и свободу. В классическом произведении митрополита Петра «Горский Венец» личность Милоша очерчена следующим образом:

*«О Милош, кто тебе не завидует?
Ты жертва благородного чувства,
Воинственный гений всемогущий,
Гром страшный, короны раздробляющий, —
Величие витязской твоей души
Превосходит бессмертные подвиги
Дивной Спарты и великого Рима;
Все подвиги их блестящие
Твоя гордая мышца омрачает.
Что Леонид и что Сцевола,
Когда Обилич станет на сцену;
Эта мышца одним ударом.
Престол разрушила, Тартар всколебала.
Пал Милош, чудо витязей,
Жертвой на трон бича мирового,
Гордо лежит великий воевода
В ключах благородной крови.
Немного перед тем как гордо шел он
Со страшной мыслью, со вздувшейся грудью,
Сквозь дикие толпы азиатские,
Глотая их огненными взорами;
Немного перед тем как гордо шел он
К святому гробу бессмертной жизни,
Презирая людское ничтожество
И болтовню безумной скупщины.
Бог дорогой на сербов разгневался!*

.....
*На развалинах царства юнацкого
Заблестала светлая Милошева правда,
Увенчалась слава вековая
Милошевых двух побратимов
И дивного Юговичей букета.*

Мы полагаем, что едва ли преувеличим, если признаем образ Милоша Обилича главным вдохновляющим фактором во всей последующей боевой истории сербского народа, неаявным, скрытым импульсом всех подвигов Черной Горы и всей изумительной ее истории. В том же «Горском Венце» воевода Батрич, убеждая потурченцев возвратиться к вере отцов, говорит им:

*«Не пожелаете ли послушать Батрича,
Клянусь вам верой Обилича
И оружием, надеждой моей,
В крови заплывут наши веры,
Лучшей будет та, что не утонет».*

Отвечавший на эту речь воеводы один из потурченцев, между прочим, восклицает:

*«Кучка людей! что вы ослепли?
Не знаете чистого рая сластей.
Без надежд живете и умираете,
Кресту служите, а Милошем живете;
Крест — слово только сухопарное;
Милош в неменяемость ввергает людей,
Или точно в опьянение какое-то».*

В другом месте того же «Горского венца» один из воевод говорит:

*«Что поминаешь ты Коссово, Милоша?
Все мы счастье потеряли на нем!
Но за то мышцы, имя черногорское
Воскресли с Коссовской гробницы
Над облаками в витязском царстве,
Где Обилич над тенями властвует».*
— *«Обилич, змей огненный!
Кто смотрит на тебя, у того глаза блестят;
Вечно славить тебя будут юнаки,
Даром корону нашу не отдал,
Когда падишаху под горло стал,
Когда исламу в котел ногою вступил.
И теперь тебя вижу я на коне твоём,
Как турок у шатра ты разгоняешь».*

Расставаясь после скупштины, воевода Батрич говорит:

*«Давайте сны расскажем на дорогу:
Мне сегодня снилось, чего не снилось никогда;*

*Радуюсь за оружие свое.
Сегодня ночью Обилич пролетел
По-над равным полем цетиньским,
На белом коне, как на виле;
Ох, дивен ли был он, Боже дорогой!»*

До сорока прочих воевод, оказалось, видели такой же сон; всяк видел Обилича, как и воевода Батрич.

В 1848 г. во время сербской революции на юге Венгрии, отличившегося в бою черногорца Вука сербы провели в триумфальном шествии по Карловцам; Вук от избытка радости сошел с ума, вообразив себя новым Милошем Обиличем, долженствующим оставить сербский лагерь... Таково значение Милоша Обилича в жизни и настроении сербского народа.

Тело царя Лазаря похоронено было сначала в митрополитской церкви в Приштине; спустя несколько лет оно было торжественно перенесено в его задужбину Раваницу. Церковь причисляла его к лику святых. В конце XVII века монахи монастыря Раваницы перенесли тело его в монастырь св. Андрея у Буда-Пешта, а затем в сремский монастырь Вырдник, прозванный с тех пор Раваницей. Здесь в храме Вознесения с правой стороны перед алтарем и ныне хранятся мощи последнего сербского царя.

СЕРБСКОЕ ДЕСПОТСТВО (1389—1405 г.)

ЦАРИЦА МИЛИЦА И ДЕСПОТ СТЕФАН ВЫСОКИЙ (1405—1427 г.)

Падение Болгарии (1394 г.) и начало турецко-венгерских войн; битва у Никополя (1396). Погромы Сербии султаном Мусой (1411 и 1412).

Сношения с Венгрией; Грамота Сигизмунда 1424 года.

Присоединение Зеты к Сербии (1422 г.)

Тотчас после битвы на Коссове турки провозгласили султаном старшего сына Мурада — Баязета, прозванного за военные свои доблести Илдерим (молния). Победа очень дорого обошлась туркам и для того, чтобы довести войну до конца и овладеть сербскими землями, султан нуждался в особых приготовлениях; с оставшимся после битвы войском невозможно было предпринять покорение стран. Кроме того, в тылу находились независимые или полузависимые государства, ежеминутно готовые к нападению на турок и к возмущению против них и отпадению: Византия и полузависимые еще окончательно не покоренные османами государства Малой Азии — Карамания, Кастамуния, Сиваш, Коние. Между тем окончательное покорение страны требовало и больших средств и много времени. Баязет предпочел вступить в переговоры с царицей Милицей и старшим сыном царя Лазаря Стефаном, прозванным Высоким. Баязет потребовал себе в жены дочь Лазаря Милеву; обязал сербов платить ему определенную дань и поставлять по его требованию вспомогательный военный отряд обязательно под личным начальством Стефана. Южные области отдал Вуку Бранковичу в награду за оказанное им на Коссове содействие. В столице царя Лазаря Крушевце сербы должны были допустить постройку мечети.

Тотчас по удалении султана Вук Бранкович стал стремиться к расширению предоставленной ему области за счет Милицы и постоянными вторжениями в ее земли тревожил ее. Милица обратилась с жалобой к султану; жалоба ее, по-видимому, поддерживала ее дочь султанша Милева; турки распорядились отравить Вука (1398 г.).

Падение Болгарии. Битва у Никополя

Между тем Баязет со свойственной ему быстротой, которой он обязан своим прозвищем Илдерим, появлялся то у одного, то у другого конца

империи, повсюду сопровождаемый успехами. Возвратившись после Коссовской битвы в Азию и приведя к покорности малоазиатские государства, он затем вновь переправился в Европу, осадил Константинополь, внезапно напал на Болгарию и обратил ее окончательно в провинцию своей империи, умертвил царя Шишмана (1394 г.), принудив его сына принять ислам и назначив его Самсунским пашей в Малой Азии. Во всех этих походах Баязет участвовали перешедшие на сторону турок Вукашиновичи, старший из которых Марко Кралевич сделался предметом целого цикла народных песен, в которых он фигурирует, как представитель сербства и сербских понятий в турецкой среде, как покровитель и защитник сербов. Он погиб в 1394 г. в битве турок с валахами, во время которой, по преданию, Марко поднял руки к небу и молился Богу о даровании победы христианам. По народному преданию, выраженному в народной песне, Марко умер не в битве, так как на земле не могло быть такого юнака, который бы одолел Марка; а умер он

«От Бога, от старого убийцы;»

и умирая бросил он в море свой палаш со словами:

*«Когда этот палаш из моря выйдет,
Тогда лишь такому молодцу появиться».*

Исход Коссовской битвы, вскоре затем последовавшее завоевание Болгарии и перенесение султаном войны по эту сторону Дуная в Валахию распространило тревогу в Европе и панику в Венгрии. Сигизмунд, король венгерский (и с 1411 г. император германский), умолял о помощи всех христианских государей; папа приказал проповедовать крестовый поход. Составилось крестоносное войско, в котором кроме венгерцев участвовал цвет рыцарей французских и германских; Франция выслала 6-тысячный отборный отряд с герцогами Бурбонскими, родственниками французского короля, во главе. Шестидесятитысячное крестоносное войско под начальством короля Сигизмунда перешло Дунай и осадил Никополь. Вскоре прибыл Баязет, при котором находился и вспомогательный сербский отряд под начальством Стефана, сына царя Лазаря, расположившийся на соседних высотах. Началась битва. Несмотря на громадное неравенство сил, крестоносцы долго дрались; но со вступлением в дело Стефана с его 20-тысячным сербским отрядом крестоносцы потерпели полный разгром. Сигизмунд бежал через Дубровник, снабдивший его деньгами, и морем уже возвратился в Венгрию. Взятые в плен знатнейшие французские рыцари отпущены Баязетом за громадный выкуп. Император византийский Иоанн Палеолог, бывший в союзе с Сигизмундом, обязался платить дань и допустить сооружение мечети в Константинополе (1396 г.).

ством воеводы Вукашина Зупровича, быстро перейдя Сербию, неожиданно появились у Крушевца и сожгли весь стоявший на Мораве турецкий флот; бросившийся за ними в погоню Али-бег был совершенно разбит ими у Смедерево. Факт этот сильно скомпрометировал Джюрджа перед султаном. Мурад формально потребовал сдачи ему Смедерева, в чем деспот отказал. В 1438 году султан с огромным войском вторгся в Сербию, занял и опустошил значительную часть ее, и в следующем году осадил Смедерево и Новобрдо. Смедерево в том же году сдалось. Помощь, о которой хлопотал в Венгрии Джюрадж, не была оказана, так как король Альберт (1437—1439 г.), весьма дружелюбно относившийся к Джюрджу, хотя и выступил в поход на турок, но умер в пути. После его смерти, вследствие малолетства его сына Ладислава, возникли в Венгрии неурядицы, завершившиеся в 1440 году избранием на престол польского короля Владислава Ягеллона.

Между тем город Новобрдо держался. Султан, закончив кампанию, удалился в Адрианополь и увел с собою двух сыновей деспота Стефана и Григория. Паника овладела народом, города один за другим переходили в руки турок; ничто не могло спасти от слепого изуверства их: все, не желавшие перейти в ислам или тут же убивались, или уводились в плен и продавались в рабство. Папа Евгений IV в послании 1443 года, обращенном ко всем христианским народам Европы, говорит: «Гонят захваченных христиан, мужчин и женщин, связав их одной веревкой; тех, которые по слабости, или по старости, или иным образом изнуренные, не могли бы далее идти, убивают на месте или на смерть изранят и оставляют на месте их тела, чтобы дикие звери растерзали их, на поругание и позор христианской веры... Они выводят их на рынок и продают, как скот». В плен, таким образом, уведено более 200 тысяч человек.

В том же 1439 году во Флоренции собрался собор для обсуждения вопроса о единении обеих церквей, восточной и западной, так как под условием только такого единения папа соглашался объявить крестовый поход против турок и оказать помощь византийскому императору, просившему таковой. Собор провозгласил унию церквей, не имевшую, впрочем, практических результатов, так как она не была принята в Константинополе духовенством и народом, хотя сам император и готов был признать ее.

Потерявши надежду добиться помощи от Венгрии, деспот уехал в Бар, зетский приморский город, и отсюда пытался через посредство Венеции вступить в переговоры с султаном. Султан, однако, был далек от намерения входить в какие бы то ни было сношения с Джюрджем; он объявил населению Бара большую награду за выдачу его. Джюрдже выехал из Бара в Дубровник, где был принят с большим почетом, но и здесь не мог долго оставаться; Мурад прислал требование о выдаче Джюрджа,

и деспот в 1441 году выехал в свои венгерские владения. Это настойчивое преследование Мурада вызывает страх, который внушал ему деспот, вечно возбуждавший против него врагов и пользовавшийся большим обаянием среди сербов, составлявших главный контингент венгерских войск, выступавших против него; этим страхом объясняется и ослепление им двух сыновей деспота Стефана и Григория в 1441 г.

Венгерско-турецкие войны. Долгая кампания. Сегединский мир. Восстановление деспотства

В 1441 году пал осаждавшийся турками город Новобрдо и, таким образом, вся Сербия оказалась занятой турками. Зетские владения деспота стали яблоком раздора между Венецией, турками и местными властолюбивыми домами Стефана Косачи, «герцога хумского и приморского» и Црноевичей. У Джорджа оставались, таким образом, одни только его венгерские владения. В них он организовал прежде всего оборону против турок. Отправив затем посольство к Владиславу с поздравлением по случаю избрания его в венгерские короли, он вскоре и лично прибыл в Будапешт, сдружился с Владиславом и побуждал его как можно скорее выступить в поход против турок. Сам король Владислав, 16-летний юноша, полный юношеского пыла и энергии, с нетерпением ожидал скорейшего начатия войны.

В таком походе была настоятельная необходимость, так как, справившись с Сербией, турки перенесли войну в Венгрию. После неудачной осады Белграда в 1440 году, они в следующем году вновь осадили его, но тут они были разбиты наголову венгерцами под предводительством прославившегося в последующих войнах с турками знаменитого венгерского воеводы Яна Гуниада. В 1442 году беглербег румелийский Мезид-паша вступил с огромным войском в Трансильванию и, разоряя все встречавшееся на пути, осадил Сибинь (Германштат), но тут он был совершенно разбит соединенными венгерскими и сербскими войсками под предводительством Гуниада и Джорджа Бранковича; в виде военного трофея Гуниад послал Бранковичу голову Мезид-паши. Султан поклялся отомстить гяурам за это поражение. Новый румелийский беглербег Шехаб-Эддин-паша с 80-тысячной армией вторгся в Венгрию, но его постигла участь Мезид-паши. Эти удачи подействовали ободряющим образом на все население, и особенно на сербское.

На сейме 1443 года решено было начать войну, причем деспот обещал со своей стороны сильную помощь и деньгами и оружием. Предпринятый соединенными сербскими и венгерскими войсками поход известен под именем «долгой кампании» и состоял из целого ряда побед над турками, отступившими до самых Балкан; суровая зима застала союз-

Нашествие Тамерлана и Ангорский бой

Упоенный успехами, Баязет Ильдерим удалился в свою малоазиатскую столицу Бруссу и, обдумывая новые войны и завоевания во имя ислама, хвастал, что покормит-таки своего коня сеном в Риме, заключавшем в себе рычаг, могущий приводить в движение всю Европу. Италия и Венгрия трепетали. Но угрозам Баязета не суждено было осуществиться: приближался Тамерлан, великий монгольский завоеватель, для борьбы с которым Баязет выступил со всеми силами империи. На равнинах Ангоры Баязет сосредоточил все свои силы и начал битву с Тамерланом, выставив в передние ряды сербский вспомогательный отряд со Стефаном Высоким во главе (1402 г.). Турки потерпели полное поражение; сам Баязет попал в плен, в котором умер в скором времени; Тамерлан с участием отнесся к сербам и узнав, что они, как объяснил ему Стефан, «сыны земли Лазаревой», отпустил их.

На возвратном пути в Сербию Стефан посетил в Константинополе византийского царя Мануила, который пожаловал ему титул деспота. Оставив в Константинополе под надзором греков своего племянника Георгия Бранковича, сына Вука, заявлявшего притязания на наследование своему отцу в областях, пожалованных Вуку Баязетом, Стефан морем переехал в Зету, где был принят своим зятем, правителем Зеты, и оттуда в Сербию.

В 1405 году умерла его мать — царица Милица, и Стефан принял титул самодержавного деспота сербского.

Погром при Ангоре имел непосредственным результатом возникновение анархии в самой Турции и временную отсрочку опасности, грозившей от нее Европе вообще и на первом месте Венгрии, Австрии и Испании. Но самой Сербии пришлось сильно пострадать во время этой анархии. Сыновья Баязета, соперничая между собою из-за престола, начали ряд междоусобных войн, в которых Стефан должен был принимать непосредственное участие из опасения навлечь на себя и на Сербию гнев султана. В Европе боролись из-за престола Муса и Сулейман. Стефан стоял на стороне Мусы, братья же его Вук и Лазарь стали на сторону Сулеймана, обнаруживая этим самым и свои стремления к власти в ущерб своему старшему брату. Борьба окончилась умерщвлением Сулеймана и воцарением Мусы, приказавшего казнить обоих братьев Стефана за их переход на сторону Сулеймана (1410 г.).

Погромы Сербии султаном Мусой

Но помощь, оказанная Стефаном Мусе, не спасла его от попыток султана овладеть Сербией; под предлогом оказания помощи Георгию Бранковичу, сыну Вука, Муса в 1412 и 1413 гг. произвел два опустошительных нашествия на Сербию, разрушил многие города, в том числе Круше-

вац и Сталач, разбил деспота и увел много молодых сербов, вошедших впоследствии в состав янычар.

Сношения с Венгрией

Эти нашествия имели важные последствия; Георгий Бранкович, бывший свидетелем ужасов, сопровождавших эти нашествия, бросил надежду добиться чего-либо с помощью турок, примирился со Стефаном и был назначен им своим наследником, если у него, Стефана, не будет сыновей. С этого же времени начались попытки Стефана искать сближения с Венгрией, чтобы иметь убежище в случае повторения подобных нашествий и заручиться помощью; с первых же шагов оказалось, однако, что Венгрия, даром что ей самой грозила большая опасность от турок, смотрела на Сербию, как на добычу для удовлетворения собственной алчности и, пользуясь той крайностью положения, в которой находился деспот и его страна, обещала помощь под условием, что вся страна окончательно присоединится к Венгрии и войдет в состав королевства, если у Георгия Бранковича не будет сыновей; под условием признания вассальной зависимости Сербии от Венгрии не только в данное время, но и во все предшествующие времена и под условием немедленной передачи Венгрии Мачвы, Белграда, Голубца. В таком смысле была составлена и 1424 г. грамота, выданная Стефану венгерским королем (и императором германским) Сигизмундом. При такой опасности, угрожавшей Сербии с двух сторон, как деспот Стефан, так и преемник его Георгий Бранкович относились с большой осмотрительностью к своим сношениям с султанами и королями, из которых первые грозили совершенно уничтожить силой всякую тень политической независимости страны, а последние желали добиться того же посредством простой уловки. Таким образом Стефан оказался в действительных вассальных отношениях к султану и в мнимых, только на бумаге существовавших, вассальных же отношениях к венгерскому королю, возникших по причине, лежавшей вне Венгрии. Вследствие такого характера отношений к Венгрии и явного антагонизма между сербами и венгерцами, причем последние видели в первых только схизматиков, договор, заключенный в 1424 г. между Стефаном и Сигизмундом, оставался без исполнения, так как для сербов еще не наступила пора выбирать между ним и необходимостью подчиниться истребляющей дикости турок. Стефан продолжал внимательно относиться к своим обязательствам по отношению к султанам и принимал деятельное участие в их делах. Злодейства Мусы, от которых страдала не одна Сербия, не остались безнаказанными. Третий сын Баязета Мохамед с помощью сербов, бывших под начальством Георгия Бранковича, поднялся на Мусу, разбил его, умертвил и воцарился на султанском престоле. До его смер-

ти в 1422 г. Сербия пользовалась спокойствием. В последовавшей затем междоусобной войне его сыновей Мурада и Мустафы Стефан помогал старшему Мураду, который и утвердился на престоле.

Присоединение Зеты к Сербии

Благодаря этому внимательному отношению к своим обязательствам по отношению к султанам, Сербия не только пользовалась спокойствием и независимостью в своих внутренних делах, но Стефан получил еще возможность восстановить в Зете власть сербского государя. Область эта, обнимавшая собою нынешнюю Черногорию, северную часть Албании и западную часть Македонии, при слабом царе сербском Уроше потеряла непосредственную связь с сербским царством и зажила независимой от него жизнью. Господство над нею утвердил за собою некий Бальша. Путем беспрестанных войн он и его сыновья значительно расширили ее. Вскоре они столкнулись с турками, которым стали постепенно уступать отдельные области и города. При внуке первого Бальши Георге II Страшимировиче произошел Коссовский бой 1389 г., на который шел и Георгий с Зетским войском, но опоздал и в бою не участвовал. Положение Зеты после Коссовской битвы значительно осложнилось. Уже не имея за собою опоры, которую представляло собою само существование сербского царства, правитель Зеты стал искать ее в другом месте — в Венеции, этой знаменитой республике, владевшей между прочим также большей частью далматинского побережья и пользовавшейся на всем побережье большим авторитетом и влиянием. Вступая в соглашение с венецианцами, Георгий передал им города Скадар, свою столицу, Леш и Драч. Сын Георгия Бальша III уже должен был бороться не только с турками, но и с венецианцами, захватывавшими под свою власть все более и более земель. С Бальшей III прекратилась фамилия Бальшичей. В Зете водворилась анархия, благодаря которой венецианцам удалось почти совершенно овладеть страной.

Но фамилия Бальшичей путем браков сроднилась с царской фамилией Гырбляновичей. Со смертью последнего Бальши Стефан в 1422 г. объявил себя государем Зеты и, в течение двух лет вытеснив из нее венецианцев, оставил в ней Георгия Бранковича своим наместником и сам возвратился в Сербию. В 1427 г. Стефан умер после продолжительного 38-летнего управления Сербией, в вечных стараниях охранять от посягательств со стороны турок ту долю независимости, которая оставалась стране. И ему и многим его современникам быть может и приходила мысль воспользоваться анархией в турецкой империи, возникшей после ангорского погрома 1402 г., но мысль эту по силе вещей пришлось оставить. По народной легенде, Стефан, преследуя турок до самого моря — во вре-

мя тех междоусобных войн турецких, в которых он сам принимал деятельное участие, — забросив свой палаш в море, говорит:

*«Когда палаш из моря выйдет,
Тогда лишь туркам через море перейти,
И Крушевцем моим овладеть,
Снова царство сербское завоевать!»*

Но, когда на возвратном пути, приближаясь к Крушевцу, он увидел этот же палаш, висящим на воротах Крушевца с капающей с него водой, он заплакал и сказал:

*«Храбрые сербы, витязи мои!
Мы можем и кони наши могут,
Но напрасно, когда Бог не дает, —
Это царство больше не для нас».*

Сербы искренне оплакивали своего несчастного деспота, сына своего последнего царя, всю свою жизнь проведенного в полном сознании невозможности что-нибудь сделать против зиявшей на него и на Сербию опасности и помнившего и знавшего лучшие времена. В крушевацком округе в Сербии сохранился надгробный памятник Стефана со следующей на нем надписью: *«Благочестиви господин Стефан, добри господин приедобри, и мили и слатки господин деспот. О горе тому, тко га видие на сем миестие мртва».*

О смерти Стефана тотчас же был извещен оставшийся в Зете наместником Георгий Бранкович, усыновленный Стефаном племянник его. Господствовавшее тогда настроение под влиянием общего положения дел и предчувствия страданий, предстоявших стране, всего лучше выражается следующими словами летописца при описании богослужения, которым сопровождалось вступление Георгия во власть: *в церкви бо господским обичаием на простертая не взиде и, службе свершившей ся, о господскоу славе не даст ничесоже рещи, но в миесто сего вопль рыдани в воздух слышаше се иего».*

ДЕСПОТ ГЕОРГИЙ БРАНКОВИЧ

(Джюрадж, Джюрдже Бранкович) (1427—1456 г.)

Договор его с Венгрией

Политика Джюрджа Бранковича по отношению к туркам была существенно отлична от политики его предшественника. Он никогда не оказывал туркам военной помощи; просьбами, обещаниями, увеличением дани он старался отклонить султана от нашествия на Сербию; когда

же это не помогало, выступал против него с войском. В Венгрии он также видел врага, менее страшного и менее опасного, но также посягающего на Сербию, отчего все его вынужденные силою вещей отношения к Венгрии отличаются крайней сдержанностью и проникнуты самым полным к ней недоверием. Все время своего продолжительного управления Сербией Бранкович провел в беспрестанном лавировании между турками и венгерцами в стремлении сохранить свои права самостоятельного деспота сербского, в выжидании такого момента, когда бы он мог, пользуясь стечением благоприятных к тому обстоятельств, утвердить самостоятельность Сербии как по отношению к туркам, так и по отношению к венгерцам. Тотчас после смерти деспота Стефана султан Мурад (1421—1451 г.) заявил, что имеет законное право на Сербию, как внук Баязета, бывшего женатым на дочери царя Лазаря, и следовательно как один из ближайших родственников умершего деспота Стефана. Ввиду этого Джурдже вступил в переговоры с королем венгерским Сигизмундом (1382—1437 г.) относительно передачи Венгрии Белграда и Голупца; города эти Джурдже отдавал не просто, а взамен уступки ему целого ряда округов в южной Венгрии, населенных сербскими эмигрантами, с городами Сланкамен, Бечей, Кулпин, Дебречин, Токай, Чонград, Арад и др., которыми Джурдже имел владеть на правах и обязанностях вассала венгерского короля с титулом высшего барона в королевстве (*baro regni maior*). Белград был передан венгерцам, и венгерское войско приготавливалось уже занять и крепость Голубац (1427 г.).

Война с Турцией и потеря Голубца

Между тем султан вторгся в Сербию с юга и занял весь ее юго-восточный угол до реки Моравы с городом Крушевцем; во время неудачной осады города Новобрдо он получил от сербского голубацкого воеводы Иеремии извещение, что, ввиду намерения деспота передать Голубац венгерцам, он, Иеремия, переходит в ислам и передает город туркам, и просит султана прислать войско для принятия крепости. Голубац стал, таким образом, турецкой крепостью; венгерцы, собравшиеся было перед Голубцем, после жестокого поражения их турками должны были с большими потерями переправиться на левый берег Дуная. Опасаясь войны с Венгрией и с союзом христианских государей Европы, о котором в то время много говорилось, Мурад согласился оставить Сербию в покое и, удержав за собой все занятые им области с Нишем, Крушевцем и Голубцом, признал Джурджа деспотом сербским; последний обязался платить султану дань в 50 тыс. дукатов и поставлять ежегодно вспомогательный отряд в 3 тыс. человек.

Тотчас по окончании войны деспот стал строить новую резиденцию — город Смедерево на берегу Дуная, по которой и сам он получил прозвание

«Смедеревац»; в то же время исправлялись и прочие укрепления в стране и воздвигались новые. О тягостях того времени народ сохранил предание в своей народной литературе:

*«Когда выстроил Смедерево город,
Он стал строить и дома,
Позолочивает ворота и окна,
И наложил налог на область,
На дом по три литра золота,—
Это, брат, по триста дукатов!»*

На одной из стен город и теперь еще видна надпись, высеченная в камне: *«Ва Христа Бога благоверни деспот Джюрадж, господин сербам и поморию Зетскому. Повелением его созда се град сей 1430 года».*

Налоги, коими деспот обложил население не только в Сербии, но и в своих венгерских владениях, были очень велики; венгерские города подали на него даже жалобу королю Сигизмунду; некоторые племена в Зете обратились к покровительству Венеции. В это именно время в самих высоких частях Зеты, известных под именем Черной Горы, стал приобретать власть некий Стефан Црноевич, успевший в короткое время поставить себя в совершенно независимое от всех соседей положение.

Ища поддержки и опоры на западе, Джордже убедился, что он может рассчитывать на помощь только под условием введения унии в Сербию; но он решительно отклонял все обращавшиеся в нему предложения принять участие в церковных соборах в Базеле (1431 г.) и Феррари, на которых между прочим обсуждался и вопрос об уединении церквей на почве признания папы главой церкви. В 1432 г. он сблизился с венгерским королевским домом, выдав свою дочь Екатерину за графа Ульриха Цельского, брата жены короля венгерского и императора германского Сигизмунда. Но сношения Джорджа с венгерцами беспокоили и раздражали султана; турецкий военачальник в Крушевце Исак-бег доносил султану: «Турки до тех пор не могут быть спокойны и безопасны, пока Джюрадж находится в Сербии; это он возбуждает против турок венгерцев в Европе и Караманов в Азии». Султан стал готовиться к вторжению в Сербию, и Джорджу едва удалось отклонить грозу выдачей за султана другой дочери своей Мары в 1434 году; султан, в свою очередь, прислал грамоту, в которой изображена была клятва султана соблюдать мир и дружеские отношения с деспотом.

Вторая война с турками. Скитания деспота

В 1437 году султан вторгся в Венгрию и разорил ее до Германштадта. Но и венгерцы — или правильнее венгерские сербы — под началь-

ников у подножия Балканского хребта, и король Владислав решил отступить в Венгрию, несмотря на настойчивые просьбы деспота продолжать войну и добиться положительных от нее результатов. Султан Мурад просил Джюрджа о посредничестве для заключения мира, на что деспот согласился. По Сегединскому миру 1443 года, султан возвратил деспоту все его сербские владения; между Венгрией и Турцией условлено было перемирие на десять лет; обе стороны клятвой на Евангелии и Коране обязались соблюдать условия мира.

Вместе с тем султан возвратил деспоту и его обоих ослепленных сыновей.

Таким образом, усилия Джюрджа увенчались, наконец, успехом: сербское деспотство было восстановлено (1443 год).

Венгерский поход 1444 г. Битва у Варны

Мир, заключенный в Сегедине, продолжался, однако, очень недолго; король Владислав стал получать с разных сторон — от папы Евгения, от венецианской республики, от византийского императора — требования возобновить войну и уверения, что наступил благоприятнейший момент совершенно изгнать турок из Европы; папа через посредство кардинала Юлия Чезарини объявил недействительным договор, заключенный с неверными. Султан Карамани Ибрагим также просил о возобновлении войны. На созванном Владиславом сейме был разорван текст сегединского договора, и решено было возобновить войну. Венгерцы, Поляки, Валахи и добровольцы других народностей образовали армию в 25 тысяч человек. К Джюрджу был послан гонец с извещением о решении сейма и с предложением со своей стороны также приготовиться к выступлению в поход. Деспот, однако, нашел невозможным налагать новые жертвы на истощенную пятилетними бедствиями страну, нарушать заключенный уже и подтвержденный клятвой договор, и компрометировать страну перед султаном участием в походе, который был предпринят со столь малыми силами и которым имелось в виду достигнуть столь большого результата. Горькая участь вновь ожидала Сербию в случае неудачного исхода предприятия, а в нем в сущности можно было быть уверенным. Не с 25 тысячами войска, и то с большим трудом собранного и разношерстного, можно было стереть с лица балканского полуострова Оттоманскую империю. Деспот ясно понимал всю несостоятельность задуманного похода и послал Владиславу посольство, имевшее представить королю, что не следует нарушать уже заключенного на 10 лет мира, что эти 10 лет гораздо полезнее было бы употребить на приготовления к войне в 1453 году и что он сам к этому времени создаст армию в 50 тыс. человек и предоставит в распоряжение короля 100 тыс. дукатов. Король был в

нерешительности, но, побуждаемый приближенными, выступил в поход. План кампании состоял в том, чтобы через Болгарию дойти до Черного моря, а оттуда на Адрианополь, столицу султана; предполагалось, что византийский император выступит из Константинополя; венецианский же флот, стоявший в Мраморном море, должен был прервать всякие сношения турок с Малой Азией. Султан Мурад к этому времени отказался от престола в пользу своего молодого сына Магомета, что как бы еще более усилило шансы венгерцев. Наконец, знаменитый Скендер-бег во время «долгой» кампании 1443 г., бежавший из турецкого лагеря и утвердившийся в Албания, обещал выступить с 15-тыс. войском, чтобы отвлечь от короля силу турок. По уже во время похода через Болгарию до короля дошли вести, вызвавшие тревогу и в нем и во всей войске: все расчеты оказались неоправдавшимися: султан Мурад оставил свое намерение удалиться от власти; он заключил мир с султаном Карамани Ибрагимом, перешел беспрепятственно через Босфор и с 100-тысячным войском идет к Варне. В лагере короля было, без сомнения, много сербов, и господствовавшее в лагере настроение нашло себе выражение в народной песне:

*Но король Владислав угрин — Янку (Яну Гуниаду) говорит:
«Что теперь нам делать, Янко, с нашей злой судьбою?
Пойдем, Янко, бежим к Будиму, белому городу».*

Наконец, деспот Джурдже не позволил Скендер-бегу пройти с 15-тыс. армией через Сербию.

После долгих совещаний решено было дать битву, которая и состоялась 10 ноября 1444 года, и окончилась полным поражением союзников; пал и сам король Владислав, увлеченный битвой и бросившийся в густую толпу янычар. Голова его потом проносилась по малоазиатским городам на показ народу, по повелению султана; тело же похоронено в одной из ближайших болгарских церквей. Трагический конец благородного короля произвел большое впечатление на современников; на смерть его составлена следующая надгробная надпись:

*Romulidae Cannas, ego Varnam clade notavi:
Discite, mortales, non temerare fidem!
Me nisi Pontifices jussissent rumpere foedus,
Non ferret Scythicum Pannonis ora jugum.
(Римляне Каны, я Варну поражением ославил;
Учитесь, смертные, слова не нарушать!
Меня если бы папы не заставили нарушить договор,
Образ Паннонии не носил бы скифийского ига).*

В истории борьбы христианской Европы с мусульманским нашествием имя польского и венгерского короля Владислава и его польского отряда

останутся на вечные времена записанными золотыми буквами и окруженными светлым ореолом, так как благородная жертва, принесенная ими на алтарь этой борьбы имела источником чистое, возвышенное чувство, а не сознание необходимости самообороны: полчища султана были еще очень далеко от Польши. Какая разница между этой полной самоотвержения жертвой и тем постыдным торгом, в который вступили венгерцы, когда заключали договор с деспотом Стефаном Высоким и с Джорджем Бранковичем, стараясь извлечь как можно более выгод из того критического, полного глубокого отчаяния, положения, в котором оказалась Сербия! Вернули ли венгерцы долг полякам, и в трудные минуты их исторической жизни пришли ли они к ним на помощь и положили ли за польский народ жертву, равную той, которая за них положена поляками в 1444 году? Увы! Им придется ответить на этот вопрос глубоким молчанием!

Ян Гуниад с частью войска спасся бегством; но поражение это несколько не умалило популярности Яна. За малолетством законного короля Ладислава, сына Альберта, он был избран gubernator'ом regni, королевским наместником. И в качестве такового Гуниад постоянно имел в виду новый поход на турок и отмщение за Варну. Его обращения к западным государям с просьбой о помощи оставались без результата. Турки между тем давали знать о себе. В 1446 году они ворвались в Валахию и сместили вступившего в соглашение с венгерцами князя Дана; но в следующем году Гуниад, в свою очередь, занял Валахию, захватил и казнил поставленного турками князя Дракула и восстановил Дана.

Венгерский поход 1448 года. Распри венгерцев с деспотом

В 1448 году Гуниад предпринял новый поход против турок с теми силами, которыми он располагал, — 24 тыс. венгерцев и 9 тыс. валахов, и послал Джорджу предложение присоединиться к нему со всей своей военной силой.

Деспот решительно отказался от всякого участия в этом походе, так как находил его не выдерживающим никакой критики. Сам папа убеждал Гуниада отложить поход и лучше подготовиться. Джордже писал Гуниаду: «Вы хорошо знаете, что мы заключили перемирие с турецким царем Мурадом на десять лет... Это перемирие вы нарушили без моего ведома и согласия... Что вы от этого выиграли — всем известно, а мне это очень жаль, особенно в такие времена. Поэтому я вас извещаю, что никакого участия не желаю иметь...». Раздраженный отказом деспота, Гуниад отобрал от него все его венгерские владения (но не отдавая, однако, деспоту Белграда, взамен которого деспот получил эти владения) и писал ему: «Подождите, пусть только этот поход окончится счастливо, — я вас найду в вашем Смедереве».

Джурдже, тем не менее, распорядился, чтобы венгерскому войску был предоставлен свободный проход через Сербию; но Гуниад по пути разорял страну, как неприятельскую, огнем и мечом. Ввиду этого, деспот распорядился венгерского войска на обратном пути через Сербию вовсе не пропускать, укрепить для сего все дороги в Сербии. Поход венгерцев закончился страшным разгромом их на Коссовом поле; Гуниад во время бегства через Сербию был схвачен деспотом и пробыл в Смедереве в плену около 2 месяцев. Здесь деспот вынудил у него обещание возвратить ему все его владения в Венгрии и прекратить всякие неприязненные отношения; после чего Гуниаду была предоставлена возможность возвратиться в Венгрию. При посредстве Джурджа заключен был между Венгрией и Турцией мир на семь лет (1448 г.).

Явная опасность от турок должна была побудить все христианские правительства соединить свои силы и по крайней мере отложить свои взаимные счеты; между тем их взаимные отношения все более обострялись. Боснийский король Томаш гнал православных и заявлял претензии на самую Сербию; папа поручал венгерскому сейму помочь католическому королю Боснии против Сербии; Гуниад решил не исполнять договора, заключенного с деспотом в Смедереве, на что получил разрешение от папы; сейм венгерский постановил силой принудить деспота признать сюзеренство Венгрии (1450 г.). Гуниад занял все венгерские владения деспота и даже вторгся в Сербию. Безрассудность этой войны видели не только деспот, но и многие венгерцы особенно по получении известия о смерти султана Мурада и вступлении на престол его сына Магомета II (1451 г.). Весь христианский мир застыл в ожидании действий нового султана. Гуниад примирился с деспотом.

Вскоре получилось известие о взятии Константинополя новым султаном и падении Византийской империи (1453 г.). Ужас овладел Европой, и особенно Италией и Венгрией; но тем не менее не было ничего предпринято, чтобы воспрепятствовать успехам турок.

Тотчас по взятии Константинополя Магомет потребовал у Джурджа сдачи ему Сербии и в 1454 году вторгся в нее, все разоряя на пути, но потерпев неудачу под Смедеревом и опасаясь войны с Венгрией, отступил до Софии. Сам деспот удалился в Венгрию хлопотать о помощи. В сентябре он возвратился вместе с Яном Гуниадам; они разбили у Крушевца турецкий отряд под начальством Фериз-паши. В следующем 1455 г. султан снова вторгся в Сербию и завоевал всю южную часть ее. Деспот хлопотал о помощи, но тщетно, вступил в переговоры с султаном и испросил мир, лишившись половины своих владений (1456 г.). Несчастья свои и деспота надолго приписывал разгромом с косового поля...

исходили постоянные недоразумения, доводившие до столкновений, в одном из которых 90-летний деспот был ранен и умер от полученной раны (1456 г.).

Падение Сербии

В 1459 году турки окончательно заняли, наконец, эту вконец истощенную и опустошенную страну и обратили ее в пашалык. Спустя 4 года завоевана была и Босния. Таким образом, на все сербские балканские земли опустилось турецкое иго, все не пожелавшие принять ислам обращены были в лишенную всяких прав «райю», установилось господство ислама и турецкой аристократии; на всем полуострове перестал звон церковных колоколов и заменился призывами к молитве ходжей на минаретах мечетей. Народ замкнулся в своем собственном духовном мире, ища утешения в религии и в воспоминаниях о прошлом, которые он сумел облечь в художественную форму своих народных песен.

БОРЬБА СЕРБОВ С ТУРКАМИ ПОД ВЕНГЕРСКИМ ЗНАМЕНЕМ И АВСТРИЙСКИМ. ИХ УЧАСТЬ В ВЕНГРИИ

Сербское население южных областей Венгрии продолжало борьбу с турками под венгерским знаменем до битвы при Мохаче 1526 год, а с этого времени и до последней австро-турецкой войны, завершившейся сисовским миром 1791 г. под императорским австрийским знаменем. Роль сербов во всех этих войнах была в высшей степени важная, и, как таковая, признана была многочисленными императорскими актами, подтверждавшими за сербами известные привилегии, как воздаяние за отличные военные услуги, оказанные императорскому дому сербами.

Битва при Мохаче. Падение Венгрии. Австро-турецкие войны.

**Деспот Юрий Бранкович. Патриарх Арсений Чарноевич;
переселение сербов в Венгрию; их права и привилегии**

Тотчас после падения сербского деспотства и обращения Сербии в пашалык начались венгерско-турецкие войны, всей тяжестью ложившиеся на сербское население южных областей Венгрии; чтобы приохотить население это к войне, короли венгерские сохранили титул деспота в фамилии Бранковичей, потомков Джорджа Бранковича; предводимые деспотом, сербы оказывали незаменимые военные услуги и вели борьбу с турками с величайшим ожесточением, шаг за шагом постепенно отодвигаясь перед ними. В 1521 году султан Сулейман взял приступом Белград; затем в 1526 г. он вторгся с огромным войском в Венгрию, чтобы

нанести ей решительный удар; на Мохачском поле произошла битва, имевшая для Венгрии то же значение, что Коссовская битва для Сербии; венгерцы потерпели полное поражение; погиб сам король Людвик II; сербы дрались под начальством некоего Стефана Берислава, немного перед тем пожалованного титулом деспота. Как известно, после битвы при Мохаче Венгрия разделилась на две части: восточная с Трансильванией избрала в короли босняка Заполю, воеводу трансильванского; западная — австрийского эрцгерцога Фердинанда. Между тем и другим началась борьба; сербы, бывшие сначала на стороне Заполи, вскоре (1527 г.) все перешли на сторону австрийского эрцгерцога и императора германского Фердинанда, бывшего в то же время и королем венгерским. Заполь обратился к Сулейману с просьбой о помощи против Фердинанда, что повело к окончательному занятию всей средней части Венгрии Сулейманом и к разделению ее на 4 пашалыка; средняя часть Венгрии подчинилась турецкому игу (1542 г.); восточная с Трансильванией стояла в вассальных отношениях к султану; западная часть, стоявшая под управлением австрийских эрцгерцогов и императоров германских, открыла целый ряд войн с турками, положивших конец дальнейшему распространению турецкого оружия в Европе и завершившихся в 1699 г. карловацким миром, по которому была освобождена от турок Венгрия с Трансильванией после 157-летнего ига. Грандиозная австро-турецкая война, закончившаяся этим миром, началась осадой Вены огромной турецкой армией, с великим визирем Кара-Мустафой во главе (1683 г.). Вена была спасена поспевшим на помощь ей польским королем Яном Собеским. Затем император продолжал войну и, вытеснив турок из Венгрии, перенес ее на ту сторону Дуная. Император поставил своей задачей поднять на турок все сербское население. В это время при сербском митрополите Саве жил его брат Юрий Бранкович. Он был послан трансильванским воеводой в качестве посланника к султану. О нем узнал тогдашний сербский ипекский патриарх Максим и в Адрианополе торжественно венчал его деспотским венцем (1664 г.). Вскоре известие о восстановлении деспотского достоинства распространилось между сербами и вызвало у них энтузиазм. Чтобы овладеть возникшим настроением и направить его разнообразно своих видов, император пожаловал Юрия Бранковича сначала титулом барона (1683 г.), затем графа (1688 г.). Юрий, с перенесением войны на ту сторону Дуная, прибыл в императорский лагерь, чтобы выяснить условия, на которых должно состояться участие сербов в войне; этих условий император и не желал; он желал просто привлечь сербов к борьбе с турками без всяких условий. Бранковича в лагере арестовали (1689 г.) и заключили в тюрьму, в которой он и пробыл до смерти своей (1711 г.). Император не мог терпеть существование человека с титулом

сербского деспота, который сосредоточивал бы в себе и собой олицетворял бы политические стремления сербского народа. В следующем 1690 году император Леопольд выпустил прокламацию, в которой убеждает «*omnes populos, per universam Albaniam, Serviam, Mysiam, Bulgariam, Sillistriam, Illyriam, Macedoniam, Rasciam constitutos... ut, pio et paterno nostro desiderio correspondentes,... omnes ad partes nostras accedant, contra Turcas arma sumant, copiis nostris... se adjungant... Promittimus vobis omnibus praedictis populis et provinciis, servata imprimis religionis suae eligendique voivodae libertate, privilegiis et juribus*» и т. д. («все народы, — в Албании, Сербии, Мизии, Болгарии, Силистрии, Иллирии, Македонии, Рáссии населенные... примкнуть к нашей стороне, против турок оружие поднять, к войскам нашим... присоединиться... Обещаем всем вам вышеупомянутым народам и провинциям, при сохранении прежде всего свободы вашей религии и выборе воеводы, привилегий и прав, и т. д.»). Затем император обратился к ипекскому патриарху сербскому Арсению Чарноевичу с просьбой воздействовать на население в духе императорской прокламации. Не имея надежды на присоединение к королевству венгерскому всех обширных областей, перечисленных в прокламации, так как вследствие неблагоприятных событий на театре войны императорские войска принуждены были к отступлению из Сербии, император убеждал патриарха переселиться в Венгрию и так как Чарноевич колебался, озабочиваясь положением, в котором окажется православная церковь в католическом государстве, то Леопольд обратился к нему с грамотой от 21 августа 1690 года, с обещанием полной свободы религии и полной независимости духовенства при особом исполненном почете положении самого патриарха. Патриарх, знавший о преследованиях православия в Венгрии и о попытках ввести унию, не решался на переселение, почему издана была 11 декабря 1690 года новая грамота императора, подтверждавшая все данные раньше обещания и устранявшая все сомнения патриарха. Арсений Чарноевич в сопровождении своих епископов прибыл в Вену и продолжал переговоры касательно массового переселения сербов. Сербь требовали, согласно данного уже обещания, права выбрать воеводу (в грамоте 1690 года — *promittimus vobis eligendi voivodae libertatem*, обещаем вам свободу выбора воеводы). Но тут император стал менее щедр; он разрешил им выбрать только вице-воеводу (подвойводу), обращая внимание патриарха, что верховным главой сербского народа, который выселится в Венгрию, будет после императора он сам, патриарх. В грамоте от 20 августа 1691 года император дает новые обещания полной свободы внутреннего самоуправления, назначает патриарха главой народа духовным и светским, обещает позаботиться о скорейшем предоставлении возможности переселяющимся в Венгрию сербам воз-

вернуться обратно на места своего прежнего жительства: «Adhi bebimus quoque pro possibili omnem conatum, ut per victoriosa arma nostra, auxiliante Deo, repetitam gentem Rascianorum quo citius in territoria seu habitationes antehac possessas denuo introducere et inimicos abinde repellere possimus; volumusque ut sub directione proprii magistratus eadem gens rasciana perseverare et antiquis privilegiis, eidem a Maiestate Nostra benigne concessis, ejusque consuetudinis imperturbate frui valeat... Denique, ut omnes ab archiepiscopo, tanquam capite ecclesiastico, tam in spiritualibus quam saecularibus dependeant, clementissime volumus et iubemus». (Приложим все старания, чтобы с помощью Божией через посредство победного оружия нашего как можно скорее сербский народ ввести обратно в земли, коими он владел до сих пор и изгнать оттуда врагов; и хотим, чтобы народ этот пребывал под собственным своим управлением и невозбранно пользовался своими древними обычными ему привилегиями, Нашим Величеством ему милостиво уступленными... Наконец, милостивейше хотим и повелеваем, чтобы все зависело от архиепископа, как церковного главы, как в духовных, так и в светских делах).

Сербов решено было поселить в Банате, т. е. в той области, которую еще следовало отвоевать от турок. В 1694 году последовало массовое переселение сербов из областей, расположенных между Чар-Дагом, Коссовым полем и Черногорией в числе 37 тыс. семейств (около полумиллиона душ). Резиденция патриарха назначена бала в монастыре св. Андрея вблизи Буды.

Участь сербов в Венгрии

Все эти широковещательные грамоты, обещания, привилегии остались на бумаге и вовсе не исполнялись, что не мешало каждому из последующих императоров издавать особые грамоты с подтверждением этих привилегий. После смерти Арсения Чарноевича и подвоеводы Петра Монастырии достоинства патриарха и подвоеводы исчезли. Место патриарха занял митрополит, место подвоеводы было вовсе упразднено. Вскоре начались гонения за веру и попытки ввести унию, сопровождавшиеся постыднейшим гнетом (священников бросали в тюрьмы, где они умирали от голода и лишений, били их палками, убивали священников и монахов на пороге церквей; в числе этих жертв в тридцатых годах XVIII столетия был и всеми уважаемый почтенный игумен монастыря Лепавина Кондратий, простреленный пулями у церковных ворот (Picot Les Serbes de Hongrie). Судьба и мадьярам дала возможность поиздеваться над сербами, и они воспользовались этой возможностью в полной мере и так, что уже дальше некуда было идти. Совершая эти преступления, они, конечно, были уверены в полной безнаказанности за них, и только поэтому и совершали их. К счастью, уверенность эта была ошибочной, вызывавшая

время от времени народные волнения и бунты. Положение народа было во многих отношениях еще хуже, чем положение сербской райи в Турция, и по отношению к венгерцам и к немцам развилось то же направление и такая же вражда, как и по отношению к туркам. Приведем песнь, отражавшую настроение народа к венгерцам и имеющую предметом эпизод, поэтически украшенный, из эпохи волнений народных.

Серб Текелия пьет вино
В Араде, городе граничном,
С ним четыре капитана —
Байя и Пейя Ричкович,
Джуро из белой Центы
И Остоя из Арада.
Текелия чашу свою наполняет:
«Здоровы будьте, четверо капитанов!
Ни за мое, ни за ваше здоровье,
Ни за бана, ни за генерала,
Ни за императора Иосифа!
Но за юнака того,
Который языка кальвинистского достанет
Из Пюпоки, или из Комади,
Или из Самоса, города лютеран».
Пейя Арчак глаза опустил,
Затем их поднял на капитана,
И, вскочив на легкие ноги,
Чашу свою в честь Текелии поднял:
«В твою честь она будет, Текелия!
Я приведу тебе языка кальвинистского,
И именно Шунока самого.
Только дай мне тридцать солдат
Из Арада, города белого,
Наилучших по выбору моему».
И молодой Пейя Арчак вскочил
И в Араде, городе белом,
Выбрал тридцать солдат,
Ведет их к дому Текелии.
Им Текелия говорит:
«Арадане, соколы мои,
Пейте вино, но не опьяняйтесь!»
И они пили вино до утра.
Каждый заявил, что стоит десяти кальвинистов,
Капитан Байя — пятнадцати,

Пейя Арчак — двадцати пяти.
Когда к утру утро рассвело,
Поднялись молодые капитаны
И тридцать солдат подняли,
Направились к проклятому Комади;
Но серб Текелия говорит:
«Пейя Арчак, мое правое крыло!
Идите умно, не пропадите глупо;
Но лучше пропадите, чем возвратиться
Без языка кальвинистского».
Белая заря забелела им
Под стеной проклятого Комади.
Кальвинистский часовой их заметил
И крикнул Шуноку генералу:
«Господин, Шунок генерал!
Тут как раз у наших стен
Целая компания собралась.
Пропади я, если это не Арадцы!»
Тогда Шунок генерал вскочил,
Расставил повсюду часовых:
«На ноги, мадьяры кальвинисты!
Соберитесь у стен Комадийских».
Капитан Байя, увидевши это,
На лошадь садится свою,
А с ним и тридцать солдат;
Пейя Арчак ложится на седло,
Чтобы пересчитать кальвинистов,
И тогда закричал Пейя молодой:
«Братья мои, Арадцы молодые!
Когда мы пили вино
В Араде у Текелии нашего,
Все хвастали, что стоят десятки кальвинистов,
Капитан Байя — пятнадцати;
Я — двадцати пяти.
Теперь их триста, нас тридцать;
На каждого по десяти — и больше ничего!»
Сырна, коня своего разгорячивши,
Бросается в середину мадьяр;
Шунок генерал ему говорит:
«Ой, несчастный, Сырна знаменосец,
Далеко ты свои (знаки) отличия занес, —

Пропади я, если ты унесешь их».
Но Сырна знаменосец кричит:
«Хорошо, или я своих не унесу,
Или со своими и твои захвачу».
И он врывается с солдатами,
Трижды бешено бросается на стены.
Но Шунок генерал кричит:
«Сюда, несчастные, мадьяры кальвинисты!
Когда вино вы пьете в кабаках
И в нашем проклятом Комади,
Каждый хвастал, что стоит двух.
А теперь вас триста; их тридцать;
Что могут тридцать человек!»
А молодой Пейя Арчак кричит:
«Байя, капитан, сюда, мой друг!
Постой немного, осмотрим войско».
Байя останавливается, они осматривают войско,—
Слава Богу, все налицо;
Только Сырна от Арада ранен.
Тогда они снова врываются
И отбрасывают кальвинистов назад.
Капитан Байя хватает лейтенанта,
Пейя Арчак хватает Шунока,
Самого Шунока, генерала;
Сырна от Арада подбегает,
С генерала убранство срывает,
С ним тотчас бросается в Арад.
Из трехсот мадьяр кальвинистов,
Из трехсот — тридцать удирали.

Венский двор с удовольствием видел такие отношения между подвластными ему народами, так как нигде девиз *divide et impera* не был так уместен и необходим, как именно в этом странном искусственно созданном государстве, состоящем из народов трудно примиримых, взаимно друг другу чуждых и даже враждебных.

И несмотря на такие отношения Австрия в сербах именно имела самый драгоценный контингент для борьбы с турками; император Карл VI (1711—1740) из сербского населения Срема, Бачки и Баната организовал Военную Границу, охранявшую империю от турок.

Во время второй турецкой войны императора Карла VI, которую он вел в союзе с Россией (при императрице Анне Иоанновне), инекский сербский патриарх Арсений IV Иованович переселился в Венгрию в со-

провожении 1500 вооруженных людей. Он стал впоследствии сербским карловацким митрополитом. В 1751 и 1753 гг. сербы, выведенные из терпения преследованиями неблагодарного правительства своего из-за религии, совершили в два приема массовые переселения в Россию под предводительством Шевича, Депрерадовича и Хорвата и поселились между Киевом и побережьем Черного моря.

События 1848 года

Ненависть сербов к мадьярам нашла себе выражение во время событий 1848 года. Венгерцы возмутились против императора и, обнародовав программу либеральных реформ, потребовали полного обособления от Австрии; в числе прочих реформ они объявили обязательным венгерский язык для всех граждан венгерского королевства. Закон этот привел в возбуждение сербов; они в свою очередь потребовали от венгерского сейма признания себя, как отдельной нации с правом пользоваться во всех своих делах своим языком. Венгерцы отказали. Хорваты потребовали такого же обособления от Венгрии, какого венгерцы требовали для себя от Австрии — и получили также отказ. В воеводине сербской возникло движение, поставившее своей программой добиться старых, еще Леопольдом I обещанных, прав — свободы религии и внутреннего самоуправления, права выбирать патриарха и воеводу. Сигнал к борьбе с венгерцами подали сербы, выставившие армию в 30 тысяч человек, во главе которой стоял Стратимирович, обнаруживший в последовавших затем сражениях большие военные дарования. Венгерцы пали в предпринятой ими против императора борьбе, чему они обязаны были, главным образом, восстановлению против себя всех национальностей, и, главным образом, сербов. Хотя сейм в Дебречине 28 июля 1849 г. и вотирует равенство народностей, — но было уже поздно. Их дело было проиграно. Сербь в этом движении также не многого добились. Право избрания патриарха и воеводы не было за ними утверждено, и значение всего движения свелось, главным образом, к отмщению за несправедливое к ним отношение со стороны мадьяр. Вопрос о *modus vivendi* для сербов венгерского королевства еще подлежит разрешению. Отсутствие равноправности граждан одного и того же государства в XX столетии представляет собою аномалию, которой едва ли можно предсказать продолжительную будущность.

В 1869 году по поводу введения нового закона о ландвере, население южного округа Далмации Боки которской воспротивилось введению его и Боке и взялось за оружие; объявлено было осадное положение; две австрийские армии тщетно истощали свои силы, чтобы усмирить население и привести его к покорности. Вновь назначенному наместнику Далмации генералу Родичу (сербу) удалось успокоить движение убеждением, а не силой; закон о ландвере в Боке не был введен.

ИСТОРИЯ ЗЕТЫ И ЧЕРНОГОРИИ

БАЛЬШИЧИ (1356—1421 г.)

Юго-западная область сербских земель, ограниченная побережьем Адриатики и с юга рекою Дрином, обнимавшая собою нынешнюю Черногорию, северную часть Албании и прилегающие округа Герцеговины и собственной Сербии, составляла т. наз. Зету. Она с самого образования сербского государства служила, как удел, ближайшему родственнику царствующего короля. Стефан Неманя, основатель династий Неманичей, назначил Зету в удел второму сыну своему Вукану. Король Милутин отдал Зету своему сыну Стефану Дечанскому; этот последний, в свою очередь, воцарившись, предоставил Зету своему сыну Стефану Душану. После смерти сильного царя Стефана в южных областях Зеты утвердился некий *Баоша* или *Бальша*, который, воюя с албанскими племенами и с правителем Захолмья (части Герцеговины), значительно увеличил свои земли и держал себя независимо по отношению к царю Урошу и королю Вукашину. Сыновья его Страшимир, Джурдже и Бальша овладели всей Зетой, Албанией и западной частью Македонии, ведя упорные войны с сыновьями Вукашина Марком Кралевицем, Андреяшем и Митрашком, а также с ужицким жупаном Николаем Альтоманом; по отношению же к королю Вукашину, а затем к царю Лазарю держали себя совершенно независимо. Младший из них Бальша пережил своих братьев. Вскоре он столкнулся с турками, к заступничеству которых прибегли сыновья Вукашина, и погиб в бою с ними в 1385 году.

Бальше II наследовал Джурдже II, сын Страшимира (1385—1405 г.). После упорных войн с наступавшими на него турками, он был вытеснен из нижних областей Албании, которые уступил туркам. В его время произошел коссовский бой 1389 года, на который шел и он с зетским войском по призыву царя Лазаря, но опоздал и в этом бою не участвовал. Не рассчитывая более на возможность успешного сопротивления туркам, он сдал Венеции города Драч, Леш и столицу свою Скадар, обеспечивая, таким образом, собственно зетские владения свои от непосредственных нападений турок. Но Джурдже создал Зете в лице самой Венеции нового врага. Сын его Бальша III (1405 — 1421) должен был отстаивать Зету уже от венецианцев, с которыми он вел упорную борьбу, в которой ве-

нецианцы обращались даже за помощью к туркам против него. Бальша III не имел сыновей и с ним прекратилась фамилия Бальшичей (1421 г.).

ДЕСПОТ СТЕФАН ВЫСОКИЙ И ДЖЮРДЖЕ БРАНКОВИЧ (1421—1430 г.)

После смерти Бальши III Зетой овладел деспот Стефан Высокий, вытеснивший из нее венецианцев и отобравший от них все города, которые передал им Джюрдже II Страшимирович, а также и те, которыми они затем и сами овладели. Стефан назначил в Зету Джюрджа Бранковича своим наместником. В 1427 году Бранкович оставил Зету и выехал в Сербию в качестве сербского деспота. Зета осталась без объединяющей ее главы. Турки между тем сильно надвигались на нее.

ЦРНОЕВИЧИ (1430—1499 г.)

В это время в более высоких гористых частях Зеты, носивших название Черной Горы, утвердился некий Стефан Црноевич (1430 г.), и в союзе с албанским поглаварем Кастриотом успешно отражал нападения турок. Он выстроил город Жабляк и назначил в нем свою резиденцию. Сын его Иван Црноевич (1471—1490 г.) развил геройскую борьбу с турками, благодаря которой имя его стало известным во всех соседних государствах, и многие государи считали честью сродниться с ним: его родственница Екатерина вышла замуж за князя валахского, другая Ангелина за деспота сербского Стефана (сына Джюрджа Бранковича); сам он женился на дочери боснийского короля Стефана Твртко, а старшего сына своего Максима (Станишу) женил на дочери дожа Венеции Ивана Моцениго. Эта последняя женитьба оказалась роковой для Ивана Црноевича и всей Зеты; так как во время празднеств произошел бой между отдельными племенами, составлявшими Зету, и затем отпадение от него нескольких племен и переход их на сторону турок. Сам старший сын его Максим (Станиша) бежал к султану, принял ислам. Оставленный многими племенами, Иван сжег свою столицу Жабляк и удалился в самые неприступные горы, укрепил все проходы и положил начало Черной Горе и всей ее последующей боевой истории. Об этом кровавом эпизоде существует обширная и относящаяся к числу лучших песнь, известная под названием «Женитьба Максима», переведенная Тальви на немецкий язык, бароном Экштейном и м-м Вояр на французский.

Максим (Станиша) бежал к султану, который назначил его наследственным скадарским визирем; потомки его под именем Бушатли управляли скадарским вилайетом до 1833 года, когда последний визирь

этой фамилии Ибрагим-паша, восставший против султана, был побежден и изгнан из пашалыка великим визирем Мегемет-Решид-пашой.

Иван назначил свою резиденцию в Цетинье, в котором основал и епископскую кафедру, и выстроил крепости Обод и Сокол; развалины последней и теперь называются *Ивановград*.

В этих горах Иван устроил постоянный лагерь, и здесь решено было, что человек, который бежит с поля битвы, будет лишен оружия и в женской одежде с прялкой в руке будет проведен по всей стране, как предмет оскорблений и всеобщего посмеяния. Нет ни одной легенды, из которой бы видно было, что это страшное наказание, худшее, чем смерть, для людей, условившихся в нем, кем-нибудь было заслужено.

Турки не решились нападать на Ивана в Черной Горе. Он умер в 1490 году. Ему наследовал его второй сын Джордже, известный тем, что он основал типографию в Цетинье и издал церковные книги, первые печатные церковные книги. Он в 1499 г. передал власть над Черной Горой тогдашнему митрополиту Герману и переселился в Италию, где и умер.

МИТРОПОЛИТЫ (1499—1851 г.)

Обзор событий до конца XVII столетия

В течение всего 16 века турки оставили в покое Черную Гору. Но в этот период времени ислам стал распространяться в ней и уже насчитывал сравнительно немало приверженцев. В начале 17 века скадарский визирь Мегемет-паша, а затем Арслан-паша пытались овладеть Черногорией, но были отбиты. В 1623 г. Сулейман, паша скадарский, вторгнулся в Черногорию с огромной армией и через ряд битв, прерывавшихся только по ночам, дошел до Цетинья и затем, оставив сильные гарнизоны, возвратился обратно; жители долин принуждены были платить подать (харач); в таком положении дела оставались до 1687 года, когда, после поражения турок под Веной в 1683 г., образовалась против турок священная лига, в состав которой вошли Австрия, Польша, Венеция, мальтийские рыцари, папа и Россия (крымские походы царевны Софии 1687 и 1689 г., азовский поход Петра 1695 г. и взятие Азова в 1696 году). В 1687 году венецианцы обратились к митрополиту Виссарбону с просьбой принять участие в борьбе против турок. Между республикой и горстью горцев заключен был союз. Черногорцы начали кампанию и, разбив армию двух пашей, помогли венецианцам взять Кастельнуово (Нови). Но в следующем году, теснимые турками, они напрасно просили помощи могущественной республики, и хотя в битве при Вертелке и разбили могущественную армию турок и отразили их, тем не менее им дорого обо-

шлась эта кампания; турки дошли было до Цетинья, и окруженные со всех сторон монахи цетиньского монастыря взорвали и себя и монастырь.

В 1689 году, в течение той же великой войны, которая началась со времени поражения Кара-Мустафы под Веной и которая закончилась Карловацким миром 1699 года, император Леопольд обратился с воззванием к черногорцам, прося содействия их в войне. Несмотря, однако, на столь деятельное участие черногорцев в войне, стоившей им стольких жертв и усилий, при заключении Карловацкого договора они были совершенно упущены из вида, точно их вовсе не существовало: все участники священной лиги извлекли из этой войны выгоды, обагренные сербской кровью и сербскими страданиями. Австрия получила Венгрию и Трансильванию; Польша — Подолию и Украину; Венеция — Морею и Далмацию. Предоставленные после войны самим себе, черногорцы вновь вынуждены были подчиниться необходимости платить харач.

МИТРОПОЛИТЫ ПЕТРОВИЧИ (1697—1851 г.)

Данило I (1697—1737 г.). Русско-турецкая война 1711 г.
Разгром Черногории 1712 г.

Данило I (1697—1737 г.)

В 1697 г. избран был в митрополиты Данило I из фамилии Петровичей; сан митрополита удержался в этой фамилии до конца. По его проекту в 1702 году православные черногорцы в ночь под Рождество напали и подвергли поголовному избиению всех потурченцев Черной Горы с тем, что в ней не осталось более ни одного потурченца, и отказали в дани туркам. С этого времени борьба с турками принимает наиболее решительный и ожесточенный характер.

В 1706 году отражено было нападение турок, предпринятое для отмщения за резню 1702 года. Победа эта имела большие последствия: к Черногории примкнули многие племена и банды ускоков, вооружившись в Албании, Боснии и Сербии по воззванию высокого императора, оказавшие все возможное от них содействие для извлечения из войны выгод каждым из могущественных членов Священной Лиги и теперь, по заключении мира, не знавшие, куда склониться.

Русско-турецкая война 1711 года

В 1711 году Петр I, император всероссийский, которому Турция, побуждаемая шведским королем Карлом XII, объявила войну, приготовился к выступлению в поход против турок. В войске его находились полковник

Михаил Милорадович, родом из Герцеговины и капитан Иван Лукашевич, родом из Подгорицы. Они сообщили Петру о существовании сербского народа и черногорской твердыни. Петр тотчас воспользовался их указаниями и обратился к сербскому народу со следующим воззванием:

«Радость и благоденствие знатым и почтенным митрополитам, кнезам, воеводам, сердарям, капитанам и воинам, всем особам церковным и светским, исповедующим православную религию в Сербии, Славонии, Македонии, Боснии, Герцеговине, и особенно жителям Черногории, Никшича, Бани, Дробняка, Гацка, Требинье, Кроатам и прочим христианам, находящимся под тираническим игом Султана турецкого.

Мы извещаем вас, народы, чтящие Иисуса распятого, Бога нашего, милостью которого мы все надеемся приобщиться Его Царствия, если окажемся достойными Его нашей верой и преданностью Церкви Его: Что турки, эти варвары — преследователи Церкви Христа и веры православной, эти неправые завоеватели стольких империй и стран, эти ожесточенные разрушители церквей и монастырей, недовольны еще завоеванием греческой империи и стольких королевств и стремятся еще расширить свою территорию уже не войною, а хитростью и неправотою. Они увлекли бедных и несчастных, взявши их под свое покровительство, а затем обращаясь с ними, как волк обращается с овцой. Они рассеяли стадо христианское... Они боятся, чтобы мы не отняли у них провинций, коими они так несправедливо управляют, и чтобы мы не пришли на помощь христианам, стонущим под их игом. Вот почему они стали на сторону шведского короля. Они несправедливо объявили нам войну без всякого предлога; они заключили в темницу нашего посланника в Константинополе и задумывают поработить и прочую часть стада Христова.

Вследствие всех этих несправедливостей мы решили собрать не только наши войска и силы, но и силы других христианских государей, прося Бога о помощи. Наше намерение состоит не только в том, чтобы выждать этой весной неприятеля мусульманского и двинуть против него нашу армию, но и перенести войну на его территорию и освободить православных христиан, сдавленных оттоманским игом, если так Богу угодно будет... При таких обстоятельствах, каждый добрый и доблестный христианин должен сражаться, не взирая на опасность и усталость, за Церковь и веру православную до последней капли крови... Каждый должен принять участие в этой справедливой и законной войне за освобождение христиан и получить от Бога свою награду. Мы со своей стороны пожалуем ему наше покровительство и наши благодеяния...»

Прокламация эта была передана в Цетинье чрез посредство упомянутых выше Милорадовича и Лукашевича. Черногорцы немедленно последо-

вали призыву царя и начали войну. Но Петр в скором времени оказался побежденным и должен был заключить мир в Фалькзене с обязательством возвратить Азов Турции, разрушить порт в Таганроге, срыть крепости на границе Турции и не вмешиваться в дела Польши и казаков. Само собою разумеется, что Петр не имел никакой возможности при этом оказать какую-либо поддержку поднятым им на оружие народам. Тотчас по заключении мира с Россией, Турция направила свои силы на Черногорию.

Песнь, излагающая прокламацию Петра, так описывает последовавшие затем события: «При этих словах царя, великого императора христианского, все разбивают ножны своих сабель и хватаются за ружья. Один только голос и слышен: «Идем на турок и чем скорее, тем лучше». В Боснии, в Герцеговине, повсюду турки разбиты и заперты в своих крепостях; все ручьи и реки окрасились кровью неверных. Но эти торжества продолжались всего два месяца. Они превратились для Сербов в бедствия вследствие мира внезапного и вынужденного, который царь Петр должен был заключить с Портой. Черногорцы охвачены были большой печалью. И все же они остались в поле, оставаясь тем, что они есть и теперь, распивая вино и побивая Оттоманов. И пока один из них останется жив, они будут защищаться против кого бы то ни было, турка или иного кого. Ох! нет, это не тень пустая — свобода Черногории. Никто кроме Бога не сможет укротить ее, и в таком предприятии — кто знает — и сам Бог не утомится ли!»

Разгром Черногории 1712 года

Ахмет-паша с 50-тысячной армией (по Милутиновичу — 107-тысячной) двинулся (1712 г.) на Черногорию и, остановленный у Подгорицы черногорцами, подвергся полному разгрому. «О братья сербы! и вы все, носящие в груди свободные сердца! ликуйте, потому что древняя свобода не погибнет, пока мы будем обладать нашей малой Черной Горой» — так заканчивается песнь об этой битве. Султан, испуганный поражением паши, приказал предложить мир черногорцам; последние отвергли это предложение. Тогда громадная армия в 120 тысяч человек под начальством великого визиря Нууман-Кюпрюли направилась на Черногорию. Он предложил мир черногорцам на почетнейших условиях и пригласил их на свидание с собою; 37 главных капитанов черногорских прибыли в турецкий лагерь, но здесь все были умерщвлены. Затем визирь продолжал поход, проник в Черногорию несмотря на огромное сопротивление, оказанное черногорцами, занял Цетинье и поджег цетиньский монастырь, захватил 2 тысячи пленных. Владыка укрылся в одной из пещер, вблизи Котора, на венецианской территории. «Захваченные без снарядов; когда у них не хватило пороха, — говорит песня, — юнаки должны были усту-

пить. Самые молодые ушли на вершины гор, прочие бежали к Котору на территорию Венеции, рассчитывая, что Дож, которому эта долгая война была так полезна, не выдаст их туркам. Напрасная надежда! Венецианцы допустили турок ворваться на их территорию, чтобы тут изрубить побежденных. Какова же быда награда Дожа, ставшего другом туркам? Он лишился всех своих восточных провинций. Такова цена, которой платилась Венеция за то, что выдала сербов».

В этих словах поэт выразил те плачевные последствия для Венеции, которые произошли от оставления ею союзников. Предоставлением туркам расправиться с черногорцами на своей территории она рассчитывала заручиться расположением их и обеспечить, таким образом, мир. Турки, однако, увидели в такой уступчивости ее слабость и решили воспользоваться ею. Началась война, несчастная для Венеции, которая оказалась вынужденной просить помощи императора Карла VI; началась австро-турецкая война (1716—1718 г.), закончившаяся миром в Пожаревце; Австрия приобрела Банат и часть Сербии с Белградом; Венеция лишилась Морен.

Война 1715—1718 г. в союзе с Венецией и Австрией

Черногорцы тотчас по удалении из гор великого визиря восстановили свои дома и приготовились к новой борьбе. Венеция, вовлеченная в войну, просила союза черногорцев, на который последние с готовностью согласились. В 1715 году черногорцы атаковали остававшиеся еще в горах турецкие войска и изгнали их после нескольких сражений. Император Петр I прислал чрез Милорадовича 160 золотых медалей для наиболее отличившихся в сражениях.

В 1716 году черногорцы уничтожили армии боснийского и герцеговинского пашей; захваченных при этом 77 человек более видных плененных они изрубили, в отмщение за тех 37 капитанов, которых умертвил в своем лагере великий визирь Нууман-Кюпрюли. Многие из племен черногорских были почти совершенно уничтожены при занятии гор Нууманом Кюпрюли. Племя Озриничей было низведено до 40 человек, которые, окруженные в Чеве 2 тыс. турок, выдерживали атаки мусульман несколько дней, пока, наконец, появилась помощь. Увидев пришедших на выручку черногорцев и за ними тысячи скованных пленников, воевода Томаш, воскликнул: «Хвала тебе, о Боже, за то, что мы так хорошо отмщаем за отцов и братьев, умерщвленных Кюпрюли! Дай же в небе твоим радостям без конца всем тем, которые умирают, защищая Черногорию!»

В 1717 году венецианский адмирал Алоизий Моценило овладел Антивари, но вскоре был тут осажден многочисленной армией паши скутарийского. Он уже готовился сдаться, когда 5500 черногорцев, посланных владейкой Давилом, прибыли на выручку и заставили турок отступить.

В 1718 году заключен был мир Пожаревацкий; Венеция и Австрия добились известных выгод, — а сербы... имя сербов и черногорцев в договоре этом отсутствовало вовсе.

МИТРОПОЛИТЫ САВА (1737—1782) И ВАСИЛИЙ (1750—1766)

Война 1739 года. — Поездка митрополита Савы в Россию. — Архиепископ Василий и война 1750 года

Тотчас по вступлении Савы во власть, в Черногорию прибыл ипекский патриарх Арсений Иванович, задумавший переселиться в Австрию, и потребовал от него конвоя, который обеспечил бы ему безопасное путешествие через турецкие провинции. Он прибыл в сопровождении черногорского отряда в Ниш, где был радушно принят австрийскими генералами; в 1741 году при Марии Терезии он был назначен карловацким митрополитом. В австро-русско-турецкой войне 1737—1739 г. черногорцы не принимали участия. Но зато по окончании ее восемь соединенных пашей блокировали Черногорию, окружив ее тесным кольцом; при этом Венеция, не желая давать туркам повода к войне, воспретила под страхом смертной казни вывоз пороха в Черную Гору. Тем не менее черногорцы целым рядом вылазок ослабили турок и, наконец, обратили их в бегство. Опыанные успехом, купленным ценой стольких усилий, они сожгли живьем 70 знатнейших пленников.

В 1744 году владыка ездил в Россию, был с почетом принят императрицей Елисаветой, которая особой грамотой обещала черногорцам постоянную поддержку России и ежегодную субсидию в 3 тыс. рублей на поддержание церквей и монастырей. Сава, отличавшийся большим благочестием, чувствовал себя слабым для управления страной и, удалившись в монастырь, передал власть своему племяннику архимандриту Василию, которого он провозгласил своим помощником. Грамотой патриарха ипекского Василий был назначен архиепископом и «экзархом святого престола сербского» (1750 г.).

Архиепископ Василий и война 1750 года

Он ввел порядок во внутреннем управлении. В 1750 г. он отразил нашествие боснийского визиря; событие это передано следующей песней:

Пишет письмо визирь Боснии, посылает его в Цетинье равное монаху черному Василию Петровичу: «Черный монах, высылай мне харач от Черной Горы, вместе с харачем двенадцать девушек; если же не вышлешь, клянусь Богом единым, я всю страну твою разорю, всех — и старого и малого — в рабство уведу». Владыка письмо читает главарям и

говорит, что если они подчинятся, то он оставит их, как бесчестных людей. Те отвечают: «Мы скорее жизни лишимся, чем станем в позор жить, хотя бы рабство нам жизнь на сто лет продолжило». Владыка, видя согласие у своих, так визирю отвечает: «Как решился ты, по́турица, спросить харач у детей свободной Горы? Не дадим тебе ничего, кроме камней, а вместо двенадцати девушек ты получишь двенадцать свиных хвостов, которыми ты можешь украсить свой тюрбан, чтобы помнить, что в Черногории девушки растут не для турок, не для по́туриц и что, прежде чем выдать единую, мы все предпочтем умереть искалеченные, слепые и без рук. Приходи, мы ждем тебя... Надеемся, что ты оставишь у нас свою голову, и что она покатится в наших долинах, уже усеянных столькими черепами турецкими».

Когда письмо паша получил и увидел, что написано в нем, паша бешено стукнул ногой, в бешенстве за бороду хватился и громко капитанов кличет своих. Те сбегались с 45 тыс. войска и отправились на Черную Гору, чтобы всю ее огнем и кровью пройти. Черногорцы выждали их под белым городом Иногоштом. Тут оба войска приветствовали друг друга ружейным огнем 14 дней.

Вдруг ни пороха, ни свинца не хватило, не хватило у молодых черногорцев; и пройди у их окопов, уже не извергающих огня, пошли турки деревни жечь. Но Бог послал помощь неожиданную: несмотря на строгие запрещения Дожа, наш друг нам привез и продал много тысяч патронов. Пустились плясать от радости сыны Черной Горы и петь победные песни. Только что утро рассвело, они крестом перекрестились и бросились на лагерь турецкий, как волки на белых овец. Турки выдержать не смогли, побежали, гнали их молодые черногорцы через горы и долины до самой ночи. Сам паша едва убежал к своему визирю, чтоб ему рассказать, как добывал он красивых черногорок.

Первая поездка Василия в Россию (1754 г.)

Нуждаясь в деньгах для исправления церквей, Василий поехал в Россию за субсидией, обещанной Елисаветой. Здесь он издал в 1754 г. посвященную канцлеру Михаилу Воронцову составленную им «Историю о Черной Горе, Митрополитом Черногорским Василием Петровичем».

Война 1756 года

Между тем турки, казалось, уже утомились этими вечными войнами с Черной Горой; по приказу из Стамбула боснийский вали предложил мир черногорцам при условии полной свободы их, уважения турками их законов, обычаев и прав; в свою очередь черногорцы должны были

признать верховенство султана и в знак такого признания платить самую малую подать. Предложение это черногорцы отвергли, и визирь боснийский и скутарийский вступили с двух сторон в Черногорию с 80-тысячной армией в конце 1756 года. Занявши область племени Белопавличей, они остановились тут в укрепленном лагере. Отсюда армия двинулась дальше, когда 26 ноября была остановлена гражданским правителем (губернадур) Станиславом Радоничем, явившимся во главе всех черногорских сил, и были отброшены в лагерь. Сам визирь был ранен в битве. Три дня спустя черногорцы атаковали сам лагерь, но, в свою очередь, были отброшены. Третьего декабря они возобновили атаку, битва продолжалась 26 часов без перерыва, лагерь все еще держался, но все позиции вокруг него попали в руки горцев и отступление турок было совершенно отрезано. Армия турецкая пропала бы, если бы черногорцы не были принуждены уйти на некоторое время в соседние деревни за снарядами и провизией. Турки воспользовались этим и бежали, преследуемые черногорцами, оставив весь лагерь и 40000 трупов.

Вторая поездка Василия в Россию (1758 г.)

В 1758 году Василий снова отправился в Россию за обещанной субсидией, которую он и получил при следующем указе императрицы Елисаветы Петровны (1741—1761): *«Благородным и почетным господам сербских земель в Македонии, Албании, Черногории и Приморьи, правителям народа черногорского, воеводам, князям и капитанам и прочим духовным и светским начальникам народа черногорского Наш Императорский привет.*

Мы приняли здесь явившегося из Черногории митрополита Василия и умершего здесь губернатора Станислава Радонича, и мы пожелали дать доказательство нашего удовлетворения, которое нам доставила привязанность черногорского народа, выраженная сердарем Вуковичем, воеводой Пламенцем, сыновьями воеводы Джюражковича, а также нашим полковником Пучковым и майором Стефаном Петровичем.

Чтобы выразить Наше всемилостивейшее благоволение и удостоверить неизменность такового, Мы посылаем всему народу через посредство вышеназванного митрополита и прочих начальников тысячу дукатов и Наш портрет.

Во всем прочем, Мы на просьбу черногорского народа дали Наш всемилостивейший ответ вышеназванному митрополиту и прочим начальникам, и они выехали отсюда награжденные.

Дан в Петербурге 13 июня 1758 года. (Lenormant, Turcs et montenegrins, 1866.—Archives de Tsettinje).

Третья поездка Василия в Россию (1765 г.)

В 1765 г. Василий снова совершил путешествие в Россию, чтобы представиться императрице Екатерине II (1762—1796 г.) и заручиться ее покровительством; но тут он внезапно разболелся и умер в 1766 году; он похоронен в Александро-Невской лавре. По поводу смерти митрополита, императрица обратилась к черногорцам с особым указом, в котором, извещая черногорцев о смерти митрополита и о почестях, возданных ему при погребении, и сообщая о пожаловании тысячи рублей пособия, выражает надежду, что черногорский народ окажется достойным Ее императорских милостей и постарается в будущем изо всех сил служить Ей верно и самоотверженно. В заключение Императрица убеждает черногорцев прекратить взаимные распри и жить в мире и согласии.

Уничтожение сербского ипекского патриархата (1766 г.)

В 1766 году турки под влиянием интриг константинопольского патриархата, задумавшего подчинить своей церковной власти весь полуостров и так называемых фанариотов, имевших в виду кроме того обогащение, путем поборов православной райи, и дальновидно рассчитанные политические цели восстановления Греческой империи, принудили к отречению от власти сербского патриарха Василия Иовановича Беркича; патриарх удалился сначала в Черногорию. Права сербского патриарха переданы были константинопольскому вселенскому патриарху, против чего Василий протестовал, возвратился в Ипек и вновь провозгласил себя патриархом, но должен был бежать оттуда в Черногорию. Спустя несколько лет он переехал на жительство в Россию, но предварительно передал свои духовные права митрополиту Саве. С этих пор черногорские митрополиты считают себя независимыми в церковном отношении ни от какой высшей церковной власти и хранителями прав ипекских сербских патриархов.

Так прекратил свое существование ипекский сербский патриархат, основанный при Душане в 1346 году, после 420-летнего существования. Из него возникли четыре автокефальные сербские митрополии: белградская, карловацкая, далматинская и цетиньская.

Царь Стефан Малый (1767—1770 г.)

В 1767 г. среди черногорцев появился некий Стефан Малый, выдававший себя за русского императора Петра III, чему черногорцы скоро поверили и провозгласили его своим государем; Стефан говорил, что его единственное желание состоит в том, чтобы царствовать над ними и воскресить корону, павшую на Коссове. Вскоре престиж Стефана принял тревожный характер для соседних государств. Венеция и Турция заключили

союз против Черногории. В 1768 году три оттоманские и одна венецианская армия атаковали Черногорию одновременно со всех сторон.

Песнь следующим образом передает эту, одну из блистательнейших войн черногорских: «Дожд Венеции пишет царю белого Стамбула; он дружески приветствует его и говорит: «Ясный султан; ты знаешь, что на этих скалах черногорских, при одном имени русского императора, весь народ пришел в движение, как дети около своего отца. Уничтожим вместе этих бунтовщиков, чтобы и следа от них не осталось. Я подниму моих Далматов и храбрых кроатов, и расположу их по границе, чтобы банды, которым удастся избежать твоего ятагана, не ускользнули бы от шпаги моей».

Тотчас царь-Османли собирает своих албанцев, босняков, румелиотов, всего 120 тысяч пехоты и конницы, которые, со своими визирями во главе, направляются к Черной Горе и вторгаются в нее сразу с трех сторон, в то время как венецианцы покрывают войсками границу с четвертой стороны.

Окруженные со всех сторон, черногорцы призывают Бога свыше и на общем собрании постановляют, что не следует думать о жизни, а славно умереть за веру и дорогую свободу; затем в числе 10 тысяч против 120 они отправляются разными отрядами к разным атакованным пунктам. Турки подвигались, окруженные пожарами и уже сильно проникли в страну; но смерть ожидала их там, потому что они не умеют, как наши, прятаться за скалы и деревья. Тщетно кричали они нашим: «Мыши трусливые, черногорцы, поднимитесь, чтобы видеть вас! Куда убегаете вы, как мыши, между кустарниками?» Из-за кустарников частили ружейные выстрелы и их неожиданно поражали.

Турки, однако, уже девять недель ломаются, а у наших бедных гайдуков уже пороха и свинца не хватило. Им пропадать уже приходилось, как неожиданно явилось счастье черногорское, счастье, ниспосланное Богом; 1 ноября сильный дождь пошел из облаков, сопровождаемый молнией и громом, который опустошил у Будвы лагерь Дожа Венеции и раскинул палатки паши скутарийского. Посреди этой суматохи наши прибежали и овладели снарядами, за которыми присмотр ослабел. Теперь снабженные всем, они вызывают всех трех визирей, которые, отчаявшись удержаться зимою в горах, освобождают их, усыпая трупами дороги.

Так истинный Бог помогает тем, кто молится Ему: верь же в Христа, дорогой побратим, в Бога, которого черногорцы обожают, от которого они получают и радость, и бодрость, и здоровье».

Так говорит песнь. Исторически дело происходило следующим образом: Три турецкие армии, численностью в общем в 120 тыс. человек, под начальством визирей боснийского, албанского и румелийского вступили в Черногорию с трех сторон; венецианский генерал Кракович занял вой-

сками республики границу с четвертой стороны. Ввоз пороха и оружия в Черногорию был воспрещен венецианцами под страхом смертной казни. Но после двух месяцев борьбы одному черногорскому отряду удалось отбить у неприятеля огромное количество пороха. Этот успех довел экзальтацию и радость черногорцев до высшей степени. Катунская и Рецкая нахии (округа) под начальством воевод Драго и Перо Вукотичей, сердаря Петровича и попа Юшковича атаковали 28 октября раньше рассвета соединенные армии визирей боснийского и румелийского; битва длилась до вечера и затем турки, обращенные в бегство, были преследуемы всю ночь.

Второй лагерь турок был охвачен паникой вследствие взрыва от молнии порохового магазина, солдаты бежали в беспорядке, преследуемые черногорцами. Почти в тот же момент молния ударила и в лагерь венецианский и взрыв пороха, причинивший большие бедствия в лагере, принудил их отступить к приморским городам.

Таково было почти сверхъестественное окончание этой грандиозной войны (Lenormant).

В том же 1768 году началась первая турецкая война императрицы Екатерины II; зная о появлении в Черногории самозванного Петра III и обращаясь за содействием черногорцев в этой войне, императрица отправила в Цетинье посольство с князем Долгоруковым во главе, которое имело раскрыть перед черногорцами самозванство Степана Малого и пригласить их к участию в войне против турок. Прокламация императрицы между прочим гласила: *«Мы вам торжественно обещаем признавать вас отныне верными и искренними друзьями нашей империи, если в настоящей войне вы станете на нашу сторону, для вашей собственной выгоды, для вашей собственной свободы и для общего блага христианства. Сверх того, за такое содействие, когда мы будем заключать мир, мы не упустим включить и вас в договор»*.

Князю Долгорукому удалось сразу убедить черногорцев в самозванстве Степана Малого, которого они и выдали князю. Но, по-видимому, все дело казалось многим не столь убедительным, так как ничтожного обстоятельства оказалось достаточным, чтобы придать ему совершенно иной оборот. Князь поместил своего пленника в верхнюю комнату отведенного ему дома. Степан неожиданно появился у окна и обратился к народу со следующими словами: «Вы видите, что сам князь признает меня своим старшим, потому что он не посмел поместить меня ниже себя. Это верный признак, что я царь, что бы там ни говорили. Неужели вы оставите меня в руках моих врагов, ищущих моей смерти?». Этого было достаточно, чтобы убедить черногорцев; они тотчас освободили Степана при одушевленнейших криках; князь Долгорукий должен был поспешно оставить Гору.

Черногорцы остались на этот раз, очевидно, под влиянием Степана Малого, глухи к воззванию императрицы и в войне не принимали никакого участия. «Царь» Степан Малый постарался ввести порядок во внутренней жизни Черной Горы, прекратить разбои, составлявшие чистое бедствие ее в мирные времена. Он был сильно изранен и ослеп вследствие взрыва неискусно заложённой мины при предпринятом им устройстве дороги в 1770 году, отказался вследствие этого от власти и удалился в монастырь Берчела, где в 1774 г. был убит своим слугой греком, подкупленным скутарийским пашой.

Власть снова перешла в руки слабого митрополита Савы, который тотчас же назначил своим помощников своего племянника, внука архимандрита Петра Петровича. Последний в 1774 году разбил венецианцев, пожелавших овладеть черногорским монастырем Станевичем.

МИТРОПОЛИТ ПЕТР I (1782—1830 г.)

Поездки его в Россию

Еще в качестве помощника Савы он отправился в Россию, но был плохо принят в Петербурге и даже получил приказ немедленно оставить Петербург.

Между тем императрица Мария Терезия, обеспокоенная успехами, добытыми Россией в первой турецкой войне, Екатерины, заключила, формальный союз с Черногорией. Тем не менее Петр надежную поддержку для Черногории видел, главным образом, в православной России, почему в 1779 г. предпринял снова поездку в Петербург, где его на этот раз приняли очень хорошо и даже он был пожалован высшими орденами. В 1782 г. по смерти Савы Петр был рукоположен в архиепископы карловацким митрополитом Мойсеем Рутником. Нуждаясь в деньгах для покупки пороха и свинца, он снова отправился в Россию, где советовался с генералом Зоричем о средствах добыть денег, а на возвратном пути был задержан полицией в Берлине, по недоразумению. Благодаря всем этим осложнениям его отсутствие в Черногории продолжалось около 4 лет. Тем временем на его родине происходили важные события.

Скутарийский паша Кара-Махмуд Бушатли, потомок Максима, сына Ивана Цырноевича, перешедшего в ислам, в 1785 году вторгся в Черногорию с намерением овладеть ею и, не встречая большого сопротивления, прошел ее всю, разорил Цетинье и, не имея возможности за недостатком провизии оставаться в горах, возвратился в Скутари берегом моря, пройдя при этом через венецианскую территорию.

Участие черногорцев и герцеговинцев в австро-русско-турецкой войне 1788—1791 г.

Вслед затем он возмутился против султана и, уничтожив две высланные против него последние армии, вступил в переговоры с австрийским императором Иосифом II, готовившимся к войне с турками. Но в последний момент Кара-Махмуд прервал переговоры с императором и изъявил султану покорность, вслед за чем был утвержден в звании визиря скутарийского и получил прощение за свои возмущения. Между тем Россия и Австрия готовились к войне с Турцией, последняя в свою очередь рассчитывала возвратить Крым, занятый Россией в 1783 году. В 1787 году Россия и Австрия объявили войну Турции. Обе державы старались обеспечить содействие христианского населения. Императрица Екатерина обратилась с двумя воззваниями к сербам и черногорцам от 31 февраля и 14 марта 1788 года. Император Иосиф II обратился также с прокламацией к черногорцам и к сербам, призывая их к поголовному участию в войне. Посланный императрицей Екатериной граф Марко Ивелич поднял на оружие всю Герцеговину.

Черногорцы перешли границу и, соединившись с населением Требеша, вознамерились взять крепость Опогошто, но потерпели неудачу и были отражены турками, которым представилась возможность сжечь самую Требешу. Лишенные своих домов, Требешане рассыпались на отдельные банды по разным округам и принимали участие, как ускоки во всех битвах христиан с турками до 1804 года, когда Россия предоставила им убежище у себя. В течение войны турецкой 1804—1811 г. они составили отдельный отряд, сильно отличавшийся на Дунае и в Сербии. В 1789 году черногорцы разбили турецкую армию, пытавшуюся проникнуть в Черногорию. В следующем году они взяли приступом Жабляк и сожгли турецкий флот на скутарийском озере. Вместе с тем ускоки из Требеша вместе с прочими горцами разбивали турецкие армии у ущелья Долгая, у Никшича, у Стырни-Дола и в ущельях горы Боровник. Чтобы добыть пороху, владыка Петр продал епископскую митру и другие церковные драгоценности. 4 августа 1791 г. Австрия заключила с Турцией мир в Систове, по которому отдавала Турции обратно все сделанные ею с помощью сербов и черногорцев завоевания, оговорив в договоре амнистию для всех подданных султана, принявших участие в войне против него. Россия продолжала войну и 22 декабря 1790 г. пал Измаил. Обрадованные этим успехом России, черногорцы деятельно готовились к войне в 1791 г.; но весной этого года граф Ивелич объявил герцеговинской рае, что идут переговоры о мире и что война прекращается; он уверил их также, что приложит все старания к тому, чтобы им дозволе-

но было переселиться в Россию, и чтобы им там были предоставлены земли. Действительно, вскоре начаты были Россией переговоры, закончившиеся миром в Яссах в 1792 году. Россия утвердила за собою Крым, побережье Черного моря и Бессарабию. Заключив мир с Россией и Австрией, турки решили покончить с Черногорией.

Войны 1792 и 1796 гг.

Весной 1792 г. турки двинулись на Черногорию и после войны, продолжавшейся несколько месяцев, были отбиты и принуждены были отступить. Кара-Махмуд поклялся, что отомстит за это поражение. Между тем герцеговинские повстанцы все еще стояли под оружием и в непрерывной войне с турками. В 1796 г. Кара-Махмуд с 20-тыс. армией снова вторгся в Черногорию, но потерпел совершенный разгром при деревне Мартиничи: с победой этой граф Зубов, по повелению императрицы, письменно поздравил владыку. Но Кара-Махмуд пылал мщением и в сентябре 1796 г. открыл новый поход, завершившийся, однако, таким же полным погромом при селе Крусы, причем сам Махмуд был взят в плен и обезглавлен. В то же время герцеговинские ускоки уничтожили поблизости Черной Горы две турецкие армии — у Колашина и у Никшича.

Воспользовавшись несколькими годами спокойствия, последовавшими после битвы у села Крусы, владыка составил и издал свод законов для Черногории в 1798 году.

В том же году явился к митрополиту какой-то человек, назвавшийся польским дворянином графом Вуичем, и предъявил ему от имени Порты документ, в котором значилось:

1) Вуич будет князем Черногории и должен повиноваться предписаниям Порты.

2) Страна признаёт сюзеренство Высокой Порты Оттоманской.

3) В виде дани Вуич обязывается предоставлять Порте 300 тысяч окшерсти.

4) В случае войны Черногория обязана поставлять вспомогательное войско.

Митрополит не удостоил даже рассердиться на Вуича и посоветовал ему поскорее оставить Гору, пока содержание представленного им документа не стало общеизвестным, так как он тогда не ручается за его жизнь. Вуич поспешил скрыться.

Этот комический инцидент важен только в том отношении, что Порты, испугавшись последствий, которые могут произойти вследствие раздражения, которое могло вызвать у владыки и у народа это глупое предположение, поспешила издать фирман, который, излагая всю боевую историю Черной Горы, заканчивается следующим образом:

«Мы, султан Селим-Эмир-Хан, царствующий от неба до земли, от востока до запада, Царь всех Царей, даем знать нашим визирям, пашам и кади в Боснии, Герцеговине, Албании и Македонии, находящимся по соседству с Черной Горой, что черногорцы никогда не были подданными Нашей Высокой Порты, — дабы они были хорошо приняты на наших границах, и мы надеемся, что они так же будут поступать и по отношению к нашим подданным». (Lepontant).

Война с французами в Далмации. Передача Австрии Боки Которской

Скоро в Европе начались войны с французской республикой: в 1797 году французы, уничтожив венецианскую республику, передали Австрии южную окраину Далмации Боку Которскую; так как, однако, Австрия медлила с занятием Боки, то бокезцы провозгласили митрополита Петра своим покровителем (1797 г.). Черногорцы заняли Боку и владели ею до 1814 года, когда, согласно постановления Венского конгресса, передали ее Австрии, не взирая на то, что в качестве союзника России Черногория в течение 7 лет (1806—1813 г.) воевала в этом округе с французами, овладевшими Далмацией. Занятые борьбой с французами в Далмации, черногорцы не могли принять никакого участия в возникшей в это время борьбе сербов за независимость.

Еще раз пришлось черногорцам воевать с турками при Петре I: боснийский визирь Джелал-Эддин-паша вознамерился привести к покорности герцеговинские племена, расположенные по соседству с Черной Горой, но с помощью черногорцев был совершенно ими разбит и обращен в бегство. Затем в течение десяти лет Петр I мирно управлял Черной Горой; он умер 6 октября 1830 года.

Митрополит Петр II (1830—1851 г.)

Петр II почти все время своего правления употребил на упорядочение внутренней жизни Черногории; он вступил на митрополичий престол 17 лет от роду; 20 лет от роду он был рукоположен в архиепископы в Петербурге. Изгнав из Черногории гувернадура и взяв в свои руки гражданскую власть, он, с целью ослабить влияние главарей отдельных племен, учредил сенат. Он имел с турками несколько столкновений и должен был уступить им два островка на скутарийском озере.

Он известен, как поэт; из его произведений наиболее замечателен «Горский Венец», считающийся классическим в сербской литературе. Он был последним митрополитом — государем Черной Горы.

Данило I (1851—1860 г.), князь черногорский

Данило, племянник и преемник Петра II, отказался принять монашество и провозгласил себя князем Черногории. Турция встревожилась и направила на Черногорию огромную армию с Омер-пашой во главе в декабре 1852 года. После упорной, непрерывной войны, турки по настоянию России и Австрии вернули свои войска из Черногории. Князь Данило тотчас стал требовать точного обозначения границы Турции и Черногории. При определении границы возник спор из-за Грахова. Турки послали Хусейна и Кадри пашей с 8000 войском с приказом занять Грахово и тем самым прекратить спор. Данило послал к Грахову своего брата Мирко с 5000 войском черногорским. 1 мая дошло до битвы и черногорцы уничтожили почти все турецкое войско. Грахово осталось за Черногорией. В 1860 г. Данило, находясь в Которе, во время прогулки был убит каким-то черногорцем, мстившим ему за что-то. Ему наследовал его племянник князь Николай.

Босния. Герцеговина. Дубровник

Босния, как и прочие сербские земли, по заселении ее в VII веке сербами, разделилась на несколько жупанств, управлявшихся жупанами, а позднее банами. В XII веке рашский жупан Бела Урош отдал Боснию в приданое венгерскому королю Беле II Слепому. С этого времени венгерские короли принимают титул королей Далмации, Хорватии и Боснии; в Боснии с этого времени вступили в соперничество влияния сербское и венгерское, а наряду с ними возникло и стремление самой Боснии к независимому существованию. В том же XII в. во время бана Кулина в Боснии распространилась ересь богумилов или патаренов, к которой принадлежал и сам Кулин и сын его Нинослав. В 1245 г. венгерский король под предлогом уничтожения этой ереси послал на Нинослава войско с неким Котроманом во главе, который победил Нинослава и стал баном боснийским. Во время Милжутина и Душана Босния принадлежала Сербии; по смерти Душана и Уроша бан Твртко провозгласил себя королем не только Боснии, но и Сербии и короновался в 1375 г. в монастыре Милешево. Его преемник Дабиша (1391—1396), вследствие внутренних беспорядков и опасности, грозившей от турок, признал верховную власть венгерского короля и способствовал распространению католицизма, видя в этом средство заручиться помощью западных государств против турок. В 1463 году при короле Стефане Томашевиче Христиче султан Магомет II вторгся в Боснию и занял ее, умертвив Стефана. Многочисленная боснийская аристократия большей частью приняла ислам и скоро стала более ожесточенным врагом христиан, чем сами турки.

Правитель Захолмья Стефан Косача исходатайствовал для себя в 1444 году у германского императора Фридриха титул герцога, откуда вся его область получила название Герцеговины. Вскоре и Герцеговина была покорена и занята турками.

На побережье Адриатики образовалась торговая республика Дубровник, вскоре заселенная сербами и тщательно охранявшая свою политическую независимость. Дубровник благодаря обширной торговле вскоре достиг цветущего состояния. Литература получила в нем необыкновенное развитие; он дал целый ряд замечательных поэтов, которые хотя и находились под сильным итальянским влиянием, но в произведениях своих оставались часто на сербской народной почве. Первоклассные поэты — Менчетич, Даржич, Лучич, Ветранич, Раньина, Гундулич, Пальмотич, Качич-Миошич — дали целый ряд поэтических произведений, представивших замечательную выработку и истинную красоту сербского языка. Поэтическое творчество, черпавшее сюжеты из древнего классического мира, вдохновлялось также и своими народными мотивами. Гундулич, обращаясь к Дубровнику, говорит в VIII песне своего «Османа»:

*Ах! да би џвек како саде
Живио миран и слободан,
Дубровниче, бѣли граде,
Славан свиету, небу угодан!*

*Робови су твои суседи,
Тешке силе свели господѣ,
Твое владание само седи
На престолу од слободе.*

В III песне Гундулич бросает взгляд на сербскую историю:

*У них свуд се витез хвали,
Кога круном копле обдари:
Шчѣпан, Урош и остали
Од Неманьске кучѣ цари.*

*У них живи слава обильна,
Кью Обилич стече мудри,
Кад анджаром цара силна
На Коссову смртно удри.*

*Гласи се у них сред народа
Од истока до запада
Вера, господство и слобода
Дубровника, мирна града...*

В 1667 году Дубровник был совершенно разрушен землетрясением и уже более не мог подняться до своего прежнего цветущего состояния. В 1807 г. он был занят французами, а после венского конгресса отошел к Австрии.

Мы перейдем теперь к новейшим событиям XIX столетия, поведшим к возрождению Сербии и к образованию независимого сербского государства. Для большей ясности мы предварительно бросим беглый взгляд на участие сербов в последней австро-турецкой войне 1787—1791 года, закончившейся Систовским миром, и на состояние Османской империи в конце XVIII и начале XIX века.

АВСТРО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1787—1791 ГОДОВ И УЧАСТИЕ В НЕЙ СЕРБОВ

Положение вещей в Турции в XVIII в.

Еще в течение 1787 года среди населения белградского пашалыка (Сербии) распространились слухи о предстоящей войне Австрии и Турции и вызвали возбуждение в народе. Вскоре появились тайные австрийские агенты и возбуждали народ братья за оружие, обещая всевозможные награды и отличия для тех, которые верно будут сражаться на стороне императора против турок. Во всей стране распространялись прокламации императора, приглашавшие народ к оружию—способ пользоваться содействием сербского народа, придуманный еще за сто лет перед тем императором Леопольдом I. Благодаря возникшему в народе возбуждению, в Австрию переправился еще до объявления войны целый отряд молодых сербов, образовавший первый из тех добровольческих сербских отрядов, которые в этой (как и во всех предыдущих австро-турецких войнах) войне играли столь важную роль. Под влиянием, по-видимому, сербов в австрийском лагере возникла мысль овладеть белградской крепостью посредством смелой выходки; план, придуманный для сего белградским сербом Иованом Чардаклией, состоял в том, что белградские сербы подберут ключи к крепостным воротам и в данную ночь будут ожидать у этих ворот высадки австрийского отряда. В ночь со 2 на 3 декабря значительный австрийский отряд под командой генерала Аллинци стал переправляться через Дунай, но к месту назначения прибыла только незначительная его часть; главная же часть отряда заблудилась в тумане и пристала слова к австрийскому берегу. Прибывшая к белградским воротам часть, которую уже поджидали сербы, тотчас открыла ворота и принялась заклепывать турецкие пушки, но благодаря поднявшейся в крепости тревоге поспешно отплыла обратно к Землину. Паша

протестовал против этой попытки; скомпрометированных же в этом деле белградских сербов, которые не успели бежать либо в горы, либо в Австрию, страшными пытками замучил до смерти.

Этот инцидент ускорил формальное объявление войны Турции, которое и последовало в феврале 1788 года. Что касается союзной с Австрией России, то она находилась в войне с Турцией еще с августа 1787 года. Все сербское население южных областей Венгрии (воеводины), собственной Сербии, Герцеговины и Черногории приняло участие в этой войне.

Организованные в Австрии сербские добровольческие отряды распределены по всей пограничной линии; та часть их, которая входила в состав главной австрийской армии, образовала отдельный корпус под командой капитана Михайловича.

В то же время в самой Сербии возникло движение, имевшее больше характер восстания против турок, чем вспомогательных австрийской армии действий.

В 1787 году, при слухах о предстоящей войне, турки отобрали оружие от сербского народа, часть которого была, однако, припрятана и укрыта от розысков. Турки поручили одному из *обер-кнезов* (оберкнез) Алексе Ненадовичу стать с 100 вооруженными людьми стражей на границе, чтобы никто с австрийской стороны не мог пройти через границу; в числе этих 100 человек было несколько и турок. Вскоре явился к Алексе какой-то человек, выдававший себя за посланного от императора Иосифа, и от имени императора советовал Алексе собрать отряд из сербов и начать действия против турок, обещая, что и австрийские войска скоро перейдут границу. Алекса последовал этому совету и в двух столкновениях с турками — при городах Валева и Чачке — побив их, распустил своих людей по домам и стал с нетерпением ожидать начатия войны австрийцами. При объезде императором Иосифом границы, Алекса был им принят в аудиенции, на которой император предложил ему организовать участие сербов в войне, обещая со своей стороны о них не забыть. Получивши затем еще от предводителя сербских добровольцев Михайловича уверение в том, что и он в скором времени начнет военные действия и перейдет в Сербию, Алекса возвратился в Валево и принялся энергично за организацию восстания.

В то же время и совершенно независимо от австрийского похода, о котором оно и не знало, подняло восстание и население приморавских земель под управлением некоего Кочи, отчего все это движение народ назвал *«кочина краина»*.

Независимо от Кочи действовал со своей четой Кара-Георгий, в своих набегах доходивший до Нового Базара и до Вишеграда в Боснии. Положение турок в стране было весьма незавидное; сообщения между отдель-

ными укрепленными пунктами изо дня в день становились все более угрожаемыми и могли производиться не иначе, как в сопровождении сильных конвоев. Один из таких конвоев, сопровождавший транспорт необходимых припасов из Ягодины в Белград, подвергся нападению Кочи и был совершенно уничтожен.

Весной 1788 г. австрийцы переправились через Саву у Шабца; при этом особенно отличался отряд сербских добровольцев; они пошли в атаку под предводительством князя Понятовского; последний, будучи ранен, упал и кричал о помощи; только один из сербских добровольцев решился подбежать к нему под дождем турецких пуль и за волосы оттащить его в безопасное место. Вслед за взятием Шабца австрийская армия, благодаря неспособности ее главнокомандующего Ласси, оставалась в бездействии, сербские же добровольческие отряды вели партизанскую войну вдоль течения Савы и Дуная. Один из этих отрядов атаковал, но безуспешно, крепость Смедерево; другой, под начальством Брановачкого, разбил турок при Пожаревце. Михайлович во главе сербских добровольцев взял штурмом турецкое укрепление Гассан-Пашина-Паланка, в нескольких милях от Белграда, чем весьма затруднил сообщение последнего с внутренностью страны.

Главная австрийская армия не только не достигла никаких успехов в 1788 году, но почти вся была уничтожена вторгшейся в Банат турецкой армией под начальством великого визиря. Одни только сербские добровольческие отряды под начальством Михайловича и других офицеров, а также отряды повстанцев в самой Сербии наносили возможнейший и существенный вред неприятелю.

В 1789 году австрийцы под командой Лудона осадили Белград, заняв все подходы к нему сербскими добровольческими отрядами Михайловича и Брановачкого и уничтожив чрез их посредство все рассеянные в округе Белграда турецкие отряды, и взяли его штурмом 7 октября, причем передовую штурмующую колонну составляли сербы (Kallay). Вслед затем вся северная часть Сербии была занята австрийскими войсками, наиболее деятельным элементом которых были добровольческие сербские колонны под командой Михайловича, Давидовича, Брановачкого и Ракичевича; из числа их наиболее предприимчивым и деятельным был отряд Михайловича, между прочим, овладевший Крушевцем и Алексинцем. Эти добровольческие отряды по мере движения австрийских войск внутрь страны увеличивались новыми добровольцами; словом в эту войну повторилось то же явление, которое имело место во всех австро-турецких войнах, — сербы оказывали неоценимые услуги и были самым ожесточенным и усердным врагом турок. Кроме того отдельные банды повстанцев обегали всю страну, придавая ей вид огромного военного

лагеря. Повсюду, куда проникали австрийские войска, население приводилось к присяге на верность австрийскому императору, что оно делало часто очень охотно.

Тем не менее было немало сербов, смотревших скептически и с недоверием на совершающиеся события; внешними выразителями такого настроения служат банды повстанцев, действовавшие независимо от австрийской армии и как бы игнорируя ее существование; сюда же следует отнести и то обстоятельство, что шабацкий округ, будучи занят австрийцами, не дал ни одного добровольца в армию. События скоро показали, что правы были именно эти скептики, с недоверием относившиеся к австрийцам.

В начале 1790 г. скончался император Иосиф, а наследовавший ему имп. Леопольд II вынужден был прекратить военные действия против турок и начать переговоры о мире, как вследствие угрожающего положения Пруссии, ревниво следившей за успехами Габсбургов, так и вследствие тревожного положения вещей в Европе вообще, вызванного разгравшимися к этому времени событиями французской революции.

Переговоры о мире затянулись и закончились Систовским миром 1791 года; все занятые во время войны австрийцами земли возвращены были обратно Турции; в мирном договоре Австрия оговорила амнистию для сербов, принимавших участие в войне против турок, чем и ограничила свое внимание по отношению к сербам за все то содействие, которое оказали ей сербы в этой войне; правда, что получившим в военное время офицерский чин сербам предложено было оставаться на австрийской службе в том же офицерском чине или получать пенсию, соответствующую этому чину...

Известие о заключении мира и о предоставлении всей сербской райи снова власти турок повергло сербов в величайшее уныние и вместе с тем вызвало в них глубокое раздражение против такого пользования ими, как орудием, и затем оставления их на произвол турок. С жалобами на такой оборот вещей они обращались к императору, комендантам крепостей и к сербскому церковному конгрессу в Темешваре. Мы приведем здесь части этих прошений, из коих видно настроение народа, овладевшая им озабоченность и требования его. Вот прошение, представленное в январе 1790 г. белградскому коменданту графу Валлису и подписанное архимандритом Стефаном Иовановичем из Троноши, двумя игуменами, двумя попами и двумя обер-кнезами:

Ваше Превосходительство!

... Уже четыре месяца упомянутые наши земли, благодаря промыслу Божию, находятся под юрисдикцией светлейшего императора, и его оружием и народами мы освобождены от нашего наследственного вра-

га. По Высочайшим манифестам, объявленным в начале этой войны, всем нам обеспечена защита и помощь, если мы окажем поддержку и содействие императорским и королевским войскам, которые вступят в наши земли.

Рассчитывая на это обеспечение, мы в истекающую осень не только снабжали армию генерала Чернеля рабочими, подводами и жизненными припасами, но даже подняли оружие против нашего правительства, чтобы только себя и наших потомков освободить от тиранической власти и также заслужить милость и защиту всесветлейшего императора, под чьим крылом мы пламенно желаем вечно пребывать.

Против всякого ожидания и предположения, однако видим мы себя лишенными всякой помощи, ибо все войска уведены отсюда, и мы предоставлены самим себе; тут для защиты этих краев остался только один добровольческий отряд, составленный из наших собственных людей. Как печально наше теперешнее положение, это В. Прев. соизволите и сами обсудить; будучи лишены всякой помощи от какой-нибудь христианской державы, и имея перед собою оскорбленного, горящего мстью и значительно нас превосходящего врага, — нам не остается никакого иного исхода, как предстоящая очевидная гибель всего здесь живущего народа, потеря всего нашего имущества и разорение наших святынь церквей и монастырей... Мы сами не можем защищаться против столь превосходящего нас врага, тем более что у нас с самой юности глубоко вкоренился страх перед ними; в противном случае мы давно бы сбросили с себя тяжелое иго, не ожидая с таким нетерпением имп. и кор. помощи.

Поэтому мы видим себя вынужденными слезно просить В. Прев. сжалиться над нами ради будущего спасения и милостиво прислать нам поддержку от имп. и кор. войск. Нам достаточно было бы 1000 пехоты и 200 чел. конницы, чтобы только враги наши видели поддержку импер. и королевскую у нас; мы же соединим все наши силы и пожертвуем последней каплей крови, чтобы защитить себя и этих импер. и корол. солдат. И мы притом всепреданнейше уверяем, что с означенной помощью будем в состоянии защитить нашу страну от теперь находящегося в ней врага.

В прошении, адресованном сербскому церковному конгрессу в Темешваре (от 24 августа 1790 г.), подписанном 120 монахами, священниками и кнезами, в заключение говорится: «Мы осуждены на совершенную гибель и для нас лучше было бы пасть на поле битвы, чем быть изрубленными, как скот. Но если мы этой перед лицом всего света заслуженной императорской милости, помощи и защиты не получим, то мы будем принуждены отдаться под защиту какой-нибудь другой державы; а отклонения этой нашей просьбы не забудем ни мы, ни наши

потомки; да будет оно передано нашим внукам и правнукам из поколения в поколение, как напоминание и предостерегающий пример».

Очень характерной для тогдашнего настроения сербов является следующая деталь, изложенная в «Мемуарах» протоиерея Матвея Ненадовича, сына обер-кнеза Алексы Ненадовича, организатора восстания Валевского округа. По заключении мира собрались в квартире Михайловича офицеры добровольческих отрядов, в Карловцах, и Михайлович убеждал их остаться в Австрии и поступить офицерами в войска, тем более что они уже приняли присягу на верность императору; Алéкса отвечал: «Я возвращусь в свое отечество, в котором я родился. Правда, я поклялся в верности императору и в том, что буду сражаться за освобождение моего отечества от турок; каждый знает, что я своей присяги не нарушил и императора не оставил. А только император оставил и меня и весь сербский народ, совершенно так же, как поступали и предки его в отношении наших предков. Я буду ходить от монастыря к монастырю и сообщу это каждому монаху и священнику, — пусть они это запишут, чтобы в будущем ни один серб немцам ни в одном слове не верил». — «Ради Бога, молчи! Если тебя услышат, тебя расстреляют!» — вскричал Михайлович. «Это я сказал сербу, а не немцу, заметил Алéкса, а, впрочем, я повторю это перед кем угодно». (Kallay).

Вскоре турки приняли от австрийцев всю Сербию, и народ снова стал райей. Мертвая тишина воцарилась в пашалыке и сменила собою то движение и одушевление, которые оживляли его в течение трех лет войны. Белградский паша стал принимать ежегодный харач и порез, оставляя без всякого внимания все прочие дела пашалыка; кади и муселлимы стали вершить свои судебные и полицейские функции, живя и обогащаясь поборами с населения; помещики-спахи возвратились в свои города; сербы-райя в деревнях стали исполнять свои правильные повседневные работы. Установился обыкновенный турецкий режим. Но была и особенность, характер которой виден из просьбы, с которой обратились сербы к вновь назначенному после войны белградскому коменданту и губернатору пашалыка Эбу-Бекир-паше. Они просили его о недопущении в Сербию янычар. Чтобы понять как значение этой просьбы, так и последующие события, необходимо бросить взгляд на состояние Турции в конце XVIII и в начале XIX века и на положение вещей в Сербии в конце XVIII века.

Состояние Османской империи в конце XVIII и в начале XIX в. и положение вещей в Сербии

Османская империя сложилась путем завоеваний сельджуками турками различных народов сначала в Малой Азии, а затем, кроме того, в Европе и в Африке. В числе народов, покоренных оружием султанов,

были народы, принадлежавшие к христианской религии и народы, принадлежавшие к магометанской религии. След. импульс, руководивший завоевателями, состоял не в стремлении распространять силой ислам, а в стремлении образовать обширное государство. Завоеватели мало заботились о том, к какой религии принадлежат завоеванные. Когда сербский деспот Джордже Бранкович обратился в венгерскому полководцу Яну Гуниаду с запросом, какую веру предоставит он исповедовать сербам, если ему удастся овладеть Сербией, тот ответил, что введет в Сербии католицизм; на тот же вопрос, обращенный к султану, последний, — по словам одной из песен, ответил:

*«Я выстрою церковь и мечеть,
Поставлю их друг возле друга;
Следующий христианству пусть в церковь идет,
Следующий исламу пусть в мечеть идет».*

В завоеванной области все население, если оно принадлежало к магометанской религии, тотчас уравнивалось в правах с завоевателями; если в завоеванной области население принадлежало к какой-нибудь иной религии, не магометанской, и в этой религии желало оставаться, то все это население обращалось в так называемую райю, т. е. в лишенную всяких прав массу. Таким образом, империя подразделяла все свое население, независимо от характера составлявших его народностей, на две группы: на магометан, пользующихся всеми правами первенствующего в государстве класса (независимо от того, к какой они принадлежали национальности) и на райю, лишенную всяких прав и долженствующую содержать первых и служить им. Религиозных преследований райи, т. е. таких, целью которых было бы понуждение райи принять ислам, таких преследований не было. Насильственное обращение в ислам имело место только при захвате и уводе христианских мальчиков, предназначенных на укомплектование войска, носившего название янычар и основанного еще Орханом, сыном родоначальника султанов Османа.

Другой род войска, образованного также в первые времена образования империи, были спахи, кавалерия, обязанные являться на войну вполне снаряженными, по первому требованию султана; в награду за свою службу спахи получали в завоеванных областях в ленное пожизненное владение участки земли, носившие название смотря по доходности «тимар» или «зиямет».

Во главе янычар, как и во главе спахи, стояли особые начальники, так называемые ага, имевшие место жительства в Константинополе.

С течением времени институты янычар и спахи подверглись значительному изменению; спахи обратили свои тимары и зияметы в наслед-

ственные и стали, таким образом, помещиками; янычары перестали комплектоваться христианскими мальчиками; в войско янычар стали поступать магометане. Частые волнения их и бунты делали присутствие их в Константинополе тягостным для султанов, и последние распределили их отдельными отрядами по отдаленным от столицы провинциям, отдав их под команду местных пашей; но они и тут не оставались спокойными, производили буйства, насилия и грабежи среди местного населения как магометанского, так и немагометанского и, поддерживаемые своим агоем и товарищами, распределенными по всей империи, не признавали власти ни паши, ни самой Порты, если последние не обнаруживали желания потворствовать их прихотям и своеволию.

Таким именно образом янычары белградского пашалыка в конце XVIII стол. предавались своеволию, насилиям и грабежам в среде местного населения, нисколько не стесняясь присутствием паши в Белграде; они фактически владели пашалыком, оттеснив совершенно пашу на задний план. Их предводители или аги присвоили себе титул Дахи и, захватив в свои руки всю власть в пашалыке, вопреки папе и самому султану, производили в свою пользу поборы, грабежи и всевозможные насилия. Они не довольствовались одними грабежами сербского населения, но пожелали овладеть также на правах частной собственности и землей, находившейся в законном владении спахи; от этого последние ненавидели янычар так же, как и сербы, и впоследствии, с возникновением бунта против янычар, открыто поддерживали сербов. Обыкновенно, янычар, облюбовавший для себя такое-то имение, прибывал в данную деревню, объявлял себя помещиком и собственником данного поместья (Чифтлик-сахиби) и оставался тут постоянно жить. Таких чифтлик-сахиби до австро-турецкой войны 1788—1791 г. было еще немного; но по заключении мира янычары еще до прибытия паши, имевшего принять Белград от австрийцев, совершенно наводнили всю страну; почти не было деревни, в которой не поместился бы такой чифтлик-сахиби. Изгнанные из своих поместий спахи донимали султана непрерывными жалобами на янычар, почему назначенный белградским наместником тотчас после войны Эбу-Бекир-паша получил приказ от султана удалить янычар из Сербии. С просьбой удалить янычар обратились к папе и сербы, встретившие и приветствовавшие его при его прибытии в пашалык. Паша обещал им, что удалит янычар.

Так вели себя янычары далеко не в одном белградском пашалыке; полное своеволие и совершенное отсутствие в них дисциплины составляли сущее бедствие для всех провинций империи и даже для самого Стамбула. Вместе с тем они совершенно лишились тех боевых качеств, благодаря которым составляли некогда ядро военного могущества империи;

войны с Россией при императрице Екатерине II доказали решительное превосходство войск, обученных на европейский манер и полную неспособность янычар выдерживать битвы с ними. Вследствие этого султаны давно носились с мыслью об уничтожении янычар и о замене их новым войском, обученным на европейский манер. Султан Селим III, взошедший на престол во время австро-русско-турецкой войны (1789—1809 г.), по окончании войны предпринял реорганизацию армии и, не распуская янычар, организовал несколько отрядов войска, обученного на европейский манер, так называемого низами-джедид. Янычары усмотрели в этих попытках султана открытую угрозу для своего существования, во многих провинциях отказали в повиновении султанским пашам и открыто восстали. И в глазах всех магометан попытки султана ввести новшества, заимствованные у гяуров, казались посягательством на священные постановления Корана и на изречения столпов ислама. Сам институт янычар, еще при своем основании, был благословлен пользующимся у магометан большим уважением их древним святым, основателем ордена дервишей, шейхом Хаджи-Бектахом: *«Войско, которое ты образовал, — сказал он султану Орхану, — будет называться Ени-Чери; оно будет победоносно во всех сражениях; его фигура будет светла, его рука страшна, его сабля остра, его стрела закалена»*. Возбуждение янычар и стамбульской черни все более росло. На улицах происходили кровопролитные схватки между толпой, предводимой неким Кабакджи-Оглу и верными султану войсками. Султан скрылся во дворце и не решался открыто и решительно выступить против бунтовщиков. Вступив в предварительное соглашение с верховным духовным главой мусульман Шейх-уль-исламом, постановления которого считаются священными и непогрешимыми, Кабакчи-Оглу письменно и официально предложил ему следующий вопрос:

«Падшах, который своим поведением и своими распоряжениями оскорбляет священные постановления Корана, заслуживает ли оставаться на троне?» — *«Олмаз»* (никогда) был ответ Шейх-уль-ислама, который, однако, будучи в неизвестности относительно того, какой оборот примут события, на всякий случай добавил *«но Бог знает, что лучше»*.

На основании этой резолюции Шейх-уль-ислама, Кабакчи-Оглу провозгласил смещение султана Селима III (1808 г.) и восшествие на престол султана Мустафы. Весть о низвержении султана Селима вызвала бурю восторга среди янычар придунайской армии, умертвивших при этом известия своего агу и сместивших великого визиря, командовавшего армией.

Но смещенный султан имел много и приверженцев. Рупцукский паша Вирьяктар во главе 16-тыс. войска двинулся на Стамбул на защиту смещенного султана. Ему удалось проникнуть в столицу и осадить султанс-

кий дворец с требованием выдачи султана Селима. Но новый султан Мустафа приказал умертвить Селима и сказал: «Передайте рушукскому паше султана Селима, которого он требует». Тогда Барьяктар овладел дворцом, заключил в тюрьму султана Мустафу и провозгласил падишахом его брата Махмуда (1809 г.) В то же время виддинский паша Пасван-Оглу, а затем его преемник Молла-паша возмутились против Порты, успешно отражая султанские войска с помощью стекавшихся к ним янычар и прочего вооруженного сброда, не находившего себе места при тех визирях, которые сохраняли верность султану.

Само собою разумеется, что эти неурядицы не могли способствовать успехам турок в войнах, которые они должны были вести при султанах Селиме с Францией, по поводу занятия последней Египта (1798—1801 г.), и с Россией (1806—1812 г.), по поводу положения дел в придунайских молдавских княжествах; войну с Россией султан начал по настоянию Наполеона, настаивавшего на полном устранении России от права вмешиваться во внутренние дела Турции.

К этому времени относится и сербское движение в белградском пашалыке. Пашалык, управлявшийся белградским трех-бунчужным пашой, разделялся на двенадцать пахий или округов, в которых судебные функции вершили *кади*, подчиненные пребывавшему в Белграде молле, и полицейскую *муселлимы*. Рядом с этим турецким управлением существовало и управление народное сербское. Во главе каждой деревни находился «кмет» или «сеоски кнез»; каждая пахия разделялась на несколько округов, во главе которых стояли *обер-кнезы*, бывшие представителями народа перед пашой. Вся земля была распределена между *спахи*, числом около 900, большинство которых были потомки древней боснийской, перешедшей в ислам, знати и которые обыкновенно жили в городах и приезжали в свои поместья только затем, чтобы собрать с населения причитающийся им сбор. Низшее духовенство было сербское и вело такую же жизнь и стояло в тех же условиях, как и прочее население. Высшее же духовенство — архиепископ и епископы — составляли, со времени уничтожения в 1766 г. сербского патриархата, греки, выславшиеся из Константинополя греческим патриархом, и обыкновенно называвшиеся фанариотами, так как Фанар, часть Константинополя, был местом жительства богатейших константинопольских греков, из среди которых избирались эти епископы и архиепископы; понятно, что они, не будучи ничем связаны с народом и не зная вовсе ни его, ни его языка, были ему совершенно чужды, относились к нему как турки, и даже хуже чем турки, и имели в виду одно только обогащение, ради которого они и получали эти места. Это духовенство находилось всегда в наилучших отношениях с турками; при объездах их всегда сопровождал турецкий конвой.

Древние монастыри, задужбины сербских королей и царей, некогда богатые, были очень бедны; а пожалованные им в свое время земли и деревни во время турецкого господства ими почти все утеряны; редкому из монастырей принадлежала какая-нибудь деревня, обязанная доставлять ему десятую часть своего сбора; такая деревня называлась *прнявор*.

Те лица, которые не желали выносить ига и подчиниться условиям, в которых находилась ра́йя, уходили в горы, в которых вели скитальческую жизнь и, улучая момент, мстили туркам за себя, за своих близких и за весь народ; это — так называемые гайдуки или айдуки, собиравшиеся обыкновенно в отдельные банды или *четы* под управлением *арамбаши* или атамана, подвиги которых воспеты в народных песнях.

Бросив этот беглый взгляд на состояние Оттоманской империи и белградского пашалыка, перейдем к детальному изложению событий, из которых возникла новая жизнь части сербского народа.

Султан Селим III, предприняв реорганизацию своей армии, в то же время пользовался всяким случаем, чтобы умалить могущество и значение янычар, составлявших главнейшую угрозу как для его планов, так и лично для него самого. К нему давно уже поступали жалобы на насилия и на своеволие янычар в белградском пашалыке не только от райи, но и от тамошних спахи, ограбленных янычарами. Назначая поэтому белградским комендантом и губернатором Эбу-Бекир-пашу, он поручил ему удалить янычар из пашалыка. В то время все турки были поделены на две большие партии — противников янычар (сторонников султана Селима III) и сторонников янычар. Эбу-Бекир-паша принадлежал к первой из этих партий и твердо решил исполнить повеление султана, изложенное в особом фирмане. На границе пашалыка, в Нише, собрались обер-кнезы и представители спахи, чтобы приветствовать нового пашу; но не явился ага (начальник) сербских янычар некий Дели-Ахмет, славившийся своей отчаянной храбростью и разъезжавший по стране не иначе, как в сопровождении сильного отряда янычар. Паша пригласил и Дели-Ахмета явиться к нему для выслушания султанского фирмана. Ахмет прибыл в сопровождении своего отряда янычар и, будучи принят радушнейшим образом пашой, он отпустил свой отряд. Паша пригласил его на чашку кофе в свои покои. Когда Ахмет поднимался по лестнице в комнаты пашы, внезапно раздались выстрелы приготовленной для него засады, и Ахмет упал мертвый, тогда Бекир прочел султанский фирман о своем назначении и об удалении янычар из пашалыка. Последние, лишенные главаря, испугались и удалились частью в Боснию, частью в Албанию, а частью в виддинский пашалык, в котором были приняты мятежным против султана Пасван-Оглу-пашой. Умертвив Дели-Ахмета, Бекир продолжал путь и, приняв Белград от австрийцев, стал управлять пашалыком. Добросо-

вестно придерживаясь объявленной султаном амнистии, он вовсе не преследовал сербов, дравшихся в последнюю войну на стороне австрийцев против турок; даже более скомпрометированных в этой войне кнезов и обер-кнезов он вновь утвердил в этих званиях. Население было довольно таким управлением паши, но оно продолжалось недолго. Бекир-паша получил вскоре другое назначение, и в 1792 г. в белградский пашалык назначен был Шашин-паша, сторонник янычар, со вступлением которого в управление положение сразу круто изменилось; янычары стали возвращаться в Сербию. В ноябре 1793 г. обер-кнезы, доставив папе следовавшую сумму податей, подали ему прошение, в котором просили о недопущении янычар в страну. Шашин ответил им, что султан простил янычарам и возвратил им их древние права; и паша посоветовал им возвратиться к своим местам и убедить народ оказывать послушание и исполнять желания янычарских ага. В это время в Белграде производились турками большие работы по исправлению повреждений, причиненных войной; работами руководил некий влиятельный турок Хаджи-Мустафа. Для этих работ доставлялся сербами, и в том числе Валевским обер-кнезом Алексой Ненадовичем, нужный материал. К Хаджи-Мустафе, успевшему заслужить расположение сербов мягкостью своего характера и справедливым к ним отношением, обратились обер-кнезы за советом, что им делать ввиду полученного ими от Шашин-паши ответа. Мустафа посоветовал им послать прошение султану с изложением своих жалоб против янычар и слов, сказанных им Шашин-пашой, и уверил их, что ответ от султана не заставит себя долго ждать. Обер-кнезы составили и послали прошение, которое вероятно поддержал и сам Мустафа, имевший обширные связи в столице, и стали ожидать ответа. Само собою понятно, что это исполнено было тайно от Шашин-паши; только последний, обеспокоенный продолжительным пребыванием кнезов в Белграде, потребовал их немедленно-го выезда. Алекса Ненадович оправдывался тем, что он еще не покончил своих счетов с Хаджи-Мустафой по доставке материалов; прочие кнезы попрятались в Белграде и в его окрестностях.

Ответ от султана, действительно, не заставил себя долго ждать. Спустя всего несколько недель после отправки прошения кнезов, по улицам Белграда промчался, несясь в крепость, прибывший из Стамбула гонец, который, держа над головою султанский фирман, кричал: «Маазуль, Шашин-паша, маазуль! хассиль Хаджи-Мустафа-паша хассиль, хассиль!» (долой Шашин-паша, ура Хаджи-Мустафа-паша!). Вместе с назначением нового паши, получен еще был и султанский хаттишериф, точно определивший сумму тех податей, которые собирались пашой непосредственно для местных нужд (порез), и полагавший предел произволу пашей в этом отношении; сумма эта определена была в 400 тысяч пиастров. Это важное

для них известие кнезы передали на сохранение белградскому митрополиту Мефодию. Таким образом, в начале 1794 года белградским губернатором стал Хаджи-Мустафа-паша, убежденнейший противник янычар, немедленно принявшийся за укрощение уже значительно усилившихся в стране во время Шашин-паши их необузданных банд.

Среди янычар белградского пашалыка особым влиянием пользовался новый Кара-Измаил, поставивший себе целью стать во что бы ни стало Агой янычар пашалыка. Хаджи-Мустафа-паша поступил с ним так же, как несколько лет назад поступил Бекир-паша с Дели-Ахметом; он распорядился тайно убить его. Устрашенные янычары стали понемногу оставлять пашалык и направились в Виддин и там были приняты очень радушно находившимся в открытом возмущении против султана виддинским искателем приключений Пасваном-Оглу. Сербия очистилась от янычар и под мягким и справедливым управлением Хаджи-Мустафы, который не допускал никаких проявлений превышения власти со стороны турецких чиновников и строго преследовал таковые, и который вполне заслужил данное ему народом прозвание «српска майка» (сербская мать), сербы чувствовали себя вполне довольными и счастливыми.

Между тем Осман Пасван-Оглу с помощью вооруженных банд, разошедшихся по всем направлениям Османской империи по окончании австро-русско-турецкой войны и занимавшихся ограблением всего, что им попадалось по пути, образовал сильное войско и, отказав в повиновении Порте, старался расширить свою область, с каковой целью, а также и по просьбам поступивших к нему янычар из Сербии, он открыл поход против соседнего белградского паши. Последний, нуждаясь в деньгах, чтобы приготовиться в отражению виддинского войска, возвысил налог, причитающийся с населения для удовлетворения местных нужд (порез). Кнезы собрались в Белград с намерением обратить внимание паши, что хаттишерифом 1794 года султан точно определил размер пореза, и что они находят непосильным для населения бременем возвышение его. Тем не менее при приеме у паши они не решились ему это высказать. Они отправились затем к митрополиту Мефодию и просили выдать им хаттишериф, чтобы предъявить его паше. Митрополит убедил их попробовать изложить свое заявление паше и обещал выдать документ, если паша примет их заявление неблагоприятно; из-под руки, между тем, он известил пашу, чего хотят кнезы. На другой день кнезы вновь собрались у паши и, обычным образом приветствовав его, стали все в ряд перед ним. Мустафа-паша сидел и невозмутимо курил свой наргиле, не менее двух часов, во все это время ни разу не взглянув на кнезов. Последние не понимали, что это случилось с пашой, обыкновенно таким добродушным и приветливым. Наконец, паша прервал молчание: «Ну, кнезы, отчего вы

не говорите, чего вам нужно от меня». Алекса Ненадович хотел ответить, но паша прервал его и сказал, что ему уже известно их желание, что налога он может и не повышать, если им угодно, но тогда пусть они не пеняют, если в Сербию вновь проникнут янычары; сам он с Пасваном-Оглу легко помирится, и поход Пасвана его лично мало тревожит. Это заявление паши произвело глубокое впечатление на кнезов, и они просили пашу позволить им между собою посоветоваться по поводу того, что они слышали от него. На следующий день кнезы вновь собрались у паши, и Алекса доложил паше, что они все согласились в том, что повышение пореза непосильно для народа, но что они готовы на собственный счет собрать между собою войско, с помощью которого визирь будет в состоянии отразить виддинцев. Паша был очень доволен таким решением кнезов и, установив размер войска, которое имеет быть собрано, дружески расстался с кнезами; последние также были очень довольны тем, что они вновь вернули себе благоволение паши.

По удалении кнезов Мустафа-паша издал распоряжение по всему пашалыку, чтобы каждый серб держал в готовности свое оружие, а кто такового не имеет, немедленно приобрел бы. Кнезы тотчас распорядились снаряжением войска в условленном уже размере.

Между тем войска Пасвана-Оглу уже перешли границу; Хаджи Мустафа выслал против них свои турецкие войска под начальством своего сына Дервиш-бега и успевшие собраться сербские войска из восточных округов под начальством храброго и решительного Станко Арамбашича; среди этих сербов был и Кара-Георгий. Вблизи Кладова произошло сражение; виддинцы победили и быстро направились к Белграду и овладели городом. Мустафа-паша заперся в крепости. Между тем на выручку паши явился Алекса Ненадович с кнезами Бирчанином и Гырбовичем, во главе собранного ими войска. Тогда виддинцы вынуждены были оставить Белград и были преследуемы до самой границы (1797 г.). Этот эпизод имел большое значение в том отношении, что представил сербам возможность померяться с турками. С другой стороны готовность, с которой кнезы предложили паше отразить виддинцев с помощью сербов, выказывала полное сознание ими возможности борьбы их с ненавистными им янычарами; они, без сомнения, имели при этом в виду, что борьба с янычарами это не одно и то же, что борьба с турками вообще, и хорошо знали о существовавшем антагонизме между янычарами и верными султану турками.

По отражении виддинцев сербы разошлись по своим деревням, и положение дел в пашалыке приняло свой обычный вид.

Между тем Осман Пасван-Оглу успешно отражал султанские войска, высланные для умирения его; не будучи в состоянии с ним легко справиться и ввиду возникновения войны с Францией, вызванной еги-

петским походом Наполеона, Порта вступила в переговоры с ним и назначила его виддинским пашой в 1799 г. Пасван, многим в своих успехах обязанный белградским янычарам и постоянно осаждаемый их просьбами помочь им водвориться вновь в белградском пашалыке, выговорил для них право возвратиться в белградский пашалык на постоянное жительство. Против султана Селима в народе давно уже возник ропот за то, что правоверные магометане лишены были своих владений и преимуществ в пользу райи; и этот ропот еще более усилился, когда стало известно, что султанский наместник с помощью вооруженной райи изгнал правоверных из пашалыка. Хаджи-Мустафа-паша получил повеление принять янычар в пашалык. Мустафа повиновался, допустил янычар водвориться в Сербии, но был далек от намерения потворствовать их беззакониям и своеволию.

В Шабаце скрытно и скромно проживали двое янычар Бего Новлянин и Чюрт-Оглу и старались, до наступления лучших времен, так вести себя, чтобы никому не бросаться в глаза. Теперь, с наступлением этих по их мнению лучших времен, они не сочли более нужным особенно сдерживаться и, встретившись однажды в городе с тамнавским кнезом Янком Лазаревичем, пристали к нему с вымогательствами и, так как кнез не соглашался уплатить им требуемой ими суммы, умертвили его среди белого дня собственноручно. Брат убитого кнеза поп Лука Лазаревич тотчас известил о происшедшем Алексу Ненадовича, а последний письменно пашу, причем заявил: *«Если мы, кнезы, не безопасны от злодеев на улицах города, то мы этого положения более терпеть не можем, и потому, паша, озаботься назначением другого кнеза в Валеvском округе, так как я более в город не вступаю ногой, и кнезом ни в каком случае более быть не желаю, но оставляю эту землю и бегу в Австрию, чтобы по крайней мере жизнь свою спасти»*. Вскоре Алекса получил приказ от паши приготовить квартиры для экзекуционного отряда в 800 чел., высланного пашой. Отряд прибыл, и Бего Новлянин и Чюрт-Оглу после некоторого сопротивления бежали в Боснию; 36 янычар, их сторонников, были схвачены и казнены; страх овладел всеми янычарами и они притихли, затаив, однако, ненависть к паше.

Они задумали отделаться совсем от гяур-паши; с этой целью они вступили в сношения с Пасваном-Оглу, который для содействия им снова выслал войско на белградского пашу в 1801 году. Паша, организовав войско из своих кирджалиев и из сербов, отправил таковое против виддинцев под начальством своего сына Дервиш-бега. Много янычар, притворившись вполне преданными паше, также примкнули к выступающему войску. По дороге, однако, они один по одному от этого войска отстали и, тайно возвратившись в крепость, овладели ею, а вскоре вслед

затем и самим пашой. Дервиш-бег, узнавши о том, что происходит в Белграде, спешил обратно на выручку отцу. Но янычары заставили пашу написать сыну письмо с приказом немедленно вместе с войском вовсе удалиться из пашалыка, так как в противном случае янычары, во власти коих он находится, грозят его убить. Дервиш-бег повиновался и направился с войском в Ниш. Тогда янычары не считали более нужным возиться с Мустафа-пашой и убили его 27 декабря 1801 года. Теперь они, наконец, стали господами пашалыка, которого они так давно домогались. Своеволие, насилия и грабежи водворились в стране. Четверо главарей янычар разделили между собою весь пашалык на 4 части и, рассматривая каждый свою часть, как личную свою собственность, присвоили себе неограниченную власть не только над всем тем, что находилось в стране, но и над жизнью обывателей. Чтобы оправдать свой поступок в глазах султана, они в особом письме сообщили ему, что они потому убили Хаджи-Мустафу-пашу, что он был более склонен к райе, чем к правоверным туркам, и просили о назначении им в Белград нового паши. За них кроме того хлопотали перед султаном, и последний, не решаясь выступить против них и опасаясь взрыва фанатизма среди стамбульской черни, назначил Агу Ассан-пашу визирем в Белград. Новый паша воздержался совершенно от всякого участия в делах пашалыка и предоставил янычарам делать, что хотят.

Обеспечив себя таким образом от непосредственного возмездия из Стамбула за убийство визиря, четверо главарей янычар Мехмед-Фочичага, Кучук-Али, Аганли и Молла-Юсуф приняли титул *Дахи*, с резиденцией в Белграде, и разослали в каждый округ своих ближайших помощников и представителей, которым дали звание *Кабадахи* для непосредственного заведывания округом; кабадахи, в свою очередь, разослали по деревням особых агентов под именем *субашей*. Султанская власть, представляемая которой были паша, кади, муселлимы, была фактически уничтожена, и представители эти почитали еще счастьем, что им дана возможность оставаться на месте жить и что их не выгнали из края. Все султанские и местные подати и налоги дахи присвоили в свой личный доход и собственность и получили возможность из разного начавшего стекаться к ним сброда организовать войско и личных для себя телохранителей. Спахи, законные владельцы земли, были прогнаны и на их местах воссели янычары под именем чифтлик-сахиби. Управление дахи, кабадахи и субашей состояло в непрерывном и повседневном грабеже, насилии и убийствах. Гайдуки, почти исчезнувшие во время Мустафы паши, вновь стали наполнять горы; почти $\frac{1}{10}$ часть населения ушла в горы и оттуда мстила за совершенные злодеяния. Дахи в свою очередь, чтобы лучше обезопасить себя против возможного возмущения, настрои-

ли целую обширную и густую сеть «ханов», караулок, мелких укрепленных пунктов. И действительно, сделанная некоторыми спахи попытка произвести восстание совершенно не удалась; дахи легко подавили восстание и казнили виновников. Их честолюбие и алчность стали все более разыгрываться. Не довольствуясь, собственно, белградским пашалыком, они стали поглядывать и на Боснию. Один из дахи, Аганли, послал своих субашей в боснийскую деревню Буковицу, по ту сторону реки Дрины, с поручением взыскать с жителей все налоги, причитающиеся в казну, и доставить ему. Субаши возвратились, однако, с заявлением, что все налоги с жителей уже взяты владельцем Буковицы Хаджи-бегом, живущим в Сребернице. Аганли пришел в ярость, приказал собирать войско и пригласил Алексеу Ненадовича к себе: «Хотя я и сам знаю, но хочу также и от тебя слышать, как было сильно то войско, которое ты собрал в помощь Мустафе-паше, когда вы дрались против нас, яныгчар?» Алекса ответил, что его отряд был в 1800 человек. Тогда Аганли приказал ему собрать такой же отряд и, вместе с прочими турецкими отрядами, перейти Дрину, чтобы сжечь Среберницу и наказать Хаджи-бега.

В условленный день войска Аганли собрались у Дрины, и дахи приказал Алексе со своим отрядом рано утром переплыть Дрину, и вслед за ним должны двинуться турки на лошадях. Так как на той стороне реки в укрепленном шанце расположился Хаджи-бег со своими людьми, то Алекса ясно увидел, что весь сербский отряд может при переправе погибнуть до последнего человека. Алекса прибегнул к хитрости. Он стал рассказывать туркам, с каким удовольствием будут бить завтра сербы в Сребернице не только Хаджи-бега, но и всех турок, мужчин и женщин, какие только попадутся под руку. Вызвав таким образом в слушателях участие к их единомерцам на той стороне реки, он стал излагать им, как опасно для них всех, уже навлекших на себя немилость султана, вовлекать себя еще в ссору с босняками. Турки признались, что им очень хотелось бы, чтобы этого похода не было; но только они боялись высказать это желание совершенно вышедшему из себя дахи. Алекса взял этот труд на себя при условии, что турки все его поддержат. Явившись к Аганли, Алекса изложил перед ним те же соображения, но дахи остался непреклонен. Вскоре, однако, он вновь послал за Алексой и сказал ему, что он согласен будет отменить поход, если Хаджи-бег уплатит ему 30 кошельков золота, сумму всего следующего с Буковицы харача. Алекса тотчас отправился к Хаджи-бегу и тот согласился отдать 15 кошельков золота, прочие 15 Алекса разложил на свой округ — и эпизод тем и закончился. В августе 1803 года Алекса написала письмо своему другу в Землине Митессеру, в котором просил прислать пороха, нужного для восстания против злодеев, насилий которых нет более возможности вынес-

ти; но письмо попало в руки Мус-аги-Фочича, состоявшего в Шабце в качестве кабадахи своего брата, дахи Мехмед-аги-Фочича. Алексе с трудом удалось посредством ловкой хитрости выпутаться из опасного положения; тем не менее дахи не забыли об этом письме. Спахи, постоянно адресовавшие жалобы султану, посоветовали и кнезам отправить ему жалобу. В тайном собрании сербы составили жалобу султану, в которой, между прочим, говорили: «Если ты еще наш царь, то спаси нас; если же нет, то дай нам по крайней мере знать, тогда мы бросимся в реку и покончим с этой жизнью». Султан Селим в фирмане на имя белградского паши грозил выслать на янычар войско, но не турецкое, а другого языка и другой веры, которое будет беспощадно по отношению к ним.

Дахи задумались, стали разбирать, каким это войском им угрожает царь, и пришли к заключению, что царь имеет в виду не иного кого, а именно райю. Бывший уже при Хаджи-Мустафе-паше прецедент утверждал их в этом предположении.

Придя к такому заключению, они решили предупредить возможность такой опасности и изрубить всех кнезов и всех сколько-нибудь видных людей в народе. Они без всякого промедления приступили к выполнению своего плана. В январе 1804 г. в условленный день все дахи, кабадахи и субаши приступили к истреблению кнезов и более видных людей; самых видных кнезов Алексу Ненадовича, Бирчанина Илью и Гырбовича взял на себя первый из числа дахи Мехмед-ага-Фочич. План этот отлично удался; произошли массовые истребления кнезов, священников, игуменов и других более видных лиц. Весть об истреблении кнезов, как молния, облетела страну; население бежало в самые неприступные углы гор и лесов; тут начались совещания, что делать. Всех волновало чувство мести, все были согласны в том, что так более жить нельзя; незнакомые с планами дахи, они были уверены, что на истребление осужден весь народ.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ДАХИ

Во всех округах пашалыка деревни опустели; жители бежали в горы и отсюда начались в разных округах нападения на турок отдельных банд, не связанных никаким общим соглашением и часто даже не знавших друг о друге. Все движение имело характер самозащиты и направлено было исключительно и только против дахи и их янычар. В движении этом участвовал и Кара-Георгий (по сербски Кара-Джордже, Црни Джордже), вскоре ставший главой всего движения; он представляет собою одну из самых выдающихся личностей новейшей сербской истории.

Сын бедных родителей — Кара-Джордже родился в деревне Вышевцы, в которой и вырос. Впоследствии он переселился в село Тополу. Во

время движения, охватившего страну перед австро-турецкой войной, он задумал переселиться в Австрию вместе с родителями; при приближении к границе его отец заспорил и заявил, что он не желает выселяться в чужую страну и останется здесь; в пылу спора он пригрозил, что донесет туркам о намерении сына. Спор между отцом и сыном разгорался все сильнее и закончился тем, что Кара-Джордже выстрелил в отца и убил его наповал.

Кара-Джордже возвратился в добровольческом отряде Михайловича, но вскоре отделился от него и, во главе особой четы гайдуков, действовал самостоятельно против турок. По окончании войны и заключении мира он поселился в Австрии и поступил на службу сторожем при каком-то монастыре; а во время Хаджи-Мустафы-паши возвратился в Сербию, поселился в селе Тополе и стал заниматься хозяйством и разведением свиней. Он постоянно поддерживал дружеские отношения с гайдуками, но сам в их подвигах не принимал участия. В походе, предпринятом Мустафой-пашой для отражения виддинцев Посвана-Оглу, Кара-Джордже утвердил свою репутацию храброго, решительного, даже неотразимого воина; турки, завидев его, бежали. Высокого роста, необыкновенно сильный, Кара-Джордже отличался молчаливым характером, но благодаря необыкновенно развитому здравому смыслу в каждом данном случае решал вопрос наилучшим образом. Несмотря на молчаливость и на суровую внешность, он, однако, любил общество и ни одно празднество в округе не обходилось без него. Необыкновенная энергия, храбрость, решительность в минуту опасности и внезапно овладевавшая им страсть составляли его характерные черты. Во время раздражения гнев его не знал границ. Убийство отца было не первым его убийством. Но, успокоившись, он искренно сожалел о случившемся и даже плакал.

В списке лиц, подлежащих истреблению, дахи поместили Кара-Джорджа в числе первых; но он был предупрежден и заблаговременно бежал в горы, где нашел много также бежавшего народа и банды гайдуков, среди которых находился и пользовавшийся большой известностью Станко Главаш. Беглецы на совещании решили лучше умереть с оружием в руках, чем ожидать, чтобы их зарезали, как овец. 14 февраля 1804 г. они стали выбирать себе вождя; все указали на Кара-Джорджа, как на самого подходящего для этой роли человека. Кара-Джордже отказывался, ссылаясь на свою всем известную раздражительность и несдержанность. «Изберите другого, — говорил он, — только не меня; вот Главаш, вот кнез Марко, вот торговец Теодосий; кого бы вы ни выбрали, я ему во всем буду повиноваться. Но я не могу быть вождем; в случае малейшего неповиновения, я застрелю ослушника, а вам это не понравится и у нас возникнут несогласия». Все, однако, нашли, что им такого именно вож-

дя и нужно теперь. Кара-Джордже принял главное начальство над собравшимся в его округ отрядом.

Разослав воззвания по стране, в которых он призывал народ убить местных субашей и собираться вооруженными отрядами, Кара-Джордже со своим отрядом, ежедневно растущим, стал обегать округ, сжигая караулки (ханы), убивая всех попадавшихся янычар, при Сибнице уничтожил высланное дахиями из Белграда небольшое войско; так открылось восстание против дахи и янычар. Характер движения хорошо выражен в народной песне, увековечившей его в памяти народа, которую мы здесь приведем в извлечении:

Начало бунта против дахи

*Боже милый, что за чудо великое!
Когда по Сербии земле
Имели перевернуться
И другие наступить судьбы,
Тут кнезы не рады борьбе,
И не рады турки-кровопийцы,
Но рада райя сиротыня,
Которая поборов не может давать,
Ни насилия турецкого терпеть;
И рады Божьи угодники,
Потому что кровь из земли прокипела;
Пора пришла, надо воевать,
За крест честной кровь проливать.
По небу святыя стали воевать
И знамена различные метать
Над Сербией по небу чистому.
Такое первое знамение дали:
От Трифона до святого Джурджа
Каждую ночь месяц занимался,
Чтобы Сербы на оружие поднимались,
А Сербы подняться не смели.
Другое знамение бросили святыя:
От Джурджева до Дмитрова дня
Все знамена кровавые проходили
Над Сербией по небу чистому,
Чтобы Сербы на оружие поднимались,
А Сербы подняться не смели.
Третье знамение бросили святыя:*

Гром загремел на святого Саву
Среди зимы, когда не время ему,
Взблеснула молния на святых веригах,
Затряслась земля от востока,—
Чтобы Сербь на оружие поднимались,
А Сербь подняться не смели.
И четвертое знамение бросили:
Над Сербией на небе чистом
Схватилось солнце весною,
Весною на святого Трифона,
В один день три раза занимается
И три раза играет на востоке.
На это смотрят турки белградцы,
И из города все семеро дахи,
Слезь роняют, на знаменья смотрят:
«Черт возьми! что за странные явления!
Это для нас, брата, что-то не хорошо!»

.....

И закричали все семеро дахий:
«К нам скорей, ходжи и монахи!
Берите книги старинные,
Смотрите, что сказано в них,
Что будет с нами на конец!»
Пошли ходжи и монахи,
Взяли книги старинные,
В книги смотрят, крупньє слезь роняют,
Дахиям так говорят:
«Турки, братья, все семеро дахий!
Так книги старинньє говорят:
Когда такие явления бывали
Над Сербией по небу чистому,
С тех пор пятьсот уже лет прошло,
Тогда Сербское погнбло царство,
Мы тогда царство добыли
И двух влахских царей погубили,
Константина среди Царьграда
У Шарца, у холодной воды,
И Лазаря на Коссовом поле.
Милош убил за Лазаря Мурада,
Но Мурад жив еще был,
Пока мы Сербским царством овладевали;

.....
На все стороны Джордже письма рассылает,
На все семнадцать пахий городских,
На кметов сельских главарей:
«Каждый своего убей субашу,
Жен, детей в убежищах скройте!»
Когда то услышали сербские главари,
Тотчас они Джордже послушали;
Все вскочили на легкие ноги,
Опоясали светлое оружие,
Каждый своего убил субашу,
Жен, детей в убежищах отвели.
Когда Джордже Сербов взбунтовал,
Тогда он прошел по округам,
И попалил турецкие караулки,
И разорил турецкие укрепления,
И ударил на турецкие местечки,
Все местечки турецкие сжег,
Женщин, мужчин всех под меч подвел,
Тяжко сербов с турками развел.
Турки думают, что райя шутка,
А райя городам голова,
Поднялась райя, как из земли трава;
В города согнали турок.
Бежит Джордже от города до города
И горожан повсюду докликает:
«Слушайте вы, турки горожане!
На городах ворота открывайте,
Из среды своей насильников выдавайте,
Если хотите спокойными быть,
И чтобы городов Царю не портить.
Если же выдать их не захотите, —
Города эти выстроила райя,
По девяти лет строила их,
В один день способна их разорить
И с Царем борьбу начать.
А когда с Царем задеремся, —
Хотя бы все семеро королей поднялись,
Чтобы нас мирить — не помиримся,
Будем драться, черт, до последнего».

.....

*А когда Джордже турок изрубил,
Изрубил турок злодеев,
Тогда Джордже вошел в города;
Что было турок к сече — иссек,
Что к сдаче было — то сдал,
Что для крещения было — то окрестил.
Когда Джордже Сербией овладел
И Сербию крестом перекрестил
И своим крылом закрылил
От Виддина и до воды Дрины,
От Коссова до Белграда,
Так Джордже Дрине говорил:
«Дрина вода, ты знатная межа
Между Боснией и между Сербией!
Скоро и та пора придет,
Когда я через тебя перейду
И честную Босну навещу!»*

Не прошло и двух недель со дня истребления кнезов, как Кара-Джордже бежал уже всю Шумадию и обратился к крагуевацкому кабадахи с требованием тотчас освободить захваченного им богатого серба Младена Миловановича, грозя в противном случае немедленно напасть на Крагуевац и истребить все его магометанское население. Кабадахи тотчас отпустил Младена. Вызывающий образ действий Джорджа встревожил дахи, которые решили как можно скорее прекратить движение. Они послали к нему в село Тополу посольство с предложением распустить людей по домам, обещая исполнить все то, чего потребует райя, и предлагая самому Кара-Джорджу 500 кошельков золота. Последний ответил, что он готов исполнить требование дахи, если только будет дана гарантия того, что дахи не будут более совершать злодейств, и что такой гарантией могло бы быть поручительство австрийского правительства, почему договор между сербами и дахиями должен быть заключен в присутствии австрийского правительственного комиссара. Дахи еще больше встревожились и поручили одному из своей среды Аганли отправиться к повстанцам и добиться во что бы ни стало расхождения людей по домам. Его миссия, однако, не удалась, и Аганли, раненый, возвратился в Белград ни с чем. Вскоре в лагере Кара-Джорджа появилось третье турецкое посольство с митрополитом Леонтием во главе, предупредившим, однако, Кара-Джорджа, чтобы он ему не верил, когда он будет официально говорить в присутствии прочих членов посольства; Кара-Джорджу предлагали звание обер-кнеза всего пашалыка и 500 кошельков золота ежегодной

платы. Но он объявил, что без поручительства иностранного государя и без согласия народа он в переговоры вступать не будет.

Восстание между тем распространялось не только в Шумадии, но и в восточных и западных округах под начальством местных вождей. К востоку от Моравы стояли со своими отрядами Момир из Лужицы, Миленко Стойкович и Петр Теодорович Добриняц, очистившие всю местность от турок, уничтожившие караулки (ханы) и согнавшие турок в укрепленные города. В западных от Колубары областях брат и сын убитого Алексы Ненадовича, Яков Ненадович и протоиерей Матвей, подняли народ на оружие и, разбивши у Свилеувы войско янычар и боснийский отряд, присланный дахиям в помощь их другом Зворникским папой Али-бегом Видаичем, осадили Шабач. На выручку Шабача послан был из Зворника тем же Али-бегом отряд турецкого войска в 1 тысячу человек под начальством некоего Ножина-аги. Яков Ненадович вышел им навстречу и вместе с атаманом гайдуков Чюрчией стал ожидать турок у Чокешинского монастыря. Тут между Чюрчией и Яковом возникла ссора, так как Чюрчия был того мнения, что у них слишком мало войска, чтобы принять бой с многочисленным отрядом турок. Ссора закончилась тем, что Чюрчия со всеми своими гайдуками оставил Якова и ушел в горы. Яков остался с 200 человек и хотел расположить их за церковной оградой, из-за которой легче было бы отражать турок. Но этому воспротивились гайдуки братья Недичи, желавшие драться в открытом поле и выведшие в поле весь отряд. Вскоре появились турки и начался бой, продолжавшийся с утра до вечера и перешедший в конце в рукопашную схватку. Весь сербский отряд лег на поле битвы; по словам песни, каждый серб душил одного турка, а серба 20 турок. Яков Ненадович, удрученный таким концом боя, возвратился к Шабачкому отряду. Но и турки потерпели такой урон, что продолжать свой путь к Шабцу уже не решались, поспешно направились обратно в Боснию и на дороге, подвергшись нападению Хаджи-бега Среберницкого, почти все погибли. Тем временем Шабач сдался проте Матвею Ненадовичу.

В то же время Кара-Джордже осадил в Руднике кабадахия Плякича и вскоре взял его и поджег дома янычар; сам кабадахия погиб при попытке пробиться. Между тем из Белграда на помощь рудницкому кабадахии выступил дахи Кучук-Али, который однако, узнав о взятии Рудника сербами, направился к Ягодине и укрепился здесь. Тут появился атаман кирджалиев, набранных в Албании и Македонии, Гушанц-Али во главе 3-тысячного отряда и предложил дахи Кучук-Али свои услуги за высокую плату. Кара-Джордже осадил Ягодину, но Кучук-Али сделал успешную вылазку, рассеял сербов и выступил по дороге в Белград; Кара-Джордже следовал непосредственно за ним. Кучук-Али, потеряв по доро-

ге около сотни человек, убитых поджидавшим их отрядом Васы Чарапи-ча, прибыл в Белград.

Протоиерей Матвей Ненадович поддерживал сношения с австрийским берегом, добывая оттуда порох для надобностей повстанцев через посредство купца Живковича. Порох добывался контрабандным путем. Новосадский сербский епископ прислал повстанцам железную пущку, составлявшую собственность сербской церкви в Новом Саде, из-под руки исправленную в Петроварадинской крепости. Матвей по совету своих австрийских знакомых составил два прошения на имя сербского митрополита в Карловцах Стратимировича и другое на имя коменданта Петроварадинской крепости; в них он объяснял причины, вынудившие сербов взяться за оружие; заявлял, что они подняли оружие только против янычар, ослушников и мятежников против султана, убивших царского пашу и присвоивших себе власть в пашалыке; что они остаются и желают оставаться верными подданными султана и успокоятся и разойдутся по домам, как только добьются удаления янычар и отомстят за зарезанных кнезов; он просил помощи австрийского правительства в их непосильной борьбе с турками и кончил заявлением, что если Австрия не может оказать более существенной помощи, то пусть предоставит в их распоряжение такой вспомогательный отряд, какой предоставили ей сербы в последнюю австро-турецкую войну. Австрийскому историку Каллау такой конец прошений протоиерея показался даже смешным. Потому что по его мнению, вполне согласному с содержанием и тех ответов, которые получились на означенные прошения, Австрия находилась в дружественных отношениях с соседней империей, почему об оказании повстанцам какой-либо помощи не может быть и речи. Вообще сербы пользовались каждым случаем, чтобы заявлять, что они сражаются против дахи и против янычар, а не против верных султану турок, и что они остаются верной и покорной райей султана. Вожди восстания этот девиз поддерживали и в народе, стараясь внушить ему, что их борьба с дахи и с янычарами не только не означает возмущения против султана и против верных султану турок, но вполне согласна с волей султана; иллюзию эту поддерживали в народе и все турки, находившиеся в пашалыке и не принадлежавшие к сторонникам дахи и янычар, все ограбленные последними спahi и аги.

Таким образом в течение двух месяцев со дня истребления кнезов несъ пашалык представлял собою вооруженный стан, освобожденный фактически от турок, вынужденных укрыться в больших крепостях; начальники вооруженных отрядов в разных областях получили титул воевод, причем Кара-Джорджу принадлежало всеми признанное за ним верховенство. В начале мая 1804 г. Кара-Джордже разослал всем воеводам

приглашение собраться на скупштину в Остружницу вблизи Белграда для совместного обсуждения положения дел. Тут Кара-Джордже получил от австрийского генерала Генейне приглашение прибыть в Землин для рассмотрения условий примирения сербов с дахи и умиротворения края. Сербы формулировали свои требования в 9 пунктах, но будучи заранее убеждены в необязательности для турок того, что будет постановлено в Землине и чувствуя себя достаточно сильными, чтобы покончить с ненавистными дахи, они прибегли к хитрости, которой имели в виду сделать неудачными переговоры и ответственность за неудачу их свалить на турок; именно, отправляясь в Землин, они приставили к нескольким крытым соломой хижинам возле Белграда человека с поручением в известный момент поджечь их.

Кара-Джордже явился в Землин в сопровождении нескольких воевод и уже застал прибывших раньше уполномоченных дахиями турок; конференция открылась и начались препирательства между турками и сербами, причем австрийские офицеры с трудом успевали предотвратить рукопашную схватку, в которую грозили превратиться переговоры; наконец по ту сторону реки показались клубы дыма, и воевода Янко Катич вскочил со своего места и закричал, что теперь турки жгут их дома и волокут в рабство райю. Конференция стала расходиться; турки стали поспешно удаляться; Янко Катич кричал им вслед: «Слушайте, турки! сторонники ли вы султана или дахиев — все равно; скажите этой сволочи Кучуку-Али, чтобы он завтра утром явился во Врачар на коне, как я; с пистолетом, как я; с ятаганом, как я; и мы с ним там сразимся, — чтобы бедный народ в мире был». Кара-Джордже объявил, что при таких обстоятельствах о примирении с дахи не может быть речи.

Здесь же по предложению Кара-Джорджа трое сербских купцов образовали общество для контрабандной доставки сербам нужных военных припасов.

Постановив организовать в крае судебное дело и выбор судей, Остружницкая скупштина разошлась с условием, что все воеводы со своими отрядами имеют собраться в Топчидоре вблизи Белграда 21 мая.

К назначенному сроку отряды собрались, и Кара-Джордже, окружив со всех сторон Белград, повел правильную осаду с намерением принудить турок голодом к сдаче; у Савы расположился кнез Сима со своим отрядом; в Топчидере Кара-Джордже и Катич; дальше оба Ненадовича с Валеццами, затем Младен Милованович, Милан Обренович и, наконец, Васа Чаранич. Ежедневные вылазки турок успешно отражались.

Миленко Стойкович и Петр Добриняц, воеводы пожаревацкого округа, осадили Пожаревац и, не будучи в состоянии взять его, обратились за помощью к Кара-Джорджу, который выступил тотчас же с частью своих

Шумадийцев; Пожаревац сдался. На обратном пути он хотел осадить Смедерево, но тамошние турки просили его не осаждать города, обещая пристать ко всему тому, что обусловят белградские турки. Кара-Джордже обязал их не выходить из Смедерева и не принимать никакого участия в войне и возвратился под Белград. Осада Белграда продолжалась. Здесь в лагере Кара-Джорджа получилась присланная в дар сербским карловацким митрополитом Стратимировичем походная часовня, снабженная всем необходимым. Много австрийских сербов оставляли службу в Австрии и поступали в ряды повстанцев. Тем временем произошло событие, придавшее совершенно иной характер всему положению дел.

Осведомленная о событиях в Сербии, вечно осаждаемая жалобами прогнанных янычарами из Сербии спахи, Порта решила положить конец своеволию белградских янычар и вместе с тем успокоить не в меру разросшееся движение райи. Она поручила боснийскому вали Эбу-Бекир-паше (генерал-губернатору) выступить с войском в Сербию, положить конец своеволию янычар и, распустив сербов по домам, восстановить таким образом обыкновенный порядок вещей. Сербь встревожились, узнав о выступлении Бекир-паши и, по совету дружественно к ним расположенных турок, Кара-Джордже поручил кнезам Мачвы приветствовать пашу на границе, выслал Гырбовича с 50 всадниками навстречу паше в Шабач, Якова Ненадовича, Янка Китича и кнеза Симу с 600 всадниками в Палеш, и сам во главе 2 тысяч отборных всадников выступил в Белый Поток для приветствования паши. Паша был крайне неприятно поражен видом блестящей конницы, окружавшей своих воевод вместо райи, которую он привык видеть. Приближение визиря, имевшего целью их низвержение, так испугало дахи, что они бежали из Белграда ночью на лодках до Ада-Кале, где и укрылись у тамошнего губернатора Реджеп-паши; сербы на другой день узнали о бегстве дахи. Бекир-паша, принимая Кара-Джорджа и прочих воевод, указал им на то, что дахи уже нет в Белграде, и что они уже могут возвратиться в свои деревни и предаться обычным занятиям, и обещал им наилучшее управление, еще лучше того, которое было при Хаджи-Мустафе-паше. Сербь, однако, чувствовали себя значительно сильнее паши, приведшего с собою только $7\frac{1}{2}$ тысяч войска. Кара-Джордже благодарил пашу за добрые намерения и обещания, но прибавил, что они не положат оружия, пока им не выдадут всех четырех дахи. Чтобы как можно скорее положить конец движению, Бекир написал Реджеп-паше предписание выдать дахи сербам, которые придут с этой целью в Ада-Кале. Кара-Джордже послал воеводу Миленко с несколькими момками, которые, прибыв в Ада-Кале и узнав, где поместились дахи, застрелили их и головы их доставили в сербский лагерь.

Итак, дахи погибли. Несколько месяцев тому назад такого известия было бы вполне достаточно, чтобы успокоить весь край, и чтобы не было и речи о каком бы то ни было движении.

Но теперь положение дел значительно изменилось. Повстанцы обладали внушительным войском, добившимся многих успехов, более сильным, чем войско, которым располагал визирь; они уже не соглашались просто сложить оружие и разойтись по домам; они требовали прочных гарантий, обеспечения в том, что старые непорядки не повторятся.

Мимо сербского войска, осаждавшего Белград и приветствовавшего султанского посла почетными залпами из ружей и выстрелами из пушек (войско располагало уже двумя пушками), визирь прошел со своим войском в нижнюю белградскую крепость; что касается верхней крепости, то она находилась во власти наемника погибших дахи атамана кирджалиев Гушанца-Али, отказавшего визирю в повиновении.

К визирю в палатку явились кнезы Яков Ненадович, Сика Катич и Гырбович и вручили ему те из 9 пунктов состоящие условия сложения оружия, которые выработаны были на Остружницкой скупштине и в которых главным был пункт, требовавший назначения одного лица, который представлял бы собою весь папалык, и без согласия которого паша не мог бы ничего предпринимать. Визирь благосклонно ответил: «Хорошо, хорошо! Все это будет еще лучше, чем вы и сами хотите, все получите». Кнезы удалились и тотчас же отправились к походной часовне, возле которой были в сборе все воеводы, и доложили им о милостивых словах визира. Но их тут огорошили вопросом, добились ли они от паши согласия на то, чтобы взаимный договор между ними и визирем был утвержден австрийским высшим чиновником, и они со стыдом сознались, что они это упустили из вида. На следующий день послан был к визирю прота Матвей Ненадович, чтобы обратить внимание его на этот пункт условий, но услышав, чего хочет райя, визирь энергично закричал: «Олмаз, олмаз! (невозможно). Султан не потерпит вмешательства в свои внутренние дела!»

«Что хорошего приносишь ты?» — спросил Кара-Джордже возвращающегося от визира проту. «Три «олмаз» я несу, паша никаких свидетелей не желает». «Вы ошибались, — обратился Кара-Джордже к воеводам, — полагая, что мы таким образом можем примириться; о мире и речи не может быть; настоящая война теперь только и начинается».

Тем не менее вожди восстания старались сохранить с послом султана наилучшие отношения и тщательно избегали всего, что могло бы повести к разрыву с ним, или что могло бы быть истолковано впоследствии, как непокорность визирю. Они снабжали всем необходимым его и его войско. Бекир-паша до ноября пробыл в Белграде, а с наступлением холодов

в ноябре решил, что ему здесь больше нечего делать, и что он может возвратиться в Боснию. Выступая в обратный путь, Бекир передал сербам все свои военные припасы и сказал, что если сербы, как они сами уверяют, действительно верные подданные султана, то они должны доставить ему в Боснию все эти припасы; если же они притворяются, то могут делать с этими припасами, что им угодно. Сам визирь благополучно доехал до Боснии; но его войско по дороге почти все пропало: частью от сильных холодов, частью от выстрелов засевших по дороге в засадах селяков. Военные припасы, оставленные визирем, быстро доставлены были сербами к границе Боснии в полной целости и сданы турецким чиновникам под расписки, имевшие служить впоследствии сербам документами в том, что они никогда не переставали быть верными и покорными подданными султана. Во время переговоров с Бекир-пашой сербы послали австрийскому императору Францу прошение, в котором просили посредничества между ними и султаном и скрепления его подписью того договора их с турками, на основании которого они положат оружие. В случае же неуспеха переговоров предлагали ему принять Сербию под свое покровительство и прислать для управления ею одного из королевских принцев. Император Франц не только отклонил прошение, но и сообщил его содержание России и Турции.

Уже те немногие успехи, которых добились сербы в 1804 г., пробудили в этом легко одушевляющемся народе надежды и стремления, совершенно не пропорциональные добытым уже результатам. Еще в июне сербский карловацкий митрополит Стратимирович, с живейшим участием следивший за движением сербов по ту сторону Савы и Дуная, составил и препроводил русскому правительству обширную записку, в которой убеждал русских оказать поддержку движению сербов и способствовать созданию независимого сербского государства, которое, будучи родственным России по племени и по вере, самим существованием своим будет полезно для самого русского государства и освободит его от той изолированности и отчужденности, которые характеризуют положение России в среде европейских государств. Записка эта попала в руки тогдашнего русского министра Чарторыйского, которому не могли понравиться некоторые замечания сербского митрополита о поляках, и записка эта была предана забвению.

Все эти прошения и записка митрополита выказывают лихорадочную озабоченность передовых сербов об участи возникшего движения, когда ему придется стать лицом к лицу с могущественной Османской империей. Матвей Ненадович обратился к черногорскому владыке митрополиту Петру I, который, однако, к сожалению, не оценил в должной мере значения возникшего в Сербии движения и не нашел возможности

оказать ему то содействие, которое мог бы оказать, если бы крепко стоял на почве сербских интересов. И впоследствии в самый разгар сербской революции митрополит Петр не нашел для себя и для своих черногорцев лучшего поля деятельности, как войну с французами бесплодную и бессмысленную, от которой ни он, ни Черногория не добыли ничего. С большим сожалением приходится констатировать, что Черногория, столько раз поднимавшаяся на борьбу с турками по малейшему мановению со стороны, в тот решительный час, когда она имела послужить не чужим интересам, а сербскому делу, осталась глухой к этому делу и в момент возрождения сербского народа и государства оказалась чуждой ему. Слухи о событиях, происходящих в Сербии, проникли в Черногорию и вызывали в ее населении вполне понятное возбуждение.

Прота Матвей обращался и к Ивеличу, адмиралу русской эскадры, стоявшей у далматинских берегов, родом сербу, который в ответном письме, указав на существующие дружественные отношения между Россией и Турцией, советовал обратиться со своим прошением прямо к султану. Наконец по совету одного из австро-сербских офицеров, зачислившихся в ряды повстанцев, Петра Новаковича Чардаклии, решено было отправить посольство в Петербург с прошением на имя Царя; посольство, состоявшее из проты Матвея Ненадовича, Петра Чардаклии и Иована Протича, выехало 13 сентября из Топчидера и 7 ноября прибыло в Петербург через Харьков, где к ним присоединился состоявший учителем при одном из училищ Тодор Филиппович, и Москву. Здесь они были приняты министром иностранных дел Чарторыйским, который заявил им, что Россия находится в дружественных отношениях с Турцией и потому фактической помощи им оказать не может, и посоветовал им подать прошение султану, в котором изложить свои требования, обещая поручить русскому послу в Константинополе поддержать эти требования. Матвей Ненадович решил, однако, представить народу результат своей поездки в более утешительном виде, а именно, что он добился обещания полного содействия России, а полученный им от кого-то роскошный экземпляр Евангелия— как залог русской дружбы. В середине января он возвратился в Сербию.

Так окончился 1804 год. В течение зимы сербы осаждали Белград и заключенных в нем визиря Солимана-пашу и Гушанца Али с кирджалиями. Между обеими сторонами установились странные отношения; сербы поставляли все нужное Солиману-паше, как царскому визирю; они снабжали провиантом и даже деньгами и Гушанца Али; между тем и паша и Гушанц Али были осаждены ими.

29 апреля созвана была в селе Петяны скупщина, на которой прота Матвей изложил результат своей поездки в Россию. Указав на Евангелие, он сказал, что царь Александр прислал его с той целью, чтобы они

его поцеловали и поклялись на нем, что будут твердо стоять, пока не доведут до конца начатого дела; что Царь обещал помощь, но что об этом нужно хранить тайну, чтобы турки не узнали, а пока что следует упорно утверждать, что они остаются верной райей султана. Скупштинары благоговейно вслушивались в слова протоиерея и единогласно заявили, что они во всем будут повиноваться.

Затем высыпали на ковер собранные с народа подати, причем Кара-Джордже со вздохом заметил: «Эх, не лучше ли было бы на эту громадную сумму купить пороху и употребить против турок, чем отдавать им, чтобы они затем нас же побиили?!» Тем не менее, часть этих денег передана была Солиману-паше, как султанский харач, другая часть — Гушан-цу Али, прочее пошло на уплату долгов.

Во время скупштины явились двое валахских бояр, посланных валахским господарем греком Ипсиланти с официальным поручением примирить сербов с турками, в действительности же поощрить их к продолжению начатого дела, так как движением сербов Ипсиланти имел в виду воспользоваться для своей собственной цели, рисовавшейся в его фантазии в виде восстановления Греческой империи. Важнейшим же решением скупштины был выбор депутации, имевшей отправиться в Константинополь и поднести султану жалобы и желания сербского народа. Прощение султану, после вступления, в котором они выражали чувства своей преданности и благоговения и указывали на то, что не взирая на совершенную истощенность и обеднение страны вследствие наступивших бедственных времен, они все же предпочли продать последний скот свой, чтобы только внести своевременно налог и таким образом исполнить свою обязанность верных подданных султана, содержало девять пунктов: 1) вместо визиря Порты назначает в Белград мухазилия (гражданского комиссара); 2) народ выбирает в каждом округе обер-кнеза, и для всей страны одного Главного Кнеза; 3) в случае смерти обер-кнеза народ сам выбирает ему преемника; 4) все подати и суммы, следующие спахи, должны быть выражены одной определенной суммой; а уже непосредственные уплаты спахи должны производиться из султанской кассы, причем спахи более не должны возвращаться в Сербию; 5) только Главный Кнез может собирать подати и лично от себя пересылать их в Константинополь; 6) Главный Кнез должен располагать известным вооруженным отрядом; 7) народ может беспрепятственно строить церкви и монастыри; 8) земледелие и торговля свободны от всяких обложений; 9) просить австрийское правительство воспретить подвоз съестных припасов злонамеренным кирджалиям, занимающим белградскую крепость.

Кара-Джордже между тем приступил к военным действиям. Янычары держались еще в юго-западном углу пашалыка, в ужицком и ка-

раповацком округе. Кара-Джордже взял после некоторого сопротивления Карановац, Яков Ненадович — Ужицу, после чего оба возвратились к Белграду.

Прибывшая в Константинополь депутация вручила прошение, но ответа не получила и даже была арестована. Султан Селим назначил нишского губернатора Гафиз-пашу визирем в Белград с поручением обезоружить сербскую райю и восстановить порядок и спокойствие во чтобы ни стало.

Гафиз-паша с 20-тысячным войском двинулся в Сербию по направлению к Белграду. Миленко окопался в сильно укрепленном шанце на берегу Моравы у Иванковце; Кара-Джордже расположился между Ягодиной и Чюприей с намерением ударить на Гафиза во время его движения к Белграду. Гафиз, однако, узнал о расположении войск и обратился к Миленко с требованием очистить шанец и дать ему дорогу к Белграду, обещая ему по прибытии в Белград назначить его обер-кнезом всего пашалыка. Миленко дал такой ответ: если Гафиз-паша действительно послан султаном, то пусть он идет по обыкновенной дороге, которой до сих пор все визири проходили, т. е. через Ягодину. По этой же дороге он может пройти только по его трупу и по телам его товарищей; а до тех пор, пока жив хоть один из них, паша по этой дороге не пройдет.

Вместе с тем он послал сказать Кара-Джорджу, чтобы он перешел через Мораву и ударил бы на пашу сзади. 18 августа с раннего утра Гафиз-паша атаковал Миленко всей своей силой; бой длился весь день до вечера; сербы отбили атаку; турки потерпели большие потери, и Гафиз-паша, не решаясь оставаться вблизи Иванковца, отступил к Парачину. Тем временем прибыл Кара-Джордже и вместе с Миленко выступил вслед паше к Парачину. Гафиз, узнав о соединении обоих отрядов, не решился принять битвы и поспешно со всем войском удалился в Ниш, где через несколько дней умер от стыда и мучительного для него сознания, что он должен был отступить перед райей.

С этого момента движение райи вступает в новый фазис своего развития; случилось то, чего сербы до сих пор тщательно избегали: они ослушались царского паши, сражались с царским войском и заставили его отступить; движение, до сих пор носившее характер восстания против Дахи и мятежных по отношению к султану янычар, перешло в революцию против султана (август 1805 года).

Внутренние дела

Страна представляла собою обширный военный стан, разделенный на несколько округов, в каждом из которых за время войны выдвинулись воеводы, в короткое время сосредоточившие всю власть в своих руках. Каждый из воевод выезжал не иначе, как в сопровождении особого по-

четного отряда, род телохранителей, и в своих округах пользовались неограниченным доверием населения и авторитетом. Даже в тех случаях, когда действия воевод были явно эгоистичны, они не находили противодействия в народе, видевшем в них прежде всего борцов против турок, не щадивших своих сил и своей жизни в возникшей борьбе.

Все воеводы были *de jure* равны между собою, но в действительности значение их было далеко неодинаково. Наибольшим авторитетом пользовался Кара-Джордже, и этот авторитет его как бы сам с собою подразумевался и всеми прочими воеводами признавался. Воеводы, однако, большую часть времени проводили в лагерях, интересовались только военными делами и вовсе не хотели ведать прочих сторон жизни. Поэтому, естественно, возникла мысль устроить внутреннее самоуправление; прибывший из России вместе с Матвеем Ненадовичем Филиппович подал мысль учредить сенат из 12 членов, по числу округов; для выбора сенаторов собралась скупщина в Боговадье, созванная Матвеем Ненадовичем и его братом Яковом; на скупщину эту собрались все воеводы и массы скупщиняров; ожидали еще Кара-Джорджа. Но от последнего получилось письмо, извещающее, что он в Боговадью прибыть не может и предлагает всей скупщине собраться в Бораке. Извещение это, объясняющееся желанием его выказать свое главенство и выставить на вид, что указание места сбора скупщины и самая инициатива в ее созвании должна исходить от него, вызвало всеобщее недоумение. Тем не менее, ему повиновались. Когда скупщина собралась в Бораке, Матвей Ненадович обратился к Кара-Джорджу со следующими словами: «Государь! Ты и прочие вожди обещали нам, что на первой скупщине должен быть учрежден синод; это знает весь народ и теперь нетерпеливо ожидает, чтобы вы исполнили обещание; вот мы собрались в скупщине, теперь время исполнить это». Кара-Джордже отвечал коротко и отрывисто: «Из тех, которые тут, выбери лучших по своему усмотрению». Выбранным в члены сената, по представлении их Кара-Джорджу, последний сказал: «Ступайте в монастырь Волявач, работайте там с Божьей помощью на благо всего сербского народа и облегчите мне лежащую на мне тяжесть; я сам скоро явлюсь к вам». Члены Совета принесли присягу в том, что будут добросовестно исполнять свои обязанности по управлению народом. Кара-Джордже при этом выступил, явно выражая, что он является представителем верховной власти. Вскоре после поражения Гафиза-паши Смедеревские турки, убив воеводу Джюшу Вуличевича, дали повод Кара-Джорджу напасть на Смедерево и овладеть им. Совет был перенесен тогда в Смедерево. Здесь Кара-Джордже вновь выказал власть над членами Совета. Войдя в Совет, Кара-Джордже спросил, доложил ли Совету член его Джюрица, что в его округе один булюкбаша так избил одного человека, что тот спустя не-

сколько дней умер. Джюрица ответил: «Государь, я забыл об этом». Сенаторы стали совещаться, как наказать своего провинившегося члена, но Кара-Джордже сказал: «Джюрица! Если ты нарушил присягу, не заботишься о народе и не можешь защитить невинных, то бери шапку и ступай свиной стеречь». Таким образом Кара-Джордже вел себя, как неограниченный господин над народом.

Между тем решено было покончить с Белградом, все время пребывавшим в осаде, и овладеть им. Зимой пришли сведения о том, что вали румелийский и боснийский делают большие приготовления к войне с ними. Встревоженные этими слухами, сербы отправили три прошения к султану, в котором заявляли, что во всем происшедшем виноваты не они, а их тираны, которые и теперь еще в лице Гушанца Али продолжают свои безобразия; что они всегда были и желают быть верной и покорной райей султана; что тем не менее они слышат, что султан высылает на них свои собственные войска, что без сомнения поведет к совершенной гибели всего сербского народа; что они все-таки предпочитают все пропасть, чем вновь подвергнуться страшной тирании; поэтому они просят султана сжалиться над ними, освободить их от их мучителей и утвердить за ними права фирманом; они же со своей стороны готовы платить вдвое большую сумму податей и поклянутся на вечные времена остаться верной райей султана; в прошениях на имя императора Александра I и императора Франца они просили о посредничестве, даже о помощи, о военных припасах и т. д. Порта вовсе не нашла нужным ответить на прошение сербов. Россия и Австрия обратились к Порте с дружественными представлениями, в которых рекомендовали ей обойтись снисходительно со своими сербскими подданными, доказывая, что такое снисхождение в собственных же ее интересах. Оба эти представления Порты оставила без внимания (1806 г.).

27 февраля 1806 г. черногорский владыка Петр I Петрович обратился к Кара-Джорджу с письмом, в котором пригласил его подробно сообщить ему о том, что делается в Сербии. Кара-Джордже отвечал письмами от 16 апреля и от 10 июня, прося поддержки от владыки и предлагая ему вторгнуться с войском в Боснию, дабы несколько отвлечь от Сербии турецкие силы. Но, как уже было упомянуто, черногорцы не оказались тогда на высоте своей задачи, вдохновлявшей их несколько веков подряд, и, дав увлечь себя в совершенно для себя постороннюю и чуждую грандиозную борьбу Европы с Францией, остались в стороне от сербского возрождения. Чудная ошибка митрополита Петра, заслуживающая того, чтобы быть объясненной; так как в течение всего продолжительного движения сербов, черногорские сербы оставались неизменно безучастными зрителями!

Итак, сербы должны были без всякой помощи со стороны стать лицом к лицу со всеми силами Оттоманской империи.

События в Европе и отношение их к Сербии и к Турции

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению нашей истории, мы должны упомянуть в нескольких словах о европейских событиях, совершавшихся одновременно с сербским движением, и оказывавших могущественное влияние на политику и положение Оттоманской империи. Европа вела упорную и грандиозную борьбу с Французской империей. Союзные правительства старались увлечь и Порту в борьбу с Францией; последняя, в свою очередь, всеми силами старалась приобрести союзника в Турции. «Не делай уступок сербам, которых они требуют у тебя с оружием в руках», — писал Наполеон султану Селиму. Битва при Аустерлице 1805 г. окончательно склонила султана на сторону Франции; Порта, несмотря на угрозы русского посла, признала Наполеона императором и заключила союз с ним. Наполеон стремился во чтобы ни стало вовлечь Турцию в войну с Россией и воспользовался для сего тем положением, в котором находились придунайские княжества Молдавия и Валахия. По договорам, которые заключила Россия с Турцией со времени Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г., в Молдавию и Валахию должны были назначаться господами сроком на 7 лет, причем ранее этого срока господами не могли быть смещаемы и новые не могли быть назначены без согласия на это России. Это стеснительное для Турции условие последняя постаралась фактически уничтожить, к чему побуждал ее и Наполеон. В 1806 г. она сместила господарей Ипсиланти и Мурузи, бывших большими сторонниками России, и назначила князьями Суцо и Каллимахи, вовсе не спрашивая согласия России. Вследствие этого император Александр повелел Михельсону занять оба княжества войсками, что тот и исполнил в ноябре 1806 г. Ипсиланти в особой записке, адресованной в Петербург, доказывал необходимость назначения его князем и Молдавии и Валахии, требовал, чтобы Михельсон в своих действиях сообразовался с его указаниями, и указывал на желательность снабдить сербов оружием и офицерами, чтобы обеспечить лучшее содействие сербов. Под влиянием этих событий Порта начала было переговоры с сербами, чтобы иметь возможность обратить все силы на Россию. Но ободряемая Наполеоном, заключившим союз с нею и обеспечивавшим ей полное обладание Молдавией, Валахией и Сербией, она прервала переговоры с сербами, а также объявила 27 декабря 1806 г. войну России. Еще в течение 1807 г. русские войска пришли в соприкосновение с сербами и вступили в восточные области последней, что и послужило начальным пунктом для русско-сербских совместных действий. Зима 1806—1807 г. про-

шла в приготовлениях к войне; в марте великий визирь выехал к армии на Дунай, но вскоре получил известие о возмущении янычар в Константинополе, что принудило его заключить перемирие на 8 месяцев; в следующем 1808 г. беспорядки в Константинополе, благодаря которым Турция была совершенно не в состоянии вести войну ни с Россией, ни с сербами, продолжались. Только в 1809 г. с воцарением Махмуда начались военные действия.

Теперь перейдем в дальнейшем изложению событий в Сербии. Мы видели, что сербское движение, возникшее в виде бунта против дахи, завершилось, однако, битвой их с султанским визирем Гафиз-пашой, которому они нанесли поражение, благодаря чему движение это приняло уже форму революции против султана.

Революция против султана

Еще в конце 1805 и в начале 1806 г. гонцы из Константинополя доставили вади румелийскому Ибрагиму и боснийскому и всем им подчиненным пашам приказ собрать как можно более многочисленные войска и идти войной на Сербию. Слухи о грандиозных приготовлениях обоих вали дошли до сербов и вызвали в них крайнюю озабоченность. Они решили прежде всего покончить с крепостью Шабач и обложили ее валевским войском под начальством Якова Ненадовича. Вскоре получено было известие, что довольно большой боснийский отряд с капитаном Мегеметом Видаичем во главе идет на выручку Шабца. 29 января отряд этот наткнулся на лагерь воеводы попа Луки Лазаревича и после горячей схватки был отброшен назад. Спустя несколько дней турки, подкрепленные свежими силами, снова двинулись вперед и напали на сербский лагерь при Лешнице и, после ожесточенного боя, в котором сам Кара-Джордже был ранен, оттеснили сербов и пробились в Шабач. Кара-Джордже укрепился поблизости и ожидал вновь нападения турок, которое действительно последовало 12 февраля и окончилось совершенным поражением турок.

Пока происходили эти сражения около Шабца, с юго-запада подвигался в Валевский округ Хаджи-бег из Серебрницы. Яков Ненадович, раненый в битве под Лешницей, наскоро собрал небольшой отряд, которым пытался остановить Хаджи-бега, но был отброшен последним. Кара-Джордже выслал Якову валевские войска в помощь и вскоре явился и сам со своим отрядом. Хаджи-бег не решился продолжать своего движения и поспешно удалился в Боснию. Кара-Джордже возвратился к осажденному Белграду. Однако, Хаджи-бег снова появился с 6-тысячным войском, и Яков Ненадович вновь выступил ему навстречу: турки отошли к деревне Чурут, куда в скором времени поспел и Яков и тотчас же окопался; три раза турки штурмовали шанец, но безуспешно; к вечеру к

Якову подошло подкрепление, после чего сербы перешли в атаку и разбил турок совершенно; битва перешла в конце в страшную резню; более половины турецкого войска остались на месте; прочие бежали в Боснию. Яков возвратился к осажденному Шабцу. Гарнизон последнего стал страдать от недостатка съестных припасов, в нем началось в широком размае дезертирство; дезертиры большей частью пропадали на дороге от разбросанных в разных местах сербских отрядов; поэтому многие спасались через Саву на австрийскую территорию, которая, однако, не всегда представляла надежное убежище; сербы, разгоряченные войной, нередко следовали за ними и убивали бегущих на австрийской территории. Такие случаи вызывали со стороны австрийских властей строгие меры, сводившиеся к высылке с австрийской территории обратно в Сербию эмигрировавших туда сербских женщин и детей. Карловацкий митрополит Стратимирович особым письмом на имя сербских вождей убеждал их воздерживаться от нарушения границы, могущего повлечь строгое воздействие со стороны австрийского правительства, а также не раздражать без надобности и турок излишними жестокостями и сохранить таким образом возможность примирения с ними, которое рано или поздно должно же наступить. Война велась все с большим раздражением; воевода Стоян Чупич в набеге на Боснию разорил близ границы расположенные деревни, жители которых принимали участие в походах на Сербию.

Между тем из Боснии приходили тревожные известия о грандиозных приготовлениях боснийского вали к походу на Сербию; Гассан-паша в шиде передового отряда с 1000 чел. прошел беспрепятственно до Шабца и усилил Шабатский гарнизон. Зворницкий капитан Мегемет-Видаич с 6000 войском вступил в Сербию, стал лагерем на Салашском поле и отсюда производил разорительные набеги на окружающую местность. Поистинцы решили во что бы ни стало овладеть Шабцем, но отделаться сначала от Мегемета. Мачванский воевода Чупич вместе с геройским Катичем, потом Лукой Лазаревичем и Вуйцей во главе отряда в 2500 чел. пошли на Мегемета и, благодаря удачной тактике, совершенно разбили его и преследовали до Дрины. Вслед затем Яков Ненадович, возвратившийся из-под Белграда, вновь явился к Шабцу и сделал попытку взять крепость штурмом, но неудачно.

В прочих областях шла также деятельная работа по вытеснению всех еще оставшихся в разных пунктах турок и даже к распространению движения вне границ пашалыка. Радич Петрович делал набеги до Ново-го Визара в расчете вступить в связь с черногорцами; Милан Обренович вторгся в Боснию и поднял на оружие часть населения ее. Младен Милонович и Петр Добрияц овладели Крушевцем, Парачином и Алексинцем. Миленко Стойкович обеспечивал границу против Пасвана-Оглу и

овладел крепким островом на Дунае Поречем. Всеми этими действиями имелось в виду обеспечить себя от враждебных действий отдельно разбросанных турецких отрядов, чтобы иметь возможность сосредоточить силы, когда приблизятся главные силы обоих вали.

Наконец, по всей стране распространился слух о том, что боснийский визирь с огромным войском стоит уже у границы; передовой отряд под начальством Сирчича-паши уже перешел Дрину. Паника охватила все местное население, и отряды отдельных воевод стали разбегаться. Воеводы обратились к Кара-Джорджу с заявлением, что они не могут и пытаться меряться с огромными силами визиря, и просили его или лично прибыть или выслать войско. Кара-Джордже ответил, что ни сам прибыть не может, ни выслать войска, так как имеет много дел в своих юго-восточных областях, и рекомендовал им пуститься в переговоры с боснийским визирем и таким образом постараться оттянуть дальнейшее его движение. Стоял Чупич сообщил Якову Ненадовичу, что он советовался с 4 боснийскими бегами, и те посоветовали ему послать доверенных к визирю от имени всего сербского народа с выражением покорности и готовности принять податные листки для сбора харача с населения. Чупич и Матвей Ненадович отправились в турецкий лагерь, причем в обеспечение их личной безопасности четыре бега перешли к сербам в виде заложников. Командующий авангардом Сирчич-паша спросил, желают ли сербы уплатить харач, на что Матвей дал решительный утвердительный ответ. На вопрос, кого из пашей они желали бы при сборе подати, прота ответил, что именно его Сирчича, так как он имеет много райи в Боснии и знает, как надо обращаться с бедным народом. Сирчич был очень доволен таким ответом и побуждал его так и перед визирем говорить. Затем их пригласили в палатку визиря, окруженного несколькими пашами. После нескольких вопросов и ответов на них проты, гласивших, что сербы никогда и не думали восставать против султана, которому они желали и желают оставаться верной райей, а взялись за оружие только вследствие неслыханных насилий со стороны янычар, визирь сказал: «В таком случае вы должны принять списки и уплатить харач». — «Мы готовы уплатить харач», — отвечали депутаты, — «Кара-Джордже также уплатит?» — спросил паша. «Непременно, — отвечал прота, — и Кара-Джордже и прочие вожди и весь народ». — «В таком случае выберите себе пашу, который в сопровождении 60 турок объездит страну и соберет харач». Сам же визирь обещал распустить свое войско. Однако, депутатов скоро снова пригласили в палатку и объявили им, что условленное уже соглашение берет назад, намерен с войском двинуться на страну и предлагает им немедленно оставить лагерь. И действительно визирь со всем войском направился к Шабцу, предавая все на пути огню

и мечу и распространяя панику по всей стране; вооруженные отряды сербские не только разбежались, но сами воеводы должны были спасаться от своих же, так как пришедший в отчаяние народ считал их главными виновниками этих бедствий. В народе пронесся даже слух об измене Ненадовичей. Доставкой провианта в турецкий лагерь и оказанием разного рода услуг народ старался услужить туркам и умиловить их.

Одновременно с визирем подвигался в глубь страны и также к Шабцу с несколько меньшим войском, чем у визиря, Хаджи-бег со стороны крепости Сокола.

Между тем пронесся слух, что прибыл Кара-Джордже с отрядом в тысячу человек при двух пушках и остановился в Лайковце в сопровождении Милоша и Милана Обреновичей. Тотчас явился к нему Матвей, которого он принял безмолвно, бледный от гнева. После долгого молчания «где войско?» спросил его Кара-Джордже. Прота стал рассказывать ему, как войско все в панике разбежалось. «А где твоя лошадь?» — Только что прота стал рассказывать, где он оставил свою лошадь, как Кара-Джордже прервал его: «Я не о твоей кляче спрашиваю, а о том коне, которого ты получил вместе с 400 дукатов от визиря». Протоиерей стал тогда объяснять ему, что он от визиря ничего не брал, что ездил он к туркам, чтобы, как и было условлено, занять их переговорами; после чего, закрыв лицо руками, стал тихо плакать. Кара-Джордже, убедившись, что он введен в заблуждение, тотчас раскаялся в том, что обидел так сильно проту и, подозвав его, сказал, что он вовсе не хотел обвинить его в измене, а только рассердился за то, что столь опасную миссию взял на себя сам прота, а не поручил ее другому менее важному и необходимому лицу. Вслед затем Кара-Джордже разослал всем кметам и кнезам письма с извещением, что он прибыл в эту местность с 12-тыс. войском при 15 орудиях, и с частью этого войска в самом скором времени идет на Хаджи-бега, идущего с юга на соединение с боснийским визирем; приказывает немедленно поднять весь способный носить оружие народ и вести его к лагерю Хаджи-бега; послушникам грозил мучительной казнью и разъяснял, что вышлет тайных агентов, которые осмотрят все дома, убьют, кого найдут в них и сами дома сожгут. Письма эти произвели быстро свое действие. Когда Кара-Джордже выступил со своим небольшим отрядом к лагерю Хаджи-бега, то уже застал тут кнезов Кедича, Гирбовича, Недича и Пейю, расположившихся перед этим лагерем со своими отрядами на удачно выбранных позициях. Перед битвой вожди совещания решили, что ввиду большого неравенства сил исход ее очевиден, и что поэтому желательно, чтобы сам Кара-Джордже в ней не участвовал. Матвей взял на себя сообщить это Кара-Джорджу: «Господи (Господару)! все мы решили, что ты не должен управлять этой би

вой; потому что если Хаджи-бег наших побьет, то еще небольшая беда, так как все войско скоро соберется вокруг тебя. Если же он, не дай Бог, тебя побьет, тогда повсюду разнесется молва, что Хаджи-бег победил Кара-Джорджа, народ потеряет последнюю надежду и для нас тогда все пропало». — «Эй, прота, — отвечал Кара-Джордже, — ты прав, и все это я и сам отлично знаю; но тогда скажут также, что если Кара-Джордже на Хаджи-бега пойти не решился, куда ему браться за визиря и его огромное войско». Тут подступили все прочие кнезы и просили также Кара-Джорджа предоставить эту битву им и самому удалиться. Наконец, Кара-Джордже согласился и отъехал к Валеvu ожидать там исхода сражения. Руководительство боем взял на себя прота Матвей Ненадович. После ожесточенного боя, попеременно склонявшегося то на сторону турок, то на сторону сербов, проту удалось посредством ловкого приема вызвать замешательство у турок и принудить их к отступлению, вскоре, под влиянием преследования перешедшему в бегство. Хаджи-бег поспешно удалился в Боснию. Условленными пятью пушечными выстрелами Матвей извещил Кара-Джорджа об удачном исходе боя и получил от него распоряжение прибыть к нему в Белину с частью войск, так как другая часть имела остаться на месте для наблюдения за удаляющимся Хаджи-бегом.

Матвей застал Кара-Джорджа погруженным в крайнее огорчение; или слухи о том, что в битве под Дреном погиб его геройский товарищ Янко Катич. Вскоре в Белин прибыли войска Якова Ненадовича и подтвердили этот случай.

В то время, как главная турецкая армия с боснийским вали во главе подвигалась к Белграду, соединенные отряды Якова Ненадовича, Луки Лазаревича, Катича и кнеза Симы напали на отделившийся от нее отряд Гассана-паши под Дреном и совершенно разбили его; во время бегства этого отряда один старый турок был настигнут сербами из отряда Катича, крикнувшими ему, чтобы он сдавался. Турок пожелал узнать, кому он сдается, кто предводитель. Ему указали на Катича; тогда он со словами «хорошо, я сдаюсь» выстрелил в Катича и убил его наповал. Турка казнили. Сербы искренне оплакивали Катича; больше всех удручен был сам Кара-Джордже; он назначила Марка Катича, его брата, воеводой его отряда.

Между тем главное войско визиря, узнав о поражении Гассана-паши, не решилось продолжать путь к Белграду и возвратилось к Шабцу. К Кара-Джорджу в Белин стянулись все сербские отряды со своими воеводами во главе. Кара-Джордже выступил из Белина и 9 августа прибыл к деревне Мишар, в расстоянии одного часа от Шабца, и окопался в шанце.

10 августа часть турецкой армии два раза атаковала его шанец, но была оба раза отбита. 13 августа вся главная турецкая армия под предво-

дательством прославившихся своей храбростью боснийских бегов и а двинулась на шанец. Совершенная гибель грозила небольшому отряду сербов, окопавшемуся в шанце. Кара-Джордже, однако, объезжал свой лагерь, воодушевляя своих воинов и доводя их до состояния восторженного экстаза. Скрыв поблизости отряд конницы в 1 тысячу человек с поручением броситься на турок с тыла, как только они услышат пальбу из шанца, Кара-Джордже приказал отряду, окопавшемуся в шанце, спокойно с готовыми ружьями смотреть на приближающихся турок и не стрелять до тех пор, пока он сам первый не выстрелит. После продолжительной стрельбы, на которую сербы не отвечали, турки пошли на штурм и так как в шанце все было тихо и немо, то они уже подумали, что сербы бежали из него ночью. Когда передовые колонны были уже у самого шанца, раздался выстрел Кара-Джорджа и вслед за ним несколько залпов всего отряда; на землю попадали массы убитых и раненых турок; в то же время весь отряд из шанца бросился на турок в штыки, а сзади врезались в них, все ниспровергая на своем пути, тысяча всадников из засады; первый же момент битвы решил полное поражение визиря, отступившего после продолжительного сопротивления к Шабцу; предвидя бегство турок в Боснию, Кара-Джордже послал в Китогский лес воеводу Стояна Чупича с 2 тыс. человек для истребления бегущих, что действительно и произошло; турки большими отрядами оставляли главную армию, бежали к Боснии и на дороге все пропадали.

После битвы на Мишаре Кара-Джордже, передав командование Якову Ненадовичу, сам отправился к юго-восточной границе, к которой приближался румелийский вали Ибрагим-паша во главе 40-тысячной армии. Передовой 9-тысячный отряд турок под начальством Сакчи-паши уже вступил в Сербию, напал на Делиград, но наткнулся на столь энергичное сопротивление, что после 3-дневного боя принужден был отступить. Младен Милованович преследовал его до Ниша. Ибрагим двинулся со всей своей армией в середине сентября, когда Кара-Джордже уже успел сосредоточить 25-тысячное войско. Первому нападению турок подверглись Миленко Стойкович и Младен Милованович; бой продолжался с раннего утра до поздней ночи и остался нерешенным; Кара-Джордже оставался в резерве; на следующий день сербы выступили со всеми силами; после трехчасовой горячей битвы турки отступили в направлении к Нишу, оставив в руках сербов лагерь с пушками и богатой добычей. Вскоре затем Миленко прогнал вторгнувшееся в Сербию войско Пасвана-Оглу.

Так закончилась эта грандиозная кампания 1806 г. Опасность, угрожавшая гибелью начатому делу, была устранена на этот раз. Сербы ликовали благодаря этим успехам, слух о которых быстро разнесся по всем

сербским краям и наполнял сербские сердца радостной надеждой на возрождение сербства из Коссовской гробницы. Из следующей песни, возникшей в ближайших к Черногории округах Герцеговины, можно видеть чувства, воодушевлявшие тогда сербов.

*Пьет вино Шундич калугер (иеромонах)
 На Яворье, росистом лугу,
 С ним тридцать Морачан,
 Среди них три господских сына:
 Один Мина Радович,
 Другой поп Драгович,
 Третий Милетич Мият.
 Пьют вино, разговаривают, —
 Говорит Шундич калугер:
 «Братья мои и дружина дорогая!
 С тех пор как царство мы потеряли
 На Коссове, поле кровавом,
 Еще нас солнце не огревало,
 А ныне обогрело нас солнце:
 Войной пошел Петрович Джуро
 От Сербии, земли нашей славной,
 Захваты делает и рубит турок
 И царские присваивает города.
 А на Джюра турки ходили
 От всей Босны и Герцеговины,
 От Албании и от Румелии
 И от многих турецких городов.
 Сколько их к Джюру ни приходили
 И половина домой не возвращались,
 Всех растер в Сербии Джуро;
 А наконец и наши Колащинцы
 В Сербии изгibli турки.*

.....
*Но напрасно друзья мои дорогие,
 Когда лютая змея осталась,
 Лютая змея Джорджевич Мурат;
 И идет мощный Джорджевич
 На Морачу к Скадарскому визирю,
 Визирь давно принял его
 И великим агою назначил.
 Собирает Мурат войско по краю,*

*Хочет с войском на Сербию славную;
А мы измену Джюру учинили
И с Муратом в договор вошли, —
Коней седельных продаем,
На Сербию турок снаряжаем!
Братья мои и дружина дорогая!
Не родила ли мать юнака*

*.....
Чтобы завтра на гору пошел,
Чтобы Джорджевич Мурата убил*

..... и т. д.

В то время как происходили эти события в Константинополе сербская депутация в составе двух кнезов и некоего Петра Ичко вела переговоры о мире, окончившиеся, однако, полной неудачей вследствие подстрекательств Наполеона, побуждавшего Турцию не уступать сербам и начать войну с Россией (каковая в конце 1806 г. и воспоследовала).

В ноябре 1806 г. Кара-Джордже взял, наконец, штурмом город Белград; а в январе 1807 г. сдался и осажденный в верхней крепости Гушанц Али. 7 февраля 1807 г. сдался Шабац. В марте месяце Солиман-паша сдал верхнюю крепость сербам и выступил со всем гарнизоном в сопровождении сербского конвойного отряда к границе. Но невдалеке от города на него напали сербы из засады и всех изрубили; вслед затем подверглись истреблению и турки, оставшиеся в Белграде, как жители. Страсти народа разыгрались, долго сдерживаемая ненависть к своим притеснителям прорвалась наконец и вылилась в этом грустном виде.

В июне 1807 года взята была Ужица. Чтобы вступить в связь с русскими войсками, занимавшими Валахию, Кара-Джордже поручил Миленко занять Крайну и вытеснить из нее войска виддинского Молла-паши, премника Пасвана-Оглу; сербы в соединении с русским отрядом Исаева в 1500 чел. разбили Молла-пашу и вытеснили его из Крайны. (июнь 1807 г.).

Таким образом летом 1807 г. вся Сербия была в сербских руках, и успехом этим сербы обязаны были только самим себе. С этого времени начинается в Сербии русское влияние, поведшее к установлению протектората России, продолжавшегося до 1856 года. Сербы продолжали войну уже в союзе с русскими.

Осенью 1807 года, вследствие беспорядков в Константинополе, закончившихся убийством султанов Селима и Мустафы и восшествием на престол Махмуда, турки заключили перемирие с русскими, которое распространили и на сербов; на театре войны наступило затишье, продолжавшееся до начала 1809 года. Сербы задумали перенести войну вне их границ;

кнез Сима, занявший место раненого Якова Ненадовича, перешел Дрину, осадил Белину, Яню, Среберницу и Вишеград и, побив несколько турецких отрядов, проник в глубь Босны, поднимая народ на оружие.

На юго-западе Кара-Джордже перешел границу и вторгся в Новобазарский санджак; под Суводолом он столкнулся с турецким войском и, после жестокой битвы, разбил его совершенно; напал на Сеницу и разорил; осадив Новый Базар и Приеполе, прошел с войском до черногорских племен Васоевичей и Дробняков. Эти действия поражают своей грандиозностью и явно имели целью образование обширного сербского государства путем поднятия на оружие всей сербской райи.

Третье войско под начальством воеводы Милое Петровича, назначенного Кара-Джорджем, но совершенно неумелого, которого к тому же не признавали многие другие заслуженные воеводы, имело двинуться на Ниш. Между тем русские медлили с военными действиями, оставались в Валахии и продолжали свои военные приготовления. Поэтому нишский визирь задумал покончить с сербами, прежде чем русские начнут войну. Во главе огромной 80-тысячной армии он двинулся из Ниша на Сербию и 18 мая 1809 г. ударил на шанец при Каменице, занятый 3-тысячным сербским отрядом с ресавским кнезом Стеваном Синджеличем во главе. Несколько дней подряд турки возобновляли свои атаки, но безуспешно. Между тем вследствие раздоров в сербском лагере, Стеван Синджелич ниоткуда не получал помощи; турки по трупам своих впрягивали в шанец и тут схватывались с сербами врукопашную. Видя, что он шанца не удержит, Синджелич взорвал его на воздух вместе с собою и всеми сербами и турками, бывшими в шанце.

Заняв Каменицу, турки двинулись дальше в Сербию. Милое не решился сразиться с ними и, оставив многочисленные шанцы, отступил.

Кара-Джордже, узнав о несчастье на Каменице и о наступлении турок, оставил осаду Нового Базара, поспешно возвратился в Сербию, приказал кнезу Симе возвратиться из Боснии и Миленку оставить осаду Кдадова и вместе с русским 2-тысячным отрядом идти к Мораве; вместе с тем стал собирать новое войско, призвав к оружию всех способных носить таковое. На нижней Мораве расположил Младена Миловановича, кнеза Симу и Вуицу; сам он укрепился возле Ягодины. Турки между тем пробивались все дальше и заняли весь правый берег Моравы до Пожаревца. Русский консул Родофиникин не решался более оставаться в Белграде и переехал в Австрию; вместе с ним оставил Сербию воевода Петр Добрияц. В это время русские открыли военные действия (август 1809 г.), и великий визирь приказал главной массе турецкого войска идти в Болгарию и оставить в Сербии только Гушанца Али с 12-тыс. войском. Сербы ударили на Гушанца и разбили его. Тем временем боснийские турки, воспользовавшись тем, что все сербские войска были

заняты на востоке, перешли Дрину и осадили Лозницу, занятую отрядами воевод Антона Богичевича и Милоша Поцерца, уже с трудом выдерживавших неотступные атаки босняков. После поражения Гушанца часть сербского войска пошла на выручку Лозницы и, разбив под нею босняков, преследовала их до Дрины. Сербия вновь была свободна от турок.

Внутренние несогласия

Зимой 1809 года, по прекращении военных действий, Кара-Джордже созвал скупштину в Белграде; все воеводы явились на скупштину с многочисленными вооруженными отрядами; все обвиняли Кара-Джорджа в том, что он подчинился влиянию Младена Миловановича, председателя сената, и по его указанию назначил командующим моравским войском неспособного Милоя Петровича, по вине которого произошли такие несчастья в только что окончившейся кампании; особенно сильно нападал в скупштинах на Кара-Джорджа Яков Ненадович; сам Кара-Джордже не мог ему оппонировать, так как сознавал свою ошибку, и сказал Якову: «Хорошо, если он напортил, садись ты на его место и поправь».

Таким образом Яков стал председателем сената, из состава которого вышли Младен и некоторые другие сторонники Кара-Джорджа. Во время скупштины вооруженные отряды, наученные некоторыми воеводами, не желавшими признавать власть Кара-Джорджа, ходили по улицам города с криками «хотим царя» (Императора Александра). Беспорядки или угрожали совершенной гибелью начатому сербами делу; многие воеводы перешли в русский лагерь в Валахии и просили русского генерала содействовать сохранению ими своей власти и ограничить власть Кара-Джорджа. Краинский воевода Миленко отказал Кара-Джорджу в покорности, но вскоре принужден был силой покориться ему.

Воевода Петр Добриная явился в русский лагерь, представился, как уполномоченный всего сербского народа, возбуждал русских против Кара-Джорджа; а сербам послал извещение, что от русских они до тех пор не получают помощи, пока не сменят главного вождя и весь сенат.

Русско-сербская кампания 1810 года

Наступило лето 1810 года. Русское войско готовилось к кампании. Вновь назначенный главнокомандующий генерал Каменский издал прокламацию к сербскому народу, назвав его русскими братьями по вере и крови и, призывая их к войне с турками, убеждал их прекратить споры и подчиниться Кара-Джорджу, которого назвал верховным вождем сербского народа.

Вскоре начались военные действия. Сербы в союзе с русскими овладели Неготином и осадили Кладово.

Турки решили покончить с сербами, чтобы иметь возможность направить все силы на русских и двинуть на последних и свои боснийские войска. Сам великий визирь Хуршид-паша ударил на Сербию со стороны Ниша и, осадив Делиград, направился к Крушевцу. Кара-Джордже вызвал из Крайны Петра Добриньца со всем его войском и с русским отрядом. На варваринском поле Кара-Джордже стал против Хуршид-паши, который тут проиграл битву и отступил к Нишу.

В то же время из Боснии вступило в Сербию огромное турецкое войско (40 тыс.) и, осадив, Лозницу, в течение двенадцати дней штурмовало ее. Лозницкий воевода Антон Богичевич уже изнемогал и готовился сдать Лозницу, когда наконец прибыли на выручку Кара-Джордже из-под Варварина со всем своим войском и с русским отрядом, поп Лука Лазаревич из Шабца и Яков Ненадович из Валева. Начался бой, продолжавшийся два дня; турки, наголову разбитые, бежали в Боснию, преследуемые сербами.

После боя у Лозницы, русский отряд удалился из Сербии. Кладово сдалось сербам. С наступлением зимы заключено было перемирие между воюющими сторонами. Так благополучно закончился для сербов и 1810 год. Сербь не только не допустили турок в свою землю, но еще овладели частью земель соседних пашалыков — виддинского и нишского.

Внутренние дела

Соперничество воевод с Кара-Джорджем не только не прекратилось однако, но еще более обострилось; они беспрестанно старались дискредитировать его в глазах русских, и когда они полагали, что уже достаточно возбудили русских против Кара-Джорджа, они постарались о том, чтобы небольшой русский отряд прибыл на зиму в Белград.

Об интригах своих противников Кара-Джордже получил точные сведения от попа Луки Лазаревича и писаря Миленкового Лазаря Войновича. Он решил тогда вполне реорганизовать страну и лишить могущественных воевод силы и значения. С этой целью он разделил землю на целый ряд малых воеводств и назначил в них воеводами, кроме прежних великих воевод, еще новых, уравнив первых с последними. Он учредил шесть министерств для управления землей; собрание министров составляло Совет, в котором председательствовал Кара-Джордже. Скупщина 1810 г. поклялась в верности Кара-Джорджу и постановила изгнать из земли всех противящихся ему.

Противники Кара-Джорджа прибыли в Белград после этих постановлений. Яков Ненадович согласился стать министром; Миленко же и Добриняц не желали признать Кара-Джорджа и повиноваться ему, почему были изгнаны из страны; оба удалились в Россию.

Война России и Турции между тем продолжалась, но без активного в 1811 г. участия сербов. Летом 1811 г. турки (Хуршид-паша) предложили сербам мир под условием полного самоуправления и признания Кара-Джорджа князем Сербии; и требовали при этом свободного пропуска через Сербию боснийской армии для участия в войне с Россией. Сербам этого последнего условия не приняли и ответили, что они отдельно от русских мира заключать не будут и согласны будут на то, что между собою уговорят оба царя (1811 г.).

Букарестский мир 1812 г.

Опасность, грозившая самой России от Наполеона, побудила русское правительство предложить мир султану, каковой и был подписан в Букаресте 28 мая 1812 г. В договоре было упомянуто и о сербах: султан должен был объявить амнистию сербам за их восстание против него и за участие их в войне; с другой стороны, турки оговорили, что имеют право занять войсками все города и местечки.

Султан был, однако, крайне недоволен заключением мира, так как находил, что в тех затруднительных обстоятельствах, в которых оказалась благодаря походу Наполеона Россия, он мог бы заключить более выгодный мир; свое недовольство он выразил тем, что отрешил от должности великого визиря и уполномоченных, подписавших Букарестский договор. Но во всяком случае он решил восстановить старое положение дел в Сербии и возвратить уже восемь лет стоящий против него с оружием в руках сербский народ в прежнее состояние раи. Турки потребовали от сербов полной покорности и сдачи всего оружия.

Зимой 1812 г. Кара-Джордже созвал скупшину, на которой решено было не покоряться туркам и возобновить войну, если путем переговоров не удастся ее предотвратить. Весной 1813 года они отправили к туркам депутацию для переговоров; они требовали, чтобы никакие турки, за исключением царского войска, не возвращались в Сербию. Турки на это условие не согласились, и обе стороны стали готовиться к войне.

Погром 1813 года

9 апреля Кара-Джордже собрал в Ягодине военный совет, на котором обсуждался план предстоящей кампании; 21 июня издал прокламацию к народу, призывая его к народной святой войне и затем распределил войско: у Делиграда поставил Младена Миловановича с 18-тыс. войском, на Дрине кнеза Сима Марковича с 16 тыс., в Крайне гайдук-Велька с 7 тыс. и у Карановца Плякича с 11 тыс. Сам Кара-Джордже с отрядом в 1500 чел. остался в резерве в селе Тополе.

Вскоре турки ударили с трех сторон. Виддинское 60-тыс. войско ударило на Велька под начальством Барьям-паши и окружило его в Неготине; Велько отчаянно защищал свой шанец, ежедневно в течение 15 дней бросаясь в самую середину турецкого войска; под конец у него вышли все снаряды, и он заряжал ружья золотыми червонцами; одно из турецких ядер разорвало его пополам и с криком «держитесь» он упал мертвый. Его отряд под начальством его брата Милютина оставил Неготин и отступил в глубь страны. Крайной овладели турки.

Боснийское войско, овладев после упорного сопротивления небольших гарнизонов Лешницею и Лозницею, подступило к крепкому панцу в Равне, занятому воеводами Милошем Обреновичем, Стояном Чупичем, протой Ненадовичем и Симой Катичем. Тут развился целый ряд ожесточенных битв, продолжавшихся 17 дней и ночей; сербы должны были очистить шанец и отступить. Турки двинулись к Шабцу. Кара-Джордже больной лежал в Тополе. Получив известия о событиях, он отправился к Шабцу, сделал нужные распоряжения для обороны его и выехал в Белград. Тут он получил известие и от Младена, что он, не решаясь принять битву с 130-тыс. войском турок, отступает к Парачину. Кара-Джордже отправился в лагерь на Мораве и на следующий день возвратился обратно в Белград. Турки между тем быстро подвигались вперед. 21 сентября Кара-Джордже со всеми почти воеводами и с русским консулом Недобой оставил Сербию. Турки вскоре заняли Смедерево и Белград без сопротивления. Наконец пал Шабач. Так пала Сербия и население ее вновь обратилось в раю.

Время турецкого ига

Было бы весьма любопытно разобрать причины этого явления, так как турки добились столь большого и столь быстрого успеха без особенных усилий и без особенно больших битв. Эта причина по-видимому лежит в отсутствии единства среди воевод, взаимном соперничестве их. Как бы там ни было, но главные воеводы оставили Сербию и осудили себя на безутешное скитание по чужим землям. Каждый из них желал быть первым в своей стране, и стал последним в чужой; они попали в австрийские тюрьмы, откуда, спустя год, по ходатайству императора Александра I им предоставлено было выселиться в Россию; они переселились в Хотин; тут русское правительство назначило им пенсии. Овладев Сербией, Хуршид-паша стремился установить законность и порядок и старался взять для сего в помощь кого-нибудь из народных вождей. Наиболее известным из числа последних был Милош Обренович, не желавший уходить в Австрию, куда приглашал его Яков Ненадович.

Милош сдался Али-аге-Серчесме, который затем в сопровождении его, с отрядом в 2 тыс. человек, объезжал всю страну и успокаивал народ. Положение в стране было удовлетворительное, и сербы стали возвращаться в свои деревни и приводить в порядок свои дела.

Но вскоре Хуршид-паша был отозван из Сербии, и белградским визирем назначен был Сулейман-паша из Скопья, задумавший обеспечить себя от возможности нового восстания и с этой целью отобрать оружие от народа. Отсюда начались разные притеснения и грабежи; народ взбунтовался в одном из округов, под предводительством воеводы Продана, но движение вскоре утихло, когда в народе стало известным, что Милош Обренович не одобряет его; Продан бежал в Россию и поселился также в Хотине. Паша решил схватить и истребить всех более видных людей, что он и исполнил в больших размерах и собрался, наконец, схватить и Милоша. Народ тайно готовился снова поднять оружие. На совещании в селе Рудовцах решено было восстать и посланы были люди в Срем сообщить об этом тем, которые туда выселились (февраль 1815 г.). Сулейман узнал о совещании в Рудовцах и энергично принялся за отобрание оружия и за истребление более видных людей. В числе прочих был умерщвлен воевода Станое Главаш. Смерть Главаша произвела большое впечатление на народ. «Теперь твоя очередь», — сказали турки Милошу. Но Милош под каким-то предлогом отпросился у паши на несколько дней домой, — он более к папе не возвращался.

Восстание 1815 года под Милошем Обреновичем

В Лазареву субботу 11 апреля 1815 г. Милош в селе Такове объявил народу, что и он теперь согласен на восстание против турок. Народ с воодушевлением принял это заявление и поклялся в верности Милошу. Одевшись в свою воеводскую одежду, Милош вынес знамя к народу и сказал: «Вот вам я, а вот и война с турками».

Тотчас народ стал собираться в вооруженные отряды. Милош разослал письма по всей стране, призывая народ к оружию.

Первым столкнулся с турками Арсений Лома, воевода из Рудницкой пахии.

Сулейман-паша, узнав о возникшем движении, послал своего помощника (киайя) с 13-тыс. войском, чтобы потушить восстание в самом начале. Милош укрепился на Любичской горе, где Киайя напал на него, но принужден был отступить. Сербы возвели еще один шанец у Чачка и поставили две пушки в нем, которые доверили некоему Танасию Ранчу.

Отряженный Киайей отряд турок для рекогносцировки и для занятия дороги к Новому Базару (предусмотрительность эта показывает, что Киайя был очень озабочен и уже предпринимал меры к спасению бег-

ством) был настигнут воеводой Аврамом Лукичем и разбит наголову. Между тем Милош выехал из лагеря, чтобы собрать больше войска по стране. Турки, пользуясь отсутствием Милоша, напали на лагерь сербов, разбили их и разогнали, и после упорного сопротивления Танасия Раича, убитого во время свалки, овладели обеими пушками. Вскоре возвратился Милош с собранным им войском и вновь утвердился на Любиче. Видя, что восстание повсюду разгорается, и что к Милошу подходят все новые отряды, Киайя не решался более оставаться в середине страны, справедливо опасаясь, что ему будут отрезаны все пути; считая, что дорога в Белград уже непроходима, он направился на юг по направлению к Новому Базару; но на дороге его нагнал Милош и окружил со всех сторон. Скоро битва перешла в истребление турок, искавших спасения в диком бегстве. Сам Киайя-паша погиб в битве.

События эти увековечены народом в прекрасной песне, передающей их с исторической верностью; мы приведем здесь часть ее.

Восстание Князя Милоша на турок

*Полетели два черных ворона
От Сербии, земли знатной,
И Моравы, воды бурной,
С купола церкви Неманичей —
Свратицимира, старинного бана,
Всей моравской земли государя.
Пролетели обширное Драгачево
И гористую Ужицкую нахию,
Направились к крутому Влаху Старому,
Пока к Дрине бурной не пришли,
Дрину бурную миновали,
Всю каменную Босну пролетели,
Пока не прибили к Скоплю на окраине,
Тут вьются от дома до дома,
Ища дома наши Киайя-паши,
Севши на дом, тотчас закаркали;
То из дома услышала Киайя-пашиница,
Она вышла из белого дома
И так им стала говорить:
«Зло вам на голову, вы птицы черные!
Мало ли вам боснийских гор
И по Скоплю белых домов,
Чтобы вам усталые крылья успокоить?»*

Но как раз мой вы выбрали дом,
Беду накликаете на господина моего,
Что в Сербии пашой Киайя-пашой».
Ей отвечают обе птицы черные:
«О госпожа, Киайя-пашиница,
Мы если и сели на дом,
То не с злорадством это делаем,
Но мы важную весть принесли».
— «О ради Бога, вороны черные!
Вы откуда утром полетели?
Не из Сербии ли земли?
Не знаете ли чего про господина моего,
Что в Сербии паша Киайя-паша?
Уже в Сербию землю сошел ли он?
Землей паша овладел ли
И много ли рабов захватил?
Воевод он сербских схватил ли,
Имуществом их овладел ли,
Сербию землю успокоил ли?
Скоро ли в Скопле на окраину вернется
И приведет рабынь молодых?»
Но взгляни на две птицы черные,
Одна каркнула, другая сказала:
«Слышишь, госпожа пашиница!
Мы бы рады добра рассказать,
Но добра, госпожа, мы не слышали,
И утром рано полетели „
От Сербии земли знатной „
И Моравы воды бурной,
С купола церкви Неманичей,
С пашиной белой мечети
И видели господина твоего
В Сербии пашу Киайя-пашу,
И счастливо выиграл паша.
И землю, госпожа, успокоил
И с Милошем в согласии был».
Когда госпожа птиц выслушала,
С благодарной молитвой к Богу обратилась,
И побежала в белый дом,
Ибо там у нее двое бегов сидели,
Чтобы и им хорошую новость сказать, —

Конные на коней посадились,
 А пешие ружья схватили,
 На сербское войско напали;
 Славная удача случилась паше;
 Вот сербское войско разогнал он
 И пушки большие отнял,
 Несколько голов срубил
 И благополучно в Чачак вернулся».

Когда госпожа воронов выслушала,
 От радости скачет по двору;
 Ей говорят два черных ворона:
 «Постой, госпожа, сейчас будет и беда!
 На третий день паша вновь поднялся;
 На Милоша войско поднял;
 Но где счастье, тут и несчастье;
 Выждал Милош его у Моравы

.....
 Когда это услышала Киайя-пашиница,
 Люто клянет она обеих птиц:
 «Так дай же Бог, вам вороны черные, —
 Темные бы вам ваши крылья отпали,
 Ими бы вам уже не летать,
 И вестей по Босне не разносить».

Так сказала им, в дом убежала,
 Ей говорят два ворона черных:

.....

Турки вслед затем разбиты на Палеже, взяты с боя после ожесточенного приступа Ужица и Пожаревац, сдалось Смедерево. Вся страна вновь была очищена от турок, загнанных в крепости.

Между тем на Сербию надвигались громадные турецкие армии: Хуршид-паша от Босны, Адем-паша от Албании и Нового Базара, Марашли-Али-паша от Ниша. Карановац сдался Милошу, причем он отпустил весь гарнизон к Адем-паше с подарком и с просьбой, чтобы он, его старый друг, не нападал на сербов, поднявшихся затем только, чтобы оборониться от своих злодеев. Адем-паша ответил письмом, в котором благодарил за подарок и заявлял, что не будет трогать сербов.

От Карановца Милош направился к Дрине, чтобы встретить Хуршид-пашу; часть войска последнего под начальством никшичского паши Али-Мараша вступила в Мачву и тут окопалась. Милош беспощадным штурмом взял шанец и изрубил почти весь этот отряд. Сам Али-Мараш попал

в плен. Милош принял его с почетом, как гостя, и объяснял ему, что сербы поднялись не на султана, а на своего злодея Сулеймана-пашу. Марашли-Али-паша обещал убедить Хуршид-пашу прекратить наступление и начать переговоры. Хуршид потребовал от Милоша сдачи оружия, на что тот ответил, что он ни над чьим оружием не господин и этого сделать не в состоянии. На том и закончились переговоры. В это время подступил к границе со стороны Ниша румелийский вали Марашли-Али-паша. Этот немедленно сам начал переговоры с Милошем. Условились на том, что Милош пропустит визиря в Белград с 8-тыс. войском, все же прочие турецкие войска отойдут от Сербии. Тотчас по прибытии в Белград, Марашли-Али-паша стал требовать сдачи оружия, на что Милош ответил, что он этого сделать не в состоянии и что это вообще не легко пойдет. Марашли, отпуская Милоша, сказал: «Слушайте вы только султана, а там, если хотите, хоть пушки напавивайте за поясом».

Милош учредил в Белграде народную канцелярию из 12 кнезов как верховный суд для более важных преступлений. Спахиям дозволялось один раз в год приезжать в свои села для сбора своих доходов.

Милош настаивал на том, чтобы договоренные им с Марашли-Али-пашой условия были утверждены царским фирманом.

В это время по всей европейской Турции образовались комитеты греческого революционного общества гетерии, имевшего целью освобождение греков от турецкого владычества и основание Греческой империи. Гетерия, бывшая между тем весьма не прочь вынимать жар из огня чужими руками, задумала так повести дело, чтобы первые действия, имеющие в виду означенную цель, взяли на себя сербы, были бы первыми застрельщиками в проектированной ею грандиозной борьбе. Они уговорили поэтому Кара-Джордже возвратиться в Сербию и поднять сербов на оружие. Кара-Джордже, действительно, прибыл в январе 1817 г. и остановился в Смедереве у своего родственника Вуицы Вуличевича, смедеревского кнеза. Марашли-Али-паша пригрозил Милошу 50-тыс. войском, если тот не доставит ему голову Кара-Джорджа; в свою очередь и Милош имел все основания опасаться далеко не потухшей в Сербии популярности ее первого великого вождя; по его приказу Вуица распорядился убить во время сна первого сербского верховного вождя (13 июля 1817 года). Голова Кара-Джорджа, доставленная Марашли-Али-паше, отправлена была последним в Константинополь, где была выставлена на стенах сераля с надписью: «Это голова разбойника Кара-Джорджа».

Князь Милош Обренович I (1817—1839 г.)

Созванная Милошем в ноябре 1817 г. скупштина провозгласила его верховным князем сербским с тем, чтобы княжеское достоинство было наследственным в его роде, и принесла присягу верности ему.

Милош переместил свою резиденцию в Крагуевац и стал совершенно независимо управлять Сербией. Но султан еще не утвердил Милоша князем и вообще весь его договор с Марашли-Али-папой не был еще утвержден. Милош настаивал на утверждении. В Турции между тем происходили большие замешательства; восстал против султана янинский папа Али-Телебенли, восстали греки и начали свою продолжительную войну за независимость. Россия заявляла султану требование исполнить букарестский договор и приняла угрожающее положение. При таких обстоятельствах турки сильно были озабочены положением, которое примут сербы. Вследствие чего султан издал фирман, коим рассчитывал удовлетворить сербов и обеспечить себя с этой стороны. Фирман этот утверждал за сербами следующие права: 1) султан утверждает Милоша верховным князем; 2) сербы платят султану определенную дань; 3) никаких чиновников турецких в Сербии не будет; 4) сербы — турецкая рая и поставляют все нужное для войск, которые будут проходить через Сербию; 5) сербы обязываются не требовать более никаких прав.

Сербы отказались принять этот фирман, и Милош послал в Константинополь депутацию для дальнейших переговоров с турками, но последние, раздраженные восстанием греков и полагая, что сербы состоят в тайном соглашении с ними, арестовали депутатов (1821 г.). Белградский папа интриговал против Милоша и поднимал против него бунты в стране.

Положение вещей в Турции между тем все более усложнялось. Император Николай неотступно настаивал на исполнении букарестского договора; аккерманской конвенцией 1827 года точнее обозначены права сербов, подлежащие утверждению султана. Обо всем этом Милош доложил скупшине 1828 года, которая вновь подтвердила свое желание, чтобы князем сербским был Милош и вновь поклялась в верности ему: дело в том, что на аккерманской конвенции имя Милоша не упоминалось, и упоминалось только о праве сербского народа выбирать для своего внутреннего управления кнезов.

Русско-турецкая война 1828—1829 г., в которой Милош хотя и не пропускал босняков через Сербию, но отправлял туркам провиант, закончилась адрианопольским миром, в котором статья, трактовавшая о сербах, оговаривала для них известные права, но также игнорировала существование Милоша, как князя сербского. Поэтому скупщина 1829 г., на которой Милош прочел ту статью адрианопольского трактата, которая касалась сербов, вновь провозгласила Милоша князем сербским и поставила просить султана об утверждении его наследственным князем сербским. Гаттишперифом 1830 года султан утвердил Милоша наследственным князем сербским.

Милош организовал армию, стал строить школы и церкви, поставил сербских архиереев вместо греков.

Гаттишериф 1830 г. точно определял территорию Сербии, но некоторые области у границы были фактически заняты соседними пашами, не желавшими передать их Милошу, несмотря на частые напоминания последнего; тогда Милош в 1833 г. силою овладел ими, о чем доложил как Императору Николаю, так и султану. Вследствие этого назначена была русско-турецкая комиссия, точно обозначившая на месте границы Сербии. Заметим, что по Ункиар-Скелесскому договору 1833 г. Турция поставила себя под покровительство России и признала за последней право вмешиваться в ее внутренние дела.

Отсутствие законов в стране и самовластие Милоша во внутреннем управлении вызвали большое недовольство им в народе. По просьбам многих противников Милоша, турецкое правительство по соглашению с Россией издало в 1838 году устав, коим должен был руководствоваться князь при управлении страной. Издание этого устава несколько не остановило распространения недовольства народа князем. Движение против князя разрасталось и достигло таких размеров, что Милош отказался от власти в пользу своего старшего сына Милана и выехал из Сербии 1 июня 1839 г.

Старший сын его **Милан Обренович II** был болен в момент выезда Милоша и умер 26 июня того же года.

Княжеская власть перешла в руки наместничества (1839—1840); князем провозглашен был второй сын Милоша Михаил, хотя были лица, на это не согласные и желавшие видеть на княжеском престоле кого-то другого.

Князь **Михаил Обренович III** (1840—1842) также недолго был у власти. Внутренние раздоры, сообщившиеся и народу, принудили и его отказаться от власти, несмотря на то, что вожди возникшего движения уверяли, что они поднялись не лично против него. Образовавшееся временное правительство избрало князем Александра Кара-Джорджевича.

Князь Александр Кара-Джорджевич (1842—1858 г.)

Смуты, приведшие Александра на княжеский престол, еще долго продолжались. Состояние вещей было вообще ненормальное, так как позднейшие события показали, что в народе отсутствовало понятие о законности этого княжения. Во время Александра сербы принимали деятельное участие в революции венгерских сербов 1848 года. Александр выказывал себя очень предупредительным по отношению к Порте, отличался бесхарактерностью и вообще давал туркам повод вмешиваться во внутренние дела сербов. Народ был недоволен князем. В его правление произошла крымская война; по парижскому миру 1856 г. Россия вовсе отказалась от покровительства Молдавии и Валахии, все же прочее христианское население Турции было поставлено под покровительство всех великих держав.

Созванная в 1858 году скупщина потребовала отречения князя от власти. Александр потребовал несколько времени на размышление, и 10 декабря ушел в крепость под покровительство паши Киамиль эффенди. Скупщина заявила, что князь этим шагом лишил себя права на сербский престол, и провозгласила престол вакантным. Вместе с тем она послала депутацию к князю Милошу в Валахию с просьбой возвратиться в Сербию и вновь занять престол. Турки после некоторых колебаний признали Милоша князем.

Милош управлял Сербией от 1858—1860 г. В 1860 г. он умер в Топчидере.

Князь Михаил Обренович III (1860—1868 г.)

На скупштине 1861 г. Михаил добился отмены несменяемости сенаторов и усилил княжескую власть. Возникшие в 1862 г. беспорядки в Боснии и Герцеговине вызвали сильное возбуждение в Сербии; турки обвиняли сербов в поддержке повстанцев и двинули войска к границе Сербии; сербы стали энергично готовиться к сопротивлению. Вскоре движение в Боснии улеглось; но раздражение турок и сербов не унималось и разразилось в 1862 г. бомбардированием Белграда белградским Ашир-пашой. Только благодаря особым усилиям со стороны консулов и правительства дело не дошло до непосредственного столкновения между враждующими сторонами. Собравшаяся по этому поводу конференция великих держав в Константинополе постановила, чтобы из Сербии вовсе были удалены все турки, и только в крепостях оставались бы необходимые гарнизоны. В 1867 году Михаил добился и передачи крепостей сербам. Таким образом в 1867 году Сербия совершенно очистилась от турок.

Все эти успехи обеспечивали Михаилу любовь народа. Тем не менее были люди, чего-то хотевшие, чем-то недовольные; чего они хотели, чем были недовольны — это не выяснено в точности. Как бы там ни было, но князь Михаил 29 мая 1868 г. был убит заговорщиками в Топчидере, вблизи Белграда.

Князем провозглашен был Милан Обренович, внук Ефрема, брата князя Милоша. За его малолетством страной управляло в течение 4 лет наместничество.

Князь Милан Обренович IV (1872—1882 г.)

В 1875 г. в Герцеговине возникло восстание, вскоре распространившееся в Боснии и вызвавшее крайнее возбуждение в Сербии и в Черногории. В июне 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции. Сербы после упорного сопротивления были побеждены; по настоянию России

заключено было перемирие, а затем после долгих переговоров и мир на условиях, как до войны. Переговоры с Черногорией затянулись, и война с ней и Турцией возобновилась.

Между тем Россия также объявила войну: война велась ею в союзе с Румынией, Черногорией, а после взятия Плевны и с Сербией. Сербия и Черногория приобрели несколько земель и признание их независимости. Главным же результатом этой войны было образование болгарского княжества и занятие Австрией Боснии и Герцеговины в 1878 г.

В 1882 г. скупщина провозгласила князя Милана королем Сербии.

*Печатается по изданию:
Д. Войнович. История сербского
народа. Одесса, 1903.*

А.Л. ПОГОДИН

ИСТОРИЯ СЕРБИИ

ГЛАВА I

Общий очерк современных Сербии и Болгарии. — Славянское племя на Балканском полуострове до образования государств. — Географические условия, в которых развилась сербская и болгарская история

Балканский полуостров населен в настоящее время турками и другими тюркскими племенами, греками, албанцами, несколькими мелкими племенными группами румынского происхождения и, наконец, славянами. Эти последние занимают княжество Черногорское и королевства Сербское и Болгарское; в состав последнего входит и Восточная Румелия, представлявшая юридически до недавнего времени лишь турецкое генерал-губернаторство; славяне также составляют население или часть населения в некоторых провинциях Австро-Венгрии и Османской империи, лежащих на Балканском полуострове. Именно, население Боснии и Герцеговины, двух провинций, оккупированных в силу Берлинского конгресса Австро-Венгрией, но в сентябре 1908 года манифестом императора Франца-Иосифа присоединенных окончательно к этой империи, состоит из сербов, которые занимают и так называемую Старую Сербию, одну из провинций Османской империи. К юго-востоку отсюда тянется по направлению к Эгейскому морю Македония, которая сыграла такую видную роль в Восточном вопросе; жители ее признаются болгарами за болгар, а сербами за сербов; сами себя они признают в большинстве случаев за болгар, с которыми поддерживают ближайшие культурные и политические отношения. По переписи, произведенной 31 декабря 1905 года, население Сербского королевства равняется 2 688 747 человек, причем мужчин на 80 тысяч больше, чем женщин; в городах, которые очень невелики, живет всего 408 тысяч человек; остальное население раскинуто по деревням, где ведет местами еще весьма патриархальный родовой образ жизни, хотя число задруг в общем невелико. По данным того же статистического сборника, из которого мною взяты вышеприведенные цифры, во всей Сербии к 1900 году уцелело не более 176 задруг, насчитывающих более 30 членов, и 366 таких задруг, в которые

входило от 26 до 30 задругарей. При этом, однако, характерно, что число таких крупных задруг не только не уменьшилось за последнее десятилетие, а, наоборот, возросло: народ все же относится несочувственно в распадению задружного быта, сохраняет привязанность к самой форме такого быта и охотно заводит новые задруги, но уже на экономической основе, в форме коопераций и товариществ. В истории сербского народа задруга сыграла очень видную роль, почему и необходимо будет в дальнейшем изложении не раз еще возвращаться к ней. В национальном отношении Сербское королевство обладает весьма чистым населением: 92 процента всех жителей королевства признают своим родным языком сербский, около 4 процентов — румынский. Остальные национальности представлены в десятых долях процента. Статистика религий дает еще более однообразную картину: 98,70% исповедует православие, тогда как число турок-мусульман выражается в процентном отношении всего 0,12. Таким образом, современная Сербия не знает ни национального, ни религиозного вопросов, и от турецкого элемента, довольно многочисленного в Сербии до ее освобождения, теперь не осталось почти никакого следа, за исключением массы турецких слов в современном сербском языке, кое-каких обычаев и влияния на образование антропологического типа населения. При этом, по свидетельству известного сербского географа Цвијича, западная Сербия, вместе с Боснией, Герцеговиной и Черногорией, представляет наиболее чистую этнографическую область, которая давно уже пережила период ассимиляции славянских пришельцев с туземными племенами фракийцев и никогда не видела в своих границах значительных поселений турок, греков или румын. Восточная часть Сербии была более подвержена турецкому племенному влиянию.

По роду занятий население современного Сербского королевства представляет картину весьма малой дифференциации: земледелием и скотоводством занято свыше 84 процентов жителей, фабричная же промышленность находится в зародыше, интеллигенции мало, и почти вся она состоит на государственной службе, причем в силу парламентарного строя, связанного с обычаем менять вместе с кабинетом министров и весь состав бюрократии, в зависимости от принадлежности его к той или другой партии, весьма много лиц находится в отставке, получает сравнительно большие пенсии и этим сильно отягощает народный бюджет. Многое в современном положении Сербии находится в состоянии переходном или едва намечено. Европейские вкусы небольшой группы лиц и полная первобытная патриархальность народных масс, сильное тяготение интеллигенции на запад и глубоко укоренившаяся в массах привязанность к России: таковы те контрасты, которые поражают в современной жизни сербов. Чтобы понять их, необходимо знать историю королевства. В настоящем очерке нет возможности подробно останавливаться на истории тех

сербов, которые поселились в Боснии и Герцеговине, в Черногории и в Австрии. Приходится ограничиться лишь указаниями на древнее распространение сербского племени на Балканском полуострове, рассмотреть древние судьбы западного сербства и затем остановиться на истории той части его, которая заселила нынешнее сербское королевство. В этих пределах более или менее развернулась государственная история сербского народа отдаленных времен, как и в эпоху наибольшего процветания самостоятельного сербского государства.

Что касается другого из славянских королевств Балканского полуострова, Болгарии, то и здесь мы наблюдаем то же смешение культуры с патриархальностью, ту же неустановленность культурных отношений. По размерам своим, как и по числу жителей, Болгария представляет государство более значительное, чем Сербия. Официальная статистика, основанная на переписи населения 31 декабря 1900 года, определяет число жителей Болгарии в 3 774 283 человека, причем число турок невелико (531 240). За турками следуют другие этнические элементы: цыгане, составляющие 2,39% всего населения Болгарского царства, румыны, греки и евреи, причем Болгары представляют 77,3% всего населения царства, турки 14,19%, цыгане, как указано, 2,39%, а остальные народности значительно меньше. И здесь, таким образом, национальное и религиозное единство нарушается в незначительной степени. Многочленные семьи, хозяйства, *домакинства*, как их называют болгары, еще до сих пор встречаются довольно часто; по данным 1900 года, таких хозяйств, в которых жило 10 и более членов вместе, во всей Болгарии было около 50 тысяч. Здесь эти домакинства возрастают в числе, и в то время, как в 1892 году они составляли 7,33 процента всех семей, через восемь лет процентное отношение возросло до 7,44, или в прямых цифрах: в 1887 году таких многочленных семей было 42 244, в 1892 году 42 491, а в 1900 году 49 498. Значит, в массе народа тяготение к задружной форме хозяйства не только еще существует, но цифровые данные указывают как бы на прибыль таких задруг. Подобно Сербии, и Болгария остается еще земледельческим государством, в котором рабочий класс совершенно теряется среди земледельческого. Однако, в области промышленности Болгария значительно перегнала свою соседку. Кожевенное, мыловаренное производства, обработка шерсти, пивоварение достигают здесь уже известного развития, главным образом, благодаря усиленному содействию правительства, стремящегося ввести Болгарию возможно скорее в круг промышленных государств. Это стремление приобщить болгарский народ к семье европейских культурных народов составляет одну из характерных особенностей как правительства, так и интеллигентных классов Болгарии. Болгары во многом отличаются от своих соседей, сербов, и обладают несомненным государственным чутьем, которое проходит крас-

ной нитью через всю их историю. Как сербы в силу географических условий, о которых речь будет ниже, тянули на запад, к Австрии и Италии, так болгары тяготели на северо-восток, к России. Таким образом, в истории двух соседних балканских государств наблюдается с древнейших пор антагонизм, который не прекращается и до наших дней. Этот антагонизм сводился к соперничеству из-за первенства на Балканском полуострове, приводил в XI, и в XIX веках к войнам, а теперь выражается всего ярче в борьбе из-за Македонии, которую каждый из этих народов считает своим историческим достоянием.

Что касается положения славян в провинциях Австрии и Турции, то оно повсюду очень тяжело; Старая Сербия скоро лишь по названию будет Сербией, славянское население ее вырезано или вытеснено албанцами и турками; в Македонии до недавнего времени, до эпохи освободительного движения в Турции, участь славян была крайне трудна и тяжка; сербская и болгарская пропаганды изнуляли их в высшей степени: поля тех, кто склонялся на сторону сербской пропаганды, истреблялись болгарскими четами, и наоборот. Наконец, турки довершали остальное. Нечего и говорить, что при таком положении вещей ни об экономическом, ни о политическом подъеме населения не может быть и речи. В Боснии и Герцеговине славянство не могло развиваться под бдительным оком австрийской власти, которая очень несочувственно относилась ко всем проблескам национального самосознания среди сербского населения. Численность славян в Македонии, Старой Сербии, Боснии и Герцеговине составляла к концу XIX столетия, по вычислениям проф. Нидерле, около 3 миллионов человек. Если присоединить к этому числу около 200 тысяч черногорцев, то приблизительно численность сербского и болгарского населения на Балканском полуострове составит $9\frac{1}{2}$ —10 миллионов человек, тогда как турок всего немного более 1 миллиона, а греков, самое большее, до $2\frac{1}{2}$ миллионов, включая сюда и греческое население Константинополя. Таким образом, славяне находятся в громадном численном преобладании над всеми остальными народами Балканского полуострова. Их разобщенность, политическая вражда, принадлежность к различным государствам отнимают, однако, у этого преобладания те культурные и политические преимущества, которые славяне могли бы извлечь из него. Все это последствия тех исторических явлений, которые придают характерную физиономию судьбам двух государств, издавна соперничавших на Балканском полуострове.

Если теперь славянское племя занимает почти весь Балканский полуостров, то было время, когда славянские поселения шли еще южнее, захватывали Морею, подходили к Афинам. Это была эпоха славянского наплыва на полуостров, — эпоха, оставившая и донныне свои следы в виде множества славянских слов, проникших в греческий язык, а также в

некоторых поверьях и обычаях, наконец, в самом антропологическом типе современных греков. На Балканский полуостров славяне проникли, вероятно, в начале VI века по Р. Хр., но к Дунаю они подошли уже раньше. С 527 года начинаются из года в год вторжения славянских полчищ за Дунай: славяне грабят местность и с большой добычей возвращаются назад. Постепенно, однако, эти вторжения принимают характер переселения: волны нападающих отрядов, заливающие придунайские области, не возвращаются за Дунай: местность не только опустошается и разграбляется, но и занимается постоянными поселениями. Этому захвату содействует тяжелое положение, переживаемое Византийской империей в V и VI веках. Борьба между церковью и государством, непрерывная и упорная борьба этого последнего с варварами, гуннами, германцами, персами, надвигавшимися со всех сторон, наконец, внутренние междоусобия ослабляли оборонительную силу империи. По отношению к балканским провинциям, занятым фракийскими и иллирийскими племенами, этими древнейшими насельниками северной части Балканского полуострова, византийское правительство делало, что могло. Оно старалось облегчить налоговую тяжесть, обеспечить население от вторжения задунайских варваров созданием ряда крепостей, заселять пустые местности, но результаты плохо соответствовали этим усилиям, которые, во всяком случае, не имели систематического характера и часто нарушались переворотами и бурями в столице государства. Так, напр., Приск, ехавший в посольстве, отправленном из Царьграда в лагерь Атиллы, нашел город Наис, теперешний Ниш, совершенно обезлюдившим, и то же самое историки сообщают о многих поселениях во Фракии и Дардании. Между тем, эти области не могли не привлекать варваров: они давали столько простора для их стад, были так щедро наделены природой и к тому же находились в сфере культурного влияния Царьграда, обаяние которого для всего населения Балканского полуострова сохранилось доныне, несмотря на все исторические перемены. Тогда же своей утонченной культурой, своими несметными богатствами, своей исторической славой Византия представляла центр, к которому постоянно устремлялись жадные и восхищенные взоры варваров, готов, персов, аваров, болгар, славян, как позже крестоносцев-рыцарей и турок-османли.

Начало VI века было особенно тяжело для Византии. При императоре Анастасии ей пришлось вступить в продолжительную, изнурительную войну с Персией, а с севера на империю нападали варвары; болгары — племя тюркского происхождения, или, как думают финские ученые, первоначально финское племя, потом подвергшееся процессу ассимиляции с тюрками — несколько раз вторгались через Дунай во Фракию, и уже в 499 году нанесли страшное поражение византийцам, которые оставили на поле битвы тысячи трупов. Несколько лет спустя, варва-

ры опять разбили византийское войско: оно было охвачено паническим ужасом и обратилось в бегство. Дух войска совершенно упал; император прибег к решительным мерам: он воздвиг от Мраморного моря к Черному длинную стену, остатки которой сохранились доньше, и поселил на Дунае, близ впадения в него р. Савы, значит, неподалеку от теперешнего Белграда, германское варварское племя герулов, которое было обязано защищать империю с севера. Насколько все эти меры предосторожности оказались бессильными в смысле противодействия стихийному влечению северных варваров на юг, видно из того, что в 517 году они залили своими полчищами чуть не весь Балканский полуостров, разграбили Македонию и Фессалию, подошли к самим Фермопилам, выдавшим в своих грозных теснинах уже столько варварских племен. Императору Анастасию пришлось откупаться: он послал тысячу фунтов динариев в распоряжение префекта империи, — но денег этих не хватило. Всех невыкупленных пленников варвары истребили; одних они сожгли со всеми их домочадцами в их собственных жилищах, других убили перед стенами осажденных городов. Потом на время борьба затихает: в продолжение десяти лет империя отдыхает от северных задунайских врагов. Возможно, что за это время там, за Дунаем, происходила какая-то борьба, совершалась перетасовка сил, потому что, когда набег возобновились, мы видим уже новые племена варваров. Именно, с 527 года на сцену выступают славяне, которые сразу становятся для Византии особенно опасными и упорными врагами. Громкая фраза Карамзина: «Римская империя узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ее легионы» выражает действительный исторический факт. Однако, разумеется, славяне не всегда выходили победителями из этих военных стычек: так, напр., в 546 году германские герулы, неожиданно встретившись с толпами славян, разбили их, а пленников отпустили домой. Очевидно, местность была довольно пустынная, если факт появления новых полчищ славян по эту сторону Дуная мог остаться почти незамеченным. И действительно, несколько позже небольшая толпа славян, не превышавшая численностью трех тысяч, без малейшего труда, не встречая никакого сопротивления, по словам современного историка Прокопия, перебралась через Дунай и потом через Марицу и лишь затем столкнулась с византийским войском, которое и разбила. В том же 551 году рассказывают о большой рати славян, которая подошла к Нишу и готовилась идти на юго-восток к самой Солуни. Они оказались в непосредственной близости от Византии, близ Адрианополя; высланное навстречу греческое войско было разбито, и славяне подступили еще ближе к Царьграду, к Длинным стенам. Часть этих полчищ была, наконец, разбита византийским войском, но другая часть благополучно возвратилась домой с добычей. Через несколько

лет на сцену выступает новый враг, авары, обры русской летописи. Совместно с ними, а иногда и под непосредственным их предводительством славяне продолжают свои вторжения на Балканский полуостров. Под конец VI века не может уже быть и речи о вторжениях. Это хорошо организованные набеги воинственных племен, уже успевших занять новые области и обжиться в них. Заселение славянами северной части Балканского полуострова должно считаться в это время фактом совершившимся. Не подлежит сомнению, что и местности, с севера прилежавшие к Дунаю, были заняты славянами же, которые к концу VI века занимали Паннонию, а на запад проникли до Истрии и до Баварии. К первым годам царствования императора Ираклия относятся слова современного писателя, Исидора Севильского, который утверждает, что в 615 году «славяне отняли у римлян Грецию, а персы Сирию, Египет и многие другие области». Несколько позже мы узнаем об осаде самого Царьграда славянскими и аварскими войсками, в 641 году мы находим славян в Далмации, и к тому же времени относятся свидетельства о первом славянском государстве, царстве купца Само в Моравии. Доисторический период в расселении южно-славянского племени на Балканском полуострове кончился. С этого времени те сведения, которые мы имеем о князьях, походах, быте южных славян, черпаются или из точных свидетельств греческих и латинских историков и документов, или из более или менее достоверных туземных источников, летописей, хроник и т.п.¹

Оглядываясь на первый период в жизни славянства, можно сказать, что на Балканский полуостров пришли уже не дикари: правда, жестокость их приводила в ужас и возмущение византийских историков, но не более мягки были и сами византийцы. Из скудных показаний секретаря Велизария, историка Прокопия, и из рассказов императора Маврикия мы узнаем, что было какое-то различие между собственными славянами и антами, хотя, в чем оно заключалось, нам так и осталось неизвестно, что славяне были очень демократичны, т.е. не имели государственной власти, и что между отдельными племенами их постоянно происходили раздоры, поднимался род на род, как об этом свидетельствует и наш летописец. Формы их быта были совершенно просты; они дрались дротиками, действовали массой, стремясь вызвать в неприятельском войске панику, привыкли, по наблюдению императора Маврикия (582—603), жить и действовать в лесах и болотах, — по-видимому, в лесах и болотах Полесья, откуда они и пришли. Вместе с тем, славяне отличались боль-

¹ Подробнее об этом периоде славянской истории см. у Нидерле, Славянские древности (чешс.), Погодина, «Из истории славянских передвижений» (1901), и в других сочинениях, названных в этих книгах.

шой переимчивостью в усвоении высшей культуры: сирийский писатель конца VI в., Иоанн Эфесский, возмущается, что этот «проклятый народ», еще так недавно не знавший иного оружия, кроме щита и дроти-ка, усвоил себе военную технику ромеев, стал драться лучше, чем они, завел много золота, серебра, ценного оружия, табуны лошадей, стенобит-ные орудия. В 597 году славяне, действительно, осаждают Солунь с по-мощью машин, а несколько лет спустя уже предпринимают военные по-ходы по открытому морю. Так быстро приспособиться к высшей культу-ре дикари не могли бы.

Многие из походов, которые славяне совершили на Балканский по-луостров, имели характер переселения народа; некоторые же из них пред-ставляли организованные нападения на византийские города, и рядом со славянами, а может быть и во главе их, мы находим неславянские племе-на и их государей, подчинивших себе и славян. Прежде всего, это авары, которые сыграли довольно значительную роль в истории не только юж-ных, но и западных и русских славян. Наша летопись сохранила о них злую память под именем *обров*, которые насильовали и обижали русских женщин, в польском же языке слово *обрин* превратилось в окончатель-ном результате языковой эволюции в слово *olbrzym*, означающее гиган-та, великана. Такими могущественными, страшными представлялись эти тюрки нашим предкам, и войны с ними, попытки свергнуть аварское иго, то более, то менее удачные, наполняют древнейшую историю юж-ных и венгерских славян в продолжение нескольких веков и приводят в VII веке к основанию первого славянского государства, царства «франк-ского купца» Само, положение которого не может быть определено точно по тем скудным сведениям, которые о нем сохранились. Во всяком слу-чае, оно лежало вне пределов Сербии и Болгарии, и его история не вхо-дит в рамки этого труда. Наряду с аварами все чаще встречается назва-ние другого неславянского племени, *болгар*, которые с берегов Волги пе-рекочевали на берега Дуная, оставив там своих ближайших родичей, *чувашей*. Обычная точка зрения признает и это племя тюркским, но финские ученые выдвинули ряд веских доказательств в пользу того, что древнейшие чуваша были не тюрками, но финнами¹. Как бы то ни было, болгары рано и сильно подчинились влиянию кочевых тюркских племен

¹ Ср. из литературы о болгарско-чувашских отношениях Wichmann Irjö, «Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen» («Mémoires de la Société finno-ougrienne», XXI), 1903, его же статью о происхождении вотячко-го названия Казани в журнале «Finnisch-ugrische Forschungen», т. I (1901), стр. 104—108, и статью Г. Паасонена в том же журнале, т. VI (1906). Из болгарских ученых обзор мнений о происхождении болгар представил в последнее время Шишманов.

и не внесли в культуру покоренных славян каких-нибудь определенных финских элементов. По всей вероятности, однако, южные славяне, заселившие Балканский полуостров, не всегда выступали рядом с тюркскими аварами или болгарами, как элемент пассивный, как простые исполнители ханских повелений. Этот вопрос подробно рассмотрен в книге болгарского ученого, профессора В. Н. Златарского, «Студии по българската история» (1903).

Главные источники, которые рассказывают о возникновении первого славянского государства на Балканском полуострове, относятся ко времени гораздо более позднему, именно к началу IX века: это хронограф Феофан и патриарх Никифор. Рассказывают они почти одно и то же, и даже более того: почти в одних и тех же выражениях, хотя это сходство наблюдается не всегда (в подробностях, а особенно в собственных именах много отступлений), так что в науке установилось убеждение, высказанное такими авторитетными писателями, как В. Г. Васильевский и Крумбахер, что оба писателя восходят к одному общему древнейшему источнику. Время этого последнего определяется с известной достоверностью эпохой царя Куврата, т.е. половиной VII века. В эту пору в болгарском народе должны были еще существовать живые воспоминания о недавних переселениях: если и теперь у народов, оставшихся на низкой ступени культурного развития, сохраняется в продолжение веков память об их прошлом, если, напр., киргизы и теперь помнят те условия, на которых они приняли в начале XVIII века русское подданство, то за недолгое время передвижений с Волги и за Днепр у болгар не могло исчезнуть живое воспоминание об их прошлом, и потому первоначальные известия о болгарской истории заслуживают полного внимания и известного доверия. Они подтверждаются любопытной записью, сохранившейся в одном из позднейших хронографов и представляющей список болгарских царей от первобытных времен до 765 года. Имена царей и числа лет их царствований приведены на болгарском, еще неславянском, языке, и объясняются лучше всего чувашским языком. По этим данным, древнейшая история болгар представляется в следующих чертах.

В половине VII века по Р. Хр. болгарское племя живет еще на родине своей, в бассейне Азовского и Черного морей, между реками Доном и Кубанью; границы его поселений определяются с известной точностью современным армянским историком, который говорит о турках и болгарях к северу от Черного моря до реки Кубани. Здесь-то и царствовал Куврат, после смерти которого, т.е. около 667 г., объединенное им племя распалось на пять частей, попавших легко в зависимость от хазар, живших к востоку от них. Все это были события и потрясения, волновавшие непрерывную цепь тюркских народов, занимавших всю южную Россию

и тянувшихся далеко на запад к Дунаю. Авары, болгары, хазары — вот главные звенья этой цепи в VII веке. Отношения между ними постоянно изменяются: Куврат сверг аварское иго и заключил дружеский союз с византийским императором Ираклием. Но и эти тюркские царства не отличались прочностью: громадная империя Аттилы рассыпалась после его смерти, авары никогда не могли создать что-нибудь прочное, и даже татарские орды разлагались вскоре после своего возникновения от внутренних раздоров и кровавой борьбы претендентов на престол. И здесь, в заднепровской Болгарии, едва умер Куврат, как его царство распалось на пять частей, во главе которых стали его сыновья. Один из них, Аспарух, не мог противиться хазарам и бежал вместе со своим племенем на запад. Перебравшись через Дон, Днепр и Днестр и миновав нынешнюю Бессарабию, орда Аспаруха спустилась к устьям Дуная и остановилась в безопасном месте, образуемом одним из островков дельты, куда не заходили византийские отряды, и где сообщение между берегами производилось с помощью легких лодочек. Это было уже испытанное место в передвижениях народов: здесь побывали и готы, и германские бастарны, и позже их славяне. Но для всех этих племен стоянка в устье Дуная была лишь временной остановкой на пути к Византии, которая манила к себе варваров своей неописанной роскошью и величием. По стопам своих предшественников, варварских народов, тюрков, германцев и славян, намеревалась двинуться и орда Аспаруха, но раньше ей надо было завоевать себе место для поселения, более удобное, чем маленький голый остров в устье Дуная. Каковы бы, впрочем, ни были намерения Аспаруха, связанного с Византией узами родовой дружбы, в самом Царьграде отнеслись весьма недружелюбно к появлению нового варварского племени на северной границе империи. Константин Погонат предпринял поход на болгар, но, против ожидания, поход оказался неудачным: император покинул армию, а без него эта последняя поспешила вернуться домой. Армия бежала, болгары устремились за ней и перебили немало византийских воинов, бежавших врассыпную. Неожиданная победа окрылила их надеждами и, если прежде намерения Аспаруха ограничивались завоеванием той или другой придунайской области для поселения его племени, то теперь желания его возросли. Вслед за бегущей византийской армией двинулась болгарская орда, которая должна была пробиваться через славянские племена Балканского полуострова. Она дошла до Варны и заняла побережье Дуная, причем центром новых болгарских владений сделался Преслав около Шумена или Шумлы (на запад от Варны). Славяне покорились Аспаруху; вообще до вооруженного столкновения между славянами и болгарам дело не дошло. По мнению историка болгар, Иречек, это объясняется, по всей вероятности, тем, что славяне ненавидели

византийское владычество и рады были переменить его на болгарское. Трудно сказать, справедливо ли такое предположение: ведь, владычество византийцев было, в сущности, номинально, и даже в начале IX века некоторые славянские племена, с запада граничившие с болгарским царством, сохраняли свою независимость. К тому же тюркское иго было достаточно знакомо славянам, и они не раз пытались освободиться от него. Не более ли вероятно, что разрозненные славянские племена не были в состоянии противиться натиску маленького, но хорошо организованного народа, который обладал настолько сильным государственным чутьем, что объединил этих славян и, ассимилировавшись с ними, создал крепкое и долговечное государство.

На какие-то договорные отношения, существовавшие между победителями-болгарами и покоренными славянами, указывает один из византийских писателей, Феофан. По всей вероятности, договор касался поселения одного из славянских племен на новом месте, в восточных проходах Балканских гор, и возложения на семь остальных славянских «родов», переселенных на запад, обязанности защищать страну от авар. Это указывает уже на известную солидарность победителей с побежденными, на образование организации, в которой эти последние приняли добровольное участие: иначе славяне, поставленные между аvaraми и болгарами, легко могли перейти на сторону первых. Но одного народа болгары и славяне еще не составляли: современные писатели проводят строгое различие между ними и, напр., Феофан рассказывает, что болгарский князь «повел весь подчиненный ему народ славян и болгар». А позже, в 762 году, в период продолжительных междоусобий между славянским и болгарским населением страны, одно из них опять противопоставляется другому, и византийцы стремятся вступить в сношения со славянами против болгар. Тем не менее, процесс ассимиляции подвигался быстрыми шагами вперед: необходимость держаться вместе против завоевательных стремлений Византии, с одной стороны, и аваров, с другой, заставляла немногочисленную орду болгар ужиться так или иначе со славянством Мизии.

К 679 году относится мир Аспаруха с императором Византийским, Константином Погонатом, в силу которого Византия обязалась уплачивать известную ежегодную дань болгарскому князю и таким образом признавала, что болгары по праву владеют занятой ими областью между Дунаем и Балканами. С этого времени начинается история Болгарии, как самостоятельного государства; что же касается сербов, то они долго еще не могли образовать государственного строя. Отдельные племена, на которые разделялся сербский народ, не выработали и впоследствии государственного единства: Босния имела королей, Герцеговина и Черно-

рия своих государей, в самой теперешней Сербии, более объединенной природными условиями, князья-собиратели появились так поздно, как, кажется, нигде в славянском мире. И, когда они приступили к своей собирательной деятельности, их внимание устремилось прежде всего на запад и на северо-запад. До самых последних лет именно в этом направлении шло развитие сербского народа, и в этом до известной степени заключался трагизм его истории.

При взгляде на карту Балканского полуострова обнаруживаются географические условия, оказавшие самое решительное влияние на историю славянских племен, занявших полуостров. Горы Сербии принадлежат к альпийской системе, причем их общее направление таково, что все важнейшие реки на территории, занятой сербским племенем, впадают в Дунай или его притоки и текут на север; по р. Саве, широкой и удобной для судоходства, легко добраться до Дуная, а по нему в Вену; к северу течет горная река Дрина, составляющая теперь границу между австрийскими провинциями Боснией-Герцеговиной и Сербским королевством и впадающая в Саву; в Дунай изливаются прекрасная река Морава, побережье которой представляет житницу Сербии, и Тимок, а со всех трех других сторон нынешняя Сербия отделена более или менее высокими горами и от Болгарии, и от Турции; естественный выход ее из этой горной системы на север, или более точно на северо-запад, т.е. к Австрии. Правда, горы эти невысоки и повсюду представляют удобные проходы; часто они превращаются в простые холмы, расходящиеся в разные стороны и раскрывающие обширные почти равнинные пространства. Тем не менее, ими было обусловлено распределение водной сети сербской территории, а отчасти также вызвано отсутствие общей государственной организации у племен, ютившихся среди своих узких долин, гор и холмов и весьма слабо сознававших свое племенное единство. Такой же горный характер носят и другие области, занятые сербским племенем: не говоря уже о Черногории, и Старая Сербия, и Босния, и Герцеговина представляют горные области, в которых трудно было создаться какому-нибудь крупному государству при отсутствии внешних влияний или сознательной, принудительной деятельности князей-покорителей и собирателей. История Сербии показывает, что такие князья появлялись не раз: их деятельность исходила или из Зеты (Черногории), или из Боснии (Кулин и Твртко), но только в юго-западной части Сербии были условия, более благоприятные для образования какой-нибудь крупной государственной единицы, а потом центр государственной жизни был перенесен на Дунай, ближе к Австрии, заменившей своим западным влиянием византийское, когда Царьград пал. Отражалась эта раздробленность сербского племени и на его культуре: влияния, католическое и православное, ви-

зантийское и римское, сталкивались в одном и том же месте, отражались на одном и том же лице, а значение Сербии, сохраненное ею и донныне, значение пути между Востоком и Западом, между Германией, Францией, Англией и Эгейским морем и Малой Азией, сделало ее большой дорогой, по которой проходили европейские караваны, на которой скреплялись итальянское, немецкое и азиатское культурное влияние. А обаяние Византии и ее гордого орла заставляло сербских государей считаться прежде всего с тем, что говорят и думают в Царьграде. Таким образом, Сербия стояла между Востоком и Западом, а открывала свои границы на северо-запад, она была ареной борьбы самых разнообразных влияний и культуры: это определило неустойчивый, шаткий характер ее истории и заставило ее до самых последних дней страдать от двойственности, легшей в основание ее политического бытия.

В более благоприятных условиях находилось болгарское племя, но зато оно жило ближе к туркам и их политическим центрам. Поэтому политический гнет, который болгары переживали в продолжение почти пяти веков, был гораздо тяжелее, чем то, что пришлось вынести более удаленным от Стамбула сербам. Это закалило народный характер болгар, сделало их более выносливыми, развило в них больший реализм, но, вместе с тем, той поэтической жилки, которая бросается в глаза у сербского племени, у болгар гораздо меньше: по сравнению с болгарями, сербы представляют нечто общее с отношением народного характера поляков к национальным особенностям чехов. Таким образом, между сербами и болгарями лежит довольно глубокая пропасть, происходящая и от различия этнических элементов, вошедших в состав того и другого народов, и от долгой политической розни, и, наконец, от различия географических условий. Болгары забалканские, живущие между Дунаем и Балканскими горами, населяют местность, которая открыта к северо-востоку, к Румынии, Добрудже, русской черноморской полосе. Естественный выход отсюда не на запад, к австрийско-германскому миру, а на восток, к Черному морю, к которому вплотную подходит эта часть Болгарии. Постепенно южная часть ее становится все выше и превращается в громадный Балканский хребет, за которым позднее раскидывается роскошная восточно-румелийская равнина, страна роз и великолепных южных фруктов, а на юго-западе простирается холмистая страна; в центре этой последней поднимается высокая снежная гора Витоша, а у подножья ее лежит исконная столица болгарского народа, София. Таким образом, будучи пересечена посередине Балканским хребтом и образуя внутри страны и на западной границе ее несколько горных центров, Болгария все же представляет географические условия, удобные для образования одного народа. Ее естественное тяготение направлено в сторону, противоположную

Сербии, т.е. или на северо-восток и восток в придунайской Болгарии, или на юг, к Эгейскому морю, в Болгарии забалканской; поэтому история болгар сложилась во многих отношениях иначе, чем история сербов. Самые бытовые условия там и здесь были иные: в Сербии свиноводство и скотоводство составляли главный источник благосостояния жителей, в Болгарии оно было построено преимущественно на земледелии и садоводстве. Этнические субстраты современных сербов и болгар также различны: там жили иллирийцы, здесь фракийцы и геты. Все это создало рамки, в которых развилась у каждого из этих народов своя особая история.

ГЛАВА II

История Сербии до образования сербского царства Немани¹

К половине VII века славянская колонизация Балканского полуострова закончилась. Славяне, занявшие северо-западную часть полуострова, делились на ряд племен, управлявшихся жупанами. Их отношения к Византии были самые неопределенные: то они попадали в зависимость от нее, то освобождались и вели распри друг с другом. Под конец этого столетия уже начинается, по-видимому, процесс собирания земель одним племенем, которое носило имя сербов и поселилось между реками Ибром и Лимом, приблизительно в теперешнем Новобазарском санджаке. Соседние племена были ему близко родственны по языку и культуре, и это должно было содействовать процессу собирания, но оно носило совершенно импульсивный характер и не приводило ни к каким долговечным результатам. Впрочем, в продолжение почти двух веков, VII и VIII, мы почти лишены сведений о том, что происходило здесь, и должны ограничиться предположением, что исконная славянская анархия, которая так поражала Прокопия, секретаря полководца Велизария, не позволила образоваться на северо-западе Балканского полуострова какому-нибудь более крупному государственному организму, который, несомненно, обратил бы на себя внимание византийских политиков и историков. Лишь в начале IX века завоевания Карла Великого в области Аварского царства, а также по Дунаю заставили их снова заговорить и о славянах. В союзе с франками расширяли свои владения венецианцы, которым удалось получить в 805 году Далмацию, населенную уже в ту пору сербами.

¹ Главные пособия для изучения истории Сербии в IX—X веках: М. С. Дринов, «Южные славяне и Византия в X веке». Москва, 1876. Л. Ковачевич и Л. Попанович, «Историја српскога народа. Свеска друга». 1894 («Српска книжевна удруга», 21). П. Срећкович, «Историја српскога народа». Кн. I, 1885. Кроме того, общие труды Гильфердинга, Станојевича, Вукичевича и др.

Сами франки захватили область по реке Саве, а с востока надвигались на сербов болгары, стремясь подчинить себе племена тимочан (по р. Тимоку) и браничевцев. Таким образом, власть на Балканском полуострове принадлежала трем соперникам: Византии, франкам и болгарам. Чье иго было всего тяжелее для сербов, видно из того, что в 819 году князь посавский Паннонии, Людевит, восстал против франков, изверившись в справедливости франкских государей, у которых он напрасно искал защиты от насилий франкских наместников. Эта война была чрезвычайно характерна для междуславянских отношений: в то время, как одни из соседних племен примкнули к Людевиту, другие вошли в сношения с франками, двинувшими большие войска к р. Саве. Это были, по преимуществу, западные племена, более тесно связанные с франкским господством. То, что красной нитью проходит в позднейшей истории Сербии, взаимное предательство князей, омрачило уже и это первое выступление сербов на арену истории. Против Людевита ополчились его близкие родственники, родня его жены. Тем не менее, он продержался три года против соединенных сил франков и соплеменных сербов, а потом был вынужден обратиться в бегство. Бежал этот посавский князь, по словам современного франкского летописца Эйнгарда, к сербам. По всей вероятности, летописец подразумевал под именем сербов население Боснии, которое и приютило беглеца. Но Людевит плохо отблагодарил за услугу: он убил своего хозяина, обещал франкам покорность и послушание, а в следующем году и сам был убит родственником князя Борвы, одного из сербских князей, действовавших в союзе с франками. Таким образом, первая попытка северо-западных славян Балканского полуострова окончилась полной неудачей: отсутствие общности в интересах сербских князей, из которых некоторые слишком тянули к германскому миру, погубило эту попытку. Кроме того, в руках врагов сербского племени было еще слишком много силы. Но вскоре наступил более благоприятный момент: болгары вступили в войну с франками, византийцы вели упорную борьбу с сарацинами; славянские племена, жившие между Адриатическим морем и границами болгарской области, поспешили свергнуть с себя иноземное имя. В северной Далмации и по р. Саве население продолжало признавать господство Каролингов, которое давало племенам, населявшим эти области, известное политическое единство, но независимые сербы были по-прежнему разрознены. Сербь, жившие в горной стране от Колубара и Ибара до р. Дрины, босняки, к северо-западу от них, между реками Вербасом и Босной, и четыре мелкие племена, занимавшие нынешнюю Герцеговину, Черногорию и часть северной Албании, именно: *неретване, захлумляне, травуняне и дукляне*, продолжали вести раздробленное политическое существование, чуждаясь той цивилизации, кото-

рая вливалась в их страну с запада, из Рима, и с юго-востока, из Византии. Пользуясь минутой относительной свободы, эти славяне поспешили выгнать миссионеров и уничтожить все следы христианства, принесенного из Рима, а на Адриатическом море развили такое пиратство, что Византии и франкам пришлось принять против него суровые меры.

Образование из сербских племен какого-нибудь нового государства, которое подготовлялось уже тем обстоятельством, что сербы были втянуты в водоворот событий, было не на руку их соседям — болгарам, и они двинулись в поход против сербов. Племя браничевцев было в ту пору довольно сильно: по одному известию, оно владело сотней городов по жулам. Но оказать действительное сопротивление болгарам браничевцы не могли: они отпали от франков и подчинились болгарам, которые пошли дальше, переправились за Драву, овладели Паннонией и подчинили ее также своим воеводам. Сербам, которые ни по языку, ни по племенному происхождению не могли многим отличаться от славянского населения болгарского ханства, грозила опасность войти в состав этого последнего. Великая задача объединения балканского славянства в один государственный организм казалась близкой к осуществлению, но болгары вступали на сербскую территорию именно как враждебная сила. А между тем борьба влияний, скрещивавшихся в продолжение почти двух веков на этой территории, уже привела к тому, что сербы начинали ощущать свое племенное единство. Поэтому это первое столкновение сербов с болгарам оказалось и первой сербско-болгарской войной, — войной, которая окончилась неудачно для нападавших. Несколько месяцев спустя, новый болгарский царь, Борис, снова двинулся на сербов и опять потерпел неудачу, а берега Адриатического моря, занятые славянами, грабили сарацины. Все это служило импульсом для объединения сербских племен, — тем более сильным импульсом, что пример Болгарии, которая все более становилась славянским государством, показывал, какую силу может дать такое объединение. Новая попытка собрать сербские племена около одного центра принадлежит жупану Властимиру, которому удалось сосредоточить в своих руках бассейны рек Дрины, Ибара, Босны и Врбаса, т.е. нынешнюю восточную Боснию и Новобазарский санджак. Рядом с ним, на юго-западе, в жупе Требинье (Травуње), ту же работу собирания сербских племен производил жупан Бела. Процесс объединения совершался без взаимной вражды князей. Властимир и Бела даже породнились, когда сын последнего женился на дочери Властимира. Умирая (несколько позже 840 года), этот последний оставил свои земли трем сыновьям, которые управляли сообща отцовской областью, признавая, вместе с тем, старейшинство за Мутимиром. Эта форма владения развивалась здесь, по-видимому, на основании задружного строя, который требует именно

неделимого обладания родовой недвижимостью под верховным руководством старшего в роде. Но мир в княжеской семье продержался недолго, хотя тот успех, с которым сербы отразили новое нападение болгар на их землю, показывал всю необходимость объединения. Мутимир отослал своих братьев в Болгарию, а всю власть сосредоточил в своих руках, создав этим новый повод к междоусобиям и династическим распрям. Впрочем, политической свободой молодое сербское государство пользовалось недолго: на Византийский престол вступил энергичный император Василий Македонянин, который довольно быстро вернул Византии ее утраченный на Балканском полуострове престиж. Хорваты, которые в половине IX века впервые появляются под этим названием и истории Балканского полуострова, признают верховное владычество Василия; то же делают и Мутимир и другие сербские князья в Черногории и Герцеговине (Неретва, Захлумье, Требинье и Дукля). Когда же император Василий Македонянин умер (886 г.), на восточной половине Балканского полуострова возникла новая сила, опасная для сербов. Это было болгарское царство, недавно принявшее православие, вырабатывавшее довольно богатую литературу на славянском языке и создававшее большие политические планы. Как это всем известно из житий св. Кирилла и Мефодия, в Болгарии боролись два религиозные влияния: византийское и римское. Последнее одержало, в конце концов, победу на берегах Адриатического моря, где жило хорватское племя, но в сербских областях перевес получило византийское православие, как об этом вполне определенно говорит внук Василия, Константин Багрянородный. Впрочем, весь этот период сербской истории чрезвычайно темен, и недостаток источников вряд ли позволит когда-нибудь выяснить его сколько-нибудь определенно. В конце IX и в начале X веков христианство проникло и в сербские области, но пустило ли оно здесь корни твердо, когда именно и в какой мере, на эти вопросы ответить точно невозможно. Точно также и выводы исследователей в этом вопросе, как и в других, относящихся к этой эпохе, весьма противоречивы. Так, напр., Дринов, в своей книге «Южные славяне и Византия в X веке», считает византийское владычество над приморскими славянами номинальным, а новейший историк Сербии, Станоевич, вполне действительным, и так же смотрел на него, по-видимому, и писатель X века, Константин Багрянородный, но этот последний не всегда достоверен и мог отдаться известному национальному шовинизму. Поэтому, говоря о сербах этого периода, лучше всего ограничиться указаниями на общее политическое положение Балканского полуострова, так как судьбы сербов, несомненно, зависели от него. Так, можно думать, что крещение языческих славянских народов под конец IX века пошло от сербов, на сербских племенах, кажется, только *неретване*, жив-

шие между реками Нарентой и Цетиной, в частях нынешних Герцеговины и Далмации, оставались еще долго верны своему язычеству, почему и получили название *поганных*, а земля их *Неретва* иначе называлась *Паганией*. Это вообще было особенно упорное и независимое племя, которое доставляло много хлопот итальянской торговле, так как с особым удалством занималось пиратством на Адриатическом море.

Царь болгарский Симеон, увлекаясь широкими империалистическими замыслами, начал готовить захват сербских областей, но ведь византийцы — справедливо или нет — считали их своим государственным достоянием, и потому мир, существовавший между этими двумя царствами после крещения Болгарии из Византии (864), теперь был нарушен.

Благодаря своей энергичной политике, Симеон привлек на свою сторону печенегов, которых византийский император призвал на помощь против Болгарии, и в сербских областях ему удалось получить преобладание. Но опять-таки неясно, что представляла собою Сербия той эпохи, т.е. все ли еще она состояла из отдельных, независимых друг от друга княжеств, или же опять начался здесь процесс собирания? Во всяком случае, в той горной стране, которая окружена с юго-востока цепью хребтов, и где берут свои источники реки Дрина, Сербская Морава, Ибар и Морача, т.е. в теперешней Герцеговине и северной части Черногории, уже устанавливалась более прочная государственная власть, правда, все еще путем избиения одним энергичным и смелым князем, жупаном, своих родичей, все еще вне всякой связи с народными стремлениями. Здесь около 907 года мы слышим о великом жупане Петре Гойниковиче, который объединил в своих руках власть над сербскими племенами после жестокой расправы со своими родственниками. Но снова стремления одного сербского князька к созданию более крупной государственной системы парализовались тождественными тенденциями другого сербского же князя. На этот раз в роли соперника Петра выступил правитель Захлумья, Михаил Вышевич. Эта область, по определению Шафарика, простиралась по берегу моря от Дубровника до Наренты, а к востоку — в глубь материка, до хребта, составляющего водораздел между Нарентой и Дриной, т.е. прямо соприкасалась с владениями Петра Гойниковича. С помощью интриг Михаил сумел показать болгарскому царю Симеону, что он ему предан и может быть полезен во враждебных столкновениях Болгарии с Византией и Венецией. Вместе с тем, ему удалось представить в подозрительном свете преданность Петра Сербского Симеону, и тот низложил Петра и заменил его другим своим ставленником; Михаил же владел не только обширным Захлумьем, но и примыкающими к нему меньшими областями, Травунией (Требиньем) и Дуклей. Таким образом, данные, относящиеся к первой четверти X века, позволяют устано-

вить, во-первых, господство Болгарии и в западной половине Балканского полуострова, а, во-вторых, все чаще повторяющиеся попытки сербских жупанов или князей войти в систему государственной жизни Балкан. Иначе и быть не могло: Византия, Болгария, Венеция — все это были государства, жившие полной жизнью, и лишь Сербия состояла еще из маленьких разрозненных единиц. Империализм эпохи должен был перестать и ей, особенно после того, как распространение христианства разрушало стену, отделявшую сербов от жизни более культурных соседей. Усиливаются в это время и ближайшие соплеменники сербов, хорваты, которые находятся под более энергичным воздействием Византии. Так, около 920 года хорватский князь (гех) Томислав получает от этой последней титул проконсула византийской Хорватии и Далмации. Титул ли этот, или другие более реальные причины, но на сторону Византии переходят и ставленник Симеона в Сербии Павел Бранович и захлумский князь Михаил, который тоже получает титул консула и патриция от византийского императора Романа, не щадившего усилий, чтобы окончательно подорвать влияние Болгарии на северо-западе полуострова. Болгарскому царю приходится низложить своего нового ставленника в Сербии, Захарию, и навязать ей своего подручника, потомка Властимира, Чеслава Клонимировича, который родился и воспитывался в Болгарии. Сербские жупаны, по приказанию Симеона, пришли для встречи нового великого жупана; здесь их арестовали, а потом, рассказывает Константин Багрянородный, «вступили они (т. е. болгары) в Сербию, и стали полонить сербский народ от мала до велика и отводить его в Болгарию; иные, однако, спаслись бегством и ушли к хорватам, и стала сербская земля опустелой». Вскоре после этого Симеон умер, и положение вещей сразу изменилось. Почти в ту же пору произошло событие в области церковной жизни недавно окрещенного сербского населения: оно отчасти было втянуто в область католического влияния. Именно, на Сплетском Соборе 922 года присутствовал наравне с хорватскими государями и захлумский князь Михаил Вышевич, который вместе с прочими признал обязательность церковных постановлений, запрещавших славянское богослужение. В Загорье, т. е. в той части Сербии, где болгары ставили своих приверженцев, славянское богослужение, пришедшее сюда из соседних епископств, продолжало свое существование: город Раса (близ нынешнего Нового Базара) был подчинен власти болгарского патриарха.

После смерти царя Симеона, Болгария в короткое время утратила и внешнее могущество, и внутренний порядок. Загорские сербы поспешили воспользоваться этим: примеру прежних ставленников Болгарии последовал и Чеслав. Условия его воспитания, самое рождение от матери-болгарки должны были сделать из него послушного раба Симеона и его

наследников, но, как германские царевицы, выращенные в Риме, становились могучими мстителями за свою народность, как сам Симеон воспитался при византийском дворе и воспользовался своим знакомством с ним лишь для более удачной войны с Византией, так и Чеслав Клонимирович воспользовался первым случаем, чтобы свергнуть болгарское иго, опираясь, разумеется, на византийскую помощь. В 931 году началось восстание против болгар: около Чеслава в скором времени собрались повстанцы, которые решили вместе со своим князем признать верховное господство Византии; к императору в Царьград было отправлено посольство. Таким образом, на этот раз влияние византийское одержало верх над болгарским. Болгарскому царству византийская дипломатия не прочь была противопоставить другую славянскую силу, но на другой стороне Балканского полуострова. Здесь произошло нечто в роде того, что случилось в половине XIX века. Только в этом последнем случае роль Византии принадлежала Австрии. Министр этой последней в семидесятых годах прошлого века, граф Андраши, не раз заявлял, как германской, так и русской дипломатии, что Австрия не может допустить создания на своей границе сильного и самостоятельного славянского государства. Ослабить сербское племя, выделив из него Боснию и Герцеговину, и посеять раздор между Сербией, которой предстояло развиваться под австрийским влиянием, и Болгарией, которую отдавали влиянию русскому: такова была задача графа Андраши и на Берлинском конгрессе, и во время Рейхштадтского свидания императоров. Приблизительно так же должна была рассуждать в 30 годах X века византийская дипломатия: Сербия, освобожденная и усилившаяся с помощью Царьграда, и Болгария, ослабленная своим раздором со славянской соседкой, не представляли, каждая сама по себе, особой опасности для Византии. Именно, в X веке, в эпоху императора Романа и после него, византийское дипломатическое искусство достигает высшего своего развития. Поэтому вышеприведенное соображение не представляется висющим в воздухе, и, во всяком случае, эпизод освобождения Сербии от болгарского владычества бросает яркий свет на международные отношения Балканского полуострова во второй четверти X века.

Воспитанный при болгарском дворе, проникнутом империалистическими тенденциями, новый сербский князь приступил к собиранию сербских земель. В короткое время он присоединил к Загорью четыре маленькие сербские княжества: Дуклию, Требинье, Холм (Хум) и Неретву, т.е. часть Далмации, Черногорию и часть Герцеговины. Это область, окруженная более или менее естественными границами. К своим стремлениям к выходу в открытое море сербы королевства и теперь создают планы, отчасти совпадающие с замыслами Чеслава. Путь через южную

часть Герцеговины и Черногорию дал бы Сербии тот выход, какой имело в своих руках государство сербского князя уже в X веке.

«С этого времени император не переставал благодетельствовать Чеславу, — свидетельствует Константин Багрянородный, — и сербы рассеянные Симеоном по Хорватии, Болгарии и другим странам, услышавши об этом, со всех сторон стали стекаться к нему. Многие, уходя из Болгарии, приходили в Константинополь. Император снабжал их одеждою, оказывал и другие благодеяния и препровождал к Чеславу». Вместе с тем, византийское правительство сделало все возможное, чтобы усилить сербов этого княжества, так что знаменитый арабский писатель Альмасуди, писавший в первой половине X века, представляет сербов чрезвычайно грозным племенем, независящим ни от кого из соседей. Около этого времени начались раздоры в Хорватии, и экспансивная политика Чеслава на западе не встречала сопротивления: таким образом, ему удалось присоединить к своему государству и часть Боснии. Впрочем, говорить, что Чеслав объединил почти все сербские земли и почти все сербские племена, как это утверждает Станојевић, мы все-таки не имеем права: до сих пор ни один из сербских государей не выполнил этой трудной задачи, и даже Стефан Душан был далек от ее выполнения; владения Чеслава Клонимировича ограничивались юго-западной частью сербской территории, но ни дунайское побережье, ни Ниш или Пирот не принадлежали ему. Однако, названный историк прав, когда доказывает, что лишь благодаря Чеславу имя сербов распространилось на все те славянские племена, которые находились в ближайшем родстве с племенем, носившим первоначально (и только оно одно) название сербов и выдвинувшим династию Властимира, из которой происходил и Чеслав. В этой области Константин Багрянородный упоминает о восьми укрепленных городах, которые должны были совпадать с теперешними городами Сеница, Плевлье, Лешница и т. д. Высчитывая предполагаемое пространственное распространение тогдашнего сербского государства, Ковачевич относит 63% его к областям Оттоманской империи (Боснии, Герцеговине, новобазарскому санджаку и скадрской окраине), 21,3% к сербскому королевству, 11,2% к Черногории и 4,5% к Далмации. Значит, именно юго-западная часть территории сербского племени, лежавшая ближе всего к культурному западу и хорватам, которые в эту пору были лишены политического значения, а также наиболее удаленная от соприкосновения с болгарами и непосредственного воздействия со стороны Византии, объединилась для государственного существования. Это послужило в значительной степени прецедентом и для будущего развития Сербии.

Когда Чеслав умер (между 955 и 960 годами), его княжество, *ducatus* или *principatus*, как называют его современные латинские писатели,

быстро развалилось, но сколько-нибудь связной истории этого времени мы не имеем. Во всяком случае, княжение Чеслава прошло не бесследно в сербской истории, подготовив тот процесс объединения, который был завершен через двести лет Неманей. «В продолжительное правление Чеслава (говорит Дрипов) имя сербов успело несколько распространиться на объединенные впоследствии Неманей племена, сделаться общим их именем, под которым с этого времени они нередко уже появляются в исторических памятниках, чего нет еще в памятниках, писанных до Чеслава. В этих последних древнейших памятниках имя сербов употребляется в тесном смысле, как название известного небольшого племени». До настоящего объединения племен, из которых некоторые (на приморье) еще так недавно считались хорватскими, было, конечно, далеко. По-видимому, древний хорватский историк, пресвитер Дуклянский, относящийся к первой половине XII века и внесший в свой труд «*Regnum Slavorum*» много книжных комбинаций и кое-какие народные предания, пользовался верной народной традицией, когда сообщил следующее о падении сербского княжества после смерти Чеслава: «Погиб он и весь дом его и баны стали властвовать каждый в своей области, подчинили себе жупанов и брали с них подати, которые прежде получались государем. Никто не смел называться королем. И так управляли они много времени».

В этом последнем указании дуклянского пресвитера заключается несомненная ошибка. Много времени эти баны самостоятельно не управлялись: на них снова наложила свою тяжелую руку Византия, на троне которой сидел энергичный Ян Цимисхий, а под конец X века возродилось болгарское могущество, и царь Самуил немедленно дал почувствовать его сербским племенам. Но ни Византия, ни Болгария не думали о включении сербских земель в свою государственную территорию: Цимисхий предоставил автономию покоренной им Рашке, а Самуил возвратил власть сербским князьям: Яну Владимиру в Зете и Драгомиру в Требинье и Хуме. Таким образом, на несколько десятков лет Сербия оказалась вне исторических событий, которые разыгрывались на Балканском полуострове и сводились к упорной борьбе за политическое преобладание здесь между Болгарией и Византией. Победа перешла в 1018 году на сторону последней, и сербские земли номинально подпали под владычество Царьграда. Но нельзя сомневаться в том, что это владычество, в сущности, заключалось лишь в признании его сербскими племенами и нисколько не покушалось на существо их национальной жизни. В духовном отношении они были подчинены архиепископу Охридскому, а политический центр сербов, которые из группы разрозненных племен делались уже народом, связанным единством веры и национальным самосознанием, перенесся в Зету (часть нынешней Черногории), откуда сто

лет спустя вышла и династия Неманичей. Это еще более темное время в сербской истории.

После смерти императора Василия II (1025 г.) началась обычная в жизни Византии картина: восстания и мятежи. Славяне, жившие в Дурачской области, восстали; зетский князь Войислав поспешил на помощь к повстанцам и присоединил их землю к своим владениям, но ненадолго: Византия пригрозила ему, и Войислав не только отказался от своих приобретений, но и должен был ехать в Царьград с повинной. Потом, улучив минуту, он повторил свой грех, но Византия была занята усмирением болгарских славян, и в продолжение некоторого времени Войислав чувствовал себя господином положения. Он повел энергичную агитацию среди соплеменников, напоминая им обиды греков и призывая к национальному объединению. И, действительно, Византии становилось все труднее сдерживать национальные стремления славян: едва она подавляла одно восстание, как в другом месте вспыхивало новое; если было спокойно на реке Вардаре, то, наверное, все кипело где-нибудь на Мораве. А хуже всего, что ореол византийского оружия затмился в глазах славян: и раньше им приходилось не раз наносить большие поражения грекам, а около 1040 года Войислав разбил греческое войско уж так, что полководец византийский едва спасся бегством. Следовательно — могли рассуждать славяне — надо только выжидать момент, когда в Византии кипят усобицы, или когда ей нужно вести войну с тем или другим из ее многочисленных врагов. Но и в мирное время Византия оказывалась все чаще совершенно бессильной справиться со славянами, хотя при ее дипломатической ловкости ей и удавалось иногда поставить одно славянское племя против другого. Так, Войислав в другой раз поразил наголову византийское войско, а потом поспешил отомстить своему врагу, сербскому князю Лютовиту, который собрал вокруг себя рашан, босняков и хумлян. После единоборства, рассказ о котором отмечен легендарными чертами, Войислав вытеснил своего соперника из его владений и опять объединил целый ряд сербских земель, где и княжил до своей смерти. При этом не мешает отметить, что центр тяжести передвинулся уже к самому морю: не Рашка (названная так по городу Расе) с Боснией и Герцеговиной, но Черногория, часть Далмации и морское побережье к югу от Черногории составляли владения Войислава. Как жили в это время восточные сербы, мы почти совсем не знаем: несомненно лишь, что они находились в известной зависимости от Византии. Позже, под конец XI века, и они делают попытку присоединиться к соплеменникам, добившимся свободы.

А после смерти Войислава началась обычная история, которая уже столько раз мешала сербам создать сколько-нибудь прочное государство: он умер в 1051 году, и между его сыновьями начались совершенно такие

же распри, какие происходили в эту пору и в Киеве; в продолжение двух лет удельные князья, сыновья Войслава, враждовали между собой, пока один из сыновей, зетский Михаил, не сумел покорить остальных и не забрал в свои руки всю власть, которую он распространил через 20 лет борьбы (к 1073 году) на все те западные сербские земли, которые уже выступили на арену истории; только Босния сохраняла независимость. В трудной деятельности объединения сербского племени до известной степени служили помехой те условия, в которых находилась северная часть Балканского полуострова. Она переживала те же постоянные нашествия иноплемеников, которые составляли зло для Киевской Руси и принуждали население ее бежать на север в «леса брынские и грязи черниговские». Сербия была в том счастливом положении по сравнению с Россией, что ее простор не так манил степных варваров; они проходили по ее горным равнинам, но не оставались здесь, как в степях приднепровских или придонских. Так, в половине XI века находили на Балканский полуостров половцы, как раньше приходили сюда печенеги; за половцами нахлынули мадьяры, которые опустошили много сербских земель, дойдя до Ниша на юго-востоке и до Митровицы (близ Косова поля) на западе. В самой Византии происходят непрерывные раздоры, и власть ее над сербами по Дунаю, Вардару, Мораве и в других местах совсем распалась. Они воспользовались этим для того, чтобы примкнуть к все усиливавшемуся Михаилу, и, таким образом, впервые в сербской истории начинается объединение всего сербского племени, как западной его части, уже давно добившейся известной самостоятельности, так и восточной, бывшей до сих пор под властью Византии. Этому процессу помогли события, происходившие в области церковной жизни народа. В начале княжения Михаила, в 1059 году, собор католической церкви в Сплете (Сплато) окончательно запретил употребление славянского языка в католическом богослужении. Тонкий политик, каким был Михаил, не мог не воспользоваться настроением масс, возмущенных изгнанием их речи из богослужения, для пропаганды чисто политической идеи о необходимости самостоятельного устройства церковной жизни сербского народа. Все это было на руку ему. Прежде всего следовало отделить сербские земли от католической церковной юрисдикции. Как мы увидим ниже, это была одна из идей, на которой выросло принципиально позднейшее государство св. Саввы. Михаил задумал освободить православных сербов от подчинения сплетскому архиепископу; он мог сослаться и на то, что Сплет слишком далеко от его земель, и на то, что эти земли входили когда-то в юрисдикцию Дуклянского архиепископства. Как ни неприятно было для папы уступить требованиям Михаила, он был вынужден сделать ему эту уступку, т.е. признать известную самостоятельность сербской церкви:

Михаил был в слишком хороших отношениях с Византией, и слишком велика была опасность, что дело окончится присоединением Сербии в церковном отношении к Константинополю, чтобы курия могла долго упорствовать. Таким образом, Михаил достиг весьма многого: в церковной жизни он был зависим от Рима в весьма слабой степени, в политической жизни еще меньше от Византии, а ведь зависеть одновременно от Рима и Византии значило не зависеть ни от кого, потому что и Рим, и Византия, как мы знаем, опасались вызвать у сербского князя недовольство, которое заставило бы искать помощи у одного противника против другого. Это было счастливое положение, которое позже в истории Сербии повторилось лишь один раз, при Стефане Душане. И как тогда Болгария была гораздо слабее Сербии, так и теперь — недавние победители сербских стремлений к самостоятельности, завоеватели сербских земель, болгары оказались в положении слабой стороны. Остатки Самуилова государства, разбитого Византией, теперь спешили объединиться, видя все бессилие Царьграда справиться с врагами, норманнами, грабившими итальянские владения Византии, турками, опустошавшими ее малоазиатские области, и мадьярами и печенегами, наступавшими на Балканский полуостров. В 1073 году в Болгарии произошло восстание, деятельно поддержанное Михаилом, который, по просьбе повстанцев, послал им на помощь своего сына Бодина с отборной дружиной. Он был встречен с энтузиазмом и провозглашен царем, но пользовался успехом недолго. После победы над греческими войсками близ Призрена сербская армия разделилась: одна пошла по р. Мораве, а другая в Македонию. На Косовом поле, где триста лет спустя погибла сербская независимость, разыгралась битва между Бодином и греками; сербы были разбиты, а сам Бодин попал в плен. Восстание было подавлено, и полководец Никифор Вриений должен был расплатиться с Михаилом за его измену Византии, но поход, предпринятый Никифором из Драчской (Дурацкой) земли, не привел к опасным для Сербии результатам: греки не решились углубиться в сербские земли, а Византии было совершенно не под силу вести войну дальше: турки подступали в Малой Азии уже почти к самому Константинополю, а норманны, которые ранее ограничивались войной с Византией в Италии, стали высаживаться уже на самом Балканском полуострове.

Михаилу становилось ясно, что его владения и право на независимость нужно оформить каким-нибудь актом. Таким актом в Средние века являлось, обычно, признание со стороны папы титула короля за государем земли: так возникли королевство польское, чешское, венгерское и др. По тому же пути пошел и Михаил, хотя он был князем или великим жупаном не католического, а православного населения. Тем не менее, Дуклянское архиепископство находилось в зависимости от Рима,

и потому было совершенно естественно, что именно туда обратился за короной Михаил, тем более, что на папском престоле сидел знаменитый Григорий VII. В 1077 году сербский князь сделался королем, *кралем*, и, вместе с тем, сербская церковь получила внутреннюю самостоятельность. Впервые Сербия была признана совершенно самостоятельным государством и вступила в международные отношения на равных началах с другими государствами. Несомненно, что это было великим мирным завоеванием для сербского народа. Международное значение нового королевства обнаружилось очень скоро: пользуясь слабостью Византии, от нее задумал освободиться еще один мелкий провинциальный владетель, воевода Драчский, Георгий Мономахат. Чтобы обеспечить себя с севера и с запада, Мономахат вступил в сношения с норманнами и Михаилом, который и обещал ему свою поддержку. До восстания дело не дошло, интриги воеводы были открыты, и он бежал к Михаилу. Вскоре после того умер и этот последний (1081), и здание, воздвигнутое им с таким трудом, зашаталось, так как национального единства оно все еще не представляло. Кроль Бодин, сын Михаила, бежавший из византийского плена и в последние годы жизни отца бывший его соправителем, должен был, по плану отца, сделаться его преемником, но против этого восстал род Войиславовичей, требуя, чтобы королем сделался старший брат Михаила; задружное начало в династическом роде не допускало нарушения старых заветов, но победило новое начало: престолонаследие от отца к сыну. Усилиями дуклянского архиепископа распря была прекращена, и Бодин в продолжение 20 лет (1081—1101) царствовал в Сербии; столица его находилась в Скадре (Скутари).

Насколько в международных отношениях крупной величиной была уже в ту пору Сербия, видно из стараний нового византийского императора Алексея Комнена привлечь ее на свою сторону в угрожавшей ему войне с норманнами. Как хитрый дипломат, Бодин действовал уклончиво и пользовался раздорами соседей, чтобы округлить свои владения. Заключив союз с императором, Бодин предал его в битве при Драче (Дураццо), где греки потерпели поражение, а поражение это он использовал в своих целях: отправился в Рашку, которая после смерти Михаила начала проявлять сепаратические тенденции, умирил ее, потом подчинил себе Боснию. В областях этих Бодин оставил своих правителей, в верности которых был убежден (в Рашке жупана *Вукана*, о котором мы еще будем говорить, в Боснии *Стефана*). Это произошло, вероятно, в начале восьмидесятых годов XI столетия, и почти все остальное царствование Бодина (1081—1101) прошло в борьбе с Византией, которая склонялась то на ту, то на другую сторону, причем, в конечном результате, Византия оказывалась уже совершенно не в состоянии отстаивать долго и упорно

свои владения или те сербские области, которые еще недавно находились под ее протекторатом. Дело в том, что Византии приходилось все время защищаться от припонтийских тюркских кочевников, печенегов и половцев, и не слишком разбирать иной раз, на каких условиях можно заключить мир с сербами. Около 1095 года отношения между Бодином и Алексеем Комненом были урегулированы договором, в силу которого граница между двумя государствами прошла по Косову полю, причем северная его часть (приблизительно до Митровицы) досталась сербам, а южная сохранила зависимость от Византии. Таким образом, сербское государство в конце XI века распространилось до моря и охватывало теперешнюю Черногорию, Боснию и Герцеговину, северную часть Старой Сербии. И по всей вероятности, верховное господство его признавали и восточно-сербские племена, заключившие связи с Зетой еще при короле Михаиле. Но все это государство, уже довольно значительное и сильное, заключало в самом своем существе зародыш разложения: Бодин вступил на престол помимо своих дядей; их сыновья претендовали на свою долю в управлении. Новые начала в династические счеты государей вносились в Средние века весьма часто женами-иностранками. Жалоба Андрея Курбского на то, что София Палеолог внесла порчу в благочестивый род русских великих князей, представляет в этом отношении нечто стереотипное. Бодин был женат на гречанке, для которой притязания племянников его не существовали; она желала обеспечить престол за своими сыновьями. На этой почве произошли раздоры между королем Бодином и родом его, который разросся уже до 100 человек. Несколько членов этого рода были захвачены и убиты, другие бежали в Дубровник, который не хотел выдать беглецов; когда Бодин подступал к его стенам, они бежали в Царьград, так как Византийскому императору были очень на руку распри в сербской династии. Все это происходило накануне первого Крестового похода, которому было суждено познакомить Сербию с западными народами. До того времени международные сношения сербов ограничивались войнами и договорами с греками, итальянцами, племенными болгарями и полудикими мадьярами, половцами и печенегами; теперь через Сербию прошла самая блестящая часть крестоносного войска, под начальством Раймунда Тулузского, который встретился с Бодином в Скадре и обменялся с ним дарами. Но вообще недисциплинированная масса крестоносцев, грабившая все на своем пути, прошла через Сербию, как сила враждебная, вынуждавшая к отпору. Несколько лет спустя Бодин умер в том же Скадре, и в государстве его начались едва усмиренные раньше междоусобия, которые весьма быстро привели к распадению единого сербского государства на три самостоятельные части: Зету (Черногорию), Рашку (Старую Сербию) и Босну. По-прежнему в них стали хозяй-

ничать греки, которые встречали сопротивление только в новой силе, в мадьярах. Эти последние в стремлении к открытому морю, одном из самых обычных стремлений государственных народов, стремились захватить в свои руки Боснию, Хорватию и Далмацию; но препятствие в выполнении этого плана они видели не в сербах, но в Византии, которая, конечно, не могла отказаться от своей исторической традиции на Балканском полуострове. Вследствие этого мадьяры подстрекали сербов к восстаниям против Византии и затем пользовались этой борьбой для захватов именно на сербской территории. Как раз это и произошло в 1155 году, когда независимый боснийский бан Борич вмешался в войну между Венгрией и Византией, оказал большую помощь первой в осаде города Браничева на Дунае (теп. Костолац, к востоку от Белграда), а потом признал над собой верховное господство Венгрии. Мадьяры и теперь ссылаются на этот факт, видя в нем доказательство своего права на Боснию, раз речь зашла о присоединении этой провинции к Австро-Венгрии. Но надо прибавить, что господство здесь было чисто эфемерное, всего через 10 лет после того Венгрия оказалась слишком слабой, чтобы удержать в своих руках Боснию. Уже в 1166 году император Мануил отобрал ее вместе с Далмацией и Сремом и присоединил к своим владениям. Вообще он распоряжался в эту пору на Балканском полуострове почти без помехи, и род Вукана, которому он покровительствовал, захватил в свои руки Рашку. Сначала здесь был признан великим жупаном Тихомир, а несколько лет спустя, в 1168 году, *Стефан Неманя*. Таким образом, первое сербское королевство, столицей которого был Скадр, оказалось созданием личной политики двух энергичных людей; естественная зависимость от Византии была восстановлена, центр государства передвинулся на восток, в Рашку, а, вместе с тем, становилась все более слабой духовная сила, соединявшая сербскую церковь с Римом. Три части прежнего единого государства, королевства Михаила и Бодина, пошли каждая по своему отдельному историческому пути: Зета в 1170 году была присоединена Стефаном Неманей к Рашке, но ненадолго, Босния же так и осталась вне связи с возрождающимся сербским государством, которое признавалось Византией лишь на правах автономной провинции.

Как жило сербское племя в эти столетия от эпохи своего поселения на Балканском полуострове до того времени, когда с выступлением Стефана Немани на историческое поприще началась эпоха его национального развития? Нет сомнения, что эти долгие годы не прошли для него бесследно: отношения родовые, под влиянием столкновения с римским правом, начали переходить в правовые. В истории престолонаследия это обнаруживается с достаточной ясностью: не брат после брата, не все сыновья после отца делят его земли, но лишь один из сыновей наследует

отцу. Разрозненные сербские задруги и племена, из них складывающиеся, начинают объединяться в политические союзы. Вместе с тем, в юридическом быту населения наступает дифференциация. На существование рабов у древних антов и славов указывают уже византийские источники, но наличности высшего, дворянского класса мы не находим у них в древнейшую пору сербской истории: теперь, в X—XI веках образуется довольно многочисленный класс родичей великих жупанов или кралей, которые обособлены от остального свободного населения уже тем, что претендуют на свою долю в управлении государством. Это *племичи* или *властели*. В духовном быту народа христианство, можно думать, пустило уже глубокие корни: от культа родового огня осталось в виде переживания и приспособления к новым формам существования почитание родового имени. Это праздник *Крсно име* или *слава*, особенно почитаемый православными сербами. Запрещение его австрийскими властями в Боснии составляет для народа одно из самых тяжелых лишений, которое постоянно напоминает ему об его угнетенном состоянии под властью «Швабов». Наряду с христианской верой в народе была сильно распространена богомильская ересь, которая делала все большие завоевания и на западе Европы, пока не достигла Прованса и не привела к страшным альбигойским войнам. Как альбигойцы в Провансе, так и богомилы в Сербии, и особенно в Боснии, были чрезвычайно дельным и трудовым населением. Таким образом, в постоянном общении с византийской культурой и кое в чем соприкасаясь с западной католической жизнью, сербское племя переходило от своего первобытного состояния к политическому и культурному развитию.

ГЛАВА III

История Сербии от Стефана Немани до Стефана Душана

Под конец XII века в Сербии наступает новая эра государственного существования, характеризующаяся как перенесением центра тяжести с запада на восток, так и образованием новых государственных отношений с Царьградом, который до самого этого времени смотрел на все попытки сербов сплотиться в одну державу, независимую от Византии, как на своего рода бунт. Теперь эти отношения принимают совершенно новый оборот, и Византия выступает уже в качестве государства-покровителя. Разумеется, такая перемена могла осуществиться лишь при изменении и в самых сербских внутренних отношениях. Сербское племя с этого времени разделяется на две части, из которых одна все больше входила в систему западных и католических государств, а другая примкнула к культуре восточной, византийской. Босния со своими банами

пошла одним путем, Рашка и объединенная с нею Зета, а также земли, завоеванные Неманичами, стали развиваться под непосредственным и сильным воздействием Византии, а иногда и в борьбе с ней. Одновременно на развалинах старых сербских государств Михаила и Бодина возникли два самостоятельные сербские государства, Босния и Рашка.

История этого восточно-сербского государства начинается с половины XII века, — история, во многом еще невыясненная, исполненная противоречивых данных, неразобранных имен, спутанной хронологии. Среди довольно многочисленных попыток разобраться в начатках этого государства особенно интересны статьи Л. Ковачевича и Д. Иовановича¹. Борьба двух государств на Балканском полуострове, Византии и Венгрии, а также первое выступление новой силы, Германии, очень ярко и рельефно обнаруживаются уже в истории Стефана Немани, а также и его непосредственных предшественников, к которым мы теперь и обратимся.

О своих предках говорит сам основатель нового сербского государства в грамоте Хиландарскому монастырю на Афоне в 1198 году. По словам вкладчика, великого жупана, «эта сербская земля» принадлежала уже прадедам и дедам Стефана, который «обновил свою дедину и больше утвердил ее, Божьей помощью и своей мудростью, данною ему от Бога, и воздвиг погибшую свою дедину и приобрел от морской земли Зету и с городами, а от Албании Пилот, а от греческой земли Лаб с Липляном и др. города». Характерно, что в этой грамоте великий жупан ни слова не говорит об отце, точно он и не был государем: именно, он *восстановил* свою дедину, свое право на владение дедовской и прадедовской землей. По-видимому, это можно понять лишь в том смысле, что отец Немани на престоле не был, и остается выяснить значение этого факта. Мы должны вернуться к половине XII века. В это время на сербском престоле сидит великий жупан Премислав Урош, который поддерживает самые дружеские отношения с венгерским королем Гейзой и участвует в его войне с византийским императором Мануилом, причем силы восставших против Византии сербов были, по-видимому, сосредоточены в области верхней Дрины². После некоторой борьбы Мануил усмирив восстание сербов, которые и предложили императору указать, кого он пожелает видеть на великожупанском престоле: свергнутого повстанцами Уроша, или его брата? Император велел вернуть права сверженному Урошу, и в продол-

¹ Л. Ковачевич, «Неколика питања о Стефану Немани». Глас. Српске Краљевске Академије. 58 кн. 1900. — Л. Иованович, «Прилози хронологији живота Стевана Неманье и Светога Саве». Глас. 64. Ср. также Сречкович, «Историја српског народа», кн. 2, 1888.

² Ср. К. Грот, «Из истории Угрии и славянства в XII веке», 1889.

жение следующих 8 лет (1153—1161) в Сербии господствовало спокойствие, пока на сцену не выступило соперничество Венгрии с Византией из-за преобладания на Балканском полуострове. Когда в 1161 году в Венгрии совершился переворот, т.е. умер король Гейза II, и Мануил задумал посадить на престол его брата Стефана, жившего в Царьграде и женившегося на императорской племяннице, сербы были убеждены, что между соперничающими государствами начнется война, которой им и следовало воспользоваться в своих целях. Однако, никакой войны не произошло, а заплатился сам жупан: Мануил потребовал его свержения, а престол передал его брату Десе, который владел богатой и очень населенной страной около Ниша, которую греки называли Дендра (дерева), а сербы Дубочицей (от слова *дуб*). Но и этот жупан оказался не на высоте задачи, возложенной на него византийским правительством, и опять попытался извлечь выгоды из предвидевшейся венгерской и греческой войны. Византийский историк, Кинам, дает подробное описание сербско-греческих отношений этого времени. Он говорит, что Мануил с войском пришел в Ниш, который и тогда был, и теперь остался пунктом, в котором скрещивались два пути, на запад в Сербию и на север в Венгрию. В Нише император предполагал устроить свои сербские дела. «По царской милости, — говорит Кинам, — Сербией владел в то время Деса. Добившись власти над этой землей, он нарушил договор и, опять заняв землю Дендра (которая, значит, должна была в силу уговора опять вернуться во владение Византии), объявил себя независимым от греков и отправил посольство к немцам с намерением достать себе у них жену; да и во всем остальном он действовал вопреки интересам греков. Поэтому, когда император потребовал, чтобы Деса участвовал в войне против Венгрии, он стал медлить и отделяться от похода; он предался неосуществимым надеждам и со дня на день откладывал выступление. И вот, находясь в Нише, откуда одна дорога ведет в Сербию, а другая в Венгрию к Дунаю, он расположился здесь лагерем в том месте, где пути расходятся. Заметив угрожающую ему опасность, Деса отправился в лагерь царя со всем войском, какое у него было». Мануил пренебрег кознями сербского князька и принял его дружелюбно, но тот немедленно принялся за свои интриги и, встретившись с послами венгерского короля, назвал этого последнего своим государем. Это было предлогом к резкому столкновению между Мануилом и Десой, которое кончилось тем, что сербский жупан должен был принести новую присягу на верность византийскому императору. Но на этом дело, кажется, не кончилось: едва ли года через три Деса не был изобличен в новых сношениях с Венгрией, привлечен к суду и отправлен в заключение в Царьград. Мануил заключил мир с венгерским королем Стефаном III и не имел никакой надобности мирволить далее сербскому жупану.

Он был смещен и заменен Тихомиром, сыном Завиды, который на престоле не был; младшему брату Тихомира, Стефану Немане, император дал ту греческую область около Ниша, Дубочицу, которая и прежде переходила по греческой милости из одних рук в другие. Только теперь, как намеренно подчеркивает старший сын Немани, Стефан Первовенчаный, Мануил отдал эту землю всецело в распоряжение Немани, с которым он встретился и сошелся в «Нишевской стране». Император будто бы произнес: да будет эта земля твоей, и пусть она принадлежит навеки тебе и твоему потомству, и ни с кем не разделяй власти над ней: ни со мной, ни с моими ближними. В такой категорической форме пожалования обнаруживается прежде всего твердое стремление самого писателя, Стефана Первовенчанного, видеть в основателе династии независимого государя. Сербский же историк Сречкович видит в расположении Мануила к Стефану именно награду за его покорность, и едва ли его точка зрения не верна. Вряд ли, в действительности, эта независимость существовала так определенно, как этого хотел биограф Немани. Про зависимость его предшественника, Тихомира, мы знаем кое-что более определенное иное. Дело в том, что и Тихомир подчинился тому искушению, которое погубило уже нескольких из его предшественников: именно и он захотел воспользоваться трудным положением Византии, чтобы попробовать добиться полной самостоятельности. Один из современников, трирский архидиакон Вильгельм, передает этот эпизод следующим образом (см. *Грот*, «Из истории Угрии и Славянства», 382): «В это время (это было в конце 1168 года) император Мануил находился в Сербии; это — гористая и поросшая лесами, трудно доступная страна, лежащая посередине между Далмацией, Угрией и Иллириком. Сербы возмутились, надеясь на теснины путей, ведущих к ним, и на непроходимость своей страны. Это народ необразованный, без всякой дисциплины, обитатель гор и лесов, незнакомый с земледелием; сербы богаты стадами домашнего и вьючного скота, молоком, сыром, маслом, мясом разных животных, медом и воском. Они имеют правителей, называемых жупанами, иногда служат императору, а иногда, выходя из гор и лесов, опустошают всю окрестную страну, так как они люди смелые и воинственные. Именно, вследствие того, что их соседям не стало от них житья, император пошел на них с большой храбростью, взяв с собой бесчисленное войско». По словам этого писателя, который смотрел с высоты своей латинской образованности на сербов, как еще на совершенных варваров, император Мануил покорил повстанцев и взял в плен их вожда. Вслед затем мы встречаем в качестве великого жупана уже Стефана Неманю, младшего брата Тихомира, а в истории сербского народа начинается новая эра.

Неманя проявил себя уже во время жупанства своего брата, Тихомира. Он представлял собою самого верного приверженца Византии, которая по принципу *divide et impera* охотно разделила сербские земли на две части, передав власть над «восточной стороной его отечества», по словам нашего источника, Немане. Эта часть охватывала жупы по рекам Топлице, Ибару, Расине и «так называемые Реки». Если провести линию от южной границы Сербии к такой же границе Черногории, то восточная сторона образующегося при этом треугольника и была отдана Стефану. Братья его также получили небольшие владения: Мирославу император дал Хум (Холм), а Страцимиру область по р. Западной Мораве с городом Чачаком. Все это области, занятые восточным сербством, которое и объединилось впоследствии в одно царство. Насколько уже и тогда была сильна тенденция к объединению, видно из того, что всякий новый жупан, попадавший на свой престол, милостью византийского императора, сейчас же принимался готовить против него ковы с целью освободиться от цареградской опеки и забрать в свои руки всю власть над сербскими землями. От этого пострадал и Стефан Неманя, который поспешил укрепить свое влияние в полученных областях постройкой церквей и монастырей и привлечением на свою сторону духовенства. От внимания Тихомира не укрылась эта подозрительная деятельность Стефана, и он, сам подумывая об округлении своих границ, увидел в брате опасного соперника. В происшедшей междоусобной войне Стефан попал в руки Тихомира, который заключил его в темницу. Опять, как мы уже узнаем, в дело вмешался византийский император. По низложению Тихомира великим жупаном был сделан Стефан, однако, при условии отказа от двух жуп, имевших громадное стратегическое значение: через Дубочицу и по области Рекам открывался путь в самую глубину Сербии. Поэтому вынужденная уступка этих областей могла признаваться Стефаном лишь до поры до времени, пока он был слаб. Но за это Стефан получил престол, на который он не имел права. Остальные братья, Мирослав и Страцимир, сохранили свои земли, которыми они владели, как удельные князья. Таким образом, император Мануил устроил Сербию и мог ожидать спокойствия с этой стороны, которая доставляла ему столько хлопот. Но ожидания его не сбылись: вскоре после 1168 г. Неманя оказывается во вражде с Византией. У нас есть два свидетельства об этом времени, и оба чрезвычайно характерны: одно из них сербское, партийное, исходящее из-под пера сына Немани, Стефана Первовенчанного, другое принадлежит византийцу Никите Хониате, для которого стремления Немани были, конечно, прежде всего «крамолой». Стефан сваливает всю вину на каких-то врагов отца, которые, собравшись в царстве, греческой земли, надеялись получить помощь от греческого императора.

Они наняли и собрали «множество народов»: греки, франки, турки и многие другие народы составили их войска и вошли в сербскую землю «с силою многую». Стефан поспешил навстречу врагам, и на речке Ситнице, на Косовом поле, выдавшем столько крови в истории сербского народа, произошла битва: Неманя вышел победителем и, по словам его панегириста, «принял все свое отечество и, слава Бога, возвратился на свой престол, и родил сыновей и дочерей, которых просветил божественным крещением. Он собрал погибшую свою землю, ограждая ее крестом Христовым, и князей своих научил уподобляться ему и старцев умудрил премудростью вышнего благодетеля».

Несколько иначе рассказывает об этом событии византиец. Прежде всего он дает нам ясно понять, кто выступил против Немани, вскрывая этим тайные пружины хитрой византийской политики. Видя неприятное для него усиление Стефана, Мануил поспешил натравить на него его брата Тихомира, бывшего в плену в Константинополе. «До него дошел слух, что сербский государь, по имени Стефан Неманя, стал не в меру дерзок, что он занимается тем, что не касается его, и, питая ненасытное властолюбие, мечтает прибрать к своим рукам все в этих странах. Говорили, что он обижает своих родственников и мечом истребляет свой род и даже, не зная никаких пределов своему честолюбию, стремится занять Хорватию и присвоить власть над Котором. Желая удостовериться относительно намерений Немани, император послал к нему с войском Федора Падията. Но враждебность и наглость Немани дошли до того, что он сейчас же начал войну и, не предупреждая, напал на греков». О битве на Ситнице и неудачах греков византийский историк дипломатично умалчивает. В битве погиб и Тихомир, так что властолюбию Немани, действительно, был дан широкий простор.

Неманя не замедлил воспользоваться им. Направление новых завоеваний диктовалось исконным стремлением сербского племени к морю. Обладая Рашкой, было необходимо двинуться на запад, к Черногории (Зете), но здесь правили вассалы Византии, и, следовательно, Стефану приходилось вступить в новый конфликт с Мануилом. И, действительно, в 1170 году Неманя завоевал Зету и неретванскую (нарентскую) Краину, а через три года оказался уже разбитым Византией. Если ему дали вздохнуть свободно и в эти три года, то произошло это потому, что вековая борьба между соперниками в балканской политике, Венецией и Византией, вспыхнула с новой силой. Венеция знала, что в лице Сербии она всегда найдет союзницу для борьбы с греками, а, кроме того, рядом с Сербией развивалось и другое сербское государство, Босния, бан которой Кулин поддерживал дружеские отношения с Неманей. Надо было выжидать время, чтобы нанести этому последнему удар, и притом неожидан-

ный. Случай подвернулся именно в 1173 году, когда смена престола в Венгрии могла вызвать вмешательство Мануила. Когда же дело с Белой, которому покровительствовал император, уладилось, он неожиданно направил все свои силы против Стефана Немани. Для Мануила венгерская удача была чрезвычайно важна: кроме непосредственного влияния на дела обширного Венгерского королевства, ему удалось присоединить к своей империи две важных области, Далмацию и Срем. С этого момента и мятежная Сербия не могла рассчитывать на поддержку своей северной соседки, Венгрии. И мог ли Мануил терпеть, чтобы при таком блестящем успехе его внешней политики ничтожная Сербия, государь которой назывался просто великим жупаном, оставалась независимой. Он должен был сокрушить ее спесь и действительно сокрушил: Неманя признал верховенство Византии, вернул захваченные недавно греческие провинции, обещал Мануилу помогать ему в войнах и для выражения покорности лично отправился в Царьград. Но и Неманя приобрел весьма реальные выгоды: Зета была оставлена за Сербией, а брат Стефана сделался великим жупаном Хума. После этого в продолжение нескольких лет, до смерти Мануила (1180), Сербия могла развиваться беспрепятственно.

Насколько важны были эти внешние приобретения Сербии, настолько же серьезное значение имела внутренняя политика Стефана. Важнейшим вопросом здесь являлся вероисповедный: кроме православия, в Сербии укоренилось католичество, и рядом с каноническими церквями развивалась пришедшая из Болгарии ересь богомильская. Особенно прочное гнездо она свила в Боснии и в Рашке. Таким образом, стремясь к государственному единству, Неманя должен был уничтожить тот религиозный разброд, который разделял население на католиков, православных и богомилов.

Собственно говоря, Неманя должен был считаться только с первыми двумя религиями, за которыми стояли большие политические силы, Рим и Византия; богомилов он мог искоренять, не опасаясь встретить отпор с какой-либо сильной стороны. Но, допуская полную терпимость по отношению к каждой из двух главных церквей, сербский жупан должен был все-таки опереться на одну из них всецело. С полным пониманием государственных выгод он выбрал ту церковь, к которой принадлежало большинство населения в Рашке, и которая находилась под покровительством всегда страшной для него Византии. Сам Неманя, принявший сначала крещение по католическому обряду, потом перешел в православие: «и паки сподобился принять второе крещение от руки святителя и архиерея посреди сербской земли», как говорит его житие, составленное Стефаном Первовенчанным. Само собой разумеется, что православным продолжателям дел Стефана его переход в православие и дальнейшая деятель-

ность в православном духе представлялись первоучительством, апостольством, просвещением еще совсем темного народа, но, конечно, это несправедливо. Как правильно отмечает проф. В. В. Качановский («История Сербии с половины XIV до конца XV в.», т. I. «Критическое исследование источников», 1899), «нисколько не умаляя значения заслуг основателя Сербского государства, жупана Стефана Немани, и первого сербского архиепископа св. Савы, можно с полной уверенностью сказать, что без предварительной подготовительной работы в деле распространения христианских истин в сербском народе неизвестными определенно истории деятелями, как предшественниками, труды их относительно просвещения своего народа светом христианской истины не могли бы принести столь быстрых, успешных результатов». Во всяком случае, вступив на путь православной политики, Неманя решительно пошел по нему вперед; он не ограничился усиленным церковностроительством, за которое его жития, составленные сыновьями, превозносят в таких неумеренных выражениях, но и задумал разрешить богомильский вопрос, обнаружив этим замыслом большую политическую прозорливость. Кто помнит, какую страшную роль сыграли в истории Боснии и Герцеговины богомильские элементы, быстро переходившие в мусульманство, когда эти провинции достались туркам, тот поймет смысл намерения Стефана искоренить секту, которая занимала в государстве положение недружелюбное и держалась в стороне от политического развития страны, так как видела в себе лишь «христианское» (крстьянско) братство. Неманя, устанавливая государственную и церковную организацию и исходя из начала централизации, не мог не столкнуться с таким разлагающим государством элементом, каким была эта ересь. Поэтому Неманя предложил богомильский вопрос на разрешение созванного *ad hoc* собора, который и осудил эту ересь.

С богомилами Неманя расправился с большой жестокостью: «одних он сжег, других наказал иными способами, третьих изгнал совсем из своей земли; собрав все их дома и имущество, он роздал их прокаженным и нищим. Учителю же и начальнику (бигомилов) за то, что он отрицал божественность Христа, он отрезал в гортани его язык, книги его нечестивые сжег, а самого отправил в изгнание, запретив даже упоминать его проклятое имя». Так повествует панегирист Немани, его сын, и в самом тоне его рассказа чувствуется, сколько злобы накопилось у Неманичей против богомилов. Нет сомнения, однако, что этот решительный переход на сторону канонической церкви оказал Стефану большую услугу. В качестве противника ереси он мог искать помощи у папы, не разрывая, однако, и с Византией, и в этом направлении Неманя достиг большого успеха: ему было необходимо сохранить самостоятельность и

католической церкви в своей стране, как независимостью воспользовалось в скором времени и сербское православие, и вот он решительно выступил против того, что епископ Бара (Антивари) признал свою подчиненность Сплетскому (Спалато) архиепископу. В начавшихся по этому предмету переговорах с курией одержал верх Стефан. Таковы были культурные завоевания, совершенные Неманей. При всем их значении этот последний оставался все-таки вассалом Византии, — положение, которое могло продолжаться лишь до смерти могущественного Мануила. Его смерть была для Сербии лозунгом освобождения, чем она была и для боснийского бана Кулина и для венгерского короля Белы. И, действительно, с 1180 года начинается новый период упадка в Греческой империи. Внутренними раздорами воспользовались Неманя и Бела, которые, заключив союз, двинулись по направлению к средне-балканским провинциям Византии. Часть сербских войск направилась к Косову полю, другая двинулась в Болгарию, где давно уже готовилось восстание против греков. Таким образом, в течение короткого времени, с 1183 по 1189 год, Стефан присоединил к своему государству как юго-восточную Сербию с Нишем, так и часть Болгарии, до Софии. Но все эти приобретения не отличались прочностью, они были сделаны в момент слабости двух исконных конкурентов, боровшихся из-за власти на Балканском полуострове, Византии и Венгрии. Теперь эта последняя начинала крепнуть, и Стефану следовало позаботиться о какой-нибудь новой поддержке. Случай ему помог. Новый крестовый поход привел германские войска на Балканский полуостров, и император Фридрих Барбаросса проходил через государство Немани, который поспешил вступить в сношения с могущественным германским императором. Племянник Немани, Толен¹, должен был вступить в родство с германской династией, так что случайные связи могли превратиться в прочный союз, — обычный средневековый способ улаживать международные отношения. В этом случае оба контрагента поступали чрезвычайно разумно: Германия приобретала помощника против Византии, с которой ей приходилось все чаще сталкиваться, Неманя мог в известную минуту опереться на Германию, но она была отделена от него другими государствами, так что непосредственного подчинения германской силе Неманя мог не опасаться. А между тем Стефану приходилось опять враждовать с Византией: одушевленный идеей собирания сербских земель, он должен был поддерживать и вос-

¹ Толен был сыном Мирослава, который был женат на сестре боснийского бана Кулина. Такие тесные связи соединяли две сербские династии XII в. См. об этом статью К. Ииречека: «Толjen, син кнеза Мирослава Хумского». Глас. 35 т. 1892.

стание болгар, которые своим бытом и языком, вероятно, почти совсем не отличались от сербов и, во всяком случае, поддерживали с этими последними живое общение на почве религиозного единства. Результаты умного шага Немани обнаружилились скоро; пока Барбаросса был жив, Стефан делал одно земельное приобретение за другим: так, он захватил Призрен, Вранью и другие города к югу от Ниша, в котором произошло свидание государей. Во всяком случае, теперь у Немани было что уступить, если бы греки оказались в состоянии выступить против него с оружием. Смерть Барбароссы и отлив крестоносных сил в Малую Азию развязали руки императору Исааку Ангелу, и он ударил на сербского жупана, который был вынужден вернуть захваченные земли, но зато получил от Византии весьма для него важное признание независимости Сербии. Это было в 1190 году, и в продолжение двухсот лет маленькая Сербия сохраняла свою самостоятельность. Последние годы жупанства Стефана Немани протекли спокойно, между тем как в Византии произошли события, оказавшие сильное влияние на судьбы Сербии. Вечная борьба дворцовых партий и династий привела к тому, что брат императора Исаака, Алексей Ангел, отнял у него престол (1195). От этого дворцового переворота Сербия могла только выиграть: новый император приходился родственником по браку одному из сыновей Немани, Стефану. Как можно думать по различным данным, он не был старшим сыном Немани. У старика было три сына: старший Вук или Вукан, средний Стефан и младший Растко, который еще в юности ушел на Афон, постригся здесь в монахи под именем Савы и сделался первым архиепископом Сербской церкви. Таким образом, престол должен был принадлежать после смерти Немани его старшему сыну, а таковым был, по-видимому, Вукан. Между тем любимцем отца, его «*Иаковом*», по выражению старосербских источников, был не Вукан, а Стефан, и он же состоял в родстве с новым византийским императором и своим пребыванием на престоле мог обезопасить границы Сербии от агрессивных действий Византии. Это соображение должно было оказать влияние на намерение Стефана Немани сделать своим преемником младшего сына, минуя старшего, но такую смелую реформу он мог произвести лишь при своей жизни, санкционируя ее своим авторитетом и самоотверженным служением своему «*отачаствию*» (родине). Следовательно, ему не оставалось иного выхода, кроме отречения от престола: недаром Сава так горячо призывал отца закончить свои дни в тишине монастырской кельи. «Ты совершил в своем земном царстве апостольский подвиг, просветил православием людей своей земли, изгнал волков ереси, низверг бесовские храмы, воздвиг церкви Богу, научил почитать сына, равного Отцу и сопредельного Духу» и т. п.: так писал Сава своему отцу, точно забывая (или, вернее, забывал

позднейший историк, вложивший свою характеристику царствования Немани в уста его сына), что и до Стефана христианство уже существовало в Сербии. Стефан, действительно, принял монашество. Перед этим, 25 марта 1196 года, он созвал собор из «воевод, тысячников, сотников и других благородных, как больших, так и малых», и заявил им о своем намерении «постигнуть пустыню». В ответ на это, рассказывает биограф Немани, раздался плач, подобный грому, так что чуть не потряслось место, на котором стояли собравшиеся, но намерение Стефана было неизменно: поставив на свое место сына Стефана, «зятя кир Алексея, царя греческого», как подчеркивает сын Немани, Сава, как бы выдавая этим истинную причину предпочтения Стефана перед Вуканом, — Неманя удалился в монастырь Хиландар на Афоне. Быть может, это предпочтение, оказанное младшему сыну, исходило и из других соображений: Вукан был при жизни отца его наместником в Зете и здесь, подобно Михаилу и Бодину, подчинился римской культуре, женился на латинянке и заискивал перед папой, который в своих письмах величает его королем Дуклеи и Далмации. Такое лицо, действительно, неудобно было видеть на великожупанском престоле Сербии, и Неманя ограничился тем, что признал его великим князем и, по-видимому, оставил за ним те западные сербские земли, которыми он владел раньше.

Но этот шаг престарелого Немани повлек за собой весьма серьезные последствия. Как он ни заклинал сыновей не враждовать между собой, распри в таких случаях были слишком обычным делом в Средние века. Так, едва умер венгерский король Бела III (1196), как его сыновья пошли друг на друга. Для Сербии это было чрезвычайно опасно: претенденты на венгерский престол, Андрей и Эмерих, могли помириться, лишь поделив между собой отцовские владения, но каждому было мало своей части; Эмерих задумал покорить Боснию и Рашку. Но пока Сербия держалась крепко в единении, на покорение Рашки рассчитывать было трудно: оставалось воспользоваться теми семенами раздора, которые были брошены рукой Стефана Немани. Сам он не дожил до этого времени: через несколько лет после пострижения в монахи он мирно скончался. Сербская церковь признала его святым под именем св. Симеона, и мощи отца Сава взял с Афона и перевез в Сербию. На престоле сел второй сын Немани, Стефан, получивший впоследствии название Первовенчанного, первый православный король Сербии, личность сложная и интересная, настоящий предшественник Стефана Душана в политике лавирования между Западом и Востоком, искания поддержки то в папе против Византии, то наоборот. Условия жизни должны были создать в Стефане характер гибкий и решительный; он вовсе не тот благочестивый боголюбец, каким его изображают монахи-биографы, а, напротив, политик реаль-

ный, не останавливающийся и перед уклонением от этого боголюбия и придерживающийся принципа: «Цель оправдывает средства». Уже самое вступление Стефана на великожупанский престол помимо старшего брата Волкана или Вукана было известного рода компромиссом, последствия которого не замедлили обнаружиться. Если Вукан и согласился ограничиться княжением в Зете и Требинье, как его дядя Мирослав самостоятельно правил Хумом, то он делал это поневоле, пока Стефан мог дать ему отпор. В конце же XII века события приняли явно неблагоприятный для Сербии оборот: между венгерскими принцами, Андреем и Эмерихом, разгорелась вражда. Примирение между братьями свелось к разделу земель и влияний, причем каждый из них должен был надеяться на увеличение своей области силою собственного оружия. Эмерих направил свои помыслы на завладение Рапкой и встретил в этом отношении полное сочувствие со стороны нового папы, знаменитого Иннокентия III, который вовсе не отказывался от надежды снова подчинить римскому влиянию отпавшую в схизму Сербию. Таким образом, новый папа и венгерский король были естественными союзниками. Смерть Мирослава, брата Немани, дала повод к захвату Хума (1198) венгерцами. Отсюда уже легко было двинуться дальше по пути завоевания всей Сербии. В том же году великий князь Вукан обратился к папе с жалобой на то, что в соседней Боснии чрезвычайно сильно разрослась богомильская ересь, но бан Кулин парализовал его интриги, удостоверив Иннокентия III, что он отдался ереси по неведению и готов отречься от нее. Принял свои меры и Стефан: он отправил в Рим послов с предложением принять Сербию под покровительство папы и с просьбой за это прислать ему королевскую корону. Папа был поставлен в довольно трудное положение: ему приходилось выбирать между Венгрией, которая всегда так охотно повиновалась курии, и мятежной Сербией, которая на этот раз сама шла навстречу Риму. Папа нашел выход и из этого положения: Сербия, казалось, все равно не могла уйти от него, но следовало поддержать не Стефана, так явно сочувствовавшего православию и Афону, а его брата Вукана, преданного латинству, недовольного великим жупаном и готового восстать на него. В таком направлении и пошла политика Рима: теперь Стефану отказали в короне, которую уже собирались послать ему, а Вукана поддержали, и вместе с королем Эмерихом он вступил летом 1202 годы в Рапку и занял великожупанский престол. Вукан или, как просто называет его византийский историк Никита Хониат, Волк, принял титул великого жупана. Этот титул подробно записал какой-то неизвестный писец, отметивший в Евангелии, хранящемся в С.-Петербургской Публичной Библиотеке, следующее: «Господь наш Иисус Христос по неиз-

меримой своей милости и по изволению Пресвятой Госпожи Богородицы передал честной венец великому жупану Волку, владычествующему над своей сербской землей, и зетской страной, и поморскими городами, и нишевскими пределами, — велеродному, велеславному, великому жупану Волку, сыну самодержавного господина своей области Стефана Немани» (Л. Стоянович, «Стари српски записи и натписи» I, № 7). Таким образом, приморская Сербия, Рашка и Ниш были опять объединены под властью одного лица, но титул короля — rex Servie — принял венгерский король, который и до сих пор сохранил в своем титуле эту прибавку, никогда не имевшую реального значения. Стефан должен был бежать, но торжество Вукана продолжалось недолго. События в этой части Европы разворачивались с чрезвычайной быстротой: в 1202 году престолом завладел Вукан, и приписчик к Евангелию успел занести в эту книгу все его титулы, а в том же самом году начался четвертый крестовый поход, приведший, как известно, к совершенно новому порядку вещей на Балканском полуострове. В Венгрии вспыхнули новые раздоры между братьями Эмерихом и Андреем, и Вукан остался без всякой поддержки. Основание латинского царства в Византии в 1204 году так поглотило внимание курии, что ей было не до вмешательства во внутренние распри ничтожной Сербии. Вукан и Стефан стали лицом к лицу. Между тем Болгария переживала новый период короткого расцвета: царь Кало-Иоанн (1196—1207) занял, пользуясь беззащитностью Сербии, целый ряд городов, как по Дунаю (Белград, Браничево), так и в Рашке (Призрен, Скопье) и даже Ниш. Вукан оказался не в состоянии бороться дальше, и Стефан сверг его с престола и занял его место. Однако, он был настолько умен, что не поспешил отомстить своему обидчику, а, напротив, примирился с ним, причем домашние источники приписывают выдающуюся роль в этом событии Сава. Результаты этого примирения не замедлили обнаружиться. С обычным своим сентиментализмом наш источник, монах Феодосий, говорит, будто бы все, видя братскую любовь Вукана и Стефана, «прилагались к ним своей любовью». Дело обстояло, конечно, иначе: политические расчеты не позволяли Стефану дробить сербскую землю, потому что положение страны было в высшей степени тревожное. Сава вернулся в Сербию и принес с собою мощи св. Симеона (Стефана Немани), которые были встречены на *сербской границе* в Хвосне (около Дечан, монастыря в Старой Сербии). Таким образом, символически вся семья Неманей собралась, чтобы постоять за родную землю. Дальнейшей судьбы Вукана мы не знаем, но имена его сыновей сохранились: один из них, Георгий, был князем Диоклеи, другой, Димитрий, называется жупаном, третий, Стефан, князем. Очевидно, Вукан удовлетворился ролью

удельного князя¹, а вся тяжесть борьбы легла на плечи Стефана. Враги между тем надвигались со всех сторон. Прежде всего пришлось обороняться от совсем неожиданного неприятеля. Стефан вмешался во внутренние дела Болгарии, где только что погиб царь Калоян, и его преемник Борил спешил расправиться с родственниками Калояна. В числе этих последних находился и Стрез, которого наш источник называет почему-то *готом*. По-видимому, он владел землями в Македонии, по реке Вардару. Стефан поддержал Добромира Стреза и будто бы «передал ему полцарства болгарского, дав ему войско свое в помощь и сам помогиши ему, и утвердил его в городе, называемом Просек (на Вардаре)». По увещанию Стефана, к Стрезу примкнули и некоторые из «загорских владетелей», т.е. мелких македонских князьков, так что к юго-западу от Рашки образовалось довольно сильное дружественное Сербии государство. Но великий жупан ошибся в своих расчетах.

Латинское царство, основанное крестоносцами, относилось неприязненно к славянским государствам на Балканском полуострове. Усиление Сербии, грозившее поглотить и Болгарию, как оно уже подчинило своему влиянию «половину болгарского царства», не могло быть приятно королю Генриху, потому что оно слишком возвеличивало одно государство на Балканах. Следовало ослабить Сербию и, стало быть, заключить мир с царем болгарским Борилом. Мир перешел в союз, который грозил самыми серьезными опасностями Стефану. Он полагался на Стреза, но этот последний изменил. Сербский летописец рассказывает всякие ужасы об этом князе, перебирая его жестокие выходки и коварные поступки и противопоставляя этому необычайную душевную мягкость Стефана, которому, в сущности, вовсе и невыгодно было ссориться с Добромиром. На него готовилось нападение. Король латинского царства Генрих, примирившись с Борилом, двинулся к Сербии и дошел до Ниша. Что здесь, собственно, произошло, сказать трудно: ночью, по словам самого Стефана, внезапно раздались вопли, и «преподобный невидимо рассеял ополчившихся врагов наших». Враги побежали, рубя друг друга, и они «побеждали друг друга» и ушли с позором и поношением. Вероятно, это была одна из тех ночных паник, которые возникают, по-видимому, без всякой причины и уже столько раз в истории войн вызывали бегства отрядов, панику среди лошадей, смятение и гибель целых полков. Стефан вздохнул свободно, но ненадолго: теперь ему объявил войну Стрез.

¹ О князе Вукане и его потомстве см. исследования архимандрита *Руварца* в «Годишнице Николе Чупича» (кн. 10, 1888) и в том же издании, кн. 14 за 1894 год, а также см. статью *Иеречека* в «Споменике Српске крал. Академ.» т. XI.

Никакие увещания Савы не действовали; видя его «каменноумие», Сава ночью тайно отправился домой, «радуясь непобедимости силе Божией». И эта сила проявилась в ту же ночь; среди ночи Стрез страшно закричал и потом едва успел промолвить: «какой-то страшный юноша, по повелению Савы, напал на меня спящего и, выхватив мой меч, пронзил мне сердце», как умер. Сава горько плакал о его «непокаянии», но его печаль могла легко успокоиться: Сербия была освобождена от страшного врага. Однако, в том же году поднялся еще один неприятель: деспот эпирский, Михаил, захватил, пользуясь отсутствием Стефана, сербский город Скадр. Предстояла война, но «один из рабов Михаила, восстав, разрубил его мечом на одре его, и злою смертью он предал свою душу, в поношение всем зрящим, на радость же всем надеющимся на Господа и на святых угодников его». В этом умилительном тоне рассказа чувствуется человек, знающий несколько больше того, что он хочет сказать. Странно как-то, что всех врагов Стефана постигала неожиданная смерть, ночью, от меча. Византийские традиции, преемником которых был Стефан в своей политике, по-видимому, не остались без влияния и на его отношение к врагам: наемные убийцы были хорошим, испытанным средством раздвигаться с врагом. Благодаря этому, великий жупан Рашки после многолетней войны с самыми различными врагами имел в 1214 году лишь двух неприятелей, для которых усиление Сербии представлялось недопустимым делом. Это были латинское царство в Константинополе и Венгрия, прежние соперники в балканской политике.

В 1216 году они соединились, чтобы совместными усилиями сокрушить Стефана, который был тем более опасен, что явно сочувствовал императору Теодору Ласкарису, основавшему новую Византийскую империю в Малой Азии после взятия Константинополя крестоносцами. Однако, и от этой опасности Стефан избавился очень счастливо. Войска венгерского короля Андрея и Генриха, которого наш сербский источник называет царем греческим Ерисом Филандром (Генрих d'Angre), сошлись у города Ниша, и Андрей пригласил Стефана на свидание.

Была весна, время, когда на Балканском полуострове чаще всего начинались войны. Поэтому времени нельзя было терять, и Стефан поспешил на границу своего государства, в город Равно (теперь Чуприя, к северу от Ниша). Здесь он пришел к полному соглашению и примирению с Андреем, причем условия мира нам неизвестны: по всей вероятности, как предполагает один из исследователей (Новакович в Годишнице Н. Чуича. I), дело не обошлось без территориальных уступок со стороны Сербии. Но в чем они заключались, трудно сказать определенно. Во всяком случае, руки у Стефана были теперь развязаны, и он мог обратиться против другого своего врага, Генриха, который и попал в ловушку, ока-

завишлись запертым в теснине между горами. Только по просьбе Андрея, бедный латинский король был отпущен без большого ущерба. Мы видим, таким образом, что от всех своих неприятелей сербский великий жупан извлекся весьма счастливо. Следовало подвести итоги всем этим удачам и закрепить их каким-нибудь актом, признававшим за Сербией те преимущества, которые были добыты не столько силою сербского оружия, сколько необычайной дипломатической ловкостью жупана. Этим актом могло быть лишь торжественное признание завоеванной уже раньше независимости сербского государства, но эта независимость не была полной до тех пор, пока сербская церковь не добыла автокефалии. Самый титул великого жупана не заключал в себе никаких указаний на независимость государства; он был так оригинален, так чужд Европе, что с ним не связывалось никакого определенного представления. Значит, мог рассуждать Стефан, жупанство следует превратить в королевство, а сербской церкви нужно дать самостоятельную главу. Этот последний и был уже намечен. Кто мог быть лучшим сербским архиепископом, чем Сава, уговоривший еще отца, Стефана Неманю, постричься в монахи и оказавший впоследствии столько неоцененных услуг Сербии при ее войнах с бывшими союзниками? В 1219 году Саве удалось преодолеть сопротивление цареградского патриарха Мануила, не желавшего лишиться власти над сербской церковью: он рукоположил Саву в архиепископы сербские и дал ему право организовать сербскую церковь. Как видно из наших источников, работы предстояло очень много: во-первых, следовало дать новой автокефальной церкви епископов; во-вторых, было необходимо распространить хоть кое-какую церковную книжность; в-третьих, предстояло даже просто ввести церковный обиход там, где его еще не было.

С первой задачей Сава справился с помощью совета «благородных», который опять появляется на сцену, как в истории уничтожения богемильской ереси. По их указанию, было основано 8 епископских кафедр, которые заняли прирожденные сербы, приглашенные Савой из Хиландарского афонского монастыря. Книги Сава или раздобыл, или даже переписал, а может быть и заново перевел «много книг законных об исправлении веры, которых требовала соборная церковь его»; наконец, следовало еще просто распространить христианскую веру, и для этой цели Сава выбрал из своих учеников достойнейших и разослал их по стране, снабдив книгами; эти епископы и протопопы должны были «венчать род человеческий, собирать в церковь всех, старцев, средовечных и молодых мужей и жен и всех детей, которые были рождены от них без благословения по закону. Собирая их вокруг их родителей, они венчали одного за другим, чтобы все были благословенны во имя Господне». Своей резиденцией Сава выбрал монастырь Жичу (Житьчу). Положение этого монас-

тыря заслуживает внимания; это уже не Старая Сербия, не Зета, не Рашка, но область, лежащая чуть не в середине современного Сербского королевства. Центр церковной жизни государства передвинулся еще восточнее, нежели при Стефане Немане, еще дальше от Дуклии и папского влияния. Жича лежит близ впадения Ибара в Мораву, в гористой, малодоступной местности; в древности здесь заканчивалась большая дорога, ведущая от Котора в глубь страны. Такое местоположение было удобно, чтобы укрыть от глаз Европы то, что происходило в Сербии. Естественно поэтому, что именно в Жиче Стефан осуществил свое давнишнее намерение: провозгласил себя на большом народном соборе в Спасов день 1220 года кралем. По очень веским соображениям сербского историка Л. Ковачевича¹, Стефан Первовенчаный произвел этот переворот вне всякой зависимости от папы, у которого, по свидетельству ученика Савы, Доментиана, он будто бы просил короны. Напротив, пример греческого императора Ласкариса, основавшего новую империю в Никее, далее обычное в Средние века рассуждение, что автокефальная церковь может находиться лишь в независимом государстве, наконец, отсутствие упоминания в папских документах об этом новом ходатайстве Стефана, тогда как о старом говорится подробно, и т. д.: все это, действительно, заставляет думать, что Стефан действовал решительно против воли папы и даже навлек на себя месть со стороны венгерского короля, Андрея. Впрочем, война не разгорелась вследствие внутренних усобиц в Венгрии и благодаря усилиям Савы примирить брата с королем. Вскоре после того Стефан умер, успев, по обычаю, принять перед смертью монашество под именем Симеона. Его тело доныне покоится в монастыре Студенице.

После Стефана Первовенчанного на престоле Сербии побывали поочередно три его сына, из которых только один Урош приближался своими дипломатическими и административными способностями к отцу. В продолжение нескольких десятилетий Сербия переживала эпоху внутреннего брожения и внешнего ослабления, хотя Стефан при жизни сделал все, чтобы предотвратить династические смуты: он короновал одновременно с собой своего старшего сына Радослава, а для того, чтобы поставить его в центре предстоящих на Балканском полуострове событий, Стефан женил его на дочери эпирского деспота Феодора Ангела Комнена, который считался наиболее вероятным претендентом на византийский престол, когда падет расшатавшееся, ослабевшее, не встретившее на Западе поддержки Латинское царство. Но расчеты Стефана не оправдались, да и Радослав оказался слишком слабым для задачи, которую он должен был выполнить. Правда, Феодор Ангел отнял у Латинского царства Со-

¹ В статье «Жене и деца Стефана Первовенчаног» (Глас. 1901 г., т. 60).

лунь, и архиепископ Охридский, Димитрий Хоматиян, большой недруг автокефальной сербской церкви, короновал его византийским императором (1222); однако, поддержки в нем Радослав не встретил, потому что новый император в скором времени пришел в столкновение с болгарским царем Асеней II. В битве на Клокотнице (1230) Феодор был разбит болгарами, потерял весь свой престиж на Балканском полуострове, а Радослав был предоставлен самому себе. Жена Радослава, дочь эпирского деспота, была чрезвычайно непопулярна в народе, и только Сава старался поддержать его на престоле. Он перенес с большим торжеством тело Стефана в Жичу и, по-видимому, воспользовался этим, чтобы поддержать племянника. Это чувствуется даже в тех условных риторических выражениях, в которых наш источник Доментиан, ученик Савы, говорит об этом событии: «видя самодержца (т. е. краля Радослава), его благородных (т.е. вельмож) и всех чад своего отечества, святой архиепископ похвалил Бога, дав мир и благоволение всем и о Господе целование, и так все получили покой с великой радостью». Но покой продолжался недолго: по словам тех же наших источников, Радослав погиб от «благоточия» своей жены, которую Доментиан с большим пафосом сравнивает с Далилой, погубившей Самсона. Что именно произошло, мы сказать не можем по недостатку данных, но чем-то король Радослав «прежде во всем благохвалимый и преизящный, потом же женопокоренный», так вооружил против себя вельмож, властелей, что они соединились с младшим братом Радослава, Владиславом. Наши источники утверждают даже, что он был «поврежден в уме» от любви к своей жене, но, как справедливо замечает Сречкович («Историја», кн. II, стр. 113), документы, оставшиеся от Радослава, указывают на его совершенно ясный ум. Однако, самое стремление его править «самодержавно» должно было вызывать чрезвычайное раздражение в верхних слоях народа, и старый сербский монах не мог объяснить это стремление иначе, как влиянием злой жены-византийки на обезумевшего мужа. Сава старался успокоить разбушевавшиеся страсти, но потом и он, видимо, перешел на сторону оппозиции. Иначе трудно объяснить приписанные ему слова: «Если вы действуете по Божьей воле, то да сбудется Господня воля». Вслед затем Радослав был свергнут с престола, бежал в Дубровник, но и здесь его беды не кончились: любимая жена, из-за которой он потерпел столько горя, покинула его. «Из королевства изгнан, жены лишен и, совершенно недоумевая, что делать дальше, бедный король обратился за помощью к Саве, и тот утешил его «сладкими словами» и постриг в монахи под именем Иоанна (1234), а вскоре после того Радослав скончался и был погребен в монастыре Студенице.

Кажется, еще более незаметным человеком был преемник Радослава Владислав, выдвинутый партией вельмож, властелей, все более забирав-

ших в свои руки власть. Как справедливо замечает сербский историк Сречкович, в их расчеты входило заменить принцип наследственности королевской власти выборным началом. Сава постарался и его женить выгодно: если за Радослава выдали дочь Феодора, то Владиславу надо было дать в жены дочь противника и победителя Феодора, болгарского (загорского) царя Асени. Саве удалось добиться и этого, и Болгария в продолжение всего царствования Владислава не беспокоила Сербию. Совершив это дело, Сава отрекся от архиепископского престола, на который назначил своего ученика Арсения, и посвятил остаток жизни странствованиям по святым местам. По возвращении оттуда, Сава заехал в столицу болгарского царства, Трново, к своему другу Асене. Здесь он расхворался и умер (1235), а тело его Владислав перевез в Сербию, в монастырь Милешево (в долине реки Лима); с большим трудом Владислав добился позволения увезти тело Савы: Асеня не хотел отпускать мощи святого, так как видел в их обладании, по обычному средневековому воззрению, своего рода талисман. Какое значение придавалось этому обладанию, видно даже из того, что все «житие» Владислава у наших домашних источников сводится к последним годам жизни Савы, его смерти и погребению. Сербские родословы перечисляют также постройки церквей и монастырей при этом крале и почти не упоминает о политической деятельности Владислава. А между тем его время было бурное; оно требовало большой предприимчивости и дипломатических отношений. Владислав идет навстречу все более назревавшей потребности в политическом и торговом союзе с расцветавшим Дубровником, который вывозил из Сербии скот, продукты скотоводства, лен, мед, воск, сырые металлы, а особенно нуждался в хлебе. Со своей же стороны Дубровник доставлял в глубь Балканского полуострова соль, разные материи, оружие, посуду, — одним словом, продукты промышленности, а также вина и гастрономические товары. Сербия была одним из самых выгодных для Дубровника рынков, и потому связи между этой сербско-итальянской республикой и королевством Стефана становились все более тесными. Кроме того, боснийско-дубровницкие отношения, державшие в известном напряжении и Сербию и вызывавшие не раз вмешательство Венгрии, заставляли Сербию все более обращать свое внимание не на Восток, который уже менее угрожал развитию сербского королевства, а на Запад, где Дубровник и итальянская культура начинали доминировать все сильнее. Начинаются договоры с этой республикой, которые длинной цепью проходят по сербской истории XIII — XIV веков. В 1240 г. боснийский бан Нинослав заключил с Дубровником союз против Рашки. Но уже следующий год принес всей восточной Европе и Балканскому полуострову страшное бедствие, перед которым побледили все мелкие

международные и династические распри. Ураганом пронесли по России, Венгрии, Далмации, Болгарии, Боснии и краем задела Сербию татары, которые повсюду вызвали на свет новые государственные отношения. В Сербии их нашествие также сопровождалось переворотом: по неизвестной нам причине¹ Владислав был свергнут с престола, и его место занял младший сын Стефана Первовенчанного, Урош. Вступая на престол, он нашел большие перемены на севере Балканского полуострова: во время монгольского нашествия Босния и Хум освободились от венгерского господства, в Болгарии уже не было могучего Асени, в Эпире опять поднимались стремления к захвату Латинского царства и восстановлению старой Византийской империи. Но прежде всего было необходимо, пользуясь слабостью врагов, восстановить внутреннюю силу, ослабленную при неспособных старших братьях Уроша. И с удивительным упорством этот последний пошел к своей цели; прежде всего он примирился с Владиславом, который получил в удел Зету, и, таким образом, Урош мог посвятить себя мирной работе, в которой так нуждалась Сербия. Примирению с Дубровником, вероятно, содействовал брак с французской принцессой Еленой, которая была одной из замечательнейших женщин в Европе конца XIII века. Это была дочь принца Рауля де Куртнэ, католичка по своей первоначальной религии, личность, о которой и католические и православные источники говорят с одинаковым восхищением, и в которой даже папа Николай IV замечает искреннюю веру и любовь к Богу². Такой человек, близкий одинаково обоим мирам, римско-католическому западноевропейскому и православному восточному, должен был внести вместе с собой культурный элемент, которого не хватало Сербии. Ту же роль сыграли впоследствии в Польше королевы-итальянки, знакомившие польскую шляхту с гуманизмом и западной культурой.

При Уроше I Великом³ сношения с Западом и с Дубровником приняли определенный характер. Немцы (саксы), колонизовавшие Седмиградие и Венгрию, напуганные монгольским нашествием, хлынули в Сер-

¹ Сречкович полагает, что народ был возмущен экономической политикой Радослава, который в поисках денег слишком много естественных источников богатства передал в эксплуатацию иностранцам. Но, во-первых, на это нет никаких положительных указаний, а, во-вторых, народ, как таковой, имел слишком мало значения, чтобы совершать подобные перевороты. Эти последние происходили, как мы знаем из многих примеров, или по династическим причинам, или по воле вельмож. Такие династические распри приходится видеть и в данном случае.

² Ср. статью Миятовича, «Ко је краљица Јелена?» (Летопис Матице Српске). 1903.

³ О нем специальная работа Гребенаровича и Коблишки «Краль Урош I Велики». 1897.

бию и были радушно встречены королем, так как они были сведущи в горном деле. Добыча руды производилась в Сербии и раньше XIII в.: уже в XII столетии упоминается плоскогорье *Копаноник* (Копальник); в Боснии бан Кулин добывал железо и серебро. Но более правильно горное дело стало развиваться лишь в XIII в., благодаря усилиям краля Владислава Неманича и затем Уроша. По позднейшим источникам, Мавро Орбини, дубровницкому писателю конца XVI века (его книга «История царства славян» 1601), и сербской Трношской летописи, подлинник которой относится к первой четверти XIV века, — по этим источникам Урош начал в своем царстве разработку золотых, серебряных, оловянных и медных рудников. Насколько велик был наплыв саксов в сербские земли, видно из распространения имен *Сасин*, *Саси*, *Саса* и т.п. в географических названиях и из теперешней и средневековой сербской терминологии горного дела, причем в этой отрасли промышленности колонисты-немцы, прозванные *пургарами* (Byrger), конкурировали с итальянскими мастерами, называвшимися *боргезанами* (borghesani). Первоначально подверглись разработке рудники, лежавшие в самом сердце тогдашней Сербии, на плоскогории (планине) *Копаноник*, проходящем по границе между Старой Сербией, Королевством Сербией и Новобазарским санджаком, потом началась разработка и в других местах, Новом Брде и Руднике, которые в XV в. называются не иначе, как «сашкими местами»¹. Впрочем, все это относится уже к более позднему времени. При Стефане Уроше было положено лишь начало этой важнейшей отрасли добывающей промышленности, и в продолжение нескольких десятилетий, до душанова законодательства, юридическое положение немецких колонистов оставалось неопределенным. Да в вообще юридические нормы не были установлены: так, по наблюдению историка сербского права, А. Иовановича², в одном из древнейших памятников сербского права, именно в дипломе Уроша (1254), к числу государственных преступлений отнесены как государственная измена, так и убийство, присвоение чужого коня, помощь рабу при бегстве и т. д. Тем не менее, весьма важно, что молодое сербское государство все более определенно вступало на путь культурного развития.

И международные отношения Уроша отличаются тем же характером прогресса. Так, с Дубровником он заключает договор, в силу которого сербские подданные имеют право покупать в этой республике хлеб и вино по тем же ценам, что и сами дубровчане; с другой же стороны, и Урош подтверждает привилегии, дарованные Дубровнику: «Пусть ходят ваши

¹ Костич, «Стара српска трговина и индустрија» (1904).

² «Приноси за историју старог српског права». II часть, 1900.

купцы по моей области свободно, не терпя никакого ущерба». Таких грамот, подтверждающих старые договоры с Дубровником или определяющих новые условия, мы находим в царствование Уроша несколько. Что касается сербско-болгарских отношений, то при Уроше I после нескольких лет войны Болгария всецело подчинилась сербскому влиянию, что, разумеется, представляло весьма блестящий результат многолетней борьбы между родственными народами Балканского полуострова. Но спокойным и счастливым царствование Уроша все-таки не было; начало его было омрачено тяжелыми войнами с Дубровником и Болгарией, конец — восстанием Драгутина. Поводом к войне с Дубровником послужил захват нескольких сербских земель под виноградники дубровницкими купцами; Урош вступился за своих людей, дубровчане не хотели отказываться от захвата и готовились к войне. Для этой цели они старались объединить всех врагов Сербии, и, конечно, привлечь на свою сторону прежде всего болгар, с царем которых, ничтожным Михаилом Асеневицем, дубровчане заключили в 1252 году союз. Как далеко шли замыслы союзников, видно из одного пункта договора: «Если Бог поможет твоему величеству (заявляют граждане Дубровника Михаилу) выгнать твоего и нашего врага Уроша из сербской земли и брата его Владислава, и род их или других вельмож (властелей), и они прибегут в город Дубровник, мы их не примем и речей их слушать не станем, а будем только вредить им, где можем». Этим союзом Урош был испуган и поспешил подтвердить прежние привилегии Дубровника, но правители республики продолжали готовить войну и заключили договор с боснийским баном Нинославом и хумским князем. Впрочем, Сербия вышла из этой войны с успехом: болгары дошли до р. Лима, но были отбиты, заключили мир с Урошем, который был подкреплён женитьбой болгарского царя на дочери Уроша, и тогда Дубровник должен был примириться с Сербией, причем эта последняя получила Хум. Отношения с Грецией доставили Урошу также новые приобретения: в борьбе между эпирской и никейской династиями, стремившимися к Византийскому престолу, сербский король лавировал настолько искусно, что в результате он приобрел Призрен с его областью, и это уже после того, как Урошу пришлось вернуть большинство захваченных им греческих земель. Весьма важным показателем того значения, какого добилась уже Сербия на Балканском полуострове, служили его связи с Венгрией. Король Бела IV был настолько близок к Урошу, что отдал за его старшего сына Драгутина свою внучку. Но с чисто византийским коварством, которое мы находим во всем поведении сербского крала, этот последний воспользовался первыми неурядицами в Венгрии, чтобы захватить новую область, *Мачву* (между р. Савой и Дриной), — однако, неудачно: мадьяры нанесли сильное поражение

войскам Уроша, и он должен был отступить от этой области, в которой было установлено самостоятельное военное управление, банство. Таким образом, не всегда удачно, но все же решительно и смело Урош вводил свое королевство в систему крупных восточных держав. Династические связи с греческими княжескими семьями, с Венгрией, Болгарией заставляли смотреть на Сербию как на государство, во всяком случае, равноправное с другими державами Балканского полуострова. Более того, Урошу удалось посадить на болгарский престол одного из Неманичей и подчинить это царство сербскому политическому влиянию, а этот успех не мог не толкнуть сербских государей к намерению провозгласить и вообще свое первенство на полуострове, свои права на наследие Византийского престола. Латинское царство в Константинополе, борьба никейской и эпирской династий из-за цареградского престола и т. п. факторы должны были внушить сербским королям убеждение, что и они не хуже других, что и они могут претендовать на Византийскую корону. К этому и направились стремления преемников Уроша I Великого, но ясно формулировал их лишь Стефан Душан. Вместе с международными отношениями в Сербию все более проникали и династические свары, раздиравшие Европу. Как в Венгрии сын поднимался на отца, стараясь сорвать с его чела корону, так и в Сербии на Уроша поднялся его сын Драгутин. Архиепископ Даниил II, составивший в начале XIV в. свой «Родослов» («Животи кральева и архиепископа Српских») и очень хорошо знавший всю подноготную сербской династии¹, сообщает, что Урош обещал своему старшему сыну, когда женил его на венгерской принцессе Екатерине, передать престол еще при жизни; титул *junior rex Serviae* (младший король Сербии) он носил уже в 1271 году, как видно по его подписи на одном трактате. То же он подтвердил своему свату, венгерскому королю. Но на все просьбы Драгутина выполнить обещание или дать ему хоть какой-нибудь удел Урош отвечал отказом, и тогда, под влиянием своего тестя, Драгутин взялся за оружие. Он получил «многие силы языка угорского и куманского», т. е. привел с собою венгерские войска и всегда готовых вмешаться в династические междоусобия половцев, Даниил рассказывает, как старался Драгутин убедить своего отца миром покончить счеты, и приводит длинный разговор между ними, в результате которого Урош воспылал только еще большей яростью. По-видимому, дело было серьезнее, чем рисует Даниил: Урош не хотел передать Драгутину пре-

¹ См. о нем в «Истории Сербии с половины XIV до конца XV в.». Том I, «Критическое исследование источников». Киев. 1899, проф. В. В. Качановского. Драгутина посвящено исследование Костица и Станојевича, «Краль Стефан Драгутин. Историска расправа». 1899.

стол не при жизни, что было совсем неосновательно, но по смерти, что лишало Драгутина его прав на наследство. «Тогда королевич, видя себя в такой напасти, решился бороться не на живот, а на смерть; он поднял руку на своего родителя и нанес ему поражение в земле, называемой Гацко» (равнина в теперешней Герцеговине). Это было в 1276 году осенью. Урош бежал в Хумскую землю, но вскоре умер, перейдя перед смертью в монашество. Тело его было погребено в его «задужбине», т. е. в монастыре, воздвигнутом на помин души. Развалины этого монастыря Сопочан находятся неподалеку от Нового Базара. Они хранят донныне воспоминание о сербском короле, справедливо названном Великим.

Последующие два царствования сыновей Уроша, Драгутина и Милутина, представляют самую пеструю картину. Поднявшись усилиями нескольких талантливых государей на высоту одной из влиятельнейших держав Балканского полуострова, молодая Сербия не щадит трудов, чтобы на этом уровне и удержаться. Но это достается ей очень нелегко: в путанице международных отношений, в соревновании между Венгрией и Византией, в соперничестве с Боснией, Болгарией, Дубровником и т. д. сербским королям приходится все время лавировать, чтобы вернуть неожиданно отобранный у них город или самим захватить чье-либо владение, плохо удержанное во время войны или внутренних раздоров, кипящих во всех названных государствах. Поэтому скучный, тяжелый напрасный труд представляет подробное перечисление отдельных походов, случайных и временных союзов, никем не соблюдаемых договоров в эпоху этих вечно колеблющихся отношений на Балканском полуострове. Интереснее посмотреть, как, несмотря на все трудности, Сербии удалось приобрести главенствующее влияние на полуострове, и как она эксплуатировала его в своих видах, не будучи, однако, в силах установить порядок у себя дома.

Преемником Уроша был его сын Драгутин. Мы уже знаем, что он добился престола помимо воли своего отца, — дело, весьма обычное в Средние века. Но Драгутина мучила совесть. Весьма любопытно, что в других подобных случаях летопись сербская совершенно обходит вопросы совести. Но по отношению к Драгутину она оказывается строже — вероятно, потому, что сам этот король связывал дальнейшие события своей жизни с преступлением, через которое он перешагнул, вступая на престол, и спешил отречься от короны после первой неудачи. Дело в том, что Сербия примкнула еще при Уроше к союзу государств, который должен был нанести решительный удар Византии: Карл Анжуйский, владевший сицилийским королевством и претендовавший на некоторые византийские провинции на Балканском полуострове, фессалийский деспот Иоанн-Ангел, Болгария и Сербия должны были действовать сооб-

ща. В 1281 году началась война; Драгутин двинулся в бассейн реки Вардара и потерпел поражение, так что должен был отступить, а греки заняли все южно-сербские земли до Липляна на Косовом поле. Вместе с тем, Драгутина постигло и личное несчастье «божье знамение», как поняли это и архиепископ Даниил и позднейшая летопись: он упал с лошади и сломал себе ногу, «потому что восстал на отца своего». Все это заставило Драгутина, по настоянию его вельмож, — хотя Даниил не говорит прямо об их участии в этом деле, а передает только содержание народной молвы: «Если кто-нибудь из окрестных царей услышит о твоём падении, мы попадем под власть чужих и лишимся тебя, наш любимый господин и хранитель, наша слава и радость», — все это заставило Драгутина отречься от престола в пользу второго брата, Милутина. Нет сомнения, что в этом случае победила именно партия вельмож, против которых Драгутину пришлось решительно выступить в первые годы его царствования. Всяческая «неправда», которую ввели власти, требовала исправления, и Драгутин путешествовал по Сербской земле, усмиряя своеволие вельмож. Понятное дело, что они воспользовались первым удобным случаем, чтобы свергнуть ненавистного им короля. По договору, состоявшемуся в начале 1282 года в местечке Дежеве в Рапшской жупе, краем становился Милутин, но родоначальником королей должен был сделаться, как шекспировский Банко, Драгутин; именно к его сыну Владиславу переходила, в силу дежевской конвенции, корона после Милутина. Теперь этот последний принял указанное условие, но само собой разумеется, что оно вызвало впоследствии распри и ненависть между братьями.

Уступая престол Милутину, Драгутин выговорил себе Мачву, которую он получил от своего тестя, венгерского короля, а также земли около Рудника (к сев.-зап. от Крагуевца). Рудник был чрезвычайно важным торговым и промышленным центром, о котором упоминается еще при Уроше I. Здесь были дубровницкие колонии, которые в XIV веке брали на откуп таможенные пошлины и платили за это в год около 600 литров серебра. И позже народные песни сопоставляют по богатству Конаоник с Рудницкой планиной¹. Таким образом, отрекаясь от престола, Драгутин вовсе не отказывался от мира, как уверяют нас Даниил и примыкающие к нему летописи, которые пропускают добрые тридцать лет в его жизни и связывают его отречение от престола с пострижением в монахи. Напротив, Драгутин добыл, с помощью своей тещи, венгерской королевы Ели-

¹ См. Костич, «Трговински центри и друмови по српској земљи у средњем и новом веку». Белград. 1900, стр. 288—292. Ср. также Ст. Новакович, «Рударство у Србији XIII—XV века и утицај његов на живот тадашњи» («Годиница». 1879).

заветы, весьма обширные пространства земли и до самой своей смерти спокойно владел областью, простиравшейся между Великой и Западной Моравой, Дунаем, Савой и Дриной, т.е. самой богатой частью Сербии. Ему же принадлежали некоторые боснийские провинции, а также Срем. Следовательно, под спокойным управлением кроткого государя, не пускавшегося ни в какие приключения и передавшего Милутину несение ответственности за целостность и достоинство королевства, сербские земли могли развиваться и богатеть. Столица Драгутина находилась или в монастыре Дебрце, на р. Саве, или несколько ниже по Саве, при ее впадении в Дунай, именно в Белграде. Таким образом, культурное значение этого царствования было немаловажно. Оно дало возможность целой группе земель развиваться вне постоянных раздоров, так как лишь однажды, и то под конец царствования, Драгутин был вынужден вступить за свои права, вернее за права своего сына, который был законным преемником Милутина.

Совсем иначе сложилось царствование Милутина, человека с неослабной энергией и с недюжинными дипломатическими способностями. Под именем Стефана Уроша (II) он заключил несколько новых договоров с дубровчанами, дал несколько грамот Хиландарскому и другим монастырям, вел непрерывные сношения с соседями. Но, несмотря на это, вельможи и высшее духовенство забирали при Милутине все больше власти. Мы знаем, какую роль они сыграли при свержении Драгутина; Милутин оказывается вынужден, предпринимая какой-нибудь серьезный шаг, опираться на участие этих влиятельных сфер и созывать «велико-именитых властелей сербской земли» для совещания с ними. Необходимость вести постоянные войны создавала зависимость короля от его дружины и от «всего собора отечества его»; происходил тот же процесс, который в Польше привел к ограничению королевской власти. Перечислять все эти войны Милутина нет нужды; остановимся на важнейших событиях его царствования. К числу их надо отнести прежде всего войны с татарами, которых привлек из Болгарии на Сербию византийский император Андроник II, воевавший с Милутином из-за вардарских земель, занятых сербским крадем. На этот раз (в 1283 году) Милутину удалось избежать опасности: татары, нападая на сербские войска, пустились вплавь через разлившуюся в половодье реку Белый Дрим; но множество из них утонуло, а спасшиеся были перебиты сербами, которые после того нанесли несколько новых поражений византийским войскам. Через два года татары вместе с половцами, захватившими Болгарию, снова нахлынули на сербские области, на этот раз на Сремское королевство, принадлежавшее Драгутину.

Братья соединились, прогнали половцев и область Браничево, захваченную половецкими князьями, присоединили к Срему. Чтобы обезопасить себя от дальнейших нападений татар, Милутин вошел в дружеские

сношения с восточно-болгарским царем Георгием Тертером, вассалом татарского хана Ногая, и даже, разведясь со своей женой, венгеркой, женился на его дочери. Тогда князь другой половины Болгарии, Шишман, напал на Милутина; но этот последний разогнал шишмановы полчища, состоявшие из татар и половцев, и заставил самого Шишмана признать зависимость от сербского короля. Таким образом, в вековечном споре между сербами и болгарами победа на этот раз досталась первым. Впрочем, в восточной Болгарии вскоре переменялась династия, а усиление Милутина вызвало опасения со стороны самого Ногая. Сербскому краю не оставалось ничего другого, как умолять о мире и дать в виде заложников своего сына Стефана и несколько знатнейших вельмож (1292). Но уже в следующем году, воспользовавшись смутами в татарском ханстве, заложники бежали домой. Благоприятные обстоятельства позволили Сербии, заключив союз с восточно-болгарским царством, свергнуть татарское иго, и до смерти Милутина (1321) татары не тревожили Сербии.

Отношения с Венгрией и Грецией были еще более сложны и трудны. Если с турками приходилось действовать силой, надеясь на удачу и на собственный меч, то в сношениях с Венгрией и Византией следовало прибегать к дипломатическим тонкостям, искать выхода из всяческих политических осложнений и т. п. Одним словом, нужен был немалый ум, чтобы сохранить за Сербией то значение, какое она уже успела приобрести при первых двух Стефанах. Более или менее эта задача была разрешена Милутином удовлетворительно. Он воевал с Византией несколько раз: сначала в 1282 году, когда император Андроник призвал на помощь татар, потом в 1299 году, когда Византия была совсем ослаблена и не могла оказать серьезное сопротивление сербскому королю. Таким образом, он мог диктовать свои условия мира; более того, он удостоивал византийского императора согласием породниться с ним и женился на его семилетней дочери Симониде. Такого успеха в сношениях с гордым Царьградом Сербия не имела еще ни разу, и она была обязана этим моменту, так удачно выбранному Милутином для нанесения верного удара. И позже византийский император покорно исполняет поручения сербского короля, когда тот отослал в заточение своего сына Стефана в Царьград, а потом разрешил ему вернуться в Сербию. Менее удачлив был Милутин в своих отношениях к Венгрии, которая поддерживала Драгутина, но к Милутину относилась ревниво и опасливо. Поэтому, когда после смерти Драгутина его брат захватил Мачву с Белградом, венгерский король Карл-Роберт заключил с папой союз против Милутина и, перейдя через Саву, проник с войсками в сербские пределы. Милутину пришлось отказаться от захваченных земель. Это происходило уже в последние годы жизни сербского краля.

Подобно тому, как в семье Уроша кипели междоусобия, и Милутин враждовал со своим сыном, знаменитым впоследствии Стефаном Дечанским. Положение этого последнего было очень двусмысленное: ведь, по уговору между братьями, престол должен был перейти после смерти Милутина не к его потомству, но к сыну Драгутина; между тем, с женьтибой Милутина на греческой царевне (1299), возникала опасность, что престол не перейдет ни к Стефану, ни к Владиславу, сыну Драгутина, но к потомству от Симониды, в угоду которой Милутин допустил все большее византийское влияние при сербском дворе. Властели его чувствовали, что они отходят на задний план и отесняются византийской аристократией. Их недовольством и воспользовался Драгутин, чтобы напомнить брату о дедовском договоре и потребовать подтверждения его основного условия относительно престолонаследия¹. Милутин был застигнут врасплох и признал то, чего требовал от него Драгутин (1312). Но тогда выступили на сцену притязания Стефана, которого будто бы настроили против отца «зломысленные властели, побежденные дьявольскими кознями». Они обратились к этому «возлюбленному сыну благочестивого крала Уроша и, отвратив его ласковыми словами от любви к родителю, сказали ему: ты должен взять престол своего отца, и мы все будем твоими пособниками в этом деле; если же ты не согласишься, то больше мы не будем считать себя твоими». Выставив, таким образом, Стефана, противоправительственная партия вельмож начала вербовать себе приверженцев, и «многие, соблазненные, отступили от благочестивого крала к его сыну. И благочестивый краль Урош, видя такое поведение своего сына, начал увещавать его кроткими и сладкими речами, чтобы он пришел к нему». Тем же тоном архиепископ Даниил повествует о том, как Милутин, не дождавшись прихода возлюбленного сына, отправился сам со своими воинами в его удел, зетскую землю, как Стефан испугался и бежал на ту сторону реки Бояны, а Милутин заклинал его явиться на свидание: «Приди, дорогой мой сын, да утешится старость моя». Но, когда Стефан, наконец, явился на свидание, король посоветовался со многими вельможами своими и, предвидя, что от Стефана ему будет еще много горя, повелел связать его, «возложить на тело его железные узы» и отвезти в город Скопие (Ускюб). По совету королевы Симониды, о которой Даниил говорит с пылким женоненавистничеством, Милутин решил ослепить восставшего сына и отправить его с его сыновьями, Душаном и Душицей, в Константинополь. Оказалось, впрочем, что Стефан не был совсем ослеплен; ему удалось кое-как залечить свои глаза. Когда

¹ Подробнее об этом в специальной работе Л. Андрејевица. «Српски кралјевски престо и питање о његову наследству од оставке краља Стевана Драгутина до победе краља Стевана Уроша III над краљем Владиславом II». 1898.

Драгутин умер, а Милутин обезопасил себя со стороны Венгрии и Запада, ему и в голову не приходило передать престол Владиславу. Недаром же Стефан не был совсем ослеплен и хотя носил повязку на глазах, «якоже достоит слепому», но не был лишен зрения; вероятно, Стефана берегли про запас, когда он будет нужен¹. И вот теперь, в конце 1319 или в начале 1320 года, он, действительно, был нужен: Милутин вернул сына в Сербию, дал ему на содержание часть будимской жупы (немного восточнее Черногории; значит, часть его старого зетского владения), а его сына Душана оставил при себе. Спустя год, умер и Милутин (1321); тело его было перенесено в турецкое время в Софию, где покоится и теперь. Сербская церковь признала Милутина святым, и у него немало заслуг перед церковью: целый ряд известных в сербской истории монастырей был основан этим королем, число архиепископств увеличено до 14, а если он ослепил своего сына, то ведь вину за это архиепископ Даниил свалил на женщину.

При Стефане Уроше III, прозванном Дечанским, особый интерес приобретают сербско-болгарские отношения. Давнишнее соперничество между двумя государствами разрешается в битве при Вельбужде, которая отдает болгарское царство в руки сербского короля. Вместе с тем, готовится последний акт той страшной трагедии, которая уничтожила и Сербию, и Болгарию: турки придвинулись после битвы при Брусе к самому берегу Малой Азии и все более определенно грозили Балканскому полуострову. Но еще никто не предвидит близкой гибели: ни византийские императоры, продолжающие традиционную политику интриг и раздувания ссор между славянскими государствами полуострова, ни европейские путешественники, описывающие богатство и силу Сербии. Сам сербский король чувствует себя на вершине величия: гордо звучат его титулы, щедры его пожертвования монастырям, мощно и спокойно стоит около него собор властелей. Но уже навис Дамоклов меч над всем этим мирком соседских распрей и домашнего величия, а знаменитый сын Стефана Дечанского, Душан, еще ближе пододвинул Сербию к пропасти.

Стефан Дечанский был ослеплен отцом, но потом прозрел. Вот тема для размышлений, которыми наполнены наши источники об этом короле. Доминиканский монах Буркард, который проехал в начале XIV века через Балканский полуостров и в 1332 году написал сочинение с целью подготовить новый крестовый поход, с ужасом и негодованием говорит о преступлениях, отягощающих сербский королевский дом. Если Стефан Дечанский сохранил зрение, то лишь потому, что ему удалось подкупить палача; но он держал это в большой тайне, даже удавил собственного

¹ Так смотрит и М. Зечевич в книге «Живот и владавина Стевана Дечанскога», 1903, которой, к сожалению, вышла только первая часть, обзирающая жизнь Стефана только до его вступления на престол.

сына, опасаясь, что тот заметит и откроет его тайну. Для Буркарда Стефан такой же злодей и нечестивец, как и все его предки. «Сей Стефан, много скорбей претерпев в татарском плену, потом был ослеплен отцом своим Милутином и послан в Царьград в заточение, отлученный от своей родни и родной земли; затем отец призвал его назад, и, когда он шел из плена, на Овчем поле святой Николай даровал ему в церкви зрение». Так говорит сербская летопись, для которой Стефан Дечанский не злодей, а один из самых чтимых святых. Эти две точки зрения, которые так ярко обнаруживаются в рассказе о прозрении короля, проходят красной нитью и в политике балканских держав по отношению к молодой Сербии, которая, укрепляясь и приобретая первенство среди противников, встречалась со все более острой ненавистью и на Западе Европы, и на Балканах. И, действительно, при Стефане Дечанском Сербия сделала в политическом отношении громадный шаг вперед. Милутин умер 29 октября 1321 года, и Стефан должен был преодолеть некоторые препятствия, чтобы вступить на престол. На корону предъявили претензии младший брат Стефана, Константин, родившийся от брака Милутина с болгаркой, дочерью Тертера, и сын Драгутина, Владислав. Двоюродные братья соединились и пошли на Стефана, но были им разбиты, причем Константин погиб, а Владислав бежал в Венгрию и там «принял конец». Но, как, кажется, справедливо предполагает историк сербско-болгарских отношений в Средние века, Агатонович¹, Владислав успел доставить еще немало хлопот Стефану, который после победы над братом поспешил короновать себя и своего сына Душана, получившего титул «молодого короля». Дело в том, что в Болгарии в 1323 году закончилась династия Тертеровичей, и страна впала в страшную анархию. Среди претендентов на царский престол выступил и князь Видинский Михаил Шишманович, женатый на сестре Стефана Дечанского. Благодаря поддержке этого последнего, Михаил был избран болгарским царем. Он озаменовал свое воцарение тем, что отказался от сербского суверенитета, а сестру Стефана, Анну, свою жену, отправил прочь, так как решил породниться с домом Палеологов. Это был явный вызов на войну; но Стефан думал как-нибудь уладить дело миром. Чтобы выбрать посла, он «сотворил великое совещание с властями сербской земли», как говорит продолжатель архиепископа Даниила в своем «Житии» Стефана. Вот эта подробность, созыв совещания властей чрезвычайно знаменательна для эпохи Стефана Дечанского. Сам король в своей грамоте основанному им монастырю Дечаны (на реке Быстрице) не раз упоминает о таком соборе властей, перечисляя отдель-

¹ «Одношаји између Србије и Блгарје од XII—XV века». 1899.

ных придворных чинов. Так, напр., в своей «Хрисовулье» он говорит: «Собравши собор сербской земли, архиепископа Даниила, и епископов, и игуменов, и казначеев (казньце), и тепчиев (теп'че), и воевод, и слуг, и ставильцев, я сговорился с ними и принял благословение от господина моего и отца, архиепископа Даниила». В другом месте все вышеперечисленные лица названы просто сербскими властелями, о которых Стефан не преминул сказать, повествуя о вельбуждском сражении¹. С такими властелями мы встречаемся и в других памятниках этого времени; в латинских записях они называются баронами (напр., *baro domini regis Raxie*, т. е. рашского короля, упоминается в 1336 году); «дома и дворы как короля, так и других дворян, выстроены из дерева», замечает Броккар (Буркард)². Все эти данные указывают на то, что ко времени Стефана Дечанского властели, о которых так много говорится в законодательстве его преемника Душана, представляли уже значительную силу, державшую в повиновении королевскую власть. Вместе с высшим духовенством, начиная от архиепископа и кончая игуменами, они определяли, кому царствовать, санкционировали королевские пожалования монастырям и королевские законы, решали вопросы войны и мира. Как видно из хрисовуль не только Стефана Дечанского, но и его отца Милутина (т. н. «Светостефанска хрисовулья», изданная сербской академией в 1890 году), монастырям жаловались не только села, но и люди; так, Милутин дарит монастырю 14 домов рыбаков. Но то, что при нем представляется еще исключительным явлением, становится уже общим правилом в хрисовульях Стефана, который жертвует сотни людей и всех их перечисляет поименно. На юридический быт этих крестьян некоторый свет проливает Законник Стефана Душана, о котором речь будет ниже.

Итак, на совещании было решено отправить к Михаилу послом самого архиепископа. Однако, миссия его не увенчалась успехом; Болгария решительно готовилась к роковой борьбе с Сербией, и Даниилу лишь на время удалось отклонить первый удар болгарского царя. В это время шла упорная борьба между двумя претендентами на византийский престол, Андроником Старшим, бывшим императором с 1282 по 1328 г., и его внуком, Андроником Младшим, который был лишен дедом престола, но добился его путем вооруженного восстания в 1328 г.³ Борьба меж-

¹ «Дечанске хрисовулье», издао Милош С. Милојевић. 1880.

² См. статью П. Матковича. *Putovanja po balkanskom poluotoku*. Журн. Rad 42 кн. 1878 г.

³ Подробно освещена эта борьба и участие в ней Сербии и Болгарии в труде проф. Флоринского «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века». 2 вып. 1882.

ду ними тянулась в продолжение восьми лет, и около борющихся претендентов сгруппировались балканские государи; Стефан Дечанский женился на внучке старого императора и поддерживал своего тестя. Михаил Болгарский, напротив, стал на стороне Андроника III. Стефан собирался послать войска, чтобы поддержать старого императора, но помощь подоспела слишком поздно: Андроник III уже занял престол. Тогда Стефан решил использовать посланные силы для других целей. Государство его находилось в периоде расцвета. Игумен сербского Дечанского монастыря, впоследствии митрополит киевский, Григорий Цамблак, рассказывает в своем «Житии Стефана Дечанского», что Сербия в эти годы благоденствовала: «во все эти годы, по словам его, земля давала такое обилие плодов, что все окрестные дивились, а многие покидали свое отечество и эмигрировали в Сербию. Церковные дела находились в хорошем положении; царю воздавалась должная честь; воинство было страшно противникам даже по слуху; благонароचितый же Стефан сиял, как некое солнце; все души его любили за сверкающую в его жизни добродетель, все разумы на него дивились». Если мы откинем преувеличенный тон панегирика, мы должны будем признать, что в свидетельстве Цамблака все-таки много правды. Только на западе Сербия потерпела некоторый ущерб, будучи вынуждена отказаться от Хума и вообще от своей западной политики, так как хорваты, босняки, Венеция и Венгрия вырывали друг у друга поморские владения. Эти потери Стефан вознаграждал на востоке: посланные для поддержки Андроника II войска заняли целый ряд городов в Македонии. Этот захват показал ясно, какую грозную силу уже представляет Сербия для свободы и самостоятельности балканских государств. В 1330 году Андроник III заключает с болгарским царем союз против Сербии, но Стефан не был захвачен врасплох: уже за два года перед тем он вступил в соглашение с Дубровником относительно доставки оружия для предстоящей войны с Михаилом. Сенат этого города несколько позже получил от Стефана поручение набрать для него отряд иностранных волонтеров. При этом все приготовления к войне были возложены, как сообщает один дубровницкий историк, на сына короля, молодого и энергичного Стефана Душана.

Весной 1330 года открылись военные действия. Михаил поспешил на юг для соединения с греческими войсками; Стефан двинулся наперез, чтобы помешать этому соединению. Войска сошлись у города Вельбужда (теперь Кюстендиль), на р. Струме. Стефан в продолжение нескольких дней оттягивал битву, потом неожиданно напал на болгарские войска, которые обратились в бегство и понесли страшное поражение; сам Михаил был убит, причем, по преданию, смертельный удар нанес ему Стефан Душан. Болгария стояла теперь беззащитная перед сербскими

войсками, и сербский король торжественно объявил поход «в державу царства земли болгарской». Этот поход был триумфальным шествием по завоеванному краю; сопровождавшие сербские войска пленные болгарские бояре передавали королю города, которыми они раньше управляли; наконец, явилось посольство от Белаура, брата Михаила, которое от имени «велемоштных той земли» предложило Стефану корону. По неизвестным нам соображениям, Стефан не согласился присоединить к своим владениям Болгарию, но ограничился тем, что послал отряд в Трново для восстановления на престоле своей сестры Анны и ее маленького сына Шишмана. Как бы то ни было, известные земельные приобретения и материальные богатства должны были достаться Сербии, король которой и поспешил щедро наградить из добычи недавно основанный им, существующий доныне монастырь *Высокие Дечаны*. Но вскоре и в самой Сербии произошла катастрофа: в войнах с Болгарией и Византией слишком явно обнаружился духовный перевес Стефана Душана над отцом, а между тем ему грозило лишение престола, так как под влиянием третьей жены Дечанского, гречанки Марии Палеолог, при дворе все более распространялось греческое влияние, и Душан не мог не видеть соперника в лице ее сына Симеона. В традициях Неманичей уже были восстания детей на родителей в распрях из-за престолонаследия, а в этом случае права справедливости были бы нарушены так явно устранением талантливого Душана, уже ранее коронованного отцом, что вокруг «молодого краля» начала быстро формироваться партия. Возмущались и тем, что Стефан Дечанский не сумел использовать всех последствий победы. Таким образом, вражда между отцом и сыном превратилась в борьбу двух влиятельных партий, вельмож византийских, на одной стороне, и национальной партии, на другой. Уступая внушениям своей партии, «вельмож, полководцев и начальников отрядов», Душан провозгласил себя кралем всей Сербии. Стефан Дечанский раскрыл заговор и заставил Душана бежать; но вскоре после этого, когда он вернулся домой, Душан, подстрекаемый своей партией, угрожавшей покинуть его и перейти на сторону Стефана Дечанского, неожиданно напал на отца. Сам Дечанский бежал, но его жена и дети остались в руках Душана, так что переговоры становились неизбежны. В конце концов, старик сдался, был отправлен в город Звечан и здесь удушен. Народная песня сохранила воспоминание о том, как хотели повесить краля на воротах Дечанской церкви, но судьба не допускает совершиться преступлению; краль Дечанский умирает своей смертью, а девять визирей превращаются в камни (Флоринский, II, 63). Церковь провозгласила Стефана святым и мучеником, а о Душане в народе и поныне сохранилась память, как об отцеубийце.

Положение Сербии в эпоху смерти Стефана Дечанского рисуется Брокаром (или Буркардом) в следующих чертах¹: «В Сербии нет укрепленных городов, окруженных рвами и стенами; дома и дворцы как короля, так и бояр выстроены из дерева. Это государство изобилует хлебом, вином и скотом, богато потоками, ключами и реками; в нем есть и леса, и горы, и равнины, и долины; вообще, все, что там есть, все прекрасно, особенно в стране, прилегающей к морю. В Сербии пять золотых рудников и столько же серебряных, и в них непрестанно работают рудокопы; кроме того, есть смешанные золото-серебряные рудники в различных местах. Леса также превосходны. Кто овладеет этой землей, тот приобретет драгоценнейшее сокровище нынешнего века». В дальнейшем повествовании о Сербии этот писатель уверяет, что Сербию было очень легко завоевать, так как в стране живут албанцы и латиняне, которые «находятся под невыносимо тяжелым ярмом гнусного и отвратительного славянского владычества. Все они и каждый из них готовы пожертвовать своей силой и кровью против упомянутых славян; все они желают, чтобы пришел к ним кто-либо из французских принцев и принял над ними предводительство против упомянутых проклятых славян, врагов правды и нашей веры. Воистину, тысяча французских всадников, да пять-шесть тысяч пехоты, при помощи албанцев и латинян, овладели бы этой державой, как она ни велика». Случилось, однако, не так, как надеялся этот доминиканский монах, так ненавидевший Сербию и «змеиный род» ее кралей: не латинским народам Запада, но туркам было суждено историей разрушить гордое здание, воздвигнутое Неманичами. В 1326 году турки, взяв Бруссу, подошли к самому Мраморному морю. Несколько лет спустя были взяты Никея и Никомидия, а в 1330 году Хан Оркан владел уже почти всей Вифинией и соседними с ней западными и юго-западными областями Малой Азии. Дни самостоятельности балканских держав были сочтены, но они не думали об этом.

ГЛАВА IV

Сербия от Стефана Душана до потери самостоятельности

Ко времени вступления Стефана Душана на престол Сербия достигла в системе европейских держав чрезвычайно крупного места. Уже то ожесточение, с которым говорит о ней католический монах Брокар, от-

¹ Все места из его сочинения «Directorium ad passagium faciendum ultra mare», относящиеся к Сербии, извлечены Ст. Новаковичем в журнале «Годишница Николе Чулича», кн. 14, 1894 г. См. также названное сочинение проф. Флоринского (II, 33) и статью Матковича.

зывающийся о Византии далеко не так резко, показывает, что именно в ней Западная Европа могла теперь видеть препятствие для своих планов на Балканском полуострове. И, действительно, слабая, со всех сторон стиснутая Византийская империя, подчиненная Сербии Болгария, едва оправившаяся от недавнего потрясения Босния, подчиненное итальянскому и дубровницкому влиянию Поморье и рядом с ними мощно развивающееся, молодое королевство, с престола которого почти не сходят даровитые личности. И все-таки Сербия оставалась только королевством, тогда как слабая Византия была царством, т.е. империей; глава сербской церкви был лишь архиепископом, тогда как в Константинополе жил патриарх; наконец, в Сербии юридические отношения все еще не были регламентированы, и приходилось пользоваться византийским законодательством. Ясное дело, что честолюбивый и решительный Стефан Душан должен был превратить Сербию из королевства в царство, империю, сербской церкви дать патриарха, а сербскому народу — законник. В осуществлении этих задач заключается главное содержание Стефанова царствования. Прежде чем перейти к более детальному изложению, не мешает хронологически окинуть взором порядок важнейших событий эпохи Душана. Сначала он устраивает свои отношения с соседями, с Болгарией и Дубровником, совершает ряд завоеваний в Македонии, из которых и после вынужденного мира часть удерживает за Сербией; затем начинает войну с Венгрией и занимает Мачву; несколько лет спустя, Душан завоевывает северную часть Эпира с городом Яниной и провозглашает себя албанским королем. Все это наполняет первое десятилетие царствования Стефана, но на этом завоевания его не окончились; к 1345 году в руках Душана, несмотря на все неудачи в битвах с турками, оказывается и город *Серес* и берега Орфанского и Солунского заливов. Уже в следующем году в Сербии были провозглашены патриаршество и царство, а в 1349 году дан законник. Переход Сербии на новый путь политического развития не мог пройти без протеста; константинопольский патриарх наложил анафему на Душана, сербского патриарха и весь сербский собор; с Византией и претендентами на ее престол начались новые войны; из Венгрии двинулся на Сербию крестовый поход. Но Душан нашелся и на этот раз; искусным маневром он приобрел расположение папы, после чего примирение с Венгрией было лишь делом времени. Но когда Венгрия вступила в распри с Венецией, Душан не замедлил воспользоваться этим для захвата нескольких далматинских городов. Готовясь нанести решительный удар Византии, Стефан неожиданно расхворался и умер (1355).

Рассмотрим сначала внешнюю политику Стефана Душана. В некоторых отношениях она развивается совсем в ином направлении, нежели при отце. Прежде всего, в Болгарии Душан оказывается сторонником

переворота, лишившего его близкую родственницу, Анну, престола. Он поддерживает узурпатора болгарского престола, Иоанна-Александра Срацимировича, причем переворот в Болгарии, по-видимому, стоит в известной связи с сербским; Душан женился на сестре Александра, который, как есть данные полагать, был потомком Вукана Неманича, так что происходил из одной династии со Стефаном Душаном. И эта связь, и поддержка переворота, и низложение сестры Стефана Дечанского, которая не могла любить Душана, — все это подготовляло полное подчинение слабой Болгарии сильному сербскому королевству. Так и случилось; если болгары и не участвовали вообще в войнах сербов, кроме Марицкой битвы 1352 года, то все же направление международной политики Иоанна диктуется, по-видимому, из Сербии и служит целям этой последней, подготовляя осуществление грандиозного плана — создать на развалинах Византийской империи единое великое славянское государство. Но, где возможно, болгарский царь действует на собственную руку и преследует личные планы; он не теряет своей независимости. По словам проф. Флоринского, которому принадлежат подробные исследования о Стефане Душане, «Болгария отнюдь не входит в состав сербского царства. Родственные узы, связывавшие болгарского царя с сербским, мешали последнему сплотить в одно целое два юго-славянских государства, что до некоторой степени становилось возможным после вельбуждской битвы. Не нарушая мира между собою, каждое из них ведет свою самостоятельную политику, сходную, впрочем, в основном стремлении усилиться на счет слабости империи. Вмешиваясь в византийские дела, извлекая из этого вмешательства выгоды для себя, болгарский царь косвенно способствует росту сербского царства». Тем не менее, особого доверия к Александру Душану не питает; напротив того, заключая в 1319 году договор с Дубровником, сербский царь выговаривает запрещение ввоза оружия в Венгрию, Бессарабию, Боснию, Грецию, а также и в Болгарию. И позже, под конец царствования Душана, когда отношения Сербии к Венеции испортились, именно с Венецией поспешил заключить дружественные связи болгарский царь. «Итак, — справедливо замечает проф. Флоринский, — оба славянских государства оказываются недостаточно единодушными и единомышленными в тот благоприятный момент, когда исторические обстоятельства, по-видимому, передавали на их решение задачу глубокой важности для всего Балканского полуострова, т.е. отражение турок и латинян и создание на месте Византийской империи славянского царства». Нет сомнения, что Болгария стремилась к той же цели, что и Сербия, и потому, насколько могла, выступала незаметно и потихоньку против нее.

Отношения Душана к Дубровнику определяются его стремлением обеспечить себе дружбу богатой славянской республики на случай вой-

ны с Венгрией, а также на случай революции в самой Сербии. Венгрия, Болгария, Сербия соперничали в изъявлении своего уважения и почтения к могущественной республике; их государи и вельможи гордились званием дубровицкого гражданина, заводили здесь собственные дворцы, куда приезжали повеселиться и насладиться утонченной культурной жизнью, оставляли здесь в заклад свои драгоценности и брали займы деньги¹. Душан не отставал от других и в этом отношении, и в этих связях с родственным высокообразованным государством заключалась его большая культурная заслуга. Если законодательство и политические учреждения Душан заимствовал из Византии, которую должно было заменить молодое сербское царство, то внешние формы быта, изящная поэзия, громадная торговля и пр. привлекали его к Дубровнику, и оттуда сербский царь думал почерпнуть дух цивилизации. В этом отношении, как и по широте своей внешней политики, Стефан напоминает славянских государей-преобразователей: Карла IV в Чехии, Сигизмунда-Августа в Польше, царя Алексея Михайловича в Москве. Душан нуждался в деньгах, Дубровник — в хлебе; на этой почве легко было сговориться. И вот Стефан пишет: «Да будет ведомо всякому, что я сотворил милость всем дубровчанам, и что они могут свободно покупать хлеб в городах и земле моего величества. И пусть им никто в этом не препятствует: ни властелин, ни чиновник моего величества. И кто продает, и тому пусть никто не мешает, пусть он продает свободно. А кто окажет какое-нибудь препятствие дубровчанину или крестьянину, продающему хлеб, примет гнев и наказание от моего величества, и заплатит моему величеству 500 перперов» («Monumenta Serbica», № 109). В другой грамоте Стефан запрещает брать что-нибудь у дубровницких купцов без денег, и сам отказывается от этого права; позже Стефан еще раз подтверждает это требование и обещает покрывать убытки лиц, у которых незаконно отобран товар. По отношению к отдельным лицам Душан также любезен и справедлив; он выдает ряд свидетельств дубровницким властям относительно того, что те или другие торговые люди вели с ним вполне правильные счета (№ 9, 10, 11 в изд. Ииречека «Споменици Српски». 1892). Кроме того, сербский король уступил Дубровнику несколько островков и местечек около этого города, за что ежегодно получал от него 500 перперов. Он был избран гражданином города; Дубровник еще и в конце века заявлял, что он считает себя «домом» Стефана и его потомков. Таким образом, в качестве посредника между папой и Душаном, в качестве торго-

¹ См. о роли Дубровника в Средние века сербские работы Костиц «Трговински центри и друмови», и П. Косович и М. Миладинович, «Трговачки центри и путови по српским земљама у Средњем Веку и у турско време» (Задужбина Н. Чупича, кн. 20, 1900).

го и культурного центра, наконец, как нейтральная вооруженная сила, Дубровник представлял чрезвычайное значение для Сербии. Добрые отношения с Болгарией и Дубровником были особенно нужны Душану при той напряженности, которая существовала между Сербией и Венгрией¹. Поглощенный своей борьбой с Византией и стремлением воскресить старую империю, основав ее на славянских народах, Стефан не замечал опасности, грозившей все более западно-сербским областям от Венгрии. Он обратил на них внимание лишь тогда, когда опасность сделалась особенно настоятельной, именно в последние годы своей жизни, а эта опасность усиливалась еще тем, что отношения между Сербией и Боснией были уже с самых первых лет явно враждебными. Столкновение с Венгрией было неизбежно уже потому, что Мачва с 1319 года принадлежала Венгрии, но Сербия в естественном стремлении достигнуть природных границ государства, рек Дуная и Савы, не могла отказаться от притязаний на эту область. И вот, в 1332 году венгерский король Карл-Роберт стал готовиться, подстрекаемый папой Иоанном XXII, к большому походу на схизматиков еретиков и на неверные народы, жившие по соседству с его государством. Но война началась только несколько лет спустя: весной 1335 года венгерские войска беспрепятственно вторглись в Сербию и пошли на юг; Душан же находился в то время в Македонии, будучи поглощен основным стремлением своей жизни пробиться к Царьграду. Однако, получив известие о вторжении венгерских войск, он сумел быстро двинуться на север; когда он дошел до монастыря Жичи, известие о его неожиданном появлении в Сербии вызвало такую панику в нападающих, что они быстро бросились назад к Саве. Как полагает Маркович, это отступление венгерских войск должно объясняться их составом: они состояли по преимуществу из тяжелой кавалерии, неспособной действовать в незнакомой холмистой местности. В панике Карл-Роберт потерял при переправе через Саву часть своих войск, на которые напал Душан, вернувший себе этой удачей Мачву, побережье Савы и Дуная и область между этими реками, откуда сербские войска постоянно тревожили южные области Венгрии. В свою очередь, и эта последняя не оставалась в долгу, а папа призывал верных к борьбе со схизматическим королем Сербии, отпуская им грехи в случае согласия воевать и т. п. Под конец тридцатых годов Венгрия признает самым опасным и сильным врагом своим Сербию, войска которой так грабили венгерские области, что они совсем

¹ Этим отношениям посвящен обширный труд П. Марковича в «Летопис Матице Српске», кн. 221—223 за 1903 г. Здесь же подробно рассмотрены сербско-боснийские отношения, а отчасти и история договоров Стефана Душана с Дубровником.

опустели; «*guerra quasi continua*», — так определяют на варварской латыни наши источники отношения между двумя соседними государствами в эту пору. В начале сороковых годов положение Венгрии еще ухудшилось: Карл-Роберт умер, и его сменил молодой и неопытный король Людовик I; в следующем же 1343 году восстали против него немцы Септиградии; внутри государства происходили мятежи и бунты претендентов (*emuli nostri*, о которых говорит Людовик Великий). Стефан Душан пользовался этим для своих целей и, по-видимому, привлекал на свою сторону бана Боснии. По потом он опять ушел в свои планы завоевать Царьград; северные области остаются без надлежащей охраны, и с 1344 года инициатива военных действий переходит уже на сторону Венгрии, которой наиболее деятельную помощь оказывает боснийский бан. Поглощенный военными действиями в Македонии и желая помочь Венеции, воевавшей с Людовиком, Стефан обращается к мысли нанять 500 отборных солдат, вооруженных по немецкому образцу, и послать их на помощь Венеции; но та отклонила эту услугу. Потом Стефан предлагает республике свое посредничество для заключения мира с Венгрией; он торопится помирить их, чтобы, заключив союз с Венецией, нанести решительный удар Константинополю, который нельзя было взять без флота. Но недоверие к Душану было слишком велико в Венеции, и все его любезные предложения так же любезно отклонялись. Между тем, в отношениях между Сербией и Венгрией наступило улучшение: в августе или сентябре 1346 года война прекратилась; между Людовиком и Стефаном завязались личные отношения; возможно, что дело дошло даже до свидания, на котором Душан выступил с ходатайством за Венецию. В продолжение нескольких лет между этими государствами господствуют дружественные отношения, но теперь Стефану начинает причинять много хлопот боснийский бан, с которым Душан и расправился, наконец, в 1350 году, вторгнувшись в Боснию с 80-тысячным войском. Эти войны с Боснией и Хумом не прекращались до конца Душанова царствования, истощая силы обоих сербских государств и подготавливая их падение и потерю самостоятельности. Венгрия не могла не обратить внимания на успехи сербского царя и в этой области; религиозный фанатизм усиливал вражду. Венгрия была оплотом католичества, а именно интересы католических государей (бана Боснии, неаполитанской Анжуйской династии в Албании и др.) страдали от экспансивной политики Сербии. Курия опасалась, кроме того, что Стефану Душану удастся, в конце концов, захватить в свои руки Константинополь и этим положить предел распространению католичества на Балканском полуострове. Становясь, таким образом, единственным защитником православия в области, на которую претендовал и папа, сербский царь делался естественным вра-

гом всего католического мира. Ведь он оказывал большую ревность к церкви: строил и щедро оделял монастыри, преследовал в своем государстве католиков. Неизбежная война между Сербией и Венгрией возобновилась с 1353 года, когда боснийский бан выдал за Людовика дочь, которую прочил за своего сына Душан. Со всей энергией Стефан принялся за эту войну; но страшные события на юге, несчастная битва на р. Марице в 1354 году и утверждение турок в Европе показали ему, откуда надвигается новая, еще более грозная туча. Поэтому он вступил в переговоры с Римом, обещая формально присоединить к римской церкви сербскую церковь и народ. Рим одержал великую победу над схизмой, и папа прислал Душану пожелание царствовать еще много лет. Начались переговоры, не приведшие к желательным результатам; папа снова призывает Венгрию к войне с Сербией, и сам Людовик просит папу объявить крестовый поход против Сербии, на престол которой он претендует. Но счастливые обстоятельства избавили Стефана и на этот раз от беды: Венгрия начала новую войну с Венецией, а Стефан заключил союз с Валахией. Вскоре после того он умер.

Таким образом, на северной и северо-западной границе Стефану Душану приходилось в продолжение всего его царствования вести упорную оборонительную борьбу, прибегая то к открытым враждебным действиям, то к дипломатическим переговорам, выступая иногда и в роли примирителя между Венецией и Венгрией. Что особенно характерно для этого периода сербской истории — это непрерывная война между двумя ближайшими соплеменниками, Сербией и Боснией, народы которых говорили на одном и том же языке, держались в громадном большинстве одной и той же веры, но были разъединены политическими стремлениями своих династий. Босния втягивалась в сферу венгерских и католических влияний, Сербия рвалась на юг, к Солуни и выходу в море. Это было естественное движение сербской политики, и все остальные действия Душана в Дубровнике, Болгарии, Боснии и Венгрии преследовали лишь одну цель: развязать Сербии руки для ее политики в Византии, политики, которая, как мы уже видели, вызывала тревогу и недоброжелательство в Риме и даже должна была вызвать крестовый поход против Сербии. Македонский вопрос, не разрешенный и поныне, всплывает уже при предках Стефана Душана, Милутине и Стефане Дечанском, но всей своей остроты он достигает впервые при Душане. Тогда он заключался в том, кто одолеет: славянство или греки; теперь он осложнился еще новыми элементами: сербы, болгары, греки, румыны и турки борются из-за этой провинции. Но, во всяком случае, все зародыши позднейшего македонского вопроса мы встречаем уже в половине XIV в.: владыки постоянно упоминаются в законодательстве Стефана в качестве отдельной народно-

сти (румыны), турки уже близки к подчинению своей власти всей Македонии, болгары и сербы — каждый народ самостоятельно, хотя и не обнаруживая еще враждебности — стремятся к вытеснению отсюда греческой власти, которая, однако, еще упорно держится за свои права на эту богатую провинцию.

Нет надобности следить год за годом за этими судорожными попытками Душана захватить Македонию: они наполняют все его царствование и заключаются в постоянных войнах¹. Вступив на престол, Душан сейчас же открыл военные действия против Византии и двинулся в Македонию, где занял почти без сопротивления ряд городов до Солуни и Сереса, венца его желаний. В 1334 году Стефан заключил мир, оставив за собою северные области и вернув Византии южные; затем он направил свои усилия на Албанию, где в продолжение четырех лет занял всю страну до Янины. С 1341 года Душан возобновляет свое движение на юг, пользуясь анархией, начавшейся в Константинополе после смерти императора Андроника. Один из претендентов на престол, Кантакузин, вступает в сношения с сербским краем и уговаривает его воевать вместе против вдовы Андроника, императрицы Анны, под условием удержания за каждым занятых областей. Но и Анна не теряла времени, стараясь перетянуть на свою сторону могущественного сербского князя. Это вызвало измену Кантакузина, открытую войну между ним и Душаном, в которой на стороне императора оказалась турки, нанешие поражение сербским войскам, первое грозное предзнаменование будущего. Это произошло в 1344 году; но поражение не остановило напора Стефана. В следующем году в его руках был уже богатый и славный город Серес со всей своей областью, которая, по определению Новаковича, охватывала всю среднюю и нижнюю долину р. Струмы, приморье у Орфанского залива, весь бассейн Месты (Кара-Су) с приморьем к югу от Драмы; далее, приморье на восток и страну между правым берегом Марицы, Мосинополем (теперь Гюмюрджина) и морем. Таким образом, в 1345 году сербский князь владел всей Македонией, кроме Солуни, всей Албанией и Эпиром; в некоторой зависимости от него находилась Болгария, трепетала перед ним Босния, и заискивал Дубровник. Весь этот успех поднял Сербию на небывалую политическую высоту, между тем Стефан оставался всего только королем, а глава сербской церкви — архиепископом. И как Петр Великий, достигнув моря, принял титул императора, так и Стефан Душан, осуществив вековое стремление Сербии к выходу в открытое море,

¹ Кроме трудов Флоринского, Станоевича и др., следует назвать для этого периода обстоятельную работу Ст. Новаковича «Струмска област у XIV веку и цар Стефан Душан» («Глас Серб. Академии», т. 36, 1893 г.).

не мог отказать себе в удовольствии украсить императорским титулом. При этом он мог смотреть на себя как на царя не только Сербии, но и Греции, так как присоединил к своему царству значительную часть византийских владений. На этом же еще несколько веков перед тем основал свое право на царский титул болгарский князь Симеон, поспешивший назвать себя греческим царем, когда в его руки попали города Македонии, те самые города, которые теперь привлекали Стефана Душана. Титул, принятый Стефаном в 1346 году: «В Христа Бога Благоверный Стефан, царь Сербам и Грекам», оправдывался историческими притязаниями Византии на Македонию. Между тем, Душан продолжал свои завоевания; к 1348 году ему принадлежали уже Этолия, Акарнания и Фессалия, в то время как в самой Византии кипели династические раздоры между узурпатором Кантакузином и законным наследником престола, Иоанном. И опять на помощь были призваны турки. В 1352 году произошел знаменитый бой на р. Марице. Турки разбили христиан, болгары бежали, сербы и греки из войска Иоанна, заключившего союз с Душаном, были перебиты. После этого между Византией и Сербией при Стефане уже не было войн, но все более грозным призраком вставала турецкая опасность. Может быть, еще в 1353 г. Душан послал на помощь Иоанну войско, но дальнейшие последствия этого шага не известны. «В это время — заканчивает свое исследование Новакович — турки стояли на Дарданельском полуострове с твердым намерением остаться на Балканском полуострове. И, спустя короткое время, около устьев Марицы не было уже и речи ни о сербах, ни о греках, но говорили только о турках, которые этим путем очень рано распространились по Родопскому приморью».

Внутренняя жизнь Сербии сильно шагнула за те 25 лет, когда во главе государства стоял Стефан, «милостивый паче меры, кроткий, долготерпеливый, украшенный мужеством и красотой тела», как величает его панегирист, оставивший заметку в одной из рукописей щедро одаренного Душаном сербского Хилендарского монастыря на Афоне. При этом царе возникают уже литературные памятники («Жития» Даниила II), начинаются попытки летописания в виде заметок на рукописях, хотя ни одного списка летописи от XIV в. не уцелело. По целому ряду отрывочных указаний можно думать, что в Сербии стала развиваться кое-какая домашняя промышленность, правда, ограничивавшаяся производством самых простых орудий и предметов домашнего обихода; торговля находилась по преимуществу в руках итальянцев и дубровчан, горное дело — в руках немцев. Население занималось скотоводством, которое достигало огромных размеров, и земледелием. Овцы, лошади, свиньи, крупный рогатый скот разводились сотнями и тысячами, причем сербские короли присваивали себе различные привилегии по их продаже и содержа-

нию; так, Милутин еще запрещал на торгах продавать и покупать мясо у других торговцев (даже из Дубровника), «пока не продается кралево»; царь Душан заставлял церкви и монастыри содержать его жеребцов; за кражу царевых свиней должна была платить околина. В пожалованиях монастырям упоминаются «дома свинаярей». Законник устанавливает размеры вознаграждения для владельцев зимних пастбищ, которыми пользовались скотоводы, причем среди этих последних было немало владов, остатков старого фракийского населения. Кроме скотоводства и земледелия — главных промыслов старых сербов, мы находим в различных документах указания и на другие занятия их: разведение пчел и медоварение, плодоводство, шелководство и виноградарство. Мало-помалу, распространялась культурная жизнь, которая требовала и законодательной нормировки отношений между людьми. До половины XIV века Сербия обходилась обычным правом, а также церковным византийским законодательством (кормчей книгой вместе с «Градским законом»), а когда требовалось дать его нормам распространительное значение или определить особенный случай применения права, особенно по отношению к иностранцам, крали прибегали к грамотам и специальным договорам. Однако, уже Милутин попытался дать первые писанные законы (о клятве и о сельских границах, также в договорах с Дубровником). Его внук, Стефан Душан, должен был удовлетворить давно назревшую потребность сербского народа в законодательстве. Когда он, по выражению византийского историка, «провозгласил себя царем ромэев и варварский образ жизни переменял на обычаи ромэев и торжественно возложил на себя тиару», он приступил и к составлению первого свода законов и почти одновременно с этим к переводу важнейших законодательных актов Византии. В 1335 году монах Матвей Властарь издал свой труд: «Συντάγμα χάτα Στοχαστον», и вскоре после своего выхода в свет этот труд был уже переведен на сербский язык под названием «Сочинения по составам, обнимающим все вины». Такой судебник, охватывавший как гражданские отношения (куплю, продажу, займы, дарение и т. п.), так и уголовные преступления (разбойничество, воровство, убийство) и заключавший общие указания на гражданский долг (какими должны быть начальники и т. д.), представлял чрезвычайный интерес для молодого государства, еще не имевшего своего свода законов. При Душане же был сделан перевод и другой юридической компиляции, «Закона царя Юстиниана», причем в некоторых случаях сербская редакция широко развивает основные идеи греческого оригинала. А, кроме того, Душан оставил свыше 80 хрисовул, т.е. жалованных грамот монастырям, церквам и отдельным лицам, где он определял те или другие юридические нормы; повеления и общие законы Стефана не сохранились, но есть много указаний на то, что энер-

гичный сербский царь, напоминающий и в этом отношении Петра Великого, предавался широкой и разнообразной законодательной деятельности. Первое место в ней принадлежит, несомненно, Законнику, так как он имел в виду не общие, но специально сербские условия быта, и если и пользовался византийскими источниками, то умело применял их к родной обстановке¹. Подобный труд мог быть издан только собором; в 1349 году в город Скопле (Ускюб) были созваны для образования «православного собора» патриарх Иоанникий, 8 архиереев и церковники малые и великие и все власти царства, малые и великие. Состав собора определял и содержание Законника, который был им одобрен; в нем получили дальнейшее свое развитие владельческие и теократические интересы, которые пробивались так мощно в истории Сербии уже со Стефана Немани. Крепостное право, уже нашедшее себе выражение в хрисовулях сербских королей конца XIII и XIV веков, было установлено окончательно; феодальные отношения были закреплены законом; монастыри и церкви получили новые привилегии. Но и этого казалось мало; в 1354 году были сделаны весьма важные дополнения к Законнику, окончательно прикрепившие крестьян. Проф. Зигель определяет это движение в следующих словах: «В Законнике народ увидел, что верховная власть не защищает более слабых против сильных, простонародья против бояр, а власти нагляднее убедились в своем значении. Обманутые надежды народа на улучшение своего жалкого положения должны были неминуемо отразиться в увеличении разбоев, грабежей, воровства по дорогам, в развитии пьянства. Властели, сознающие свою силу, начали открыто не повиноваться царским указам, пуще прежнего притеснять низшие классы народа. Вместе с тем, умножались подложные грамоты; несправедливость в судах становилась явлением обыкновенным. Видя повсеместные беспорядки и неурядицу, Душан решил положить предел всему этому на соборе 1354 г.».

Те основания, на которых было построено законодательство 1349 года, действительно, могли вызывать в народе недовольство². Элементы неравноправия сословий, давно назревавшие в сербской жизни, достигли здесь своего высшего развития; власти, и ранее игравшие весьма важную роль в жизни сербского государства, теперь забирают в свои руки всю власть. Свободные поселяне, не принадлежавшие к властельскому сословию и называвшиеся себрами, были лишены даже права собираться на сходы, тогда как в соборе 1349 года участвовали власти не только вели-

¹ О законнике Стефана см. исследования Ф. Зигеля «Законник Стефана Душана» (1872), Т. Флоринского «Памятники законодательной деятельности Душана» (1888), Ст. Новаковича «Законик Стефана Душана, цара српског» (1898).

² См. в исследовании проф. Флоринского о законнике, стр. 17—23.

кие, но и малые. «Себрова собора да несть», — решительно постановляет Законник, грозя за нарушение этого закона урезанием ушей и штрафом. Такие постановления делаются обыкновенно в тревожное, революционное время, когда власть имеет основание опасаться народного недовольства. Чувствуется, что собор, утесняя простой народ, опасался мятежей и уже заранее грозил карами за простую сходку. По мысли составителей Законника, себрам и не для чего было собираться, ибо вся власть над ними и местное управление перешли в руки царских чиновников, кефалий, или феодальных землевладельцев, собственников баштин, наследственной собственности, и прониий, временного пользования¹. Первые несли только известные денежные повинности и были обязаны службой в войске, но зато имели всевозможные привилегии, не могли быть лишены своей собственности и пользовались трудом своих крепостных. Прониар не имел права отчуждать свою землю, «пронию никто не может ни купить, ни продать, кто не имеет башчины; из прониарской земли никто не может ничего отдать церкви, а если отдаст, то это не должно считаться». Но, подобно баштиннику, прониар пользуется трудом крестьян (меропхов), которые должны работать на него два дня в неделю. Наконец, уголовное право в применении к себрам и привилегированным сословиям изменялось: властель платил за убийство себра только штраф, тогда как у себра, убившего властеля, отсекались обе руки, помимо штрафа, который он должен был заплатить. Положение крестьянства определяется проф. Флоринским в следующих строках: «С развитием баштинного права число себров, т.е. свободных, незнатных людей, владевших земельной собственностью, быстро уменьшалось. Огромная масса сельского люда переходила в состояние *меропхов*, т.е. людей зависимых, живших на чужих баштинах. Обработывая чужую землю и добывая себе от нее пропитание, меропхи уплачивали все государственные повинности владельцу баштины или пронию, справляли ему барщину и подчинены были его административной власти, а иногда и суду. До издания Законника поселения, жившие на чужих землях, удерживали за собою право перехода, т.е. перемены баштин. Законник отнял у них и это право. Таким образом, Душан, дав полное развитие баштинному началу, окончательно прикрепил крестьян к земле. Это была уже наивысшая степень стеснения сельского сословия. Но тот же Законник узаконил настоящее рабство в сербском народе».

Как жило сельское население, задругами или отдельными домами, инокоштиной, это вопрос еще не вполне выясненный до сих пор. Исследователь сербской культуры в средние века, Ст. Новакович высказал убеж-

¹ Ср. статью Ст. Новаковича «Пронијари и баштиници» (Глас. I).

дение, что во времена Стефана Душана существовали обе формы быта, но правительство не питало расположения к задруге, стараясь, сколько возможно, препятствовать ее размножению, так что население, которое, наоборот, чувствовало особенное влечение к этой форме сожития, прибегало уже при Душане для обмана власти к различным уловкам¹. И вот эта неуверенность населения в завтрашнем дне, и крайнее разобщение между ним и властью, и подчинение еще недавно свободных людей власти помещиков, и водворение новых чуждых народу византийских форм жизни, и многие другие причины содействовали ослаблению сербского государства именно в тот момент, когда оно достигало наибольшего видимого блеска. Сербское царство было осуждено на распадение, потому что в нем не было здорового ядра, которое могло бы естественным образом собрать вокруг себя окраины. А когда феодальные формы жизни двинулись дальше в своем развитии, то толпа жадных и вечно интригующих властителей расплзалась в разные стороны, совершенно не думая об единстве и безопасности Сербии. И этому процессу Душан положил роковым образом начало, разделив свое государство на 16 областей и раздав эти провинции в управление своим родственникам и вельможам; так, напр., брат царя Симеон получил в управление Акрнанию и Этолию; важнейшие македонские земли были переданы Вукашину, сыгравшему такую демоническую роль в дальнейшем развитии Сербии, часть теперешней Старой Сербии — Вуку Бранковичу, теперешняя Черногория — Балше и т. д. Все это лица, которые впоследствии немало поработали над разрушением единства Сербского царства: так, напр., Балша и его потомство, Балшичи, совершенно отделили Зету от дальнейшей сербской истории и создал самостоятельную Черногорию. Пока был жив Стефан Душан, прозванный в народе Сильным, он сдерживал в своей железной руке все эти сепаративные стремления своих вельмож, но после его смерти его государство распалось, по выражению византийского историка, на тысячу частей. Народ сохранил память о широких замыслах Душана, и легенда рассказывает, что первый сербский царь умер во время похода на Царьград.

Тот процесс, который наметил в своих мемуарах Кантакузин, пошел чрезвычайно быстро вперед. Его слова о распадении Сербии на тысячу кусков относятся к 1356 году, а через десять лет после этого можно было вспоминать о величии сербского царства, как об отдаленном прошлом.

¹ Ст. Новакович «Село» («Глас», т. 24, 1891), ср. также А. Иованович, «Историјски развитак српске задруге», 1896. Marković, «Die serbische Hauskommunion», 1903 и др. Новейшее сочинение с обширной библиографией С.С. Бобчев, «Българската челядна задруга». 1907.

Некоторые из Душановых вельмож объявили себя самостоятельными государями; другие номинально признавали власть Уроша, но, ввиду его слабости и неспособности, были принуждены сами заботиться о сохранении своих границ в безопасности. Вукашин занял Македонию и объявил себя в 1366 году кралем, Лазарь в теперешней южной Сербии, Вук Бранкович на Косове поле, братья Балшичи в Зете и др. оставались верными царю. Боснийский бан Твртко уже задумывал свергнуть слабоумного Уроша и подготовлял для этого почву в дружественных сношениях с князем Лазарем. Продолжателем архиепископа Даниила занесены в житие второго сербского патриарха Савы следующие строки, которые прекрасно резюмируют всю сербскую историю с 1355 по 1371 год. После царя Стефана, повествует он, «принял царство сын его Урош; но он недолго благоденствовал, а вскоре принял большую беду от своих властелей, в царствовал он мало лет и преставился; из царства же его одну часть получил князь Лазарь, другую — Вукашин, который посягнул на королевский титул, нимало не боясь проклятия святого Савы; греческие страны и города принял Угleshа, и потом, соединившись, они пошли в Македонию, были перебиты турками и так скончались». До 1366 года царство Уроша еще кое-как сдерживалось памятью об его отце, но с этого времени начинается против него движение, центром которого оказываются южно-сербские земли¹. Это движение привело к полному отступлению от Уроша двух могущественных государей — деспота Угleshи и его брата, краля Вукашина, и с этого времени начинаются попытки сербов заключить союз против турок. Эти полунезависимые или даже совсем самостоятельные государи ведут между собою переговоры, ищут денег, причем душою этого движения становится Угleshа. Прежде всего следовало примириться с цареградским патриархом, который наложил анафему на сербскую церковь после провозглашения в ней патриаршества. Для этой цели Угleshа посылает в Константинополь посольство с предложением примирения церквей и изъявляет готовность отказаться от патриаршества, а свою область подчинить юрисдикции патриарха царьградского. В Македонии, где господствовал Угleshа, ему приходилось уже не раз сталкиваться с турками, причем успех, как можно думать, оставался на его стороне. Таким образом, деятельность Угleshи вызывала сочувствие в народной сфере, и даже его протест против сербского патриаршества, по-видимому, был встречен с симпатией в известной части духовенства, которое с тревогой смотрело на вражду между Вселенской церковью и новым сербским царством и помнило о временах архиепископа

¹ Подробно об этом последнем периоде сербской независимости в книге Ст. Новаковича «Срби и турци XIV и XV века». 1893.

Савы и первых Неманичей, когда сербское королевство так быстро росло и укреплялось. Основание царства не принесло Сербии счастья; сын Душана оказался совсем негодным для престола, и потому попытка Вукашина воскресить королевство не казалась ни массе народа, ни духовенству изменнической. После 1366 года в руках царя Уроша осталась только северо-восточная часть стефанова царства, до Дуная, но зато на юге складывался союз сербских государей против турок. В 1371 году произошла знаменитая битва на р. Марице, на правом берегу реки, близ местечка Чермена (к западу от Адрианополя)¹. В этом сражении погиб Вукашин. Народная песня вспоминает об этом событии в следующих поэтических словах: «До восхода солнца чиста была вода в Марице, от восхода она замутилась, полилась мутная и кровавая, потом понесла коней и шлемы (колпаки), до полудня раненых юнаков». Как турецкие, так и позднейшие сербские источники (напр., «Житие Уроша V», составленное в первой половине XVII в. патриархом ипекским Паисиєм) передают, что в сербском войске перед битвой господствовали разгул и пьянство, и турки, неожиданно напав на сербский лагерь, перебили множество спящих. Монах сербского Хилендарского монастыря Исаа, который когда-то был близок к Стефану Душану, перевел на сербский язык сочинения Дионисия Ареопагита и к переводу присоединил описание марицкой битвы, в котором рассказывает о последствиях этого страшного поражения для его народа. «По всем городам и странам Запада (т.е. на Балканском полуострове, к западу от Константинополя) распространилось такое несчастье, такая беда, что ни ухо никогда не слышало ни о чем подобном, ни глаз ничего подобного не видел. Когда погиб этот храбрый человек, деспот Угleshа, измаильтяне (т.е. турки) рассеялись и полетели по всей земле, как птицы по воздуху, и одних из христиан они закалывали мечом, других отводили в рабство, а третьи понесли преждевременную кончину. Те же, кто остался в живых, помирали от голода, потому что повсюду наступил такой голод, какого не было от сотворения мира, и дай Бог, чтобы никогда не было другой раз. А на тех, кто спасся от голодной смерти, нападали, попущением Божиим, ночью и днем волки и поедали их. Увы! Жалостно было видеть. Осталась земля совершенно пустой, без людей, без животных, без всякого рода, и не было ни князя, ни вожда, ни наставника между людьми, и некому было спасти и избавить. Все исполнилось страха мусульманского, в сердца храбрых и мужественных людей превратились в самые слабые женские сердца. В то время умерло и племя сербских государей, именно седьмое колено (т.е. царь Урош, скончавшийся 2 декабря 1371; битва же на Марице

¹ Так определяет место боя И. Мишкович в «Глас» (58 кн. 1900).

произошла 26 сентября). И тогда поистине живые завидовали тем, кто умер раньше их, и, поверьте мне, ни я, человек во всем невежественный (незналица), ни тот премудрый среди греков Ливаний не могли представить пером несчастья, которые постигли христиан в западных краях». Эту страшную картину дополняют другие современные писатели, которые показывают, как скоро сербское царство, еще недавно величавое и славное, было приведено к краю пропасти и рассыпалось на мелкие куски. В истории этого периода еще многое не выяснено; так, все наши источники единогласно утверждают, что в Марицкой битве погибли и Вукашин, и его брат, деспот Углеша, причем многие из них (позднейшие сербские «Родословы») объясняют поражение гневом Божиим на этих вождей, свергнувших кроткого и благочестивого Уроша. «Если бы не суд Божий, как могли бы 4 тысячи победить 70?». Один из источников («Житие Уроша») сообщает, однако, нечто иное: Родословы единогласно утверждают, что даже тела павших Вукашина и Углеши не были найдены, тогда как Житие объясняет смерть Углеши кровотечением от раны, полученной им в битве. Между тем, существует грамота Углеши от 29 мая 1372 года. Еще более значительны разногласия в ином, более существенном вопросе: как умер Урош, от руки ли Вукашина, как говорят почти все источники, или своей смертью. По этому вопросу сербской истории существует целая обширная литература, и опять-таки хронологические данные показывают, что Урош умер на несколько месяцев позже Вукашина и, следовательно, не мог пасть от его руки. Но все эти разноречивые показания относительно событий, которые были всем известны или, по крайней мере, могли бы быть всем известны при сколь угодно нормальном положении вещей, чрезвычайно характерны: они обнаруживают такой хаос в государственной и национальной жизни, при котором никто не мог ориентироваться в окружающих событиях. Для народа Урош уже давно перестал существовать; Вукашин сверг его, стал сам краем и следовательно — так именно и должна была рассуждать народная логика — убил его. Если мы припомним легенды о Петре III, ушедшем в уральское казачье войско, или даже известную легенду об уходе Александра I в Сибирь, нам станет ясно, что вокруг имен Уроша, Вукашина, Углеши должна была сложиться известная народно-историческая догма. Но если она утвердилась так прочно и вылилась в литературных памятниках, то произошло это лишь вследствие полного разброда, совершенного распада народной жизни, происшедших после Марицкой битвы. Незаметно и ни в ком не возбудив внимания, умер Урош, последний сербский царь, а сербские земли находились уже в чужих руках: к югу от Шар-планины, значит в албанских и македонских землях, завоеванных когда-то Стефаном Душаном, королем объявил себя сын

Вукашина, Марко, знаменитый Марко Кралевич народных песен, а к северу от этой планины княжил Лазарь, сын Ирибаца Хребельяновича, придворного Душана. Около этих двух лиц и сосредоточивается в продолжение двух десятилетий вся дальнейшая история душановой Сербии, и только мрачная демоническая фигура Вука Бранковича выдвигается рядом с ними из того хаоса, в который погружена Сербия от Марицкой битвы до Косовского боя (1389).

Урош владел, хотя почти номинально, сербскими землями к северу от Шар-планины; помимо него, царство Душана было раздроблено между Вукашином и Угleshой и затем Марком Кралевичем, Лютицей Богданом, владевшим землями тоже к югу от Шар-планины; Балшичами, принявшими католичество и владевшими Зетой и албанским приморьем, и Николой Алтомановичем, завладевшим областями в северо-западной Сербии. И вот, когда Лазарь, после смерти Уроша, оказался во главе его земель, как признанный всеми князь их, он немедленно принялся за старое, теперь уже безнадежное дело собирания сербских земель. И методы этого собирания старые: дружба то с тем, то с другим из сильных соседей. Женившись на дочери Вука Бранковича, Лазарь добился того, что этот последний признал в своих землях верховную власть Лазаря; заключив союз с боснийским баном Твртком, князь получил возможность разбить Николу Алтомановича и присоединить его земли к своей области; несколько позже Лазарь покорил и Браничево, где уселся самостоятельный господарь, и справился с несколькими меньшими властями. Правда, Твртко провозгласил себя в это время королем и этим обнаружил притязания на наследие Неманичей, но Лазарь довольствовался фактической властью и никогда не претендовал на королевский или царский титул¹. Зато сам он совершил весьма важное дело, именно — достиг примирения между сербской и вселенской церковью и признания сербского патриаршества со стороны константинопольского патриарха. Единая сербская церковь при политической раздробленности сербского народа представляла громадной важности связующее звено, являлась хранительницей национальных преданий, поддерживала в народе память об общесербских святых государях. Таким образом, князю Лазарю принадлежит большая заслуга в сербской истории, хотя политическое значение главной задачи его было ничтожно: объединение сербских земель было уже неосуществимой задачей, борьба с турками становилась все более невозможной. С 1380 по 1386 год Лазарь и другие серб-

¹ См. специальное большое исследование архимандрита *Ил. Руварца* «О князю Лазарю» (1888); здесь же и много библиографических указаний по истории Сербии с 1366 по 1389 год.

ские господаи кое-как еще отражают турок, хотя в 1382 году пала София, а в 1385 — Балша Балшич. Более того: когда Ниш сдался (1387), и турки двинулись по р. Топлице, Лазарь нанес у Плочника такое страшное поражение войску Мурата, что едва пятая часть его спаслась; однако, успех этой победы был кратковременным, и Лазарь напрасно пустился в новые завоевания, задумав отнять у Венгрии Мачву в союзе с Твртком, который должен был занять Хорватию и Далмацию. Лазарю пришлось спешно заключить мир с Венгрией и готовиться к новой борьбе с турками, которая на этот раз оказалась роковой. На Косовом поле пал Лазарь, превратившись в народного героя и мученика.

Народным героем сделался Марко Кралевич, сын Вукашина¹, признавший турецкое господство и владевший до самой своей смерти (1371—1394) обширными пространствами между Шар-планиной, Охридским озером, Костурой и рекой Вардаром. До сих пор сохранились развалины его дворца близ города Прилепа, известные в народе под именем Марковых башен. В юнацких песнях, воспевающих подвиги героев, павших в борьбе с турками за веру православную, имя Марка окружено величайшим почетом, как самого сильного и стойкого врага турок. Но в действительности Марко оставался турецким вассалом и участвовал в войнах мусульман с христианами; в одной из таких битв Марко и погиб. Если в народе память его до сих пор окружена особым блеском, то произошло это от умения этого краля отстаивать перед турками интересы христиан в пору особенного раздражения турок против сербов. В этом отношении Марко напоминает Александра Невского, и сам себя на монетах он называет «Ва Христа Бога благоверни краљ Марко». Совершенно противоположен в национальном предании сербского народа образ Вука Бранковича², потомка знатного сербского рода (однако, не связанного с династией Неманичей). Благодаря тому гостеприимству, которое Вук оказал Урошу в памятном для него 1366 году, он сумел не только удержать свои владения, но и увеличить их настолько, что ко времени смерти царя Уроша они занимали значительную часть теперешней Старой Сербии. Потом с такой же верностью Вук служит князю Лазарю, на дочери которого он был женат, так что по одному свидетельству 1387 года «господин Вук» признается «любезным сыном» Лазаря. Впрочем, в своей области

¹ М.Г. Халанский, «Южно-славянские сказанья о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса». I—III. 1893—95. Сречкович, «Преглед историјских извора о кнезу Лазару и Кралевичу Марку» («Споменик». Кн. 36, 1900 г.).

² Л. Ковачевич, «Вук Бранкович (1372—1398)». Годишњица Ник. Чупича. Кн. 10, 1888.

Вук был совершенно независимым от тестя, самостоятельно заключал договоры, в которых называл себя: «По милости божей я Вук Бранкович». Эту политику, уклончивую и эгоистическую, Вук продолжал и после Косовской битвы, в которой народное предание так несправедливо приписало ему роль изменника. Вражда Вука к родне Лазаря превратилась в народных понятиях в измену на Косовом поле, и косвенным подтверждением этого воззрения служил тот факт, что Вук еще пять лет владел своей землей и только в 1394 году был свергнут Баязетом с престола.

В 1389 году разыгрался последний акт трагической борьбы сербского народа с турками. До известной степени этот акт был вызван самим князем Лазарем, который во время турецко-болгарской войны занял город Пирот и его область, уже находившиеся в руках турок. Им приходилось возвращать свои владения, и, расправившись с Болгарией, Мурат двинул свои войска на Сербию; но весною это было невозможно, так как разлитие Марицы и других рек преграждало движение армии. Выждав конца половодья, турки направились к Косову полю и заняли южную часть Косовской равнины¹, тогда как в северной части остановились сербы. Здесь были отряды Вука Бранковича, боснийского короля Твртка, может быть, и зетского господаря Балшича; центр войска, достигавшего своей численностью 60000, занимал сам Лазарь. На Видов день (день св. Вита), 15 июня 1389 года, началось сражение. Сербы потеснили турок; один из их юнаков, Милош Обилич, которого заподозрили в измене, и который в ответ на подозрения поклялся делом доказать свою верность князю, пробрался в турецкий лагерь, притворно перешел на сторону турок, но, когда он был приведен в шатер к Мурату, бросился на него и убил его кинжалом. Испуганные замешательством в шатре хана, турки отступили, но сын Мурата, Баязет, послал на помощь новую отборную армию, которая сумела окружить отряд князя Лазаря. Лазарь был взят в плен, и его гибель вызвала панику в сербских рядах: одни бросились бежать, другие устремились на турок, чтобы отнять тело князя. Сохранилась народная юнацкая песня, посвященная Косовской битве. С горьким чувством она передает исход битвы в следующих словах: «Много копий было поломано здесь, поломано и сербских и турецких, но больше сербских, нежели турецких... Оба царя погибли; из турок кое-что и осталось, от сербов ничего не осталось, все изранено и окровавлено». Князю Лазарю отрубили голову; его тело было погребено в Грачанице на Косовом поле, а впоследствии перенесено в монастырь Раваницу, где оно покоится и

¹ Ее описанию посвящена книга Нушича «Косово, опис земље и народа» (Књиге Матице Српске, 1902). Косовская битва описана Руварцом в книге о Лазаре (см. выше) и Мишковицем «Косовска битка».

теперь; сербская церковь признала последнего самостоятельного князя Сербии святым и мучеником, народный театр прославляет его доньне.

Но Сербия еще не погибла окончательно. По современному свидетельству, «Сербская земля, которая, казалось, совсем опустела, и окончательно погибла, оправилась и пришла в прежнее состояние и по воле Божией пришла в порядок и опережала других многолюдным и разнообразным населением». Как это могло произойти? Лишь благодаря тому обаянию, которое приобрело в народном сознании имя князя Лазаря. Оно дало возможность вдове князя, Милице, и ее несовершеннолетнему сыну Стефану объединить народ; только в лице Вука Бранковича, который и при Лазаре стремился к полной самостоятельности, они встретились с серьезным противодействием. К тому же, пользуясь слабостью побежденной Сербии, венгерский король Сигизмунд не замедлил нарушить недавно заключенный мир и отнял у Сербии Белград и Мачву. «Не только турки, но и венгерские земли и многие господа с бесчисленным множеством ратников повалили в Сербию, чтобы окончательно ее опустошить, разорить и разграбить», — жалуется современное «Повесно Слово». Новакович рисует положение сербских земель после Косовской битвы в следующих чертах: «Турецкие гарнизоны и турецкие надсмотрщики в главных торговых местах и в некоторых городах и рудниках; отношения между сербами и турками неопределенные; вместо единства власти, разделение и ревнивое соперничество в расхищении того, что можно было захватить в общей растерянности; между княгиней Милицей и ее детьми, с одной стороны, и ее родственниками, зятем Вуком и внуками, детьми Вука, с другой — распря, почти открытая вражда и раздор; вместо поддержки у христианских соседей стремления Венгрии воспользоваться несчастьем Сербии и ее попытки захватить и для себя, что можно. И, кроме того, все знают, что турки — враги непобедимые, и что им приходится приносить в жертву самые драгоценные национальные права, свободу, веру и самостоятельность. Никто не может ни знать, ни предвидеть, как далеко зайдут эти жертвы, и в чем они будут заключаться. Величайшая неизвестность и полная необеспеченность господствовали во всех областях, во всех проявлениях народной жизни. Но при всем том лазаревы и вуковы земли остались в таком же положении, в каком они находились раньше, лишь с присоединением новых, немилых гостей — турок — в отдельных местах».

В таком состоянии прозябания Сербия влачила свое существование еще в продолжение 70 лет; путем унижительного брака Оливеры, младшей дочери Лазаря, отданной за убийцу ее отца Баязета, династия Лазаря купила себе возможность так или иначе поддерживать внутреннюю независимость; но вассальные отношения уже не прекращались. Биоград

Стефана Лазаревича, Константин Философ, сообщает, что и князь, и его брат Вук Лазаревич должны были ежегодно отправляться на службу султану со своими дворянами и с сербским войском. Но все же Лазарь мог вести войны и как самостоятельный государь; так, он воевал с Венгрией; так, он враждовал с Вуком Бранковичем, который, наконец, был взят в плен (1398) и умер в темнице. Вассальная зависимость Стефана¹ не мешала ему также вести переговоры с Венгрией о союзах и суверенитете венгерского короля, но она заставляла его действовать заодно с турками в их военных предприятиях. Именно, в войне Баязета с Тамерланом и в Ангорской битве (в июне 1402 года) участвовали и сербы; когда же Баязет проиграл сражение и даже был взят в плен, Стефан Лазаревич надеялся свергнуть турецкое иго и заключил договор с племянником императора византийского, Мануила, ездившего по Европе и искавшего союзников против Турции. Заместитель Мануила, Иоанн, признал за Стефаном титул *деспота* и отдал за него замуж свою родственницу, а Юрия Бранковича, земли которого Стефан хотел присоединить к своим владениям, заточил в Царьграде. Но все эти расчеты оказались неправильными: греки были совершенно бессильны против турок и не могли представлять надежных союзников; ничтожную помощь могла бы оказать и Зета, в которую отправился Стефан Лазаревич из Константинополя. Сын Баязета, Сулейман, не теряя времени, решил нанести Стефану решительный удар; в битве, которая произошла опять-таки на Косовом поле 21 ноября 1402 г., среди турецких союзников находился и Юрий Бранкович; в сражении деспот Стефан разбил турок, но Юрий Бранкович, в свою очередь, разбил его брата Вука. Сербь отступили; но Сулейман не использовал результатов победы, так как ему предстояла новая борьба за престол; он примирился с сербским деспотом. Примирился Стефан и с Бранковичем, вернув ему области, которыми владел его отец, и обратил свои взоры на север, в Венгрию. На этот раз союз с королем Сигизмундом принес Стефану реальные выгоды: он получил Мачву с Белградом, которыми и стал владеть как венгерский властелин. Сам деспот поселился в Белграде, который сделался с этого времени столицей Сербии, так что государственный центр сербского народа, находившийся некогда на приморье и потом, в эпоху византийского культурного владычества, передвинувшийся на восток, в Рашку, теперь водворился на крайнем севере сербской земли, подальше от Царьграда и Адрианополя, столицы турецкого султана, поближе в тому западному католическому миру, который принял Сербию в сферу своего культурного влияния. Над упроче-

¹ См. специальное исследование Мат. Станойловича и Мил. Гајича «Деспот Стефан Лазаревич». 1895.

нием культуры и стал трудиться Стефан, возводя и укрепляя города и крепости, создавая новые очаги образованности, монастыри, поддерживая живые торговые связи с Дубровником. Но этот культурный труд встречался с великими затруднениями не только во внешних сношениях, но и в домашней междоусобной борьбе. Брат деспота, Вук, давно уже вносивший раздоры и нелады в семью брата, теперь предъявил требование на половину всего княжества Стефана, что было совсем невыполнимо уже по стратегическим соображениям. Отказ деспота вызвал измену Вука, который с турецким войском ударил на деспотию Стефана и занял большую половину ее (1409), которую Стефан и должен был уступить Вуку. Таким образом, в сербской династии не было мира и единства; Вуковичи враждовали с Лазаревичами, а те между собою; а между тем события, наступившие в Турции в 1411 году, следовало бы использовать с выгодой для Сербии. В раздоре Мусии с Сулейманом приняли участие и сербские государи, которые разделились на две партии и мстили друг другу, пользуясь турецкими войсками своей партии. Стефан Лазаревич оказался на этот раз самым предусмотрительным; правда, его земли сильно пострадали от борьбы, но он стал на стороне самого сильного из претендентов на турецкий престол, Мехмеда, примирился с Юрием Бранковичем и поручил ему власть над всем сербским войском, посланным против Мусии. Именно с помощью сербов Мехмед вышел в 1413 году победителем из войны с этим последним. Мехмед отплатил по-рыцарски за услугу, передав в управление Стефана все сербские земли, которыми владел князь Лазарь до Косовской битвы, а также часть Болгарии, до Софии, где надолго установилось сербское литературное влияние. Опять, таким образом, часть болгарского народа оказалась в подчинении у сербских государей. Стефан примирился с Юрием Бранковичем, и в продолжение восьми лет они спокойно управляли своими землями, будучи свободны и от податей и от обязанности участвовать в турецких войнах. Теперь Стефан Лазаревич, человек болезненный, стареющий, бездетный, мечтал только об одном: чтобы передать свой престол Юрию Бранковичу. Так, принужденный воевать с Венецией из-за Зеты, господарь которой, Балша, умер без мужского потомства, Стефан, добившись целого ряда городов, поставил над ними Юрия. Позже, весной 1426 года, он заключил договор с венгерским королем Сигизмундом, в силу которого Юрий Бранкович признавался наследником Стефана и получал от Стефана после его смерти несколько городов. Над объединением сербской земли под властью одного лица, над умирением раздоров в ней, над ее усилением этот государь работал настолько горячо, что подозрения турок должны были рано или поздно проснуться, особенно после того, как долгий процесс лавирования между двумя силами, Турцией и Венгрией, привел

Стефана к тому, что он, будучи союзником Турции, оказался в союзе и с ее врагом — Венгрией. Грозил неминуемая война; турки двинули войско к Крушевцу, но должны были отступить от него ввиду восстания в Малой Азии; напал на Сербию и король боснийский Твртко, но тоже был отбит. Все эти события заставили Стефана еще при жизни своей провозгласить наследником Юрия Бранковича, а через год после этого, во время охоты, Стефан умер (1427 г.).

После смерти Стефана Лазаревича Сербия быстрыми шагами пошла к окончательной потере своей самостоятельности. Жадно отрывала от нее кусок за куском Венгрия, пользуясь моментами наибольшего ослабления государственного организма своего исконного врага; спешили использовать слабость Сербии и боснийский король, и зетский господарь. И сама борьба с турецким нашествием стала в конце так явно невозможна, что все сопротивление ограничивалось отдельными вспышками, разрозненными попытками, минутными удачами; анархия воцарилась полная, общих интересов больше не было, и каждый спешил использовать положение с возможной для себя выгодой, потому что крепко утвердилось отчаяние — самое опасное бедствие, которое окончательно сокрушает государства; это было то же состояние, в котором находилась Польша перед третьим разделом. И как в этой польской истории ярко встают отдельные личности сильных людей, Костюшки и Немцевича, так и в этот последний период сербской истории не может не останавливать на себе внимания личность деспота Юрия Бранковича, о которой с такой симпатией говорят сербские летописцы. Рядом с ним стоит прекрасный образ его дочери Мары, насильно отданной замуж за злейшего врага Сербии, Мурата, и позже, после смерти Мурата, вернувшейся домой¹. Юрий вступил на престол 60-летним стариком и продержался на нем 30 лет (1427—1456). Самое вступление его на престол, как наследника Стефана Лазаревича, было неприятно туркам, и они двинули свои войска на Сербию, заняли Косово поле и окружили Ново Брдо, которое упорно сопротивлялось. В то же время на севере действовали венгерцы, которые претендовали на Белград и Мачву. Таким образом, в самом начале своего деспотства Юрий был вынужден отказаться от всех укрепленных местностей Сербии; Ниш и Крушевац остались в турецких руках, а Белград и Голубац перешли во власть Венгрии, да, кроме того, Юрий обязался платить султану 50.000 дукатов дани и помогать Турции в ее войнах с 3.000 солдат. Это была уже полная вассальная зависимость от Турции, которая чувствовалась еще сильнее вследствие того, что пре-

¹ Из исследований о Юрии Бранковиче назову двухтомную работу Миятовича (1880). О Маре см. Новаковича, в книге «Балканска питања» (1906).

старелый Бранкович оказался вынужденным отдать свою молодую дочь Мару за султана. Чтобы иметь хотя один укрепленный пункт в стране, Юрий воздвиг крепость Смедерево на Дунае, поблизости от Белграда, и сделал этот городок своей столицей.

В кратком очерке нет возможности проследить за всеми перипетиями отчаянной борьбы, которую вел в продолжение 30 лет сербский деспот. В 1433 году ему удалось кое-как не только справиться со своими делами, но даже отнять несколько городов у Боснии; но это вызвало опасения со стороны венгерского короля Сигизмунда, который и обратил внимание турецкого султана на опасное усиление Сербии. Стоило Юрию выдать свою старшую дочь замуж за венгерского графа Ульриха Цильского, как на руку младшей дочери, Мары, изъявил требование Мурат. Несколько позже, во время войны между Венгрией и Турцией, Сербия была территорией, на которой происходили военные действия. Юрий не оказал туркам той помощи и того почтения, на которые рассчитывал Мурат, и за это ему пришлось жестоко пострадать: в 1439 году пало Смедерево, турки разграбили и опустошили Сербию, которая, по свидетельству современного путешественника (*Bertrandon de la Broquiere*, 1433), была «прекрасна и густо населена». Несколько более поздний наблюдатель турецко-сербских отношений, критянин Пилоти, сохранил сведения о том громадном наплыве христианских славянских рабов, который был последствием событий 1439 года: по его свидетельству, раб-серб оценивался в 70—80 дукатов, тогда как за грека платили 90, а за черкеса или татарина и того больше. Как скот, гнали сербских невольников, прикованных к одной цепи, и распродавали иногда за бесценок. Но еще оставался независимый пункт Ново Брдо (к северу от Ускупя), который продержался до 1441 года. Когда пал и он, вся Сербия была в руках Турции; сыновья Юрия, томившиеся в плену, были заподозрены в заговоре против Мурата и ослеплены. Таким образом, восьмидесятилетний деспот, лишенный всей семьи, власти и надежды, должен был один отстаивать свою родину против непобедимого врага.

На время судьба дала ему отдохнуть. Польский король Владислав, избранный и венгерским королем и опиравшийся на знаменитого полководца Яна (Сибинянина) Гуниади, одержал ряд блестящих побед над турками; в сражениях принимали видное участие и сербы, так что, по миру 1444 года, Турция вернула Юрию Бранковичу все его прежние владения, Сербию, Зету и часть Албании, но зато Юрий должен был платить султану дань. Хотя вскоре после того Владислав погиб в битве при Варне, но перемена султана в Турции и приготовления нового султана к осаде Константинополя, в которой участвовали и сербы, на целых десять лет отложили окончательную гибель Сербии. Правда, ей не давали в это вре-

мя спокойствия другие враги ее: боснийский король Твртко I, Венеция, наместник венгерского престола Гуниади. По свидетельству современника, сербского янычара Михаила Константиновича, в самой Сербии господствовало недовольство против Юрия Бранковича за его временами мирные отношения к Турции; сербы были убеждены, что султан дружит с их деспотом лишь до поры, до времени, пока в нем нуждается. И они не ошиблись: к началу 50-х годов международное положение Сербии было отчаянное, присоединить ее к Турции было нетрудно. Юрий умер в 1456 году; между его наследниками началась отчаянная борьба, в которую вмешались и боснийцы, и которая привела к совершенной анархии. Почти без сопротивления в 1459 году было взято Смедерево, и деспотия Лазаря превратилась в смедеревский пашалык.

ГЛАВА V

Сербия под турецким игом (до 1804 года)¹

Переход под турецкое иго не был для сербского народа неожиданным ударом, каким для русских явилось монгольское нашествие. В течение почти полутора веков сербские государи выдерживали напоры турецких войск, а после битвы при Марице громадный перевес объединенного турецкого государства над раздробленными силами балканских государств был совершенно ясен; «Косовска битка», о которой сербские гуслеры поют до сих пор столько прекрасных песен, должна была еще усилить ожидания скорой гибели сербской самостоятельности. Деспотство Юрия Бранковича было сплошной агонией сербского государства, и кто мог сомневаться в том, что турки могут без всякого труда положить предел этой мучительной агонии. Мы знаем даже, что при дворе Юрия была сильная туркофильская партия, и, пожалуй, она была права, требуя отказа от государственной независимости Сербии, которая была просто тенью былой самостоятельности. Для народа было прямой выгодой превратиться из врагов султана в его подданных, которые, как бы то ни было, находились под покровительством власти. Ведь положение народных масс, поработанных уже Стефановым Законником, становилось с течением времени все менее выносимым, а экономический гнет со стороны Венеции и Дубровника, которым сербские государи, нуждаясь в деньгах, спешили раздавать всевозможные привилегии, еще усугублял тяжесть жизни. Лучше хотя какая-нибудь власть, чем никакой, — таково должно было быть убеждение народа в последние десятилетия анархии,

¹ Ср. главу VII в моей «Истории Болгарии».

предшествовавшие превращению старого, могучего сербского царства в несколько турецких пашалыков. К тому же, к народному быту и церкви турки относились совершенно равнодушно и не помышляли о том, что сербов следует превратить в турок; напротив, этой мыслью турки гнушались, так как видели слишком большую разницу между правоверными мусульманами и нечистой райей (стадом) и гордились своей чистотой. Так было в первые полтора — два века после завоевания Сербии; конечно, существовали и исключения, были люди, ревнивые к вере и скупавшие христианскую молодежь для обращения ее в мусульманство, но общий тон жизни был именно таков, и он гарантировал народу большую безопасность, большую имущественную и национальную самостоятельность, чем в прежние века. Далее, не следует забывать, что турки во многих местах оставляли прежнюю административную организацию, довольствуясь тем, что во главе центральных учреждений области стояли турецкие власти. Наконец, весьма важен был объединяющий фактор, заключавшийся в турецком владычестве над *всеми* сербскими землями: если раньше Босния тянула в одну сторону, Мачва в другую, а Ниш или Скопье еще куда-нибудь, то теперь все эти области оказались под одним игом, были скреплены тесными узами родства и единства нации и бедствий, и не будь этих уз, Босния и Сербия никогда не почувствовали бы той племенной солидарности, которая одушевляет их в настоящее время, и в продолжение четырех веков католическое и венгерское влияние совершенно вытравило бы из сознания боснийских сербов их «великосербскую» идею. Между тем, турецкое владычество, постоянно напоминая сербам о том, что они по языку, религии, нравам безмерно ниже завоевателей; что они просто рабы, которые никогда и ни в коем случае не могут быть поставлены рядом с правоверными, — это владычество поддерживало в народе оппозиционное настроение, выводило из его рядов самых идейных и мужественных людей, делая их борцами за народное дело, и, таким образом, сохранило в чистоте и непоколебимости национальную потребность стряхнуть с себя насильников и зажечь былой самостоятельной жизнью, о которой говорили и юнацкие песни о Стефане Сильном и Кралевице Марке, и останки сербских королей в монастырях, и летописи, и родословы. Избавленные от поглощения их национальной культуры высшей иноземной культурой, сербы, так сказать, консервировались для восприятия этой культуры позже и в течение трех с половиной веков жили в рабстве, не теряя сознания, что они — один народ, и питая веру, что некогда этот народ вернет государственные права.

Но при этих сторонах турецкого ига, которые можно признать положительными, оно заключало в себе и много зла: века рабства не проходят даром для народа; они оставляют след на его национальном характере,

лишая его привычки к строгим государственным представлениям, развывая пристрастие к мелкой конспирации, рабскому лукавству и рабской ненависти. Кроме же того, гнет, все усиливавшийся по мере того, как турецкая империя приближалась к разложению, а ее европейские враги усиливались и переходили из оборонительного положения в наступательное, — этот гнет вызывал массовые переселения. Совершался естественный подбор: самые доблестные люди шли в ускоки и гайдуки, предприимчивые и подвижные эмигрировали; те, кто оставались на местах, покорно переносили турецкие самодурства, не всегда были лучшими элементами народа. Такова была сложная картина невыносимо тяжелого существования народа в продолжение многих веков (1459—1804).

Большим счастьем для сербского народа было то, что он вступал в новую полосу своего исторического существования, как народ культурный и государственный, принявший высшую византийскую цивилизацию и выработавший уже свой литературный и канцелярский язык. Именно, благодаря последнему обстоятельству, сербский язык сделался официальным языком султанской канцелярии в сношениях с венгерским и румынским дворами¹. Прежде всего это вызывалось необходимостью, потому что ни по-турецки, ни по-персидски никто в Европе не знал; арабский язык был также известен очень немногим. Между тем, в Дубровнике, Боснии, Валахии, Молдавии и Венгрии сербский язык служил издавна дипломатическим языком в международных сношениях, а в западной Болгарии он все более становился литературным языком. Не было надобности менять это положение, а обстоятельства, напротив, благоприятствовали его сохранению: две сербские принцессы — Оливера, дочь князя Лазаря, и Мара, дочь деспота Юрия Бранковича — были замужем за султанами Баязетом и Муратом; они привезли с собою свои штаты прислуги, состоявшие из сербов и сербянок. Из договоров мы знаем, что сербские государи последних десятилетий независимости должны были давать на турецкую службу сербскую молодежь. Таким образом, после Косовского боя влияние сербского языка при турецком дворе становится все более сильным. Потом, с окончательным падением государства, сербы были вынуждены платить «дань кровью» в виде мальчиков, из которых выходили янычары — враги православия, но сербы по языку и часто по своему национальному сознанию. «В Monumenta serbica» Миклошича напечатан целый ряд грамот турецких султанов, писанных кириллицей на сербском языке. Про султана Сулеймана писатель половины XVII века, Басано, говорит следующее: «Султан отличается от дру-

¹ Ср. статью М. Вукиевича «Српски језик на Порти XV и XVI вијека» в его книге «Знаменити срби мухамеданци». 1901.

гих государей тем, что он считает для себя достаточным, в противоположность им, знающим много языков, знать только свой язык и сербский, который он очень ценит (*stima molto*) и хорошо знает, а пользуется он этим языком потому, что на нем говорят многие народы (*di molte nationi*)». Это свидетельство тем более важно, что оно относится к такому позднему времени, когда положение сербов ухудшилось, и сербское влияние значительно уменьшилось. Гораздо большим влиянием сербский элемент пользовался в XV и XVI веках. Но даже в конце XVII века тот язык, на котором писали в Которе, Дубровнике, Герцеговине и Боснии, сами писатели называли сербским; так, боснийский францисканец Матия Дивкович напечатал именно на сербском языке (српски) свой сборник проповедей: «Наук корстиански» (Венеция. 1698). Это уважение, которым пользовался язык покоренного народа, давало сербам известное национальное удовлетворение и, во всяком случае, делало немыслимым преследование их национальных особенностей.

Несколько замечательнейших государственных людей Османской империи вышли из рядов сербского народа, не говоря уже о том, что некоторые султаны выросли под сербским культурным влиянием, — таков был, напр., пасынок султанши Мары, Магомет II. До самого конца турецкого ига из сербов выходили крупные государственные люди, и не всегда это иго было тяжело для сербов под их управлением. Так, Хаджи-Мустафа, визирь белградского пашалыка, получил в народе прозвище «сербской матери» (српска мајка); Мехмед Соколович оказал незаменяемые услуги сербской церкви. На этой яркой личности следует остановиться: великий визирь Мехмед Соколович почти нераздельно владел в продолжение 15 лет всей властью в Османской империи и был женат на дочери султана. Еще ребенком он был отведен в турецкое рабство и здесь, в конце концов, попал ко двору Сулеймана (1535). Вместе с ним, рабами этого знаменитого султана сделались еще многие сербы, из которых впоследствии 7 человек поднялись на высшие ступени турецкой службы. Но ни один из них не приобрел такого значения, как Мехмед: уже в 1551 г. он был беглербегом (губернатором) Румелии со столицей в Софии; в этой должности он участвовал в различных битвах и морских сражениях; в 1572 году, когда Турции грозила большая опасность от союза папы с Испанией и Венгрией, Мехмед Соколович спас ее с помощью искусных дипломатических переговоров. Все эти заслуги дали ему звание великого визиря, которое он сохранял до своей смерти, в 1579 году. В народе сохранилось много рассказов о доступности, честности, нравственной доблести Соколовича, который никогда не забывал о своем происхождении и много сделал для своей церкви. В этом отношении турки были либеральнее современных государств; сам Мехмед Соколо-

вич был горячий мусульманин, но ему никто не ставил во зло, что он восстановил сербское патриаршество. Более того, первым патриархом восстановленного печского патриаршества был Макарий, брат Мехмеда Соколовича; племянника своего он сделал митрополитом герцеговинским, тогда как другой племянник, Мустафа, занимал должность боснийского, а позже будапештского паши; наконец, после смерти Макария на пост патриарха был выбран сначала один, потом другой племянник Мехмеда, Герасим. Таким образом, семья Соколовичей имела своих представителей и при дворе султанов, и во главе сербской церкви; но эта семья сохраняла свое единство, и ее представители в Константинополе не отрекались от своей народности и чтили родные предания. Позже и в этом отношении стало хуже.

Восстановление патриаршества, совершенное мусульманином, великим визирем султана, имело громадное значение для сербского народа. Вскоре после гибели сербской деспотии греческие церковные иерархи поспешили подчинить себе сербскую церковь, на которую они всегда были склонны смотреть как на подвластную им, и которая так революционно при Стефане Душане выбилась из-под опеки Византии. Вернуть это зависимое положение сербской церкви, подчинить сербское патриаршество, которое оставалось вакантным, греческому охридскому (в Македонии) архиепископству — вот задача, которую удачно разрешило духовенство греческого квартала Константинополя, Фанара, прозванное по имени этого квартала *фанариотским*. В продолжение почти ста лет владычество над сербскими церквями и монастырями находилось в руках фанариотов, византийского духовенства, которое и поныне сохранило удивительно типичные черты; и если турки мало заботились о национальной борьбе с поработченными славянами, то именно эту задачу взяли на себя фанариоты, которые старались замещать все церковные должности греками и вести богослужение по греческим книгам; одним словом, старое недоброжелательство константинопольской церкви к национальным церквям, самое возникновение которых являлось лишь вынужденной политической уступкой, проснулось с долго сдерживаемой силой в деятельности, проявленной фанариотами. Как серб, Мехмед Соколович не мог видеть унижения своего народа, и, как серб же, он презирал и ненавидел хитрых «ромзев», как называют себя до сих пор константинопольские греки. Его брат, Макарий, был игуменом Хилендарского сербского монастыря на Афоне и имел от султана известные привилегии. Когда же, приобретя достаточно силы, Мехмед мог сделать кое-что и для своего народа, он решил (1557) обновить патриаршество в Пече (Ипек) и назначил на эту важную должность своего брата Макария. Этот последний обновил много монастырей и монастырских школ, завел несколько ти-

пографий; вместе с тем, сербы получили право на самоуправление церковных общин и на заведование церковно-монастырскими землями, а Сулейман гарантировал особенным фирманом свободу христианского вероисповедания и неприкосновенность монастырских владений. Однако, это выгодное положение сербской церкви продолжалось лишь до тех пор, пока сербы не проявили стремлений к возвращению самостоятельности; после восстания патриарх Иоанн был отведен в Константинополь, где и умер, и с тех пор печское патриаршество вообще с трудом влачило свое существование, борясь с фанариотскими интригами и турецким недоверием. Во второй половине XVIII века Фанар одержал полную победу: патриарх печский, серб Василий, был замещен греком Калиником, а вслед затем, в 1766 году, патриаршество было совсем отменено, и сербская церковь была присоединена к константинопольской. С недовольными сербскими попами греки-фанариоты стали расправляться круто¹.

В таком же бесправном положении находился и весь сербский народ: была милость султана, стояли наверху люди, нечуждые или расположенные к сербскому народу или же вообще гуманные, и все шло сносно, но никаких гарантий права, разумеется, не было, да и самую эту сносность надо понимать весьма относительно, так как и в эту пору лучшие христианские церкви были обращены в мечети, христианские колокола были сняты, христианское богослужение совершалось потихоньку и незаметно. Положение народа было бесправно, и народонаселение балканских государств сильно уменьшилось. В половине XV века путешественники еще отмечают красоту, богатство, населенность сербских стран. В 1664 году английский путешественник, Джон Бербери, застал здесь совершенную пустыню: «Отчасти тираническая власть турок, отчасти леность и небрежность туземцев составляют причину того, что все турецкие земли представляют такую пустыню, что часто за целый день пути вы встретите одно селение, и это наблюдается как за Дунаем до Белграда, так и в путешествии до Адрианополя. Вы видите обширные леса и поля, иногда с роскошными нивами, иногда совсем пустые; когда вы едете мимо пастбищ, вы заметите там и сям небольшое стадо рогатого скота, работники же здесь, как я уже сказал, только христианские»².

¹ Документы в книге И.С. Ястребова «Податци за историју српске цркве», 1879. См. также статью Новаковича «Цариградска патријаршија и православье» в сборнике «Балканска питања». 1906.

² См. *Новакович*, «Путничке белешке о балканском полуострову XVII и XVIII века», (Годишница Н. Чупича, кн. 17, 1897 г.). Много извлечений из сочинений путешественников XVI — XVII века по Сербии и Балканскому полуострову в сочинении М. Вукиевича «Српски народ, црква и свештенство у турском царству од 1459—1557 године», Београд. 1896.

Другой путешественник той же эпохи, английский доктор Браун, проехавший по Сербии в 1669 году, упоминает о следующей любопытной особенности сербских селений, множестве собак, которые охраняют селения: «И поистине, — прибавляет Браун, — самый осторожный неприятель не мог бы проникнуть в эти места, не будучи замечен собаками; для того-то, без сомнения, их и держат здесь»¹. Это отсутствие безопасности, наполняющее все существование беспокойством, объясняется произволом, предоставленным местной администрации и турецким помещикам в христианских землях. Аграрные отношения были совершенно неупорядочены и вызывали постоянные раздоры между землевладельцами и крестьянами, причем, однако, как показывают документы, турецкая высшая власть не всегда была на стороне сильных.

Во главе пашалыков, соответствующих нашим уездам, стояли визири, тогда как полицейская власть находилась в руках муселимов, а правосудие вершили по Корану кади. И те, и другие назначались пашами с торгов: кто больше даст, и, разумеется, смотрели на свои должности лишь как на доходные места. Но, кроме них, народ имел непосредственную власть в лице своих людей, *кнезов* и *оберкнезов*, которые в своих округах обладали довольно значительной властью; даже в селах были кметы, разрешавшие мелкие споры. Вообще, турецкая государственная система не была строго разработана, и потому представляла много почвы для злоупотреблений и всяческих насилий, но, с другой стороны, давала народу возможность управляться непосредственно своими властями, учиться на своем языке и т. д. Того арсенала денационализации, который выдвинут современным государством, в старой Турции не было и в помине. Но в руках турок было особенно страшное орудие для истощения их славянских владений: это дань мальчиками, из которых набирались янычары, так назыв. «дань кровью» (данак у крви)². Мальчик получал турецкое имя, образование, янычарскую одежду и воспитывался в духе религиозного мусульманского фанатизма, причем воспитатели относились к христианским мальчикам очень бережно, обращались с ними ласково, сулили им впереди золотые горы и внушали им презрение к домам несчастных, бесправных рабов-христиан, *райа* (стада). Теперь этот христианин должен был слезать с коня, увидев янычара-мальчика, еще вчера такого же бесправного *гяура* (еретика), как и он; христианин не смел носить

¹ «Споменик Срп. Крал. Академ.», т. 9 (1891), статья Новаковича.

² Обстоятельное исследование по этому вопросу И.Н. Томича, «Данак у крви, приложак проучаванью историје српског народа у XVI веку». Београд. 1898. Ср. также указан. брошюру М. Вукичевича и гл. VII моей «Истории Болгарии».

оружие, не смел открыто пить вино, есть свинину, надевать то же платье, что и мусульманин; его дом должен был уступать величиной и красотой мусульманскому, на его упряжи должны были красоваться иные цвета, нежели у правоверного. И вот, из этого бесправного положения мальчик сразу возносился на высшую ступень величия: становился не только мусульманином, но и мусульманином из мусульман, лучшим из лучших, янычаром. Само собою разумеется, что только сильные души могли уберечься от того соблазна, который заключался в возможности потурчиться. И эти сильные души не могли мириться с бесправием и пассивностью народной массы; они искали выхода и находили его в *гайдучестве*, как другие искали его в массовых переселениях на чужбину. Историки этих восстаний сербов во имя народных идеалов, Агатонович и Спасич¹, в следующих строках характеризуют настроение, создавшее гайдучество. «Когда погибла Сербия, а за ней Босния и Герцеговина; когда была потеряна сербская государственная самостоятельность там, где она еще оставалась, и когда одна часть сербского народа выселилась на чужбину, чтобы восстановить свои растроченные силы на чужой земле и почувствовать хоть некоторую свободу и независимость, тогда другая часть этого народа, которая ни за какую цену не могла оставить прадедовского очага, избрала другой, единственный способ сохранить свою независимость и свободу. Численно уступая своему врагу, лишенная всякой возможности и средств сконцентрировать свои силы на равнинах, эта другая часть сербского народа двинулась в виде мелких отрядов верных и испытанных друзей в густые горные заросли и крутые теснины, чтобы там сохранить луч своей свободы, чтобы оттуда обрушиваться на мучителей народа, внушая ему убеждение, что нет на свете силы, которая могла бы совершенно уничтожить сербскую независимость, сербскую свободу. От Балкан до кремнистого далматинского приморья, от Карпат и до Пинда не было ни одной *планины* (плоскогогорья), которая не скрывала бы в своих недрах хоть одного отряда (четы) сербских гайдуков, которые здесь хранили кадило сербской свободы и самостоятельности и отсюда слетали в долину, где кроваво мстили своим тиранам». Время расцвета гайдучества относится к XVI и XVII векам, но возникновение его надо отнести к эпохе более ранней, к первой половине XV века, хотя, вероятно, эти отряды удальцов никогда не переводились в Сербии, и даже законодательство Душана должно было обратить особое внимание на *гусаров*, занимавшихся гусой (т. е. разбоем). Но только жизнь осветила этот раз-

¹ Р. Агатонович и П. М. Спасич. «Српски устаници противу турака (1459—1814)». 2 части. 1895. Статья «Балканские гайдуки» («Славянский Сборник», т. II, 1877).

бой, дала ему определенный объект в виде богачей-турок, несправедливых турецких кадий и пашей, и избавила разбойников от печальной необходимости вступать в конфликт с мирным населением. Напротив, являясь защитниками народа от насильников-турок, гайдуки пользовались глубоким уважением в народных массах; про них слагались песни; зимой, когда они укрывались в деревнях, их безопасность составляла заботу мирного населения. Носители лучших народных идеалов, они постоянно напоминали ему о врагах-турках, против которых необходимо рано или поздно восстать. Чета в 30—40 человек под начальством харамбаши нагоняла страх на всех турок и туркофилов области, чета в 80 человек вызывала, как мы видим из различных записок XVII века, для безопасности каравана приглашение целого вспомогательного отряда, и то караван этот подвигался медленно, принимая все меры предосторожности. В войне 1593 года между Австрией и Турцией сербы были заинтересованы самым непосредственным образом: в 1571 году союзные христианские войска разбили турецкий флот у Лепанта, в 1593 году в битве у Сиска турки потерпели новое страшное поражение. Тогда народы Балканского полуострова зашевелились в надежде, что пришла пора стряхнуть с себя ненавистное иго; папа должен был образовать союз христианских народов против турок¹, и ему доносили, что Rasciani, Bulgari и Bosnesi (т. е. сербы, болгары и босняки), несомненно, поднимут восстание. Весной 1594 года, действительно, произошло восстание, но сербам Мачвы, восставшим под начальством владыки Тодора, никто не оказал поддержки. Турки загнали их отряды в глубину Венгрии, Тодор был схвачен и казнен. Желая выместить восстание, турки разорвали церкви и монастыри, достали мощи св. Савы и сожгли их. «Было тогда поправление и беда церквам и священникам от измаильтян в сербской земле, и совершались в этих странах бесчисленные буйства, и запустели многие святые обители»: так сообщает сербская хроника о событиях 1595 года. Тем не менее, толчок был дан, и восстания вспыхивали одно за другим в разных местах. Всего через два года взрыв произошел в нынешней Черногории, в Никшиче, где восстал против турок воевода Грдан, но и это восстание было неудачно. Сила турок была еще не сломана, и они жестоко мстили восставшим: обезображенные тела валялись по полям, семьи распродавались в рабство в отдаленные края, все, что было дорого народу, церкви и монастыри, предавалось поруганию, и сам патриарх Иован был свергнут с престола и отведен в Константинополь. Попытка поднять новое восстание сербов была сделана и в 1614 году, когда главари из Сербии, Албании, Бос-

¹ См. журнал «Starine», т. 14 и 16, а также И. Томич, «Прилози за покрет христијана на Балканском полуострву против турака» («Споменик», т. 31).

нии, Герцеговины, Македонии и Болгарии сошлись и обсуждали возможность восстания, но дальше попытки дело не пошло¹.

Эти неуспехи внесли известное разочарование в надежды сербского народа освободиться от турецкого гнета с помощью иностранного вмешательства. Напротив, все яснее становилось, что интересы западно-европейских держав так скрещиваются между собой и так чужды освобождению славянства от турок, с которыми начались уже и торговые отношения, что православное славянство Балканского полуострова предоставлено самому себе. Оставалось искать иной выход из положения; духовные вожди сербского народа думали найти его в полном лоялизме по отношению к Османской империи, а, вместе с тем, в поисках новых союзников, причем взоры сербов обращались все настойчивее в сторону России, которая, пережив смутное время, шла к усилению и развитию. Выразителем этого настроения явился преемник патриарха Иована, патриарх Паисий², который поддерживал кое-какие связи с боснийскими францисканцами, выдававшими себя при венском дворе за защитников балканского славянства, собиравшими на него деньги, но при этом преследовавшими узкоэгоистические цели личной наживы или же стремившимися к окатоличению православных сербов и болгар. Гораздо важнее были связи патриарха Паисия с Россией, куда он в первый раз отправился в двадцатых годах XVII столетия, при царе Михаиле Феодоровиче. С этого времени сношения православных сербских иерархов с Россией не прекращаются; с наступлением же новой эры в политической жизни России, с воцарением Петра Великого и переходом России к широкой европейской политике, укрепляются надежды православного населения Балканского полуострова на близость освобождения от турецкого ига, и эти надежды все более определенно связываются с личностью самого гениального царя. Поход 1711 года вызывает со стороны одного неизвестного серба запись на рукописи Карловачской церкви: «Помоги, Господи, нашему царю!». Со своей стороны, Петр Великий проявлял живой интерес к балканскому славянству, помогая ему деньгами, переводя на русский язык книги о славянстве, поддерживая постоянные сношения с черногорцами, дубровчанами и т. д. Из России приехали в Белград и первые учителя в школу, открытую в 1723 году митрополитом Моисе-

¹ Ср. И. Томич. «Састанак и договор срепских главара у Кучима 1614 год ради устанка на турке». Београд, 1901.

² Ст. Димитријевић. «Одношаји печских патријарха с Русијом у XVII веку» («Глас» т. 58 и 60). П.А. Кулаковский. «Начало русской школы у сербов в 18 в.» (СПб, 1903). П.А. Заболотский. «Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени» (Т. I, кн. I. 1908). Перевольф. «Славяне. их взаимные отношения и связи».

ем, и влияние русского языка на сербский было настолько велико, что в конце XVIII века почти вся сербская письменность велась на языке «славяно-сербском», т.е. сербском языке с многочисленными примесями русского и церковнославянского языков, которые делали этот язык малопонятным для простолюдинов. Тем не менее, это соприкосновение с единой верой и близкой по языку Россией, куда стали ездить для науки молодые сербы, и куда направились в 1751—53 годах массовые переселения сербского народа, было чрезвычайно важно для этого народа: оно давало ему жизненные силы, сохраняло книжную традицию, и когда в 1783 году выступил чистонародный писатель Досифей Обрадович, он нашел уже и известный круг читателей, и почву для совершения реформы сербского литературного языка в духе народности. Как бы ни относиться к последующим русско-сербским отношениям, необходимо признать, что в XVII—XVIII веках русское культурное влияние облегчало сербскому народу борьбу с германизаторскими стремлениями Австрии.

Австрия все более решительно вступала на путь балканской политики. История сербских восстаний в XVII—XVIII веках тесно переплетается с попытками Австрии занять твердое положение в сербских землях, опираясь на содействие населения, которое она привлекала на свою сторону всяческими посулами и лестью. Обещания не исполнялись, вызывали со стороны обманутых сербов протесты и жалобы но, тем не менее, *силою вещей сербы бывали вынуждены эмигрировать именно в Австрию* и Венгрию, образовывать на их границах с Турцией военные области, живую стену, охранявшую Австрию от турецких вторжений, — и, в конце концов, двудушная, коварная и жестокая политика Габсбургов как по отношению к сербам, переселившимся в Австрию, так и к сербам, оставшимся на родине, вызвала чрезвычайное озлобление со стороны сербского народа к «швабам», как он назвал австрийцев. Если и позже, уже в эпоху самостоятельности, сербский народ вынужден был держаться в курсе австрийской политики, то вина в этом лежит в значительной степени на России. В XVIII веке Австрия сделала все, чтобы оттолкнуть от себя южное славянство, и в народе укрепилось убеждение, что «лучше турок с саблём, нежели, шваб с пером», а в сербских записях того времени встречаются самые горькие жалобы на немцев. И, действительно, отношение австрийского правительства к герцогу Юрию Бранковичу, к патриарху Арсению, к сербским областям, занятым Австрией в продолжение 20 лет (1718—1739), внушало сербскому народу убеждение, что ему не на кого надеяться, с другой же стороны, сносная жизнь во время автономии Белграда приучила народ верить в свои силы, а целый ряд побед, одержанных австрийскими войсками над турками, сокрушил страх перед Османской империей. Таким образом, в тяжелейший пе-

приод истории сербского народа, тянувшийся в продолжение двух столетий, совершилась весьма важная для него эволюция: он окончательно порвал с византийскими традициями и начал жить теми стремлениями, которые выходили из Австрии. Освободительные войны выдвинули новый фактор — народ, который играл такую незначительную роль в жизни старого Сербского царства, отчего оно и погибло так скоро и так легко. Теперь решение своих судей берет в руки сам народ, выставляя из своей среды немало даровитых деятелей, писателей и духовных и целую массу отважных борцов за свободу. Так воспитавшись и ориентировавшись в международном положении, сербский народ приступил к окончательной борьбе с турецким игом.

В истории движений сербского народа в XVII и XVIII веках особенно важное значение имели некоторые, на которых я остановлюсь в дальнейшем изложении. Почти весь XVII век прошел в жизни этого народа при крайне тяжелых условиях быта, когда неудачи предшествовавших восстаний лишали массу сербского народа веры в успешность вооруженной борьбы с Турцией. Это время, — говорит новейший историк Сербии, проф. Станоје Станојевич, — когда сербский народ, разочарованный после неудачи энергичных действий в конце XVI века, тонет и пропадает окончательно; население становится более редким, в пустыню превращаются населенные земли. Упадок Турции и ослабление центральной власти еще более содействовали общему громадному падению. На Западе в это время происходят великие религиозные войны, которые по своим последствиям для Запада оказываются настолько же губительными, какими были для сербского народа движения в сербских землях в конце XVI века. Эти войны и междоусобная борьба парализуют все силы западных народов, так что никто и не думает на Западе Европы об успешных действиях на Балканском полуострове и об освобождении балканских христиан. Только Австрия поняла, что ее борьба с Турцией еще не закончена, и она непрерывно готовилась к этой борьбе. Зная, что сербы, которые густыми массами переселялись со времени турецкого покорения сербских земель на ее границы с Турцией, составят весьма важный элемент в этой борьбе, Австрия в XVI веке начала работать над тем, чтобы дать сербам в пограничных странах военную организацию и подготовить их, таким образом, к борьбе с турками. Так возникла в западных частях южной австрийской границы организация военной границы, которая развилась в последующие века в целую систему и создала неисчерпаемое море обид и страданий для угнетенного сербского населения той *Militärgrenze*, — населения, которому обещались всякие привилегии и свободы перед войнами с Турцией, и которое безжалостно высасывалось и унижалось во время мира. Так подготовившись к войне с Турцией,

Австрия намеревалась приступить к военным действиям, но Турция предупредила ее и с громадным войском осадила Вену, которая уже гибла, но была освобождена польским королем Яном Собеским (1683). После этого, австрийские войска перешли в наступление и в течение нескольких лет наносили поражения туркам, отобрав у них в 1686 году Будапешт, разбив турок в следующем году на Могаче, вызвав анархию в Турции и восстание славянских народов на Балканском полуострове. Для этой последней цели Австрия искала подходящих агентов и нашла их в лице энергичного архиепископа, патриарха Арсения, и авантюриста Юрия Бранковича, который выдавал себя за потомка сербских Бранковичей и оказался отличным орудием в австрийских руках. Император Леопольд дал ему титул барона, а в 1688 году признал господаром Венгрии, Сербии и Болгарии, чем возбудил в сербском народе живые надежды на восстановление государственной независимости. К этой цели пошли дружно патриарх Арсений и Юрий Бранкович, в котором сербы видели своего будущего деспота; но надежды их были преждевременны. В 1735 году сам Гофкригсрат, ведавший дела провинции, должен был призадуматься над вопросом, почему от прежнего населения Сербии с 1718 года осталась почти половина, а другая ушла (*ist abgängig*). Причина этого переселения была ясна; она та же, что и теперь в Боснии, где население вспоминает о турецком владычестве, как о хорошем прошлом: это невыносимое положение под властью бездушной бюрократии, масса налогов, которых не знают турки.

Таким образом, после 1739 года сербы уже не так охотно шли на призыв австрийских эmissаров к восстаниям против турок. Это отразилось на том движении, которое произошло в 1788 году, и носит название *Кочинной краины* (т. е. Кочинной войны). Во время войны России и Австрии с Турцией в Банате и Среме образовались отряды добровольцев (фрайкоров), в которых участвовали и многие из позднейших деятелей сербского освобождения, в том числе и Кара-Георгий. Эти отряды причинили много беспокойств туркам, особенно около Ягодины и Чуприи, но поднять всенародного восстания не удавалось. Народ уже не хотел верить «швабам», и, действительно, когда успехи русского оружия вызвали тревогу на западе Европы, новый австрийский император прекратил войну с Турцией и заключил с нею в 1791 году Систовский мир, в силу которого Белградский пашалык и Босния оставались во власти султана. Известие об этом мире вызвало страшное волнение в сербском населении, и Порты была вынуждена, во избежание новых осложнений, дать ему в том же году известные льготы, а также полную амнистию, причем янычарам было запрещено вступать в Белградский пашалык. Такое ограничение прав янычар, которые привыкли считать себя полными хозяевами в стране, вызвало двухлетнюю

борьбу между белградскими визирями и янычарами, борьбу, которая закончилась тем, что 18 сербских кнезов выпросили у султана фирман, даровавший Белграду в феврале 1794 года внутреннюю автономию. В силу этого фирмана Белградский пашалык превращался в *монселук* (свободную землю), во главе которого был поставлен добрый и гуманный визирь Хаджи-Мустафа. Внутреннее управление страной вверялось оберкнезам и кнезам, которых избирал сам народ; размеры общей суммы дани были определены точно и не подлежали увеличению; янычары были изгнаны. Этот строй давал сербам полную возможность культурного развития, но анархия, господствовавшая в Османской империи, убивала в корне всякие стремления сербов к мирной жизни. Уже в 1795 году для них выяснилась необходимость вооруженной борьбы, которая одна только могла подкрепить бессильные султанские фирманы.

ГЛАВА VI

История Сербии с 1795 года до последнего времени

Султанский фирман, даровавший автономию Белградскому пашалыку, вызвал страшное негодование в янычарах и кирджалиях¹. Если первые представляли собою род войска, то последние были просто разбойниками. По свидетельству французского посланника в Константинополе, кирджалии были наемными разбойниками, которым слабость власти дала пагубное влияние на судьбы государства. Они налагали дани на города, грабили караваны, шли на помощь тому, кто им платил больше, совершенно разоряли целые местности. Само собою разумеется, что запрещение фирмана входить в Белградский округ было очень не по вкусу янычарам и кирджалиям, и они собрались вокруг восставшего против султана вельможи Пазваноглу, управлявшего в Видине христианской райей, потом пережившего весьма бурную судьбу и, наконец, собравшего около себя всех разбойников, бродивших по турецкому царству. Во главе их Пазваноглу решил ворваться в Белград, но на первый раз его постигла неудача; тогда Хаджи-Мустафа отдал населению приказ вооружаться и собираться в четы; во главе их стал сербский старейшина Станко Арамбашич, и янычары во второй раз были отбиты от стен Белграда, но потом напали на войско султана и разбили его. Желая окончательно подорвать восстание Пазваноглу, принимавшее опасные для султана размеры, он

¹ Обо всей этой эпохе очень обстоятельное исследование М. Вукиевича, «Кара-Георгий», которого пока вышла в 1907 г. только первая книга, обнимающая время с 1752 по 1804 год.

разрешил янычарам возвратиться в Белградский пашалык, и те начали бесчинствовать, как прежде, никому не повинаясь. Однако, Хаджи-Мустафа не желал допускать у себя анархии; убийцы одного серба были казнены, и тогда янычары решили расправиться с визирем. Пазваноглу обещал большую награду за его голову. В 1800 году Порта решила, наконец, выяснить положение вещей, которое грозило междоусобной войной всей Османской империи; однако, войско Баталоглы было разбито около Адрианополя, а войско Хаджи-Мустафы потеряло в битве у Ниша до 500 человек и должно было отступить. Это обнаруживало всю слабость империи, которая не имела ни денег, ни войска, чтобы справиться с бунтовщиками, но в растерянности предлагала самые дикие меры; так, весной 1801 года было предписано отбирать оружие у населения, что делало его уже окончательно беззащитным и вызвало только новую эмиграцию за Саву и Дунай. Янычары сделались господами положения, осадили Белград, взяли в плен и убили Хаджи-Мустафу, потом захватили окрестные города — Шабац, Смедерево — и стали распространять свою власть по всему Белградскому пашалыку. Вся автономия пашалыка была забыта, как пишет землинский протопресвитер Михаил Пеич карловацкому архиепископу (16 дек. 1801 года) на варварском славяно-сербском языке: «И даду одма (сейчас же) Ианичар-аги власть да може место наше до дальнег развидения управляти» («Споменик», 37 кн., 1900 г.).

Правление забрали в свои руки *дахии*, четыре янычарских начальника, которые напомнили сербам худшие времена турецкого гнета. Они ознаменовали свое вступление во власть тем, что написали оскорбительное для памяти Хаджи-Мустафы письмо и силой заставляли сербов подписываться под ним и просить султана прислать нового пашу. В Константинополе белградские беспорядки вызвали волнение и тревогу, но внутреннее положение Османской империи было таково, что султану не оставалось ничего другого, как идти на все требования янычар. Тогда белградским пашой был назначен губернатор Никополя Хасан-паша, которому янычары написали письмо, приглашая его взять с собою не более 300 телохранителей и угрожая, в противном случае, военными действиями. Однако, и среди самых янычар господствовали рознь и зависть, которые привели в начале 1802 года к схваткам на улице, к бегству наиболее разорившихся во время беспорядков и, наконец, к торжеству четырех дахий, забравших в свои руки всю власть в Белградском пашалыке. При таком положении вещей султан мог преспокойно отменить резавшую Порте глаза автономию белградской области, и с письмом, объявлявшим об этом при полной амнистии янычарам, приехал в Белград в мае 1802 года специальный гонец из Константинополя. Но сказать было легче, чем исполнить. За десять лет сербы привыкли к относительной

свободе и внутреннему самоуправлению, дарованным им султанским фирманом в 1793 году, к праву свободной торговли, к свободному отправлению богослужения, к избираемым кнезам и оберкнезам. Примириться с новым положением вещей они, естественно, не могли, и потому население, с одной стороны, и безобразничавшие янычары, с другой — составляли два враждебных лагеря, между которыми готовилась ожесточенная борьба. Дахии спешили призывать на помощь себе всякие беспокойные элементы; по рассказу Вука Караджича, в это время собрались в Белград, как коршуны на падаль, все преступники, бездомовники, неудачники из соседних краев, особенно из Боснии и Албании. Положение населения стало невыносимым: оно было лишено всяких гарантий личной безопасности; «красивых женщин и девушек силой отнимали и обращали в мусульманскую веру», как жаловались сербы русскому посланнику в Константинополе: «Наши святые церкви и монастыри турки предали огню, монахов и священников разогнали, как голодные волки разгоняют стадо овец». На стороне сербов были и турецкие помещики, спахии, которых дахии лишили их законных прав. Тогда, в 1802 же году, спахии восстали, но их восстание было залито потоками крови. Сербы действовали более осторожно и в продолжение двух лет готовились к войне; во главе движения стал Кара-Георгий, уже с конца 90-х годов приобретший громадную популярность в народе. В продолжение всего 1803 года делались тайные приготовления к войне, закупалось оружие, велись переговоры с австрийскими властями в Землине. Дахии перехватили одно из писем, и положение заговорщиков стало еще тревожнее, тем более, что султан отправил дахиям грозное письмо, в котором угрожал им, в случае дальнейшего неповиновения его воле и притеснения сербов и спахий, двинуть на них войско, но не из турецких солдат, а из людей другой народности и другой веры. Это был намек, еще более усугубивший подозрения дахий, что против них готовится восстание. В одном перехваченном письме они нашли список главарей будущего восстания и перерезали чуть не всех, но ни Кара-Георгий, ни его ближайшие помощники не попали в их руки; они тайно бродили по деревням, подготавливая движение¹.

¹ Последующая эпоха и восстание против дахии описаны Ст. Новаковицем в следующих сочинениях: 1) «Устанак на Дахије». 1904; 2) «Васкрс Државе Српске»: 1804—1813 (Летопис Матице Српске за 1904 г.); 3) «Уставно питање и закони Карађорђевог времена». 1805—1811. Београд, 1107. Важно очень сочинение П.А. Попова «Россия и Сербия (1806—1865)». Москва, 1869. Подробная погодная летопись события дана М. Вукичевичем во второй книге его «Истории сербского народа для средних школ» (2-е изд. 1906).

Восстание началось в феврале 1804 года; повстанцы, собравшись ночью с 1 на 2 февраля в селе Орашце, избрали себе вождя, Георгия Петровича Черного (Кара-Георгия), присягнули верно служить и избранному старейшине и народу. Народ массами примыкал к восставшим, доставая из укромных мест скрытое оружие, поджигая турецкие селения и избивая турок; в скором времени восстание охватило всю Шумадию, а через месяц и весь Белградский пашалык находился в состоянии полного брожения. Дахии старались как-нибудь затушить разгоравшийся пожар и прибегли к личным переговорам с Кара-Георгием, обещая вернуть сербскому населению пашалыка автономию; но Кара-Георгий не желал вступать ни в какие сношения с дахиями. В начале марта в руках восставших были уже некоторые города (Рудник, Вальево), а затем они осадили Белград, Смедерево и Пожаревац. Тогда дахии решили оказать серьезное сопротивление восстанию и призвали на помощь себе албанцев; но и этот шаг не принес им ожидаемой пользы; не помогли и отряды кирджалиев, занявшие Ягодину; сербы взяли и эту крепость, а затем Шабац, несмотря на то, что турецкое войско, посланное из Боснии, одержало победу над повстанцами. Один из главарей восстания, Ненадович, обратился к Австрии с просьбой о помощи, и генералу Дженеюну было поручено пригласить в Землин сербских старейшин и турецких начальников и попробовать примирить их. Эта попытка, разумеется, не удалась; во время переговоров, когда турки обещали впредь не насильничать и не обижать населения, сербы увидели дым от пожаров, устроенных турками, пришли в страшный гнев и уехали. Военные действия продолжались с прежним успехом на стороне восставших сербов; в мае 1807 г. были взяты Смедерево, Пожаревац; все сербские войска подошли к Белграду, и началась правильная осада этого города, хотя и без пушек, которых в войске Кара-Георгия всего было две. Испуганные сербским движением турецкие власти в Константинополе поняли, что дело идет уже не о борьбе против кирджалиев, непослушных султану, но о правильном движении с целью освобождения сербского народа от турок. Тогда в Константинополе решили вступить в переговоры с Кара-Георгием и для этой цели выбрали боснийского визиря Бекир-пашу. При его приближении дахии покинули Белград и бежали вниз по Дунаю, но были захвачены сербами, по приказанию Бекир-паши, и перебиты. После этого начались переговоры, причем цель турок была совершенно ясна: с одной стороны, требовалось показать, что султан, наказывая дахий, стоит на стороне справедливых требований сербского народа, с другой же — следовало вернуть в повиновение Турции Белградский пашалык, хотя бы на основах той частичной автономии, которая была введена здесь в

девяностых годах XVIII века. Турецкий посланник прибег к обычному приему турецких властей — обещаниям, которых никто в Константинополе не думал сдерживать. Он не соглашался только на два требования сербов, т.е. на ручательство перед той или другой иностранной державой, что реформы будут выполнены, и на избрание из сербского народа верховного князя. Впрочем, сербы не отказывались от верности султану и стали платить деньгами и натурой все, что полагалось как турецким чиновникам и Бекир-паше и начальнику военных сил Белграда Гушанцу-Али. Гораздо труднее было положение самого Бекира, которого Гушанец-Али просто держал в плену, требуя от него уплаты жалованья, которое обещали платить дахии, так что сербам пришлось чуть не выкупать его. Разумеется никакого фирмана из Константинополя не приходило, и сербы все более приходили к убеждению, что могут рассчитывать только на силу своего оружия, которым они уже добились того, что из 13 округов папалыка 10 были совершенно свободны от турок. Кроме того, была горячая вера в поддержку России, куда осенью 1804 года отправилась депутация, привезшая совет вести переговоры непосредственно с Константинополем. Между тем, уверенность сербских вождей в победе восстания крепла; турки уже перестали вмешиваться в народную жизнь сельского населения и держались только в городах. Люди образованные мечтали уже о восстановлении свободного сербского государства; необразованные, даже неграмотные вожди движения знали из народных преданий о славном прошлом Сербии, и, таким образом, создавалась идейная обстановка, в высшей степени благоприятная для успеха дела. Это приподнятое настроение поддерживалось турецкими неудачами; дело в том, что с весны 1805 года турки решили замять движение и со всех сторон направили на Сербию войска. Однако, это привело лишь к тому, что в июле и остальные три округа перешли в руки сербов, а в начале августа турецкие войска, разбитые в нескольких сражениях, должны были отступить к Нишу. Затем было взято Смедерево, так что лишь в Белграде турки еще сохранили крепость, которая была оплотом их прежнего могущества в стране. Таким образом, Кара-Георгию казалось совершенно естественным, что его поддержат государства, которые издавна брали под свое покровительство христианские народы Балканского полуострова, т. е. Россия и Австрия; но их попытки повлиять на султана оказались совсем безуспешными ввиду того, что политическое влияние на Турцию находилось в это время в руках Франции, одинаково враждебной России и Австрии. Впрочем, дипломатическая неудача была возмещена с лихвой военными успехами сербов в 1805—1806 годах, которые привели к соглашению между сербами и турками, известному, по имени сербского

уполномоченного, под названием Ичкова мира. В силу этого договора Сербия приобретала полную внутреннюю свободу и лишь обязывалась платить Турции определенную дань; турки сохраняли право жить только в городах Белграде, Шабце и Смедереве; всем повстанцам даровалась полная амнистия и т. д. Впрочем, при анархии, господствовавшей в Турции, все эти обещания султана были еще весьма далеки от исполнения; даже обнародование фирмана встретилось с неожиданными проволочками. На этот раз проволочка была на руку сербам; пока спорили, где и когда обнародовать султанское письмо, сербы спешили очистить от турок Белград и Шабац, и, действительно, в самом конце ноября 1806 года крепость Белграда была взята, а турецкий гарнизон обезоружен; это был гарнизон, состоявший из кирджалиев, бунтовавших против султана, и потому военные действия сербов все еще имели лояльный вид, хотя по существу направлялись, конечно, против турок вообще. В это время между Турцией и Россией началась война, а в Константинополе очень боялись бросить сербское восстание на сторону русских; поэтому султан подтвердил условия Ичкова мира. Конечно, отношение Порты к сербским требованиям не признавали обязательным для себя турецкие губернаторы; в Шабце повторилась та же история, что с Белградом; пришлось брать и Шабац, что и удалось Кара-Георгию в январе 1807 года. Таким образом, в эту пору свободная Сербия охватывала уже не один Белградский пашалык в узком значении слова, а почти все теперешнее Сербское королевство, за исключением его юго-восточных частей, приобретенных на Берлинском конгрессе.

Война России с Турцией заставила русских командующих армией вступить в сношения с сербскими повстанцами, от которых русские войска могли получить некоторую поддержку. Этим положительным интересом руководились русские генералы, вступая в переговоры с Кара-Георгием и спрашивая, какую помощь он может оказать русской армии. Сербы же смотрели на дело с противоположной точки зрения; они были убеждены, что Россия должна помочь им ради них самих. Это принципиальное различие точек зрения легло в основание дальнейших осложнений в русско-сербских отношениях. Это выяснилось уже довольно скоро; но в начале 1807 года сербы еще увлекались возможностью извлечь из войны, в исходе которой, победе России, — никто не сомневался, такие выгоды, которые оставят в тени все условия Ичкова мира. Результатом такого настроения явились нападения на турецкие гарнизоны в Белграде и Шабце и полное уничтожение их, и позже сербы действовали очень успешно: в начале июля из двух крепостей, еще оставшихся в руках турок, Ужицы и Сокола, пала первая. Таким образом, заключение

Тильзитского мира прервало действия Кара-Георгия в самый разгар успеха; бороться же с Турцией самостоятельно сербам было слишком трудно, хотя в Константинополе происходили беспорядки. Тем не менее, от совместных действий с Россией остался крупный след в русско-сербских отношениях: в июне 1807 года генерал Михельсон отправил в Белград, по просьбе сербских старейшин, русского уполномоченного Родофиникина, человека умного и осторожного, но грека по происхождению, а к грекам сербы, как и другие славянские народы Балканского полуострова, относились с глубоким недоверием. Полное незнакомство с нравами той страны, которую втягивали в лоно своей политики, одно только и могло продиктовать русской дипломатии назначение в Белград этого человека. С июня 1807 года военные действия России против Турции прекратились, и в июле начались мирные переговоры; оказалось, что в условия мира невозможно включить никакой статьи о сербах, хотя 28 июня была подписана конвенция между русским уполномоченным Пауллуччи и Кара-Георгием. По силе этой конвенции Сербия признавалась находящейся под протекторатом России, а ее глава — русским наместником. Между тем, по Джурджевскому договору 12 августа 1807 г. упоминание о Сербии ограничивалось замечанием, что военные действия прекращаются и в тех местах, где русские войска действовали совместно с сербскими. После этого турки стали открыто готовиться к войне с Сербией; в сербском настроении наступила реакция; все каялись, что пренебрегли Ичковым миром. Кара-Георгий призвал к оружию все, что может носить ружье. Он громко возмущался коварством России, а положение ее уполномоченного было чрезвычайно странно. Родофиникин справедливо жаловался на это в следующих словах: «Между Россией и Портой заключено перемирие; в Сербии сидит русский чиновник, а война между Сербией и Турцией не прекращается... Всякий может заключить отсюда, что искренно о мире не думают... Удалиться отсюда я не могу, потому что при теперешнем положении вещей сербы ни за что не выпустят меня».

Но сербы вышли из этого затруднения с большим успехом и нанесли несколько сильных поражений турецким войскам, наступавшим со стороны Боснии. Как это обстоятельство, так и настойчивые ходатайства Франции и России за сербов заставили Турцию, где только что произошла дворцовая революция, заключить мир с повстанцами; но здесь были два препятствия: во-первых, Турция ни в коем случае не соглашалась признать легальность сношений сербов с Россией, а во-вторых, она не хотела допустить сербскую автономию при союзе с Россией. Это отношение к требованиям Сербии вытекало из совершенно правильного понимания, что первым шагом к отторжению Сербии и даже, пожалуй, к пере-

ходу ее в русское подданство будет согласие на самостоятельное ведение сербским народом международных переговоров. Поэтому на заступничество русского главнокомандующего князя Прозоровского великий визирь ответил: «А что касается сербов, то они подданные Порты, и Порта властна простить их или наказать. Нет ни конвенции, ни чего-либо другого, что давало бы России право вмешиваться в сербские дела. Если бы вникать в основания, изложенные в вашем письме, то всякая держава нашла бы причины, почему другой вмешивается в ее дела. И в России есть целые народы мусульманского вероисповедания, а, однако, Порта никогда не вмешивалась по этой причине в их дела». В этом ответе сказывалось вполне определенно, какой политики по отношению к сербам была намерена держаться Турция. Предел уступок, допущенных в этом деле, заключался в условиях Ичкова мира, но для сербов теперь это было уже мало. Поэтому Порта решила прибегнуть к посредничеству кюстендильского митрополита, который прибыл в Белград с устным поручением передать сербам обещание амнистии и т. п. Но, под влиянием Родофиникина, сербы в эту ловушку не попали; они соглашались на турецкие предложения, но настаивали на поручительстве императоров русского и французского, так что план Турции был совершенно испорчен. Тем не менее, фактически ей пришлось признать протекторат России над Сербией, и, пока продолжалось перемирие между Россией и Турцией, эта последняя не трогала и Сербии, но не прекращала своих попыток вступить в непосредственные отношения с Кара-Георгием. Новая революция в Константинополе не прервала этих попыток, которые велись через посредство греческого духовенства, старавшегося убедить сербов не верить русской искренности. Но кн. Прозоровский заявил, что без одобрения своего защитника, русского императора, Кара-Георгий не должен вступать в сепаратные соглашения, и в этом смысле сербским правительством дан был ответ в Виддин, откуда шли искушения. Таким образом, под конец 1808 года сербы окончательно положились на защиту России, которая устами своего главнокомандующего официально признавала Серию подчиненной русской верховной власти.

Соответственно с этим, Россия энергично отстаивала перед Портой внутреннюю свободу Сербии, а Родофиникин в своей записке Прозоровскому широко определял ее границы, включая в них как течение реки Дрины, так и Ново-Базарский санджак, и Ускюб, и даже Ниш и всю местность до Софии; одним словом, в ноябре 1808 г. русская дипломатия устанавливала гораздо более широкие границы свободной Сербии, чем на Берлинском конгрессе. Далее, Родофиникин настаивал на праве Сербии чеканить собственную монету, на запрещении туркам селиться в

этой стране, но он отрицал за сербами право вести самостоятельные дипломатические сношения, так как опасался интриг со стороны Австрии, которая уже в 1807 году попробовала вступить в переговоры с Кара-Георгием. Приблизительно на той же точке зрения стоял и русский главнокомандующий, заявляя, что русские интересы требуют признания наследственного княжеского сана в династии Кара-Георгия и воспитания его потомства в русском духе. Сам Александр I примыкал к воззрениям кн. Прозоровского, однако, настаивал на предоставлении сербам возможно большей самостоятельности, так как он желал, чтобы сербы не из понуждения, но по внутреннему влечению питали симпатии и сохраняли связи с Россией; автономия под русской защитой — таково было желание Александра. Для того, чтобы вступить в непосредственные отношения с сербскими вождями, Прозоровский пригласил их к себе в главную квартиру. Но в Сербии происходила анархия. По замечанию Ст. Новаковича, «сербские старейшины каждый тянул в свою сторону. Идея единства государства и высших должностей не уменшалась в головах сербских старейшин, так как это единство и государство были как раз делом их рук. Русскую помощь и влияние каждый из них был рад пустить в ход против своего соперника, все же они вместе настаивали на том, чтобы воспользоваться ими против Кара-Георгия, как верховного и центрального главы, хотя это непосредственно их же интересам и вредило, как вредило и их личным интересам каждого в отдельности». Естественно, таким образом, что с капризной сербской властью трудно было считаться серьезно; между Родофиникиным и ею наступило полное охлаждение и, желая показать свою полную независимость от России, Народная Скупщина в декабре 1808 г. провозгласила Кара-Георгия первым и верховным наследственным сербским вождем, которому все должно повиноваться, а Кара-Георгий, со своей стороны, признал Совет старейшин верховной властью страны. После этого он уже не желал вступать с Родофиникиным в сношения относительно посылки в главную квартиру доверенного лица, а отправил туда без всякого соглашения с ним и даже без его ведома несколько преданных людей. Как бы развернулась дальше картина русско-сербских отношений, судить трудно, но в мае 1809 года война между Россией и Турцией началась с новой силой, и Кара-Георгию не оставалось ничего иного, как опять возложить все свои надежды на удачу русского оружия.

Но положение русских в эти годы было чрезвычайно тяжело, так как дунайская армия была предоставлена почти самой себе. Помощь Сербии она не всегда могла в должной мере, а Австрия пользовалась этим для своей давнишней цели, чтобы отвлечь Сербию от России. Ночью 11 августа 1809 года Родофиникин тайно скрылся из Белграда, вызвав но-

вую бурю негодования у Кара-Георгия против России, и тогда же он послал в Австрию доверенного человека с предложением, чтобы Австрия приняла Сербию, чего она, совершенно в то время обессиленная, сделать не могла. Одновременно с этим Кара-Георгий послал соответственное предложение Наполеону, а русским генералам горько жаловался на поступок Родофиникина. Эта недостойная политика согласовалась с внутренним положением, о котором тогдашний наблюдатель, митрополит Стратимирович, дал весьма резкий отзыв. Оказалось, однако, что действия русских войск были удачны и теперь, так что именно на силу русского оружия сербы могли опять возложить свои надежды. И вот опять возобновились переговоры с русской главной квартирой, которая согласилась вместо ненавистного Кара-Георгию Родофиникина назначить в Белград другого представителя России.

Между тем, с 1810 года, когда дочь австрийского императора Мария-Луиза вышла замуж за Наполеона, Австрия решительно переходит к агрессивной политике по отношению к Сербии. В беседе Меттерниха с Наполеоном (10 июля 1810 г.) этот последний заявил, что Сербия должна рано или поздно достаться Австрии, и что всякие приобретения России на правой стороне Дуная он считает началом завоевания Константинополя Россией. Между тем, в этом году война шла удачно для России, и один из русских полков расположился в самом Белграде для защиты этого города от турецкого нападения. Наполеон, видимо, занял враждебное положение по отношению к России, а в Вене русскому посланнику дали ясно понять, что Австрия никогда не согласится на расширение русского влияния на Балканском полуострове. Эти переговоры происходили почти накануне Отечественной войны 1812 года; тем не менее, Россия не оставляла надежды на устройство сербских отношений, и при заключении Бухарестского мира с Турцией, в мае 1812 года, русский главнокомандующий Кутузов настаивал на автономии Сербии, которая и была, наконец, признана турками, так что после нескольких столетий рабства имя этого народа опять появилось в международных договорах, как название почти самостоятельного государства. Бухарестский договор составил основу дальнейшего развития новой сербской государственности, и, таким образом, Россия, несмотря на все дальнейшие ошибки ее дипломатии, может гордиться честью быть освободительницей от турецкого гнета не только Болгарии, но и Сербии. И это последнее дело Россия совершила в тот момент, когда ей самой грозила серьезнейшая война с Наполеоном. Договор, правда, не давал почти ничего определенного и точного, но все-таки он даровал автономию Сербии международным обязательством.

Впрочем, мир в сербско-турецких отношениях продолжался недолго. Его сменила страшная катастрофа 1813 года, вызванная тем обстоя-

ательством, что Россия была вынуждена сосредоточить все свои силы на войне с Наполеоном. В январе этого года Кара-Георгий, пригласив всех воевод в Белград на скупщину, выработал с нею ряд условий для соглашения с турками. Права, которых добивались сербы, заключались в признании сербских владений до тех мест, на которых поставлена сербская стража, в признании Кара-Георгия сербским князем или господарем и утверждении сербского Совета, который управляет народом по своему решению. Вассальные отношения между Сербией и Турцией, однако, не уничтожались и заключались в признании за сербским народом следующих обязанностей: верности султану, приема в Белграде турецкого паши, ежегодной дани султану в размерах, которые будут теперь определены, в защите своими средствами своей земли в случае войны Порты с какими-нибудь внешними врагами и в защите султанских крепостей. Таким образом, дело сводилось, в сущности, лишь к вассальной зависимости и ежегодной дани; остальные требования были весьма растяжимы и подавали повод к различным толкованиям. Эти условия должны были заменить те неопределенные требования, которые заключались в Бухарештском договоре (Порта «дарует сербам, по их просьбам, те самые выгоды, коими пользуются подданные ее архипелажских островов и других мест, и дает им восчувствовать действие великодушия ее, предоставив им самим управление внутренних дел их, определив меру их податей; получая оные из их собственных рук, и она распорядит, наконец, всеми сими предметами обще с народом сербским»). Отсюда произошел новый конфликт между сербами и турками; уполномоченные сербов делали вид, что ничего не знают о Бухарештском договоре; турки спешили их познакомить с ним и не хотели сходить с почвы этого трактата. Нежелание же сербов считаться с этим последним было им очень на руку, так как они могли утверждать, что не исполняют договора потому, что сами сербы не хотят его. Русское дипломатическое давление, оказанное несколько раз в Константинополе, не могло быть действительным ввиду поглощения всех русских сил войной с Францией. Когда же эта война привела к полной победе России, император Александр оказался под влиянием идей Священного Союза, сосредоточил все свои силы на охране абсолютизма и в славянские дела Балканского полуострова не вмешивался почти до самой своей смерти. Тем энергичнее принялась за свою политику на Балканах австрийская дипломатия, руководимая Меттернихом. Но это случилось уже позже, а в 1813 году Сербия стояла перед лицом своего векового врага совершенно беззащитная, и Турция не замедлила воспользоваться этим¹.

¹ Документы, относящиеся к этому времени, собраны в книге В.А. Ульяницкого «Материалы к истории восточного вопроса». Москва, 1901.

Турецкие войска двинулись в июне 1813 года тремя колоннами: на Дунай, Мораву и Дрину. Напрасно Кара-Георгий взывал к народной доблести и утверждал в своих прокламациях, что сербы могут продержаться без всякой помощи еще десять лет; сербские крепости падали одна за другой; старейшины находились в полном упадке духа. 20 сентября 1813 года в последний раз явился перед сербским войском Кара-Георгий, уже давно замышлявший бегство в Россию; он переехал в Землин, но немедленно был арестован австрийскими властями. В начале октября Белград, Шабац и Смедерево были опять в турецких руках; в Константинополе это вызвало громадную радость, а австрийский посланник был щедро награжден. Сербский народ терял все свои завоевания, но из его среды явился новый вождь, Милан Обренович.

В каком положении находилась Сербия в продолжение этого десятилетия, первой эпохи ее свободного существования после долгих лет рабства? По словам Н. Попова, «благосостояние народа, несмотря на продолжительную войну и жертвы, сопряженные с нею, можно было назвать удовлетворительным, за исключением тех нахий, которые наиболее терпели от турецких нашествий и воеводских злоупотреблений. Впрочем, воеводы, чинившие народное насилие, подвергались каре. Земледелие было в добром состоянии; изобилие в хлебе дозволило, напр., в 1812 году возложить на каждую нахию (или округ, которых было в тогдашнем сербском княжестве 21) обязанность доставлять на содержание русских войск до 1 000 000 ок съестных припасов. Торговля велась преимущественно с Австрией. Несмотря на то, что народная жизнь в продолжение стольких лет была в напряженном состоянии, сербы стали учить своих детей грамоте. Между ними были даже ученые и образованные люди, воспитавшиеся, впрочем, в Австрии и потом переселившиеся в Сербию; между ними особенно славились монах Викентий Ракич, преподаватель богословия в белградской школе, и Досифей Обрадович, попечитель народного просвещения. Церковными делами Сербии управляли белградский митрополит Леонтий и еще один епископ; в их управление не вмешивались ни военные, ни гражданские власти. Всех войск сербских еще в 1810 году считалось 58 000 человек, между коими 3 000 было конных, при 75 орудиях полевой артиллерии. Ввиду нападения турок со всех сторон сербские военные силы должны были увеличиться. В начале восстания сербские войска были обучаемы по австрийским образцам, а после, познакомившись с русскими войсками, Кара-Георгий приказал обучить сербов по-московски». Таким образом, это десятилетие не прошло даром для сербского народа, который входил в семью культурных народов. Недаром прошли эти годы и в области государственного устройства Новой Сербии.

И в своем государственном развитии Сербия сделала несколько важных шагов за эти бурные десять лет. После неограниченного господства турок сербам приходилось определять новые формы существования, и не те, какими пользовался некогда автономный белградский пашалык, потому что речь шла уже не об автономии, но о сербской самостоятельности. Значит, нужно было создавать нечто совсем новое, строить без всяких традиций, которых не оставила в этой области национальной жизни и старая Сербия. Кара-Георгий был общепризнанным вождем народа во время первого восстания, которое и связалось с его именем, объединившим все восставшие округа Сербии. Но другое было дело, когда восстание прекратилось, и надо было строить; недостаток образования, деспотизм, лукавство и известная жадность делали Кара-Георгия человеком, совсем непригодным для мирного государственного строительства. Какой-нибудь совещательный орган при нем был необходим, и уже первое сербское посольство, отправленное в Россию в 1804 году, привезло с собой идею Совета при князе. Носителем этой идеи был ученый серб, Филиппович, профессор харьковского университета, который примкнул к посольству и в апреле 1805 года совсем перебрался в Сербию под именем Вожа Груевича. Старейшины сербского народа пригласили Кара-Георгия на скупщину, для которой Груевич приготовил проект конституции, предлагавший передать гражданское управление страной в руки 12 нахийских представителей. Кара-Георгий добился того, что скупщина не собралась там, где этого хотели старейшины, но в одном из монастырей, куда съехались далеко не все, и где Кара-Георгий мог легче избавиться от признания за Советом верховной власти над сербским народом. И, действительно, основанный тут Совет был поставлен в зависимое положение по отношению к Кара-Георгию. По ясному указанию современника, основателя новой сербской книжности, Вука Караджича, «Совет ничем не смел противиться Кара-Георгию, а этот последний мог приказывать Совету».

С установлением новой эры в русско-сербских отношениях, с приходом Родофиникина и подчинением Сербии русскому протекторату, русское правительство предложило в августе 1807 года Кара-Георгию принять новое «Основание правительства сербского». Эта конституция устанавливала под председательством князя, который получал титул Светлости, правительствующий сенат, состоявший отчасти из прежних народных вождей («сиятельный вождь», по русской конституции, сильно забавившийся о титулах) и членов прежнего Народного Совета («превосходный сенатор»), отчасти из избранных представителей нахий. Сенат являлась главная, как исполнительная, так и законодательная власть.

над страной; даже главных полководцев должен был избирать сенат. Это была оригинальная форма правления, но, может быть, не лишённая практического значения для страны такой маленькой и такой первобытной, как тогдашняя Сербия. Этот характерный документ не вошел в жизнь сербского народа и не был утвержден императором Александром ввиду сложных событий того времени, но он остался памятником того отношения русской власти к Сербии, которое готово было превратить Сербию в одну из русских провинций. По мысли маркиза Паулуччи (1807), и чиновники в Сербии должны были назначаться от имени русского царя. Понятно то волнение, которое испытывал Кара-Георгий в своих переговорах с русскими главнокомандующими. Жизнь шла, однако, своим чередом, и не правительствующий сенат с превосходительными сенаторами ведал внутренние дела Сербии, а прежний Совет. В январе же 1811 года скупщина, состоявшая из 66 старейшин из всех частей освобожденной Сербии, провозгласила Кара-Георгия заново верховным и наследственным господарем земли и присягнула ему на верность и послушание. Наимышей властью в стране был признан Управни Совет, часть которого должна была под именем Великого или Народного суда совершать суд; исполнительная власть страны заключалась в министерстве (попечительстве) из шести министров, бывших в то же время членами Управного Совета.

На народное образование Кара-Георгий и его сотрудники обратили серьезное внимание. Почти по всем городам и в некоторых селах были открыты основные школы; странствующие учителя приглашались задругами или отдельными богатыми людьми в дома, где устраивались импровизированные школы; шло обучение детей грамоте и в монастырях. Наконец, в 1808 году было положено основание и среднему образованию; в этом году была открыта Великая школа, впоследствии превращившаяся в Белградский университет, а в 1810 году — богословская школа для приготовления священников. В таких еще примитивных формах, точно соответствовавших складу народной жизни, развивалось сербское княжество до 1813 года. Мало-помалу расширялась торговля, по преимуществу скотом, складывались личные богатства, дававшие новые уделы для развития домашней промышленности; привлекаемые со стороны Дуная, из Австрии возвращались в Белград многие люди, уже понабравшиеся европейских привычек; многие из них служившие раньше на австрийской службе, усвоили себе австрийские бюрократические приемы и прониклись страстью к орденам и званиям. Они жили уже и теперь, как позже, известный диссонанс в очень скромной строгой народной жизни и сами относились к ней с пренебрежением. Но Кара-Георгий и его главные сотрудники были настоящими деть-

ми народа. Таким же был и Милош (Милан) Обренович, один из сербских старейшин, который после бегства Кара-Георгия взял в свои руки дело народного освобождения и завершил его с большим успехом, чем Кара-Георгий, потому что был хитрее и ловчее этого последнего.

Слух о бегстве Кара-Георгия распространился с быстротой молнии; куда ни проникало это известие, везде оно вызывало панику; солдаты толпами покидали лагерь и укрепления; голоса старейшин никто более не слушал; их авторитет упал окончательно; сама жизнь их была в опасности ввиду народного возбуждения; народ проклинал их, обвинял в своих несчастьях, кричал об измене. Все действовали, как кто хотел: одни спешили на Саву, другие на Дунай; одни спешили уйти куда-нибудь подальше для спасения своих семей, другие бежали в горы; почти все старейшины скрылись вслед за Кара-Георгием. Страх перед турками заглушал все другие чувства, — такими словами новейший историк этого периода характеризует панику, наступившую после крушения всех сербских надежд в 1813 году¹. И турки, действительно, жестоко расплатились с сербами за эти десять лет вынужденных уступок; как пишет в своих «Мемуарах» один из главных деятелей этой эпохи, протоиерей Ненадович, все видели перед собою «неизбежное рабство или смерть», а турки выжигали и вырезали целые селения, продавали сербов тысячами в рабство (в одном Белграде 17 октября 1813 года было выставлено на продажу 1800 человек сербов, женщин и детей). При этом Австрия сыграла чрезвычайно позорную роль: австрийские власти передали туркам всех тех турчанок, которые крестились, вышли замуж за сербов и вместе с ними бежали по ту сторону Дуная; так, 1 октября австрийский чиновник Червенка передал в распоряжение турецких властей 217 таких женщин, которых турки и выставили на продажу. Народ взмолился к туркам о пощаде, а к соседним державам о помощи; писали имп. Александру, но не получили никакого ответа; обращались в Австрию, но австрийские власти задерживали эмиссаров в Землине, отбирали у них бу маги и передавали туркам. Но у сербов все-таки была одна защита. Известный историк новейшей Сербии М. Вукичевич определяет это в следующих словах: «При всех потерях у сербов осталось одно приобретение, и заключалось оно в торжественном признании Порты, которое находилось в восьмом параграфе бухарештского мира и которое давало Сербии е-

¹ Мух. Гаврилович. «Милош Обренович». Кн. I (1813—1820). Београд, 1908. кн. 2 (1821—1826). Београд, 1909. См. об этом периоде сочинения: В. и П. Петровичи. «Градја за историју Краљевине Србије. Време прве владе Милоша Обреновича» (доведено до 1823 г.). Кн. 1—2. 1882—1881, и М. Петровић «Финансије и установе обновљене Србије до 1842 г.» 3 кн. 1897—1899 (1 кн. во 2-м изд. 1901).

внутреннюю автономию. Этого нельзя было уничтожить ни пушками, ни огнем. Этот договор, имевший международное значение, спасал для сербов даже самое маленькое селение, освобожденное первым восстанием, и оказал наибольшую помощь князю Милошу в его борьбе с турками за все время с 1815 по 1830 год».

В том повальном бегстве вождей сербского народа, которое наступило вслед за бегством Кара-Георгия, не принял участия комендант Ужичской крепости и старейшина маленького округа Руйна, Милош Обренович. Естественным образом, на него и устремились глаза народа в эту страшную минуту. Милош решил начать новую политику по отношению к Турции — политику покорности и послушания, которую турки встретили тем охотнее, что поражение Наполеона под Лейпцигом ясно показывало им, что в скором времени им опять придется иметь дело с Европой и особенно с Россией. Поэтому Порта объявила амнистию, и Милош был назначен обер-кнезом Рудничской нахии. Во главе Белградского пашалыка был поставлен заклятый враг сербов, Сулейман-паша, который не хотел считаться с прежними договорами и во главе администрации каждого округа назначил муселимов. Но и это сравнительное успокоение было уже важным делом для Сербии; беглецы стали толпами возвращаться из Австрии; турецкие власти призывали торговцев заниматься своим делом; оружие у населения было отобрано, за исключением того, что было необходимо для защиты от гайдуков; начали уходить назад и турецкие войска. На некоторое время население вздохнуло легче, но ненадолго; турецкие гарнизоны содержались на счет народа, в стране наступили голод, а вслед за ним какая-то странная эпидемия. Люди ели основную кору, а турецкие отряды вымогали у населения последние средства, оскорбляли самые святыя чувства его, продавали на уплату податей весь скерб крестьян. Таким образом, сами турки наталкивали сербов на убеждение, что вне восстания у них нет спасения. И в августе 1814 года начались подготовительные действия для нового национального движения. Сулейман-паша пригласил в Белград старейшин сербского народа, чтобы передать им некоторые распоряжения. Пользуясь случаем, они собрались в Толчидере, роскошном парке около Белграда, и стали обдумывать дальнейший способ действий, причем было решено опять обратиться с мольбой о защите к европейским государям, собравшимся в Вене, несмотря на то, что обращение к имп. Александру I в ноябре 1813 года оказались безрезультатным¹. Но как раз в это время пришел слух о

¹ См. «Записки Сергия Григорьевича Волконского (декабриста)», 1901, и статью Новаковича «Последний покушај» (Годишница Н. Чупича, кн. 21, 1901).

восстании одного из воевод, Хаджи Продана Григорьевича, к которому стали приставать толпы повстанцев. Впрочем, это восстание, начавшееся осенью и притом в пору, когда бдительность турок еще не ослабла, и в Сербии было множество турецких войск, не имело никаких шансов на успех. Поэтому Милош посоветовал Хаджи Продану прекратить восстание и явиться с повинной в Белград, что тот и исполнил. Но турки не сдержали своего обещания: они стали преследовать, несмотря на объявленную амнистию, всех видных людей, заподозренных в сочувствии к бунту. Из них многие были казнены; у народа опять отбиралось оружие; репрессии возобновились. В это время происходил венский конгресс, на который и возлагались все сербские надежды. Протоиерей Матвей Ненадович, отправленный в Петербург с мольбой о помощи, узнал, что Александр I находится в Вене, и из Житомира отправился в Австрию; в Вене в эту пору было немало сербов, которые выдавали себя за уполномоченных целого народа, вносили много беспорядка, порочили друг друга направо и налево и, благодаря этому, не пользовались никаким престижем ни у австрийских, ни у русских дипломатов. К проту Матии, как называли Ненадовича, относились с большим доверием, и он мог проникнуть туда, куда других не пускали. И тут сразу обнаружилась разница в русских и австрийских отношениях к сербскому делу. Император Франц принял депутацию в начале января 1815 года и, не давая обещаний, которых он не мог выполнить, заявил, что он сделает все возможное, чтобы убедить султана изменить свое отношение к сербам. Англичане прямо заявили, что заступаться за сербов они не станут, потому что портить свои отношения с Портой не в их интересах, и дали совет депутатам скрыть самое пребывание в Вене; прусский уполномоченный, высказав несколько теплых слов сербам сообщил свое убеждение, что сербам следует сидеть возможно тише, чтобы их турки совсем не истребили. Таковы были неутешительные данные, которые не могли поднять духа сербских уполномоченных. Как же держалась в этот момент Россия? В «Мемуарах» проты Ненадовича мы найдем горькие сетования на то, что Александр I не хотел дать аудиенции сербам; что в русском посольстве им отвечали: «Россия знает вашу любовь и привязанность к ней, но ныне вы должны действовать одни». Резкие отказы графа Нессельроде заступиться за сербов можно поставить рядом с безразличием австрийцев, и Ненадович в отчаянии передавал в Белград: «Нейдет, кнезы, наше дело, нейдет!». Так же мрачно смотрел на эту роль русской дипломатии на Венском конгрессе Н. Попов, когда он писал в 1869 году свою книгу; но с тех пор стали известны новые факты, новые документы, и на России не может лежать более такое тяжелое обвинение, что она не помогла сербам »

1815 году. При явной туркофильской политике Австрии и Англии Россия и не могла сделать многое, но важно было, что Александр назвал сербский вопрос делом чести для России. Когда же Наполеон бежал с острова Эльбы, и русские войска снова двинулись на Запад, Александр I приказал русскому посланнику в Константинополе предложить Турции прекратить вооруженные нападения на Сербию, угрожая, в противном случае, направить русские войска из Белграда на Дунай, и это оказало свое действие. И позже, в апреле 1816 года, в разгар восстания, русское правительство совершило военную диверсию в пользу Сербии, когда турки собирали против нее войска в Болгарии и Румелии¹.

По мере того, как гасли сербские надежды на защиту монархов, собравшихся в Вене, у народа все более крепко складывалось убеждение, что его единственное спасение в новом восстании. Турецкие власти становились все более подозрительными: Сулейман-паша жестоко расправился со всеми, кто принимал участие в хаджи-продановом движении, или кого он только подозревал в таком участии; Милоша и других старейшин он вызвал в Белград под предлогом служебных совещаний; большинство из них не приехало, но Милош прибыл и сумел держаться так тактично, что хотя его и не выпускали из Белграда, но не третировали. Между тем, на весну готовилось восстание, и Милошу удалось смелой хитростью в начале марта выехать из Белграда. В апреле 1815 года, в Вербное воскресенье, в селе Такове собрался народ из окрестностей в церковь; Милош удалился с наиболее уважаемыми людьми в рощу и там окончательно сговорился с ними относительно дальнейшего образа действий. Тут же около церкви образовалась импровизированная скупщина, к которой Милош обратился с призывом подняться против турок; его речь встретила всеобщее сочувствие, и Милош был выбран в главные старейшины; он переоделся в воеводское платье и вышел к народу с воеводским знаменем, объявляя этим начало новой эры независимости и восстания. Повсюду полетели грамоты, объявлявшие войну туркам; народ снимал из потаенных мест оружие и спешил на помощь к Милошу. Началась война. Первые битвы не давали решительного перевеса ни одной стороне: турки брали громадным количественным преобладанием, но сербы, один против десяти, отбивали их нападения. Из Срема, между тем, шли на помощь восставшим те воеводы и кнезы, которые когда-то боролись еще с Кара-Георгием; они несли с собою и вооружение и свинец, везли пушки; довольно скоро они очистили от турок несколько мест

¹ Ср. документы, опубликованные Чед. Миятовичем в «Споменике» Сербской Королевской Академии за 1903 год.

и городок Вальево. Кое-где происходили и неудачи, которыми турки пользовались, чтобы склонить райю к покорности, но успех сербов в трех различных местах (Чачаке, Любиче и Ратарах) быстро разогнал трусливых турок, и большая часть Сербии сразу очистилась от них; зато в турецких руках оставалось еще несколько важных крепостей, из которых наибольшее значение имел Пожаревац. Сюда и направился Милош, который проявлял чудеса храбрости, внушая своим дружинам убеждение, что для них нет другого исхода, кроме победы или смерти. Турецкие войска не могли устоять против отчаянных атак малочисленных сербских отрядов; после трехдневной битвы, в июне 1815 года, Пожаревац сдался, и турки были отпущены в Турцию с тем оружием, какое у них было в руках; все же запасы и остальное оружие было передано Милошу. Слух об этой победе не замедлил оказать свое влияние и на другие турецкие гарнизоны.

Вскоре часть Сербии освободилась от турок, но на Сербию надвигалась из Боснии армия боснийского визиря, представлявшая тем большую опасность, что именно Босния, где мусульманское владычество опиралось на часть населения, представляла постоянный источник опасности для соседней Сербии. Тем не менее, сербам удалось отразить нападение турок, обратить их в бегство и даже взять в плен пашу, который вел это войско. При этом Милош обнаружил большой политический смысл: он не только отпустил своего пленника вместе со всеми другими турецкими пленными, но и дал ему деньги, коня, блестящие одежды, что при известных условиях восточной чести обязывало пашу Марапу к дружбе. И паша поспешил уверить Милоша, что, наверное, он будет назначен визирем над этой землей, так как Милош решительно отрицал стремление совсем освободиться от турецкого владычества и лишь настаивал на том, что сербы ищут прав под скипетром султана. Этот шаг Милоша положил начало мирным переговорам между Сербией и Турцией, которые были тем более своевременны, что Турция, чувствовавшая приближавшийся миг расплаты за нарушение бухарештского трактата, спешила покончить с сербским вопросом и двинула с Моравы и Дрины две армии на Сербию. Милош с присущей ему смелостью отправился на свидание с боснийским визирем Хуршидом, которому были поручены военные действия в Сербии, и, имея среди турок связи, добился того, что его выпустили на свободу, хотя никаких положительных результатов это свидание не принесло. Более успешно шли переговоры с румелийским визирем Марашли-Али, который на заявление Милоша, что сербский народ ни в каком случае не выдаст оружия, ответил советом слушаться султана, и тогда «каждый серб, коли захочет, может заткнуть за пояс не

только пистолет, но и ружье». После этих переговоров решено было послать, за поручительством Марашли-Али, депутацию в Константинополь, а войска румелийские и боснийские должны были ожидать результатов этих переговоров. Султан проявил чрезвычайную уступчивость: сначала он предписал обращаться с жалобами к ненавистному сербам белградскому визирю Сулейману-папе, но потом, когда Милош обратился с просьбой назначить в Белграде разумного и умелого политика Марашли-Али, Константинополь согласился и на это. С Марашли-Али Милош договорился быстро; автономия по закону 1793 года, теперь опять составлявшая венец сербских желаний и, разумеется, охотно уступленная султаном, которому она была выгоднее, чем бухарештский договор, давала Милошу известный простор для соглашения с визирем. Он убедил его предоставить внутреннее управление сербами ему, Милошу, за что обещал уплачивать ежегодную дань. На вопросы европейских дипломатов, на каких условиях Порты примирилась с Сербией, султанское правительство гордо отвечало, что с бунтовщиками оно не может договариваться, но что султан, по своей милости, дал им амнистию и известные права. Несмотря на этот «ложный стыд», как метко охарактеризовал султанские ответы один европейский дипломат, сербы, несомненно, вынудили Порту пойти на такие уступки, которых она добровольно не дала бы райе. С этого момента начинается новая эра в развитии Сербии, после того краха, какой ее постиг в 1814 году, хотя в 1816 и следующих годах она пережила чрезвычайно тяжелый экономический кризис, неурожай, страшную дороговизну. Кроме того, автономия, достигнутая Милошем, была весьма ограничена: сербские власти имели право собирать с народа то, что вносилось в государственное казначейство, но сборы в пользу турецких землевладельцев, спахий, десятина с урожая и другие повинности взимались самими спахиями. Государственные повинности, высшая административная и судебная власть оставались в турецких руках; правда, созданная Милошем Народная Канцелярия, в которой восседали 12 сербских кнезов, ведала чисто сербские внутренние отношения и была посредствующим звеном между сербами и визирем, но ни Марашли-Али, ни правительство Порты не признали ее официально, и Милош выступал лишь в качестве турецкого уполномоченного, и хотя он подписывался «Милош Обренович, султаном Махмутом наречен II кнез сербски», однако, он не смел даже являться перед очи визиря с саблей. В стране господствовали голод и разбои; государственные отношения Сербии были совершенно не определены. В таком положении она находилась к началу 1816 года, когда Милош сделал новую попытку договориться непосредственно с правительством Порты и отправил в Константинополь

посольство. Это последнее было встречено дружелюбно; оно и домогалось немногого: лишь восстановления условий Ичкова мира (от 1806 года). В Турции прибегли к обычному способу дипломатических ухищрений: к обещаниям, об исполнении которых никто не думал. Правительство обещало исполнить желания народа, а в письме, которое оно поручило передать Марашли, ничего не было сказано о сербских требованиях. Но у Милоша была защита, которой не знал Кара-Георгий: в борьбе отдельных вождей с ним, от которой погиб и Кара-Георгий¹, турецкий визирь был решительным сторонником Милоша, который был, ведь, собственно турецким чиновником и наказывал его соперников жестоким образом. Однако эти свары были настолько серьезны, что в начале 1817 года в шести нахиях вспыхнуло восстание, и позже, при Милоше, не раз повторялись подобные частичные восстания, одно из проявлений того отсутствия государственного чутья, от которого так страдала Сербия в продолжение всего XIX века. С помощью турок это движение было прекращено, главари захвачены и арестованы; несколько месяцев спустя, поднялся против Милоша новый бунт, закончившийся смертной казнью зачинщиков, а в июле Кара-Георгий, попытавшийся пробраться в Сербию и вступивший в гетерию, был хитростью завлечен и убит; его голова была отнесена в Константинополь, и султан щедро наградил принесшего ее. Нет сомнения, что Милош, отрекавшийся от всякого участия в убийстве первого освободителя Сербии, далеко не безвиновен в этом преступлении. Кроме личного честолюбия, заставлявшего Милоша избавиться от соперника, в нем говорило, по-видимому, и более высокое желание не нарушать каким-нибудь безрассудным поступком то спокойствие, которое наступило в Сербии, благодаря искусству Милоша ладить с турецкими пашами. Неизвестность тяжелым камнем висела над Сербией; правда, теперь отношения складывались более или менее сносно, — но что будет завтра? Переговоры между Россией и Турцией по вопросу об устройстве Сербии велись втайне, и сербы не знали, как настойчиво уже в 1816 году русский посланник в Константинополе, барон Строганов, добивался осуществления бухарештского мира. Именно в 1817 году турки решили снова обезоружить сербский народ и стали подготавливаться к этому шагу, и лишь вследствие русской ноты Порты оставила в покое сербов, тем более, что возможные осложнения международных отношений внушали мысль большинству Дивана, что будет благоразумнее ладить с сербами и с Милошем. Этот последний продолжал вести себя осторожно и умно. В ноябре 1817 года, освободившись от своего соперника Кара-Георгия, он

¹ См. *Арсенијевић-Баталака*, «Историја српског устанка», т. II, 1899, стр. 846 и сл.

созвал скупщину, которая выразила доверие Милошу и провозгласила его наследным верховным князем и правителем сербским, поклявшись в верности и повиновении. Но Милош не только не прерывал сношений с турецкой властью, а, наоборот, еще более подчеркивал свои верноподданические чувства к султану, заявляя, что за уступки, сделанные Портой, он отплатит водворением в стране порядка. Кроме того, Милош сумел создать себе очень солидное состояние, откупив перевозки и таможи на пограничных сербских реках, а с деньгами в кармане он мог проникать туда, куда одна смелость и отвага никогда не открыли бы ему дверей. «Безграмотный, но даровитый и любознательный Милош был самым верным, самым полным представителем возрождавшейся тогда Сербии. Свежие силы, счастливые дарования и неудержимое стремление идти вперед были выше тех политических средств, которыми располагали сербский народ и его князь», таков отзыв одного из лучших историков Новой Сербии, Н. Попова, об этом князе.

Если дела Сербии шли с известной удачей, то происходило это еще по двум причинам, не зависевшим от личности князя: во-первых, русским представителем в Константинополе был русский человек, глубоко сочувствовавший сербскому возрождению и поддерживавший его своим дипломатическим влиянием, барон Строганов, а, во-вторых, Турция переживала довольно тяжелый момент, начало греческого восстания, период деятельности гетерий, которые всячески старались втянуть в восстание и Сербию, чтобы раздробить силы Порты. Поэтому Константинопольский Диван задумал раз навсегда развязаться с сербским вопросом и пустился на хитрую уловку, которая ему, однако, не удалась. Строганов настаивал на точном соблюдении 8 пункта бухарестского договора; турки не хотели его выполнить, и вот весной 1820 года султан послал в Белград специального посла с фирманом, дававшим сербам известные уступки, далеко не достигавшие, однако, размеров, обусловленных в Бухаресте. В этом фирмане Милош признавался обер-кнезом, размеры дани предстояло выяснить путем переговоров сербских старейшин с султанским посланником, причем эту дань должен был уплачивать весь Белградский пашалык; муселимы упразднялись, за исключением городов, пограничных с Австрией; турецкое войско сохраняло право на содержание со стороны местного сербского населения. При этом Милошу ставилось на вид, что он должен вместе с народными старейшинами подписать бумагу, в которой говорилось, что сербы совершенно удовлетворены, и больше ничего не будут просить у султана. Но Милош справедливо ответил, что, будучи подданными султана, сербы не могут быть лишены права ждать от своего государя новых милостей, и на запрос, как это следует понять, сослался на бухарестский трактат. На этом и прекратились пе-

реговоры, не приведя ни в этом, ни в следующем году ни к каким положительным результатам. Между тем, в самой Сербии было неспокойно; Марашли-Али, некогда поддерживавший Милоша, теперь только и думал, как бы его извести, и несколько раз подготавливал покушения на него, которые не удавались, благодаря бдительности Милоша. Поэтому восстанием пожаревацкой нахии, возбужденной греческими гетеристами, он воспользовался для того, чтобы направить движение против Милоша, но тот быстро прекратил восстание и мешал гетеристам распространить свою пропаганду. Вскоре после того умер Марашли-Али, и в Белград был назначен визирем еще более заклятый враг сербов, Абдурахман-паша. И это обстоятельство, и тяжелые натуральные налоги, лежавшие на народе, и вражда кнезов против верховного князя, и деятельная пропаганда гетеристов, обходивших самые населенные нахии: все это делало настроение в Сербии очень тревожным и положение самого Милоша тяжелым. И вот два года подряд (1825—1826) ознаменовываются бунтами, направленными первоначально против отдельных кнезов или турок, но потом принимавшими характер движения против самого Милоша. Впрочем, ему удалось усмирить оба эти восстания, причем он жестоко расправился с бунтовщиками.

Между тем в России курс политики принимал более благоприятный для Сербии оборот. Император Николай I продолжал политику первых лет царствования Александра и уже в марте 1826 года решительно потребовал от Порты выполнения 8 пункта бухарештского договора, угрожая, в противном случае, немедленно приступить к военным действиям¹. Турция выполнила все требования русской дипломатии, вывела свои войска из Валахии и Молдавии, освободила сербских депутатов, отправленных Милошем в Константинополь для переговоров с султанским правительством, и послала в Аккерман своих уполномоченных для переговоров с Россией. Но эта последняя поставила теперь такие требования, которых раньше не выставляла: именно, Воронцов и Рибопьер настаивали на уступке Сербии восточных округов, принадлежавших ей при Кара-Георгии. 25 сентября был заключен аккерманский договор, по которому Сербии было возвращено самоуправление и удовлетворены требования, привезенные сербскими депутатами, и «сии выгоды, говорилось в трактате, будут для сербского народа как справедливой наградой за доказанную им на опыте верность к империи Оттоманской, так и надежнейшим залогом в продолжение оной». Таким образом, консервативные чувства обеих договаривавшихся сторон были удовлетворены, хотя Меттерних рвал

¹ Об этом уже 23 января 1826 года министр Имп. Николая, граф Нессельроде, известил самого Милоша (М. Гаврилович, т. II, 209).

и метал, кричал, что аккерманский договор доказательство «турецкой глупости и русской грубой силы», и утешал Порту лишь тем, что греческий вопрос еще не окончательно решен. Но, по этому договору, Сербия, вместе с тем, оказывалась в самом выгодном положении любимого детища обеих держав. Выгоды, обещанные договором, заключались в «выборе начальников своих, независимости внутреннего управления, возвращении отторгнутых от Сербии округов, соединении разных податей в одну, предоставлении сербам управлять имениями, принадлежавшими мусульманам (т.е. спахиям), с условием доставлять доходы оных вместе с данью, в свободе торговли, дозволении сербским купцам путешествовать по областям оттоманским с их собственными паспортами, в учреждении больниц, училищ, типографий, и, наконец, в запрещении мусульманам, кроме принадлежавших к гарнизонам, поселяться в Сербии». Отсюда видно, что Сербия, в сущности, получала полную внутреннюю независимость, а пункт относительно паспортов предоставлял Сербии даже известные международные права. Наконец, запрещение спахиям жить в Сербии делало их права на землю в достаточной мере фиктивными; во всяком случае, это был толчок к окончательному разрешению вопроса о спахилуках. Впрочем, до исполнения договора было еще далеко, при обычной тактике Турции оттягивать осуществление обещаний. Несмотря на это, Милош обставил большим торжеством объявление аккерманского договора, в ноябре 1827 г., и произнес по этому поводу речь, в которой восхвалял свои заслуги перед отечеством и жаловался на постоянные мятежи, нарушавшие его уверенность в будущем.

Это был со стороны Милоша обычный прием — заставить кнезов подтвердить свои чувства преданности по отношению к верховному князю. И он не ошибся в своих расчетах и на этот раз: скупщина присягнула на верность князю. В адресе, поднесенном от ее имени, говорилось, между прочим, следующее: «Мы просим вас все, здесь собравшиеся — члены народного суда, духовные, главные нахийские кнезы, кнезы нахийских судов, срезские кнезы, сельские кметы — от своего имени и от имени остального отсутствующего народа и от имени тех братьев, которые еще присоединятся к нам. Все мы вышеназванные, повторяя свои прежние клятвы 1817 и 1826 годов, подтверждаем вас, сиятельнейший князь, единодушно и единогласно и за нас, и за детей наших, и из рода в род, господаем и князем нашим и присягаем за себя и за наших потомков как вам, так и братьям, и детям, и всей вашей семье, что мы будем всегда и во всем верны и послушны, и пусть сам Спаситель ополчится на того, кто нарушит эту присягу!» («Споменик», т. 31).

Милош мог быть доволен достигнутым успехом, но с турками дело подвигалось плохо. Император Николай I решительно настаивал на вы-

полнении договора и в течение нескольких лет вел войну с Турцией, для которой эта борьба оказалась совершенно непосильной; в 1827 году в битве при Наварине был истреблен турецкий флот; в 1829 году русская армия стояла под стенами Константинополя. По адрианопольскому миру (2 сентября 1829 г.) Турция обязывалась выполнить все условия бухарестского и аккерманского трактатов, и в тот же самый месяц Милош получил султанский фирман, подтверждавший независимость Сербии. Но она еще не была наследственным княжеством; в ней не было династии, которая придавала бы символическое единство отдельным сербским землям. В этом направлении и пошли теперь усилия Милоша. Опять он испытал доверие народа, отказавшись от власти, когда был обнародован султанский фирман о независимости Сербии, и опять народ умолял его не уходить. Тогда Милош тайно от Австрии, которая не сочувствовала утверждению сербской династии, повел переговоры с новым белградским визирем Гусейн-пашой и с турецкими чиновниками, весьма падкими на золото. Вся эта тонко веденная интрига привела к тому, что Милош, одаренный чрезвычайным искусством приобретать в народе популярность, добился от султана хатти-шерифа, признававшего его наследным князем Сербии, чего до сих пор Порта не делала, смотря на Милоша не как на самостоятельного князя, а как на чиновника Оттоманской империи. «Князь Милош Обренович, — говорилось здесь, — в силу императорского диплома, которого он есть предъявитель, и в награду за его верность моей высокой Порте, подтверждается в достоинстве Баш-кнез сербской нации, и это достоинство остается наследственным в его семействе. Он продолжает от имени моей высокой Порты управлять внутренними делами страны в согласии с собранием, состоящим из сербских властей». Одновременно с этим князю разрешалось содержать военную силу, необходимую для предупреждения волнений и беспорядков и для несения полицейской службы. Шесть округов, которые присоединялись к Новой Сербии, представляли не вполне определенные территориальные единицы; границы их нужно было еще выяснить, для чего была составлена смешанная комиссия из турецких чиновников и русских офицеров. Эти последние сумели стать на высоте задачи и расширить границы в пользу Сербии, объезжая леса и горы и преодолевая всевозможные трудности.

Таким образом, в конце 1830 года Милош достиг вершины счастья: Сербия была свободна, а он был ее наследственным князем, признанным как Портой, так и Россией. Правда, и теперь не все шло гладко: сербы, которые должны были отойти к Сербии, удерживались Турцией в своих руках; турки, по оплошности самого Милоша, остались в Белградской крепости, а не в одной крепости, где они сохраняли право жить, и Австрия тайно поддерживала упорство белградского визиря, у которого был совсем другая обида на Милоша; тот поспешил и не дал ему 1000 дук

тов. В спорных округах начиналось восстание, но русское дипломатическое вмешательство вынудило Порту (в конце 1833 года) дать Милошу новый фирман; он силой занял нахии, которые Турция не хотела отдавать. По новому фирману, известному под названием Митровского (он был подписан в Дмитров день), Сербия должна была платить все подати Турции разом; т.е. спахии не получали больше податей каждый в отдельности; на пути к полному освобождению это, разумеется, был большой шаг вперед. Но при этих внешних успехах внутри страны далеко не все было благополучно. Милош слишком вошел в роль неограниченного государя, чтобы считаться с назревшими народными требованиями. Правда, еще в 1834 году он обнаружил государственное понимание, привлечение на его сторону народные массы; именно, на скупщине в Крагуевце, собранной в феврале этого года, он объявил, что все его помыслы будут обращены отныне на мирное развитие государства, и что в Сербии никогда не будет крепостного права, чего так опасался народ, знавший, как добиваются чиновники передачи им спахилуков (имений спахий). Но и эти массы Милош в скором времени оттолкнул от себя.

Против Милоша образуется сильная партия, во главе которой становится Вучич, человек дурной, приговоренный Милошем еще в 1826 году за различные уголовные преступления к изгнанию в Валахию, там разбогатевший и горевший жаждой мести князю. Он сблизился с двумя братьями Симичами, которые насмотрелись на феодальные права румынских бояр и мечтали устроить подобную жизнь для «великашей» и в Сербии. На их же стороне были эмигранты из России и Австрии, порвавшие связи с народом и мечтавшие получше устроиться в Сербии, крестьян которой они презирали. Симич повел очень искусную интригу. Он вошел в сношения с русским дипломатическим агентом в Бухаресте и принялся внушать ему, что Милош мечтает о создании совершенно самостоятельной великой Сербии, которая объединит не только всех сербов полуострова, но и соплеменных болгар. Это не входило в расчеты русской дипломатии, которая и сама имела виды на широкое влияние на Балканском полуострове. Таким образом, доверие России к Милошу удалось подорвать, и русский агент, барон Рикман, охотно верил Симичу, что сербы тяготеют наследственностью княжеской власти в роде Милоша, так как она не позволит передать власть достойнейшему. Рикман выразил сочувствие Симичу, и тот заявил своим единомышленникам, что Россия поддержит их. В австрийской печати появились грубые выходы против Милоша. В это время присоединяется к интриге и Вучич, который получил от князя разрешение поселиться в Сербии, в Шабце, но продолжал держать себя враждебно по отношению к Милошу. Во время одного пожара Вучич побил палкой княжеского чиновника, который об-

ратился с жалобой к князю, а тот, недолго думая, решил дело в порядке патриархального судопроизводства и посадил Вучича на несколько дней под арест с цепями на ногах. Это страшно взбудоражило весь чиновничий мир Сербии, который состоял по преимуществу из австрийских сербов и не допускал подобной личной расправы. Милош знал о враждебном ему настроении умов. Еще за год перед тем знаменитый писатель Вук Караджич, который составлял для Сербии свод законов, обратился к Милошу с длинным письмом, в котором высказал с полной откровенностью причины народного брожения против князя. «Все причины такого недовольства можно разделить на два разряда: одни люди недовольны тем, что не только не могут жить по своей воле согласно своим средствам, но и тем, что никто не обеспечен законом ни в своей жизни, ни в чести, ни в своем имении, приобретенном трудами и правдой; другие недовольны тем, что мало прилагается стараний об общей пользе, и что управление идет не так, как бы должно было или могло идти, по их мнению». В числе обвинений, выставленных Вуком Караджичем, некоторые рисуют нравственную личность Милоша весьма несимпатичными чертами; белградские купцы сетовали на то, что «белградцам христианского закона не было такого насилия ни при каком турецком правителе, и что только за два прошедших года они одного кулука (плата вместо барщины) на два дворца вашей светлости дали 22 000 грошей. Равным образом тамошние торговцы скотом, а особенно продавцы свиней, жалуются на таможах, что ваша светлость со своими компанейцами завладели всей торговлей их, а они все обнищали». По поводу этой жалобы следует принять во внимание соображение, приводимое историком финансовой политики Милоша, М. Петровичем; он объясняет стремление Милоша закупить у турок все важнейшие переходы на Саве и Дунае желанием обеспечить свободную торговлю, избавиться от двоевластия в торговой деятельности молодой Сербии и сделать невозможным вмешательство турок во внутренние дела государства. Но, помимо этих благородных стремлений, у Милоша были, несомненно, личные расчеты и большая жадность к деньгам, делавшая его несимпатичным для окружающих. И прежде всего ему приходилось напоминать: «Все ваши чиновники и подчиненные имеют сердце, разум, волю, желания и все остальные страсти и душевные свойства, как и вы, ибо они такие же люди». До 1838 года чиновники были личными слугами князя, не имели определенного жалования, не пользовались никакими правами государственной службы и т. п. . Выход из положения, созданного деспотизмом Ми-

¹ С. Иванович. «Политичке и правне расправе», 1908. Здесь очень интересная статья о первом сербском законодательстве.

лоша, мог быть лишь один, конституция, — и с этим требованием Вук Караджич и обращается к князю. Это требование разделялось как приближенными к Милошу и сильными людьми, «великашами», так и народной массой, страдавшей от произвола и жадности князя. По словам современника, образованного Живановича, «каждый раз, когда совершалась какая-либо несправедливость, все кричали об уставе, ибо каждый думал, что устав разрешит все недоразумения, а что должен содержать в себе такой устав, того никто не мог объяснить вполне». Подчиняясь общему настроению, и сам князь Милош подумывает об уставе, который он поручает составить то своему секретарю, австрийскому сербу Давидовичу, то Караджичу, то целой комиссии. Эта последняя принялась за дело, но без определенного плана, несистематически, хватаясь то за французские, то за австрийские законы, «не зная, по словам одного мемуариста, в чем состоит их совершенство, и согласны ли они с обычаями нашего народа. Мы только слышали, что французские законы наисвободнейшие. Но как же мы удивились, когда во французском кодексе нашли слово *сервитут*, ибо по коренному его значению переводили его словом *рабство*. Подобно этому, слово *гипотека* было принято за *аптека*». Когда некоторые из законоположений были поднесены Милошу для рассмотрения, он с гневом вернул их, говоря, что не знает, были ли составители пьяны, или просто совсем глупы. На этом дело и остановилось; видно было, что следует выписать образованных людей и завести школы. Современная жизнь сербского народа хранила удивительную простоту. Иован Хаджич, приехавший в Белград в начале 30-х годов, дает следующую картину его: «В нем еще не было тогда твердо построенных домов; все они сделаны были по турецкому способу; не было ни гостиниц, ни хороших улиц. Только у Ефрема Обреновича да у митрополита были экипажи; даже редко кто ездил на телегах, запряженных лошадьми; обыкновенно ездили на волах. Европейского платья ни мужского, ни женского не было видно; показывавшиеся в нем были так редки, как белые вороны. Соборная церковь находилась в развалинах; служба совершалась в небольшой церкви, сделанной из бревен и досок, подле митрополичьего жилья; обязанности певчего отправлял в нем старый учитель Миша. Редко в домах встречались столы и стулья; их не было даже в княжеском дворце, за исключением канцелярии. Постели стлались прямо на пол; в доме Ефрема Обреновича только его дочь Анна имела кровать. Словом, все было по турецкому образцу».

Милош, заводя школы, позаботился и о книгах, для печатания которых завел большую типографию, снабжавшую учебниками и богослужебными книгами не только Сербию, но и Болгарию и Боснию. Наконец, с Австрией был заключен договор, по которому корреспон-

денция из Вены в Константинополь должна была направиться через Белград и Ниш. К этой австрийской почте примкнули и внутренние сербские почтовые сообщения. Вызванные Милошем австрийские инженеры осушили болота, образованные постоянными наводнениями реки Дрины. На месте их появились великолепные луга, где Милош поселил выходцев из Боснии, сделавшихся верными защитниками его границ от боснийских магометан.

Но во внутренней политике княжества господствовала прежняя беспорядочность. На скупщине 1 февраля 1834 г. Милош, уже предчувствуя беду, предостерегал от опасностей, могущих явиться следствием внутренних беспорядков, и указывал на то значение, какое приобрела Сербия: сам султан дал аудиенцию ее представителю. Далее, Милош воздавал горячую благодарность милостивому оттоманскому правительству, русскому государю и его послам в Константинополе (Строганову, Рибопьеру и Бутеневу), а также всем защитникам отечества. Потом князь перешел к вопросам управления. Обещая собрать в апреле великую скупщину для разрешения вопросов, он просил пока членов малой скупщины высказаться по вопросу о наилучшем способе управления, разделении его на попечительства (министерства) и т. п. Эти взгляды свои члены малой скупщины должны были сообщить народу и, обдумав все вместе с ним, принести готовые решения к апрелю. Призывая народ к участию в управлении княжеством, Милош снимал с себя единоличную ответственность и просил открыто высказывать ему все, что народу не нравится в его делах. Речь князя показалась большинству хвастовством, по его глухим намекам на предстоящие дела нельзя было составить себе понятия о том, чего он собственно хочет; апрельская скупщина так и не была собрана; она была отложена на неопределенное время, отчего неудовольствие Милошем продолжало возрастать, так что весь 1834 г. прошел в глухой борьбе против него. Вернувшись из Константинополя, Стоян Симиич стал во главе дворцового заговора, существование которого уже ни для кого не было тайной, кроме самого Милоша, проявившего удивительную близорукость: он продолжал доверять больше всего именно Симиичам. Милош вел себя неосмотрительно, увлекался придворным этикетом, ввел пышность. Страницы «Сербских Новин», которые появились в то время, были переполнены описаниями придворных торжеств, восхвалениями князя и т. п. Все это выливалось в наивные неуклюжие формы; даже о самых необходимых распоряжениях Милоша говорилось как о милостях его, дарованных народу и сопровождавшихся празднествами. Милош пользовался всяким случаем, чтобы явиться в глазах народа «отцом» его, государем высокопоставленным и милостивым; это еще больше поощряло толки о его властолюбии.

В конце 1834 г. произошел разрыв между князем и его приближенными. У Стояна Симича родился сын, и молодой Милан, сын Милоша, был приглашен в крестные отцы. Симичи жили в Крушевце, куда и отправился Милан с матерью, княгиней Любицей. Симич пригласил в Крушевац всех недовольных вельмож, которые, выражая наружную преданность Милошу, по вечерам совещались о мерах ограничения его власти. Накануне отъезда Милана и Любицы эти лица решили действовать на возможно большее число депутатов, которые должны были явиться на большую скупщину, назначенную на февраль; они решили восстановить этих депутатов против князя, с целью заставить его дать народу устав, отменить кулук, распространить на всех право пользования лесами и объявить свободной внешнюю торговлю скотом. Эти требования, симпатичные народу, должны были содействовать популярности заговора. В случае отказа решено было прибегнуть к силе оружия. Ополчения округов, где готовились восстание Симич и его единомышленники, должны были двинуться к Крушевцу во время большой скупщины, чтобы не выпускать князя из города, пока он не пойдет на все уступки. Некоторые из крайних, Протич и Симич, предлагали даже убить князя; другие настаивали на его отречении в пользу Милана и учреждении на время его малолетства регентства. Но член верховного суда, влиятельный Милета Радойкович, на которого заговорщики особенно надеялись, объявил себя решительным противником мер, клонившихся к отречению или убийству Милоша. Прислуга кн. Любицы догадалась о происходивших совещаниях и по дороге стала расспрашивать одного из заговорщиков, Милутина Петровича, который все и рассказал, а потом передал то же и Милошу, присовокупив, что известные лица покушались на самую жизнь его. Потом Милутин написал Симичу, что князю уже все известно. Это подлило масла в огонь, и заговорщики немедленно приступили к действиям. Они отправились в свои округа, чтобы набрать дружины и с ними занять Пожаревац, где был князь. Участвовавшие в заговоре члены верховного суда разослали от имени Милоша приказание в разные округа собрать поскорее войска и двинуть их к Крагуевцу, будто бы для того, чтобы предупредить готовившееся на Сербию нападение турок. Сюда же должны были идти ополчения «великашей». Заняв Крагуевац, они намеревались двинуться к Пожаревцу. Милош едва успел послать в Крагуевац Вучича, чтобы он во главе регулярного войска охранял казну и архивы. Между тем, к тому же городу подступали и восставшие. Не доходя несколько верст до Крагуевца, они остановились, и тут самый красноречивый из них, Авраам Петрониевич, обратился к шедшим с ним людям с речью, в которой обвинял Милоша в деспотических наклонностях, отступничестве от веры отцов, за что Бог послал на Сербию засуху и невро-

жаи, и в безнравственности личной жизни. Потом, видя, что войско слушает его неодобрительно, Петрониевич переменял тон, впал в грусть, уверяя народ в своей преданности Милошу, и всю вину сваливал на его приближенных. «Пойдем же, освободим его от этих ненавистных людей, заставим его выслушать наши жалобы и будем просить о прекращении наших бедствий». Так заключил свою речь Петрониевич. Тем не менее, нападение на Крушевац не было сделано; Вучич вооружил ополченцев, разослал в окрестные села приказ спешить на помощь к князю и вступил в переговоры с восставшими, которые задумали было спешить прямо в Пожаревац и там захватить князя. Но Милета Радойкович, считавшийся главой восстания, настаивал на сохранении старого плана, т.е. на созыве народных старейшин для составления петиции на имя князя с указанием на народные нужды. Этим он хотел предупредить междоусобную войну и склонить Милоша к уступкам. На это соглашался Вучич, который, пользуясь полномочием Милоша, согласился при условии мира впустить заговорщиков в Крушевац. Тогда от имени верховного суда начались переговоры с Милошем, а крайние оказались без поддержки в народе и даже среди заговорщиков.

Недовольные Милошем, но из хитрости носившие личину преданности ему, чиновники, желавшие, чтобы он бежал в Австрию, всячески запугивали его, рассказывая, будто Вучич перешел на сторону заговорщиков, что в Крушевац идут новые ополчения, которые могут Бог знает что сделать с Милошем, если он попадет в их руки, что, наконец, и семья князя против него. Милош решил бежать, ни с кем не простившись, но один из преданных ему сердарей открыл ему, что народ обманут и не даст князя в обиду. Милош успокоился и разослал приказы по Смедеровскому округу, чтобы все ополчались и шли к нему. Народ спешил толпами на помощь к князю и, вообще, проявлял привязанность к нему. Дело заговорщиков казалось потерянным. Только Милете удавалось еще сдерживать ополченцев от окончательного бегства. Вучич по-прежнему предлагал заговорщикам свое посредничество. Тогда эти последние собрали всех окрестных крушевацких чиновников и объявили им причины, вызвавшие их восстание, причем подчеркивали чистоту своих намерений и преданность отечеству. Узнав, что восставшие требуют некоторых административных реформ, а также свода гражданских и уголовных законов, Давидович, секретарь князя, заявил, что уже давно идут подготовительные меры для реформ, что кулук будет отменен, а в феврале соберется большая скупщина, которой будет предложен Органический устав, могущий удовлетворить все заявленные требования. Речь Давидовича была встречена с восторгом, но на его просьбы распустить войска вожди ответили, что они желали бы иметь доказательства мирных намерений князя. Но их приверженцы со-

всем остыли к делу, а княжеские уже подходили к городу с большими силами. Давидович, зная, что Милошу хотелось покончить дело без кровопролития, настаивал на посылке в Пожаревац депутации, к которой присоединился и Вучич. Князь согласился примириться с восставшими и простить их, если они немедленно разойдутся. Вучич, вернувшийся с ответом князя в Крушевац, не застал там уже никого: ни воевод, ни ополченцев. Милетина бунта (восстание) кончилось ничем.

Вскоре после этого Милош поехал в Крушевац, где еще раз простил заговорщиков, просил их впредь прямо ему заявлять, чем они недовольны, и не составлять заговоров, которые могут повредить всей Сербии. Чтобы приготовить к февралю обещанный устав, Давидович в две недели составил его соответственно современным теоретическим взглядам, но он оказался весьма слабым в практическом отношении. Кроме того, Милоша волновал еще вопрос — о поездке в Константинополь, куда он должен был явиться для принесения султану клятвы в верности. По поводу этого вопроса приближенные князя разделились на партии: одни, ожидая себе богатых подарков и воображая, какой вес получит Сербия, если ее князь будет принят султаном, советовали Милошу ехать; другие боялись, что князь не сумеет поддержать в турках такое мнение о себе, какое он успел внушить им, и что министры султана своей вкрадчивостью вытянут у Милоша излишние признания. Поэтому Давидович отговаривал князя от поездки, которую считал унижением для Сербии и слишком дорогой. И этот вопрос предстояло решить скупщине.

Хотя в 1833 г. Милош добился эвакуации 6 областей, еще занятых турками, и получил султанскую грамоту относительно точного определения границ и налогов, однако, глухое недовольство его правлением не прекращалось; народ требовал конституции. Во главе недовольных стояли высшие классы, возмущавшиеся деспотизмом князя; душой заговора сделался Стоян Симич, о котором мы уже говорили раньше. С другой стороны, Милошем были недовольны и турки, не желавшие покидать Белградской крепости, и босняки, которым Милош отказал в своей помощи, когда они хотели поднять восстание против турецкого правителя провинции. Тогда-то Милош почувствовал всю тяжесть власти и решил приступить неотлагательно к устройству конституционного правления. 15 февраля 1835 г. скупщина собралась в Крушевце. Здесь были предложены на обсуждение ее основы конституции, которые устанавливали сумму налогов и ставили закон во главу всей государственной жизни страны. Шесть ответственных министров и несколько советников составляли Государственный совет, решения которого подлежали санкции князя; совет представлял не только высшее законодательное, но и высшее административное учреждение Сербии. Однако, конституция не успоко-

ила страны. Кнезы опять начали свои интриги, которые они в Петербурге стремились выставить в качестве законных требований всего сербского народа. Из России был отправлен в Белград князь Долгорукий с новой конституцией, выработанной в Петербурге согласно с интересами Порты, которая боялась, чтобы влияние свободной Сербии не отразилось на настроении умов христианского населения Балканского полуострова, подчиненного Порте. Результатом соединенных действий России и Турции был Устав, предложенный Милошу в конце 1838 года и остававшийся в силе до 1860 года. Устав был дан от имени султана визирю и князю, причем последний был упомянут после визиря. Султан говорил здесь о том, что он вверяет внутреннее управление страной в руки князя с предоставлением ему следующих прав: 1) назначать чиновников; 2) приводить в исполнение свои распоряжения; 3) командовать всеми войсками, потребными для сохранения порядка внутри страны; 4) распределять и собирать подати и налоги; 5) судить и налагать наказания; 6) назначать комиссии и отдавать распоряжения. Сам князь должен был выбрать 3-х лиц, которые будут подчинены его приказаниям и составят, вместе с ним, центральное правительство страны (между ними распределяются обязанности министров внутренних дел, финансов и юстиции). Сам же князь из людей, которым доверяет народ, избирает Совет 17-ти, который перед вступлением в должность приносит совместно с князем присягу в том, что он не будет действовать вопреки народным интересам, совести и воле султана; на Совет возлагается обязанность утверждать налоги и законы, решать спорные дела с казной, определять штаты чиновников и ежегодный бюджет страны, выработать законы о милиции. Каждому сербу была гарантирована личная свобода, неприкосновенность (без суда его не могли заключить в темницу; без специального прокурорского приказа его нельзя было подвергнуть допросу; предварительный арест по обвинению, налагаемый местной властью без суда, не мог превышать 24 часов и т. п.); он был обязан платить лишь законом установленные налоги. Одним словом, Устав 1838 г. даровал сербам немало конституционных прав, но зато они были признаны официально султанскими подданными, и Милош оказывался их князем лишь в силу соизволения Порты. Независимость Сербии и ее право на перемену форм правления, таким образом, совершенно отрицались, и сербам был сделан косвенный намек на это в следующих словах фирмана: «Я советую всем сербам вообще подчиняться всем требованиям князя, поскольку они согласуются с законами и учреждениями страны, и показать себя достойными цивилизации, на которую они претендуют».

Несмотря на несколько унижительное положение, в которое Сербия была поставлена этим уставом, нельзя не признать, что он давал ей очень

существенные выгоды: 1) он весьма подробно определял роль различных органов местной и центральной власти; 2) он полагал пределы тем правительственным колебаниям, которые до него имели место в Сербии. Как бы то ни было, но конституция 1838 года пережила все остальные. На основании этого устава Милош начал набирать новый Совет, в состав которого включил и своих личных врагов, деятелей восстания 1835 г., между прочим, и Вучича; но они немедленно принялись за старые интриги. Препятствуя всем начинаниям князя, они довели дело до того, что правительство оказалось совершенно не в состоянии действовать; они задумали даже привлечь самого Милоша к ответу пред Советом относительно государственного бюджета. Милош понял, что от него хотят всеми способами отделаться; его приверженцы, среди которых было и простонародие, не забывшие крупных заслуг Милоша в первые тяжелые годы, собрались в Шумадии и оттуда двинулись к Белграду. Совет послал на встречу им войска. Однако, Милош оказался настолько благороден, что не захотел допустить междоусобной войны; он велел своему брату Иовану и другим своим приверженцам сложить оружие и согласился отречься от престола. 13 июня 1839 года митрополит прочитал акт его отречения, и Милош, к большому прискорбию народа, удалился в изгнание в одно из своих валашских поместий. Акт отречения, подписанный за Милоша его сыном Михаилом, так как он сам не умел писать, был составлен в пользу его старшего сына Милана, который и вообще отличался слабым здоровьем, а в это время был как раз тяжело болен. Поэтому было учреждено регентство, во главе которого стоял один из прежней партии недовольных, Авраам Петровиич. Вместе с ним правителями были назначены его единомышленники — Ефрем, брат Милоша, и Фома Вучич. Милан прохворал около месяца и, может быть, даже не зная о своем избрании, скончался 26 июня 1839 г. от чахотки.

При всех своих отрицательных сторонах, чрезвычайно характерных и для последующей эпохи в сербской истории и потому заслуживавших более детального освещения, княжение Милоша было чрезвычайно важно. В начале его деятельности Сербия была еще бунтующейся райей в глазах турецкого правительства; при его низвержении Сербии уже не грозило никакой опасности опять попасть в турецкое иго. Раз навсегда это государство вырвалось из турецких тисков. Внутреннее положение Сербии, как ни мало порядка еще было в нем, все же составляло большой прогресс по сравнению с временем Кара-Георгия: с 1835 года начали составлять правильный государственный бюджет на текущий год; с этого же времени возникает постоянный главный контроль (в ведении Государственного Совета) над расходами государства; в 1830 году Сербия получила право свободно устраивать школы, и в то же время была заведена Выс-

шая школа, которая должна была готовить народных старейшин; несколько лет спустя она была переименована в гимназию; в 1837 году открылись еще 3 гимназии, а в 1838 году — Великая школа, род высшего учебного заведения, в котором скоро возникли два отделения, богословское и юридическое, выпускавшие священников и чиновников¹; были заведены специальные военно-учебные заведения, довольно большое число основных народных училищ (80) и т. п. Все это должно было содействовать переходу Сербии к новым формам народного быта и государственного существования. Отрицательной стороной этого преобразования являлся наплыв посторонних учителей новой жизни, иностранцев, — общая участь государств, совершающих быструю ломку своего старого строя. Такими иностранцами в Сербии являлись элементы, не чуждые народу по крови, но успевшие сделаться чуждыми ему по культуре. Это были потомки тех сербов, которые переселились в Австрию, там привили себе вкусы и воззрения австрийской бюрократии и вернулись на родину для занятия различных чиновничьих должностей уже в качестве «швабов». Погоня за внешними отличиями, презрение к простому люду и т. п. делали этих людей чрезвычайно непопулярными в народе; в значительной степени эти элементы содействовали бюрократической анархии, вызвавшей столько осложнений в дальнейшей жизни Сербии. А, кроме того, тяжелым камнем лежало на ней соперничество двух династий. Сам же Милош был большой интриган и немало мутил и в следующие годы. Когда умер Милан, вопрос о престолонаследии поднялся с новой силой. Сенат решил сохранить лоялизм по отношению к династии Милоша и на место умершего князя избрали его брата Михаила, 17-летнего юношу, удалившегося вместе с отцом в Валахию. В Константинополе, куда ездил представляться Михаил, ему был оказан самый лестный прием, в то время как в Белграде враждовавшие партии втягивали в свои распри войска и этим содействовали общей дезорганизации. Михаил спешил домой и в марте 1840 года прибыл в Белград. Народ встретил его чрезвычайно радушно; но регенты, назначенные Портой в качестве опекунов молодого князя, не желали допускать его до активной деятельности, тогда как народ был возмущен правлением корыстных и депотических регентов и требовал суда над ними. Приглядываясь к настроению народа, Михаил чувствовал под собою настолько крепкую почву, что потребовал от Вучича и Петрониевича публичного отчета в своих действиях перед скупщиной. Они предпочли обратиться к турецкому заступничеству и укрылись в Белградской крепости; тогда Михаил со-

¹ История этой школы за 50 лет дана в статье Р. Николаевича в «Годишнике» Ник. Чупича. 1891, кн. 12.

вершил много перемещений в администрации и взял власть в свои руки, приблизив к себе австрийского серба Радичевича. Окруженный интригами, которые вели и его ближайшие родственники, в том числе мать его, завидовавший ему отец и дядя Ефрем Обренович; опасаясь не дремавших регентов, ведших деятельные переговоры с Австрией; одним словом, не имея уверенности почти ни в ком, — молодой князь не мог быть особенно разборчив в средствах, и к тому же ему приходилось действовать вопреки народным желаниям и даже увеличить налоги, введенные регентами и особенно волновавшие народ. Наконец, Михаил вернулся и Вучича, и Петрониевича, думая расположить их этим шагом в свою пользу, но в своих расчетах он ошибся: регенты продолжали свою подпольную работу и летом 1842 года вызвали восстание против князя, который с несколькими тысячами своих приверженцев двинулся против Вучича. Начались переговоры; на вопрос: почему Вучич восстал против князя, тот стал уверять его в своей преданности Михаилу, но мотивом недовольства выставлял самовластие недостойных министров, недоверие к старым слугам династии, наконец — что было самое чувствительное для народа — ссылаясь на тяжесть налогового бремени и требовал его ограничения. За спиной восставших «уставобранителей» стояла Австрия. По словам Н. Попова (т. II, стр. 131), «в это время снова выступило со своими интригами австрийское правительство, нашедшее более выгодным для себя поддержать партию уставобранителей (т.е. регентов, отставивших конституцию). Оно опасалось, чтобы победа над ними Михаила Обреновича не восстановила спокойствия в Сербии и не дала ей возможности распространить свое влияние на волновавшихся в Боснии и Болгарии христиан. Старый Милош был уже в руках Австрии, ибо, по требованию Порты, переселился в Вену, куда вскоре приехал и Ефрем Обренович». Благодаря искусным интригам регентов и венского правительства, Михаил, в конце концов, остался чуть не один и должен был с несколькими министрами бежать в Землин. Преемник Михаилу был припасен уже давно. Это был сын покойного Кара-Георгия — Александр, который в 1840 году был возвращен в Сербию и сделан адъютантом князя Михаила. Это был человек уже не первой молодости, не отличавшийся ни образованием, ни умом. Поэтому нужно было прибегнуть к турецкому содействию, чтобы сделать его, на место Михаила, князем Сербии; за турецкой помощью укрывалась более действительная австрийская интрига, тонко веденная наперекор России генералом Гауером. И это убеждение «уставобранителей», что отныне покровительство над Сербией переходить в руки Австрии, придало совершенно определенный австрофильский характер политике нового князя, тогда как Россия высту-

пила против него с заслуженной враждебностью. По требованию России, были произведены новые выборы князя, но они дали те же результаты: Народная Скупщина остановилась снова на Александре Кара-Георгиевиче, который был признан теперь и Россией и княжил до 1858 года. Нет сомнения, что этот период для Сербии был очень важной эпохой устройства внутренних отношений; правда, это устройство совершалось в орбите австрийского влияния, но все же темные стороны этого княжения отступают на задний план перед его деятельностью на пользу народной культуры.

Первой заботой Александра было составление свода законов, которого в Сербии еще не было; в 1844 году появился этот «Гражданский законник», который с некоторыми изменениями остается в силе и донныне; несколько позже был учрежден кассационный суд, и вообще, как замечает один почти современный историк сербского права, «организационные способности и права сербского народа на культурно-историческое и политическое развитие были доказаны неопровержимым образом»¹. Действительно, за эти 16 лет в истории внутренней жизни было сделано очень много, как показывает уже самый перечень учреждений, введенных при Александре: ведь все приходилось устраивать наново, по европейским образцам, и вполне естественно, что заимствовались самые близкие, самые знакомые образцы, т.е. австрийские формы политического существования. В области народного просвещения впервые был введен некоторый порядок в среднее образование учебным планом 1845 года и деятельностью И. Поповича, который создал организацию сербских школ². Тогда же были устроены учебные заведения для девочек, открыта целая сеть воскресных школ, земледельческая школа и высшее военно-учебное заведение — военная академия (1850) для подготовки офицерского состава армии; «Общество Сербской Словесности», учрежденное несколько раньше, стало развивать более широкую научную деятельность при Александре Кара-Георгиевиче. Следует указать на то, что в это же княжение устроены народная библиотека, телеграф, больница в каждом округе, целый ряд фабрик (стекольная, суконная) и т. п. Вся эта энергичная работа над культурным возрождением сербского народа заставляет признать выдающееся значение за княжеством Александра, хотя лично он и не представлял привлекательной личности и не пользовался популярностью в народе. Вследствие этого приверженцы Обреновичей подрывали авторитет враждебной династии Кара-Георгиевичей и несколько раз вызывали движения против этих последних. Так, в 1844 году был от-

¹ «Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbien» von Dr. E. I. von Tkalac. 1858.

² История средних школ в Сербии с литературой предмета в статье М. Шевича «Средне школе у Србији». 1906.

крыт заговор против Александра, подстроенный Милошем; его руководитель, Раевич, был арестован и погиб в тюрьме; это было в январе, а в сентябре того же года приверженцы Обреновичей стали во главе плохо организованного мятежа, который удалось усмирить без особенного труда, и на несколько лет в Сербии воцарилось спокойствие.

Наступил 1848 год, когда во всей Австро-Венгрии наступило сильное брожение среди национальностей, страдавших от процесса централизации и германизации. Это движение не могло не охватить и венгерских сербов, которые в мае 1848 года провозгласили в Карловцах образование отдельного герцогства и патриаршество¹. Венское правительство, желая воспользоваться сербами против мадьяр, охотно признало за ними те привилегии, которых они добивались, согласилось на образование отдельной сербской территории в Венгрии и дало карловацкому митрополиту титул патриарха. Но когда венгерское восстание было подавлено русскими войсками, Австрия поспешила отнять у сербов те привилегии, которые им дала, за исключением титула патриарха, и процесс германизации начался с новой силой. В княжестве Сербском движение соплеменников встретило чрезвычайно сочувственный отклик: в официальном органе «Српске Новине» было прямо указано на цель движения, поднявшего народы Австрии для того, чтобы они добыли то, «чем сербский народ, живущий в Сербии, пользуется уже давно, имея свое собственное правительство и свою конституцию». Тем не менее, князь Александр явно не помогал восставшим; он только не возбранял переходить на ту сторону Дуная, а сам поддерживал самые дружелюбные отношения с венским двором. В органе правительства писалось, что немецкая Австрия должна превратиться в славянскую Австрию², но Сербия, как государство, сохраняла нейтралитет; и в ней самой было не все благополучно: шла партийная борьба, раздоры честолюбцев, среди которой славился своими интригами старый Фома Вучич; княжеская власть теряла свой престиж в народе. Как замечает Н. Попов, «никогда еще не были в такой силе шпионы и доносчики при сербском правительстве, как в это время крайнего упадка княжеской власти и народного недоверия к своему правительству. Слабость внутри отражалась и на внешних отношениях. Турки никогда еще не имели такого влияния на дела Сербии, никогда еще не пользовались такой безнаказанностью за свои злодейства, со времен

¹ М. Павлович. «Србија и српски покрет у јужној угарској 1848 и 1849» (Београд, 1904). А. Погодин. «Процесс о великосербской пропаганде» («Москов. Еженед.», 1909, № 8).

² См. И. Ристич. «Спољашњи одношаји Србије новијега времена» (1887, кн. 1).

освобождения Сербии Милошем, как теперь. Кара-Георгиевич властвовал благодаря Порте, и потому смотрел сквозь пальцы на действия турок». Отношения к России охладели. Александр не мог забыть противодействия, оказанного ему Николаем I, и старался угодить Порте, свирепо расправлявшейся с национальными движениями в Болгарии и Боснии; дело дошло до того, что через английского посланника в Константинополе князь Александр предлагал султану 15000 дукатов из сербской народной казны для усмирения сербского движения в Боснии. Заигрывая перед Австрией, заявляя венскому правительству, что его первая забота — «быть угодным правительству его императорского и королевского величества», князь Александр держался все более вызывающе по отношению к России, хотя император Николай наградил его орденом Белого Орла за его нейтралитет во время сербского восстания в Воеводстве (Войводине). Назначение одного из либеральнейших австрофилов, Ильи Гарашанина, на важнейший административный пост княжества был своего рода вызовом русскому правительству, и русский консул, Туманский, отнесся к нему отрицательно, а Гарашанин запретил сербам ходить в русское консульство. Между тем, началась Крымская кампания, в которой Сербия могла бы оказать России известную помощь, отвлекши часть турецких войск. Поэтому европейская дипломатия, имея во главе сербского правительства такого горячего приверженца, как Гарашанин, спешила раззадорить Сербию против ее северной покровительницы; следовало, наконец, избавить сербского князя от «несовместного с его достоинством» покровительства России. Дело дошло почти до полного разрыва дипломатических отношений, и Гарашанину пришлось выйти в отставку, хотя фактически он продолжал руководить сербской политикой. На требование русского консула удалить из состава правительства еще несколько человек князь Александр ответил отказом. Совет, подобранный соответствующим образом, обратился к белградскому паше и иностранными консулам с жалобой на «тиранство» России; попечительство внутренних дел разослало по округам циркуляр о «притязаниях России», и между русским представителем, Туманским, и сербским правительством прекратились всякие отношения. Но немилость России погубила Кара-Георгиевича; она произвела удручающее впечатление на народ, и приверженцы Обреновичей подняли голову. События дали возможность Александру продержаться на престоле еще несколько лет, потому что Европа, занятая Крымской войной, было не до него. За это время он приобрел некоторые выгоды: в 1853 году Порта выдала князю грамоту с подтверждением его прав и привилегий Сербии, а Парижский конгресс (1856) наградил сербского князя за нейтралитет статьей, гласившей, что «княжество Сербское остается, как прежде, под верховной властью Блист

тельной Порты, согласно с императорскими хати-шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества оного при общем совокупном ручательстве договаривающихся Держав. Вследствие сего означенное Княжество сохранит свое независимое национальное управление и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства».

Несмотря, однако, на это, ни Россия, ни Австрия не были довольны Александром; последняя негодовала на то, что Сербия сохранила нейтралитет и не имела в виду поддерживать Кара-Георгиевича. Внутри страны также назревало все большее недовольство; среди главных вельмож Державного Совета был открыт заговор на жизнь князя, так как Милош сумел привлечь их на свою сторону, и в этом ему помогала русская дипломатия. В 1857 году вспыхнуло восстание, которое Александр подавил с большой жестокостью. Это еще более подорвало престиж князя Александра в общественном мнении, и он пустился на разные меры, чтобы добиться популярности; так, он вернул к власти Гарашанина и даровал право голоса при избрании в народную скупшину всем лицам мужского пола, достигшим 25 лет. Но все это не помогло, и первая скупщина, собиравшаяся в 1858 году, объявила низложение Александра Кара-Георгиевича и возвращение Милоша. Александр первый должен был убедиться в том, что всякая политика Сербии, направленная против России, приводит к краху. Но на отречение от престола князь не согласился; он предпочел удалиться в белградскую крепость под охрану турецкого гарнизона, и на другой же день скупщина объявила его лишенным княжеского достоинства и власти и провозгласила сербским князем с правом наследственности старого Милоша. С помощью иностранных консулов удалось предотвратить возможное междоусобие; по уговору русского консула, польско, сначала было готовившееся вступить за права Александра, перешло на сторону народа, который был в восторге от совершившегося переворота. Непопулярный князь, метавшийся во все время своего правления между различными европейскими влияниями, покорное орудие в руках то Австрии, то Англии и Франции, то Порты, утративший наследственность княжеского сана, завоеванную кровью народа, не заслуживает, тем не менее, того враждебного отношения, с которым говорят о нем сербские и русские историки. Ему пришлось проводить утлое суденышко сербской государственности в самое трудное время, когда Россия уже утрачивала свое значение в ближневосточном вопросе, когда Англия поставила одной из своих важнейших задач сохранение сильной Турции, а Австрия, оправившись от потрясений наполеоновских войн, решительно утвердила свою исконную политику на Балканском полуострове. Лавировать между всеми этими подводными камнями, выбирая каждый раз попутный ветер, было нелегко, особенно для государя, который и на

престол-то вступил против воли державы - покровительницы. При этих условиях Александр Кара-Георгиевич сделал все-таки немало; правда, он снова поставил Сербию по отношению к Турции в совершенно недостойное положение; правда, он прививал народу чуждые ему бюрократические тенденции Австрии, но, вместе с тем, он содействовал введению сербского княжества в систему цивилизованных государств Европы.

Милош торжественно вернулся на родину после двадцатилетнего отсутствия; европейские державы признали его немедленно так же, как и Турция; в народной скупщине, к которой Милош обратился с пышным воззванием, ему ответили красноречивой речью с перечислением его заслуг перед отечеством. Но в султанском фирмане, подтверждавшем избрание Милоша, ничего не было сказано о наследственности княжеского престола, и это вызывало в народе большую тревогу. Это и послужило началом тех осложнений в сербско-турецких отношениях, которые закончились уже в княжение Михаила Обреновича неблагоприятно для Турции. Скупщина решила, помимо признания со стороны Порты, считать Милоша наследственным сербским князем; вслед затем Милош приступил к очистке администрации от таких элементов, которые были особенно ненавистны народу. «Члены свято-андреевской скупщины (1859) могли возвратиться к своим обычным занятиям с чувством полного удовлетворения, но переворот, совершенный ими, изменил коренным образом не только общее положение дел в стране, но и господствовавшие до тех пор политические и общественные убеждения. Внутренние дела в их отечестве и теперь еще много зависели от личных взглядов князя и советников, его окружавших; но последние события вынесли с собою вперед немало новых людей и посеяли в народе более свободные стремления. Кроме того, новая династия вполне отвечала желаниям целого народа в делах внешних; ее прошедшее было полно преданий о борьбе за освобождение сербской земли от чужого владычества и чужих влияний» (Н. Попов, «Сербия после парижского мира»). Соответственно с этими традициями началась и новая политика по отношению к Турции: турецкий гарнизон в Белграде, пользуясь слабостью князя Александра, бесчинствовал до такой степени, что даже иностранные консулы не чувствовали себя в безопасности от него, и еще в 1858 году турецкие солдаты совершили нападение на английского консула. С этим следовало покончить, и Милош отправил в Константинополь депутацию с требованием запретить туркам селиться в Сербии, за исключением пограничных крепостей, так как турки за эти двадцать лет опять широко расселились по княжеству; кроме того, депутация добивалась признания наследственности княжеского сана за Обреновичами. Оба эти требования основывались на международных трактатах, но правительство Порты отвечало на них с обычной

уклончивостью. Поэтому Милош имел право провозгласить, что он будет считать исполнение этих требований обязательным для Порты, и скупщина подтвердила это решение князя. Милош умер в сентябре 1860 года; он успел и за это короткое время своего княжения восстановить против себя очень многих, так как решительно не был в состоянии отказаться от своих деспотических стремлений; годы ссылки развили в нем особую страсть к мелким интригам, которые делали общение с ним невыносимым для окружающих; опять началось брожение. Смерть Милоша, давно ожидавшаяся оппозицией, развязала ей руки, и новый князь, Михаил Обренович, был также на стороне недовольных. Со вступлением на престол он круто переменял систему внутреннего управления, но его внешняя политика пошла по пути, продолженному Милошем.

Как личность нового князя, так и его деятельность заслуживают особенного внимания. По-видимому, государственное чутье Милоша передалось ему, но в форме более культурной, чем у первого Обреновича. Михаил поставил себе большую задачу, которой он не разрешил, но которая, как всегда бывает в таких случаях, помогла ему уберечься от мелкого политиканства, погубившего его отца. Эта задача заключалась в объединении всего сербского племени, а затем и всех славян Балканского полуострова. Казалось, что момент благоприятствует для осуществления этой цели: Австрия переживала критический момент, потерпела ряд поражений от Италии и Германии, болезненно переходила к дуалистическому строю; Турция была уже давно «больным человеком», и с ней не приходилось особенно считаться. Но нужно было выждать время для начала действий. Горячий сторонник политики Михаила, укрывшийся под псевдонимом М.М.М., призывает в брошюре: «Князь Михаил и будущее южных славян» объединиться под его властью, когда «на могилах старой южнославянской свободы загремят святые слова: восстаньте, пришло время вам воскреснуть»¹.

С самого вступления своего на престол князь Михаил обнаружил полное нежелание поддерживать старые унижительные отношения с Турцией. Уже в 1860 году он потребовал, чтобы султанский берат был прочитан не у ворот Белградской крепости, но в княжеском дворце, и после прочтения этого указа просил передать султану чувства преданности к вер-

¹ О князе Михаиле довольно большая литература, из которой я назову здесь *D. Ignjatowitsch*. «Die zweite Regierung des Fürsten Michael von Serbien» (1888). *M. Vesnitch*. «Le prince Michel Obrenovitch. Ses idées sur la confédération balcanique» («Annales internationales d'histoire», 1899). *V. Rachitch*. «Le royaume de Serbie» (Paris, 1901). *Н. Попов*. «Сербия и Порта в 1861—67 гг.» («Вестн. Европы», 1879, № 2—3).

ховному обладателю Сербией вместе с заявлением, что он будет управлять на строгом основании законов и в соответствии с национальными учреждениями. Этот ответ вызвал большое недовольство в Константинополе; но Михаил сдержал свое слово и твердо стоял на почве закона, в отличие от своих предшественников, Милоша и Александра. Преображенская скупщина 1861 года выразила князю полное доверие и провела четыре важные реформы, которые почти совершенно устраняли возможность вмешательства Порты во внутренние дела Турции. Прежде всего была проведена реформа сената: именно, § 17 Устава, который ставил в зависимость от согласия султана смещение сенаторов и этим открывал возможность борьбы сенаторов, опиравшихся на Турцию, с княжеской властью, подвергся изменению в том смысле, что это право предоставлялось князю; такая реформа, во-первых, освобождала сербского князя от возможности со стороны Порты сеять раздоры внутри сербского государства, а, во-вторых, уничтожала постоянный очаг междоусобий, в который обратился сербский сенат за последние 20 лет. Тем больше прав предоставлялось теперь скупщине, которая собиралась, по новому закону, через каждые три года из свободно избранных народных представителей. Законы о наследовании и податях должны были ввести порядок в финансовое управление страной, тогда как чрезвычайно важный закон об учреждении постоянного народного войска в 50000 человек, закон, встреченный в народных массах с большим сочувствием, был направлен прямо против турок, которые на границе, от устья Тимока до устья Дрины, расположили значительную армию. Эти меры должны были вызвать опасения со стороны Порты, и она обратилась к европейским державам с жалобой на сербского князя. Отношение держав к политике Сербии раздвоилось: Англия, считавшая необходимым поддерживать Оттоманскую империю, и Австрия, боявшаяся панславистских увлечений князя Михаила, решительно поддерживали жалобы султана; Франция и Россия стояли на противоположной точке зрения. Князь Горчаков отвечал, что «наследственность составляет право Сербии, издавна признанное и нигде не отмененное. Перемены в некоторых правительственных учреждениях Россия рассматривает как внутренний сербский вопрос, и если Порта уверяет, что эти перемены нарушают права, которые она желала бы сохранить неизменными для сербского народа, то ей не следует быть более ревностной в этом случае, чем сам сербский народ, представительницей которого и была скупщина. Что же касается народного войска, то князь Горчаков напоминал, что оно имеет целью охранение порядка и безопасности внутри Сербии»¹. Порта не могла удовлетвориться таким ответом

¹ Ср. Р. Жигарев. «Русская политика в Восточном вопросе», т. II, 1896.

и, опираясь на сочувствие Англии и Австрии, готовилась расправиться с притязаниями Сербии. Гнев султана на князя Михаила был тем больше, что в 1862 году вспыхнул мятеж в Герцеговине, и Порта не без основания видела здесь участие сербского государя. Фраза, сказанная им два года позже, когда Сербия вместе с Грецией готовилась к войне с Турцией: «Босния, Герцеговина и Старая Сербия должны быть моими», — выражала давнишнее настроение Михаила, о котором в Константинополе отлично были осведомлены. И вот казалось, что наступило время прекратить слишком смелые замыслы сербского вассала; войско на сербской границе было увеличено; турки искали предлога, чтобы начать враждебные действия против Сербии. Драка на площади между турецкими солдатами и сербами послужила для турецкого гарнизона предлогом для открытия по городу пальбы из пушек. Вмешательство иностранных консулов положило конец этой дикой вспышке национальной ненависти, и международная конференция, собравшаяся через два месяца (в августе 1862 г.) в Константинополе, постановила настаивать на выселении турок из Сербии, за исключением крепостей (Белграда и Шабаци). Но, разумеется, таким исходом дела князь Михаил не мог удовлетвориться; он весь ушел в планы борьбы за полную независимость Сербии. В 1864 году народная милиция была преобразована в постоянное войско со всеобщей трехлетней воинской повинностью; в следующем году было торжественно отпраздновано 50-летие Таковского восстания, и уцелевшие в живых участники его награждены медалями; велись переговоры о совместных военных действиях с Черногорией, вождями болгарского народа, Грецией и даже с венгерцами. Но до войны дело не дошло.

Михаил решил действовать через посредство европейских держав, которые в 1867 году относились к сербскому вопросу иначе, чем несколько лет назад; во главе австрийского правительства стоял либеральный барон Бейст, и, вообще, курс австрийской политики по отношению к славянам несколько изменился; эта перемена отразилась и на Англии, так что нота сербского князя, переданная великому визирю и заключавшая просьбу об уступке Сербии крепостей, встретила сочувственную поддержку у представителей европейских держав в Константинополе; только Австрия настаивала, чтобы переданные сербам крепости были разрушены; когда же это не удалось, и австрийская печать принялась бранить Бейста за излишнюю уступчивость, он отвечал, что Белград не представляет никакой опасности для Австрии. Турция оказалась неожиданно податливой. Ив. Ристич, бывший представителем князя Михаила в Константинополе, рассказывает в своих мемуарах закулисную историю этих переговоров и объясняет уступчивость Порты советом Англии, которая, в свою очередь, опасалась союза между Сербией и Грецией. Как бы то ни

было, султан не только уступил сербам пограничные крепости со всем их снабжением и без всякой притом компенсации, но и оказал князю Михаилу блестящий прием в Константинополе. Таким образом, без всяких материальных потерь Сербия добилась блестящего успеха, и русская дипломатия горячо приветствовала ее князя. С апреля 1867 года Сербия освободилась совершенно от турецкой зависимости, и оставалась лишь тень ее в виде турецкого флага, который должен был развеваться на крепостях рядом с сербским.

В скором времени, однако, отношения между Россией и Сербией стали сильно портиться. Австрия, к которой все более примыкала Франция, опасавшаяся после Садовой своего обособления, решила приступить к активной деятельности на Балканском полуострове, так как это был для нее единственный путь возможного влияния на ход европейских событий. С этого момента начинаются упорные стремления Австрии приобрести Боснию и Герцеговину и втянуть в орбиту своей политики Серию. В августе 1867 года произошло свидание между графом Андраши и князем Михаилом, на котором они с глазу на глаз вели в продолжение четырех часов переговоры; содержание их до сих пор неизвестно, но, по-видимому, стоит в связи с теми предложениями поддержки династии Обреновичей за отказ от Боснии и Герцеговины, которые делались Австрией и позже. Во всяком случае, в русских дипломатических сферах это свидание произвело самое отрицательное впечатление, которым объясняется и позднейшее отношение России к Сербии¹. Не нравилась русскому правительству и близость Михаила к Гарашанину, который не пользовался никаким доверием в Петербурге, хотя из австрофила сделался русофилом (процесс, переживавшийся нередко сербскими политическими деятелями; напр., известным дипломатом Ст. Новаковичем). Вместе с тем, развивалось недовольство князем и в самой стране. Приверженцы Кара-Георгиевичей кричали, что Михаил, подобно Милошу, презирает свой народ и ищет опоры в чиновничестве. Один из горячих сторонников Кара-Георгиевичей пишет следующие строки: «Вводя такой порядок и устанавливая такие отношения к народу, старый Милош умер, предоставив сыну своему Михаилу наследовать это направление, которое впоследствии отозвалось катастрофой 1868 года в Топчидере». Эта несправедливая оценка, сделанная так много лет спустя после смерти Михаила, рисует атмосферу, в которой происходили династические распри между Обреновичами и Кара-Георгиевичами². Причина народного недовольства

¹ См. об этом в книге Т. Пророковича «Невесиньска буна 1874 и почetak устанка у Герцеговини 1875 године». Б. 1905.

² Ф. Вацетич. «Народ и княжеская власть в Сербии». 1882.

определяется одним из современников тем, что во главе правления стояли реакционные элементы, из которых, кроме старого Гарашанина, превратившегося из либералов в ярые консерваторы, особенно ненавидим был министр внутренних дел, Никола Христич¹. Князь сделал уступку народному мнению, заменив Гарашанина Иваном Ристичем, но Христича он оставил у власти. В народе росло недовольство; но личность князя пользовалась большим обаянием, и было известно, что Михаил выразил согласие на выработку новых основных законов; по желанию скупщины, он принял отставку Гарашанина, и, во всяком случае, той пропасти, которая была нужна сторонникам Александра Кара-Георгиевича для его возвращения на престол, между князем и народом не было. Кроме того, ходили слухи, что Франция и Австрия согласны передать сербскому князю управление Боснией, если он не будет настаивать на прекращении вассальных отношений к Турции. Поэтому народ был предан Михаилу. На это не рассчитывали заговорщики, которые уже в марте и апреле 1868 года стали организовывать в Белграде убийство князя. В парке Топчидере, около Белграда, 29 мая того же года Михаил был убит; убийцы были захвачены и едва спасены от разгневанной толпы. Возмущение было настолько велико, что собравшаяся в скором времени Великая Скупщина постановила навсегда исключить из числа претендентов на сербский престол династию Кара-Георгиевичей. Из Обреновичей же был лишь один человек, который мог претендовать на престол, да и тот был еще несовершеннолетним. Именно, внук Ефрема Обреновича, двоюродный племянник князя Михаила, Милан, 14-летний мальчик, учился в Париже в то время, как в Топчидере произошло печальное событие, выдвинувшее его слишком рано на престол. Военная партия, с министром Блазнавадом во главе, решила выбрать сербским князем его, а на время его несовершеннолетия учредить регентство, в состав которого вошли Блазнавац, Ив. Ристич и Ив. Гаврилович. На ближайшую сессию Великой Скупщины они внесли новый проект конституции, вырабатывавшийся еще при Михаиле. Он был необходим с переменой вассальных отношений к Турции, а, кроме того, с изменением Державного Совета следовало точно определить функции Народной Скупщины. Новый Устав стремился точно разграничить власть исполнительную и законодательную, причем эту последнюю скупщина разделяла с князем, и только князю принадлежала законодательная инициатива; без одобрения со стороны скупщины законопроект, предложенный князем, не мог получить силу закона; ответственности министров перед скупщиной и перед князем

¹ E.L. Mijatovics. «The history of modern Serbia» (события до 1868 г.).

Устав не вводил. Наряду с Народной Скупштиной учреждался Державный Совет, члены которого назначались князем, признавались «чиновниками» и имели совершенно специальные функции, которые не позволяют отождествлять этот совет с верхней палатой законодательных учреждений. Народной Скупштинe принадлежало важное право привлекать к судебной ответственности министров за измену, нарушение конституции или корыстные поступки. Таким образом, если Устав 1869 года и не вводил парламентаризма, то, во всяком случае, конституция, выработанная регентами, представляла Сербии гарантии правового строя, основанные на широком признании прав народа. Роль князя в скупштинe сводилась к его праву назначать на три народных депутата одного своего; но вся исполнительная власть отдавалась в его руки, и это преобладание власти исполнительной над законодательной, функции которой она имела право исполнять в известных случаях, соответствовало тогдашнему положению вещей и назревавшему конфликту с Портой. И, вводя свою конституцию, крагуевацкая скупштина уже не сочла нужным обратиться за разрешением к султану. В августе 1876 года Милан достиг совершеннолетия и принял от регентов власть. Он был воодушевлен теми же идеями, которые волновали его дядю, князя Михаила, но у него не было той широты мысли и глубины замысла, которые отличали покойного князя, который давно подготавливал объединение сербского племени и после изгнания турок из Белграда учредил мечеть для сербов-мусульман из Боснии и Старой Сербии. Милан был человек с большим темпераментом, способный на геройский поступок, на сильный душевный подъем, но вне этого человек беспринципный, малокультурный, склонный к мелким интригам. В годы большого национального движения сербского народа он сыграл большую и почетную роль, но вслед за этим его нравственное падение было ужасно. Видимо он махнул рукой на все.

В семидесятых годах столкновение турок с христианским населением северной части Балканского полуострова висело в воздухе: волновались болгары, герцеговинцы. Уже в конце 1874 года вспыхнуло восстание в герцеговинской деревне Невесинье, а в следующем году оно охватило всю Боснию и Герцеговину, провинции, которые Сербия и Черногория считали своим естественным приобретением на случай изгнания из них турок, не зная, что по этому вопросу уже давно ведутся переговоры между русским, австрийским и прусским дворами, и что этими державами в принципе решено не отдавать названных провинций ни Сербии ни Черногории. В июне 1876 года князь Милан обратился в Константинополь с предложением, чтобы восставшие провинции Османской империи, Босния и Герцеговина, были отданы ему в управление, и чтобы

черкесы были удалены от границ Сербии. Порта ответила молчанием, и тогда Милан объявил ей войну¹. Надежды Сербии на восстание всего Балканского полуострова оказались совершенно ошибочными: болгары, напуганные недавней резней, не только не поднимались против турок, но даже отдавали им оружие, которое получали из Сербии; Греция и Румыния также не примкнули к Сербии, и, таким образом, все турецкие силы направились против этой последней и ее союзницы, Черногории, вооруженных крайне плохо и скудно, тогда как турецкие войска имели превосходные пушки и ружья. Под знаменами Сербии сражались русские добровольцы (до 3500) с полковником Черняевым; в Петербурге отпосились к этому добровольческому движению сначала совсем отрицательно, когда же затем, под влиянием общественного мнения, стал переменивать свое отношение к войне и официальный Петербург, в Сербию двинулись добровольцы из придворных кругов, которые, конечно, были только балластом. Турки быстро завоевали ряд сербских городов: Княжевац, Заечар, Алексинац, и в октябре 1876 года разбили сербов около Джуниса, так что положение Сербии становилось критическим. Она обратилась за помощью к России, и, по настоянию Александра II, военные действия были прекращены, а 21 февраля 1877 года Турция заключила с Сербией мир на условиях *status quo ante*. Но несколько месяцев спустя, когда с Турцией воевала уже Россия, снова открыла военные действия против Турции и Сербия, которая на этот раз действовала успешно; сербские войска взяли Ниш, Пирот и дошли до Косова поля, где в монастыре Грачанице была отслужена перед сербскими войсками обедня. Снова сербы стояли на Косовом поле, но было неизвестно, как отнесется Европа к завоеваниям сербского оружия. По сан-стефанскому договору, заключенному гр. Игнатьевым и обнародованному 9 марта 1878 года, Сербия и Черногория получали полную независимость от султана, а Босния и Герцеговина автономию; гр. Игнатьев не хотел считаться с уже состоявшимися тайными соглашениями между Россией и Австрией, в силу которых эти две последние провинции оккупировались Австро-Венгрией. Таким образом, приобретения сербского племени даже по сан-стефанскому договору были ничтожны². Милану было необходимо воспользоваться берлинским конгрессом, чтобы добиться чего-нибудь боль-

¹ История Сербии за эти годы изложена по первоисточникам, мало доступным для публики (дипломатическим перепискам и др.), болгарским историком Д. Ицовым в болгарском журнале «Библиотека на Славянска Беседа», 1906.

² Горяинов. «Босфор и Дарданеллы», 1907. Ю. С. Карцов. «За кулисами дипломатии», 1908.

шего¹. Но положение было неблагоприятно для него, так как русская дипломатия ставила своей задачей гарантировать возможно широкие границы и независимость созданному войной Болгарскому княжеству, Сербию же считала территорией австрийского влияния и даже оказывала решительное противодействие стремлениям Сербии присоединить юго-восточные области, завоеванные сербскими войсками во время последней войны. Как справедливо замечает ген. Овсяный, «болгарофильство тогдашней нашей дипломатии и главной квартиры доходило до того, что даже из Старой Сербии предполагалось сделать болгарскую губернию». Само собой разумеется, что князю Милану и его дипломатам, среди которых был и такой замечательный человек, как Ив. Ристич, не оставалось ничего иного, как опереться на содействие Австрии. Ристич вез в Вену письмо к Андраши от князя Милана, который выразил надежду, что Австрия поддержит Сербию на конгрессе. По вопросу о Боснии князь писал следующее: «Вопреки блестящим успехам в Старой Сербии, несмотря на возможность вступления сербских войск в Боснию, я не старался сделать это, чтобы не нарушить интересов моей великой соседки». Андраши отвечал, что не будет ничего иметь против расширения сербских границ до самой Софии, но требовал выполнения условий, предъявляемых Австрией, и княжеский Совет не без колебаний согласился принять эти условия австрийской дипломатии, которые обеспечивали Австрии свободное движение к Солуни и Эгейскому морю. Ген. Вобриков в своих записках выражает удивление, какими мотивами могла руководиться тогдашняя русская дипломатия в отношении к Сербии, и действительно в скором времени Австрия двинулась далее по пути, расчищенному ей русской дипломатией, представитель которой, граф Шувалов, решительно советовал Ристичу не предпринимать ни одного шага без одобрения графа Андраши. Впрочем, сам Вобриков заявил Ристичу, что на конгрессе он будет поддерживать пограничную линию, которая вдвое уменьшала сербские территориальные требования. Андраши требовал, чтобы Сербия провела железную дорогу к Нишу для соединения Вены с Солунью, заключила с Австрией торговый договор и т. д. Но за это Милан, который заявил, что не уйдет из Ниша и предоставит русским войскам отнимать его у союзников-сербов, получал как Ниш, так и

¹ Подробности этой войны и судьбы Сербии на берлинском конгрессе подробно изложены в двух сербских книгах: *Вл. Джорджевич. «Србија на Берлинском конгресу», В. Джуркович. «Односи између српства и Русије, од 1185—1903 године»*, а также в записках Г.И. Вобрикова «В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877—1878», 1891, и в книге И. Овсяного «Сербия и сербы», 1898.

Пирот. Берлинский конгресс был поворотным пунктом в истории Сербии. Крайнее разочарование в помощи России заставило Милана и образовавшуюся около него партию прогрессистов (напредняков) отдаться под покровительство Австрии, и провозглашенная конгрессом (ст. 34) независимость Сербского княжества превращалась в новую фактическую зависимость, но уже от Австрии. Вместе с тем, Сербия приступила к новой политической и экономической жизни¹, на что потребовались займы; до 1863 года княжество не имело вовсе государственных долгов; к 1868 году сумма их достигала всего 500 тыс. дукатов, а в 1876 году Россия ссудила Сербии 3750000 на 5% без всяких гарантий. С этих пор государственный долг княжества стал быстро расти: в 1881 году был выпущен новый заем в 90 мил. франков на железнодорожное строительство и еще другой заем, и с тех пор займы следовали друг за другом из года в год, причем гарантией служили различного рода монополии (табачная, соляная и т. д.). Таким образом, к 1 января 1905 года государственный долг сербского королевства составлял уже свыше 465 мил. франков при годовом бюджете в 89 мил. франков². В настоящее время бюджет королевства достиг уже 90 мил., и страна стоит перед необходимостью заключить новый заем в 300 мил. франков. Все это явилось неизбежным последствием той политики, которую начал Милан. Берлинский конгресс так чувствительно задел национальное достоинство Сербии, что для удовлетворения его Милан провозгласил сербское княжество королевством (1882). За год перед тем он заключил тайный договор с Австрией, по которому представлял этой последней за охрану ею династии право на Боснию и Герцеговину, т.е. полный отказ от великосербской идеи, право проводить через сербскую территорию австрийские войска и т. д.³. Незадолго до того заключенный торговый договор с Австро-Венгрией подчинял Сербию всецело экономическому влиянию монархии Габсбургов и при полном поглощении вывоза и ввоза Сербии лишал эту последнюю значительной части доходов, так как требовал ввоза живого скота, который осматривался в Буда-

¹ Экономическая жизнь Сербии после берлинского конгресса подробно изложена в недавно вышедшей книге Стояновича. См. мою статью «Современная Сербия» в «Московском Ежегоднике» за 1909 г. Ср. также K. Grünberg, «Die handelspolitischen Beziehungen Oesterreichs-Ungarus zu den Ländern an der unteren Donau», 1902, и R. Pinon, «L'Europe et l'Empire Ottoman», 3-е изд. 1909, гл. 9.

² Ср. «Le Serbie à l'exposition universelle de 1905 à Liège» (офиц. изд.); Mallat, «La Serbie contemporaine», 2 т., 1902; названную книгу Н. Овсяного и написанную пристрастно книгу I. Hoche «La Serbie de nos jours», 1901.

³ Подробные сведения об этом договоре сообщал недавно С. Протич в сербском журнале «Дело», янв. 1909 г.

пеште местными ветеринарами и лишь тогда подвергался убою. Являясь главной скупщицей почти всего сербского экспорта, Австро-Венгрия оставляла для собственного потребления менее четверти его, а остальное транспортировала в другие государства, особенно в Бельгию, из чего извлекала большие доходы. Народ же в Сербии облагался новыми налогами; так, в 1882 году введен налог на промыслы и заработки, акциз на питья, табак, сахар и кофе. Все это возбуждало народ против князя, который, устранив старых либералов, Ристича и его партию, передал власть в руки австрофилов-напредняков во главе с Милутином Гарашанином, сыном Ильи. Народное движение приняло сначала характер недовольства правительством среди крестьян, вследствие чего образовалась новая политическая партия радикалов, одержавшая победу на выборах 1883 года в скупштину. Между этой партией и королем Миланом началась открытая вражда, а в народе — вооруженное восстание; радикальная партия (кроме Н. Папича, успевшего скрыться) была захвачена, восстание усмирено с помощью крутых мер, но ненависть к Милану и напреднякам все росла в народе. Соединение Болгарии с Восточной Румелией, усиливая Болгарию и замыкая Сербию в железные тиски между тремя сильными государствами, было неблагоприятным фактом для Милана, который и без того чувствовал, что у него из-под ног уходит почва. Тогда, под влиянием австрийских внушений, он объявил Болгарии войну. При этом, как рассказывает современник Мёллер¹, в сербском обществе строились самые смелые планы насчет блестящего для Сербии исхода войны: сначала думали о присоединении Видинского округа, потом пошли дальше и требовали уже части Македонии, а потом мечтали и о присоединении Софии, где погребены два сербских короля. Но очень скоро пришлось разочароваться; несмотря на значительный перевес в силах, неудачная тактика сербской армии дала возможность болгарским войскам сосредоточиться на своих позициях и ждать сербского наступления почти с равными силами. Около Сливницы произошел трехдневный бой, окончившийся поражением сербов и наступлением теперь уже со стороны болгар, которые почти без сопротивления двигались по Сербии, и лишь у Пирота встретили сербские войска; но и здесь сербы потерпели поражение. Впрочем, может быть, Сербия сумела бы оправиться и нанести новый удар Болгарии, но европейское вмешательство заставило прекратить войну, и мир был заключен без всяких выгод для победителей. Эта неудачная и бесполезная война окончательно подорвала авторитет короля Милана, который начинает перебрасываться от одной партии к другой; в

¹ Möller. «Der serbisch-bulgarische Krieg. 1885». Hannover, 1883. Ср. Е. Львов. «Болгария в период террора и анархии», т. I. 1888.

то же время происходит огласившийся на всю Европу скандал в королевском семействе: Милан настаивает на разводе с королевой Наталией. Во главе правительства стоят радикалы, с которыми король оказывается уже не в состоянии справиться, и которых он старается привлечь на свою сторону новой конституцией (1888). При М. Гарашанине скупщина играла лишь декоративную роль; после скандального развода Милана ушел и этот государственный человек, и королю с трудом удалось найти человека, согласившегося принять портфель: это был Н. Христич. Казалось, что новая конституция, вводя надзор скупщины над деятельностью министров, присягу короля конституции и т. п., привлечет на сторону Милана симпатии народа, но оказалось совершенно иное: первые же выборы дали на 50 радикалов и 76 либералов всего 4 радикала, и отношение скупщины к королю было настолько враждебно, что он был вынужден отречься от престола; это произошло ровно через 7 лет после провозглашения Сербии королевством, 22 февраля 1889 г. Милан отказался от престола и передал его своему 13-летнему сыну Александру, до совершеннолетия которого страной должны были управлять регенты, либералы Ристич и Белимаркович, и беспартийный деятель, генерал Протич; во главе кабинета они поставили радикалов¹. Сербия вступила в новый период партийной борьбы, которой содействовало малолетство короля; либералы и радикалы по очереди становились у власти; в начале августа 1892 года эта борьба приняла такие размеры и так затянулась, что грозила перейти в революцию; тогда, 1 апреля 1893 г., король Александр провозгласил себя совершеннолетним и приказал арестовать регентов и министров. Радикалы сделались всемогущи, но ненадолго; не желая управлять с ними, но не имея возможности конституционным образом избавиться от них, король Александр совершил новый государственный переворот: он отменил конституцию 1888 года и восстановил Устав 1869 года, за незначительными изменениями (9 мая 1894 г.). Так бурно началось новое царствование, так же мятежно оно и продолжалось; за три года, до октября 1897 года, сменились три кабинета, принадлежавших к различным партиям; кабинет С. Новаковича держался славянского направления: он поддерживал сербское движение в Македонии, внушил королю мысль посетить Черногорию; в 1897 году подготавливался сербо-болгарский торговый договор, который внушил опасения Австрии, тем более, что в том же году истек срок сербско-австрийского торгового договора, заключенного в 1882 году. Все эти события, уже давно подготавливавшиеся, заставили австрийское правительство пустить в ход Мила-

¹ Обзор событий за этот последний период сербской истории см. в книге R. Henry «Des Monts de Bohême au Golfe Persique», 1908.

на, и он неожиданно осенью 1896 года вернулся в Белград и стал оказывать сильное и самое вредное влияние на своего сына, юношу чрезвычайно неустойчивого, с деспотическими замашками, с хорошими порывами, но слабой волей, человека с явно дегенеративными признаками. В продолжение трех лет (с октября 1897 года до июня 1900 г.) во главе правительства стоял реакционный кабинет Д. Джорджевича¹, который должен был расправиться с ненавистными Милану радикалами. Воспользовавшись случаем, инсценировав покушение на Милана, правительство объявило в стране военное положение и стало расследовать этот вымышленный заговор, арестовывая вождей радикалов; отношения с Россией были порваны уже в 1899 году, но и с Австрией Александр не сумел сохранить связей; воспользовавшись отсутствием Милана и премьер-министра, он неожиданно женился на придворной даме королевы Наталии, пожилой вдове инженера Машина, Драге; между тем незадолго до того он обещал императору Францу-Иосифу жениться на немецкой принцессе, так что брак с Драгой Машин был для австрийского императора личным оскорблением. Та же сумасбродная политика внушает Александру мысль ехать в Петербург, но ему отказывают в приеме. Все время продолжается прихотливая смена кабинетов; в начале 1901 года Милан, генералиссимус сербских войск, умер, и король Александр оказался предоставлен самому себе. Он воспользовался свободой, опять сблизился с радикалами и в апреле 1901 года даровал народу новую конституцию, введившую двухпалатную систему. Все эти частые перемены, ничем существенным не мотивированные; преследования оппозиции, неустойчивая и разорительная финансовая система, брак короля с женщиной, репутация которой в народе стояла очень низко, — все это усугубляло давно назревавшее народное движение, во главе которого стояла армия. Подошли новые скандалы; ложная беременность королевы Драги, мартовские (1903) демонстрации в Белграде, соединенные с человеческими жертвами; наконец, отмена (25 марта 1903 г.) на несколько часов конституции, чтобы переменить членов сената и судов; фальсификация выборов в мае того же года и т. д. довели положение до края пропасти. Давно подготовлявшийся офицерский заговор, созревший в одном из глухих ресторанчиков Вены, осуществился в ночь на 29 мая 1903 года. Королевская чета была зверски убита и выброшена из окон; скупщина, собравшаяся через несколько дней, восстановила конституцию 1888 года и избрала королем Петра Кара-Георгиевича, сына сербского князя Александра,

¹ Это время описано впоследствии самим Джорджевичем в книге: «Крај једне династије», 1905. Разумеется, это совершенно партийная книга. Очень ценна для этого периода история Ст. Станојевича. 1908.

изгнанного 45 лет перед тем. Новая династия поспешила стереть все следы от Обреновичей: конак (дворец), где был убит Александр, был снесен; рядом был выстроен новый дворец, а на площадке, где был дворец Александра, и где лежали обезображенные трупы несчастного короля и Драги, теперь играет в праздничные дни музыка.

Эти последние пять лет сербской истории прошли бурно и ознаменовались важными событиями. В парламентской жизни продолжалась та же непрерывная борьба из-за власти, которая придавала такой бурный характер партийной жизни и предшествовавшей эпохи; именно первые при короле Петре выборы, происшедшие в сентябре 1903 года, дали на 160 депутатов 140 радикалов, из которых большинство признавало своим вождем Н. Пашича. Тем не менее, образование кабинета было поручено не ему, а генералу Саве Груичу, защитнику офицеров, убийц Александра, которые остались на службе, несмотря на ропот офицерского состава и даже беспорядки в крепости Нише. Кабинет Груича продолжался у власти до ноября 1904 года, представляя собою коалицию старо- и младорадикалов; но уже в начале этого года скупщина стала в такое враждебное отношение к «заговорщикам» (завереници), что кабинет пришлось переменить; оставаясь во главе министров, Груич роздал портфели старорадикалам (Пашичу, Пачу и др.). Но и это не помогло; тогда в ноябре образовался кабинет Пашича, продержавшийся до мая 1905 года; потом, с мая 1905 года до марта 1906 года, правил кабинет из независимых радикалов под председательством проф. Л. Стояновича; его сменил на полтора месяца опять Сава Груич; потом в апреле 1906 года образовался опять кабинет Н. Пашича и продержался два года, до половины мая 1908 года; затем более месяца продолжался кризис, и в начале июля королю с трудом удалось образовать коалиционный кабинет П. Велимировича; но и он в феврале 1909 года должен был выйти в отставку¹. Причины этой постоянной смены министерств заключаются в довольно сложных отношениях, установившихся в Сербии; борьба между офицерами, убившими короля Александра и поддерживаемыми новым королем, и остальным офицерским кадром, который считает оскорблением для армии пребывание в ее составе изменников; нежелание держав, особенно Англии, признавать Кара-Георгиевича законным королем, а прежде всего создание трех кадров чиновничества, принадлежащего к различным партиям, сидящего на пенсии, которую в Сербии дают уже после десяти

¹ Причины падения кабинета Велимировича сводятся по внешности к нападкам оппозиции на неумелое ведение лесного хозяйства в министерстве Главинича, но настоящая причина его заключается в борьбе старо- и младорадикалов. См. газету «Речь», 1909, февраля 10.

лет службы, но рвущегося опять к службе, и т. под. причины, из которых некоторые носят весьма некрасивый характер, делали внутреннее развитие сербского королевства тревожным и неверным¹. Его внешнее положение было также тревожно. В 1905 году истек срок торгового договора между Сербией и Австрией, и эта последняя, в полном убеждении, что для Сербии нет выбора, предложила ей прежние невыгодные и унижительные условия, подчинявшие сербское королевство Австро-Венгрии не только в экономическом, но и в политическом отношениях, так как Сербия обязывалась заказывать пушки на австрийском заводе. Скупщина решительно отказалась принять эти условия и потребовала, во-первых, полной свободы в заказе вооружения, а, во-вторых, права ввозить в Австро-Венгрию скот, осммотренный местными ветеринарами и убитый на месте. Началась таможенная война, которая велась с помощью вывозных премий, одобренных скупщиной в 1906 году, в размере 500 тыс. франков. По официальным данным сербского министерства, вывоз 1906 года возрос по сравнению с прошлым годом (1221509 фр. — 1050452). Эти же данные сообщают следующее: «Дефицит обнаружился только в вывозе скота, так как эта отрасль вывоза была тесно связана с австро-венгерскими рынками. Но и она начала эмансипироваться от этой связи, находя для себя новые рынки в Италии, Египте и на Мальте. Работа в новом направлении началась только в сентябре 1906 года, и в продолжение всего четырех месяцев достигнут значительный успех»². В марте 1908 года был, наконец, заключен торговый договор на тех условиях, которых добивалась Сербия, но предположение министерства народного хозяйства о тех рынках, которые уже завоевала Сербия, оказалось справедливым: ввоз в Австрию далеко не достигал тех размеров, какие он имел раньше, хотя по-прежнему главным естественным рынком ввоза и вывоза для Сербии должна остаться Австро-Венгрия. Единственный способ избавиться от ее всесилового давления заключается для Сербии в создании какого-нибудь самостоятельного выхода, и эта забота составляет главное содержание политической жизни страны за последний год. Когда в феврале 1908 года австрийский министр иностранных дел, барон Эренталь, поднял вопрос о непосредственном соединении австрийской железнодорожной сети с Солунью через Ново-Базарский санджак, общественное мнение Сербии

¹ См. статью А. Погодина «Сербия в 1908 г.» («Москов. Еженедельник», 1909, № 5), и книгу П. А. Риттиха «По Балканам» (1909).

² «Извештаji поднесeni ministru narodne privrede», 1907; ср. также А. Нинчич. «Србија пред трговинским уговорима» (1902) и «О трговинском уговору између Србије и Аустро-угарске монархије» (1908), а также проф. Коста, Стојанович. «О извозу и увозу Србије» (1902).

было крайне возбуждено, так как проект бар. Эренталя грозил окончательно сжать в тисках Австрии ее торговлю; русская дипломатия выставила проект трансбалканской железной дороги к Адриатическому морю, — проект, встреченный Сербией с восторгом; но осенью того же года на сцену выступило новое событие — аннексия Боснии и Герцеговины, на которую Сербия ни в каком случае не хочет согласиться¹. Она решительно готовится к войне, примирившись с Черногорией, с которой еще недавно враждовала, и надеется, что Австрия окажется для нее менее грозным врагом, чем думают в Европе. Вместе с тем, во всех областях народной жизни замечается громадное движение вперед. Народ почувствовал свое кровное единство с сербами Боснии и Герцеговины и готов всем пожертвовать для объединения с ними. Король Петр Кара-Георгиевич приобрел в народе большую популярность, вся Сербия поглощена напряженной органической работой. Даже события внутренней жизни, которые прежде так волновали бы сербский народ, проходят теперь сравнительно спокойно (это вынужденное внешними событиями, необходимостью внешнего примирения с Австрией, отречение наследного принца Георгия от прав на престол, и новый министерский кризис в августе 1909 года, выдвинувший на первый план снова Н. Пашича). В высшей степени наделенная природными богатствами страна стала быстро развиваться, а сербский народ, сохранивший в душе много рыцарской доблести и отваги, рвется к полной экономической и политической независимости от ненавидимой им Австро-Венгрии. Объединение всего сербского племени — такова историческая цель, которую жизнь поставила перед той частью этого племени, которой удалось создать самостоятельное государство. Сознание этой идеи и служение ей помогут Сербии избавиться от той внутренней борьбы и от колебаний во внешней политике, которые так сильно задерживали ее развитие в последние тридцать лет.

*Печатается по изданию:
А. Погодин. История Сербии. СПб, 1908.*

¹ Вопросы железнодорожной политики на Балканском полуострове изложены в книге Р. Imbert «La rénovation de l'Empire Ottoman» (1909).

ЧЕРНОГОРИЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время все умы заняты восточным вопросом; на жизнь и судьбу южных славян устремлено общее внимание. Поэтому полагаем, что и нашим читателям небезынтересно будет узнать историю, характер и жизнь той небольшой страны, которая, несмотря на свою малочисленность, умела отстоять свою независимость от турецкого ига и героически подвигами занять одно из почетнейших мест в числе южных славян. Черногорцы составляют племя сербских славян; история их тесно связана с историей сербского народа, и прежде чем приступить к описанию Черногории, мы начнем с краткого обзора сербской истории.

Славянское племя, в глубокой древности раскинувшись в восточной Европе, занимало края Карпатских гор и земли, лежавшие по среднему течению Дуная. Всем известно, что до VI и VII века, славяне делали частые набеги на восточную Римскую империю и были ее страшнейшими врагами. Не вдаваясь в крайне запутанные подробности, недоказанные достоверными источниками, мы начнем с того времени, когда император Ираклий решился призвать славян на помощь против Авар. Из-за Карпатских гор он призвал в Далмацию племя Хорватов. За Хорватами поднялись и двинулись за Дунай их соседи и близкие соплеменники Сербь, жившие на южном склоне Карпатских гор. Ираклий отвел сербам жилища в Солунской области; но здесь оставались они не более двух лет (636—638), и, вытеснив Авар, заняли Иллирик и завоевали все земли, лежащие между Болгарией и Кроацией. Новые завоеватели заставили эту страну принять название Сербии и разделили ее на 7 участков: Сербию в собственном смысле, Боснию, Неретву, Заумле или Захолмие, Травунье (Требиния), Конавле и Диоклею или Дукля. Такова была Сербия в своем начале. Границами ее на север были: Сава и Дунай; на восток — реки Морава и Ибар и крепость Раса (Новый Базар); на юг — река Бояна с крепостью Скадар (Скутари); на запад — продолжение Юлихских Альп и течение Цетины до ее устья в Адриатическое море. Получив феодальное устройство, отдельные земли новой Сербии состояли из волостей или жуп. Каждая жупа сохраняла свою внутреннюю самостоятельность, имела своего природного правителя — жупана. Эти волости или

жупы составляли союз (федерацию), и государь был общим главою союза: он носил титул великого жупана, жил в крепости Деснице на Дрине и признавал себя вассалом восточного императора.

Славянским общинам, расселившимся в Мизии и Фракии, предстоял долгий и трудный путь до водворения государственного порядка. Нагрянул дикий народ и насильно наложил на задунайских славян государственное устройство. Этот новый народ были Болгары. Они принадлежали к многочисленной семье кочевых племен уральского корня. Ближайшие родичи Гуннов и позднейших Угров (Мадьяр), они в конце V века угрожали самому Константинополю (498 г.). Потом были покорены Аварями; в царствование Ираклия освободились от них и разделились на несколько орд. Одна из этих орд перешла Днепр и Днестр и двинулась за Дунай. Болгары скоро овладели страной между Дунаем и Балканами, нынешней Болгарией. Часто громили они славян и налагали на них дань, но, в то же время, они до того слились и сроднились со славянами, что составили сами как бы славянское государство. Так образовались государства у Хорватов, Сербов и Болгар.

Сербы и Хорваты охотно признали верховную власть императора Ираклия, который захотел воспользоваться их послушанием и распространить между ними христианскую веру. По уставам цесарей, Иллирик с Далмацией принадлежал к западной половине Римской империи, и хотя он потом и перешел к византийской державе, однако в церковных делах оставался под властью римской митрополии.

Ираклий призвал для Сербов и Хорватов учителей из Рима: то было в VII веке, когда западный мир находился в церковном единстве. Крестилось много народу, как у Хорватов, так и у Сербов; им поставили епископов, священников и диаконов, подчинив их архиепископу города Сплета (Спалатро). Но, недолго оставались Сербы и Хорваты верными, как этому первому своему крещению, так и подданству византийских императоров. Сербы были вполне обращены в христианство только в IX веке.

Смерть Ираклия (641 г.) на время освободила Сербию от греческого ига. За то, долго боролись они с Болгарами, и когда около 1018 г. пало болгарское государство, тогда Сербия сделалась окончательно византийской областью. Вторая половина IX века была для южных славян радостной порой рождающегося просвещения. Свет веры и самосознание озаряет болгар, упорных в язычестве, сербов, — христиан еще лишь по имени, хорватов, принявших христианство в чуждом для них виде, и теперь впервые услышавших Евангелие на родном языке; и не их только, но и многих из братии славян просвещают благочестивым своим подвигом Кирилл и Мефодий. Сербы и хорваты приняты были в общение восточной церкви.

Последние же три четверти X века составляют в истории южных славян самое темное и глухое время. В 1043 г. Стефан Богислав прогнал византийских начальников, а сын его Михаил, великий жупан Диоклеи (1050—1080), был признан королем папой Григорием VII. После смерти Михаила (1080 г.), внутренние междоусобия и неурядицы погубили новое королевство, и сербы снова вынуждены были признать над собою греческое владычество, продолжавшееся до того дня, когда Стефан Неманя, возвратив им независимость, сделался настоящим основателем царственного рода Сербии.

НЕМАНИЧИ

Стефан Неманя, великий жупан Рапшской земли, крещеный католиком, принял в 1143 г. торжественно православную веру; быстро приобрел этим силу и значение среди всего народа и положил начало могуществу сербского государства. Ему много помогал младший сын его, св. Савва; приняв монашество, он долго жил на Афонской горе; потом, вернувшись на родину, учредил иерархию сербского духовенства и оставил по себе в сербском народе память просветителя родной земли.

Стефан Неманя, сделавшись великим жупаном Рапшской земли, в 1159 г. отнял у греков все их последние завоевания. Недовольствуясь объединением прежней Сербии, он увеличил ее, завладев обширными землями и многими укреплениями; образовал сильное государство, состоящее из 9 больших областей: нынешней Сербии, Срема и части Славении, Боснии, восточной Далмации, Герцеговины (или Хумской земли), Черногории, Зеты, Албании и части Македонии.

После тридцатилетнего царствования в качестве великого жупана, Стефан Неманя, передав бразды правления своему старшему сыну, удалился в монастырь Студеницы, а оттуда перешел в другой монастырь в Македонии, где и умер в 1200 г. Он женат был на Анне, дочери Бориса, бана Боснии. У Стефана было три сына: Стефан, Вук и Савва. Стефан, старший, прозванный Первовенчанный, наследовал отцу своему в качестве великого жупана, в 1185 г. Вук, брат его, с помощью Венгров, похитил у него престол в 1203 г. и, с согласия папы Иннокентия III, принял титул короля сербского; но уже в следующем году, по совету своего брата Саввы, возвратил престол Стефану, своему старшему брату, и под конец жизни удалился тоже в монастырь.

Стефан Неманич II был женат на Евдокии, дочери греческого императора Алексея III Комнена. От этого брака родилось 4 сына; старший из них, под именем Стефана Неманича III, был коронован послом папы Гонория. Свое шестилетнее царствование ознаменовал он многими победа-

ми над Греками и Венграми. Пресыщенный властью, терзаемый семейными раздорами, бездетный, уступил он престол своему брату Владиславу, которого тот же св. Савва венчал на царство под именем Неманича IV.

Неманич IV, подобно своему предшественнику, царствовал тоже не более шести лет (1234—1240 г.). Он первый из королей сербских начал разрабатывать рудники своей земли, это доставило ему такие большие богатства, так что при дворе его воцарилась великая роскошь. Неманич IV похоронен так в им же основанном монастыре Милечево, в Герцеговине.

Ему наследовал младший брат его, последний из четырех сыновей Стефана Неманича II, царствовавший под именем Уроша I (Неманич V) 32 года (1240—1272). Ему пришлось воевать с Татарами или Монголами, которые в начале его царствования вторглись в Сербию и разорили ее. Он завел близкие сношения с Греками и Венграми. У него было два сына, Драгутин и Милютин. Драгутин, женившись на Екатерине, дочери Стефана V, и внучке Белы IV, королей венгерских, воспользовался этим родственным союзом, чтобы свергнуть с престола своего отца. Урош удалился в Драчь, где и умер от старости и горя; тело его похоронено в монастыре Сопочиани, им же основанным.

Драгутин, под именем Неманича VI, пользовался всего три года отнятым у отца его (1272—1275 г.) престолом, добровольно уступив его брату своему Милютину, а сам удалился со своей женой Екатериной в Срем, где и жил благочестиво до 1317 г., величая себя королем Срема. После него остался один сын, продолжавший несколько лет носить этот титул.

Милютин, или Стефан Урош II (Неманич VII), прозванный Банский (святой король), царствовал 46 лет (1275 — 1321 г.). Удачные войны против Греков, Болгар, Монголов и Рагузан дали ему возможность увеличить свои владения. Женившись вторично на Симониде, дочери греческого царя Андроника, у него родился сын Константин. Побуждаемый властолюбивой женой, Урош II решился предоставить престол Константину, сыну Симониды, в ущерб старшему своему сыну от первого брака — Стефану, управлявшему тогда Зетской землей. Стефан, лишенный наследства и поддерживаемый народом, восстал против отца. Однако, при первой с ним встрече раскаялся и просил прощение. Безжалостный Милютин велел ослепить Стефана и послал его в заточение в Константинополь. По прошествии 5 лет Стефан прозрел, был прощен и вернулся (1314 г.), а по смерти отца, вступил на престол под именем Уроша III (Неманич VIII) и царствовал 15 лет (1321—1336 г.).

В 1326 году Урош III воевал с Венграми, в 1330 году вступился за сестру свою Неду, жену Болгарского царя Михаила старшего, покориł Болгарию и провозгласил королем Болгарии своего племянника Александра. Во всех этих войнах помогал ему храбрый сын его Душан, полу-

чивший в награду за свои доблестные подвиги Зетские земли с их крепостями. Душан, живший в Скутари, восстал против отца, взял его в плен и велел заключить в крепость Зветчани, где несчастный Урош, прокляв сына, скончался в 1336 г.

Душан, прозванный Великим (Неманич IX), ознаменовал свое двадцатилетнее царствование великими подвигами. В три года (1337—1340 г.) он отнял у греков Македонию, Фессалию, Северную Грецию и Болгарию, возвратил однако большую часть этих завоеваний императору Андронику и заключил с ним мир. После этого он пошел войной на Людовика I, короля Венгерского, и Стефана Костромановича, Бана Боснии, внука Драгутина; победив их обоих, он отстроил Белград (1343 г.); установил Сербский патриархат, с целью изъять Сербскую церковь от подчинения Константинопольского патриархата; издал свод законов, учредил орден св. Стефана, покровительствовал наукам, торговле и разделил свое государство на 8 воеводств, под управлением властелей или деспотов. Мечтал он постоянно о покорении Византийской империи и о соединении Сербии с Грецией; стремясь осуществить эту идею, он объявил войну, вторгся в Грецию и направлялся уже к Константинополю, заболел лихорадкой, от которой и умер неожиданно 18 декабря 1356 г.

Разделение Сербии на области, под управлением властелей или деспотов, имело самые печальные последствия; оно было как бы основанием распада государства при слабом сыне Душана, Уроше V Младом, который, после смерти отца (1356 г.), провозглашен был Сербским царем (Неманич X). Неспособный и бессильный держать в повиновении своих народных властелей, те вскоре перестали признавать его власть и объявили себя независимыми. Греки, пользуясь этими внутренними раздорами, успели вернуть себе Фессалию; бан Боснии, Твертко тоже освободился от ига сербского, и провозгласил себя независимым; Урош, сохранив только одно название государя, вынужден был искать убежище у своих же восставших вассалов, сперва у Вука Мрнятчевича, а потом у Лазаря Гребляновича.

Отвергнутый Лазарем, несчастный Урош бежал в Рагузу; но Вук, проведав о его намерении, заманил его на охоту на Коссовом поле, где и убил собственноручно 2 декабря 1367 г. С Урошем V угас знаменитый род Неманичей, целых два века царствовавший в Сербии.

БАЛЬШИЧИ

В царствование Душана жил в Зете сербский дворянин по имени Бальша; одна деревня составляла все его достояние. Но когда, после смерти великого государя, вассалы Уроша V начали спорить между

собою за владычество страной, тогда Бальша составил себе тоже небольшую партию, овладел Скадарской крепостью и, поддерживаемый своими тремя сыновьями, подчинил своей власти часть нижней Зеты до Каттаро. После смерти Бальши I, сыновья его, прозванные Бальшичами, увеличили свои владения присоединением к ним всей нижней Зеты и Черногории. Каттарцы никак не соглашались подчиниться Бальшичам; за что последние, соединясь с Рагузанами, вторглись в их землю, ограбили и разорили окрестности Каттаро. С этого то времени начинается постоянная вражда Каттаро с Бальшичами и их дружба с Рагузской республикой.

В 1361 г. перешли Турки из Азии в Европу и завладели Адрианополем, избранным Мурадом I столицей нового своего государства.

Вук Мрнячевич, убив Уроша, не побоялся вступить на престол Сербии (1367 г.) и, в течение четырех лет, пользовался фиктивной властью над распадающейся страной. Побитый турками, он погиб от руки своего слуги.

Сын его, Марко Кралевич, провозгласил себя королем, но Лазарь Греблянович, отняв у него все его земли, завладел престолом и был признан остальными властителями царем сербским. Для поддержания своей власти, Лазарь должен был признать независимость деспотов или властителей и разделить с Бальшичами и другими деспотами часть земель, отнятых им у Марка Кралевича.

Бальшичи, между тем, все увеличивали свои владения и, встретив непримиримого врага в лице Твртко, бана Боснии, и Турок, они, следуя примеру своих отцов, примкнули к Рагузе и Венеции. Турки завоевали Румынию, Фессалию, западную Грецию и заставили Болгарию платить им дань (1375 г.). Лазарь тоже согласился быть данником султана Мурада I и доставлять ему вспомогательное войско.

Признав себя вассалом султана, Лазарь избрал столицей Призрень и велел себя там венчать царем Сербии. Храбрый и воинственный царь Лазарь отнял у Венгров Срем и разрушил Белград, думая этим лишить их возможности там утвердиться.

Вскоре, Лазарь отказался платить дань Туркам. Отказ этот очень раздражил Турок и они поднялись наказать его; но, на этот раз, были им разбиты у Синицы, близ Нового Базара (1387 г.).

Мурад I, вне себя и за такое поражение, собрал новое войско и пошел на Лазаря.

15 июня 1389 г. на Коссовом поле произошло кровавое сражение, где, благодаря измене Вука Бранковича, зятя Лазаря, войско Сербское было совершенно разбито и сам царь Лазарь убит. Мурад I недолго наслаждался своей победой, он в этот же день пал от руки убийцы в своей палатке. Наследником его был сын его, Баязет I.

Царь Лазарь был женат на Милице, из рода Неманичей. От Милицы было у него три сына: Стефан, Вук и Лазарь и 5 дочерей; из них, Мара вышла за изменника Вука Бранковича, Деспа за одного из Бальшичей, а младшая, Милева, сделалась женой Баязета I и султаншей.

Джуро Бальшич, муж Деспы, не участвовал в Коссовской битве; он дорогой узнал о поражении Сербов и вернулся в свою землю, проклиная изменника Вука Бранковича.

Баязет I начал свое царствование с того, что поручил правление Сербии царице Милице и ее сыну Стефану Лазаревичу, заставив их признать себя его вассалами, доставлять ему, в случае надобности, помощь, платить ему дань и отдать ему руку Милевы.

Стефан, сын царя Лазаря, отправился в Константинополь, получил там от восточного императора титул и корону деспота и в 1403 г. женился на Елене Кантакузен. Он отстроил Белград, разоренный его отцом, и, после смерти матери своей, царицы Милицы (1406 г.), заставил себя признать деспотом Сербии. Ему пришлось бороться со многими из своих вассалов, желавших освободиться от его власти. Поражение на Коссовом поле тяжело отозвалось и на Зету, где властвовал Джуро Бальшич. Он лишился многих крепостей, и должен был уступить Венецианцам свою столицу Скадар (Скутари) за помощь, оказанную ими против Турок.

После смерти Джуро II, в живых остался единственный из его сыновей, наследовавший ему под именем Бальши III. Он возвратил Скутари и другие крепости, отнятые Венецианцами. Долго и упорно пришлось ему бороться с богатой и могучей республикой. К счастью, у Бальши III был умный советник в лице одного родственника по женской линии, Стефан Черноевич, впоследствии сделавшийся владельцем Черногории. Венеция принуждена была в 1421 г. заключить мир со своим непобедимым врагом. После этого, Бальша, предоставив временно Стефану Черноевичу управление страной, сам отправился к Стефану Лазаревичу; но, едва прибыл он в Сербию, как умер скоропостижно в 1421 г.

С Бальшей III прекращается небольшая династия Бальшичей.

Смерть последнего из Бальшичей пробудила в Венецианцах старую гордость и прежние надежды; они снова явились на берега Каттарского залива, овладели всем побережьем нижней Зеты и взяли Скутари. Но Сербский деспот, Стефан Лазаревич, не желая отказаться от своих притязаний на наследство своего племянника Бальши III, собрал войско, пришел в Зету и, за исключением Скутари, отнял у Венецианцев все их недавние завоевания.

В 1423 г. вторично пришлось Стефану Лазаревичу вести войну с гордой республикой; Георгий Бранкович, его племянник, начальствовавший войском, осадил Скутари, взял его, и принудил Венецию заключить мир

с деспотом Сербии. В 1425 г. Стефан Лазаревич уступил Джуро (Георгий) Бранковичу Зету, а в 1426 Венеция заключила настоящий мир с новым владельцем, обязуясь платить ему за уступку Скутари по 1000 червонцев в год.

Между тем, Зетяне, оплакивая отъезд Стефана Черноевича, тайно предложили ему вернуться и стать снова в главе их. Стефан Черноевич воспользовался этим предложением, отправился на Рагузском корабле в Пастровице, а оттуда явился в Зете, прежде нежели успел туда приехать Джуро Бранкович, которого скончавшийся Стефан Лазаревич (1427 г.) назначил своим наследником. Джуро, не особенно тревожась успехами Стефана Черноевича в Зете, поспешил в Сербию; а так как страна эта признала над собою верховную власть Турции, то Зетяне, дорожа своей независимостью, не согласились подчиниться Бранковичу, и утвердили Стефана Черноевича в звании воеводы зетского. Кроме того, родство Стефана с Бальшичами, его храбрость, его прежние заслуги во время первого управления зетской землей, еще при жизни Бальши III, все это давало ему неоспоримые права на страну, жители которой были ему преданы телом и душой.

Наследство Стефана Лазаревича навлекло на Джуро Бранковича столько забот, что ему было не до оспаривания у Стефана его права над Зетой.

Здесь мы должны заметить, что хотя все предыдущее относится к истории Сербии, но оно было необходимо для выяснения тех обстоятельств, среди которых развилось правление Черноевичей в Зете, где оно приняло ту форму независимости, которая совершенно отделила ее будущую участь от судьбы Сербского царства, и без того чувствовавшего как с каждым годом иго Османлисов ложилось на него тяжелее и тяжелее. Тем не менее, окончательное обращение Сербии в турецкую провинцию было не столько следствием покорения страны силой, сколько присоединением ее во имя родственных связей султанов с сербскими князьями.

ЧЕРНОЕВИЧИ

Стефан Черноевич, получив звание воеводы Зеты, сделался в то же время и владельцем обширных земель; ему принадлежали: 1) нынешняя Черногория с ее 8 нахиями (областями); 2) земля, называемая теперь Зетой, с главными городами: Подгорицей, Спужем и Жабляком; 3) острова на Скутарском озере и 4) территория Бари (Антивари) (бывшая собственность Венеции, а в настоящее время Австрии).

Стефан Черноевич, действуя за одно с остальными начальниками Зеты, подписал в 1456 г. в монастыре св. Николая, на острове Вранина,

договор с Венецианской республикой, обязуясь помогать ей, в случае войны, на всех ее границах, взамен субсидии, подобной той, какую республика платила Бальшичам.

В то самое время, когда Зета сделалась независимым владением под управлением Черноевичей, Хумская земля (Герцеговина) стала тяготеть к Боснии, и встала к ней в ленные отношения. Властко Хранич сделался ее князем, оставаясь в то же время боснийским воеводой. Из рода князей дома Храничей особенно выделялся честолюбивый и хитрый Степан. Стремясь к полной независимости, он успел расширить пределы своих владений на север до Конницы, и на восток до Нового Базара. В 1441 году он получил от императора Фридриха III титул герцога (*герцег*, по народному произношению), от которого и все его государство стало называться *Герцеговиной*.

В Албании, Иоанн Кастриот, после неуспешной борьбы против турок, вынужден был отдать своих четверых сыновей заложниками султану Мураду II (1424 г.). Младший из них, Георгий Кастриот (род. в 1404 г.) был воспитан в мусульманской вере, и по храбрости своей назван Скандербег т. е. Александр своей страны. Когда, по смерти Иоанна в 1432 г., султан Мурад, а после него, Магомет II, присвоили себе его княжество, Скандербег убежал в свое отечество, приобрел там вскоре приверженцев, и соседними князьями был признан владетельным князем; разбив неоднократно турецкие войска, он принудил Магомета II возратить ему Албанию. Нарушив мир в 1364 г., Скандербег снова выступил победителем против Турок, скоро однако умер в Алиссе, в 1466 г. Хотя он и оставил своего несовершеннолетнего сына, Иоанна, под защитой Венеции, все-таки, Албания, по истечении 12 лет, подпала под власть Турции.

Стефан Черноевич не раз помогал Скандербегу, и, по некоторым историкам, даже был будто бы женат на его дочери, другие же утверждают, что женой Стефана была Мария, дочь Иоанна Кастриота, следовательно, сестра албанского героя.

Новый владетель Зеты проживал в Жабляке, где и скончался в 1471 г. и похоронен на острове Кома, в монастыре Вознесения, им же воздвигнутым.

Наследником Стефана, был сын его Иван. Магомет II, упоенный своими успехами под Константинополем, решил изгнать Венецианцев из Албании и послал в 1474 г. сильное войско осаждать Скутари. Но город, защищаемый венецианцем Антонио Лоредан и Иваном Черноевичем, выдержал три приступа; начальник турецкой армии, Солиман-паша, был вынужден отступить. Светлейшая республика признала за Иваном, в награду его многочисленных услуг, титул патриция, и имя его было внесено в золотую книгу. В 1478 г. сам Магомет II явился вторично осаждать Скутари; Иван не переставал беспокоить турецкие войска своими часты-

ми и внезапными нападениями; несмотря на это, венецианцы должны были уступить превосходству силы, и выдали туркам Скутари и другие города. Жабляк, столица Ивана была тоже взята, а он сам бежал в свои неприступные горы. Вскоре после этого, отправился он в Италию искать помощи против турок и, не найдя ее, вернулся в свои горы. Здесь пришел он к тому убеждению, что его собственная и народа его храбрость, вместе с естественными преградами, которые сама по себе представляет Черногория, должны быть лучшим оплотом против непримиримого врага. В 1484 г. построил он в Цетинье монастырь, назвал его Митрополией Зеты и поставил там епископом Висариона, жившего сперва в монастыре Вранина, первой Митрополии Зеты. Сам Иван поселился в Цетинье, и построил на реке Обод, впоследствии получившей название Черноевича река, крепость и завел типографию. Воодушевленные храбростью и умными распоряжениями своего воеводы, черногорцы поклялись ему в непоколебимой верности и единогласно установили закон, гласивший: «Во время войны против турок, ни один черногорец не может без приказанья своего начальника уйти с поля битвы; кто же сбежит, тот будет навсегда обесславлен, обесчещен, презираем и изгнан из среды своих; ему дадут женское платье и веретено, и женщины выгонят его своими веретенами из родины, как труса и изменника». Это было, как бы предзнаменованием того бурного существования, которое, в продолжение нескольких веков, не давало ни покоя, ни пощады, не только соседним пашам, но даже и самой высокой Порте.

Пользуясь отдыхом, данным ему Турками, Иван просил для своего старшего сына Георгия, руки Елизаветы, дочери знатного венецианца Антонио Эрицца. Но когда новобрачные возвращались из Венеции, Иван умер в Цетинье (1490 г.) и был похоронен в своем монастыре.

Георгий Черноевич наследовав отцу, заботился не только о защите своих границ, но, в то же время, заявил себя ревностным поборником православия. Он выписал из Венеции типографию и велел печатать много священных книг, к которым впервые была применена Кириллица. Стефан Станиша, младший брат Георгия, завидуя брату, отправился с несколькими черногорцами в Константинополь просить у Баязета II войска для покорения Черногории, обещая ему, в случае удачи, признать себя его вассалом. Баязет согласился помочь ему с тем, чтобы он принял магометанство. Стефан и его товарищи согласились на это и отправились завоевывать Черногорию. Но Георгий встретил их под Лешкополем и уничтожил окончательно, взял в плен ренегатов черногорцев и позволил им снова поселиться в их земле, где они продолжали исповедовать ислам. Стефан бежал в Албанию и поселился в деревне Бушат.

Елизавета Эрицца, жена Георгия, никак не могла ужиться в суровой и дикой стране; она постоянно уговаривала мужа покинуть тяжелую жизнь Черной Горы. Уступая ее просьбам, Георгий решил передать цетинскому митрополиту, Вавиле, свою светскую власть, а сам уехал в Венецию (1499 г.), где уже и остался до конца своей жизни.

ДУХОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ, ВЛАДЫКИ ИЛИ МИТРОПОЛИТЫ

Митрополит Вавила, которому Георгий Черноевич поручил управление Черной Горы, поддерживая храбрость своего народа против Турок, убеждал его в то же время быть осторожным с сильным врагом. Со своей стороны, Санджак-Бег, Скутарский паша, видя, как трудно достичь чего-нибудь оружием, решил прибегнуть к интригам и окольным путям. Он привлек на свою сторону ренегатов, вернувшихся на родину после заговора Стефана Станиши, и употреблял их для поселения раздора между Черногорцами. Попытки хитрого Турка остались безуспешны; но они, тем не менее, составляли для митрополита Вавилы предмет постоянной заботы.

По документам, сохранившимся в Цетинском монастыре, правление митрополитов или владык, начавшееся с Вавилы в 1499 г., продолжалось до 1695 г., и последний владыка был Савва Калуджерович из Отчиничи.

В продолжение этих двух столетий, Турки господствовали в Европе, громя на всех пунктах изнеможенное христианство, до той минуты, когда под стенами Вены Иван Собеский заставил полумесяц содрогнуться пред знаменем Животворящего Креста (1683 г.).

Для Черногории, этот долгий период времени ознаменован непрерывной борьбой; Черногорцы, то победители, то побежденные, видели несколько раз оттоманские знамена, развевавшиеся в самой Цетинской долине.

Но, полумесяц не мог привиться к этим голым, бесплодным скалам, где никогда не истощалась кровь мучеников, проливаемая за свободу. Оттоманские полчища, покидая свое минутное завоевание, спешили вернуться на берега Скутарского озера и обильные луга Зеты. Между тем, в самой Черногории остался враг более опасный, нежели паша и их полчища: — это были те ренегаты, которые, размножаясь и усиливаясь, завладели базаром и крепостью Обод и берегами реки Черноевича. Позволяя турецким судам проникать в глубь страны, они поддерживали с мусульманами опасные сношения и, при случае, оказывали им разные услуги, ожидая в свою очередь, получить с их стороны таковые же.

Около этого времени (1695 г.) умер владыка Савва Отчинич, и, на общем собрании в Цетинье, народ назначил его наследником Данила Петровича Щепчевича.

С этим владыкой начинается для Черногории совершенно новая эра.

Владыки из Негуш, из рода Петровичей. Владыка Данило

Владыка Данило, преемник Саввы, был совершенно молодым человеком, когда в 1687 г. народ облек его в высокий сан. Юношей, покинув дом своих родителей в Негушах, он поселился в Цетинском монастыре, откуда его заставили выйти против его желания, и только в 1700 г. мог он отправиться в Венгрию, где был посвящен Сербским архиепископом, Арсением Чарноевичем. Уже давно, в душу молодого владыки запала мысль, для осуществления которой он выжидал только удобного случая: ему хотелось, во что бы то ни стало, очистить Черногорию от магометан-ренегатов, так укрепившихся в ней за последнее время, и стремившихся даже уничтожить православие. Неожданное событие заставило Данилу не откладывать долее исполнения своих намерений. Зетяне, с разрешения Скутарского паши, призвали к себе владыку освятить вновь построенную церковь. Но едва успел он туда приехать, как был схвачен Турками и посажен в тюрьму, и только по просьбе Зетян и выкупу в 3,000 червонцев обязан он жизнью.

Вернувшись в Цетинье, Данило собрал самых верных и преданных главарей (начальников), и предложил им единственное средство уничтожить турецкое влияние в Черногории — избиение всех ренегатов.

Предложение его было единогласно принято; выбрана была для этого ночь на Рождество (Бадний вечер или сочельник), и 1702 г. еще не свершился, как уже Черная Гора была избавлена от своих злейших врагов. Род Мартиновичей из Баиц гордится до сих пор, насчитывая в своей семье 5 человек из числа этих ангелов-губителей, которым Черногория обязана быть может своей настоящей независимостью и сохранением в ней православия. Попадали только детей ренегатов, и потомки их носят еще и в настоящее время названия, свидетельствующие о их турецком происхождении.

Данило, освободившись от этого страшного врага, отстроил в 1704 г. монастырь Ивана-Бега, разрушенный Солиманом.

В 1710 г., когда по наущению Карла XII Порта объявила войну России, Петр Великий написал Даниле, предлагая ему соединиться с ним против общего врага.

Владыка принял с восторгом это предложение, и только мир, подписанный на берегах Прута, между Петром Великим и великим визирем,

помог Даниле удержать своих вождей и положить конец военным действиям, уверив их, что такова воля Царя Русского.

Черногорцы, не будучи включены в мирный договор, подписанный Петром I и султаном (1711 г.), подверглись, по приказанию Ахмета, нападению пятидесятитысячной турецкой армии, которая в следующем году и вошла в Зету, выше Подгорицы.

Данило двинулся ей навстречу, и, недалеко от места, называемого Влак-иниаг, где Турки расположились лагерем, одержал знаменитую победу. Черногорцев пало более трехсот, но в среде Турок это было настоящее избиение, и, если верить преданиям, то на поле битвы легло более двадцати тысяч оттоманов.

Султан Ахмет, получив известие о таком поражении своего войска, собрал еще большее и, поручив его лучшему своему генералу Нуман-паше Чуприличу, велел этой стотысячной армии двинуться к границам Герцеговины (1714 г.). Черногорцы, по своей малочисленности, не могли устоять против такой грозной силы; не имея ни оружия, ни амуниции, они разбежались, ища в горах спасения от верной гибели.

Турки заняли Черногорию, разорали и грабили села и церкви, и проникли до самой Цетиньи, где они уничтожили монастырь, отстроенный владыкой Данилом. Толпа этих варваров быстро хлынула к Каттаро, затем вернулась в Албанию, где соединилась с войсками великого визиря и помогла ему отнять у Венецианцев Морею. Черногорцы, видя невозможность восстановить свои церкви и села, поручили владыке обратиться за помощью к Русскому царю (1715 г.). Петр Великий, зная, как много они потеряли во время этой несчастной войны, прислал им с владыкой Данилом два указа с поздравлением и уверением в дружбе, присовокупив к ним 160 золотых медалей и 10 000 рублей сер. Едва успел владыка вернуться из России (1716 г.), как Турки, опасаясь, чтобы Черногорцы не вздумали отомстить Чуприличу, вторглись, под начальством трех пашей, на границу Суцы. Но Черногорцы бросились на них, разбили, преследовали с ожесточением, взяли в плен трех турецких начальников и отрезали головы им и еще другим 70 Туркам.

Султан, между тем, вопреки условиям Карловицкого мира, заключенного между Портой и Австрией (1699 г.), успел завладеть Мореей. Тогда Австрия объявила Ахмету III войну, послала вспомогательное войско Венеции, и, победой принца Евгения при Варашдине, упрочила завоевание Темешвара и Баната (1716 г.). Данило не оставался в бездействии, и, пользуясь благоприятными обстоятельствами, завладел всеми землями старой Зеты. В следующие годы ему удалось неоднократно оказать важные услуги Венеции, за что Дожд Корнаро наградил его грамотой, утверждавшей за ним духовную власть над всем православным населением Бокки и окрестными местностями. В 1724 г. Данило вторично

отстроил монастырь, разоренный Чуприlichem, вел войну с Турками и, наконец, истощенный трудами и заботами, умер в 1735 г. Память его останется навсегда дорога Черногорцам; — он был первый из владык, сумевший обратить на себя и на свою страну благосклонное внимание и покровительство Русских императоров.

Первое правление Саввы

Даниле наследовал его племянник Савва Петрович Негуш. В первый же год своего правления (1736 г.), Савва построил церковь в Станевиче. Пока Россия и Австрия воевали с Турцией, и патриарх Арсений IV Иоаннович восстанавлял против нее Сербов, Савва не терял времени и не раз давал себя чувствовать Туркам.

В 1742 г. он отправился в Москву, был очень милостиво принят императрицей Елизаветой, пославшей с ним Черногорцам указ и богатые подарки. На обратном пути из России, Савва проездом был в Берлине, и получил от Фридриха великого золотой крест. Вернувшись в Черногорию, он заранее назначил себе в преемники своего двоюродного брата Василия Петровича Негуша и послал его к Сербскому патриарху Афонасию Гавриловичу, который должен был обучить и приготовить к ожидавшему его высокому сану. Получив посвящение в 1750 г., Василий вернулся на родину, где Савва передал ему верховную власть, а сам удалился в Станевичский монастырь.

Владыка Василий

Уже со времени Данилы начались в Черногории внутренние междоусобия. Племена стремились к независимости и не хотели признавать над собою власти владыки. Василий обратил все свое внимание на восстановление своей власти и правосудия, предписал полнейшее повиновение распоряжениям светского правителя, Станки Радонича, которому вскоре наследовал Вук Вукотич, из Чево.

В 1752 г. Василий в свою очередь отправился в Россию, где императрица Елизавета приняла его также милостиво, как и его предшественника, осыпав многими богатыми подарками. Вернувшись в Цетинье в 1755 г., Василий нашел Черногорию в полном раздоре. Несколько человек изменников отправились в Константинополь с ужасным предложением выдать свою родину султану Осману III. Разрушив все эти планы и водворив снова согласие, Василий еще более восстановил против себя султана, и тот не замедлил послать ему приказание платить дань Высокой Порте.

Получив иронический отказ владыки, Осман III приказал визирю Боснии открыть военные действия против Черногории. Сорок тысяч человек встретились с Черногорцами на границе Оногоска.

После пятнадцатидневной борьбы, войска владыки, истощив боевые запасы, должны были отступить, а неприятель, разоряя и предавая пламени все, что ему ни встречалось по дороге, расположился лагерем в Чево.

Тут явилась Черногорцам неожиданная помощь: один Серб из Каттаро прислал им несколько тысяч патронов. Черногорцы ободрились, напали на неприятельский лагерь и разбили его. Турки обратились в бегство, покинув в все свои боевые запасы и весь провиант. С тех пор, до самой смерти Василия, ни один Турецкий паша не решался переступить границу Черногории.

Василий, постоянно заботясь о благоденствии своей страны, предпринимал еще два путешествия в Россию, в 1758 и в 1765 г., и получал от Елизаветы и Екатерины новые доказательства их сочувствия и благоволения. Во время своего второго путешествия, он умер в Петербурге 10 марта 1766 г. пятидесяти лет, на руках своего внука, Петра Петровича Негуша.

Второе правление Саввы

Смерть Василия возвратила власть слабому владыке Савве, уже 20 лет проживавшему в своем монастыре, вдали от всякой власти и суеты мирской. Его вторичное правление ознаменовано двумя событиями: передачей ему патриархом Василием Ипекским всех духовных прав и преимуществ, которыми до сих пор пользовались Сербские патриархи и появлением в Черногории самозванца, выдававшего себя за Русского Императора Петра III.

Степан Малый

Около 1767 г. явился в Бокке Каттарской некто Степан Малый, выдававший себя за Петра III, супруга Екатерины. За два года до того, он объехал всю Черногорию в качестве доктора, изучил нравы и направление страны и убедился в привязанности народа к России. Затем он поселился в Майне, близ Будвы, у одного Вуко Марковича, которому, после многих колебаний и долгих оговорок, открылся в том, что он царь Петр III. Капетан (начальник) Майне, Марко Танкович, сопровождавший покойного владыку Василия в Россию, подтвердил показание самозванца, и известие это быстро распространилось по всем соседним местностям и в Черногории. Отовсюду стали сходитья главари, выслушивать от самого самозванца подтверждение этого важного известия.

Степан объявил, что он провозгласит себя не иначе, как среди полного собрания и когда главари прекратят все раздоры, их разъединявшие. Черногорцы изъявили готовность ему повиноваться, и, собравшаяся Скупщина, отправила в Майне 60 главарей с поручением признать Степана

императором Всероссийским и их господином. Вскоре после этого, последний патриарх Ипека, Василий, спасаясь преследований Турок, искал убежища в Черногории. Степан принял его милостиво, подарил ему своего собственного коня, и убедил посвятить владыкой Арсения Пламенца.

Степан Малый проживал обыкновенно в Майне, но со временем переехал в Черногорию и поселился в Негушах у Станки Радоница, где у него образовался целый двор. Здесь собирал он главарей, отдавал приказания, строго воспрещал воровство и жестоко наказывал за него, предписывал согласие, налагал подати, воспрещал всякую работу по воскресеньям, одним словом, старался смягчить и исправить нравы и обычаи Черногорцев.

Все эти действия возбудили подозрение и неудовольствие не только соседних папей и самого Дивана, но даже и Венеции. Пользуясь таким предлогом, султан Мустафа III отдал приказание напасть на Черногорию одновременно с трех сторон. И вот Турки, в числе 67.000 человек, вторглись в Черногорию с трех сторон, у Никшича, у Подгорицы и со стороны Плавницы.

Спротивление Черногорцев было продолжительно и отчаянно. Но их было не более 12 000. Истощив все запасы и уступая превосходству силы, Черногорцы были на краю гибели. Но тут Провидение послало им неожиданную помощь, совершенно изменившую положение дел. Гром ударил близ Будвы; загорелись пороховые магазины Венецианцев. В тот же самый день гром ударил тоже среди войска Скутарского паши, и оно, испугавшись такого чуда, разбежалось. Черногорцы, завладев обозом с провиантом и запасами, ободрились и бросились на неприятеля со всех сторон. Турецкие полководцы, удивленные такой решимостью, и ввиду наступающей зимы, поспешили перейти границы, жестоко преследуемые Черногорцами, и уже не заботясь о том, чтобы захватить Степана Малого.

До сих пор неизвестно, участвовал ли Степан Малый во всех сражениях; во всяком случае, достоверно то, что он не выказал себя героем, и после окончания войны удалился на целых девять месяцев к какому-то монаху.

12 августа 1769 года высадился близ Спича (недалеко от Антивари) князь Долгорукий, посол императрицы Екатерины с большой свитой, богатыми подарками и большим количеством боевых запасов. По прибытии в Цетинье, князь Долгорукий созвал народ и публично прочел указ императрицы, приглашающий Черногорцев принять участие в войне России с Турцией.

Черногорцы поклялись помогать всеми силами русскому оружию, и уверили князя в своей непоколебимой преданности императрице.

В другом письме, прочтенном Долгоруким, говорилось, что Степан Малый обманщик, и что от него следует избавиться.

Главари обещали исполнить это приказание. Но, не далее, как на другой день, явился в Цетинскую долину сам Степан Малый, и главари с выстрелами бросились ему навстречу, крича: — Живио! вот наш господарь!

Долгорукий призвал Степана: — Подойди, — сказал он ему, — и узнайся обманщик, что ты не только не царь Петр III, но что ты даже никогда не бывал в России.

Степан сознался. Между главарами было разногласие: одни настаивали, что его следует казнить, другие восхваляли его хорошие качества и мудрое правление.

Князь Долгорукий довольствовался тем, что отдал Степана Малого под хорошую стражу, и стал готовиться к предстоящей войне.

Владыка Савва сказывался больным и держал себя вдалеке от всего; Черногорцы начали вооружаться и делать военные приготовления, не ожидая ни его согласия, ни его разрешения.

Целых три месяца ожидал князь Долгорукий начатия военных действий на Архипелаге; он был очень доволен Черногорцами, которые своею храбростью и стойкостью удерживали турецкие войска в Герцеговине и Албании.

Видя, что наступает зима, и понимая всю неспособность старого Саввы, Долгорукий решил вернуть свободу Степану Малому, дал ему патент на звание русского штаб-офицера, поручил все привезенные из России военные запасы, и, убедив народ ему повиноваться, со всей своей свитой пустился в обратный путь в Россию, в 1769 году.

Степан Малый, став во главе народа и находясь в более законном положении, нежели прежде, задумал проложить дороги в Черногории. Наблюдая за этими работами, он был тяжело ранен взрывом мины в июне 1771 года. Излечившись от своих ран, он тем не менее остался косою и калекон на одну руку и обе ноги. Рагузаны, возбудившие сильное неудовольствие графа Орлова, и боясь возмездия, старались привлечь на свою сторону Степана Малого и, узнав о его жалком положении, прислали ему в числе богатых подарков роскошные носилки, в которых он велел себя иногда переносить, отдавая приказания, как настоящий диктатор.

Пользуясь мирным временем, Степан Малый занялся водворением правосудия и составлением переписи людей, способных носить оружие; он переехал в Цермницу, чтобы оттуда лучше наблюдать за турками, устраивая им постоянные козни. Так дожил он до 1774 года, когда был ночью задушен греком, жившим у него в качестве слуги, и вероятно подкупленный skutарским визирем, Мехмет-пашой Бушатлиа.

Князь Долгорукий говорит в своих записках, что, по его мнению, Степан Малый был один из замечательнейших людей своего времени, что он был родом из Боснии, и по наущению архимандрита Марковича,

принял на себя роль обманщика. Другие говорят, что он был уроженец Далмации. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что он пользовался в Черногории большей властью, нежели какой бы то ни был до него владыка, и Венецианцы, бывшие с ним на частых сношениях, отзывались о нем с не меньшим уважением, чем князь Долгорукий, и донося о нем Дожу, писали: «Речь его дышит миролюбием, сердечностью и добронравием; ответы умны, ясны и точны; ум блестящ, и он обладает всеми качествами, нужными для правителя».

Смерть Степана Малого возвратила снова власть в руки все более и более слабеющего Саввы. Мехмет-паша воспользовался его бессилием, и, во главе тридцати тысяч человек, вторгся в Кучи. Но мужественно отраженный, и потерпев большой урон, вынужден был отступить.

Многочисленные победы русских заставили Турцию подписать Кучук-Кайнарджский мир (близ Силистрии в 1774 г.). И хотя Черногорцы не были включены в этот договор, они все-таки могли гордиться тем, что много содействовали к его заключению, держа в страхе сильные турецкие армии на границах Герцеговины и Албании.

Петр I

Савва скончался в 1782 году, и народ избрал владыкой его племянника, архимандрита Петра Петровича Негуша, того самого, который некогда сопровождал Василия в Россию, и, со смерти Степана Малого, принимал деятельное участие в правлении. Владыка же Арсений Пламенац, удалившись в Цермницу, нисколько не думал пользоваться властью, которой был облечен. Бездарный, больной, он вскоре за Саввой последовал в могилу.

Повинуясь народной воле, архимандрит Петр немедленно уехал для своего посвящения. Он намеревался проехать в Россию, но, не получив от князя Голицына, русского посла в Вене, паспорта, отправился, с разрешения императора Иосифа II, в Карловац, к митрополиту Моисею Путнику, и был им посвящен 14 октября 1784 г.

Вернувшись из Вены и узнав, что Кара Махмуд-паша Бушатлиа, новый визирь Скутари, угрожал Черногории, Петр, заботясь о вооружении Черногорцев, обратился с письменной просьбой к сербскому генералу Зоричу. Не получив удовлетворительного ответа, он решился прибегнуть к Екатерине и поехал в Петербург, где Потемкин принял его не только холодно, но даже велел выехать из столицы в двадцать четыре часа.

Во время продолжительного отсутствия Петра, в Черногории возникли новые внутренние междоусобия, и Махмуд-паша, проведая о них, собрал войско и опустошил Лешанскую и Речкую нахии, а в июне 1785 года подступил к самой Цетинье и сжег монастырь.

Россия и Австрия, объявив снова войну Турции (1788 г.), желали и на этот раз иметь Черногорцев своими союзниками. Иосиф II отправил в Черногорию австрийского майора Филиппа Вукасовича с 400 солдатами, с субсидией и с его собственноручным письмом. Перспектива новой войны воодушевила народ, но владыка Петр I, понимая, что война эта не принесет никакой пользы его отечеству, и не получая от России никакого приглашения в этом смысле, удерживал Черногорцев. Когда же прибыл русский полковник Тутолмин с указом Екатерины II и с поручением уговорить владыку соединиться с Россией для предстоящей борьбы, тогда колебание сделалось немыслимо, и Тутолмину обещано было сделать все, что возможно.

Бушатлии объявили себя независимыми от Порты, и Вукасович, надеясь склонить к австро-русской партии Кара Махмуда в Скутари, отправился к нему вместе с послом, присланным из Вены, с богатыми подарками и пятью тысячами червонцев. Получив самый лестный прием от Кара Махмуда, и исполнив поручение, посольство возвращалось уже в Черногорию, когда, близ Скутарского озера, по приказанию того же Кара Махмуда, посол и вся его свита были убиты и ограблены. Спасти успел только один Вукасович. Он вернулся в Черногорию, где не мог никак сговориться с владыкой, вследствие чего последний удалился в монастырь, в Станевиче. Видя, что без владыки нельзя ничего сделать, Вукасович обратился к нему с покорной просьбой, приказать всем нахиям готовиться к войне.

Несмотря на всю храбрость Черногорцев и Бердян, несмотря на многие победы, они все-таки не могли вытеснить Турок из Черногории. Дела затянулись, Латынцы в Албании не соглашались примкнуть к союзникам России, и Вукасович должен был снять осаду Служа; он вернулся на Ловчин, а спустя несколько дней, забрав своих людей, спустился в Катаро. В это самое время прибыл в Черногорию русский полковник граф Марко Ивелич с письмами императрицы Екатерины ко всем славянским народам, с целью побудить их к войне. Две тысячи Черногорцев и Требишан сделали безуспешную попытку овладеть Никшичем, и этим навлекли на себя только новое разорение своей страны Турками. Петр обратился за помощью к императору Иосифу II. Государь этот скончался в это время, а наследник его, Леопольд II, глубоко сочувствуя жалкому положению Черногорцев, отправил к ним из Триеста целый корабль с военными запасами. Австро-русский союз нанес Турции жестокий удар. Она проиграла много сражений и потеряла многие крепости. Леопольд II, довольствуясь успехами своей армии, поспешил заключить с Портой мир (1791 г.) и получил Белград и общую амнистию для всех Сербов.

Екатерина последовала, в этом же году, примеру своего союзника, и подписала мирный договор с Турцией.

Спустя два года, после своего поражения, Требишане соединились с Ускоками (перебежцами) на верхней Мораче и разделили с ними прилегающие земли.

Турки, зорко следившие за усилением Ускоков, решились покончить с ними; собрав значительные силы, они напали на Ускоков и Требишан, но, в тесных горных ущельях были ими отражены с большими потерями.

Махмуд-паша, со своей стороны, старался всеми средствами отделить Брду от Черногории, и, видя невозможность достигнуть своей цели, собрал втихомолку большую армию и двинул ее на Подгорицу. Бердяне призвали к себе на помощь владыку. Черногорцы поспешили к Бердянам, и Петр, во главе восьми тысяч человек, у села Мартиниц, отбросил Турок к Спужу, и нанес им сильный урон. Сам Кара Махмуд, тяжело раненый, должен был отказаться от дальнейшего преследования своих намерений.

Побежденный паша не падал духом; — он скоро оправился, и собрал новую тридцатитысячную армию. В 1796 г. он прошел Зету и направился к Лешанской нахии, а оттуда к Цетинье. Петр I, созвав своих верных Черногорцев, пошел навстречу неприятелю, и одержал знаменитую победу близ села Груше, в Лешанской нахии. В этот день пало более двух тысяч Турок, сам Кара Махмуд погиб, а голова его была принесена в Цетинский монастырь. Присланные Леопольдом II военные снаряды много способствовали к одержанию этой победы, упрочившей навсегда независимость Черногории и Брды.

В скором времени после этого, Петр I получил из России, — в знак признания его доблестных подвигов и высокого уважения к его добродетелям, — орден Александра Невского.

Падение Венецианской республики в 1797 г. должно было сильно отозваться на Бокку Катарскую, которая по договору в Кампо-Формио уступалась Австрии. Боккезы не могли без протеста признать новый порядок вещей; они обратились к Петру, и он посоветовал им устроить свое временное правление и выжидать восстановления светлейшей республики, а если же она окончательно погибла, то признать власть Австрии с тем, чтобы она согласилась оставить за ними те права и льготы, которые были оговорены предками их при соглашении с Венецией в 1420 году.

Австрия между тем заняла Далмацию; Боккезы, сознавая, что Венецианская республика пала безвозвратно, решились тоже признать ее власть. В это ж самое время явился французский флот пред Рагузой с целью занять Бокку. Ввиду угрожающей опасности, австрийский комиссар обратился к владыке за помощью против общего врага, вверил

ему не только верховную власть над всей Боккой, но даже и начальство над войском его величества.

Бонапарте, сделавшись императором, восстановил против себя русского государя Александра I и всю Европу, готовую двинуться на него. Чрезвычайный русский комиссар Санковский явился в Черногорию предупредить владыку держать себя наготове. Победы Наполеона при Ульме и Аустерлице, и последовавший за ними мир в Пресбурге (1805 г.) изменили положение дел. Бокка вместе с Далмацией должны были признать власть Франции.

Русский адмирал Сенявин и владыка Петр I упорно отстаивали независимость этой страны, но вынуждены были уступить превосходной силе французов, которые, под начальством Мармона, заняли Рагузу. До 1806 года продолжалась упорная борьба Французов с владыкой Петром; последнего поддерживал русский флот и русские войска. После Тильзитского мира русские были отозваны из Бокки, а в 1807 году маршал Мармон занял снова все крепости Бокки, и, при свидании с Петром, предложил ему покровительство Наполеона взамен его дружбы, на что Петр ответил: «С меня довольно покровительства России!»

Недолго продолжалось согласие между новыми соседями. Когда Мармон хотел назначить консула в Цетинье и построить дорогу из Каттаро в Никшич через Черногорию, Петр не согласился и не допустил ни того ни другого. Раздраженный Наполеон грозил через своего наместника обратить в пыль и прах всю землю Петра I. Приводя в исполнение свои угрозы, он отнял в 1808 г. у владыки его духовную власть в Бокке, велел в отношении ее принять с жителей самые строгие меры, и этим окончательно восстановил Боккезов против Франции. Французы сделались предметом общей ненависти.

Петр I не принимал никакого участия в Сербском восстании при Кара-Георгии (1804—1805 г.). И только в 1807 г. вошел с ним в сношения, не имея однако возможности оказать ему требуемую помощь.

В 1809 году, когда Россия начала снова войну с Турцией, а Сербь, под начальством Кара-Георгия и Милана Обреновича, взялись за оружие, Петр послал отряд Черногорцев на границу Албании; не получая однако никаких известий из Сербии, он прекратил дальнейшие военные действия. Голод, свирепствовавший в 1810 г. в Черногории, не позволил заняться посторонними делами.

В 1811 году умер Милан Обренович, а Кара-Георгий, вынужденный снова выдать Туркам так недавно освобожденную Сербию, бежал в Австрию. После несчастного похода Французов в 1812 году, последовал Священный Союз; Александр поклялся освободить Европу от деспотизма Наполеона. Петр I, пользуясь удобным случаем, согласился исполнить

желание английского адмирала, Виллиама Гост, и возобновил в Бокке Каттарской борьбу с французами.

Французы были отовсюду вытеснены местными жителями и Черногорцами. Созвав в Доброте Боккезов и Черногорцев, Петр I предложил им провозгласить соединение Бокки с Черногорией, что и было решено 29 октября; и как Боккезы, так и Черногорцы поклялись защищать друг друга до последней капли крови, и действовать всегда сообща, как в независимости, так и в подчинении одной из великих держав.

Составлен был акт на двух языках, Итальянском и Сербском; его подписали владыка и губернатор Вуко Радонич от имени Черногорцев и Бердян, и начальники всех сел Бокки и Примория. Покончив это дело, Петр I готовился послать Савву Пламенца в Петербург, испросить государя принять протекторат над Боккой и Черногорией, с сохранением их прежних прав и льгот. Боккезские начальники, принимая во внимание отдаленность России, более склонялись к протекторству Австрии.

Спустя несколько дней, Каттаро вынуждена была сдаться адмиралу Госту, а Англичане покинули Бокку, передав начальство владыке.

Савва Пламенац, уехавший в Россию, медлил своим возвращением, а владыка, оставаясь в неизвестности, управлял, как мог лучше, своими новыми владениями.

Между тем, Австрийский генерал Миллютинович, получив из Вены приказание занять снова Бокку, двинулся до Кастельнуово 27 мая 1814 года, а 2 июня Каттаро открыл ему свои ворота, — и занятие канала Австрийцами было совершено.

Владыка, которому здесь ничего не оставалось делать, вернулся в Цетинье, беднее прежнего и без всякой надежды пожать когда-нибудь те лавры, на которые его геройские подвиги и мудрая политика давала ему полное право. Вскоре вернулся и Савва Пламенац с письмом государя, предписывавшим выдать Бокку Австрийцам, и уверявшим, что права и льготы Боккезов будут уважены и строго соблюдены.

Следующие годы, несчастные во всех отношениях для Черногорцев, ознаменованы были большими бедствиями. Между племенами и селами водворилось полнейшее несогласие. Воюя постоянно между собою, жители забросили свои поля и уготовили целый ряд голодных годов. Бедность, нужда заставляли многих Черногорцев ежегодно уходить то в Россию, то в Сербию.

Последним светлым явлением Петра I на закате его жизни — были победы его храбрых Черногорцев, в 1820 году, над визирем Боснии, Джелуладином-пашой, который, усмирив свою восставшую область, задумал покорить Черногорию. Но у истоков Морачи войско его было совершенно разбито; он потерял полторы тысячи человек, тысячу двести

лошадей и, кроме того, множество людей, взятых в плен, были обезглавлены на дымящихся развалинах Черногорских сел.

От 1821 до 1830 года, Турция, поглощенная восстанием Греции, делами в Молдавии и Валахии, неурядицами в Сербии, оставляла в покое Черногорцев; а они, собираясь небольшими четами (отряды), делали частые нападения на Турецкие границы и удовлетворяли свой воинственный дух и жажду военной добычи.

С 1814 г. Россия отказалась платить Черногории ежегодную субсидию в 1000 червонцев, получаемую ею со времен Павла I. Александр I как будто предоставил Черногорию ее печальной участи. Но император Николай I, по просьбе владыки, не только восстановил учреждение Павла I, но и возвратил Черногории свое царское сочувствие.

Несмотря на тревожную и бурную жизнь, Петр I никогда не переставал заботиться о внутреннем устройстве своей страны. Строгими, но, в то же время, благоразумными законами хотел он приучить Черногорцев обращаться к суду и не чинить самим расправы.

В 1796 году, он обнародовал на общем собрании свой законник (свод законов) в 33 статьях, и все главы присягнули свято хранить и соблюдать новые законы.

В 1798 году, во время новой Скупщины, созванной в Станевиче, он назначил судей, а в 1803 году снова собрал Черногорцев, чтобы им еще раз внушить уважение к законам и ознакомить с новыми статьями, прибавленными к прежде изданному законнику.

18 октября 1830 г. Петр I, вступивший тогда в 81 год своей жизни, сидел по обычаю Черногорцев, перед очагом своей большой кухни, и, собранным вокруг него начальникам, отдавал приказания для устранения недоразумений, возникших между племенами. Старый владыка, почувствовав вдруг что слабеет, объявил, что настал его последний час, и попросил отвести себя в скромную келью, где жил настоящим отшельником. Придя туда, он лег на койку, заклиная своих главарей в точности исполнять его волю, выраженную в духовной, в этот же день продиктованной им секретарю своему Милютиновичу, и затем, среди разговора и тихой молитвы, отдал Богу душу.

Так скончался этот великий человек, прозванный одним Сербским писателем Людовиком XIV Черногории, и бывший тоже во многих отношениях и ее Людовиком IX.

Петр II

Покойный владыка завещал в своей духовной держать мир и согласие, и требовал, чтобы жители Черногории и Брды собрались поголовно и поклялись над его прахом хранить мир до Джурджева дана (Георгиев

дня) будущего года, и во все это время не совершать ни мщения ни возмездия. Своим преемником назначал он своего семнадцатилетнего племянника Радо, не связанного еще никакими духовными узами. На другой день, после смерти Петра I, главари облекли молодого Радо в монашескую рясу, дали ему в руки архиерейский посох, и представили народу на гумне Ивана-Бега, как будущего его господаря.

Немногие заявили сопротивление в признании нового владыки; затруднение это было скоро устранено Станкой Степо (отцом князя Данилы), и все главари, сердари, начальники нахии, и сам светский правитель, Вуко Радонич, явились приложиться к руке вновь избранного владыки. После этого признания, Аджий Захария, епископ Призренди, с разрешения Скутарского визиря, отправился на остров Ком, где он, в церкви Рождества Богородицы, посвятил наследника Петра I и возвел его в сан архимандрита.

Спустя три года, 6 августа 1833 г., черногорский владыка посвящен был в Петербурге архиереем, и признан владыкой Черногории под именем Петра II.

Предыдущий год ознаменовался двумя равно важными событиями, показавшими народу, что новый владыка, несмотря на свою молодость, обладает высоким умом и твердым характером.

Великий визирь, Мехмед Решид, принудив наконец Скутарского папу, Мустафу Бушатлию, сына знаменитого Кара-Махмуда, признать верховную власть Порты, и покорив Албанию, задумал подвергнуть такой же участи в Черногорию. Прежде чем прибегнуть к крайним мерам, Мехмед Решид попробовал подкупить нового владыку заманчивыми обещаниями, предложив ему, как это было сделано и с Миланом Обреновичем, брат наследственности. Получив отказ от Петра II, Мехмед Решид послал на Черногорию семитысячный корпус, успевший занять ущелье Мартынич; но Черногорцы отразили турок и нанесли им большой урон.

Второе событие, ознаменовавшее 1832 год, было: обвинение и изгнание светского правителя Вуко Радонича, который ловкими интригами хотел заменить в Черногории Русское влияние Австрийским, думая этим приобрести неограниченную власть.

С изгнанием Вуко Радонича прекращается светская власть, существовавшая в Черногории с 1516 года. Петр II, соединив в лице своем духовную и светскую власть, твердой рукой принял бразды правления, и выказал себя преобразователем и восстановителем Черногорского народа, исподволь заменяя своей единой властью власть главарей нахии и племен, привыкших действовать вне всякого правительственного контроля.

Блистательная Порта, раздраженная этими переменами, последовавшими против ее желания и без ее согласия, ответила на них объявлением войны Черногории. Султан Абдул Меджид велел Омер-паше двинуться с сильным корпусом на новое княжество.

Едва успел начальник Бара (Антивари) начать военные действия, как 3000 Черногорцев, под предводительством Джуро Петровича овладели ночью, с 23 на 24 ноября 1852 г., крепостью Жабляк, у устья Морачи. Князь Данило не терял времени и призывал к оружию всех своих Черногорцев. Вскоре, собралось 6000 человек на Зете, мешая всякому движению Скутарского гарнизона к Жабляку. Тщетно предписывал Омер-паша Албанской райе идти на Черногорцев, она оставалась нейтральной.

Начало декабря ознаменовалось для Черногорцев целым рядом побед при Гацко, Церваце и в Зете. 14 числа, того же месяца, Порта уведомила всех представителей великих держав о предпринимаемой ей блокаде Черногории, основываясь на необходимости лишить Черногорцев возможности запастись извне оружием и провиантом. Спустя несколько дней, князь Данило двинулся на Подгорицу и отрезал всякие сношения между ней, Спужем и Скутари. Черногорское войско состояло из 12,000 человек, одна половина, под начальством самого князя, другая — под начальством его дяди, Джуро Петровича. Потерпев поражение под Жабляком, Черногорцы вынуждены были оставить эту крепость, разрушив ее стены до основания.

19 декабря послан был Турецкий флот к берегам Албании, Омер-паша с двенадцатитысячным корпусом выступал из Монастыря на Черногорию, а Скутарский визирь с Албанским корпусом готовился напасть с противоположной стороны. Среди таких трудных обстоятельств, князь Данило счел нужным послать с особым поручением своего дядю Петровича в Вену и в Петербург, а сам поспешил в Грахово принять все меры для защиты границ со стороны Герцеговины. Войска Омер-паши, вторгшиеся, не встретив никакого сопротивления, в Речкую и Цермницкую нахии, но вскоре вынуждены были отступить; сам Омер-паша, расположившийся лагерем в одной из долин, подвергся внезапному ночному нападению, потерял 17 знамен, и 317 Турок, которые были все обезглавлены. Эта победа ободрила Черногорцев, и отовсюду стал стекаться народ для защиты своей родины.

Джуро Петрович вернулся из Вены с обещанием Австрии вступить за Черногорию в Константинополе.

Омер-паша, изменив план военных действий, двинул все свои силы на Грахово, где встретил самое отчаянное сопротивление; другой корпус, проникший до Острога, встречен был самим князем, и Турки, разбиты наголову, бежали в Герцеговину.

Прошло 20 дней со времени начала военных действий, а Омер-паша не подвинулся ни на шаг вперед: его главная квартира была все еще в Спуже. Потеряв всякое терпение, и желая скорей порешить с этой утомительной борьбой, он покинул Спуж и, завладев долиной Зеты, принудил Черногорцев отступить на высоты, оберегаемые князем и Петром Петровичем, которому было приказано не допускать соединения двух армий, одной, под начальством Сераскира (генералиссимуса) Омер-паши, другой, под начальством, Осман-паши из Скутари.

Видя, что ему придется бороться с огромными трудностями, Сераскир обратился ко всем племенам с воззванием, приглашающим их под приманкой самых лестных обещаний сложить оружие.

Но эти обещания, увлекшие соседнюю райю, не прельстили Черногорцев; тогда Омер-паша, разделив свою армию на 4 корпуса, возобновил наступательные движения. Но Черногорцы, предводительствуемые такими храбрецами, как Петр Петрович, президент сената, Петар Филипов, Вуко Шаков Петрович и Степан Зузза, всюду держались стойко и отражали нападения Турок. Наступили проливные дожди, и Турки должны были покинуть Зету. 9 марта потерпели они сильное поражение, нанесенное им самим князем Данилой. Вследствие протестов, заявленных графом Нессельроде от имени России и графа Лейнинген от имени Австрии, Диван отдал приказание Омер-паше прекратить немедленно военные действия. Но эта бесполезная трехмесячная война обошлась Туркам очень дорого. Она стоила им много денег, и они потеряли множество людей. В апреле 1853 года князь Данило в сопровождении своего дяди Петра, президента сената, и нескольких сенаторов отправился в Вену выразить лично свою признательность Императору за оказанное ему содействие. Вскоре после этого последовало обручение князя с Даринкой Квечич.

Между тем, восточный вопрос возникал снова, и сильнее, чем когда-либо. В Петербурге все были того мнения, что Черногория не преминет воспользоваться удобным случаем соединиться с Россией, чтобы отомстить Турции за все обиды, нанесенные ей во время последней войны.

Сама Турция, разделяя это мнение, выставила шеститысячный корпус на границах Герцеговины, а в Цетинье послала объявление войны, сделанное ей Россией. Но Австрия употребила все средства убедить князя Данилу оставаться нейтральным. Князь, решив следовать советам Австрии, строго наказывал небольшие Черногорские отряды, делавшие в разных местах частые нападения на Турок. Все население было крайне недовольно политикой князя, удерживавшего свой народ от неприязненных действий против смертельного врага. К этому общему неудовольствию прибавилось еще новое затруднение: князь узнал о действительном или

В 1835 году Цермницкие четы завладели Спужем и вырезали часть его гарнизона, а Кучи смелым нападением завоевали Жабляк. Война казалась неминуемой; но Петр II велел сдать крепость Жабляк, и она была беспрекословно покинута Черногорцами.

В 1838 году Австрийцы, задумав удалить Черногорцев из земель, приобретенных ими у Пастровичей, начали вести переговоры; владыка соглашался на уступку. Но когда пришлось покончить спор, и Австрийские инженеры уже начали работы по разграничению земель, то отовсюду поднялся ропот негодования. Между Австрийцами и Черногорцами произошли кровавые стычки, и только угрозой отлучения от церкви мог владыка остановить своих неукротимых подданных от дальнейших неприязненных действий против Австрии. Воинственный дух Черногорцев требовал новой пищи, и владыка, не в силах его подавить, решился применить против турок в Герцеговине и Албании. До 1841 года продолжался непрерывный ряд сражений; Клобук, Жабляк, Колашин, Спуж и Подгорица постоянно подвергались нападениям Черногорцев; этим укреплениям часто угрожала опасность попасть в руки смелых горцев, которые под предводительством храбрых вождей вторгались в турецкую территорию, и всех изумляли своими геройскими подвигами.

В продолжение следующих десяти лет, Петр II старался всеми возможными средствами смягчить дикий и суровый нрав своих соотечественников; ему удалось уничтожить право крови (крвина), поддерживавшее наследственную месть, и искоренить обычай похищения девушек (отница). Этот необыкновенный человек являлся то начальником во главе войска с мечом в руках, подавая пример всех военных добродетелей, то смиренным священником и проповедником с крестом в руках, обращая к кротости и милосердию своих диких подданных; то опять неумолимым судьей, приказывая казнить в своем присутствии виновных; то неподкупным начальником, гордо отвергая все почести и заманчивые обещания, которыми хотели поработить его независимость. Пастушеская жизнь, которую он в детстве вел среди уединенных лугов своей бедной родины, пробудила в душе его поэтическое вдохновение. Впоследствии, прекрасное образование, полученное им в Петербурге, быстро развило его богатые дарования и, сбросив с себя грубую оболочку мечтательного, ленивого пастуха, он явился настоящим поэтом, ученым и мудрым правителем. Ознакомившись с утонченными нравами Европейской аристократии, он сумел помириться с самой скромной, строгой и однообразной жизнью; живя в постоянном столкновении с невежественным и грубым варварством, он считал счастьем уноситься мыслями в высшие области и, отрешаясь от действительности своей необыкновенной судьбы, искал в них забвение и утешение. Петр II умер внезапно 31 октября

1851 года, тридцати девяти лет, приказав похоронить себя на одной из самых высоких гор этой дикой местности. И до сих пор, на вершине величественного Ловчина, белеет, точно парус среди облаков, маленькая часовня, хранящая останки великого владыки, храброго воина и истинного поэта.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ В СВЕТСКУЮ ПРИ ПЕТРОВИЧАХ НЕГУШАХ

Данило I

Назначая наследником племянника своего Данило, Петр II выразил в своей духовной желание, чтобы Данило поехал в Петербург, и там хлопотал себе признание титула князя Черногории и Брды.

Увлеченный красотой Даринки Квечич, Данило решил, во время своего пребывания в Триесте, соединиться с ней узами брака. Пред отъездом в Россию он заявил сенату о своем намерении сложить с себя духовную власть, которой его род пользовался уже целых полтора века, и провозгласить себя светским государем с неограниченной властью.

Сенат почти единогласно одобрил это решение. Русское правительство, признав за Данилой княжескую власть, доставило новому светскому государю опору, необходимую для поддержания его власти и управления народом, который фанатически чтит свое прошлое и так был искренно предан православию.

Данило вернулся из Петербурга в июле 1852 г., украшенный Анненской лентой, а для главарей своих он привез много орденов и почетных медалей.

Во время его отсутствия сенат, которому новый князь поручил управление страной, обнародовал следующий указ:

Черногория составляет светское государство под наследственным управлением князя. К управлению страной призван, и князем признан светлейший господарь Данило Петрович Негуш; после его смерти право наследства переходит к старшему из его потомков мужского пола; в случае же пресечения его рода, власть переходит к родственникам по праву старшинства в мужской линии.

Государственный закон, законы и обычаи, служившие до ныне руководством для управления страной, остаются неприкосновенны и во всей силе, за исключением изменений, предписанных настоящим указом.

Его Светлость, князь, приглашается к скорейшему возвращению, для управления в согласии с сенатом, и для приведения в исполнение настоящего указа.

Блистательная Порта, раздраженная этими переменами, последовавшими против ее желания и без ее согласия, ответила на них объявлением войны Черногории. Султан Абдул Меджид велел Омер-паше двинуться с сильным корпусом на новое княжество.

Едва успел начальник Бара (Антивари) начать военные действия, как 3000 Черногорцев, под предводительством Джуро Петровича овладели ночью, с 23 на 24 ноября 1852 г., крепостью Жабляк, у устья Морачи. Князь Данило не терял времени и призывал к оружию всех своих Черногорцев. Вскоре, собралось 6000 человек на Зете, мешая всякому движению Скутарского гарнизона к Жабляку. Тщетно предписывал Омер-паша Албанской раие идти на Черногорцев, она оставалась нейтральной.

Начало декабря ознаменовалось для Черногорцев целым рядом побед при Гацко, Церваце и в Зете. 14 числа, того же месяца, Порта уведомила всех представителей великих держав о предпринимаемой ей блокаде Черногории, основываясь на необходимости лишить Черногорцев возможности запастись извне оружием и провиантом. Спустя несколько дней, князь Данило двинулся на Подгорицу и отрезал всякие сношения между ней, Спужем и Скутари. Черногорское войско состояло из 12,000 человек, одна половина, под начальством самого князя, другая — под начальством его дяди, Джуро Петровича. Потерпев поражение под Жабляком, Черногорцы вынуждены были оставить эту крепость, разрушив ее стены до основания.

19 декабря послан был Турецкий флот к берегам Албании, Омер-паша с двенадцатитысячным корпусом выступал из Монастыря на Черногорию, а Скутарский визирь с Албанским корпусом готовился напасть с противоположной стороны. Среди таких трудных обстоятельств, князь Данило счел нужным послать с особым поручением своего дядю Петровича в Вену и в Петербург, а сам поспешил в Грахово принять все меры для защиты границ со стороны Герцеговины. Войска Омер-паши, вторгшиеся, не встретив никакого сопротивления, в Речкую и Цермницкую нахии, но вскоре вынуждены были отступить; сам Омер-паша, расположившийся лагерем в одной из долин, подвергся внезапному ночному нападению, потерял 17 знамен, и 317 Турок, которые были все обезглавлены. Эта победа ободрила Черногорцев, и отовсюду стал стекаться народ для защиты своей родины.

Джуро Петрович вернулся из Вены с обещанием Австрии вступить за Черногорию в Константинополе.

Омер-паша, изменив план военных действий, двинул все свои силы на Грахово, где встретил самое отчаянное сопротивление; другой корпус, проникший до Острога, встречен был самим князем, и Турки, разбитые наголову, бежали в Герцеговину.

Прошло 20 дней со времени начала военных действий, а Омер-паша не подвинулся ни на шаг вперед: его главная квартира была все еще в Спуже. Потеряв всякое терпение, и желая скорей порешить с этой утомительной борьбой, он покинул Спуж и, завладев долиной Зеты, принудил Черногорцев отступить на высоты, оберегаемые князем и Петром Петровичем, которому было приказано не допускать соединения двух армий, одной, под начальством Сераскира (генералиссимуса) Омер-паши, другой, под начальством, Осман-паши из Скутари.

Видя, что ему придется бороться с огромными трудностями, Сераскир обратился ко всем племенам с воззванием, приглашающим их под приманкой самых лестных обещаний сложить оружие.

Но эти обещания, увлекшие соседнюю райю, не прельстили Черногорцев; тогда Омер-паша, разделив свою армию на 4 корпуса, возобновил наступательные движения. Но Черногорцы, предводительствуемые такими храбрецами, как Петр Петрович, президент сената, Петар Филипов, Вуко Шаков Петрович и Степан Зуза, всюду держались стойко и отражали нападения Турок. Наступили проливные дожди, и Турки должны были покинуть Зету. 9 марта потерпели они сильное поражение, нанесенное им самим князем Данилой. Вследствие протестов, заявленных графом Нессельроде от имени России и графа Лейнинген от имени Австрии, Диван отдал приказание Омер-паше прекратить немедленно военные действия. Но эта бесполезная трехмесячная война обошлась Туркам очень дорого. Она стоила им много денег, и они потеряли множество людей. В апреле 1853 года князь Данило в сопровождении своего дяди Петра, президента сената, и нескольких сенаторов отправился в Вену выразить лично свою признательность Императору за оказанное ему содействие. Вскоре после этого последовало обручение князя с Даринкой Ключич.

Между тем, восточный вопрос возникал снова, и сильнее, чем когда-либо. В Петербурге все были того мнения, что Черногория не преминет воспользоваться удобным случаем соединиться с Россией, чтобы отомстить Турции за все обиды, нанесенные ей во время последней войны.

Сама Турция, разделяя это мнение, выставила шестисоттысячный корпус на границах Герцеговины, а в Цетинье послала объявление войны, сделанное ей России. Но Австрия употребила все средства убедить князя Данилу оставаться нейтральным. Князь, решив следовать советам Австрии, строго наказывал небольшие Черногорские отряды, делавшие в разных местах частые нападения на Турок. Все население было крайне недовольно политикой князя, удерживавшего свой народ от неприязненных действий против смертельного врага. К этому общему неудовольствию прибавилось еще новое затруднение: князь узнал о действительном или

предполагаемом заговоре, в котором участвовали президент, вице-президент сената и несколько других из знатнейших Черногорцев. Данило, долго не задумываясь, готовился, с обычной ему строгостью расстрелять всех виновных, но они, за исключением вице-президента, Джуро Петровича, успели спастись бегством на Австрийскую территорию.

В начале 1854 года Черногорцы принялись укреплять слабые места своих границ, к которым подвигались Турки из Монастыра, Требињи и Гацко. Удерживаемый Австрией, князь снова не позволил Черногорцам начать военные действия. До самого июня месяца удалось князю удержать воинственные стремления своего народа, под тем предлогом, что будто бы прежние договоры заставляли Черногорию согласовать ее действия с политикой Австрии.

Не вытерпели однако Черногорцы, и неожиданно вторглись в Герцеговину, грабя и разоряя все места, по которым проходили. Строгие меры, даже жестокие наказания Данилы не производили никакого действия, и постоянные набеги на Турецкие границы продолжались по-прежнему. Князь вынужден был принести в свое оправдание Венскому кабинету сознание, что он бессилен удержать свои неорганизованные войска. Это заявление вызвало в Черногории всеобщее неудовольствие, и в течение июня встали целые нахии, против которых Данило должен был выступить во главе 6000 человек.

Пипери, Кучи, Белопавличы поднялись против своего князя и отказывались признать его власть. Железная воля, энергия и беззаветная храбрость князя Данилы сумели побороть все трудности — он вышел победителем из тяжелых обстоятельств, строго и жестоко наказав виновных.

Жалкое состояние финансов навело Данилу на мысль обратиться к Австрии в надежде получить от нее денежную помощь; но она решительно отказала ему в этом. Тогда, князь должен был, подобно своим предшественникам, возложить все свои надежды на Россию, и для начала, наложил трехдневный пост для испрошения успеха войскам Русского царя на востоке. Когда же в следующем году (1855) получено было известие о кончине Императора Николая, то князь предписал народный, сорокадневный траур, и повсеместные молебны для ниспослания Всевышним благословения новому Государю.

Государь велел выразить князю и всей Черногории свою благодарность за это сочувствие.

24 января этого же года (1855) отпразднована была свадьба князя с Даринкой Квечич. За ней была послана в Триест депутация, во главе которой был Джуро Петрович, президент сената. 6 мая перед народным собранием обнародован указ о праве наследства и новый гражданский и уголовный законник. Указ о праве наследства назначал, по неимению

потомства мужского пола, наследником князя, его племянника, сына Мирко Петровича, брата Данилы, ныне царствующего князя Николая I.

Заявление Али-паши на конгрессе в Париже 26 марта 1856 г. вызвало князя Данилу на энергический протест ко всем державам, с приложением к нему мемории, в которой он подтверждал и отстаивал пред Европой свои права на независимость, и излагал свои претензии на увеличение своего княжества со стороны моря.

Протест и мемория не имели никаких последствий, и Черногория оставлена была в том же положении, в каком она находится по настоящее время.

Летом, того же 1858 г., Мирко Петрович должен был выступить против восставших Кучей, надеявшихся найти поддержку в Скутарском папе. Данило послал против них войско, и пока Черногорцы разоряли окрестности Подгорицы, Албанцы завладели Медуном. В минуту, когда война угрожала разразиться с новой силой, князь вторично обратился к великим державам с манифестом, в котором он решительно просил:

- 1) Признание независимости Черногории.
- 2) Расширение ее границ к Герцеговине и Албании.
- 3) Точное определение этих границ на турецких пределах, подобно тому, как это было сделано на Австрийских пределах.

4) Присоединение города Антивари к Черногории. Вначале, Европейская дипломатия выказала готовность заняться делами Черногории; завязались совещания по этому предмету в Константинополе и в Скутари; но когда, в 1857 году, князь приехал в Париж, то он крайне удивился, получив сообщение предложений, сделанных представителями великих держав при блистательной Порте и гласивших:

Что, князь Данило готов признать для себя и для своего народа верховную власть Порты; она же, за это, уступит некоторые земли в Герцеговине, за которые Черногория обязуется платить десятину; Порта назначит князю содержание; он получит титул Мушира, и Турция дозволит Черногорцам свободный доступ во все ее гавани.

Между тем, неудовольствие, обнаружившееся против правления князя, усиливалось с каждым днем, и Мирко доносил своему брату в Париж, что несколько сенаторов, под влиянием бывшего президента сената Джуро Петровича, изъявили сильную оппозицию настоящему порядку вещей. Данило ответил на это решительным приказом изгнания всех родственников Джуро, не исключая и самих сенаторов.

Не дожидаясь исполнения этого приговора, крайне затруднившего Мирко и сенат, Джуро Петрович и все его родственники, замешанные в этом деле, уехали в Каттаро, а оттуда в Триест. Вернувшись в Цетинье, Данило сообщил народу о своем намерении признать верховную власть

Порты, и предписал новые, строгие меры, усилившие еще более неудовольствие против его правления. Надеясь добиться чего-нибудь от Австрии, Данило снова уехал в Вену, и неожиданно вернулся оттуда, не получив даже аудиенции от императора и не пожелав представиться турецкому посланнику.

Новые набеги Черногорцев на Турецких границах заставили Скутарского пашу двинуть войска против Черногории. Строгость, с какой Данило приказывал взимать налоги, и суровые, даже жестокие меры, им принимаемые за малейшее нарушение его приказаний или неповиновение его воле, возбудили внутри страны сильное раздражение. Часто открывались заговоры против жизни князя, и в это самое время были расстреляны два заговорщика за покушение против его жизни.

В начале 1858 года произошли новые столкновение на границах; Турки получили такие значительные подкрепления, что князю пришлось серьезно призадуматься. Но прежде чем открыто начать войну с Турками, он отправил в Париж, Вену и Петербург трех сенаторов с поручением просить для Черногории протектората, о котором никто, по-видимому, не заботился, и велел своим подданным сидеть спокойно до тех пор, пока их сами Турки не вызовут на войну. Одна только Франция изъявила серьезное желание помочь угнетенной стране, и в Монитере 11 мая 1858 г. было напечатано заявление, обещавшее добиться формального дипломатического признания независимости Черногории. Для подкрепления этого заявления послана была в Рагузу французская эскадра, где к ней присоединился и Русский фрегат.

Желая покончить раз навсегда с Черногорией, Турция, несмотря на дружественную манифестацию Франции, приказала своей Требинской армии, под начальством Гуссейн-паши, занять Граховскую долину. 4 мая 1858 г. турецкие войска вошли по Клобукской дороге в Граховскую территорию, и расположились лагерем на возвышении Граховац. Данило, поручив начальство над войсками своему брату Мирко, послал тотчас Катунян с двумя воеводами, Петром Стефановым и Иво Радоничем, авангардами к Грахову, затем, создав подкрепления из Реки и Цермницы, отправил и их вслед за Мирко на Грахово.

11 мая Турки, терпя недостаток воды, напали на Петра Стефанова; Мирко и Иво Радонич поспешили к нему на помощь, оттеснили Турок и послали Стефанова с небольшим отрядом занять дорогу в Клобук, чтобы этим отрезать все сношения между этой крепостью и Турецким войском. 12 число прошло в переговорах на счет заключения четырехчасового перемирия, которое позволило бы Туркам запастись водой в долине и дожждаться прибытия обоза, поджидаемого из Клобука.

Турецкий генерал, понимая всю опасность своего положения, решился начать 13 числа отступательное движение. Но все его распоряжения разбились перед затруднениями местности, представлявшей собою настоящую воронку, края которой заняли Черногорцы. По данному знаку, с ятаганом в руках, храбрые горцы обрушились, точно глыба снега, на турецкие войска, убивая, вырезая все, что им попадалось навстречу. Турки дрались отчаянно; в продолжение двух часов, на пространстве двух миль, шла дикая и отчаянная борьба, где ни та ни другая сторона не хотели уступить. Гвардейская дивизия, составив каре, неподвижно выжидала натиск Черногорцев, которые, одной рукой отталкивая ружья, другой вонзали свои ятаганы в груди храбрых солдат. Кадри-паша, командовавший этой геройской дивизией, был убит один из первых, а за ним пали все остальные, образуя из своих павших тел оплот, за которым держались несколько минут остатки войска Гуссейн-паши. Эти два дня Граховской битвы стоили Черногорцам 400 человек убитыми; потери Турок были в десять раз больше.

Граховская победа взволновала весь Восток. Герцеговина, где неистовствовали Баши-Бузуки, жаждущие отомстить на Христианах избиение солдат Гуссейн-паши, встала, и райи, полагаясь на будущие успехи Черногорцев, дерзнули всюду поднять головы. Связанный осторожными советами дипломатии, Данило, вместо того, чтобы пользоваться своей победой, ожидал собрания конференции для разрешения недоразумений, продолжавшихся между Портой и его правительством.

24 июля на границе Албании произошло новое сражение, неудачное для Черногорцев. Они должны были отступить за Ситницу, и по приказанию князя присутствовать с оружием в руках при разорении их полей.

В течение октября Европейская комиссия, в которой участвовали представители великих держав при Османской Порте, собралась в Константинополе под председательством великого визиря Али-паши.

Эта комиссия должна была решить вопросы, относящиеся к Турецко-Черногорскому спору, особенно касательно границ. Определение границ, решенное в принципе, было для Черногории единственным выгодным последствием совещаний этой комиссии, в которой вопрос о признании независимости Черногории был долго и напрасно обсуждаем.

События, происшедшие с той минуты и до самой смерти князя Данилы, не представляют ничего особенно важного; перешагнув промежуток времени, продолжавшийся более года, мы остановимся пред тем трагическим событием, которое в вечер 1—13 августа 1860 г. разыгралось кровавой драмой на набережной Каттаро.

В этот день князь Данило и княгиня Даринка, поселившиеся на несколько недель в Персано, для пользования морскими купаниями, по

обыкновенно отправились в Каттаро погулять вечером на набережной, где собиралось все городское общество. Было уже около 10 часов и князь, намереваясь вернуться в свою виллу, собиравшийся сесть в лодку, как вдруг упал в объятия княгини Даринки смертельно раненый выстрелом в упор из пистолета.

Убийца был некто Кадич, личный враг князя, изгнанный им из Черногории. Он приехал в Каттаро в этот же день, переодетый и с твердым намерением рисковать своей жизнью для того, чтобы отомстить князю.

Задержанный на месте преступления, Кадич был предан суду и повешен, не выдав ни одного сообщника.

Тедески, доктор князя, напрасно прибегал ко всем средствам науки, напрасно окружал князя всей заботливостью, внушенной самой искренней привязанностью; он не мог его спасти; — князь умер на другой день, 2—14 августа. Тело его было перенесено в следующую ночь вдовой его в Цетинье, где сенат уже провозгласил князем Черногории и Брды сына Мирко Петровича, под именем Николая I.

Князь Данило был бесспорно для Черногории Петром Великим. Обладая твердым характером и железной волей, он сумел держать необузданных горцев в безграничном повиновении. Он заставил их уважать законы и подчиняться его приказаниям.

Его можно упрекнуть в излишней уступчивости Австрии и доверии к Европейской дипломатии, вызывавшие с его стороны медлительность и нерешительность в действиях. Кроме того, он не стеснялся в выборе средств для укрощения буйного нрава своих подданных, и для искоренения их привычек к разбойничьим набегам и грабежу.

Законы его отличаются необыкновенной строгостью; воровство наказывалось смертной казнью. Данило первый положил конец разбойничьим нападениям и водворил в Черногории полную безопасность и спокойствие. Но эти строгие меры не подавили вражденную храбрость и воинственный дух народа, и геройская его отвага не раз наносила Туркам, его смертельным врагам, жестокие удары. Много было недовольных, много было изгнанных, много врагов нажил себе Данило своими преобразованиями; но тем не менее, память его чтится высоко во всей Черногории; заслугам его воздается полная справедливость. Первый светский князь, он первый положил начало будущему, и, быть может, близкому величию Черногории.

Такова была Черногория в прошлом; какова она в настоящем, мы попробуем рассказать в следующей книге.

*Печатается по изданию: С. Дроссард.
Черногория. СПб, 1877.*

ГЕРЦЕГОВИНА В ИСТОРИЧЕСКОМ, ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Исторический очерк

Население Герцеговины принадлежит сербской народности великой славянской семьи. Занимая сравнительно незначительную по величине территорию, при неблагоприятных топографических условиях последней, Герцеговина никогда не достигала могущественного государственного развития. Лучшие страницы ее истории принадлежат тому времени, когда она была связана или с Сербией, или с Боснией. Главным фактором ее силы и сохранения в неприкосновенности ее самосознания во все время четырехсотлетнего ига османов была сербская национальность, тесно связанная с православием. Гористый, трудно доступный характер страны постоянно изолировал ее население от печальных событий, совершавшихся в более доступных частях Балканского полуострова, затруднял развитие влияния на этот край турецкой администрации и содействовал тому, что энергичное стремление к свободе здесь не угасло.

С переселения сербского народа от Карпатских гор на Балканский полуостров и до развития могущества Сербского государства в XIII веке, Герцеговина, тогда еще Хумская земля, управлялась собственными правителями. Заняв горную страну, жители группировались по родам, более или менее между собой связанным по родственным связям, но разделенным трудно проходимой местностью. Юго-восточная, более гористая часть Герцеговины еще и в настоящее время разделяется по племенам, очевидно происшедшим от родового начала. Так, южный угол Герцеговины и Черногории занимают зубчане, от них на северо-восток последовательно идут вдоль черногорской границы: кариничи, баняны, рудинцы, пивяне, дробняки, шаранцы, васоевичи и проч. При благоприятных условиях эти роды развивались и принимали вид как бы отдельных владений. Так, поповяне, жители Попова поля, с сопредельными племенами составляли некоторое время независимое владение, центром которого было Требинье.

Находясь в западной части Балканского полуострова, Хумская земля, вместе с соседними славянскими странами, подпала под влияние римских миссионеров, от которых и приняла христианство. Но великое значение имела для сербов проповедь Кирилла и Мефодия на языке, понятном каждому простолюдину. Когда произошел разрыв церквей, симпатии большинства сербского народа были на стороне церкви восточной.

В то время как «властели» и правители все еще придерживались римской церкви или впали в дуалистическую секту богомилов, народная масса уже вся исповедовала вероучение православия. Вот почему, когда крещеный католиком великий жупан Рашской земли, Степан Неманя, торжественно принял, в 1143 году, новое крещение в православную веру, он тем самым быстро приобрел силу и значение среди всего народа и положил начало могуществу сербского государства. Сын его, св. Савва, принявший монашество, учредил иерархию сербского духовенства и оставил по себе в сербском народе память просветителя родной земли. Хумская земля вошла в состав державы Степана и управлялась князьями из рода Неманичей.

Но едва разрослась Сербия при Степане Душане, могущественнейшим из сербских государей, как с востока надвинулись орды османов. 15 июня 1389 года, на Коссовом поле произошло сражение. В начале победа клонилась на сторону сербов, но Вук Бранкович в решительную минуту отступил с конницей, и цвет сербской знати со своим государем Лазарем погиб под ударами турок. Победа не легко досталась победителям. Обессиленные, они не решились на движение внутрь страны, а заключили мир. Хумляне принимали участие в битве в боснийском отряде Властко Хранича.

Главная причина поражения заключалась в феодальном устройстве сербского общества. Народные «властели» были в постоянной друг с другом вражде, и только могучая воля немногих из государей Сербии могла их обуздывать и соединять для достижения общих государственных целей. При каждом вторжении, впоследствии, турки находили в Сербии партию, им сочувствующую. Тем не менее, окончательное обращение Сербии в турецкую провинцию было не столько следствием покорения страны силой, сколько присоединения ее во имя родственных связей султанов с сербскими князьями. Два государства были связаны только единством власти в руках султанов, так что порабощение сербов в турецкую райю было делом бесправного насилия.

Раз государство Сербское было ослаблено, Хумская земля стала тяготеть к Боснии, к которой встала в ленные отношения. Властко Хранич сделался ее князем, оставаясь в то же время боснийским воеводой. Из рода князей дома Храничей, удельно владевших частями Хумской земли, особенно выделяется честолюбивый и хитрый Степан. Стремясь к полной независимости, он успел расширить пределы своих владений на север до Конницы, а на восток до Нового Базара. В 1440 году он получил от императора Фридриха IV титул герцога (герцег, по народному произношению), от которого и все его государство стало называться Герцеговиной. В 1466 году герцог Степан умер, разделив державу между двумя своими сыновьями.

Между тем, в 1457 году, сербская корона, по престолонаследию в женском колене, перешла к Степану Томашевичу, сыну боснийского короля Томаша. Против такого объединения сербского народа протестовал султан Магомет II, предъявивший свои собственные права на сербский престол, как правнук Милевы, дочери царя Лазаря, павшего на Косовом поле, и как хранитель прав другой сербской княжны Мары, дочери царя Юрия Бранковича и жены султана Мурада II, своего предшественника. В Сербии Магомет нашел многочисленную партию, которая содействовала ему в занятии страны во имя княжны Мары. Но одного занятия Сербии было недостаточно для Магомета, чтобы обладание всей страной окончательно закрепить за собой. Было необходимо уничтожить Степана Томашевича, успевшего в это время сесть на боснийский престол и признанного большинством сербского народа законным своим государем. Пользуясь своими сербскими приверженцами, Магомет II проник, в 1463 г., в Боснию и разорил страну из конца в конец, короля Степана Томашевича казнил, а всю знать потурчил. Герцеговина пока осталась в стороне. Герцог Степан не пришел на помощь своим соседям, надеясь усилиться их слабостью. Сделанное против него османами движение он отразил, но был принужден обязаться ежегодной податью в 25 000 червонцев и выдать султану аманатом своего младшего сына. Еще долгое время Герцеговина отбивалась от мусульман, но когда внутренняя неурядица между сыновьями Степана ее ослабила, она сделалась, наконец, жертвой турок в 1483 году (у Гильфердинга в 1498 г.), при султани Баязиде II.

Внутреннее управление страной было оставлено прежнее, имя Герцеговины изменено в Херзек, и область вместе с Боснией была подчинена султанскому визирю в Травнике. Самый сильный удар был нанесен Герцеговине обращением ее знати или «властелей» в магометанство. По примеру прочих славянских стран, герцеговинской знати было предложено на выбор: смерть или обращение в ислам. Боснийская и герцеговинская знать предпочла ренегатство. Только немногие роды успели сохранить православие или благодаря неприступности скал своих поместий, или бегству в другие православные страны. К числу последних принадлежит известный в России род Милорадовичей. Причина, по которой она не последовала примеру знати болгарской и сербской, большей частью погибшей под ятаганом мусульманина, заключается в том отношении к церкви, какое существовало в этих странах. В то время, как болгары и восточные сербы, от главы государства и до последнего простолюдина, отличались глубокой преданностью к православию, боснийская и герцеговинская знать, находясь под более сильным влиянием римской церкви, держалась католичества или из соперничества со своими восточными братьями принимала богомилство, ересь, строго преследовавшуюся

и в Великой Сербии, и в Болгарии. Не твердые в началах религиозного исповедания, они легко отрекались от христианства и принимали ислам, с которым сохраняли свое владычество на родине. Новые прозелиты оказались фанатичнее самих османов и всей тяжестью своего господства и устава Магомета насели на все остальное население, свято сохранившее православие. Только этим прискорбным событием в истории Герцеговины объясняется факт ее подчинения до сих пор Турции в то время, как другая, северо-восточная часть Сербии, несмотря на более близкое расположение к источнику силы османов и на менее благоприятное топографическое положение, уже успела окрепнуть и возвратить свободу. Так сохранилось в стране феодальное ее устройство, приведшее к гибели все сербские земли и поддерживающее до сих пор рабское состояние Боснии и Герцеговины. Бывший властель, главарь, теперь сделался мусульманским бегом, агой, безотчетным распорядителем имущества и жизни всех христиан, обращенных в райю, стадо. Простолюдин, кмет, платил харадж и десятину государству, а своему барину, «кнезю», аге, подать и отработывает барщину. Задушенная в своих жизненных началах, Герцеговина замерла. Об ее существовании забыли до начала настоящего века, когда события в мусульманском мире отозвались в стране, но не между христианским ее населением, а в самом мусульманском.

Сделавшись мусульманами, народные властели удержали все свое прежнее значение, всю власть над страной. Герцеговина, как и Босния, сделалась мусульманско-аристократической республикой в пределах турецкого государства. Но аристократия эта действовала неразумно. С одной стороны, она страшно угнетала христиан, с другой, стремилась к расширению и без того больших своих прав. Когда в начале текущего века центральная власть Стамбула обнаружила крайнюю слабость и во всех турецких провинциях проявилось стремление к самостоятельности, боснийская аристократия сочла это время благоприятным для приведения в действие своих честолюбивых замыслов. В Боснии организовалось, в 1831 году, революционное движение, во главе которого стоял Гусейн-капетан. Между тем, в надежде на благодарность султана, герцеговинская аристократия сплотилась вокруг Али-аги Ризванбеговича и объявила себя за султана. Босния столкнулась с Герцеговиной и славянская кровь потекла вновь в междоусобной брани. Герцеговинцы помогли турецким войскам смирить Боснию, и Али-паша был сделан самостоятельным султанским визирем в Герцеговине.

Недолго, однако, Герцеговина составляла особую область. Когда в пятидесятых годах в Боснию и Герцеговину был отправлен Омер-паша для введения в этих странах правильного рекрутского набора для низама и устройства местной военной организации, Герцеговина оказала сопро-

тивление. Но время для борьбы было упущено, и ее милиция была раздвлена батальонами низама. Последствием этого события было введение в страну турецкого чиновничества и рекрутской конскрипции. Герцеговина была обращена в санджак боснийского вилаяета. Ее восточная часть присоединена к бывшей России и Рапшской земле, вместе с которой составила особый санджак того же вилаяета, Ново-Базарский. В вознаграждение же мусульманской аристократии за потерю власти над страной, Порты определила райе выплачивать агам вместо барщины одну треть всех заработков. Харадж с христиан был заменен в несравненно больших размерах *беделем-аскериэ* или «войниной», и в общем результате герцеговинский райя был подавлен чрезмерными налогами. Прежде он был предоставлен произволу своего кнеза — серба по происхождению, хотя и мусульманина. Теперь он находился во власти и своего аги, и турецкого чиновника. Войнина, десятина, в действительности превратившаяся в половину, подать аге и косвенные налоги обратили его в рабочую силу для всех, кроме самого себя. Замечательно, что в то самое время, когда западно-европейские державы хлопотали об улучшении положения подвластных Порте христианских племен и понудили султана принять на себя целым рядом хати-гумаюнов обязательства произвести реформы в этом смысле, в это же самое время произошло фактическое закрепощение райи Боснии и Герцеговины.

Население юго-восточной окраины Герцеговины, благодаря неприступной местности, несло сравнительно меньшую тяжесть. Гранича с Черногорией, этой колыбелью сербской свободы, герцеговинские горы более сохранили свое патриархальное родное устройство и любовь к независимости. Между их знатью многие даже сохранили православие. Вот почему, как сербские мусульмане, так и турецкая администрация всегда встречали в этой гористой стране сильнейший отпор своему произволу и грабительству. Воинственное население всегда было готово взяться за оружие для защиты своей сербской национальности. Положение этой части Герцеговины, в особенности ее восточной оконечности, имело значение в общей истории всего сербского народа. К этой части прилегает узел всех горных систем полуострова. Из этого узла получает начало большая часть рек сербской земли. На скатах этой группы гор зародились наиболее свободолюбивые и могучие сербские государства, на севере: Рашка, Россия, ядро великого сербского царства Неманичей, на юго-запад Зетская земля, впоследствии знаменитая Черногория. Это ключ к воссоединению воедино всех сербских племен. Османы хорошо понимали значение этой территории. Еще Магомет II переселил из нее массу сербов, заменив их мусульманскими албанцами; но еще больший вред дальнейшей судьбе сербов был нанесен переселением, в 1690 году, пат-

риарха Арсения Черноевича с 40 000 сербских семейств в Австрию. Пункт соединения сербских земель очутился в полной власти мусульман. Вот почему Карагеоргий не мог соединиться с Черногорией и Герцеговиной, остановленный в своем движении на Вышеград и Ново-Базар боснийскими сербами-мусульманами, а в Старой Сербии арнаутами. Турки продолжают сознавать значение этого пространства земли, приобревшего особую важность с образованием сербского княжества, и усилили, в 1864 году, мусульманский элемент на нем кавказскими переселенцами.

Горское население юго-восточной Герцеговины много раз восставало против турецкого владычества, но условия времени и места этих вспышек были неблагоприятны для их успешного окончания. В особенности сильно было восстание в 1861 году, когда во главе народного движения стоял Лука Вукалович.

Печатается по изданию: Герцеговина в историческом, географическом и экономическом отношении. СПб, 1875.

Н.Д. ДИМОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МАКЕДОНИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МАКЕДОНИИ И МАКЕДОНСКИХ СЛАВЯН

Нынешняя Македония граничит на Западе с Албанией, Иллирией и Эпир. (Гром-планина, Граве-планина, Лурье-планина). На Севере со Старой Сербией-Сербским королевством и Болгарским царством, Шар-планина, Качаничским перевалом, Черная Гора и Осоговские горы. На Востоке Фракия, Центральные и Южные Родопы, на Юге с Эгейским морем, Фессалией (Грецией) с прилегающим Халкидоническим полуостровом, (Олимпом, Камбуница-планина, река Быстрица).

В первобытные времена Балканского полуострова Македония жила своей внутренней замкнутой жизнью, не имея сношения с внешним миром: вследствие своих недоступных границ. Какой народ пас стада свои на равнинах Македонии, на лугах Солунских, Штипских, Велеских, Прилепских и Битольских и на берегах Охридского озера; звуки какого языка раздавались в скалистых ущельях Шара, Родопы, Пинда — об этом история умалчивает. Ни одно предание не рассказывает нам о каком-нибудь древнейшем переселении какого-либо племени в эту страну. История говорит только о том, что древние переселенцы Балканского полуострова не застали там предшественников. Древнейшие обитатели нынешней Македонии были родственное племя Трако-Иллирийцам, от которых и ныне еще уцелели остатки племен под названием албанезы (нынешние тоска, поселившиеся в южной Албании). Историк Яков Абботт в своих исторических трудах на английском языке говорит, что древние македоняне, при сношении с греками, говорили на отдельном языке, непонятном для них, и когда Великий Александр Македонский обращался к своим полководцам-македонянам, то говорил на своем родном македонском языке, непонятном для греков. Этого достаточно было для историка, чтобы понять, что македонский народ, т. е. древние македоняне, не имели ничего общего с греками. Переходя к рассмотрению славянских набегов на Балканы, историки предполагают, что переселения на Балканы славянских племен, происходили не только в первые века после Рождества Христова, но и еще до Р. Х. Основываясь на посланиях Апостола Павла, в 146 г. до Р. Х. тот же историк говорит, что переселе-

ние славян на Балканский полуостров совершалось мелкими дружинами и поэтому оставалось незамеченным историками. К этому мнению присоединяется и историк Путтер. Что касается наплыва славян в третьем веке на Балканском полуострове, то об этом спора быть никакого не может, ибо историки ясно говорят, что в третьем веке, не только Балканы были заселены славянами, но и древняя Эллада сплошь до Адриатического моря. Это доказывает то обстоятельство, что греки-афиняне зывали к римлянам о спасении их от славян, ибо им нет житья от «Славос-Варварос». Этого достаточно, чтобы признать неоспоримое историческое право за славянским народом, который впервые явился на Балканы и смешался с остатками, находившихся в недоступных горах и ущельях, древних народов, хотя некоторые историки это отрицают, и утверждают, что первое появление славян на Балканском полуострове началось в третьем веке. Но это только предположение историков, которые тогда писали не по собственным наблюдениям, а по рассказам и преданиям Апостолов и путешественников, которым была доступна лишь Старо-Римская дорога, от Загреба до Солуни, и не встречая на своем пути никакого народа, они думали и уверяли других, что на Балканах нет никакого народа, или, что бывший там народ погиб или исчез от набегов разных диких племен: кельтов, аваров, финнов, гунов и пр. Но это лишь мнение тогдашних путешественников, лишенных возможности, благодаря недоступности гор и непроходимым ущельям и лесам, проникнуть в глубь страны Македонии, что напоминает нынешних путешественников, проезжающих Македонию в купе железнодорожного поезда, и они видят только то, что доступно их глазам и то, что представляется им возможным видеть при остановке поезда от Солуни до Скопья. И вот, сравнив то положение, при котором началась история македонских славян, с нынешним разногласием историков, филологов-публицистов по отношению к Македонии, кроме противоречия и разногласия ничего более действительного ни в одном труде, по сие время изданном, в отношении Македонии и македонцев нет. Каждый выражал свое мнение по тому направлению, откуда ему пришлось ехать в Македонию. Если он направлялся через Афины, то в его труде везде и всюду говорится, что в Македонии греки, а если ему приходилось ехать в Македонию через Белград, то он говорил и писал, что Македония населена Сербам, а если приходилось путешественнику ехать из Софии, то он говорил, что Македония населена болгарами. Вот результаты трудов славянских тружеников, не давших, к сожалению, до сих пор относительно Македонии определенного и самостоятельного с научной точки зрения материала на пользу славянской нивы. Говоря о тружениках, я касаюсь только славянского происхождения, ибо только славяне обязаны были перед Богом и совестью говорить и писать то, чем на самом деле была, и что ныне представляет Македония для славянского мира, как в духовном, этнографичес-

ком, а также и в национально-географическом и бытовом отношении македонских славян.

Македонцы со времени появления их на Балканском полуострове, всегда жили самостоятельно и хотя пережили римское и византийское иго, но эти владычества были политическими и лишали македонцев только сношений с внешним миром, но внутри Македонии македонцы всегда пользовались самоуправлением.

Интересно было бы напомнить и о тех переменах, которые происходили в политической жизни славянских племен на Балканах, но так как осложнение создано из-за Македонии, то я буду говорить только о македонских славянах.

В V веке мы видим Македонию сильным государством, вполне самостоятельным. Династия царя Василия Македонянина, македонского уроженца, занимала Византийский престол почти двести лет, с 867 по 1056.

Болгары явились на Балканский полуостров в 679 году около 30 000 орды под предводительством Аспаруха, который основал болгарское царство в Мизии, между Дунаем, Днестром и Черным морем. Потом уже болгары спустились ниже и основали свою столицу в «Преславле» (около Шумлы, ныне Эски Джумая). Первый набег на Македонию произвел болгарский князь Крум в 811 г., а потом уже в 918 г. болгарский царь Симеон завоевал Македонию до Вардара, но через 50 лет (в 963 г.) македонцы восстали, прогнали болгар и основали самостоятельное отдельное царство во главе с царем Дельяном. В конце XII века Македония захватывается болгарами на несколько лет, потом опять обособилась в самостоятельное государство и снова подпадает под власть Византии. В 1333—1336 г. Стефан Душан Сербский завоевывает северную Македонию, а после исторической Коссовской битвы в 1389 г. Македония, со всем Балканским полуостровом, подпадает под турецкое иго, сохраняя в неприкосновенном виде церковь и общинное самоуправление с вассальным Македонским королем Марком, и лишь в 1394 г. Македония перестала существовать, как отдельное самостоятельное государство, но навсегда Македония сохранила имя и название отдельной Македонской провинции в Турецкой империи.

Из приведенных исторических справок ясно видно, что почти целое тысячелетие Македония боролась за свое существование, как самостоятельная отдельная государственная единица.

ПРИЧИНЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЧЕТНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МАКЕДОНИИ

На Берлинском Конгрессе Македония была оставлена под владычеством Турции с тем, что по истечении 12 лет со дня подписания Берлинского

договора Македония должна была получить автономное самоуправление. Автономия эта была скреплена великими державами и Турцией.

Лишение Македонии той автономии, которая была завоевана русской кровью в 1878 г. было достигнуто ухищрениями немцев и корыстным отношением сербов и греков, поддерживаемым Европейскими капиталистами, вложившими свои капиталы в разные предприятия в Турецкой империи. Они хорошо понимали, что автономная Македония лишит их возможности вмешиваться во внутренние дела Европейской Турции. Вот почему не приводилось в исполнение решение Берлинского Конгресса относительно автономии в Македонии.

Македонцы, выждав срок, означенный в Берлинском Трактате, стали хлопотать об исполнении его. Но исполнять его никто не желал и жаловаться было некому.

Македонцы, угнетенные турецким рабством как политически, так и экономически, и видя у соседних государств свободу и равенство перед законом, не могли больше мириться и терпеть незаконные турецких властей и принуждены были искать свободной жизни, вследствие чего десятки тысяч македонцев эмигрировали в Болгарию и Америку.

Македонская интеллигенция, получившая образование в Македонии и вне ее, не могла найти себе труда для пропитания в своей родине — Македонии и, всячески преследуемая турецкими властями, во избежание со стороны турецкого правительства мнимых обвинений с целью ссылки на Малоазиатские острова (как многие из ее среды невинно поплатились своей жизнью), принуждена была искать пропитание вне Турецкой империи, ибо турецкая бюрократия и интеллигенция, как господствующая и состоящая из турок, арабов, армян, евреев и албанцев, имя Славян встречала с ненавистью и ни к какой государственной службе славян не допускала. Вот почему и получилось то скопление македонцев-эмигрантов в Америке, Румынии, Сербии и Болгарии. Но самый большой наплыв этой эмиграции нашел себе место в Болгарии. Поэтому, положа руку на сердце, я должен сказать правду, что государственные места, как в Греции, Румынии, Сербии, а также и в Болгарии, давались македонцам под обязательным выполнением местных государственных законов, т.е. принятие подданства, отбывание воинской повинности, причем в Сербии македонцы обязательно должны были называться сербами, в Румынии — румынами, в Греции — греками, а в Болгарии этого не было, а наоборот все македонцы, занимающие места, отнимали возможность получать таковые болгарам, и болгары без стеснения высказывали свое неудовольствие против македонцев и упрекали министров, что македонцы получают места, а кровные болгары не имеют таковых. Болгарское же правительство, стремясь к осуществлению Сан-Стефанской Бол-

гари, оказывало македонцам большой приют: оставляли болгар без места, давая таковые македонцам, а болгар посылали под опеку экзархии в Македонию на места учителей. Но при всем этом маленькая Болгария не могла утолить жажду всех и дать пропитание им в Болгарском княжестве, и поэтому македонская интеллигенция, служа своей родине, принуждена была искать средства и добиваться права, как каждому человеку принадлежащее право на его родине.

Таким образом в 1895 году образовался Македонский Комитет с целью добиваться той автономии, которая была подписана на Берлинском Конгрессе. Комитет этот имел свои корни, не только в Македонии, но даже в Болгарии и Румынии. Македонские эмигранты, как в Болгарии, так и в Румынии, наметившие целью искать пропитание на своей родине, должны были пробить себе дорогу и сказать туркам, что эта земля их славянская, и они, как славяне, хотят служить родине, быть хозяевами в своей родной стране, которую македонцы унаследовали от своих предков.

С 1895 года по 1901 г. македонцы боролись за ту автономию, которая была подписана на Берлинском Конгрессе, но когда немцы увидели, что страдания македонцев привлекли общественное мнение Европы и дипломатия начала заниматься македонским вопросом, то они, т. е. немцы с заранее задуманной корыстной целью в пользу своих материальных интересов подстрекали турецкого султана сжечь и уничтожить более многолюдные местечки, деревни и города. Таким образом был уничтожен артиллерийским огнем г. Крушево и 286 деревень — около 40 000 македонцев, в том числе ни в чем неповинные старики и дети были вырезаны, женщины и девушки изнасилованы, и все македонские народные требования названы были незаконными, и восстанческие движения названы были разбойническими. Десятки тысяч македонцев были сосланы по разным крепостям Малоазиатских островов. Турки делали все это хитро и смело и были покровительствуемы западными дипломатами. Все суды и приговоры производились в 12 часов ночи, так что были недоступны наблюдению коварные действия турок со стороны Европейских дипломатических представителей в Константинополе. Все это делалось перед глазами той гуманной Европы, которая выше всего ставит человеческое право. Турецкие зверства совершались в XX веке в пределах христианской Европы и они к стыду этой последней безнаказанно чередовались точно на кинематографическом экране.

Но этим турки не могли искоренить дух свободы у македонцев. Македонцы единодушно принялись за работу и в короткое время образовали целую сеть революционных Комитетов во всех городах, селениях и даже маленьких деревушках Македонии. Скоро эти Комитеты дали туркам почувствовать, что македонцы готовятся к решительному крово-

рых славянство, так расплылось и заселило не только Македонию, Болгарию и Сербию, но и всю Элладу вплоть до Адриатического моря. После этого наводнения славян на Балканском полуострове, несмотря на разные владычества и политические авантюры, македонский народ всегда составлял одно целое, самостоятельное, независимое государство, хотя и входило иногда под протекторат римских и византийских властей. Но всегда македонские славяне оставались достойными храбрыми хранителями славянских идей, православной церкви, письменности и культуры.

В данный момент мы видим, что Сербы благодаря географическому расположению и политическим комбинациям с поддержкой братской России имеют королевство.

Болгары имеют царство, завоеванное русской кровью, а македонцы благодаря конкурентам оставались под турецким игом. Кроме этого несчастные македонцы еще пострадали и потому, что будучи под Турецким игом, они окружены были со всех сторон экономически и не имели державной организации для поддержания школ и учебных заведений. Будучи осужденным с начала римского владычества, а затем византийского натиска и впоследствии турецкого ига, грозное имя македонец находило себе приют из поколения в поколение только в македонских сердцах. Что касается македонского языка, то турки сначала его называли греческим и поддерживали греческие школы и церкви, а когда, при возрождении славянской экзархии, была признана болгарская народность, а затем сербская народность, турки, думая, что разделение македонского народа в школьном и церковном отношении даст им возможность удержать свою власть в Европе¹, не стеснялись средствами и делали все то, что служило материалом к отнятию у македонского народа языка и культуры. Вот почему македонцы принуждены были подчиняться и отдавать своих детей в греческие, сербские и болгарские школы. Вследствие этого в Македонии получилось то положение, что один и тот же македонский народ называют греком, сербом и болгариним, лишь потому, что один признает греческого Патриарха и молится Богу в греческих церквях, а другой идет в славянскую церковь. В одних и тех же городах и селениях священники, получая жалованье из Болгарской экзархии, называли себя болгарями, те же, которые получают жалованье из Сербской Митрополии, называют себя сербами, и славянское македонское население, посещающее ту или другую школу или церковь, называет себя греком, сербом или болгариним. А с другой стороны, Вы посмотрите и увидите один и тот же македонский народ, который так душевно и жалостно при встрече со славянскими путешественниками

¹ Divide et impera но не везде применимы.

желает что-то сказать ему, но от страха, укоренившегося от турецкого ятагана, а теперь от греческого и сербского узурпаторства, смотрит на Вас грустно с влажными глазами и, излив нежно славянское добродушное гостеприимство, он думает этим помочь своему горю. Но и здесь бедному македонцу нет покоя. Вы уезжаете, он остается в том же аду.

Турецкие дипломаты думали, что для спасения Турецкой империи необходимо поддерживать разрознение между македонцами, на самом же деле они этим готовили почву и очищали дорогу немцам для оккупации Македонии; Австрия думала, что как 35 лет тому назад она оккупировала Боснию и Герцеговину, точно так же сделает и с Македонией, и на этот раз Австрия все так же стремится достигнуть своих вожделений, как и в 1877 г., но немного позже и другим способом. Балканский союз поступит благородно, если не полакомится за счет Македонии и оставит Македонию, как отдельную, целую и независимую славянскую единицу, и тогда союз этот останется в истории, как первый пятичленный Балканский союз. В противном же случае повторятся те же события, которые заставили славянство и греков подпасть под турецкое иго.

Если думают славянские дипломаты, что Австрия помирилась с тем, что Сербия должна увеличиться за счет Македонии, то они ошибаются потому, что Австрия сторожит и выжидает важный момент, ибо она знает, что предстоит вторая война из-за дележа Македонии и тогда Австрия воспользуется и окольным путем оккупирует Македонию. Тогда только будет конец сербским вожделениям в той стране, где нет сербов, а также болгары и греки будут каяться, но будет поздно, ибо вражда между греками и болгарами не улеглась и не исчезла, а лишь обостряется. Я не могу умолчать, не указав на единственное средство, которое могло бы решить македонский вопрос и тем самым спасти всех желающих поделить и завладеть Македонией от гибельного их стремления и неправильного понимания значения Македонии для Европейского мира. Интересы всей Европы одинаково всем говорят, что Македония должна быть свободной, с независимым управлением, ибо иначе македонский вопрос вызовет всеобщую Европейскую войну, каковую войну презирает весь цивилизованный мир.

Может быть, кто-либо скажет, почему я моим мнением так угрожаю всем желающим поделить Македонию. Чтобы ответить на этот вопрос, я позволю себе спросить, участвует ли Македония в Балканском союзе и имеет ли право на самостоятельность. Я отвечу — да, Македония участвует в Балканском союзе, многочисленные четы дали возможность союзникам в несколько дней овладеть Македонией. Македонцы в составе большой дружины ударили в тыл на турок и этим дали возможность сербам взять Куманово. Кроме этого участвует армия из одних только

пролитному восстанию. Европа, осведомленная об этом своими представителями, поспешила предупредить восстание посредством пресловутых Мюрцштегских реформ для Македонии, которые, впрочем, на деле не осуществились, так как Турция органически лишена была возможности без физического давления реализовать эти реформы. Хотя общественное мнение Европы почти было уверено, что под давлением Вены и Петербурга Турция выполнит означенные реформы, но это не так было легко и возможно для турок. Они хотя и начали было вводить какие-то реформы, но дело умышленно было начато не снизу, а сверху. Если бы Турция хотела на деле доказать, что она действительно воодушевлена была желанием реорганизовать свои Европейские вилайеты и если, посланные из Рима, Вены и Петербурга, представители прониклись бы сознанием всей миссии, то необходимо нужно было с реорганизацией жандармерии подчинить вали, каймакамов и мудуров и прочий административный персонал под общей властью наместника края и ввести выборных мировых судей, а затем произвести финансовые реформы. Вместо этого они начали свои «реформы» в кавычках обучением строевой службе жандармов, состоящих в большинстве из албанцев и турок, и где только десять процентов православных; к нижним полицейским службам трудолюбивые македонцы не так охотно стремились, хотя сначала некоторые и поступали, но затем они сами уходили вследствие несправедливого обращения турецких приставов и их помощников, которые исключительно состояли из турок и албанцев.

Вот почему эти реформы не дали никакого благоприятного результата и пять лет, в течение которых они приводились, пропали даром. В этот промежуток уполномоченные великих держав упражнялись, как проводить реформы и искали способ к осуществлению их, а турки своим чередом подготавливали почву к уничтожению этих реформ и отстранению Европейских инструкторов.

Средство это было выдуманно. В 1908 г., как гром грянула Турецкая Конституция, и сразу вежливым и деликатным образом, не дожидаясь предложения, Австрия отозвала своих инструкторов, тем же путем последовали и остальные державы, чем и дали возможность младотурецкому правительству снова истреблять славянское население в Македонии. Причины были ловко выдуманы и с целью будто бы разоружения христиан пущены были регулярные войска ловить бывших комитаджиев, и вся интеллигенция, стоящая на пути турок, вновь была поработана. Македонцев под разными обвинениями начали ссылать и заперать в крепости, начали бесцеремонно их истреблять и в лучшем случае выгонять за пределы Турции, а на их пепелища населялись муаджиры, выходцы из Боснии и Герцеговины и Малой Азии. Этим преследовалась цель увеличить число мусульман за счет славян в Македонии. Но и это туркам не

помогло, македонское население, являющееся в культурном отношении передовым на Балканском полуострове, сомкнутыми рядами и общими силами не допустило занятия славянских земель турецкими муаджирами. В противовес этому младотурки сформировали тайные боевые дружины с целью уничтожить всех тех лиц, которые казались вредными для турок, именно тех, которые сознательно отстаивали этот Славянский край и охраняли от пришельцев и хищников Македонию, как зеницу своего ока, как национальную святыню. Македонцы, убедившись в том, что не могут справиться со своими противниками, а именно: с официальной властью Турции, боевыми дружинами, Младотурецким Комитетом и с регулярной армией, примкнули к Балканскому союзу, которому и оказали свое полное содействие для сокрушения пятивекового рабства. Македонцы сформировали многочисленные македонские отряды, которые оказывали большое влияние на ход войны: при Куманове ударили в тыл на турецкую армию и этим дали возможность сербам выиграть сражение, и турецкая армия обратилась в паническое бегство.

То же самое повторилось в Велесе, в Прилепе и в Битоле. Что касается в Иштибе, то весь город восстал вместе с окрестными селениями, чтобы освободиться от турок.

Знаменитое сражение при Кирджали и взятие Явер-паши в плен останется на век в истории. Нельзя скрыть от истории и тот факт, что под Галиполи, Чаталджи и Адрианополем находятся македонские силы количеством от 40 до 70 000.

Рассмотрев возрождение четнического движения и его результаты, я не могу умолчать, не сказав, что Македония в течение 60-летней борьбы с турками отдала в жертву больше 100 000 своих лучших сынов за славянскую идею.

Также не могу не упомянуть и о тех ныне умерших патриотах, которые сыграли каждый по возможности видную роль в македонской истории, как то: Стоян Везенков, Спиро-Македонец, Ильо воевода, Димо-Павле Чуповский, Инже воевода, Поп Бувский, Георгий Пулевский, Коце, Дельчев, Дамиан Груев, полковник Янков, Стефан воевода Доспацкий, Стефан воевода Велеский, Моцко воевода, Трайко-Китанчев, Борис Сарафов, Марко-Воевода, (Георгий) Костурский. Все упомянутые патриоты боролись и жертвовали жизнью за свободу македонского народа и независимость совокупной Македонии.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАКЕДОНИИ И МАКЕДОНЦЕВ

Рассматривая македонский вопрос с политической точки зрения, я не буду касаться древних времен, а возьму только те моменты, при кото-

македонцев, численностью от 40 до 70 000, которая имеет своих македонских офицеров и генералов. Теперь эта армия находится при Галиполи, где удерживает натиск азиатской силы. Сражение македонской армии при Кирджали и взятии Явер-паши в плен с 12 000 армией, факт неоспоримый, которого история не вычеркнет. Кто именно создал этот Балканский союз? Балканский союз возник благодаря тому, что македонцы выдержали римское владычество, византийский натиск и турецкое иго. Кроме этого македонцы всегда являлись союзниками и участниками, как при освобождении греков, сербов и болгар, так и за последние 17 лет они от мало до голема с оружием в руках боролись за свободу и храбро удержали тот Славянский край — Македонию, в которой теперь преобладает славянское племя, что и послужило фактом для создания Балканского союза и той войны, которая теперь продолжается. Да Европа никакой бы войны не допустила, если бы там жили албанцы или турки.

Из всего мною сказанного я смею сказать, что македонцы имеют 100 процентов права на самостоятельность и на то, чтобы не быть подвергнутыми растерзанию между греками, сербами и болгарам. Несмотря на это, сербское, греческое и болгарское правительства для расширения своих границ на македонскую территорию не стесняются средствами и истребляют македонцев, которые не желают называться сербами, греками и болгарам, и тех, которые не умеют говорить по-сербски и по-гречески. Если сербы верно выбрали свой путь к достижению национальных интересов, то они должны стремиться к Северу и помнить, что шесть миллионов сербов ожидают их в Австрии. Если сербы будут помнить, что их ждет еще много борьбы впереди для достижения сербской национальной идеи, то должны опомниться и встать на свое место у своих границ, ибо ни Куманово, ни Тетово не помирятся с тем, чтобы остаться под сербами.

Македонский народ не помирится и с тем, кто стремится отнять у него язык, обычаи и естественную его привычку быть свободным у себя дома хозяином.

*Печатается по изданию:
Исторический очерк Македонии. СПб, 1913.*

МАКЕДОНИЯ

По сан-стефанскому прелиминарному договору, в состав княжества Болгарии должна была войти почти вся область, известная под именем Македонии. В настоящее время она занимает Салоникский и Витольский вилайеты и Скопский санджак Коссовского вилайета. Географическое положение ее определяется следующим образом: на западе границу ее составляют отроги Пинда, направляющиеся от Горицы к северу, вдоль озер Преспы и Охриды, на соединение с Шар-планиной (Чар-дагом); на севере она граничит с Шар-планиной, Черной-горой (Кара-дагом) и княжеством Болгарией; на востоке ее отделяет от Фракии река Кара-су, вытекающая из Разлога, а южная ее граница, проходя от Горицы через Колонию, Наслич и Сервию, достигает берега Салоникского (Солунского) залива южнее устья Быстрицы.

Характер местности — гористый и чрезвычайно пересеченный. Поселения ютятся здесь преимущественно по течению рек и в многочисленных котловинах. Салоникский вилайет, по которому с севера и востока проходят отроги Риды, Перин-планины и Родопы, имеет склон к Эгейскому морю, тогда как западная Македония отделена от моря горами, составляющими водораздел между системами Эгейского и Адриатического морей. Главные реки Македонии: Вардар, Струма, Места (Кара-су) и Быстрица; первые три направляются с севера на юг, а последняя — с запада на восток.

Вардар, самая значительная река Македонии, получает начало из отрогов Шар-планины и течет сначала к северу, но близ г. Тетово поворачивает на восток, а затем у г. Скопле (также Скопии) принимает юго-восточное направление. Все его течение равняется 240 километрам. Вначале он орошает Тетовскую или Калкандейскую котловину (50 кил. длины и 10 ширины), окруженную высокими горами. Далее к югу идет Скопийская котловина (30 кил. длины и 10 ширины), северную границу которой составляет высокая, покрытая снегом Черна-гора, а южную — гора Бабуна. Западнее ее лежит Керовская равнина, а к северо-востоку все пространство между городами Скопле, Кумановым, Неготином и Штипом образует котловинообразную и бесплодную пустыню — *Овче-поле*.

Усилившись притоками, из которых главнейшие — *Пчинья*, *Голсма-Трпска* и *Вребница*, Вардар пробивает себе путь в скалистой теснине у г. Велеса, где построен через него мост. Далее он принимает: *Церну-Воду*, протекающую через г. Битоль (турецкий Монастир), *Могленицу*, протекающую через г. Водену, и *Ардихан*, вытекающий из озера Дойрана. Вторично Вардар стесняется горными отрогами у *Демир-капу* (железные ворота). В нижнем течении он постепенно расширяется и впадает в Солунский залив, в 15 километрах от г. Салоник. Здесь, близ устья, Вардар доступен для навигации (и то только для плоскодонных судов).

Струма вытекает из Витоши и пробегает Радомирскую, Кюстендильскую и Джумайскую котловины; последняя замечательна своими табачными плантациями и виноградниками. Затем река входит в длинную утесистую теснину. В нижнем своем течении Струма орошает плодородную Серескую (или Серскую) равнину, протекает через озеро Тахино и, пробившись между горами, впадает в Орфанский залив. В нижнем течении Струмы производится сплавное судоходство во время половодья.

Места получает начало в Разложской котловине и течет в диких скалистых теснинах. Самое узкое дефиле, находящееся между Неврокопской и Разложской долинами, носит название *Моминой клисуры*. В нижнем течении Места протекает через Сары-шабанскую низменность.

Быстрица получает начало из отрогов Пинда. Достигнув горы Шассии, она круто поворачивает на северо-восток и, пройдя узкое дефиле, достигает до низменности Кампании, по которой спускается к Солунскому заливу (против мыса Кара-Бурну).

В юго-западной Македонии, у границ Албании и Греции, отроги Шар-планины встречаются с разветвлениями албанских и греческих возвышенностей и образуют здесь высокую горную страну с рядом котловин, в которых лежат большие и глубокие озера. Самое значительное из них *Охридское* (30 кил. в длину и 22 в ширину), отличающееся прозрачностью своих вод и обилием рыбы; из него вытекает р. Дрин. В 20 кил. к югу лежат два озера *Преспа* (одно 20 кил. длины и 18 ширины, другое 15 кил. длины и 3 ширины); затем озеро *Костурское* или Кастория (12 кил. длины и 10 ширины), через которое протекает р. Быстрица; озеро *Острово* (турец. Сары-гёл) близ г. Водена и др.

В этой местности более значительны следующие котловины: Костурская, Битольская, Прилепская, Островская и Могленская. Наиболее плодородной и населенной из них считается *Битольское поле* (60 кил. длины и 30 ширины), орошаемое рекой *Церна-Вода*. Здесь находится главный город вилайета Битоль (56 тыс. жителей). Две трети населения Битоля — мусульмане, затем следуют греки и огречившиеся валахи (до 9.000), и наконец славяне (около 7.000) и евреи. Битоль соединен желез-

ной дорогой с Салониками, которую предполагается продолжить к Адриатическому морю. Отсюда начинается дефиле, ведущее в область больших озер, а затем через Пинд в Албанию и к портам Адриатики.

К юго-востоку от дикой и угрюмой Могленской котловины, на 60 километров в длину и на 40 в ширину, тянется *Белоземская* равнина, орошенная 4 реками: Быстрицей, Лудой, Вардаром и Галико. Луда протекает через *Пазарское* озеро (15 кил. длины и 5 кил. ширины), изобилующее рыбой и пиявками. Самое побережье Солунского залива от г. Салоник до Драгдела носит название *Желтой земли*.

Салоники, главный пункт вилайета и самый значительный город Македонии, имеет до 150 тыс. жителей. Наиболее многочисленны здесь евреи (свыше 60 тыс.), турок — до 40 т., греков — 30 т., славян — не более 10 т. У греков, болгар и сербов имеются здесь свои гимназии, у турок — лицей. Салоникский порт чрезвычайно оживлен (отсюда считается 3 дня пути до Суэза и Александрии и 1 день до портов Малой Азии). Город соединен железными дорогами с Сересом, Битоцем, Враньей и Митровицей.

В восточной Македонии, кроме указанной уже Сересской равнины, более значительны котловины: *Драмская*, *Розложская* и *Коракийская*. Все они соприкасаются с отрогами Перин-планины. В этих горах находится 40 небольших рыбных и 30 безрыбных озер. Розложская котловина (круглая, 20 — 25 кил. в диаметре) богата лесом, состоящим из столетних дубов и буков.

Побережье Архипелага от Ренда-богаза до Кавалы гористо, и лишь у устья Месты находится довольно плодородная Сары-шабанская низменность. Она соединяется с Ениджейской низменностью, которая тянется до Порты-Лаго и славится табаком.

Хотя Македония лежит под одной широтой с Неаполем, климат ее гораздо суровее итальянского. Причиной этого служат холодные северные ветры, проникающие сюда зимой через северную Болгарию и мимо Кара-дага из валашских равнин. Но зато теплый ветер, дующий весной с Эгейского моря, быстро сгоняет снег с гор. Летняя жара тоже умеряется ветрами. Вообще климат Македонии признается здоровым, за исключением некоторых болотистых местностей, где свирепствуют лихорадки.

Почва долин и низменностей по большей части плодородна (в иных местностях снимают даже по три жатвы) и орошена в изобилии. Плодовые деревья встречаются всюду; холмы покрыты виноградниками, многие возвышенности — лесами; на юге произрастает миндаль, оливковые, апельсиновые и лимонные деревья, хлопчатник, опиум, рис; македонский табак славится своим высоким качеством. И все-таки страна представляется по большей части пустынной и мало обработанной.

Административное деление Македонии составляют, как было сказано выше, *вилайеты* (генерал-губернаторства), которые подразделяются на *санджаки* (губернии), а эти последние — на *казы* (уезды). По турецким официальным сведениям (Sal-Namé), численность населения Македонии выражается следующими данными:

Салоникский вилайет — 936 309 жителей. В нем 3 санджака:

Салоники — 528.889 жителей; 14 каз: Салоники, Енидже, Карафериа, Катерина, Водена, Тиквеш, Велес (Кюпюрли), Струмица, Дойран, Кукуш, Гевгели, Лангаца, Кассандра и Афон.

Серес — 310 477 жителей; 8 казы: Серес, Зина, Демир-Хиссар, Петрич, Мелник, Джумая, Разлог и Неврокоп.

Драма — 96 943 жителей; 3 каз: Драма, Кавала и Сары-шабан.

Битольский вилайет (Монастир) — 838 384 жителей, 5 санджаков:

Монастир — 326 687 жителей; 5 каз: Монастир, Прилеп, Флорина, Охрида и Крушево.

Серфидже — 195 984 жителей; 6 каз: Серфидже, Кояни, Джуме, Наслидж, Гревена и Елассония.

Горица — 159 379 жителей; 4 казы: Горица, Кастория, Истарва и Колония.

Дибра — 99 780 жителей; 4 казы: Дибра верхняя, Дибра нижняя, Мат и Равалар (две последние к Македонии не принадлежат).

Элбассан (не принадлежать Македонии) — 56 534 жителей; 3 казы: Элбассон, Пеклин и Грамыш.

Коссовский вилайет:

Санджак Ускюб (Скопия) — 380 000 жителей; 8 каз: Ускюб, Куманово, Кратово, Тетово, Крива-Паланка, Радовиц, Штип и Кочани.

Таким образом, с исключением санджака Элбассана, население Македонии простирается до 2 098 159 чел.

Должно заметить, что цифры эти не вполне сходятся с данными, опубликованными некоторыми статистиками. Так, в сведениях о населении Битольского вилайета, сообщенных тамошним нашим вице-консулом А. Ростковским¹, число жителей в этом вилайете показано всего в 624 532 чел., т. е. против Sal-Namé менее на 213 852 чел.

¹ «Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям, в 1897 г.» («Живая Старина» 1899 г., кн. I). По сведениям г. Ростковского: турок — 79 867, албанцев магометан — 226 436, албанцев христиан — 32 685 (всего албанцев — 266 121), славян христиан — 280 349, славян магометан — 11 542 (всего славян — 291 891), греков христиан — 97 439, греков магометан — 10 584 (всего греков — 108 023), валахов — 53 227, евреев — 5 270.

Что касается распределения жителей по народности, то Бьянкони¹ и Веркович² дают об этом следующие данные:

	По Бьянкони	По Верковичу
Болгар	610 000	1 236 000
Турок	180 000	305 000
Греков	300 000	219 000
Валахов	80 000	81 000
Разных	380 000	66 000
Итого	1 550 000	1 907 000

Бендерев³, пользовавшийся сведениями Верковича и некоторыми другими источниками, распределяет жителей Македонии по национальности следующим образом:

1. Болгар	1 552 325 чел. ⁴	65%
2. Греков	217 190	9%
3. Албанцев	170 779	7%
4. Валахов	77 639	3,25%
5. Евреев	36 501	1,5%
6. Цыган	22 098	1%
7. Разных	4 362	0,25%
8. Турок	312 243	13%
Итого	2 393 137 чел.	100%

По вероисповеданию это население разделяется на:

Православных	1 623 543	67,5%
Магометан	732 416	30,66%
Евреев	31 501	1,5%
Католиков	1 315	0,33%
Разных	4 362	0,33%
Итого	2 393 137 чел.	100%

Э. де-Лавелэ («La péninsule des Balkans», II, стр. 204) дает следующий очерк расселения народностей в Македонии: «Крайний запад Маке-

¹ F. Bianconi, "Cartes commerciales. La Macedoine". Paris, 1885.

² С. Веркович, «Топографическо-этнографический очерк Македонии». СПб, 1889 г.

³ Капитан Бендерев, «Военная география и статистика Македонии». СПб, 1890 г.

⁴ Кроме того, болгары живут: в Румынии — 24 тыс., в России — 122 тыс., в Австро-Венгрии — 22 тыс., в Сербии — 1 500 и в Малой Азии и Африке — до 80 тыс.

дони и далее к Дрину и Призрену местность занята албанцами. К востоку от них, начиная с Охриды, живут болгары, сначала смешанные с арнаутом и валахами-цинцарами — до линии железной дороги Салоники — Митровица; севернее, в Старой Сербии, преобладают сербы, но тоже в смеси с арнаутом. Весь центр и восток Македонии заняты болгарами, поселения которых доходят до Салоник и Сереса. Греки населяют морское побережье и, кроме того, составляют значительный элемент в городах, так как они превосходят других жителей образованием и имеют больше связей с границей. Столица области Салоники — скорей еврейский город, а большая часть его обитателей-греков — цинцарского происхождения. Валахи встречаются компактными массами в горах Пинда и в Битольском вилайете».

Этнографическая карта В. Кънчева 1899 г., изданная в числе 5 других карт Македонии П. Н. Милюковым (СПб, 1900 г.), подтверждает в общем это распределение народностей Македонии и показывает кроме того, что всю область от Велеса до Орфанского залива пересекает довольно широкая лента турецких поселений, которые продолжаются далее к юго-востоку. Таким образом оказывается, что турки занимают в Македонии весьма выгодное стратегическое положение. Албанский элемент, который, как видно из карты Ами-Буэ 1847 г., почти вовсе отсутствовал в Македонии, теперь занимает уже сильные позиции южнее Шар-планины и Церной-горы и надвигается к Скопии и Велесу.

Хотя численностью турки значительно уступают христианам, но зато они здесь — господа, тогда как последние — *райя*. Притом же у магометан религия стоит выше народности и потому к туркам следует причислить и других последователей Магомета из славян и албанцев, да и большинство цыган, что увеличивает численность турок до 30—35% всего населения. С турками-османлисами христиане могли бы еще ужиться, но албанское хозяйничанье для них крайне тяжело. Пользуясь своим привилегированным положением, вооруженные с головы до ног, арнауты являются наглыми эксплуататорами местного христианского населения; иные даже живут открытым грабежом и не несут за это никакой ответственности. Есть округа, как Малесия и Дибра, куда, по удостоверению г. Ростовского, турецкие чиновники не смеют даже являться.

Один из недавних путешественников по Македонии, француз Берар¹, сообщает, что в настоящее время северные албанцы начинают склоняться на сторону Австрии, которая не жалеет средств, чтобы привлечь к себе главарей албанских племен; на албанцев-католиков стараются влиять в том же направлении их духовные отцы, состоящие преимущественно из австрийских подданных.

¹ V. Berard, "La Macédoine", Paris, 1897.

Из христианских подданных Турции наиболее видную роль играют греки. С покорением Балканского полуострова турками все христиане были подчинены Константинопольскому патриарху, и с тех пор греческое духовенство прибрало к своим рукам все бывшие славянские епархии; греческий язык стал царить и в церкви, и в школе. Особенно сильно было греческое влияние в Македонии, благодаря близости чисто-греческих земель. Городское население славян и валахов было сильно огречено и даже жертвовало значительные суммы на поддержку разных общественных учреждений в Афинах.

Но в 60-х годах в Болгарии, с развитием народного самосознания, началось сильное движение против греческого господства, которое привело, в начале 70-х годов, к образованию самостоятельной болгарской экзархии. В церковно-болгарской распри принимали участие и некоторые македонские города (Скопия, Охрида), но султанским бератом к болгарской экзархии была причислена только велесская епархия; остальные же христианские епархии могут только тогда присоединиться к болгарской экзархии, когда по крайней мере $\frac{2}{3}$ их жителей пожелают того.

Хотя болгарская пропаганда, действующая посредством школ, успела уже многих славян отвоевать от эллинизма, но должно заметить, что в юго-западной и юго-восточной Македонии греческое влияние еще очень сильно, особенно у горожан, которые предпочитают употреблять греческий язык в коммерции и отдавать своих детей в греческие училища.

Валахи (в Македонии их называют *влахи* и *цинцары*) занимаются, главным образом, скотоводством. Летом они живут со своими стадами в горах юго-западной Македонии, а на зиму спускаются в долины. Кроме того, цинцары рассеяны по всему Балканскому полуострову в качестве содержателей ханов (гостиниц), торговцев и ювелиров; многие из них нажили себе большие состояния. Почти каждый из более значительных городов западной Македонии, напр. Охрида, Витоль, Ресен, Крушево, Костур, Енидже-Вардар, Воден и даже такие по преимуществу славянские города как Прилеп и Велес имеют в себе, кроме турецких и славянских частей, и валашские кварталы, со своими то национальными, то греческими училищами.

До 1880 г. Валахи были верными служителями греческой идеи. Они оставались верными патриарху, обучали своих детей в греческих школах, поддерживали местные греческие заведения и даже способствовали, посредством денежных вкладов и завещаний, процветанию разных общественных и благотворительных учреждений в Афинах. Но с 1880 г. началось и у них пробуждение народного самосознания, поведшее их к сближению с одноплеменниками — увы, слишком от них отдаленными — румынами. Душой этого национального движения был Апостол Марга-

рители, житель г. Битоля. Для противодействия эллинизму он нашел опору в битольской католической миссии *лазаристов* (французов), которые надеялись обратить валахов в католицизм. При их содействии была основана в Битоли первая валашская гимназия. Но масса валашского населения остается верной православии и не сочувственно относится к этому заигрыванию с католицизмом. Греки же упрекают вожжаков националистского валашского движения в том, что они, склоняясь к католицизму, стараются войти в милость к Австрии.

Македонские евреи принадлежат большей частью к потомкам изгнанников из Испании (при Филиппе II) и потому до сих пор говорят между собой на испанском языке. Среди них есть и магометане, известные под именем *маммитов*. Живут евреи в городах, более всего в Салониках, и занимаются преимущественно банковыми операциями и отдачей денег в рост.

Цыган приписывают обыкновенно к туркам, так как большинство их держится ислама. Поэтому в действительности число цыган гораздо значительнее в Македонии, чем это показывается в статистических сведениях.

Главное же население Македонии составляют славяне, которые разделяются на несколько племен, различающихся между собой и наружным обликом, и характером, и наречиями. Главнейшие 5 групп их носят следующие названия: а) *барзаки-воиновичи-бабуны*, живущие по среднему Вардару (главные центры — Прилеп и Велес), вокруг озер Преспа и Охрида, по горе Бабуне и в окрестности Разлога; б) *копановцы*, занимающие Овче-поле и часть Тетовского края, иди Полога, т. е. окрестности городов: Скопле, Куманова, Кратова, Тетова (турец. Калканделен) и Эгри-Паланки; в) *пияницы-никольцы-езерцы*, живущие в северной Македонии, по верхнему Вардару (окрестности Штипа и Качаника) и от Малешева до Кюстендила (в пределах Болгарии); г) *бандовцы*, населяющие Солунский, Костурский, Горчанский, Авлонский и отчасти Воденский, Могленский, Енидже Вардарский, Битольский, Ресенский и Охридский округа (поселения их переходят даже в Янинский вилайет и Фессалию); д) *мыяки*, живущие в верхней Дибре, в Кичевском, Прилепском и Битольском округах, а также встречающиеся в Салониках, Константинополе, Афинах, Софии и Белграде.

Македонские славяне называют себя болгарами (*бугарами*), но сербы оспаривают это и причисляют македонцев к сербской народности, основываясь, главным образом, на сходстве обычаев (праздник «керснаго имени», существующий только у сербов, македонцев и албанцев) и народного эпоса. При большой близости сербского и болгарского языков, македонское наречие, составляющее как бы середину между ними, легко понимается не только болгарами, но и сербами.

До последней русско-турецкой войны сербы вовсе не заботились о Македонии, тогда как болгары давно, и в особенности со времени учреждения экзархии, поддерживали постоянные сношения с македонцами, устраивая и поддерживая у них школы с преподаванием на болгарском языке. По сведениям за 1894—95 учебный год в Македонии было 667 начальных болгарских училищ (367 для мальчиков, 45 для девочек и 259 смешанных); учеников в них считалось 36 623 (28 649 мальчиков и 7974 девочек), а учителей — 949 (791 мужчина и 158 женщин). Из этих училищ 556 находились в селах и 111 в городах. Наибольшее число училищ приходится на Солунский вилайет — 238 с 12 963 учениками; за ним следуют: Битольский вилайет с 193 училищами и 10 957 учениками, Скопский вилайет с 126 училищами и 6 664 учениками, Одринский (Адрианопольский) с 108 училищами и 6 194 учениками и Константинопольский с 2 училищами и 115 учениками. Сверх того, в Македонии было 69 болгарских классных училищ, в том числе две полных гимназии в Салониках (одна мужская, другая женская). Из этих учебных заведений было — 32 для мальчиков, 10 для девочек и 27 смешанных. Число учеников в них простиралось до 2 350 (1 924 мальчиков и 426 девочек), а учителей — до 246 (202 мужчины и 44 женщины).

После войны 1877 — 78 г. и последовавшей затем оккупации Боснии-Герцеговины Австрией, сербы потеряли надежду вырвать когда-либо эти провинции из цепких рук своей соседки, а следовательно — и на возможность пробиться к Адриатическому морю. Поэтому они обратили особенное внимание на западную Македонию, которая, до падения самостоятельного сербского царства, почти полтора столетия находилась под властью Сербии и сохраняет доныне многочисленные памятники этого периода в виде монастырей, храмов, развалин замков и т. п. Так как македонцы, признавшие болгарскую экзархию, называли себя болгарами, то сербы обратились со своей пропагандой к тем славянам, которые остались верными патриархату, предлагая им литургию и школу на сербском языке, вместо греческого. Наиболее им удалось укрепиться в Скопском санджаке, где даже администратором епархии поставлен теперь сербский архимандрит. В Скопии (турец. Ускюб) открыта в 1894 году сербская гимназия, высшая женская школа и 3 начальные училища. В 1895—96 учебном году в скопской епархии было 69 сербских начальных училищ с 2 553 учениками и 86-ю учителями и учительницами. Кроме в Салониках у сербов есть своя гимназия на 200 учеников.

Цель этой пропаганды — настолько укрепить свое влияние в западной Македонии, чтобы иметь право заявить свои притязания на нее при благоприятных политических обстоятельствах.

Притязания сербов на Македонию один из представителей сербской радикальной партии, бывший министр юстиции М. Милованович, в своей брошюре «Срби и бугари», мотивирует следующим образом:

«Македония нужна и сербам, и болгарам, так как и тем, и другим для защиты своей национальной независимости необходим выход к Эгейскому морю. Эта потребность, может быть более чем когда-нибудь, становится теперь насущной потребностью Сербии после положения, созданного для нее берлинским трактатом. Сербия, которую неодолимые жизненные нужды направили бы к югу, к Эгейскому морю, даже в том случае, если бы и Адриатическое море было в ее власти, — теперь, когда она отрезана от Адриатического моря, абсолютно не может существовать, как самостоятельная держава, если не получит свободного выхода на Эгейское море, если солунская гавань не попадет или непосредственно в сербские руки, или не будет поставлена в такие условия, чтобы Сербия могла пользоваться ею вполне свободно, без всяких ограничений». Между тем государственная самостоятельность Сербии, по утверждению автора, и есть необходимое условие государственной самостоятельности Болгарии. «Лишенная средств к самостоятельной политической жизни, Сербия неминуемо должна перейти в руки Австро-Венгрии... А переход Сербии к Австрии точно так же неминуемо заставит Россию войти в Болгарию». В Македонии мир тоже может быть восстановлен иностранцами, если сербы и болгары будут продолжать там свою борьбу. Таким образом, интересы Сербии и Болгарии требуют, чтобы обе страны пришли к соглашению и чтобы результатом такого соглашения был раздел влияний в Македонии. Как крайнюю меру сербских уступок болгарам, Милованович указывает при этом «границу, которая идет водоразделом Струмы и Вардара от теперешней границы до Демир-капу, а дальше — вниз по Вардару железнодорожной линией до Солуня. Сама эта линия и Солунь в таком случае могли бы быть нейтрализованы». В случае же, если болгары, надеясь на свою удачу в прошлом и на успехи своей пропаганды в Македонии, будут требовать себе целой Македонии, «это будет значить, ни более, ни менее, как объявление войны на жизнь и на смерть Сербии и всему сербству». В случае неудачи в этой войне Сербии останется только искать прибежища у Австрии, и вместе с тем прекратится вообще для балканских народов возможность самостоятельной политической жизни. Сербия и Болгария, — так заканчивает Милованович свою брошюру, — «суть два здания, построенные на одном фундаменте, наклоненные одно в другому и поддерживающие друг друга. Если будут подкупаны основы одного, то другое рухнет вместе с первым¹».

¹ Мы не имели под рукой брошюры г. Миловановича и цитируем ее по статье П. Милюкова «Сербско-болгарские отношения».

Болгары, однако, на такой раздел влияний не пошли, на том основании, что Македония, да и сами они — вассалы Турции; следовательно, делить то, что им не принадлежит, не приходится.

А между тем Австрия неустанно снует свою сеть, опутывая Македонию экономически¹ и создавая себе сторонников в самой стране. За Австрией же поднимается мощная тень Германии, для которой Македония со своим салоницким портом представляется удобным этапом для перехода в Малую Азию и к Суэзу.

Невольно является вопрос: не лучшим ли исходом было бы для Македонии в ее настоящем положении — получение автономии?

*Печатается по изданию: Н.Р. Овсяный.
Болгария. СПб, 1900.*

¹ По последним известиям, решена постройка железной дороги от Сараева к Митровице.

АВСТРИЙСКАЯ КРАЙНА

В «седую старину», приблизительно 4 000 лет тому назад, та часть современной Австрии, которая лежит между рекой Дравой и Адриатическим морем, была населена народом, ни имя ни происхождение которого не известны. Науке удалось лишь открыть, что этот народ, строя свои хижины на сваях, вбитых во дно местных озер, занимался скотоводством, рыболовством и охотой. Он не был знаком с металлами и не имел среди окружавших его местностей подходящего материала для выделения крепкого (из кремня) оружия. Поэтому он получал оружие от соседей путем торговли, большую же часть орудий выделял сам из кости. Но низко развитым этот народ, однако, не был. Он сумел, например, одомашнить дикую овцу, козу, корову и свинью, сумел приучить к себе и собаку. Мягкий, сравнительно, материал его обычных орудий не мешал ему достаточно искусно выделять ряд целесообразных предметов, необходимых для его обихода; например, иглы для шитья, крючки для ловли рыбы, гарпуны, грузила для сетей и т. п. Питаясь мясом и рыбой, народ пользовался и растительной пищей. Правда, хлеба он, по-видимому, не сеял, но возмещал его водяными растениями, орехами; употреблял также в пищу плоды, как, например, вишни и из ягод — ежевику и малину.

Приблизительно за 1 000—1 200 лет до Рождества Христова этот народ неизвестного происхождения был, вероятно, либо вытеснен, либо поработен другим племенем или, вернее, племенами, известными под названием иллирийских. Заселение мест, о которых здесь идет речь, иллирами знаменует совершенно новую эпоху жизни страны. В ней появляется железо, которое отныне и в течение многих еще столетий играет важнейшую роль в быте местных народностей. В новом периоде исчезают первобытные орудия из рога, кости и камня и заменяются железными. Железом очень богата местность южнее Дравы, занимаемая в настоящее время Австрийской Краиной. Оно не только перерабатывалось для нужд народа, но и для вывоза, обменивалось на разные заграничные продукты и, между прочим, на предметы роскоши и украшения: бронзовые бляхи, булавки, брошки, кольца, браслеты, а равно и на янтарные и другие бусы. Иллирийский народ занимал кроме Краины и другие земли, заселен-

ные теперь славянами, как, например, Приморье, Хорватию, Далмацию, Боснию и Герцеговину. Он делился на разные племена. Современную Крайну обитали яподы. Яподы укрепили свою страну многочисленными крепкими, хотя и первобытными замками, остатки которых в настоящее время называются «градищами», т.е. городищами, как мы выражаемся на русском языке. Однако, искусно укрепленные места не спасли местных иллиров от вторжения чужеземцев. То были кельты или галлы, наводившие с V века до Р.Х. страх на Италию и на весь Балканский полуостров. Насколько прочно осели в современной Крайне эти новые пришельцы, сказать с определенностью трудно; во всяком случае они в значительной степени воздействовали на жизнь и на быт яподов. Так, со времени вторжения кельтов, оружие последних становится отделаннее, и, вместе с тем, как и другие предметы, меняет свою форму. Нет сомнения, что кельты оказали на местное производство сильное влияние. Таким образом, в жизни Крайны еще до начала нашей эры возможно отметить три периода. Четвертый же, новый, стоит в связи с завоевательной деятельностью римлян. Уже во II веке до Р.Х. римляне заняли юго-западную часть страны. Находясь затем в постоянных войнах с иллирийскими племенами, римляне сильно ослабили их. Первый из римлян, прошедший через страну, был Юлий Цезарь. Он оставил по себе память в наименовании Юльских Альп, занимающих северо-восточную часть страны. Окончательное покорение яподов произошло между 15 годом до Р.Х. и 9 годом после Р.Х. С этого времени, составляя часть провинций Норикум и Поножи, современная Крайна входит в состав Римской империи.

Падение Рима знаменует и для Крайны новую эпоху. Во время великого переселения народов, в первой четверти VI века, ост-готы занимают, между прочим, и современную Крайну; в том же веке сменяют их лангобарды. С уходом их в Италию, в 568 году, появляются славяне, но не одни, а в единении с аварами, образовавшими могучее, хотя и не долговечное государство. Подвигаясь на запад вверх по течению Дравы и Савы, славяне сталкиваются с баварцами, которые преграждают им дальнейший путь. Затем целых два столетия страна проводит вне света исторических источников. Только в VIII веке становится известным, что славянский князь Борут призывал против аваров своих соседей баварцев. Этим кладется начало введению христианства, и одновременно появляется германское влияние во всей так называемой Хорутании, т.е. стране, ограниченной с юго-запада рекой По и тянувшейся вдоль Адриатики через современное Приморье, Крайну, Каринтию, Штирию почти до пределов Вены. В том же VIII веке рушится перед франками власть баварцев. Предводитель последних, Карл Великий, не ограничиваясь германскими пределами, во всей силе нападает на аваров и уничтожает их власть

навсегда. Славяне Хорутании поддерживают в лице своего князя Войнымира Карла Великого, но не приобретают этим полной свободы. Напротив того, Хорутания подвергается усиленной колонизации баварцев, франков и саксов, а после восстания славянского князя Людевита (в начале IX века) местные вожди заменяются германскими ставленниками. С этого времени история хорутанских славян и в частности крайнцев, так или иначе, тесно связана с историей Римско-германской, а потом и Австрийской империи. Фактически с IV века Крайной владеют герцоги Фриульские; с XII до первой трети XIII века над ней стоят маркграфы с резиденцией в Кранье, называемом немцами Крайнбургом. Вместе с тем, часть земли принадлежит Фрейзингенским и Бриксенским епископам, некоторая же доля — герцогам Каринтийским. В 1246 году большая часть Крайны причисляется к графству Тиролюскому, перешедшему в 1363 году к Австрии. С 1374 г. устанавливаются приблизительно современные границы Крайны, ограниченной с севера Каринтией (Хорутанией) и Штирией, с востока Хорватией, а с запада и юга Приморьем.

Таким образом, все средние века и новое время местная славянская народность находится под управлением германских государей и их единоплеменных уполномоченных. Отсутствие самостоятельности не могло не отразиться на национальных силах славянского народа. С течением столетий он уменьшается численностью и теряет территориально. В настоящее время потомки древних славян-хорутан, словинцы, занимают приблизительно треть того пространства, которым владели их предки. Почти все, что жило севернее р. Дравы, перешло в состав немецкой народности, а все, что жило западнее р. Сочи или Изонцо, — в состав народности итальянской. Теперь словинцы, численностью в 1 200 000 душ, занимают треть Штирии и четверть Каринтии. Зато вся Крайна сохранила свою словинскую народность. Она уцелела и в Приморье, где примыкает к народности хорватской.

В Крайне народ издавна был крепок духом, крепок в борьбе с инородческими пришельцами. Он отстоял свою самобытность; все чужеземное, что внедрялось в его страну, он перерабатывал в себе. Немцы, колонизировавшие Крайну, как и другие славянские земли, входившие в состав их государства, не сохраняли своей национальности в Крайне и превращались в словинцев. Теперь осталась в Крайне лишь одна германская колония — Кочевье, или, как называют ее немцы, Готче, расположенная со всех сторон словинским населением, из года в год сокращается в своем объеме, уступая культурному движению славян.

История Крайны, как одной из провинций сначала Римско-германской, потом Австрийской империи, не блистала, да и не могла блистать

теми политическими событиями, которыми разукрашены страницы истории других стран, но и она поучительна, как пример того, чего может достигнуть народность в отношении национального самосохранения и развития даже при самых неблагоприятных условиях. Она наглядно показывает, как силен дух народа, когда в нем жива вера в светлое будущее, когда он единодушно работает на отечественной ниве, на польза грядущих поколений, на славу и торжестве национальной идеи.

Как ни скудна история Крайны внешними событиями, она интересна выдающимися явлениями внутреннего характера. Весь XV век и отчасти XVI Крайна подвергается турецким набегам. Турки не задавались целью завоевать страну, они ограничивались разбойническими нашествиями, изнурявшими Крайну и препятствовавшими ее развитию. Деревни подвергались грабежу и сжигались, жители тысячами уводились в плен. Но сельское население, более всего страдавшее от турецких набегов, кроме того притеснялось еще и самими правителями страны, взимавшими с него непомерные налоги. Невыносимое состояние порабощения и угнетения приводит к восстаниям и бунтам, которыми богаты XVI и XVII века. Они подавлялись силой оружия. Тогда же в Крайну проникло и распространилось лютеранское учение. На почве Крайны новая вера приобретает национальное значение и двигает саморазвитие народа. Библия, до того известная лишь на латинском языке, переводится на словинский; богослужение происходит, равным образом, на родном языке. Но и это движение, имевшее важное значение для самобытного развития народа, подавляется силой. Как светская власть в лице правителей так и духовная в лице католического епископа, при содействии иезуитов, не гнушается никакими средствами для искоренения народно-церковного движения.

Наконец, в новейший период истории Крайны следует отметить кратковременную, но очень важную для нее эпоху. Наполеон I, разгромив Западную Европу, объединил славянские земли, входящие теперь в состав Австро-Венгрии, и образовал из них Иллирийскую провинцию, управлявшуюся генерал-губернатором Мармоном. Такое объединение славян могло иметь для местного крайнского населения величайшее значение, так как им уничтожался опасный славянству гнет. К тому же французы, несмотря на краткость своего управления страной, немало потрудились над ее развитием. Европейская коалиция 1813 г. уничтожила Иллирийскую провинцию, а с 1816 г. Австрия вступила во владение Иллирией. В 1822 г. Хорватия была отдана Венгрии, а в 1849 г. были разъединены Каринтия, Крайна и Приморье. Приобретя Иллирию, Австро-Венгрия обогатилась лучшими землями из всех, которые в настоящее время входят в ее владение. В частности Крайна, изобилующая рудными богатствами и лесами и одаренная красотою природы, представляет страну, заслуживающую во всех отношениях глубокого интереса.

В географическом отношении Крайна разделяется на три части: Верхняя занимает север страны, Нижняя на юго-востоке и Внутренняя обнимает юг и юго-запад. Эти три области резко отличаются друг от друга.

Верхняя Крайна всецело занята высокими горными цепями. На севере тянутся Караванки (Карнские или Хорутанские Альпы) и Камницкие Альпы, на западе поднимаются Юльские или Крайние Альпы. Могучие вершины как Триглав, Мангарт, Гринтовец и Кук, не ниже 9 000—10 000 футов, царят в северной Крайне, художественно увенчивая горы и скалы. Поросшие в нижних своих частях девственными буковыми и еловыми лесами и обнаженные на крутых вершинах, горы эти представляют бесконечное разнообразие, заманчивую красоту и служат целью горных прогулок для многих туристов. Каждая новая экскурсия открывает новые альпийские чудеса. Невольно удивляешься, как богато одарила природа Крайну. Здесь высются дикие, серые, неприступные скалы, разукрашенные вечными снегами, там манит своей яркой листвой полный очарования вековой, кажущийся бесконечным, буковый лес; в другом месте величавые, несколько мрачные ели покрывают отлогие спуски и неприступные утесы; далее леса прорезаны обширными полянами, где нежная зелень пестреет разнообразнейшими ароматичными альпийскими цветами.

Что особенно оживляет и украшает Альпы Крайны, так это глубоко прорезывающие их долины рек: обеих Савиц и Савы, а также горные озера. Зеленовато-голубые воды двух Савиц и образующейся из их слияния Савы шумно пробивают свой путь среди могучих отвесов. Они придают стране еще большее разнообразие, еще большую красоту. На высотах Триглавской горной группы разместились семь небольших озер. Два Белопеческих озера, расположенных одно над другим, украшают подножье Мангарта. Бохинское озеро глубоко врезалось в Юльские Альпы. Жемчужина же по красоте своей — Бледское озеро — обрамляется обеими Савицами, приближающимися друг к другу, чтобы слиться в новую речку — Саву.

Каждое из этих озер носит свой особый характер. Даже Белопеческие озера, расположенные на расстоянии 10 минут ходьбы одно от другого, имеют каждое свои особые черты. Верхнее, примыкающее непосредственно к подножью Мангарта, с пологими берегами, поросшими елью, отражает в своих водах остроконечные вершины соседа-гиганта. Озеро часто выходит из берегов и затопляет часть леса. Второе Белопеческое озеро расположено несколько ниже Верхнего. К нему тесно прилегают невысокие горы, поросшие хвойным лесом, и резко выделяющиеся на сером фоне Мангартских высот. Озеро это крохотной величины: обойти его можно менее, чем в полчаса. Но оно так поэтично, так полно молчаливой таинственности и величавого спокойствия, что производит сильное, неизгла-

димое впечатление. Питаемое сокрытыми источниками, оно, несмотря на незначительность своих размеров, очень глубоко. И тем не менее, вода так прозрачна, что даже на самых глубоких местах можно видеть дно и упавшие с берегов ели. Последние покрыты наслоившейся на них в течение лет известковой корой, давшей повод к сказанию, что предметы, падающие в озеро, каменеют. Жилья вокруг озер нет, и это отсутствие человека придает им еще большую, своеобразную красоту. Их темносиние воды, со склонившимися над ними зелеными ветвями, замечательно гармонируют с окружающими их серыми склонами, отражая голубое небо и тихие берега. Быстро вытекает из Нижнего озера речка; быстро бежит она среди леса в тысячах каскадов. Вся почва до того пропитана водой, что в речку и справа и слева изливаются сотни ручейков. Эта масса воды, стремящаяся со всех сторон, придает долине характер искусственного сооружения.

Бохинское озеро — самое большое и глубокое (до 33 саж.) из всех озер Верхней Крайны. Окруженное суровыми скалами, оно имеет мрачный характер, смягчаемый, впрочем, зеленью буков и елей. Неприветливость озера усиливается в западной его половине, где горы становятся выше и теснее окружают его. В восточной части открывается широкая долина Савицы, голубой лентой вытекающей из озера. В долине живописно чередуются поля и деревни. Здесь же расположена хорошо устроенная гостиница для туристов и древняя, выстроенная еще в XVI в. и очень живописная церковь «св. Иоанна на озере».

Изливающаяся из озера Савица имеет свое начало в ущелье на восточном конце озера. Ущелье это, образуемое горным краем, поросшим густым буковым лесом, оканчивается тупиком («мешковатая долина») с отвесной, голой скалой. Здесь, с высоты около 30 саж., широким рукавом вырывается прямо из стены и низвергается могучим водопадом Савица. Прокладывая свой путь среди извилин скал, она несет свои светлые воды в утroe Бохинское озеро.

Как Белопечские, так и Бохинское озера еще всецело принадлежат природе. Здесь человек почти совсем не заселился, он не окружил берега ни деревнями, ни современными постройками, приспособленными для дачной жизни. Заселение их — дело будущего. В ином совершенно положении находится Бледское озеро. Его несравненная красота, его удачное расположение среди местностей интересных и удобных для прогулок и экскурсий, наконец, близость железной дороги, вызвали его к жизни и окружили кольцом дач, гостиниц, купален и лечебных заведений. Однако, все эти постройки не затмевают дивной красоты Бледского озера, не уступающего лучшим озерам северной Италии и Швейцарии. Оно лежит в глубокой впадине замкнутой долины. Здесь горы, покрытые богатой зеленью, не высоки, очертания их разнообразны, мягки, лишены

суровости. Горы то тесно примыкают к берегам, то отделяются от них, открывая долины. Небольшие размеры озера (6 верст в окружности) дают возможность почти со всех пунктов любоваться его темно-синими водами и его художественно сложившимися берегами.

Восточная сторона Бледского озера украшена скалой с довольно крутым подъемом, увенчанной древним замком. На западе живописно поднимается из воды маленький остров, придающий озеру сказочное очарование.

Возникновение замка относится к очень отдаленному времени. Он известен уже в XI в., когда император Генрих II подарил Блед с его окрестностями Бриксенскому епископу Альбоину. Конечно, с того времени замок изменялся, перестраивался, но тем не менее и в современном своем виде он представляет интересный остаток средневековой архитектуры. В отношении красоты последней он уступает многим подобным замкам, но зато выдающееся по живописности местоположение его придает ему необыкновенно много поэтичности. Замок сохранился хорошо, и осмотр его комнат, ходов, башен, потаенных камер очень интересен. Старинной обстановки не сохранилось, но кандалы и некоторые предметы для пытки, висящие на стене одной из башен, более, чем что другое, говорят о давно минувших, покрытых дымкой таинственности временах. Замок играл особенно важную роль в XV—XVI вв., когда турецкие набеги опустошали страну. Он представлял в то время надежный оплот для окружающих поселений. В нем укрывались сельчане; на его башнях зажигались сигнальные огни, при виде которых деревенские жители оставляли свои дома и спешили в укрепленные лагеря — «таборы».

Против Бледского замка, невдалеке от этого воинственного очага, лежит посреди озера мирный уголок, весь закрытый темной листвой дубов, уголок, с которым связаны в памяти народа воспоминания о посте, молитве и чудесах. Это тот маленький остров, о котором было упомянуто раньше. Вершина его, небольшое плоскогорье, целиком занята церковью во имя Пресв. Девы Марии. Церковь эта служит местом паломничества. С двух сторон ведут к ней древние широкие входы из 99 каменных ступеней, по которым благочестивые паломники поднимаются на коленях. Современная церковь—XVII в., но место, занимаемое ею, было священо для окрестных жителей еще за много столетий до ее постройки, т. е. тогда, когда в Крайне не было проповедано христианство и когда словинцы молились своим народным богам. Уже в то время остров считался священным. На нем совершались общественные моления и жертвоприношения.

Язычество исчезло в стране и заменилось христианством, но народ, передавая из уст в уста сказания об озере и его чудесах, остался верен излюбленному, освященному религиозными воспоминаниями острову.

Теперь в известные дни собирается масса паломников к церкви Пресв. Девы, переправляясь на остров в особо для того приспособленных больших лодках. Там, в общей молитве и в совместном песнопении, восхваляется Заступница болящих и скорбящих — Пресвятая Дева. При церкви есть знаменательный колокол. По поверью, кто с молитвой и верой звонит в него, того услышит Матерь Божия и даст ему исполнение желания. Поэтому часто по зеркальной глади озера разносятся тихие звуки старинного колокола. Эхо разносит их по горам, они сливаются в гул и кажутся идущими из-под воды. Это дало повод к сказанию, будто бы на дне озера лежит древний колокол, когда-то утонувший, и чудесно звонит по временам. В народе говорят, что колокол этот был пожертвован когда-то церкви, но, во время перевозки его на остров, сорвался и упал в озеро. В народной фантазии, опирающейся на это сказание, затонувший колокол сделался серебряным, даже золотым. Летом 1901 г. местная община решила приняться за его поиски. С этой целью за 500 гульденов (400 р.) в Триесте был нанят водолаз, разыскивавший в течение целого дня колокол, тщетно переходя все пространство от острова до берега. Колокол не был найден, и стоявший на берегу и на лодках народ разошелся в разочаровании по домам. Водолаз же, между прочим, показал, что на дне всего озера наслоился ил, толщиной свыше сажени. Вполне вероятно, что этот ил, препятствовавший изысканиям, так затянул колокол, если таковой, действительно, находится на дне, что об его отыскании и речи быть не может.

На Бледском озере есть еще одна святыня церковь Богоматери. Она расположена в начале Бледской деревни. Храм этот, выстроенный в XIV—XV в. и очень интересный своей архитектурой, содержит хотя и немногочисленные, но ценные предметы, из которых наиболее замечателен ковчег с мощами епископа Альбоина. Кроме того, внутренние стены украшены старинными фресками, к сожалению отчасти замазанными при реставрации церкви.

Местечко Блед вполне приспособлено для туристов и дачников даже с самыми разнообразными требованиями комфорта. Красота озера, удобство сообщения, а также мягкий климат привлекают сюда многочисленных посетителей как из Краины и прочих частей Австрии, так и из-за границы. В последнее время не редкими здесь являются и русские гости. Русские имеют перед другими иностранцами то преимущество, что местные жители-словинцы относятся к русским как к единоплеменному и единокровному народу и всегда стараются всеми средствами выразить «русским братьям» свои искренние симпатии и свою привязанность.

Блед привлекателен не только своим озером, но и прекрасными окрестностями. Чудные по своей красоте разнообразные горы, глубокие долины обеих Савиц и буковые леса окружают его. Одной из лучших

экскурсий можно считать прогулку в долину р. Радовны. Долина эта — тесное ущелье (Винтгар), через которое течет, занимая все пространство, названная река, оканчивающаяся водопадом. Ущелье в большей своей части доступно лишь с недавнего времени, после устройства в нем тропы и мостов. Скалы вокруг поросли буком и лишь местами обнажаются, образуя характерные мысы. Река ярко голубого цвета. Шумно сбегает она по уступам ущелья, ударяется о берега, размывая их и унося с собой обломки камней. Иногда, до крайности суженная отвесными стенами, она течет с гладкой, но коварной поверхностью, образуя опасные водовороты. Тропа, начинающаяся мостом, смело перекинутым над самым водопадом, следует по изгибам реки, то опускаясь до уровня воды, то поднимаясь на значительную высоту, переходя несколько раз с одного берега на другой по висячим легким мостам. Глубина этой богатой форелями реки в большинстве случаев значительная. Лишь там, где ложе широко, глубина уменьшается до двух-трех аршин; там же, где река стеснена, она образует пучины в несколько сажен.

Нижняя Крайна не представляется столь грандиозной, как Верхняя. В ней нет подобных описанным явлений природы. Здесь горы, теряя свой альпийский характер, переходят постепенно в кряжи сравнительно низких холмов, разделенных продольными широкими долинами. Если в Верхней Крайне преобладает несколько суровый ландшафт, то в Нижней Крайне ландшафт мягкий, ласкающий. В ней постоянно чередуются леса и поля, луга и деревни, холмы и долины. Правда, они лишают ее романтизма и мощности природных богатств, отличающих Верхнюю Крайну, но зато придают ей необыкновенно много поэтической картины и идиллии.

Там, где сходятся Нижняя Крайна с Верхней и где к ним примыкает Внутренняя Крайна, т.е. как раз в центре страны, расположена громадная болотистая Люблянская равнина, которая теперь почти всецело осушена и обрабатывается. Когда-то она была занята озером. Это мнение подтверждается строением равнины и ее влажностью, а также интересными находками доисторического времени, которые с полной наглядностью показывают быт первичного обитателя Крайны, селившегося в шалашах, построенных на сваях, и занимавшийся как рыболовством, так и скотоводством.

Внутренняя Крайна, в свою очередь, резко отличается от описанных других частей страны. Это — голое нагорье, прорезанное глубокими впадинами, выемками, ущельями; это район так называемого кража или карста, т.е. тех своеобразного известкового сложения пород, которые, благодаря особенностям извести, дают ряд чудесных, только кражу свойственных, явлений. Краж, между прочим, характеризуется тем, что долины не образуют в нем, как в альпийских местностях, продольные, хотя бы и извилистые впадины почвы, разделяющие горы, а замкнутые кот-

ловины, не имеющие ни выходов ни истоков. Кроме того, известняки кража легко растворяются под влиянием воды и содержащегося в нем углекислого газа. Поэтому краж характеризуется воронкообразными, колодезобразными и блюдцевидными вдавлениями почвы разнообразнейшей величины. Там, где краж свободен от леса, явления эти выступают с особенной ясностью. Оголенные скалы испещрены описанными впадинами, называемыми «долинами» или «ямами». В некоторых из них скопилась смытая дождем красноватая глинистая почва, которая поддается обработке и дает недурной урожай. Другие оканчиваются на дне своим провалами, ведущими в пещеры. Пещерами, вообще, изобилует краж. Они тянутся, разветвляясь во все стороны, нередко на весьма большие пространства, соединяясь друг с другом. Изобилие пещер, которых в Крайне насчитывается свыше 150, и бесконечное число провалов дают характерный облик Внутренней Крайны. Провалы, называемые «пожиральницами» или «пожираками», имеют важное значение для страны, спасая ее от наводнений. Замкнутые котловидные долины кража легко наводняются после дождей от образующихся горных потоков. Стремительность их так велика, что несколько часов обильного дождя достаточно, чтобы затопить значительные пространства. Однако, быстро набегаящая вода уходит также быстро в недра земли через пожиральницы. Там, где они засариваются, вода заливают луга и пашни; поэтому пожиральницы прочищаются местными жителями. Что еще в высшей степени типично для кражевой части Крайны, так это изобилие подземных бассейнов. Все реки и ручьи кража, так или иначе, отчасти подземны. Обыкновенно, внезапно появляясь из земли, они одинаково неожиданно исчезают, либо просачиваясь в почву через пожиральницы, либо свергаясь водопадами в пучины недр земных, чтобы нередко снова появиться на поверхности и затем снова исчезнуть.

Пещеры, в свою очередь, разнообразны. Есть пещеры, разукрашенные сталактитами и сталагмитами¹; есть лишенные этих характерных

¹ Насыщенная известью вода, просачиваясь сквозь потолок и стены пещеры и испаряясь, отлагает известь. Последняя, медленно накапливаясь в течение сто- и тысячелетий, нависает на потолке конусообразно, составляя сталактиты. Падение воды по каплям на почву образует соответствующие сталактитам конусы, но поставленные обратно на полу пещеры и называемые сталагмитами. Те и другие, соединяясь, дают колонны. Малейшая шероховатость потолка, почвы или стен пещеры влияет на форму и характер сталактитовых и сталагмитовых образований. Разные примеси воды влияют на краску. Так, железо придает красноватый, желтый и бурый цвет сталактитам и сталагмита; чистая известь отлагается белоснежными массами. В изломе сталактит представляет кристаллическое тело из концентрических кругов, прорезанных радиусами. Сталактиты могут быть внутри полые (трубчатые); в этом случае они издают при ударах разнотонные звуки.

образований; некоторые пещеры содержат ледяные колонны, другие вмещают озера, реки и речки. Но самая интересная, европейски знаменитая и наиболее посещаемая — это Постойнская пещера, более известная под немецким названием Адельсбергского грота. Пещера эта колоссальных размеров и все еще недостаточно исследована. Общее протяжение ее зал и ходов более 10 верст. Чтобы пояснить ее размеры, достаточно отметить, что в Духов День, когда устраиваются особые празднества, в пещеру собираются до 4 000 человек, а наибольший зал (90 саж. длины, 70 саж. ширины и 47 саж. высоты) вмещает свободно стоящую гору, высота которой не менее 27 саж. Постойнская пещера знаменита не только своими громадными размерами, но и красотой сталактитовых и сталагмитовых образований. Громадные и разнообразные колонны, поражающие своей стройностью или мощностью, всевозможные фантастические фигуры, столбы, фигурные саркофаги, часовни, мосты, кафедры, или звероподобные изваяния, напоминающие то льва, то слона, то черепаху, или как бы окаменелые пальмы, или водопад и т. п. — все это частью гигантских размеров, частью совсем малой величины, наряду с получеловеческими как бы окаменелыми образами, придают пещере, особенно при электрическом освещении, вид заколдованного, таинственного, манящего царства. Через пещеру в глубокой пропасти с шумом протекает река Пивка. Она выходит севернее Постойны на поверхность земли под именем Унца; затем снова исчезает и, превратившись под землей, благодаря подземным же притокам, в многоводную реку, становится опять наземной, судоходной и носит уже название Любляницы. Выдающийся интерес придает пещере река Пивка, равно как вмещающий ее зал, так называемый «Плутонов грот». Не менее интересны бездонная пропасть «Тартар» и гора «Кальвария», усеянная сотнями бурых, красноватых и белоснежных сталагмитов.

На почве Крайнского кража есть еще феномен, как и Постойнская пещера, европейски знаменитый. Это Циркницкое озеро. Оно замечательно тем, что, исчезая весной, появляется снова осенью, сохраняясь до следующего весеннего исчезновения. Эти периодические явления озера происходят оттого, что под ним находятся громадные бассейны воды. Эти бассейны переполняются вследствие стока дождевых вод через пожиральницы, поднимаются в своем уровне, не вмещаясь более в подземных пространствах, и таким образом заполняют ложе Циркницкого озера. Во время половодья озеро служит для рыболовства, после же исчезновения его, на дне косят траву, собирая хороший урожай. В дождливую осень вода озера сильно подымается, и его поверхность увеличивается более, чем вдвое. Исчезает вода через пожиральницы, находящиеся на дне. Их всех до 30. Наиболее крупные имеют свои названия, как Водонос, Решето, Котел и

др. На местах, где расположены пожиральницы, глубина озера весьма значительна. Во время половодья через них можно свободно переезжать на лодке, во время же убыли воды приближаться к пожиральницам считается опасным, вследствие образующихся сильных водоворотов. Нет сомнения, что подземные пустоты, стоящие в связи с Циркницким озером, сообщаются со многими пещерами и реками, течение которых подземно. Некоторые из этих подземных истоков Циркницкого озера известны, другие еще не исследованы. Во всяком случае изучение последних лет подземного мира Крайны показало, что мир этот громаден и разнообразен. Многие пещеры, считавшиеся еще в недавнее время не глубокими, сообщаются с другими и имеют по несколько выходов на поверхность то через пожиральницы, то через особые отверстия в ущельях и долинах.

Как разнообразна природа Крайны, так разнообразен и ее климат. Высокие альпийские места имеют сравнительно суровый климат, долины же — мягкий и теплый. Особенно благоприятным климатом характеризуется долина Бледского озера, отличающаяся безветрием, и долина Випавы, славящаяся виноградом, фигами и другими, свойственными югу растениями. Для кража типичны северные ветра.

В общем, страна имеет континентальный климат с резкими переходами от тепла к холоду и с избытком атмосферных осадков. Климатические условия большей частью не благоприятствуют земледелию. Местному крестьянину пришлось много потрудиться, пока он приспособился к особенностям тех или других долин и тех или других высот. Тем не менее, упорный труд дал хорошие результаты, и Крайну, благодаря добросовестной обработке земли, возможно считать страной плодородной и вознаграждающей труд землевладельца. Возделывается в Крайне обыкновенно кукуруза, овес, рожь, пшеница, ячмень, гречиха, бобы, кормовые травы, картофель и свекловица. Последнюю, как и гречиху, сеют под второй урожай после снятия хлеба.

Эта особенность хозяйства крайнца вынудила его свозить с полей сжатое зерно, не выжидая просушки его, а чтобы просушить его, крестьянин должен был устраивать на своих полях особого рода приспособления, заборобразной формы, именуемые «стогом». Эти стоги, рассеянные повсюду, придают характерный облик крайнским полям. Словинец не ограничился, однако, сооружением стога, он пошел в своих сельскохозяйственных постройках дальше. Приделанный к стогу навес дал ему возможность укрывать от дождя свои орудия и телеги, высокий стог с крышей, так называемый «пантер», укрывает от дождя как хлеб, так и сено; два пантера, поставленные друг против друга и представляющие новое, еще более усовершенствованное сооружение, называются «козалец»; приспособившая верхний этаж его под гумно, словинец изобрел

своеобразный сарай — «скедено»; отводя низ скеденя под конюшню, словинец достиг весьма сложного хозяйственного сооружения, которое придает особый характер его деревням. В последних дома часто прислоняются к откосам гор и скал, благодаря чему, как в нижний, так и в верхний этаж проникнуть можно без лестницы. Постройки Крайнских деревень, особенно горных, весьма оригинальны. Там, где леса в изобилии покрывают горы, дома обыкновенно деревянные или полукаменные, там же, где леса в значительной степени истреблены, крестьянин перешел к каменным постройкам. Впрочем, сооружения из камня часто стоят в связи и с благосостоянием данного крестьянина. Простейшие крайнские дома, которых сохранилось теперь уже немного, преимущественно у небогатых крестьян, напоминают великорусскую избу. Характерно для таких домов довольно высоко поднятая крыша и необыкновенно маленькие квадратной формы окна. Дома более состоятельных людей обыкновенно полукаменные, часто двухэтажные, причем в верхнем этаже имеется крытый ход в виде галлерейки. Она нередко украшается виноградной лозой, придающей дому веселый, праздничный вид. Цветы, в свою очередь, декорируют дома. Почти везде можно видеть в изобилии герань, розмарин и гвоздику.

Источником благосостояния крайнского словинца является не одна только обработка полей. Им разводятся также овощи и фруктовые деревья. Первые служат в большинстве случаев для собственного употребления. Поэтому для сохранения их нередко устраивают своеобразные сарайчики, так называемые «кашты», служащие в верхней своей части и для сохранения сена; тут же под крышей иногда приспособляется голубятня. Фрукты, а именно вишни, сливы, яблоки и груши, продаваемые на рынке, составляют значительное подспорье в хозяйстве, а виноград, там, где он разводится (преимущественно во Внутренней и отчасти в Нижней Крайне), служит иногда главным источником дохода.

Важную роль играет и пчеловодство. С наступлением лета улья с пчелами относятся в горы, где к тому времени альпийские луга покрываются множеством прекрасных цветов. Осенью же, когда луга скошены или отцветают, улья переносят в долины и располагают в особых пчелиных домах, так называемых ульняках. Здесь, в долинах, пчелы находят в августе и сентябре богатые медом, цветущие поля гречихи, которая, таким образом, содействует развитию пчеловодства.

Кроме того, в Крайне очень развито и скотоводство. Прекрасные луга и изобилие высеваемых кормовых трав позволяют держать значительное число коров, овец, коз и свиней. Местные породы незначительной величины. Но, несмотря на это, низкорослые быки являются хорошим рабочим скотом. Их запрягают в плуги, а равно пользуются ими для перевозки тяжестей, впрягая в телеги. Впрочем, тяжестями стараются не

обременять животное. Для перевозки сена, овощей и т. п. употребляют небольшие двухколесные тележки («кульце»), перевозимые людьми. Словинцы не стесняются переносить значительные тяжести и на голове, будь то трава и сено, связываемые в большие холщовые узлы и корзины, либо кожаные мешки (бурдюки) для зерна. На полях работают преимущественно мужчины, но и женщина принимает деятельное участие в работе, особенно при очистке полей, в огороде, на сенокосе.

Несмотря на развитое сельское хозяйство, главным богатством Крайны является лес. Он покрывает почти половину поверхности всей страны. Могучие леса, преимущественно буковые и еловые, тянутся как по крутым склонам Альп, так и по холмистым предгорьям Нижней Крайны; лишь краж Внутренней Крайны беден лесом.

Хотя и в настоящее время не существует правильного лесоводства, тем не менее, эксплуатация леса увеличивается ежегодно, и уже теперь в стране насчитывается немало лесопильных мельниц, распиливающих бревна на доски и снабжающих ими не только всю Крайну, но и окружающие ее местности. Наконец, к выдающимся богатствам страны следует отнести места нахождения железной руды и ртути, а также отчасти каменного угля. Железом, как ранее было отмечено, страна славилась еще в глубокой древности; железное дело развивалось и в средние века и в новый период жизни страны, но в последнее столетие спрос на крайнское железо значительно сократился, и эта отрасль промышленности, как и торговля, сильно упала, что отразилось на благосостоянии всей страны. За последнее время местные деятели очень заботятся о поднятии важнейших отраслей промышленности.

Одна из характерных черт крайнского словинца — это его преданность церкви, его набожность. Словинцы почти все католического вероисповедания, и вся их жизнь происходит в тесном единении с церковью и ее представителями — священниками. Почти нет деревни, в которой не возвышалось бы церковное строение или хотя бы часовня. Для церквей стараются выбирать лучшие места, предпочитая строить их на возвышенностях. Крайнские церкви нередко окружены каменной оградой, образующей так называемый «табор» или укрепленное место, игравшее видную роль в смутные времена турецких набегов. Теперь в этих отгороженных местах или вообще около церкви собираются крестьяне для мирных бесед. Кроме церквей страна усеяна часовнями и изображениями распятия, сооружаемыми либо на перекрестках, либо просто на дороге. В часовнях ставится обыкновенно украшенное цветами и лентами изображение Богоматери или же изображение святых — покровителей данной местности. Усердием крестьян преодолеваются при устройстве часовен иногда значительные трудности. Например, часовня, помещающаяся в

высеченной скале и искусно выложенной фигурным камнем (туфом) нише, декорированной зеленью и цветами. Набожность крестьян выражается и в установке памятных икон на месте несчастий, которые в горных странах, при частых обвалах, обрывах, стремительных речках и т. п. не представляют редкости. Для подобных икон устанавливают на столбах киоты иногда с лампадой, украшаемые цветами. Надпись передает, в память какого именно события водружен киот и икона. Так, например, на памятном столбе, помещена следующая надпись: «Здесь скала убила 16 апреля 1887 года Ив. Шокич».

Из других положительных качеств словинского крестьянина следует отметить трудолюбие, упорство в достижении намеченной цели, общительность и предприимчивость. Эти качества отпечатались на всем свободном облике местного крестьянина, который, не боясь никакого труда, не страшась лишений, часто, за неимением заработка дома, оставляет свою родину, чтобы искать счастья в отдаленных краях, не исключая и Америки. Однако, словинец редко покидает свой очаг навсегда. Обыкновенно, заработав значительную сумму, он возвращается домой, начинает хозяйство, открывает торговлю и т. п. Способный одинаково как к сельскохозяйственному труду, так и к торговым делам, словинец выказывает достаточно таланта и в труде умственном. Все образованное общество словинцев, как светское, так и духовное, оканчивающее высшие училища, происходит из крестьянского сословия. Этим объясняется та тесная связь, то взаимное понимание высших и низших слоев словинского народа, которое так типично для Крайны. Сознывая всю важность образования, местные деятели уже давно озабочены устройством разного рода школ. В настоящее время почти все дети школьного возраста получают образование в народных училищах, которых в стране около 300. Кроме того, в Крайне имеется несколько гимназий, реальное училище и ряд профессиональных школ. Все преподавание ведется на словинском языке, за исключением высших классов гимназий, для которых пока еще не изготовлено учебников на народном языке, и преподавание ведется по-немецки.

Маленькая Крайна, едва равняющаяся по своим размерам пространству нашей Келецкой губернии, с населением лишь в 500 000 душ, занимала и занимает значительное место среди славянских народов соседней нам Австро-Венгрии.

Та роль, которую играл данный народ, определяется его литературой. Словинская литература, хотя и не достигла еще значения литератур польской и чешской, тем не менее заслуживает, ежегодно развиваясь, уже теперь самого серьезного внимания и изучения. Отцом ее следует считать Приможа Трубара (1508—1586 г.). Он положил начало к призна-

нию словинского языка в печатанных произведениях. Ревностный поклонник протестантского учения и ревнитель распространения его среди словинцев на народных началах, Трубар имеет неоцененные заслуги в истории развития народного самосознания. Труды его были подкреплены и другими деятелями, как Севастьян Крель, Георгий Далматин и Адам Бохорич, жившие в том же XVI в. и работавшие над очищением, улучшением и развитием словинского языка. Но так как деятельность этих лиц была связана с новым религиозным учением, подавляемым в стране светской и духовной властями, то она прошла для дальнейших поколений почти бесследно. Основанная в Любляне в 1562 г. типография была сожжена, народный язык заменен латинским. После этого, в течение двухсот лет, словинская литература замирает и, хотя в этот период появляются словинские печатные труды, но они имеют по количеству и по качеству более, чем второстепенное значение. Лишь в XVIII в. национальное творчество снова поднимается на значительную высоту, знаменуя народное возрождение, крутой поворот от старого к новому. Валентин Водник (1758—1819), вот тот человек, которого следует отметить, как первого выдающегося словинского поэта и собирателя народных песен. Он писал оригинальные, вполне в духе нации сложенные стихи, и эти могучие звуки разносились по всей земле словинцев, находя живой отклик во всех слоях населения. Как словинский патриот, он преследовался австрийским правительством, особенно после уничтожения Иллирийской провинции, и умер в бедности, не успев окончить всех своих трудов. Поэт-писатель, общественный деятель и политик, педагог, ученый и пламенный патриот, Водник пользуется и по настоящее время заслуженным поклонением своего народа. За Водником следуют два человека, многое воспринявшие от него, но и превзошедшие своего вождя и учителя. То были: прозаик Равнихар (1776—1845) и поэт Прешерен (1800—1849)¹. Благодаря названным деятелям словинская литература стала на твердую почву и продолжала неуклонно развиваться. В стране появляются газеты, журналы и другие периодические издания, много содействовавшие развитию местных талантов. Как журнальных деятелей, следует отметить на первом плане Блевейса (1808—1881) — «отца словинцев»; далее Весель-Косеского (1798—1884), Сломшека (1800—1862), Янежича (1828—1869). Все эти лица издавали журналы, открывали доступ в них многочисленным сотрудникам, помещали в них и свои

¹ Два стихотворения последнего помещены в русском переводе в «Поззии славян» Гарбеля. В 1901 г. вышли в свет в русском переводе Корша все произведения Прешерена. Коршем же переведены некоторые стихотворения Ашкерца и Грегорчича.

личные многочисленные произведения и, таким образом, оставили по себе незабвенную память и громадную заслугу перед родиной, всеми силами содействуя развитию отечественной литературы и родного языка. Наконец, следует отметить и Грегорчича, поэта, переводившего и стихотворения русских авторов. Благодаря «Поэзии славян» Гарбеля, русским произведениям и других словинских поэтов, например: Ярника, Кастелича, Цегнара, Томана, Вильхара, Левстика и Прапротника. Как выдающихся беллетристов, заслуживающих русского перевода, надо назвать Крека и особенно Юрчича. Из писателей новейшего времени следует упомянуть Таучара, Ашкерца, Говскера, Зупанчича, Кетте и Цанкера. Новейшая наука также насчитывает в своих рядах выдающиеся словинские силы, например: славяноведов Копитара и Миклошича и более молодых — Крека и Мурка. В настоящее время деятелей печатного слова среди словинцев так много, что они не стоят уже одиноко, а работают сообща. Для издания многочисленных газет и журналов и для распространения среди народа изданий по всем отраслям знаний, они спрягаются в общества. Особенного внимания заслуживает так называемая «Словенская Матица», основанная еще в 60-х годах, и «общество св. Гермогора» («Дружба св. Мохора»), основанное в 1852 г., состоящее из 70 000 членов и выпускающее в свет ежегодно, за незначительный взнос, шесть книжек до 300 страниц каждая. В органе же Словенской Матицы — «Летописи» помещаются работы по истории словесности, а также полная словинская историография. Если словинская литература в какие-нибудь сто лет развилась до видного значения, то этим она в значительной степени обязана песне, которая никогда не умирала в народе, передавалась из уст в уста и поддерживала поэтическое настроение, способность выливать свои чувства и мысли в рифмованные формы. Эта песнь, равным образом, поддерживала в словинцах музыкальное чутье, давшее начало возрождению и национальной музыки. Впервые выведенная публично на сцене театра, среди пьес, игравшихся на немецком и итальянском языках, она вызывала каждый раз восторг слушателей и привела в скором времени к основанию музыкальных школ и многочисленных певческих обществ. Словинские мотивы, завоевав себе право гражданства в стране, перешли в настоящее время далеко за рубеж ее и внедрились, между прочим, и у нас.

Общественная жизнь Крайны сосредоточивается в ее «столице» Любляне, находящейся в центре страны. Это небольшой (40 000 жителей) город, возникший на месте римского поселения Эмона. Расположен он по обеим сторонам р. Любляницы. Эмона, основанная римлянами в 18 г. по Р. Х., существовала, однако, еще задолго до прихода итальянских колонизаторов.

ОБ ИСТОРИИ КАРИНТИЙСКИХ СЛОВЕНОВ

Словены поселились к концу VI столетия на территории, на которой они проживают сегодня и в значительной части нынешней Австрии; они основали здесь в VII столетии свое независимое государство — Карантанию. Словенская этническая территория охватывала в ту эпоху всю Каринтию и Штирию, часть восточного Тироля, часть юго-восточного Зальцбурга и провинции Нижнюю и Верхнюю Австрию, вплоть до рек Траун и Дунай, занимая в пределах границ теперешней Австрии территорию примерно в 38000 кв. км.

На основе исторических первоисточников, а также анализа географических названий и фамилий местных жителей, можно восстановить границы той территории, которую с VII по X столетия населяли словены: с запада эта граница проходила от Кристенбаха вершинами Deferegger Alpen, обходила через Hochball долины Дефереггер и Вирген и подымалась на Высокие Туры (Hohe Tauern), где вершины Dreiherrnspitze, Grossvenediger и Grossglockner являлись как бы тремя пограничными столбами древнего словенского населения. Горный проход Виндишшарте в Турах (Tauern 2.727 m.) получил свое название еще в ту эпоху (виндиш значит — словенский). От Высоких Тур граница древней словенской территории направляется, через гору Анкогель (Ankogel), к Низким Турам (Niedere Tauern) и далее до Radstädter Tauern. Оттуда спускается затем в долину верхнего течения р. Энс, пересекает ее западнее Шладминга, подымаясь на противоположной стороне на гору Дахштейн.

На севере словены населяли район верхнего течения реки Траун, вокруг озер Attersee и Grundlsee. Покидая хребет горной цепи Totes Gebirge, граница компактной словенской территории спускалась к отрогам Альп Верхней Австрии.

Каринтия являлась в то время центральной словенской областью и колыбелью первого словенского государства. Это государство называлось Карантаннией (древнее название Каринтии) и его следы сохранились до конца средних веков. Слово карантанец в старых средневековых документах означало то же, что в настоящее время словен. Хотя словены уже в VIII веке лишились своей независимости и хотя они подпали под власть немецких феодалов, тем не менее, до XV века, на основе сохранившегося древнего словенского демократического обычая, вступление словенских герцогов на престол происходило на Госпосветском поле к северу от Целовца.

Каждый герцог, которому немецкий государь доверял управление Каринтией, должен был вступать на престол, соблюдая этот древнесловенский обычай. Согласно этому обычаю, являвшемуся единственным в Европе (это еще в прошлом установили великие теоретики конституционного права, как например Жан Бодэн), герцог обязан был символически принять власть из рук народа. А с народом неразрывно связан и народный язык. Писатели XV века, а также и ранее, отмечали, что эта церемония совершалась на словенском языке и что этим языком пользовался как народ, так и правящие феодальные слои Каринтии, а также и двор.

Знаменитый немецкий трубадур Ульрих фон Лихтенштейн (1200—1276) в своем произведении «*Frauendienst*», указывает на то, что когда он прибыл в Каринтию, каринтийский герцог приветствовал его на словенском языке. «*Schwabenspiegel*» указывает, что словены в Каринтии имели право отклонить герцога, если он им не нравился.

Служивший в первой половине XV ст. в Словень Градце Эней Сильвио Пикколомини, впоследствии папа Пий II, в своем произведении «*Европа*» отмечает, что крестьяне говорили с герцогом по-словенски и что даже в присутствии царя словенский герцог должен был говорить на словенском языке (*Vocatus in iudicio coram imperatore querulantibus non nisi sclauonica lingua respondere tenebatur*).

Священник Якоб Унрест, живший в XV веке вблизи Госпа Света, в своих записках говорит: «Все каринтийские герцоги с незапамятных времен пользовались правом, в случае их обвинения в чем-либо перед римским императором или королем, или предъявления им каких-либо требований — отвечать на словенском языке, так как Каринтия является настоящей словенской страной» («*Von allther haben alle hertzogen von Kerndten freihait gehabt, wann sy vor ainem rönischen khayser oder kunig verklagt sind worden, oder angesprochen, so haben sy sich in windischer sprach verantwort; darumb das Kerndten ain rechts windisch land ist*»).

Это подтверждают и другие писатели до и после этого времени, как, например, настоятель монастыря Ветринь, у г. Целовец, Иоганнес (1280—1340), описавший в «*Liber certarum historiarum*» вступление на престол герцога Мейнхарда Тирольского, затем гуманист и историк Иеронимус Мегисер, автор «*Annales Carinthiae*» (примерно в 1600 г.) и другие.

В последний раз церемония вступления на престол по древнесловенскому обычаю состоялась в 1414 году.

Словены с полным правом считают Каринтию колыбелью своей национальной государственности. Господствующее поле, где совершались церемонии вступления на престол, является для них символом стародавней свободы и независимости; в течение последних двух столетий их борьбы за освобождение — оно стало для них символом веры в победу их справедливого дела.

В VIII столетии Карантания становится добычей германских захватчиков и теряет свою независимость. После нескольких восстаний словен против чужеземного владычества, на протяжении IX ст., всю власть в стране и всю землю захватывают немецкие феодалы. Они приводят сюда немецких крестьян и поселяют на словенской земле.

Таким образом словены потеряли почти две трети своей первоначальной этнической территории. Эта германизация является неразрывной частью средневекового устремления немцев на Восток. Согласно концепции немецкой историографии, успехи немецкого проникновения в IX ст. на юго-восток являлись необходимым условием для их дальнейших успехов на севере.

К XV столетию этническая граница установилась на новой линии, которая вплоть до середины XIX столетия осталась без изменений и, в основном, существует и в настоящее время. Она начинается у Шмохора (Hermagor) в Зильской долине (Gailtal), проходит по хребту Зильских Альп (Gailtaler Alpen), севернее этой долины, до города Беляк (Villach); дальше она идет по хребту Осойских Туп (Ossiacher Tauern) между Врбским (Worthersee) и Осойским (Ossiachersee) озерами, затем севернее г. Целовец (Klagenfurt) подымается поочередно на горы Шентуршская (St. Ulrichsberg), Шентленшская (Magdalensberg) и Свиншская (Saulpe) и продолжается вдоль линии водораздела между Дравой и Лабудницей (Lavantfluss); пересекая последнюю, она достигает границу между Каринтией и Штирией, отсюда проходит севернее Соботы (Soboth), Арвежа (Arnfels), Лучане (Lautschach) и Ерновжа (Ehrenhausen) до р. Муры; дальше она идет вдоль Муры до Радгоны (Radkersburg), оставляя ее вместе с окрестностями, на словенской стороне. Эта этническая линия разграничения является весьма отчетливой: все деревни на юг от нее — исключительно словенские.

Указанная этническая граница была в течение первой половины XIX столетия неоднократно описана, причем без каких-либо отклонений со стороны многочисленных авторов как немецких (Werzer 1812, Petz 1844, Wagner 1847, Hain 1852, Czoernig 1857), так и словенских (Jarnik 1826, Pirkmayer 1850, Einspieler 1850, Kozler 1854); она была изображена также и на нескольких географических картах (Wagner 1847, Kozler 1853, Czoernig 1855). Для подтверждения ее правильности могут послужить и данные официальной переписи 1846 года, а также данные епархии Крка (Gurk — центром этой епархии является Целовец) о языке церковных приходов. Ее подтверждают также и данные позднейших переписей XIX ст. и официальные сведения епархии Крка после 1870 года.

* * *

В Каринтии возникла в средние века, наряду с другими словенскими рукописями, также и самая старая из них, т. н. «брижинская руко-

пись»; она относится к X ст. и представляет собой труд религиозного содержания на древнесловенском языке, который в те времена был еще весьма схожим со старославянским языком. Эта рукопись является одним из важнейших документов, свидетельствующих о том, что когда-то вся территория вплоть до Высоких Тур принадлежала словенам.

Шестьдесят лет после последней церемонии вступления герцога на престол на историческом Господетском поле, т.е. в 1478 г., словенские крестьяне в Каринтии восстают против немецких феодалов. Каринтийские словены участвуют также и в большом общесловенском крестьянском восстании 1515 г. Связь между крестьянскими восстаниями каринтийских словенов и восстаниями в Карниоле и остальных словенских областях лишний раз доказывает, что словенский народ Каринтии как в политическом, так и в экономическом и культурном отношениях всегда тяготел к своим братьям на юге.

В XVI ст. каринтийские словены участвуют в издании первых словенских протестантских книг и вообще в издании первых печатных книг на словенском языке. Известно, что это были именно каринтийские крестьяне, которые заботливо хранили и умножали словенские протестантские книги во времена контрреформации. Таким образом сохранились многочисленные важнейшие рукописные копии.

Начиная с середины XVIII ст. словенские книги печатаются в Целовце (Klagenfurt), и в эту эпоху Словенская Каринтия занимает наиболее выдающееся место в культурной жизни пограничных словенских областей. Каринтийские словены, Гуцман и Ярниг, упорно работают над развитием общего словенского языка и изучают словенскую историю. Гуцман приобрел особую известность своей последовательной защитой народного языка и борьбой против его искажения. В Целовце работал и умер известный словенский народный просветитель, монах Юрий Япель член люблянской академии *Opegosorum*.

Еще большее значение приобретает Словенская Каринтия в первой половине XIX ст., когда каринтийские словены вместе с остальными словенскими принимают все более активное участие в политической жизни. В 1848 г. возникает в их среде мощное движение, имевшее целью политическое объединение всех словенов и всех югославов вообще. Политические деятели каринтийских словенов, Матия Маяр и Андрей Эйншпицер, являлись первыми среди словенов, которые выдвинули требование равноправия языков в школах и администрации, а также объединения всех словенских областей в единую Словению.

К середине XIX ст. Целовец (Klagenfurt) становится центром всей культурной жизни словенов, соперничая в этом отношении с нынешним культурным центром Словении, Любляной, и играет эту роль в течение

ряда десятилетий. В этот период в Целовце издается ряд словенских литературных и научных журналов, вокруг которых собираются лучшие литературные и научные умы. Антон Янежич, известный лингвист и грамматик, основал в Целовце в 1858 году литературный журнал «Словенский гласник», в котором сотрудничают крупные словенские писатели и поэты, как например Левстиг, Трдина, Емко, Валявец и другие. В 1851 г. Янежич и Эйншпицер организуют «Общество св. Мохорья». Это общество сыграло огромную роль в просвещении широких масс словенского народа. В течение почти целого столетия общество печатает и распространяет в словенском народе литературные и научно-популярные произведения и издает свой ежегодный альманах. Центром общества оставался до 1918 года г. Целовец, где за период с 1860 по 1918 г., было напечатано около 19 000 000 словенских книг. В 1918 г. общество насчитывало во всей Словении свыше 90 000 членов, а в самой Каринтии по меньшей мере каждая четвертая семья состояла членом общества (всего 7 000 семей). После первой мировой войны общество вынуждено было перенести свой центр сначала в г. Превалье (находящийся в той части Каринтии, которая, после 1918 г., была воссоединена с Югославией), а затем в Целле, где общество работает и по сей день.

В 1865 году Эйншпицер основал в Целовце политическую газету «Словенец», которая в течение ряда лет являлась единственным прогрессивным органом словенов.

Наряду с этой разветвленной культурно-просветительной организацией, каринтийские словены создали также и свои экономические и политические организации.

Разумеется, трудно было бы понять, как могла столь значительная национальная работа, развиваться и одерживаться в Целовце, если не принять во внимание, что этот город в течение всего XIX ст. был окружен компактным словенским населением.

Из всего этого следует, что Словенская Каринтия сыграла очень важную роль в формировании современной словенской нации, что она внесла крупный вклад в словенскую национальную культуру и поэтому является неотъемлемой частью словенского национального организма.

* * *

XIX столетие означает для каринтских словенов начало жестокой борьбы за свое национальное существование. В это время германский империализм начинает проводить в жизнь свой подробно разработанный план экспансии в юго-восточной Европе и устранения всех препятствий на этом пути.

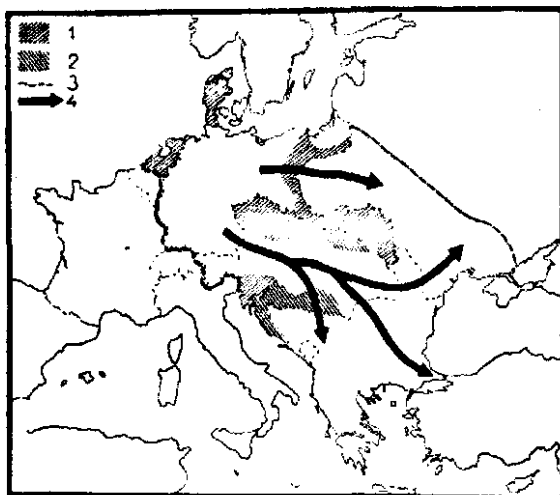
В первой половине XIX ст. немецкий экономист Фридрих Лист разработал первый проект пангерманской Средней Европы, которая должна была охватить и словенские народы между Балтийским и Адриатичес-

ким морями. Согласно этому плану основной задачей австрийских немцев было экономическое порабощение Восточной Европы и обеспечение немецких позиций на Адриатическом море. Согласно этому плану югославские народы были осуждены на денационализацию. Больше всего это касалось словенского народа, который, как единственная этнически не-немецкая группа, преграждал путь к Адриатическому морю. Он должен был быть уничтожен как нация, т. е. германизирован.

Вся политика Австрии во второй половине XIX ст. и в течение двух первых десятилетий XX ст. доказывает, что господствующие круги в Австрии обеими руками ухватились за план Листа. После многих веков постепенной германизации словенской этнической территории, — благодаря чему первоначальная этническая территория была сведена на одну треть, наступил период организованных, планомерных атак немцев по всему фронту. При осуществлении этого плана каринтийские словены первые оказались под ударом.

План задуманной Фридрихом Листом германской «Центральной Европы», составленный в 1842 году

(Ackerverfassung, Zwergwirtschaft und Auswanderung, Deutsche Vierteljahresschrift 1842, и Österreich und der Zollverein, Zollvereinsblatt 1843).

- 1) Территория, предназначенная к германизации.
- 2) Территория, предназначенная к мадьяризации.
- 3) Границы «Центральной Европы».
- 4) Направления германской колонизации.

Каринтийские словены лишились политических прав и даже права пользоваться родным языком. В течение XIX ст. осталось свыше 100 000 каринтийских словенов без единственной словенской начальной школы, а к концу австро-венгерского владычества они с большим трудом отвоёвывали право открыть всего три школы. В остальных двуязычных (немецко-словенских) начальных школах учителя только в начале обучения пользовались местным словенским диалектом, чтобы этим облегчить изучение немецкого языка, а затем все обучение (кроме Закона Божьего) проводилось на немецком языке. В Каринтии почти не было словенских чиновников. Словенскую интеллигенцию перебрасывали в другие провинции Австро-Венгрии. В Каринтии остались одни лишь крестьяне, которые сами должны были бороться за свои основные права.

Число представителей каринтийских словенов и немцев в каринтийском Ландтаге в 1910 году

Распределением депутатов по избирательным «классам» и разбивкой избирателей в территориально растянутые, смешанные избирательные районы, немцы лишали каринтийских словенов возможности получать больше двух, из числа 44, депутатов в каринтийский Ландтаг. На 120.000 словенов приходилось то же число депутатов, что и на 11.400 немцев.

Соотношение между словенцами и немцами в Словенской Каринтии и в составе чиновничьего аппарата в 1910 году

В Словенской Каринтии могли быть чиновниками — этой основой германизаторского аппарата — лишь немцы. В области, насчитывающей 70% словенского населения, имелось среди чиновников лишь 3% словенов.

В проведении германизации наряду с государственными и провинциальными властями особенно активно участвовали феодальные помещики, промышленники, управления железными дорогами и частные немецкие общества, располагавшие огромными капиталами для денационализации словенских детей и скупки земель у словенских крестьян. Рабочие и крестьяне были подвергнуты экономическому и политическому гнету, на выборах они должны были голосовать за немецких кандидатов, подписываться под немецкими петициями, а при переписи населения в качестве своего разговорного языка указывать немецкий. Все места в государственной и частной службе находились к услугам только немцев и «онемеченных». Особо сильный нажим проводили германизаторы на города, промышленные и туристические центры, зависящие от железнодорожных и других путей сообщения.

Несмотря на эту германизацию, вся юго-восточная Каринтия, за исключением нескольких городских, этнически смешанных островов, ос-

талась до конца Австро-венгерской монархии чисто словенской. Согласно данным епархии Крка (Gurk) в 1910 году в Словенской Каринтии насчитывалось свыше 100 000 словенов, а согласно данным словенского народного кадастра их было больше 105 000. Во время первой мировой войны среди каринтийских словенов развилось сильное движение в пользу присоединения Словенской Каринтии к Югославии.

* * *

Когда в 1918 году распалась Австро-Венгрия, каринтийские немцы с оружием в руках воспротивились каринтийским словенцам, желавшим освободиться от немецкого ига и присоединиться к Югославии. Однако, Каринтия отошла к Австрии только после одной из тех процедур, которые тогда, сами по себе, означали санкционирование германизации: Сенжерменский договор навязал каринтийским словенцам плебисцит.

Это был один из тех плебисцитов, которые имели место после первой войны на территориях с немецким населением и цель которых состояла в том, чтобы всяческими махинациями опровергнуть самые очевидные факты и ряд не-немецких областей оставить в составе побежденных в войне Германии и Австрии.

Формальное уравнивание в правах германизаторов и их жертв давало все реальные преимущества германизаторам, которые поэтому и встретили результаты плебисцита как свою первую победу после поражения в войне. Эти плебисциты означали принципиальную уступку перед германскими и австрийскими агрессорами за счет их восточных соседей. Все эти плебисциты являлись неотъемлемой частью той политики, которая впоследствии привела к Мюнхену.

Каринтийский плебисцит представляет классический пример одного из тех плебисцитов, которые своей конечной целью имели укрепление немецких агрессоров.

Совершенно понятно, что инициаторы и организаторы каринтийского плебисцита, среди которых находился также и заклятый враг Югославии — империалистическая Италия, сделали все для того, чтобы создать для словенов самые невыгодные условия плебисцита.

Плебисцитная территория была разделена на две зоны, на южную зону А и северную зону Б. Плебисцит в зоне Б должен был проводиться только в том случае, если результаты плебисцита в зоне А оказались бы благоприятными для Югославии. Однако, для того чтобы процент словенов был как можно меньше, из плебисцитных зон уже заранее были выделены самые несомненные — в смысле своего национального состава — словенские районы. Чисто словенская Зильская Долина была без плебисцита передана Австрии. Каналская Долина, точно также без плебисцита, уступлена Италии. И даже Межишская Долина, которая также без

плебисцита была передана Югославии, входила в расчеты духовных авторов плебисцита. Ее передача Югославии была сделана с расчетом уменьшения числа словенов на плебисцитной территории.

Границы между плебисцитными зонами были проведены так, что плебисцитная зона А доходила вплоть до предместий Целовца, в то время, как сам город оставался вне ее. Такое распределение зон было рассчитано на то, чтобы вызвать у словенских крестьян в зоне А опасение, что в случае югославской победы они потеряют рынок в Целовце.

Плебисцитная комиссия потворствовала Австрии и заходила в этом так далеко, что нарушила в пользу ее даже некоторые постановления Сенжерменского мирного договора. Таким образом было, в конце концов, путем различных махинаций при разбивке голосов и подсчете результатов, обеспечено «большинство» в пользу Австрии.

Однако, все старания врагов Югославии не были в состоянии помешать тому, что общее число голосов, поданных на плебисцитной территории за Югославию, было лишь на 6 000 меньше числа голосов, поданных за Австрию. Так как голосование решало судьбу всей территории плебисцитной зоны в целом, то Австрия тем самым получила даже районы южнее Дравы и между Дравой и Врбским озером (Wörthersee), где народ большинство голосов подал за Югославию.

* * *

Во время Австрийской республики угнетение каринтийских словенов еще больше усилилось.

Австрийское правительство не выполнило обязательства о защите меньшинства, которое оно приняло на себя Сенжерменским договором. Каринтийское краевое правительство и парламент (Ландтаг) также не выполнили своих обещаний о равноправии словенов, которые они дали накануне плебисцита. Судьбами словенского национального меньшинства в Каринтии заправляла организация «Heimatsdienst» (с 1924 года называемая «Heimatsbund»). Государственные власти, политические партии, равно как и хозяйственные предприятия признавали ее непререкаемую «компетенцию» в этом деле. В Словенской Каринтии никто не мог поступить на службу без согласия Хейматбунда. Руководителем этой организации был нацист Майер-Кайбич, ставший после аншлюса поверенным по делам меньшинств в нацистском правительстве. Вслед за плебисцитом следуют нападения на словенов, поджоги словенских домов, насильственные разгоны словенских собраний, увольнение и перемещение словенских рабочих, чиновников и священников. Три единственные словенские школы закрываются, а в двуязычных школах все меньше употребляется словенский язык, даже в начале обучения. В 1935 году эти правила еще соблюдаются всего лишь семь из семидесяти двуязычных школ.

Немцы усиливают экономическое давление на словенских рабочих и крестьян. Проводится систематическое переселение колонистов из Восточной Пруссии на словенскую территорию в Каринтии. Любая культурная и политическая деятельность каринтийских словен, также как и их борьба за национальные права, считались государственной изменой и ирредентизмом.

* * *

Результаты официальных переписей являются прямо математическим доказательством об ухудшении условий жизни каринтийских словен. Немцы в Каринтии хотели посредством этих переписей во что бы то ни стало доказать, что каринтийские словены представляют лишь очень незначительное, территориально разбросанное меньшинство. При этом они не брезгали ни самыми очевидными подлогами, как это доказало официальное следствие после словенской жалобы Лиге Наций в 1934 году. Результаты официальных переписей фантастичны и не имеют никакой реальной ценности (смотри статистические приложения).

Несмотря на немецкий гнет, несмотря на государственную границу, которая отделяла их от остального словенского народа, и несмотря на то, что почти вся словенская интеллигенция, в том числе и часть словенских священников, должна была в 1920 году покинуть страну, каринтийские словены создали в австрийской республике снова почти во всех словенских общинах свои политические и культурные организации и свои собственные кооперативы (число их достигало к моменту прихода нацизма — 43). Они издавали большое число журналов, при чем большей частью вне Каринтии (в Вене), так как каринтийские немцы препятствовали их изданию в самой Каринтии.

Во время Австрийской республики самые сильные партии каринтийских немцев единодушно выступали за аншлюс Австрии к Германии. Нацистская партия существует в Каринтии уже с 1921 года, и на последних выборах, до введения диктатуры Долфуса в 1934 году, из всех австрийских провинций она получила наибольший процент голосов именно в Каринтии. Нацистский путч в Австрии в июле 1934 года имел свой центр в Штирии и Каринтии. Из Каринтии и Штирии нацизм распространяется и в остальную Австрию. В марте 1938 года нацисты захватили власть в Каринтии, раньше чем во всех остальных австрийских провинциях, и при этом еще до прибытия германских войск. Нацистская партия имела в Каринтии около 50 000 членов (на приблизительно 400 000 жителей) и по своей силе нисколько не отставала от областей самого немецкого Рейха. Немцы в словенской части Каринтии были особо яркими нацистами. Среди них особенно выделялись учителя, являвшиеся главными носителями германизации в словенском селе.

Германизаторы в Словенской Каринтии никогда не ограничивали свои действия одной лишь Каринтией. Борьба против словенов в Каринтии всегда сопровождалась империалистическими выпадами против остальных частей Словении, а особенно против Южной Штирии, Марибора и Целле. Австрийские фашисты видели в аншлюсе залог осуществления своих планов.

Каринтийские и штирийские нацисты готовили в своей области оккупацию остальной Словении, осуществленную после нападения на Югославию в 1941 году.

* * *

Аншлюс и победа нацизма означали для каринтийских словенов дальнейшее ухудшение их положения. Словенский язык исчез из всех школ без исключения, а словенских родителей заставили посылать своих детей — еще до начала школьного обучения — в немецкие «Kindergarten», чтобы денационализировать их еще до шестилетнего возраста. По приказанию государственных властей и гестапо, руководители словенских культурных и политических организаций должны были покинуть страну. В Словенскую Каринтию были приведены новые воинские части, чиновники и рабочие, организованы колонии для отдыха немецкой молодежи и т. п. Словенским рабочим были запрещены частные разговоры на словенском языке. Часть словенских организаций была распущена, в то время как на членов других организаций было оказано сильное экономическое давление.

После немецкого нападения на Югославию положение каринтийских словенов ухудшилось до крайней степени. Были распущены все их организации. Все их политические руководители и большинство словенских священников должны были переселиться в немецкие области. Словенские книги уничтожались. С целью ускорения ликвидации каринтийских словенов было начато и насильственное их выселение.

Каринтийские словены — вместе с остальными словенцами и югославами — поднялись на вооруженную борьбу за освобождение. Ни один историк второй мировой войны не сможет обойти тот факт, что каринтийские словены являлись единственными носителями массового и вооруженного сопротивления гитлеризму в границах Третьего Рейха. Они подавали пример и подстрекали все антигитлеровские элементы в Австрии.

В апреле 1942 года немцы начинают осуществлять свой план полного выселения каринтийских словенов. Увезено было первых 300 словенских семей. Народ узнает, что на Украине, в Донском бассейне, строятся бараки с надписями каринтийских сел, в которых будут размещены выселенные жители этих сел. Народ понимает, что дело идет о «быть или не быть»,

и во все больших массах присоединяется к народно-освободительному движению. В гористых местностях Караванских Альп, а особенно в словенских селах около Железной Капли возникают организации Освободительного фронта. 10 июля 1942 года гитлеровский вождь Каринтии, Майер-Кайбич, возвещает о полном истреблении словенов: «На территории к северу от Караванских Альп можно говорить только по-немецки!».

В течение 1943 года организуются областные комитеты Освободительного фронта в Подуне и в Рожы, а в октябре того же года — Краевой комитет Освободительного фронта Каринтии. Зимой 1943—44 гг. движение распространяется к северу от Дравы. Возникают местные комитеты Освободительного фронта в Беляке (Villach) и Целовце (Klagenfurt). На территории Словенской Каринтии действует группа партизанских отрядов, численностью свыше 3 500 бойцов.

Немцы усиливают террор. В тюрьмах гестапо Целовца постоянно находится свыше 2 000 лиц. Volksgericht Целовца выносит ряд смертных приговоров словенам. Против словенских партизан в Каринтии предпринимаются два больших наступления, одно в мае 1944 года, а другое зимой 1944/45 года. Против партизан действует семь полков германской армии и СС, все жандармские и другие находящиеся в распоряжении части.

Так как операции каринтийских отрядов словенских партизан приобретают огромную важность для развития операций в Италии, в мае 1944 года в штаб каринтийской группировки словенских партизанских отрядов прибывает английская военная миссия.

Вооруженная борьба каринтийских словенов, границы до которых эта борьба доходила, партизанские могилы, отметившие эти границы, — вот это был подлинный плебисцит крови, которым каринтийские словены вновь засвидетельствовали свою волю объединиться с остальными своими братьями на юге. Освободительное движение в Каринтии развивалось в самых тяжелых условиях. Оно имело успех потому, что в нем участвовали широчайшие народные массы каринтийских словенов.

В то же время следует подчеркнуть, что к северу от Словенской Каринтии, вплоть до конца войны, нельзя было заметить ни малейших признаков сколько-нибудь серьезного сопротивления Гитлеру, а тем более признаков какой-либо массовой борьбы.

* * *

В дни разгрома германской армии каринтийские словены были убеждены, что пробил час их освобождения. Еще до прибытия англо-американских войск партизанские части освободили всю территорию южнее Дравы и районы Великовец и Целовец. Словенская народная армия вступила на Господсветское Поле, место, где стоит памятник древней словенской свободы и независимости — престол каринтийских герцогов.

Однако, у врагов свободы югославских народов был другой расчет.

Вечером 7 мая 1945 г. гитлеровский гаулейтер в Каринтии, военный преступник Райнер, сообщил по радио, что он уходит с поста гаулейтера и наместника Рейха, сказав: «Я покидаю пост наместника для того, чтобы тем силам, которые лучше отвечают взглядам наших врагов, дать возможность создания новой политической платформы... Выступайте теперь все, сплоченно и всеми своими силами, за свободную и неделимую Каринтию».

После ухода Райнера его уполномоченный Натмесниг, передавая власть новому каринтийскому краевому правительству, возглавляемому ландесгауптманом Пиш, заявил: «Вся Каринтия присоединится к выраженной вами воле, а именно к тому, чтобы руководящим началом всей вашей деятельности был старый боевой клич: Свободная и неделимая Каринтия!».

Воззвание нового каринтийского краевого правительства также выдвинуло в качестве своей главной задачи сохранение целостности Каринтии.

Эти факты были опубликованы 8 мая 1945 г. в «Kärntner Zeitung», официальном органе краевого правительства. Следовательно, это правительство приняло власть непосредственно из рук гитлеровского гаулейтера, а с ней и его политическую программу, приспособленную к новым условиям и выраженную в старом лозунге немецкого империализма: «Kärnten frei und ungeteilt!». Этот лозунг всегда являлся призывом к борьбе против словен Южной Каринтии, к борьбе против их стремлений отделиться от немцев Северной Каринтии и воссоединиться со своими словенскими братьями на юге. Новому краевому правительству сейчас же подчинились все немецкие соединения на территории Каринтии, части СС и другие остатки разбитой гитлеровской армии. На линии Боровлье—Целовец СС-части отказались положить оружие и сдаться партизанам, ссылаясь на то, что не имеют на это разрешение нового краевого правительства в Целовце.

Трудно было бы более открыто показать преемственность немецкой империалистической политики по отношению к южным славянам, чем это было сделано именно этой, исключительной по своей наглости, передачей власти из рук Райнера в руки Пиша.

По требованию Правительств Великобритании и Соединенных Штатов югославские части должны были оставить Каринтию. Итак, управление Каринтией перешло в руки наследников Райнера.

Каринтийские словены и все югославские народы, глубоко уверены, что это положение является временным и что эта несправедливость будет исправлена. Каринтийские словены, на долю которых выпала на протя-

жении веков самая трагическая судьба, пережившие потерю двух третей своей национальной территории, а после первой мировой войны грубо принесенные в жертву интересам побежденной Австрии и различным империалистическим расчетам на востоке Европы, с правом могут ожидать, что на конференции, которая будет решать вопрос мира с Австрией, будут признаны их национальные права.

Печатается по изданию: Об истории каринтийских словенов. Белград, 1946.

ХОРВАТИЯ

Хорваты, ближайшие родственники по языку сербам, но отличающиеся от них католическим вероисповеданием, примкнули в своей истории к западноевропейской культуре, тогда как православные сербы — к восточной, прежде всего Византийской. Это различие вероисповеданий и связанных с ними культурных влияний определило весь дальнейший ход развития родственных, но разобщенных историей народов и часто вызывало между ними ожесточенную борьбу. Только общий гнет, который приходилось в последнюю половину 19 столетия выносить от режима Австро-Венгрии всему сербохорватскому племени, объединил это последнее для совместного отпора. Итак образовались политические течения, которые стремились связать в одном национальном сознании, а по возможности и в одном государстве, сербов и хорватов триединого королевства, Венгрии, Сербского и Черногорского королевств, Боснии и Герцеговины. Эти течения становились все более сильными до самой войны 1914 года.

В древней Хорватии мы слышим сначала о владычестве аваров, которое, после победы над ними Карла Великого, сменяется ненадолго, до 828 года, господством франков. Потом хорваты делают попытку образования собственного государства и защищаются от стремлений Великоморавского княжества подчинить их своей власти. В конце 9 века здесь и возникает самостоятельная государственность, центр которой находится в Далмации. Вождь ее Мутимир провозглашает себя герцогом Хорватии Божьей милостью. Преемник его, Томислав, отразив нападения мадьяр, уже настолько усиливается, что в присутствии семи хорватских банов, вероятно вождей отдельных племен, и папского легата принимает в 924 году титул короля Хорватии и Далмации. Таким образом, византийскому императору этого времени, Константину Багрянородному, оставившему знаменитое сочинение «Об управлении империей», Хорватия представлялась уже очень могущественным государством с многочисленным войском и флотом. В эту же пору усиливается Болгария, управляемая гениальным царем Симеоном Великим, и складываются первые зачатки сербского государства. Южные славяне приобретают огромный вес в устройстве не только балканских отношений, но и вообще, отношений между Востоком и Западом. Византийская империя рисковала, не гово-

ря уже об ее политическом престиже, самым своим существованием, и потому естественно, что она напрягла все свои силы, чтобы разрушать могущество славянских балканских держав. Эта задача ей удалась спустя только сто лет, но Хорватия продержалась долго, благодаря своему географическому положению и эмансипации от византийских культурных влияний. Напротив, именно в то время, когда Сербия и Болгария переживают самую тяжелую пору византийского гнета, Хорватское королевство достигает наивысшего политического расцвета. Король Звонимир получает от папы в 1076 году королевские регалии, и с этих пор «корона Звонимира» является в хорватской политической жизни символом державной независимости Хорватии. После Звонимира национальная славянская династия в скором времени прекращается. В 1092 году последний представитель ее, Стефан II, умирает, и хорватским банам приходится искать новую династию. Несколько претендентов на престол выступает из лона самого народа, но ни один из них не имеет достаточно авторитета, чтобы закрепить за собой власть. Из западных европейских династий было всего естественнее обратиться к венгерским Арпадавичам, которые были такими же усердными католиками, как хорваты, и к тому же Венгрия соседила с Хорватией. Это самое естественное и произошло: в 1102 году борьба из-за хорватской короны закончилась в пользу венгерского короля Коломана, который принял титул Божьей милостью короля Венгрии, Хорватии и Далмации. По договору, заключенному им с банами, Коломан признавал государственную обособленность Хорватии и соответственно с этим обязывался управлять страной только при помощи хорватских же властей. Внешним проявлением державного права королевства должна была служить отдельная коронация венгерского короля хорватской короной.

Таким образом, в истории хорватского государства наступила новая эпоха, продолжавшаяся ровно двести лет, до смерти последнего короля из династии Арпадавичей, Андрея III в 1301 г. В этот продолжительный период времени хорваты сохраняли полную внутреннюю самостоятельность, управлялись своими банами, которые начальствовали над войском, чеканили монету и даже иногда носили титул банов или герцогов Божьей Милостью. Высшие классы населения, рыцарство и духовенство, собирались на совещания, имевшие законодательный характер. Так что связь Хорватии, Далмации к Славонии с Венгрией ограничивалась только признанием общего короля для обоих самостоятельных королевств. Когда династия Арпадавичей прекратилась, хорваты избрали на свой престол, по указанию папы, герцога Анжуйского Карла Роберта и через некоторое время его же признали своим королем и

мадьяры, так что разрушившаяся связь Хорватии с Венгрией была опять восстановлена. Но и эта династия оказалась недолговечной: после Карла Роберта и его сына Людвига венгерская корона перешла к дочери последнего, Марии, и ее мужу Сигизмунду, впоследствии императору, который так коварно предал Гуса.

Еще в самом начале 15 в. Сигизмунд пользовался настолько плохой репутацией, что хорваты не хотели признать его и своим королем, но обстоятельства заставили их пойти на этот шаг. Вот, кажется, первый случай, когда обнаружилась уже складывавшаяся фактическая зависимость Хорватии от Венгрии, и этим обстоятельством Сигизмунд воспользовался, чтобы немедленно показать хорватам свое пренебрежение: он отказался короноваться хорватским королем, и с этого времени этот обычай отдельной хорватской коронации прекратился. Один из важнейших символов хорватской державной самостоятельности исчез.

Как мы уже видели из истории Чехии, 15 век в истории средней Европы представляет эпоху постоянных смен династий в Чехии и Венгрии. Хорватия в это время следует за Венгрией, принимая ее королей, но упорно отстаивая свое государственное право. Так, сын Казимира Ягеллоновича, Владислав, будучи провозглашен в 1492 г. хорватским королем, подтвердил присягой все прежние права и свободы королевства. Тридцать лет спустя прекратилась и династия Ягеллонов на венгерском престоле: молодой король Людвиг был убит в битве при Могаче (1526).

Теперь Хорватское королевство имело полную возможность использовать свои права. Те же самые обстоятельства, которые заставили чешских вельмож предпочесть всем другим претендентам династию Габсбургов, выдвинули эту последнюю и в Хорватии. К тому же, чехи сильно подчинились религиозным новшествам, тогда как хорваты оставались самыми верными рыцарями католической церкви, и им было особенно дорого видеть на своем престоле такую строго католическую династию, какой была Габсбургская. И с тех пор, сколько испытаний ни пережила Хорватия, она хранила рыцарскую верность Габсбургам. Только в последние десятилетия, предшествовавшие войне, эту верность несколько пошатнула необыкновенно безрассудная политика имп. Франца Иосифа, который после создания дуалистической монархии в 1867 г. отдал Хорватию в полное распоряжение жестокой политике мадьярского правительства Венгрии, хотя юридически Хорватия сохраняла и тогда свои государственные права.

В 1526 г. Фердинанд был единогласно избран королем Хорватии, но в Венгрии его избрание не состоялось, так что государственная связь между этими королевствами, связанными общей историей в течение пяти веков, разорвалась. Но связи, закрепленные таким долгим сроком, не

так-то легко разрушаются. Принимая хорватскую корону, Фердинанд дал хорватам большую грамоту, в которой торжественно обязывался сохранять «все вообще и каждую в отдельности привилегию права, свободы и постановления» хорватских сословий. Эти гарантии соблюдались Габсбургами в течение всего 16 века, т. е. и тогда, когда они уже были королями Венгрии. За все это время Хорватия и Славония пользовались полной внутренней независимостью, и по отношению к Венгрии они не несли решительно никаких обязательств. Постановления Хорватского сейма (*Congregatio generalis*) утверждались непосредственно королем; управление страной находилось в руках бана. Но в династии Габсбургов все более господствовала католическая реакция, все меньше было уважения правам народностей, и вот хорватам приходится искать союзников для общей борьбы с венскими придворными кругами, стремившимися упразднить права Хорватского королевства. Таких союзников хорваты видели в Венгрии, которая также боролась против нарушителей ее государственных прав. С 1593 г. Хорватский сейм посылает в Венгерский по несколько своих представителей для совещания об общей политике. Мало-помалу обычай превращается в право, и в Венгрии укрепляется убеждение, что хорваты *обязаны* посылать своих представителей в Венгерский сейм. А раз они обязаны это делать, такое обязательство вытекает будто бы из самой природы отношений Хорватского королевства к Венгерскому. Другими словами, уже в половине 17 в. хорватам приходится искать у тех же Габсбургов защиты от притязаний Венгрии, объявившей Хорватию просто ее составной частью.

Вскоре и самой Австрии опять пришлось вспомнить о государственной независимости Хорватского королевства от Венгрии. Дело в том, что император Карл VI не имел потомков мужского пола, так что в силу соглашения, заключенного когда-то Габсбургами с Хорватией и с Венгрией, эти королевства освобождались от дальнейшего союза с названной династией. Следовательно, было необходимо передать наследственные права в женскую линию, дочерям императора, а для этого — приходилось заключать новое соглашение. Но с кем? С Венгрией ли одной, рассматривая Хорватское королевство, как ее составную часть, или и с Хорватией? Однако, Карл VI был гораздо менее уверен в согласии Хорватии, чем Венгрии, и для него представлялось выгодным вести переговоры с Венгерским сеймом, лишь имея в руках нечто положительное, предварительное согласие Хорватского сейма. На хорватскую же преданность Габсбургам он мог положиться, и она не изменила ему и на этот раз. В 1712 г. была обнародована т. н. Прагматическая санкция, т. е. решение, имевшее силу закона (санкцию) и устанавливавшее известный порядок деятельности (прагматику). В Венгрии этот закон, действительно, был

принят не сразу, но только в 1723 году. Прагматическая санкция явилась одним из важнейших актов государственной жизни Австрии. Она установила единство и нераздельность австрийских земель и порядок наследования как по мужской, так и по женской линиям. Однако, за эту существенную помощь, оказанную Хорватами династии Габсбургов, эта последняя отплатила обычной неблагодарностью. Императрица Мария Терезия, первая, воспользовавшаяся благами Прагматической санкции, стремилась к идеалам централизации и германизации всего управления империей.

Права Хорватии на самоуправление были забыты, и здесь хозяйничали австрийские чиновники-немцы. В стране назревали волнения, которые сын Марии Терезии, имп. Иосиф II, старался успокоить обещаниями восстановить деятельность сейма. Но только преемник его, Леопольд II, исполнил эти обещания в 1790 г. Между тем, события быстро изменили все европейские порядки. Наполеон, разбив в начале 19 века австрийские войска, отрезал часть Хорватии от Австрии, соединил с ней некоторые другие южнославянские земли (Далмацию, Крайну и др.) и образовал таким образом Иллирийское королевство. Правда, оно просуществовало недолго, и уже Венский конгресс 1815 г. восстановил господство Австрии в этих областях, однако деятельность Наполеона и здесь, как в Польше, оставила важные последствия: она выдвинула идею национального родства южнославянского, *иллирийского* племени, и создала политическое движение, известное под названием иллиризма. Это течение выставило своим лозунгом восстановление национальных и политических прав хорватского народа и создание общего литературного языка для всех южных славян. Действительно, за сто лет хорватский народ дошел почти до такого же положения, в каком находился в начале 19 века и чешский: интеллигенция едва помнила о своем национальном происхождении, говорила по-немецки или по-венгерски, народ был угнетен, жил в нищете и невежестве. Но у хорватов еще гораздо живее были исторические воспоминания, здесь существовал также многочисленный класс дворянства, который мог легче вернуться к своей народности, чем совершенно онемеченное чешское дворянство. Наконец, юридически Хорватия все еще составляла отдельное королевство и имела свой сейм. Благодаря этим благоприятным условиям здесь складывается уже к сороковым годам, когда в Чехии политические и национальные требования ограничивались самыми скромными рамками, гордое национальное сознание, настаивавшее на употреблении в сейме, управлении и школе только хорватского языка, добивавшееся полной государственной самостоятельности Хорватии от Венгрии. Когда же в этой последней, в 1848—49 гг., вспыхнуло восстание, направленное против династии Габс-

бургов, которую мажьярские повстанцы объявили низложенной, то Хорваты под предводительством своего бана Йелачача снова вступились за Габсбургов, забыв все причиненные ими несправедливости.

Восстание мажьяр было подавлено с помощью австрийских, хорватских и особенно русских войск, присланных на помощь молодому Францу Иосифу императором Николаем I, и тогда хорваты опять стали не нужны этому государю, никогда не отличавшемуся благородством души. В годы реакции, продолжавшейся до 1859 г., Хорватия томилась под гнетом Венгрии. Конституционная эпоха, начавшаяся с этого времени, также принесла хорватам мало счастья: правительство Австрии колебалось между федерализмом или разделением империи на две части, внутри лишенные федералистического строя. Наконец, в 1867 г. эти колебания закончились созданием дуализма: в одной части империи доминирующую роль должны были играть немцы, в другой — мажьяры. И этим последним было предоставлено заключить с хорватами такое соглашение, которое определило бы точным образом форму подчинения Хорватско-Славонского королевства Венгерскому. Разумеется, лучшие люди Хорватии (как, напр., знаменитый епископ Штросмайер) противились такой формулировке хорватско-венгерских отношений и настаивали на сохранении за Хорватией ее державных прав. Но их удалось отстранить от совещаний, и, наконец, в силу необходимости Хорватский сейм принял в 1868 г. соглашение с Венгрией, которая, сохраняя за Хорватией права автономной провинции, все же подчиняет все ее политическое и даже экономическое развитие воле венгерского правительства.

*Печатается по изданию: А.Л. Погодин.
Краткий очерк истории славян. М, 1915.*

Л. В. БЕРЕЗИН

ДВОРЯНСТВО В ХОРВАТИИ И СЛАВОНИИ

Внутренняя жизнь народа, иначе сказать — история его сословий, история тех прав, которые приобретал каждый из классов известной нации, служит важным пособием при изучении современного положения дел в стране. Из нижеследующего для читателя будут ясны причины, почему хорватское дворянство, в особенности хорватская аристократия, является горячим сторонником мадьяр, а также ясна будет и та роль, какую играет эта аристократия в стране в настоящее время.

ОЧЕРК ПРОШЛОЙ ИСТОРИИ ДВОРЯНСТВА В ХОРВАТИИ И СЛАВОНИИ

Происхождение личного дворянства в Хорватии и Славонии. Подразделение его на классы. Происхождение потомственного дворянства. «Золотая булла». Стремления австрийского правительства к ограничению прав и преимуществ дворянства

Уже при первом появлении в истории, хорваты имели законы, писанные на досках, и довольно развитое обычное право, передававшееся от поколения к поколению. Одной из самых древних особенностей их быта является закон равенства, единения, братства между всеми членами общества. С течением времени, по мере осложнения форм народного быта и постепенного гражданского развития страны, эта черта патриархального устройства, естественно, чем дальше, тем больше, утрачивается. Началось с того, что отличившимся воинской доблестью, при отражении внешних неприятелей, бывали даваемы награды: награждаемые выделялись таким образом из народной массы, становились нобилиями в стране. Награды обыкновенно бывали двоякого рода: или отличившиеся воины бывали одаряемы поземельной собственностью, иногда только правом взимания с нее определенного дохода, или им бывали предоставляемы те или другие должностные отличия в народном управлении. Так как земля в то время служила почти единственным источником доходов, то понятно, что и индивидуальное значение лица было тесно связано с поземельной собственностью: лицо пользовалось тем большим значением в стране, чем большее пространство обнимала его поземельная собственность. С течени-

ем времени дворянское сословие в Хорватии подразделялось на два класса: высший и низший. При этом делением основанием послужил имущественный ценз, степень материального благосостояния. Дворяне первого класса были известны под названиями: «*prvenci naroda*» (*primates populi*¹), «*velikaši*» (*magnati*²), «*knezove kraljevstva*» (*principes regni*³) и «*barone kraljevstva*» (*baroni regni*⁴). Дворяне второго класса обыкновенно бывали обозначаемы следующими названиями: «*vlasteljičiči*» или «*vlastelji*»⁵ (*potentiali*) и «*plemiči*» (*nobiles*⁶). Сообразно своему общественному положению, дворяне подразделялись на два разряда: 1) «*status dominorum magnatum vel baronum*», — к этому разряду принадлежали те дворяне, которые состояли на государственной службе и 2) «*status, ordo equestris*» — дворяне, которые не несли никаких общественных обязанностей.

Весьма естественно, что дворяне в Хорватии, число которых было сначала крайне незначительно, были вынуждены признавать над собой неограниченную власть хорватских правителей. Хорватский князь или король, по своему личному усмотрению, нередко отставлял от службы дворян и даже лишал их поземельной собственности. Хотя такое самовластие князя и вызывало ропот среди дворян, но им не оставалось иного исхода, как примириться с новым своим положением. Но года проходили и число дворян все более и более возрастало. Мало-помалу ими овладело желание приобрести себе полную самостоятельность и закрепить за своими родами те права и преимущества, которые когда-либо были жалуемы им лично. Единство интересов сблизило дворян между собой, тесно связало их в стремлениях достигнуть желаемой цели. То, что дворяне безропотно сносили в годы своего бессилия, стало волновать их в то время, когда они почуяли в себе силу. Понемногу с течением времени хорватские дворяне начинают уже пользоваться каждым удобным случаем ослабить значение княжеской или королевской власти.

¹ В грамоте от 892 года.

² В грамотах от 926 и 928 годов.

³ В грамоте от 1069 года.

⁴ В грамоте от 1075 года.

⁵ Это название происходит от слова «власть».

⁶ В грамоте хорватского короля Петра Крешимира IV, от 1069 года говорится: «*testimoniū in tacio cum omnibus nobilibus meis*». В одном историческом акте говорится, что хорватский король Димитрий Звонимир пригласил в 1078 году на совещание своих жупанов и других дворян (*meorum comitum aliorumque nobilium*). Хорватский король Степан II, при вступлении своем на престол, обнародовал в 1087 году манифест, в котором между прочим было сказано, что он принял бразды правления «*omnibus Croatiae et Dalmaciae nobilibus collaudantibus*» и что к нему присоединилось все дворянство «*universa novitas*».

Хорватские короли, не находя иногда в стране надлежащей поддержки себе для приведения в действие той или другой задуманной ими реформы, были вынуждены нередко прибегать за помощью в дворянству. Так мы видим, что в исходе XII ст. хорватско-венгерский король Бела III пожелал обнародовать «наследственный закон о первородстве». Опасаясь, чтобы дворянство не отнеслось враждебно к задуманной им реформе, он не преминул даровать хорватским дворянам некоторые льготы, а именно: 1) поземельные участки, которые до того времени составляли личное владение дворян, были им отданы в потомственное владение; 2) определенные доходы, назначенные лично дворянам с известных поземельных участков, были закреплены за их родом; и 3) исключительно только им было предоставлено право поступления на государственную службу. Таким образом образовалось теперь «племство» (дворянство), в настоящем смысле этого слова: самое название «племство» очевидно происходит от слова «племя» (род). Мы должны при этом заметить, что государственные сановники бывали выбираемы не из одного дворянского рода, но обыкновенно делалось так: из одного дворянского рода выбирались баны, а из другого рода — жупаны и т. д.

За одной уступкой обыкновенно следует другая: дворяне не удовлетворялись полученными льготами, они жаждали полной самостоятельности. Хорватско-венгерский король Андрей II, в начале своего царствования, хотел было ограничить права и преимущества хорватских дворян; но, встретив с их стороны сильную оппозицию, был вынужден отказаться от своего плана. Желая улучшить государственные финансы, которые в то время находились в крайне дурном состоянии, он порешил увеличить налоги; это вооружило против него и народ. Престол, без того уже расшатанный при его предшественниках, мог бы быть теперь ниспровергнут под двойным натиском дворянства и народа. Испуганный король обратился тогда за содействием к дворянству, при помощи которого и спас престол; но вместе с тем он потерял свою власть: благодаря им же самым изданному законодательному акту, он лишился того самого, что желал сохранить в неприкосновенности. Акт, изданный в 1222 году, носил название «золотой буллы» или «письма», которая является вполне дворянским уставом.

В силу означенной «золотой буллы» дворянство получило следующие привилегии: 1) каждый дворянин мог *de jure* присутствовать, с правом подачи голоса как на сеймах хорватском и венгерском, так и на жупанийских скупщинах, ему было также предоставлено право отправлять на означенные сеймы и на жупанийские скупщины своих уполномоченных; 2) каждый дворянин, как член привилегированного сословия, был изъят от взноса податей и от государственных повинностей, а также был свобо-

ден от суда и от телесного наказания; 3) каждый дворянин-помещик приобрел неограниченную власть на своем поземельном участке; впрочем, он не мог продать своей поземельной собственности, а только мог ее заложить сроком не более трех лет, так как вся земля почиталась собственностью короны; 4) каждое королевское распоряжение прежде, чем оно войдет в силу, должно быть рассмотрено в совете, который должен состоять исключительно из дворян; 5) дворяне приобрели право протестовать против своего короля, если бы он пожелал отменить или хоть несколько нарушить те права, которые дарованы были им «золотой буллой».

Законодательный акт 1222 года является апогеем силы дворянского сословия в Хорватии. Действительно, акт этот сразу закрепил за ним то, к чему оно стремилось: с одной стороны, над королем был учрежден контроль, который вполне лишил его самостоятельности, а с другой стороны, дворяне захватили в свои руки всю власть над народом и сделались вполне независимы по отношению к высшей государственной власти. Отношение дворян к государственным делам приняло такой вид, что местные дворяне, желая, с одной стороны, играть первенствующую роль как на хорватско-венгерских сеймах, так и на местных жупанийских скупщинах, с другой стороны, не имея возможности всегда лично присутствовать в заседаниях означенных собраний, весьма охотно стали отправлять туда своих уполномоченных, которые были известны под именем «кортеши» (самая подача голоса этими уполномоченными сделалась известной под именем «кортешованья»). Весьма естественно, что эти уполномоченные действовали в заседаниях означенных собраний согласно инструкциям, которые получали со стороны дворян. Таким образом, прежняя единоличная королевская власть потеряла силу: настало царство полнейшего произвола. Правда, что хорватские дворяне теперь крепко примкнули к *венгерскому* престолу и явились горячими защитниками государственных интересов Империи. Так например, в случае опасности, грозившей империи со стороны внешних неприятелей, дворяне-помещики спешили собрать своих «кметов» и, вооружив их на свой собственный счет, шли на помощь венграм.

Хорватские дворяне не преминули злоупотребить благоприятными условиями, в какие они были поставлены в силу законодательного акта 1222 года. Они стали обращаться крайне жестоко со своими «кметами», которые через то не раз бывали вынуждены братья за оружие. В подобных случаях, подавив восстание «кметов», дворяне-помещики обыкновенно спешили прибегнуть к крутым мерам, чтобы упрочить неограниченную власть над своими крепостными. Хорватские короли не могли и подумать о том, чтобы оказать кметам содействие к освобождению их от тяжелой опеки, под какой те находились. Большей частью, впрочем,

хорватско-венгерские короли, в силу обстоятельств, равнодушно относились к славянскому сельскому населению. Главная их забота состояла в том, чтобы ослабить влияние дворян при выборе королей. Попытка, сделанная в этом отношении хорватско-венгерским королем Карлом I Робертом, не увенчалась никаким успехом. Между тем постоянные вторжения неприятелей на территорию хорватского королевства содействовали только усилению власти дворянства. Так мы видим, что хорватско-венгерский король Матвей Корвин в 1467 году даровал дворянам грамоту, в силу которой они приобрели право выбирать из среды своей «воеводу» (*regnum capitaneus*), т. е. главного начальника народного войска.

При хорватско-венгерском короле Леопольде I хорватские дворяне начинают утрачивать свои права и преимущества. Так на сейме, созванном в 1687 году в городе Пресбурге, Леопольд I торжественно своей одной властью провозгласил своего сына наследником престола, и таким образом лишил дворян права вмешиваться в выборы королей. Кроме того с целью ослабить влияние хорватских дворян при дворе, он перестал давать им придворные должности.

Императрица Мария-Терезия по политическим соображениям стала благосклонно относиться к дворянству, особенно к хорватской аристократии. Хорватскому бану было даровано право быть «воеводой». Хорватские аристократы были приглашаемы ко двору, где они получали высшие придворные должности. А заняв видное место при дворе, они через то самое приобретали возможность вновь и еще более усилить свое влияние и значение в стране.

*Печатается по изданию: Л.В. Березин.
Хорватия. СПб, 1879.*

СЕРГЕЙ ШУМОВ, АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВ

КРАТКАЯ ХРОНИКА ИСТОРИИ СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ. БОСНИЯ, ГЕРЦЕГОВИНА, МАКЕДОНИЯ, СЛОВЕНИЯ И ХОРВАТИЯ

СЕРБИЯ, государство в бассейне Дуная (1217—1929 годы), на юге Европы.

Территория Сербии и южнославянские земли в VI—VII веках н.э. были заселены славянами, расселившимися на территориях бывших римских провинций Иллирии и Мезии. Основу общественного строя составляли большие патриархальные семьи — задруги, домашние общины людей, связанных кровным родством или усыновлением.

В VII—XIII веках на южнославянских землях существовало несколько государств, первыми из которых в VII—VIII веках были Само, созданное славянским князем Само (623—658) и распавшееся после его смерти, и словенская Карантания, позднее попавшая под власть империи Габсбургов. Во второй половине IX века было создано и первое хорватское государство, в начале XII века вошедшее в состав Венгерского королевства. В начале XII века было образовано и Боснийское государство.

В борьбе с могущественными державами того времени — Византией, Венгрией, Венецией и Болгарией, сербы почти непрерывно вынуждены были защищать свою независимость. Сербские земли в военных целях были разделены на жупы — округа, во главе которых стоял жупан, возглавлявший жупу и в мирное время.

В VIII—XI веках существовали два сербских государственных объединения — Рашка (на северо-западе современной Сербии) и Дукля (на территории современной Черногории), частично находившиеся в зависимости от Византии — сербский народ внутри страны всегда сохранял полную национальную независимость. Византийские источники некоторых жупанов IX века называют даже князьями и государями — Властимир, Мутимир, Петр. Известен сербский князь X века Чеслав. В IX веке сербы приняли христианство в славянском, кирилло-мефодиевском виде, принесшее и свой особый алфавит — кириллицу, которой сербы пользуются до сих пор.

Крупное сербское государство было создано в XII веке при великом жупане Рашки Стефане Немане (1159—1195 годы), ставшем основате-

лем первой сербской династии. Тогда же сложилось и сербское дворянство, а бывшие жупаны стали знатью страны.

В 1217 году «Српска земля» стала королевством со столицей в Белграде, а сын основателя династии Неманей Стефан Первоначальный (1195—1224) венчался уже как король.

В 1220 году было создано и сербское архиепископство; первым архиепископом стал брат Стефана Первоначального Савва, позднее «святой патрон» Сербии, герой преданий сербского народа. В XIV веке сербские архиепископы были провозглашены патриархами.

Расцвет Сербии пришелся на правление неманича Стефана Душана (1331—1355). Стефан разгромил войска венгерского короля Карла, напавшего на Сербию, на юге завоевал часть византийских земель и в 1346 году стал титуловаться «саром сербов и греков». Известен его «Законник» 1349 года, ставший основным законом Сербии.

После смерти Стефана Душана Сербия начала распадаться на самостоятельные княжества. Турки, уже продвигавшиеся на Балканы, 26 сентября 1371 года на берегу реки Марицы нанесли сербскому войску сокрушительное поражение; в бою погиб и король Вукашин.

15 июня 1389 года, в день святого Вита, «Видовдан», сербское войско и их союзники боснийцы и венгры во главе с князем Лазарем были разгромлены вторе большей армией турок-османов во главе с Мурадом I на Косовом поле, расположенном при впадении реки Лаб в Ситницу. Зять Лазаря Милош Обилич в разгар боя убил турецкого султана в шатре, но его сын Баязид I сумел прекратить замешательство и организовать победное наступление турецкой пехоты. Попавший в плен раненый князь Лазарь был казнен.

Этот день считается самым трагическим днем сербской истории.

После поражения сербско-боснийского войска от Османской Порты в битве на Косовом поле в 1389 году Сербия и другие южнославянские земли были захвачены турками и находились под властью Османской империи более 400 лет. И хотя отдельные сербские князья, «деспоты», заручившись покровительством турок, стремились удержаться у власти, продолжалось это только до 1459 года, когда султан Мухаммед прекратил это мнимое самостоятельное существование сербского государства. Словенцы и хорваты надолго попали под власть империи Габсбургов. Черногория, в которой правили Балшичи, а позднее Черноевичи, была частично завоевана турками в 1496 году. Власть османов здесь ограничивалась уплатой дани турецкому султану. После разгрома венгров у Могача в 1526 году Сербия полностью стала частью Османской империи, подчиняясь румельскому беглербегу Софии.

В XVI веке великий везир Османской Порты Мехмед Соколович, по происхождению серб из Герцеговины, восстановил сербскую церковь. В

сербских монастырях появились типографии, печатавшие сербские книги. В горах, недоступных для турок, господствовали сербские партизаны — гайдуки, ставшие народными героями, и ускоки, народные бойцы, организованные в народное войско. Сопротивление сербского народа было так велико, что на протяжении четырехсотлетнего турецкого господства ислам не смог прочно обосноваться в Сербии.

В 1688 году австрийская армия изгнала турок из Венгрии, вошла в Сербию, заняла Белград, Ниш и Призрен, но под давлением турецких войск была вынуждена уйти назад. Вместе с австрийцами в Венгрии от турецкой мести эмигрировало и много сербов.

В 1717 году Евгений Савойский вновь занял Сербию. Австрия в 1718 году восстановила «Сербское королевство», подчинявшееся австрийскому военному губернатору. В 1739 году Австрия вернула Сербию Турции; значительная часть сербов эмигрировала в Россию, поселившись на берегах Днепра.

В 1789 году Австрия снова заняла Сербию и Белград, но через два года ушла назад, в Венгрию.

После устроенной турецкими янычарами жестокой резни сербов началось народное восстание, возглавленное гайдуком Кара-Георгием, Черным Георгием. Сербы разбили турок, и в 1805 году была созвана скупщина, принявшая временную конституцию Сербии. Во главе страны стал Кара-Георгий.

Начавшаяся в 1806 году русско-турецкая война помогла восставшим сербам. Русская армия заняла Молдавию и Валахию. В 1811 году в Сербии было создано государственное управление страны; во главе «Сербского княжества», разделенного на 70 «войводств», было поставлено 6 министров — «попечителей».

Заключенный в 1812 году русско-турецкий Бухарестский мир обязывал Турцию предоставить Сербии полную автономию. Однако война России с Наполеоном помешала этому — в 1813 году сербы были разбиты турками, Кара-Георгий ушел за границу.

Оставшийся в Сербии воевода Милош Обренович признал власть турок и был назначен ими «главным князем». Через два года после разгрома Наполеона в 1815 году Милош Обренович поднял открытое восстание против Турции, требуя от турок национальной независимости. Возвратившемуся в Сербию Кара-Георгию Милош Обренович отрубил голову и послал ее султану. В результате сербских восстаний 1804—1813 и 1815 годов в 1820 году Сербия получила от Турции статус автономного княжества на началах вассальной зависимости; турецкие гарнизоны остались только в нескольких сербских городах.

В 1830 году создателем современного сербского языка и новой сербской литературы Вуком Караджичем был создан центр культурно-наци-

онального движения Сербии — Матица Сербская, возникла национальная пресса.

В 1838 году Милош Обренович отказался от престола и бежал за границу, его сын и преемник Михаил также бежал из Сербии в 1842 году. Сербским князем стал сын Кара-Георгия Александр, потерявший престол в 1858 году по решению скупщины. Сербским князем снова стал Милош Обренович, а после его смерти в 1860 году — сын Михаил, погибший от рук наемных убийц в 1868 году. Тогда же турецкие войска ушли из сербских городов. Сербия, которую возглавил регентский совет, правивший от имени преемника Михаила Милана, в 1869 году приняла новую конституцию, расширившую права князя Сербии. В 1872 году воспитанный в Париже Милан вступил на сербский престол.

В 1868 году столицей Сербии стал Белград.

Белград (сербск. Београд), политический, промышленный, торговый и культурный центр, расположен в центре Балканского полуострова, на правом берегу реки Савы при впадении ее в Дунай. Находится на пересечении важнейших дорог через Балканский полуостров в Стамбул и Салоники, что было одним из главных условий развития города.

Первое городище на месте Белграда было основано в IV веке до н.э. кельтским племенем скордисков. В I веке городом Singidunum завладели римляне. После падения Римской империи земли Белграда принадлежали готам, гуннам, аварам, франкам, болгарам, венграм, дважды византийцам — в VI и XI веках.

С XIV века Белград — у сербов. В 1521 году город был взят турками, владевшими им до 1867 года.

В 1875 году после начала народных восстаний в Герцеговине и Болгарии Сербия объявила войну Турции. После российско-турецкой войны 1877-1878 годов решением Берлинского конгресса 1878 годов Сербия и Черногория получили полную независимость, а Сербия значительно увеличила свою территорию и 6 марта 1882 года стала королевством. Босния и Герцеговина была оккупирована Австро-Венгрией.

В 1885 году Сербия неудачно воевала с Болгарией.

В 1889 году в Сербии была принята новая конституция.

6 марта 1889 году король Милан отказался от престола в пользу своего двенадцатилетнего сына Михаила. После переворота 1893 года регентский совет, правивший Сербией, был ликвидирован, Александра провозгласили совершеннолетним, конституция 1869 года была восстановлена. Править Сербией от имени Александра снова стал Милан, умерший в Вене в 1901 году. Правивший Сербией Александр, как и его отец, державшийся австрийской ориентации, 11 июня 1903 году во дворце был убит офицерами белградского гарнизона. Королем Сербии стал сто-

ронник России внук Кара-Георгия Петр. Через 5 лет, воспользовавшись поражением России в войне с Японией, Австро-Венгрия аннексировала оккупированную еще в 1878 году Боснию и Герцеговину.

В ходе Балканских войн 1912—1913 годов южные славяне окончательно освободились от власти Османской империи.

Первая Балканская война (9.10.1912—30.5.1913) между военно-политическим Балканским союзом в составе Болгарии, Сербии, Греции, Черногории и Турции привела к поражению Турции, которая после Лондонского мирного договора 1913 года потеряла все свои европейские владения, кроме Стамбула и части Восточной Фракии. Сербия, разбившая турецкую армию на Косовом поле, традиционном месте сербского национального траура, обеспечила свой тыл со стороны Турции в случае войны с Австро-Венгрией.

Вторая Балканская война (29.6—10.8.1913) — война Болгарии против Греции, Сербии и Черногории, к которым присоединились Румыния и Турция, завершилась поражением Болгарии, которая по Бухарестскому мирному договору 1913 года лишилась Южной Добруджи, Фракии и Македонии, переданных Румынии, Сербии и Турции.

Балканские войны ускорили начало первой мировой войны.

На 28 июня 1914 года, в день национальной скорби Сербии «Видовдан», на ее границах были назначены большие австро-венгерские маневры. В этот же день лидер военной партии наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд с женой был убит сербским националистом Гаврилой Принципом в Сараево — через месяц под предлогом возмездия за убийство эрцгерцога Германия и Австрия, предъявив невыполнимый ультиматум Сербии, начали первую мировую войну. Упорно сопротивлявшаяся Сербия была оккупирована Австро-Венгрией только через год после нападения на сербов Болгарии с тыла. Часть сербской армии в тяжелейших условиях смогла пробиться на соединение с англо-французскими войсками. Сербы создавали партизанские отряды — «зеленый кадар», в которых к октябрю 1918 года воевало более 200 000 человек. К осени 1918 года, в процессе распада Австро-Венгрии, проигравшей первую мировую войну, Сербия была освобождена от оккупации. 30 октября, на второй день революции, в Вене австрийское Национальное собрание провозгласило Австрию республикой. 1 ноября революция победила и в Венгрии, через две недели провозглашенной республикой.

5 октября 1918 года в Загребе, в Хорватии, было создано Народное вече словенцев, хорватов и сербов, в состав которого вошли многие южнославянские партии. 29 октября 1918 года Вече объявило о переходе власти к нему и образовании Государства словенцев, сербов и хорватов. Подобные вече были созданы во всех югославянских областях бывшей им-

перии Габсбургов. Объединению всех южнославянских земель в одно государство под властью династии Карагеоргиевичей стала добиваться и Сербия, за что высказались и Народные веча Хорватии, Боснии и Герцеговины, Воеводины, скупщина Черногории.

1 декабря 1918 года в Белграде было провозглашено создание Соединенного королевства сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей.

ЧЕРНОГОРИЯ (ЦРНА ГОРЫ, MONTENEGRO), горная страна на Динарском нагорье, на юге Европы, у Адриатического моря, до 1911 года независимое княжество.

Черногорские земли, в начале нашей эры входившие в состав Диоклеи, Иллирийской провинции Римской империи, заселены славянами с VII века; носили названия Дукля, Зета, с XV века — Черногория.

С конца XII века по 1366 год черногорские земли входили в состав Сербии как провинция, предоставляемая в удел ближайшим родственникам великих жупанов. После смерти Стефана Душана и разгрома Сербии в Косовской битве 1389 года Зетская жупа стала самостоятельной и управлялась наследственными жупанами Бальшичами, с 1356 по 1421 год, и Урноевичами, с 1430 по 1499 год.

В 1499 году Зета — в составе Османской империи; Урноевичи ушли в неприступные Черные горы, официально включенные в состав Османской Порты под именем Скутарийского санджака. Горцы сохранили племенную автономию, а после ухода последнего зетского жупана в Венецию, создали горную республику во главе с владыками — черногорскими митрополитами.

В 1685 году Черногория в союзе с Венецией добилась фактической независимости от Турции, не признанной султаном. В 1703 году после антитурецкого восстания в Черногории, возглавленного митрополитом Негоном, черногорские мусульмане — «потурченцы» переселились в Турцию, земля перешла к крестьянским общинам и к церкви.

С 1715 года черногорские митрополиты стали получать постоянные субсидии от России, понимавшей стратегическое значение Черногории — единственного самостоятельного христианского государства на Балканах.

С 1767 по 1774 год в Черногории правил Степан Малый, выдававший себя за российского императора Петра III.

После удачных войн с Турцией 1792 и 1796 годов Черногория во главе с владыкой Петром I Негошем (1781—1830) особым фирманом султана 1798 года признана независимым княжеством.

С 1852 года Черногория — наследственное княжество. После ряда реформ титул черногорского князя принял Данило (1851—1860), вне-

сий в созданный в 1831 году сенат первую конституцию страны. Вторая конституция 1857 года определила характер княжеской власти и правовых отношений в Черногории. Князь Черногории Николай (1860—1918) при российской помощи провел реорганизацию армии и государственного аппарата. К 1871 году в Черногории было 30 школ, гимназии и духовная семинария.

С 1876 по 1878 годы Черногория, разгромленная турками в 1862 году, участвовала в русско-турецкой войне. По Рейхштадской конвенции Черногория получила порты Антивари и Дульциньо, а также плодородные земли Подгорицы и Никшича.

19 декабря 1905 года в Черногории был принят «Устав за княжевину Црну Гору» — конституция, превратившая страну в конституционную монархию во главе со скупщиной — парламентом.

С 1910 года Черногория — королевство; участвовала в Балканских войнах, увеличив свою территорию в полтора раза, а население — в два.

В первой мировой войне Черногория выступила на стороне России; в начале января 1916 года страна была занята австрийскими войсками, король Николай бежал в Италию. После разгрома Австрии в ноябре 1918 года «Великая скупщина» в Подгорице объявила династию Негошей низложенной, Черногория вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 года — Югославии.

ЮГОСЛАВИЯ (JUGOSLAVIJA), СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА ЮГОСЛАВИЯ, государство на юге Европы, на Балканском полуострове, омываемом Средиземным, Мраморным и Черным морями, в бассейне Дуная, у Адриатического моря.

С начала своего образования Югославия — многонациональное государство, в котором жили сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы, албанцы, венгры, турки. Верующие — православные, католики и мусульмане. Языки — сербский, хорватский, черногорский, боснийский, македонский и словенский. Официальный язык — сербскохорватский. Столица — Белград.

После I мировой войны и распада Австро-Венгрии 1 декабря 1918 года в Белграде было образовано Соединенное королевство сербов, хорватов и словенцев, в которое вошли почти все южнославянские земли, с 1929 года — Югославия, ставшая монархией во главе с королем Александром.

В апреле 1919 года в Белграде на объединенном съезде социал-демократических партий была создана Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов), первым секретарем которой стал Ф.Филиппович. В июне 1920 года партия стала называться Коммунистической партией Югославии (КПЮ).

22 июня 1921 года в годовщину битвы на Косовом поле в 1389 году, в день святого Вида Учредительное собрание Королевства СХС приняло конституцию, названную Видовданской — «Сербо-хорвато-словенское государство есть конституционная, парламентская и наследственная монархия». Королевство было разделено на 33 губернаторства — жупы во главе с назначаемыми королем жупанами. Учредительное собрание было преобразовано в Скупщину. Деятельность КПЮ была запрещена.

6 января 1929 года король Александр сосредоточил всю власть в государстве в своих руках, распустив Народную скупщину и отменив Видовданскую конституцию. Королевство сербов, хорватов и словенцев было переименовано в королевство Югославию. Государство было разделено на бановины, управлявшиеся назначаемыми королем банами. В сентябре 1931 года была провозглашена новая конституция Югославии, по которой законодательная власть в стране принадлежала королю и контролировавшемуся им двухпалатному парламенту. Югославия, Румыния и Чехословакия стали членами Малой Антанты, ориентированной на Францию, а в феврале 1934 года Югославия, Турция, Греция, Румыния и Болгария создали Балканскую Антанту, направленную против Италии, претендовавшей на балканские земли.

В октябре 1934 года в Марселе был убит король Югославии Александр и французский министр Л.Барту. Югославским королем был провозглашен одиннадцатилетний сын Александра — Петр, регентом стал его дядя принц Павел.

В 1937 году во главе Коммунистической партии Югославии стал Иосиф Броз Тито.

В апреле 1941 года Югославия была захвачена Германией. К середине лета в Югославии воевало более 50 000 партизан, а к концу 1943 года югославские партизаны, насчитывавшие более 200 000 воинов, сковывали более 300 000 немецких, итальянских и венгерских солдат. С ноября 1942 года из партизан стали создаваться дивизии и корпуса Народно-освободительной армии Югославии. К концу 1942 года площадь освобожденных от немцев районов Югославии составляла более 20%, к концу 1943 года — около половины, а к осени 1944 года — $\frac{2}{3}$ территории страны. Тогда же возглавлявший созданный в ноябре 1943 года в Боснии Национальный комитет освобождения И.Б.Тито и премьер королевского правительства в эмиграции И.Шубашич заключили соглашение о создании объединенного временного правительства Югославии. Югославскому королю запрещалось возвращаться в страну.

В октябре 1944 — мае 1945 года Югославия была освобождена Народно-освободительной армией Югославии под руководством главнокомандующего НОАЮ маршала И.Броз Тито и Советской Армией, в ок-

тябре 1944 года осуществившей Белградскую наступательную операцию. Авторитет СССР в Югославии в те годы был непререкаем.

29 ноября 1945 года Учредительная скупщина, на выборах в которую победил Народный фронт во главе с коммунистами, ликвидировала монархию и приняла декларацию о провозглашении Федеративной Народной Республики Югославии. В январе 1946 года была принята новая конституция Югославии, провозгласившая ФНРЮ союзным государством шести народных республик — Сербии с двумя автономными округами, Хорватии, Словении, Македонии, Хорватии, Боснии и Герцеговины.

С 1948 года с личного письма руководителя СССР И.В. Сталина руководителю Югославии И.Б.Тито начался советско-югославский конфликт, основой которого послужила излишняя, с точки зрения кремлевского руководства, независимость Югославии. Отношения нормализовались только после смерти И.В.Сталина.

В январе 1953 года на только что учрежденный пост президента ФНРЮ был избран председатель Совета Министров И.Б.Тито. КПЮ была переименована в Союз коммунистов Югославии (СКЮ), Народный фронт — в Социалистический союз трудового народа Югославии.

Конституция 1963 года дала стране название — Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) с властью у СКЮ. Следующая конституция страны была принята в феврале 1974 года. По этой конституции в содружестве добровольно объединившихся народов Югославии под руководством СКЮ верховным органом власти и общественного управления была Скупщина СФРЮ, состоящая из Союзного веча, избираемого по общинам, и Веча шести республик и двух автономных краев. Скупщина образовывала Президиум СФРЮ, правительством стало Союзное исполнительное вече. В мае 1974 года Президентом СФРЮ и председателем Президиума СФРЮ без ограничения срока был избран Иосиф Броз Тито, умерший в 1980 году.

До 1990 года Югославия — федерация 6 республик — Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии (в составе которой также автономные края Воеводина и Косово), Словении, Хорватии, Черногории. Население в 1990 году более 10 миллионов человек. Глава государства до 1991 года — президент. Высший орган власти федерации до 1991 года — Скупщина Социалистической Федеративной Республики Югославии в составе 2 палат — союзного веча и веча республик и краев.

В январе 1990 года XIV съезд правящего Союза коммунистов Югославии разделил коммунистическую партию на республиканские организации. В том же году во всех союзных республиках прошли выборы на многопартийной основе, в результате которых во всех республиках, кроме Сербии и Черногории, победу одержали национальные партии и движения.

В 1991 году СФРЮ распалась. Распад сопровождался длительными военными конфликтами, начавшимися в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине. В конфликты вмешались страны Европы и США. Из состава федерации вышли Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия, ставшие независимыми государствами.

После гражданской войны в ноябре 1995 года новая югославская федерация из Сербии и Черногории, Хорватия и Босния подписали договор о разграничении этнических зон в Боснии. Контроль за соглашением осуществлялся «голубыми касками» — военным контингентом ООН.

По конституции 1992 года Югославия — федерация двух республик: Сербии, включающей автономные края Воеводину и Косово и Метохию, и Черногории. Глава государства — президент. Законодательный орган федерации — Союз Скупщины из двух палат (Вече граждан и Вече республик).

СЕРБИЯ (СРБИЈА, СРПЈА), РЕСПУБЛИКА СЕРБИЯ,
республика в составе Союзной Республики Югославии, в бассейне Дуная. Включает два автономных края — Воеводина, Косово и Метохия. Население — более 10 миллионов человек, 65% сербы. Столица — Белград.

ЧЕРНОГОРИЯ (CRNA GORA), РЕСПУБЛИКА ЧЕРНОГОРИЯ,
республика в составе Союзной Республики Югославии, на Динарском нагорье, у Адриатического моря. Население около 700 тысяч человек. Столица — Подгорица.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА (BOSNA I HERCEGOVINA),
государство на Динарском нагорье и в бассейне реки Сава. Население около 5 миллионов человек. Официальный язык — сербскохорватский. Глава государства — президент. Законодательный орган — двухпалатный парламент. Столица — Сараево.

В начале нашей эры земли Боснии и Герцеговины составляли часть Иллирийской провинции Римской империи. С конца VI века их стали заселять славянские племена сербов, ассимилировавшие местное население и образовавшие из Иллирии две области — Боснию и Холмскую землю, с XV века получившую название Герцеговина.

В VIII веке земли Боснии и Герцеговины находились под влиянием Византии, в IX веке — Венгрии. В X веке Босния — вассал Хорватского королевства, во время крестовых походов XII века — вассал Византии, принесшей в Боснию и Герцеговину христианство.

Боснийское княжество образовано в конце XII века, во время правления бана Кулина (1180—1204), освободившегося от власти Византии. Во главе страны стоял бан — король, страна делилась на воеводства-жупы во главе с жупанами, получавшими свою власть от бана. В XIII и XIV веках

Босния вела продолжительную борьбу с Венгрией и Византией; с 1336 по 1355 годы попала под власть сербского короля Стефана Душана.

Во второй половине XIV века, при бане Стефане Тврдко (1351—1391), ставшая независимой Босния превратилась в королевство, включавшее и Герцеговину — в 1377 году Тврдко короновался под именем Стефана I, «короля Боснии, Сербии и всего морского побережья». После его смерти королевство распалось.

После Коссовской битвы 1389 года, в которой участвовало 30000 боснийских бойцов, началась борьба Боснии против Турции. К 1463 году Босния, а к 1482 году и Герцеговина были завоеваны Османской империей, превратившей их земли, за исключением округа Яйце, удерживавшего самостоятельность до 1526 года, в вилайеты — округа Османской империи. Во главе Боснии и Герцеговины стоял турецкий губернатор — вали, не вмешивавшийся во внутреннюю жизнь страны; часть феодалов стала переходить в ислам.

После Герцеговино-боснийского восстания и русско-турецкой войны 1875—1878 годов страна, по Сан-Стефанскому миру признанная автономией, по решению Берлинского конгресса 1878 года была оккупирована Австро-Венгрией. Антиавстрийское восстание было с трудом подавлено.

7 октября 1908 года Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, что было признано европейскими государствами. По конституции 1910 года страна была разделена на шесть округов — Сараевский, Банья-лукский, Бихачский, Дольно-Тузланский, Травникский и Мостарский.

28 июня 1914 года в Сараево был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, что послужило поводом к первой мировой войне.

После разгрома Австрии в 1918 году через три года по принятой Скупщиной 8 июня 1921 года конституции Босния и Герцеговина вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 года — Югославии.

В апреле 1992 года после всенародного референдума парламент Боснии и Герцеговины провозгласил ее независимость.

МАКЕДОНИЯ (МАКЕДОНИЈА), РЕСПУБЛИКА МАКЕДОНИЯ, государство в центре Балканского полуострова, в бассейне реки Вардар. Население более 2 миллионов человек. Официальный язык — македонский. Большинство верующих — православные христиане. Глава государства — президент. Законодательный орган — однопалатное собрание. Столица — Скопье.

Древняя Македония — государство V-II веков до н.э. на северо-восточной части Балканского полуострова, граничившая с Фессалией, Эпиром,

Иллирией, Пеонией и Фракией. Древние македонцы были одним из греческих племен, говоривших на древнем наречии греческого языка.

Македония достигла расцвета при создателе знаменитой македонской фаланги царе Филиппе II, который к середине IV века закончил объединение собственно македонских земель, а с 359 по 338 годы присоединил к своему царству Фессалонию, Фокиду, Халкидику, Фракию. В результате действий царя Филиппа II, после битвы при Херонее в 338 году, фактически подчинившим Грецию, и войн его сына воспитанника Аристотеля Александра Македонского (356—323 годы до н.э.), разгромившего персов при Гранике (334), Иссе (333), Гавгамелах (331), уничтожившего персидское государство Ахеменидов и завоевавшего территории до реки Инд, была образована огромная мировая монархия, которая распалась в 323 году до н.э. В результате борьбы за власть полководцев Александра — диадохов после битвы при Ипсе в 301 году в Македонии утвердилось династия Антигонидов, потомков полководца Александра Антигона. Территория Македонии вернулась в свои старые балканские владения, однако страна продолжала контролировать Грецию. Этим воспользовался Рим, объявивший войну Македонии.

После поражении Македонии в войнах с Римом 215—205, 200—197, 172—168 годов до н.э. к 148 году в Македонии была уничтожена царская власть, она была разделена на четыре части и вскоре стала провинцией Рима.

После распада Римской империи македонские земли подвергались нападениям мляянских и тюрко-славянских племен, кочевников, вытеснивших греческое население в горы, входили в состав Болгарского царства Симеона, от которого приняли христианство. Тогда же было создано самостоятельное македонское княжество князя Дельяна, в конце XII века попавшее под власть Византии, а позднее Латинской империи крестоносцев и в середине XIV века — сербов, королевства Стефана Душана.

С 1394 года и до середины XIX века Македония — под властью Османской империи, переименовавшей страну в Румелию и разделившей ее на вилайеты — Битолийский с центром в городе Монастыр, Косовский — город Скопле и Салоникский — город Салоники, ныне Фессалоника.

После русско-турецкой войны 1877-1878 годов и Берлинского конгресса 1878 года Македония осталась под властью Турции и стала яблоком раздора между Портой, Сербией и Болгарией, предъявивших свои права на Македонию. После удачной войны с Сербией в 1885 году Болгария объявила, что «македонский вопрос» — внутренний болгарский национальный вопрос, до которого другим государствам нет дела. В Македонии начались столкновения между болгарскими, греками и сербами.

В 1902—1903 годах в Македонии было подавлено антитурецкое восстание.

После принятия Россией и Австро-Венгрией в сентябре 1903 года в Мюрцштеге программы реформ при турецком генеральном инспекторе румелийских вилайетов были назначены от этих стран два представителя, обязанных заботиться о нуждах христианского населения. После турецкой революции 1908 года обстановка в Македонии не изменилась.

После Балканских войн 1912—1913 годов по Бухарестскому договору Македония была разделена между Сербией, занявшей Вардарскую Македонию, Грецией, захватившей Эгейскую Македонию, и Болгарией, укрепившейся в Пиринском краю.

С 1918 года Македония вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 года — Югославии. По мирным договорам, подводившим итоги первой мировой войны, в Нейи 1919 и Севре 1920 года часть македонских земель были оставлены Греции и Болгарии.

В ноябре 1991 года была принята новая конституция Македонии, провозгласившая страну независимым, суверенным государством. В 1993 году Македония была принята в ООН.

СЛОВЕНИЯ (SLOVENIJA), РЕСПУБЛИКА СЛОВЕНИЯ, государство в Юлийских Альпах, в бассейне рек Сава и Драва. Население более 2 миллионов человек. Глава государства — президент. Законодательный орган — двухпалатный парламент. Столица — Любляна.

В древности словенские племена дулебов расселились между Блакенским озером и рекой Мурой, стодоране — в области реки Штыри, суслы — на побережье реки Дравы, поляне — на реке Енже.

В VI веке словенские племена до 623 года подчинялись аварам.

В VII—VIII веках территория Словении входила в состав государства Само, Центр государства князя Само находился в Богемии (в древности так по имени кельтского племени боев называлась Чехия). Можно с уверенностью предположить, что в государство Само входили славяне Чехии и Моравии, словинцы Хорутании и, может быть, всей Паннонии и полабские сербы. Подчинялись ли Само другие славянские племена, достоверно неизвестно. Правление Само началось около 623 года и продолжалось до 658 года.

После смерти Само и распада его государства славене-хорутане и словене-краинцы, создавшие государство Карантанию, после длительной борьбы с аварами, в 745 году были вынуждены на началах вассальной зависимости войти в состав государства франков. При Карле Великом было создано новое вассальное словенское княжество во главе с князем Коцелом, после смерти которого часть словенских земель в виде Дулебского графства отошла к баварскому королю Арнульфу. На словенских землях было создано несколько пограничных графствмарок — Карантай-

ская, Краинская, Савинская, находившихся под властью немецких маркграфов, истребивших почти все словенское дворянство.

В 894 году земли Паннонии со словенским населением были заняты мадьярами.

В 1282 году большая часть словенских земель попала под власть австрийских Габсбургов. Были созданы словенские провинции Штирия, Каринтия, Крайна, Горица, Истра, Триест, которые просуществовали до 1918 года.

В 1809 году императором Наполеоном было образовано королевство Иллирия со столицей в Любляне, в состав которого вошли почти все словенские земли, а также часть Хорватии и Далмации. После разгрома Наполеона словенские земли снова попали под власть Австрии.

С 1918 года словенские земли вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 года — Югославии, часть словенских земель остались в составе Австрии и Италии.

С 1992 года Словения — независимое государство.

ХОРВАТИЯ (HRVATSKA), РЕСПУБЛИКА ХОРВАТИЯ,

государство в бассейне реки Сава, у Адриатического моря. Население более 5 миллионов человек, в основном хорваты. Официальный язык — хорватско-сербский. Большинство верующих — католики. Глава государства — президент. Законодательный орган — двухпалатный парламент. Столица — Загреб.

В VII веке хорватские земли были заселены славянскими племенами, занявшими бывшие провинции Римской империи — Далмацию и Паннонию.

В конце VIII века двенадцать хорватских племен после долгой борьбы попали в зависимость от государства франков, принесшее христианство на хорватские земли.

Первое государство на территории Хорватии было создано в IX веке, с 925 года ставшее королевством, которым в течение 200 лет правила династия Терпимировичей.

С 1102 года хорватские земли вошли в состав Венгерского королевства Арпадовичей, без боя получившего выход к Адриатическому морю.

В 1241 году Хорватия пережила татаро-монгольское нашествие.

В XIV веке Хорватия с помощью римского папы поставила у власти в Венгрии новую, Анжуйскую династию.

В XV веке часть хорватских земель вошла в состав Венецианской республики, Хорватией стали называться западная часть междуречья Савы и Дравы.

После разгрома Венгрии Турцией в 1526 году в битве при Мохаче венгерская корона перешла к Фердинанду I Австрийскому, получивше-

му хорватский престол в 1527 году. Часть хорватских земель были завоеваны турками.

В 1573 году в Северной Хорватии произошло крупное крестьянское восстание, возглавленное Матием Губецом.

В 1699 году по Карловицкому миру между Австрией и Турцией хорватские земли полностью отошли к Габсбургам. До 1779 года Хорватия, оставаясь частью Австрийской империи, пользовалась автономией. В 1779 году, с воцарением Иосифа II Хорватия была подчинена венгерскому правительству, а с 1784 года государственным языком в Хорватии стал немецкий, а с 1791 года и мадьярский.

5 июня 1848 года хорватским сеймом — сабором была принята конституция, выделившая Хорватию в независимую от Венгрии территорию во главе с баном, назначаемым австрийским императором, однако вскоре конституция была отменена с принятием общей конституции Габсбургской империи, в 1851 году распустившей хорватский сейм. В 1860 году конституция была возвращена Хорватии, а в 1861 году восстанавлен и сабор. В 1867 году Хорватия была подчинена Венгрии, автономное Триединое королевство — Хорватия, Славония и Далмация было признано владением венгерской короны. В 1868 году Хорватия формально имела собственный парламент — сабор, которому подчинялся бан — генерал-губернатор, государственный герб и национальный государственный язык. Фактически страной управляло венгерское правительство. В 1883 году сабор был ликвидирован, а конституция отменена.

С 1918 года хорватские земли вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 года — Югославии.

В июне 1991 года Хорватия приняла Декларацию о независимости, которая не была признана высшими властными органами СФРЮ, осуществившими против Хорватии военную акцию, прекратившуюся в октябре 1991 года при посредничестве стран Европы. В январе 1992 года Хорватия получила международное признание.

АЛБАНИЯ (SHQIPERIA), РЕСПУБЛИКА АЛБАНИЯ, государство на юге Европы, на Балканском полуострове, омывается Адриатическим морем; длина с севера на юг 340 километров, с запада на восток 150 километров. Албания находится на пути из Юго-Западной Европы на Балканский полуостров и Ближний Восток.

Население более 4 миллионов человек, албанцев (самоназвание «шкиптары») более 98%. Официальный язык — албанский. Большая часть верующих — мусульмане. Административно-территориальное деление — 26 областей — рети. Столица — Тирана. Глава государства — президент. Высший орган государственной власти — однопалатный парламент.

В I тысячелетии территорию Албании населяли иллирийцы, существовали греческие колонии.

С II века до н.э. по IV век н.э. албанские земли, кроме южных, входили в состав Римской империи, с V по XV века — в состав Византийской империи. На южных албанских землях образовались иллирийские княжества. В IX — XIV веках часть албанских территорий входили в состав Болгарии и Сербии, Венецианской республики.

С середины XV века Албания — в составе Османской империи, начавшей завоевание страны в 1414 году и к 1431 году занявшей Янину. Турецкой армии более 25 лет успешно противостояли албанские войска под началом Георгия Кастриота — Скандербега, национального героя Албании. Только после его смерти в 1468 году турки сумели завоевать албанские земли. В 1479 году Албания стала турецкой провинцией, в которой неоднократно происходили антитурецкие восстания.

После поражения Турции в I Балканской войне, 28 ноября 1912 года во Влоре, Албания получила независимость, признанную на Лондонской конференции в декабре 1912 года и Лондонским договором 30 мая 1913 года европейскими державами. Часть албанских земель после II Балканской войны вошла в состав Греции, Сербии, Черногории, Македонии. В 1914 году было создано княжество Албания — «под гарантией шести держав».

Во время первой мировой войны Албания, разделенная на шесть районов со своими правительствами, считалась нейтральной, однако часть ее территорий была оккупирована Австро-Венгрией, Грецией, Сербией, а с июня 1917 по 1920 год — Италией.

В январе 1920 года в городе Люшня на съезде делегатов албанских земель была провозглашена независимость Албании, образовано национальное правительство с резиденцией в Тиране, ставшей столицей страны.

В 1920 году независимая Албания вступила в Лигу Наций. В стране правил вождь горного племени мати Ахмед Зогу.

В 1924 г. в Албании произошла революция; к власти ненадолго пришло правительство Фана Ноли, вскоре свергнутое Ахмедом Зогу, ставшем президентом страны.

В 1928 году Албания во главе с Ахмедом Зогу стала королевством; находилась под итальянским влиянием (договоры 1926, 1927, 1936 годов).

Перед началом второй мировой войны в апреле 1939 года Албания была оккупирована Италией, в сентябре 1943 года — Германией. В ноябре 1944 года страна была освобождена Народно-освободительной армией Албании. Комитет национального освобождения Албании, ставший временным правительством, возглавил Энвер Ходжа.

В январе 1946 года высшим законодательным ораганом страны — Учредительным собранием была провозглашена Народная Республика Албания.

В 1949 году НРА вступила в СЭВ, в котором была до 1962 года, в 1955 году стала членом стран-участниц Варшавского договора, из которого вышла в 1968 году.

В декабре 1976 года была провозглашена Народная Социалистическая Республика Албания; в мае 1991 — Республика Албания. После парламентских выборов 1992 года у власти в Албании — основанная за два года до этого Демократическая партия.

ЗАКОННИК СТЕФАНА ДУШАНА (1349—1354 гг.)

ЗАКОННИК Стефана Душана — исторический памятник сербского феодального права, главный источник для изучения классовых отношений, сложившихся внутри сербского феодального общества в середине XIV столетия. До появления этого свода административных, церковных, гражданских, уголовных и процессуальных норм сербское обычное право не было кодифицировано. Оно сохранялось преимущественно в устных преданиях. В письменных памятниках, предшествовавших утверждению Законника, встречаются лишь отдельные сведения о некоторых сербских правовых актах. Имеются данные о том, что сербские короли жаловали грамоты (хрисовулы) различным общинам, городам, монастырям, властям. В хрисовулах нередко содержалась правовая регламентация тех или иных сторон жизни сербского общества того времени. К сожалению, из этих весьма многочисленных грамот сохранилось до настоящего времени сравнительно немного.

Законник Стефана Душана следует рассматривать как первую попытку кодификации сербского права. Он содержит положения, внесенные в основном из сербского обычного права, из жалованных грамот королей, а также ряд норм, заимствованных у Византии, но приспособленных к сербским условиям. Заимствование норм византийского права облегчалось тем, что еще в 30-х годах XIV столетия был переведен на сербский язык и прокомментирован у «Закон царя Юстиниана», а также другие судебники византийского феодального права. Следует иметь в виду, что в Сербии того времени действовала также и «Кормчая книга», представляющая собой запись основных положений византийского церковного права.

«Законник благоверного царя Стефана», как он официально тогда именовался, был принят на соборе высших сербских духовных и светских феодалов, созванном в 1349 году в городе Скопле.

В этом документе господствовавший в Сербии феодальный класс (владельцы и высшее духовенство) получил возможность привести в систему и закрепить за собой права и привилегии, приобретенные в течение всего предшествующего периода. Наличие в то время в Сербии сильной монархической власти в лице Стефана Душана облегчало эту задачу. Законник преследовал цель закрепить существовавшие правоотношения, которые строились на жестокой эксплуатации простого народа. Данные этой эпо-

хи свидетельствуют о вымирании ряда населенных пунктов, многочисленных случаях безосновательного заключения людей в темницу, большим количестве нищих и бездомных, массовых случаях разбоя и воровства. Все это дает ключ к объяснению того, почему пять лет спустя на другом соборе в 1354 году при том же царе Стефане были приняты дополнительные статьи к Законнику. В этих дополнениях были усилены санкции против разбойников, воров, пьяниц, клятвопреступников и других. Следует отметить, что рост классовых противоречий в этот период вынуждал сербских феодалов не только к репрессиям, но и к некоторому смягчению эксплуатации. С этой точки зрения весьма любопытны те статьи дополнений к Законнику, в которых подчеркивается право меропхов (зависимых крестьян) на судебную защиту (ст. 140), об обязанности судей защищать убогих и нищих (ст. 181), о запрещении сажать в темницу людей без царской грамоты (ст. 186), об установлении точного размера налогов, уплачиваемых в царскую казну (ст. 200), об отмене тяжелой по тому времени повинности в виде приселицы¹, которая сохранялась лишь в порядке исключения (ст. 157), и ряд других.

Законник Стефана Душана содержит развернутую картину сербского феодального общества. На вершине феодальной лестницы стояли великие и малые властели, несколько ниже властеличичи². Большую социальную прослойку занимали мероппхи — зависимые крестьяне, а также рабы, носившие название отроков. Кроме того, сохранялась небольшая прослойка свободных крестьян, так называемых «себров», которым Законник запрещает всякие сходки: «Себрова собора да несть» (ст. 68 Законника). Значительное место в сословной иерархии занимали временные правители, чиновники различных рангов, которые стояли во главе городов, округов, областей и носили различные названия (жупаны, челники). Они нередко объединяются в Законнике под общим названием «кюфали».

Законник различал бащину — родовую собственность, наследственное имение, от купленицы — приобретенного на основе купчей имения. Если о бащине упоминалось во многих местах Законника, то о купленице лишь в одном месте (ст. 176). Следует при этом иметь в виду, что Законник под словом «бащина» понимал не только родовое имение властеля, пожалованное ему на основе царского хрисовула (ст. 37 Законника), но и бащины мероппхов (ст. 176 Законника), бащины низшего духовенства (ст. 29 Законника) и др. Во всех этих случаях имелась в виду наследственная собственность. Кроме того, Законник предусматривал пронию как временно пожалованное поместье за службу. Прония была неотчуждаема, ее нельзя было ни продавать, ни отдавать церкви (ст. 58 Законника).

¹ См. о приселице примечание к ст. 56 Законника.

² См. о властелях и властеличичах примечание к ст. 37 Законника.

Меропхи жили на властельской земле, как крепостные отбывали барщину, уплачивали оброк (ст. 67 Законника) и, сверх того, несли государственные повинности. До издания Законника меропхи пользовались правом перехода от одного владельца к другому. Законник отнял у них это право (ст. 21 Законника) и предусматривал репрессии за содействие побегу несвободного (крепостного) человека «в чужую землю» (ст. 93 Законника).

Крестьянство в Сербии жило большими семьями — задругами.

«...«Задруга»...», — как отмечал Ф. Энгельс, — явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира... Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (домачина), который представляет ее перед внешним миром, имеет право отчуждать мелкие предметы, ведет кассу и несет ответственность как за нее, так и за правильный ход всего хозяйства. Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старейшим. Женщины и их работы подчинены руководству домохозяйки (домачицы), которой обыкновенно бывает жена домачина. Она также играет важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины. Но высшая власть в общине сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин. Перед этим собранием отчитывается домохозяин; оно принимает окончательные решения, чинит суд над членами, выносит постановления о более значительных покупках и продажах, а именно земли и т. п.»¹. Прямое указание на существование задруги имеется в ст. 69 Законника.

Законник дошел до нас во многих списках (около 20), из которых нет ни одного подлинного. Все эти списки, в том числе и самые древние из них, являются копиями подлинного текста, погибшего во второй половине XIV столетия. Наиболее полным списком следует считать Призренскую рукопись, хотя при чтении этой рукописи следует сопоставлять ее и с другими рукописями (Ходошской, 1-м и 2-м Григоровичевым и др.). Призренская рукопись обрывается и поэтому дополнения к ней приведены из Раковецкой рукописи. Как в Призренской, так и в Раковецкой рукописях имеются позднейшие вставки и дополнения.

В основу перевода Законника Стефана Душана на русский язык положен текст перевода, сделанный в 1872 году проф. Ф. Зигелем². При

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 41—42

² Ф. Зигель, Законник Стефана Душана, СПб., 1872 г.

сверке перевода, сделанного Ф. Зигелем, с подлинником установлено, что автор ряд терминов заменял русскими, которые не вполне передают дух подлинника. Во всех этих случаях восстановлена терминология подлинника, причем значение этих терминов, объяснено в комментариях.

«ЗАКОННИК БЛАГОВЕРНОГО ЦАРЯ СТЕФАНА»

Извлечения

В лето 6857¹ индикта², в праздник вознесения Господня мая 21 дня. Этот законник составлен на православном нашем соборе преосвященным патриархом кир Иоанникием и всеми архиереями и духовенством малым и великим и мною благоверным царем Стефаном и всеми властелями моего царства, малыми же и великими.

Этих законов положения были:

3. О БРАКЕ

И ни один брак да не совершится без венчания, и если же совершится без благословения и церковного опроса, таковой да расторгнется.

4. О ДУХОВНОМ ЗАКОНЕ

И в духовном деле каждый человек да имеет повиновение и послушание своему архиерею. Если же кто окажется согрешившим против церкви или нарушившим что-либо в настоящем Законнике волею или нежеланием, пусть повинится и удовлетворит церковь, если же ослушается и отстранится от церкви, не захочет исполнить повеления церкви, тогда да будет отлучен от нее.

10. О ЕРЕТИКЕ

И кто окажется еретиком, живя между христианами, да пожжется по лицу (заклеймится) и да изгонится. Кто же его будет таить, и тот да заклеимится.

12. О ДУХОВНОМ ДЕЛЕ

И духовное дело миряне да не судят. Кто же из мирян окажется судившим церковное дело, да платит 300 перперов³. Только церковь да судит.

16. О МОНАШЕСКОМ ЖИТИИ

И на тысячу домов да питается в монастырях 50 монахов.

¹ То есть в 1349 году нашей эры.

² Индикт (греч слово индиктион) — период в 15 лет.

³ Один перпер равнялся стоимости, примерно, 4 серебряных руб лей

19. О СНЯТИИ РЯСЫ

И монах, который снимает с себя рясу, пусть содержится в темнице, доколе опять не обратится к послушанию, и да накажется.

20. О МОГИЛАХ

И люди, которые с волхованием достают (покойников) из могил и их сжигают; село, которое это сделает, пусть платит «вражду»¹. Если же поп на это пошел, то да извергнется из поповства.

21. О ПРОДАЖЕ ХРИСТИАНИНА

И кто продаст христианина в иную веру, да будет усечен и обрезан ему язык. И из властельских людей, которые сидят по церковным селам и по катунам², пусть всякий возвратится к своему господину.

23.

И если церковный управитель окажется взявшим мзду, пусть лишится всего своего имущества.

24. О ВЛАСТИ НАД ЦЕРКВАМИ

Над церквами пусть имеет власть господин царь и патриарх и логофет³ и никто другой.

26. О ПИЩЕ УБОГИМ

И по всем церквам да выдается пища убогим, как записано ктиторами⁴. Кто же из митрополитов и епископов и игуменов не будет кормить, да лишится сана.

28. О НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЦЕРКОВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Отныне да не тронет ни одна власть монаха или церковного человека, и кто нарушит это при жизни или по смерти моего царского величества, да не будет благословен. Если же кто перед кем виноват, пусть ищет судом и правдою по закону. Если же затронет (кого) без суда или кому повредит, да платит всемеро.

31. О СУДЕ ЦЕРКОВНЫХ ЛЮДЕЙ

Церковные люди во всякой тяжбе да судятся перед своими митрополитами и перед епископами и игуменами; если будут оба человека одной церкви, да судятся перед своей церковью.

¹ Вражда — пеня за убийство. В данном случае речь идет об уплате пени за совершение кощунства, которое по религиозным понятиям того времени приравнивалось к убийству.

² Катуны — округа.

³ Логофет — хранитель патриаршей печати, заведовавший патриаршей канцелярией и ее архивом, на нем же лежала денежная отчетность по патриархии, он часто состоял членом патриаршего суда.

⁴ Ктитор — церковный староста.

32. О СУДЕ МЕРОПХОВ¹

И какие имеются меропхские села моего царства в Загорье и в других местах, церковные люди да не ходят на меропшины², ни на село³, ни на пашню, ни на виноградники, ни на какую работу, ни на малую, ни на великую. От всех работ освободило их мое царское величество, только да работают для церкви...

37. О ВЛАСТЕЛЯХ И ВЛАСТЕЛИЧИЧАХ⁴

Властели и властеличичи, которые находятся в державе моего царского величества, сербы и греки, что кому пожаловало мое царское величество в башину хрисовулом⁵ и чем они владеют до этого собора, те башины да будут тверды.

38. О ХРИСОВУЛАХ

И все хрисовулы и указы, что кому выдало мое царское величество и что кому выдаст, и те башины да будут тверды, как и первых правверных царей. Да вольны ими: и даровать церкви или отдать на помин души или продать иному кому-либо.

39. О ВЛАТЕЛЬСКОЙ БАЩИНЕ⁶

Который властель не имеет детей или имеет детей, и они умрут, после его смерти башина пуста, пока не найдется от его рода до третьего племянника, такой да получит его башину.

40. О СВОБОДНОЙ БАЩИНЕ

И все башины да будут свободны от всех тягостей и податей моего царства, разве да дают сок⁷ и да ходят на войну по закону.

41. О НАСИЛЬСТВЕННОМ ОТНЯТИИ БАЩИНЫ

Да не волен господин царь, ни краль⁸, ни госпожа царица ни у кого взять башину насильно, ни купить, ни променять, разве кто сам захочет.

42. О ВЛАТЕЛЬСКИХ ОТРОКАХ⁹

И отроки, которых имеют властели, находятся у них в башине и дети их в вечной башине; но отрок да никогда не дастся в приданое.

¹ Меропхи — один из видов крестьян, которые находились в зависимости.

² Меропшина — барщина.

³ В данном случае имеется в виду хождение на сенокос.

⁴ Властели и властеличичи — различные ступени феодальной иерархии.

⁵ Хрисовул — «златопечатное слово». Жалованная грамота.

⁶ Здесь слово «башина» употреблено в смысле собственности — *in dominium*.

⁷ Сок — это поземельная подать, собираемая натурой.

⁸ Краль — король, титул сына Стефана Душана.

⁹ Отроки — рабы.

44. ОБ ОТРОКАХ

И отроки, которых кто-либо имеет, да их имеет в башине; только если даст свободу властелин или его жена или его сын, тогда они свободны, а иначе никак.

47. О ВЛАСТЕЛЕ И О КОНЕ

Когда умрет властель, добрый конь и оружие да будут переданы царю, а великую бисерную одежду и золотой пояс да возьмет его сын и да не отнимет у него царь. Если же (он) не имеет сына, но имеет дочь, да вольна это дочь (иметь) и продать или отдать свободно.

49. О ПОНОШЕНИИ ВЛАСТЕЛИЧИЧА

Властель, который выберит и осрамит властеличица, да платит 100 перперов, а если властеличич выберит властеля, да платит 100 перперов и да будет бит палками.

50. О ПРЕДСТАВЛЕНИИ СЫНА КО ДВОРУ

И кто представляет сына ко двору, и спросит его царь: «могу ли я ему верить?», и он скажет: «верь, как и мне». Если он сделает какое-либо зло, пусть платит тот, кто его представил; если же таковой будет служить, как служат в царевых палатах, что согрешит, да платит сам.

51. ОБ ИЗМЕНЕ

За измену, за всякое преступление (отвечают) брат за брата и отец за сына, родственник за родственника. Те же, которые отделены от такового (преступника и живут) в своих домах и не согрешили, да не платят ничего, исключая того, который согрешил, и дом того да платит.

52. ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ ВЛАСТЕЛИЦЫ

И который властель изнасилует властелицу, да отсекутся ему обе руки и отрежется нос. Если же себр¹ изнасилует властелицу, да будет повешен. Если же изнасилует себе равную, да отсекутся ему обе руки и отрежется нос.

53. О БЛУДЕ ВЛАСТЕЛИЦЫ

Если же властелица блуд сотворит со своим человеком, да отсекут им обе руки и отрежется язык.

54. О ВЛАСТЕЛЬСКОМ ПОНОШЕНИИ

И если себр выберит властеля, да платит 100 перперов. Если же властель и властеличич выберит себра, да платит 100 перперов.

55. О ВЫЗОВЕ ВЛАСТЕЛЕЙ

Властель да не призывается (на суд) вечером, разве призывается прежде обеда, и да объявляется ему (о том) предварительно; и кто будет по-

¹ себр — свободный престолопреемник, мелкий землевладелец.

зван с приставом прежде обеда и к обеду не придет, да будет виноват и уплатит властелю 6 волов.

56. О ПРИСЕЛИЦЕ¹

Который властелин на приселице сделает кому в сердцах какое зло, опустошив землю, и дома сожжет (или иное) какое-либо зло учинит, у такого да отыметса это владение, а другое не дастся.

58. О ПРОНИИ²

Да не волен никто ни продать пронию, ни купить, кто не имеет бащины. Из прониярской земли никто да не волен отдать церкви; если же отдаст, да не будет твердо.

59. О ЦАРСКОМ ПУТЕШЕСТВИИ

Пусть всякий везет царя, куда только он едет, всякий город до жупы и жупа³ до жупы и опять жупа до города.

61. О ВЫЗОВЕ ВЛАСТЕЛЕЙ

Великий властель да не приглашается на суд без судейской грамоты, а прочим — печать.

62. О ДОХОДЕ

Кюфалии⁴, что по городам, да собирают свой доход по закону, и да продается им жито и вино и мясо за динарь⁵, что другому за два. Но только житель его города так да продает ему, а другой никто.

65. О БРАТЬЯХ

Братья, которые живут вместе в одном доме. Если кто позовет их на дому, то кто из них придет, тот пусть и отвечает. Если же найдет его на царском дворе или судейском, да придет он и скажет: «я представлю на суд старшего брата», то пусть представляет, и да не принуждают его отвечать.

66. ОБ ОТРОКЕ И МЕРОПХЕ

Отроки и меропхи, которые сидят вместе в одном селе, всякую плату, которая приходит, да платят все вместе (по числу душ). Как плату платят и работу работают, так и землю да держат.

67. О МЕРОПХЕ

Меропхам закон по всей земле. В неделю да работают два дня помещику и да дают ему в год царский перпер и безвозмездно да косят ему

¹ В то время приселица — это было право ночлега, составлявшее тяжелую по тому времени повинность.

² Прония — поместье.

³ Жупа — область.

⁴ Кюфалии — правители городов.

⁵ Динарь или динарий (денарий) — серебряная монета, равная примерно серебряному полтиннику.

сено один день и (обрабатывают) виноградник один день, а кто не имеет виноградника, да выполняют они ему другие работы один день. И что наработает меропх, то все приобретает, а иного сверх закона ничего у него да не отыметься.

68. О СЕБРЕ

Да не будет собора себров. Если же найдется какой собиратель, да отрежутся ему уши и да выжгутся ему ресницы.

70. О БРАТНИНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

И кто зло учинит, брат или сын или родственник, которые живут в одном доме, да все заплатит господин дома или пусть выдаст совершившего преступление.

71. О НЕСВОБОДНОМ

И кто из несвободных придет на царский двор, пусть будет всякому воздана правда, кроме властельского отрока.

74. О ЖУПЕ И ПОТРАВЕ

Жупа жупе да не повредит скотом ничего. Если же найдется одно село в той жупе у какого-нибудь властеля или моего царского величества или церковное село или властеличича, этому селу никто да не возбранит пасти, да пасет оно, где и жупа.

75. О ПОТРАВЕ

О потраве. Если кто потравит жито или виноградник или луг неумышленно, да заплатит за такую потраву, что назначат присяжные, которые оцениают. Если же умышленно потравит, да платит за потраву 6 волов.

79. О СЕЛЬСКОЙ МЕЖЕ

О сельских межах да представляют обе тяжущиеся стороны, каждая по равному числу свидетелей, как следует по закону. И как скажут свидетели, так да будет.

84. ОБ ОПРАВДАНИИ КОТЛОМ

Да не будет никаких судебных пошлин ни за котел, ни за оправдание; оправданный да не дает судьям никакой пошлины за оправдание; пошлины за поруку да не будет на суде, (равно как да не допускается) клеветы, ни самоуправства; только да судятся по закону.

85. О БРАННОЙ РЕЧИ

Кто скажет бранное слово, если будет властель, да платит 100 перперов; если же не будет властель, да платит 12 перперов и да будет бит палками.

86. ОБ УБИЙСТВЕ

И где откроется убийство, тот, который начал драку, да будет виноват, если и будет убит.

87. ОБ УМЫШЛЕННОМ УБИЙСТВЕ

Кто не пришел намеренно с насилием и сотворил убийство, да платит 300 перперов, буде же пришел намеренно, отрубить ему обе руки.

88. О ВЛАСТЕЛЬСКОЙ ТЯЖБЕ

Когда тяжутся властели, кто в чем будет уличен на суде, да представляет поручителей.

89. О ВЫЗОВЕ ОТВЕТЧИКА

Кто позовет ответчика перед судьей и (сам) не придет, позвавши на суд, но останется дома, то позванный (ответчик), если явится в срок перед судьями и отстоит положенное законом время, да освободится от того иска, за который был позван, ибо позвавший остался дома.

91. О ПРИСТАВЕ

Когда тяжутся двое, если скажет один из них: «имею здесь пристава на дворе царском, или же на судейском», да представит его; когда пойдет за ним туда и не найдет его во дворе, тотчас да придет в суд и скажет: «не нашел пристава». Если это обеденное время, то назначить ему срок вечером; если же это вечер, да представит его (на другое утро) до обеда. Если же царь или же судьи отправили того пристава по делу, да не будет виновен тот, кто был обязан его представить, но назначить ему срок, дабы он представил пристава судьям, когда тот явится.

92. О ПОЛИЧНОМ СКОТЕ, КОНЕ ИЛИ О ЧЕМ ДРУГОМ

Если кто признает поличное у какого человека, а будет то в лесу или пустоши, да поведет его в первое село и заручит селу и позовет (на суд), дабы представили его судьям. Если село не выдаст его судьям, то к чему приговорит суд, да (все) платит то село.

93. О ДОСТАВЛЕНИИ СРЕДСТВ К ПОБЕГУ ЧУЖОГО ЧЕЛОВЕКА

Кто облегчит побег чужого человека в чужую землю, то обязан доставить хозяину семерых.

94. О ВЛАСТЕЛЯХ И О СЕБРЕ

Если властель убьет себра в городе или в жупе или в катуне, да платит тысячу перперов; если же себр убьет властеля, то отрубить ему обе руки и заплатит 300 перперов.

95. О БРАНИ

Если кто обругает святителя или монаха или попа, да платит 100 перперов; а кто окажется убившим святителя или монаха или попа, да будет тот убит и повешен.

96. ОБ УБИЙСТВЕ

Кто окажется убившим отца или, мать или брата, или дитя свое, да будет такой убийца сожжен на огне.

97. О ВЛАСТЕЛЬСКОЙ БОРОДЕ

Кто вырвет волосы из бороды властеля или доброго человека, то отрубить ему обе руки.

98. О ВЫРЫВАНИИ ВОЛОС ИЗ БОРОДЫ СЕБРОВ

Если схватятся за бороду два себры, то пеня за это 6 перперов.

99. О ПОДЖИГАТЕЛЕ ДОМА

Кто окажется поджегшим дом или гумно, или солому, или село, то село обязано выдать поджигателя. Если же село его не выдаст, да платит оно все то, что обязан был заплатить и претерпеть поджигатель.

100. О ПОДЖИГАТЕЛЕ ГУМНА

Если же кто подожжет вне села гумно или село, то округа заплатит или да выдаст она поджигателя.

101. О НАСИЛИИ

Насилия да не будет никому ни в чем в земле моего царства. Если же кто подвергнется наезду или насилию с похвальбою, те кони, с которыми наехали, все да отберутся, половина моему царскому величеству, а половина тому, на кого наехали.

103. О СУДЕ НАД ОТРОКАМИ

Если отроки, то пусть судятся перед своими господами по всем своим делам, — а по царевым (делам), да идут перед судьей, (т. е.) по убийству, по вражде (т. е. по делам, обложенным штрафом «враждою»), по воровству, разбою, укрывательству беглых.

106. О ЛЮДЯХ, СЛУЖАЩИХ ПРИ ДВОРАХ ВЛАСТЕЛЕЙ

Если кто из людей, служащих при дворах властельских сотворит какое-либо зло, то проняревича¹ оправдывает его отцовская дружина порою², а себр да подвергнется испытанию кипятком.

108. О ВВОДЕ ВО ВЛАДЕНИЕ

Относительно пошрины за ввод во владение да будет так: пошрина за землю — приставу 3 перпера, за село — 3 перпера, за мельницу — 3 перпера, за жупу, за всякое село — 3 перпера, за город — конь и одежды, за виноградник — 3 перпера, за коня — 1 перпер, за кобылу — 6 динарей, за вола — 4 динаря, за овцу — 2 динаря.

¹ Проняревич, то есть лицо, владевшее пронией.

² Порога — присяга.

109. ОБ ОТРАВАХ

Колдун и отравитель, который будет уличен, да накажется по закону святых отцов.

111. О НАСИЛИИ

Судьи, куда ходят по земле моего царства и по своей области, да не вольны силою собирать подорожных сборов ни на иное что-либо, кроме подарков, что ему кто подарит по своему желанию.

112. О ПОСРАМЛЕНИИ СУДЬИ

Кто окажется осрамившим судью, если будет властель, да отыметься у него все, если же село, да будет разграблено и разорено.

113. О ПОБЕГЕ ИЗ ТЕМНИЦЫ

Какой человек убежит из темницы, с чем придет на двор мой царский, или человек моего величества, церковный или властельский, с тем да будет свободен; если (же) он убежал от своего господина или его покинул, то да возьмет его тот, от кого он убежал.

116. О ПОБЕГЕ

Кто чьего человека принял из чужой земли, а он убежал от своего господина от (его) суда, если (беглый) представит царскую милостивую грамоту, да не будет она сочтена недействительною. Если же не представит милости, то (беглый) возвращается ему (т. е. прежнему владельцу).

117. О НАХОДКЕ

Кто найдет что-либо на земле царской, да не берет себе и да не скажет: «я не возвращу»; если кто, что (свое) узнает и захватит или возьмет (силою), да платит, как вор или разбойник. А что найдет в чужой земле на войне, да ведет и несет перед царя и перед воеводу.

119. О КУПЦАХ

Купцов, которые ходят по царской земле, да не волен никакой властелин или какой-либо человек задерживать насильно или разбивать (их) товар, а деньги навязывать им силою. Кто же будет уличен в насильственном разбитии или раскрытии товаров, да платит 500 перперов.

120. О КУПЦАХ

Торговцы пурпурных употребительных тканей и низшего и высокого достоинства да ходят свободно без задержки по земле моего царства, да продают и покупают, как кому торговля дозволяет.

121. О ЦАРИНИКАХ¹

Царский цариник да не волен принуждать или задерживать какого-либо купца, дабы он продавал ему товар за бесценок. Пусть всякий свободно проходит по торгам и пусть всякий свободно ходит со своим товаром.

¹ Цариники — царские сборщики торговых пошлин.

123. О КУПЦАХ

Если же властелин задержит купца, то платит 300 перперов; если его цариник задержит, то платит 300 перперов.

126. О ГОРОДОВОЙ ПРИСЕЛИЦЕ

У городов да не будет приселицы, разве придет какой житель жупы, или малый или великий, да обращается к хозяину постоянного двора, да отдаст ему коня и все пожитки, да сбережет его хозяин со всем. И когда пойдет обратно этот гость, хозяин да возвратит ему все, что он взял у него. Если же у него что пропало, да заплатит ему все.

127. О ГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Городская земля, что около города, что на ней будет ограблено или украдено, все то да платит округа.

128. О ПОСТРОЕНИИ ГОРОДА

Где разрушится городское укрепление или башня, да поправят его обыватели этого города.

129. О ПОМОЩИ ЦАРЮ

Когда господин царь будет сына женить или крестить и будет ему нужно строить двор и палаты, да помогает ему всякий, малый и великий.

130. О ВЛАСТИ ВОЕВОД

Во всяком войске воеводы пусть имеют власть, равную царской. Что они повелевают, да все им повинуются. Если же кто их ослушается в чем-либо, да будет ему то же осуждение, как и тем, которые бы царя ослушались. И в судах малых и великих, которые бывают в войске, да судит воевода, а иной никто.

131. О ЦЕРКВИ

Кто разорит церковь в военное время, да будет убит и повешен.

132. О ССОРЕ

В войске (на походе) да не бывает ссоры. Если же двое поссорятся, да бьются они, а иной никто из воинов да не помогает им. Если же кто пойдет на поединок и станет помогать (одной из сторон), а те пусть бьются.

133. О ВОЕННОЙ ДОБЫЧЕ

Кто что купит из военной добычи, (привезенной) из чужой земли. Всяк да волен купить из военной добычи, приобретена ли она на царской (сербской) или в чужой земле. Если же кто его обвиняет, говоря: «это моя (вещь)», то пусть порота по закону его оправдывает, что он купил в чужой земле и что он не вор, не пособник, не соучастник. Тогда (по таком оправдании) пусть владеет (этой вещью), как своею (собственною).

134. О ПОСЛАННИКЕ

Посланник, который идет из чужой земли к царю, или от господина царя к своему государю, куда приходит, в чье-либо село, да чествуют его, да будет ему всего вдоволь. Но да обедает или ужинает (в одном селе) и да идет далее в другие села.

135. О БАЩИНЕ

Когда жалует царь грамоту на башину. Кому запишет село, да будет логофету 30 перперов за хрисовул, а кому жупу — от всякого села 30 перперов, а дьяку за написание (грамоты) — 6 перперов.

136. О ВОЙСКЕ

Войска, которые идут по царской земле, если останутся в одном селе, то другие, за ними идущие, да не останавливаются в том же селе.

138. О ХРИСОВУЛАХ

Хрисовулы моего царского величества, что дарованы городам моего царства, что в них написано, да не вольны того нарушить в них ни господин царь, ни кто-либо другой. Да будут тверды хрисовулы.

139. ОБ ОБМАНЕ

Если в чьем-либо хрисовуле найдется слово, приписанное обманно и найдутся слова искаженные и речи переиначенные, а не то, что повелело мое царское величество, да будут разорваны такие хрисовулы, а башинник больше да не имеет башины.

140

Меропхам в земле моего царства да не волен господин ничего учинить сверх закона, разве что мое царское величество записало в Законнике, то (меропх) да работает ему и дает. Если же (господин) учинит ему, что незаконно, то мое царское величество повелевает, да всякий меропх волен судиться со своим господином или с моим царским величеством или с госпожою царицей или с церковью или с властями моего царства и с кем бы то ни было. Да не волен никто удержать его от суда моего царства, но да судят его судьи по правде. И если меропх уличит господина, да отдаст его судья моего царства на поруки, что господин заплатит меропху все к сроку. И потом да не волен тот господин чинить зло меропху.

141. О ПРИЕМЕ ЧЕЛОВЕКА

Повелевает мое царское величество, никто да не принимает ничьего человека. Ни мое царское величество, ни госпожа царица, ни церковь, ни властелин, ни другой какой-либо человек да не принимает ничьего человека без грамоты моего царского величества. Иначе да наказывается всякий, как изменник.

142. О ТОРГЕ

Также и торги и князья в городах, если примут чьего человека, то наказываются таким же образом и да возвратят его.

143. О ВЛАСТЕЛИЧИЧАХ

Если кто из властелей и властеличичей, которым дало мое царское величество землю и города, будет уличен в насильственном завладении села и людей или иного чего против воли царевой сверх того, что мое царское величество дало на соборе, то у него да отымется его земля, а тот, который (собственно) устроил (этот наезд), пусть все платит от себя и своего дома и да будет наказан, как перебежчик.

144. О РАЗБОЙНИКЕ

И если окажется, что разбойник перешел через владения пограничного властелина и ограбил где-нибудь и снова воротился с добычей, да платит пограничный властелин всемеро.

146. О РАЗБОЙНИКЕ И ВОРЕ

Повелевает мое царское величество по всем землям и городам и по жупам и по окраинам, да не будет разбойника и вора ни в коем пределе и таким образом да укротится воровство и разбой: в котором селе найдется вор или разбойник, то село да будет разграблено, а разбойник да будет повешен головою вниз, а вор да будет ослеплен, а господин того села да будет приведен связанным к моему царскому величеству и да платит за все, что натворил (зла) разбойник и вор с самого начала и добавок да будет (он) наказан, как вор и разбойник.

149. О СУДЬЯХ

Если судьи, которых мое царское величество поставило судить по земле, пишут о чем-либо, о разбойнике и воре или о каком-либо судебном деле, и нарушат грамоту судьи моего царского величества, или церковь, или властелин, или какой-нибудь человек в земле моего царства, все те да судятся, как нарушители моего царского величества.

151. О РАЗБОЙНИКЕ И ВОРЕ

Указанным образом да будет наказан явный разбойник и вор, и таково (их) уличение: если у них найдется что-либо поличное или если схватят их на разбое или воровстве, то да предадут их или жупе, или селам, или господам, или властелю, который над ними, как написано выше; такие разбойники и воры да не будут помилованы, да будут ослеплены и повешены.

152. О ВОРОВСТВЕ

И если кто на суде обвиняет кого в разбое и воровстве, а не будет улики, да будет им в оправдание железо, как то постановило мое царское

величество; да вынут его (железо) у церковных ворот из огня и да (понесут и) положат его на святой алтарь.

153. О ПОРОТЕ

Повелевает мое царское величество: отныне и в будущем да будет порота и за большое дело, и за малое; в большом да будет 24 поротника, а в малом — 12 поротников, а в меньшем деле — 6; и эти поротники да не вольны никого помирить, но только оправдать или обвинить, и пусть будет всякая порота в церкви, и поп в ризах да приведет их к присяге; и в пороте, за кого большинство клянется и кого большинство оправдает, тем следует (и) верить.

156. О ПОРОТНИКАХ

Которые соприсяжники поклянутся и оправдают кого-либо по закону, и если после этого оправдания действительно откроется поличное у этого оправданного, коего оправдала порота, то мое царское величество да возьмет с этих соприсяжников по тысяче перперов, и пусть более да не дается веры этим поротникам и да никто из них ни замуж не выходит, ни женится.

159. О СТРАЖАХ ПО ДОРОГАМ

Где находятся совместные жупы, церковные села или моего царского величества или властельские, и будут совместные села и не будет в такой жупе одного господина, но если будут кюфалии и судьи моего царского величества, которых поставило мое царское величество, да поставит они стражей по всем дорогам и да передадут эти дороги кюфалиям, да обещают их стражами. Если учинится разбой или воровство или какое-либо зло, то чужие да идут (обиженные) к кюфалиям, да платят они им со своих домов, и они (потом) да взыскивают со стражей и ищут разбойников и воров.

162. О ГОСТЯХ ИЛИ ПУТНИКАХ

Если что приключится какому-нибудь гостю или купцу или монаху и у него отымет что-либо разбойник или вор, или иная какая беда (призоидет), да идут все они к моему царскому величеству, да заплатит им мое царское величество то, что они утратили, а мое царское величество да взыскивает (потом) с кюфалий и властелей, которым был дан путь и поручена стража. И всякий гость и торговец и латинянин да приходит к первым стражам со всем, что имеет и несет (с собой), да передает его стража страже со всем (его добром). Если же случится (какая беда) и он что-нибудь утратит, да будет (ему) порота из достоверных людей; что скажет по душе с этими поротниками, сколько он потерял, столько и платят ему кюфалии и стражи.

163. О ПОРОТНИКАХ

На суде, когда судятся и тяжутся две стороны о своей тяжбе. Да не волен ответчик за то, что его обвиняет противник, говорить на своего

истца наговорные речи, (уличая его) в измене или в ином каком деле, но только да отвечает ему. Когда же окончится суд, если что имеет, после да говорит с ним (о том) перед судьями моего царского величества; (до тех пор) да не верят ему (судьи) ни в чем, что говорит, пока он не ответит ему (истцу).

164. О ПРИСТАВАХ

Пристава без судейской грамоты или без грамоты моего царского величества никуда да не ходят, но куда их посылают судьи, да пишут им грамоты, и да не берет пристав ничего иного, кроме того, о чем написано в грамоте. А судьи пусть держат (у себя) копии тех грамот, какие дали приставам, которых послали, чтобы они исполняли (судебные приговоры) по земле (царской). Если же будет донос на приставов, что они поступили иначе, чем написано в грамоте, или что они другим образом переписали грамоты, то они должны оправдаться и да явятся перед судьями, и если окажется, что они поступили так, как написано в судейской грамоте, которую (у себя) имеют, то они правы; если же окажется, что они переиначили судебный приговор, то отсечь им руки и вырезать язык.

165. О СУДЬЯХ

Все судьи, что судят, да записывают судебные решения и да хранят при себе записи, а другой список переписавши дают тому, который оправдался на суде. Судьи да посылают приставов добрых, справедливых и достойных веры.

167. О МОШЕННИЧЕСТВЕ

Если окажется какой-либо мошенник и ищет с кого-либо обманом, ложью и клеветою, таковой да будет наказан, как вор и разбойник.

168. О ПЬЯНИЦЕ

Пьяница, откуда идет и схватит кого-либо или ударит или окровавит, а не до смерти, таковому пьянице да будет вырван глаз и отсечена рука; если же пьяный задерет кого или капоуч¹ сбросит или нанесет другое оскорбление, а не окровавит, то дать ему 100 палок и кинуть в темницу и по выводе из темницы бить его (палками) и отпустить.

169. О ТЯЖУЩИХСЯ

Тяжущиеся, которые придут на суд моего царского величества, что скажут вначале, тем речам и верить, и по тем речам и судить, а последним (не верить) ни в чем.

173. О ЗАКОНЕ

Еще повелевает мое царское величество. Если пишет грамоту мое царское величество или по злобе на кого-либо, или по любви, или по милости, и эта грамота отменяет Законник не по правде и не по закону, как пишет Законник, то судьи да не верят такой грамоте, но да судят и вершат (дело), как (следует) по правде.

174. О СУДЬЯХ

Все судьи пусть судят по Законнику, справедливо, как написано в Законнике, и да не судят по страху моего царского величества.

177. О СУДЬЯХ

О судье, который находится при дворе моего царского величества. Если совершится преступление (при дворе), пусть судится им; если же случайно явятся тяжущиеся ко двору моего царского величества, да рассудит их придворный судья, но никто да не вызывается на двор моего царского величества помимо окружных судей, которых поставило мое царское величество, но да идет всякий к своему (окружному) судье.

178. О ГОРОДАХ

Все города по земле моего царства да руководствуются во всем законами, какие были при первых царях; а по судебным делам, что имеют между собою, да судятся перед городскими владальцами и перед церковным клиром; а кто из жителей жупы ищет с горожанина, да учинит с ним тяжбу перед городским владальцем и перед церковью и перед клиром по закону.

180. О СУДЕЙСКОЙ ГРАМОТЕ

Если судьи куда-либо посылают приставов и свои грамоты, и если кто ослушается и прогонит пристава, то судьи да пишут грамоту кюфалиям и властелям: в чьей области будут такие ослушники, да исполняют эти власти то, что пишут судьи; если же эти власти не исполняют, то да наказываются они, как ослушники.

181. О СУДЬЯХ

Судьи да ходят по землям, где у кого свой округ, и да надзирают и защищают убогих и нищих.

182. О ЗАХВАТЕ (ЧУЖОЙ ВЕЩИ)

Если кто получит какую-либо чужую вещь, захваченную или украденную (поличное) или взятую силой, каждый в таком случае да идет на свод; если же кто купил (вещь) где-либо, или в земле моего царского величества или в иной (не моей) земле моего царства, да ходит всегда на свод по такому случаю; если же не пойдет на свод, то платит по закону.

183. О ТЯЖУЩЕМСЯ ПЕРЕД ЦАРЕМ

Повелевает мое царское величество судьям. Если окажется большое дело, а судьи не в состоянии будут (сами) его рассудить и разрешить по его важности, то один из судей с обоими тяжущимися да предстанет перед моим царским величеством. И как будут судить кого-либо судьи, да записывают всякое дело, дабы не было обмана; и да творится (все) по закону моего царства.

184. О НЕ ДОЛЖЕНСТВУЮЩЕМ БЫТЬ ВЫЗОВЕ

Кто (живет) в каком судебном округе, то не волен (никто) призывать (другого на суд) ко двору моего царского величества или куда-либо в другое место, но пусть идет всякий к своему судье, в чьем живет округе, дабы рассудиться по закону.

186. О КЮФАЛИЯХ

Никто из властелей и кюфалий моего царского величества, управляющих городами и торговыми, да не принимает ничего человека в темницу без грамоты моего царского величества; если же кто кого принимает без повеления моего царского величества, да платит моему царскому величеству 500 перперов.

ДОПОЛНЕНИЯ ИЗ РАКОВЕЦКОЙ РУКОПИСИ

182. Если найдется золотых дел мастер, чеканящий монету в городе без царской воли, да будет он сожжен, а город пусть платит пеню, какую назначит царь.

СХІ. О ЖЕЛУДУХ

185. Если в жупе имеются желуди, тех желудей царю половина и тому властелину, чья земля, половина.

186. И если разбойник украдет царевых свиней, да платит округа; когда свиньи украдены, то пастух свиней судится с жупою (и да будет так), как суд приговорит.

СХІІ. О ПРАВОМ СУДЕ

188. За три вины: за измену и за убийство и за похищение властелинцы да идут перед царя.

190. Если пристав окажется виноватым, и его не оправдают присяжные, то отрезать ему язык и оба уха.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Добронравов. Общие понятия о славянах. Сербия. Черногория. Босния. Герцеговина	5
Д. Войнович. История сербского народа. История Зеты и Черногории ...	34
А.Л. Погодин. История Сербии	204
С. Дроссард. Черногория	358
Герцеговина в историческом, географическом и экономическом отношении	391
Н.Д. Димов. Исторический очерк Македонии	397
Н.Р. Овсяный. Македония	407
А.Н. Харузин. Австрийская Крайна	418
Об истории Каринтийских словенов	435
А.Л. Погодин. Хорватия	449
Л.В. Березин. Дворянство в Хорватии и Славонии	455
С.А. Шумов, А.Р. Андреев. Краткая хроника истории Сербии и Черногории. Босния, Герцеговина, Македония, Словения и Хорватия	460
Законник Стефана Душана (1349—1354 года)	478